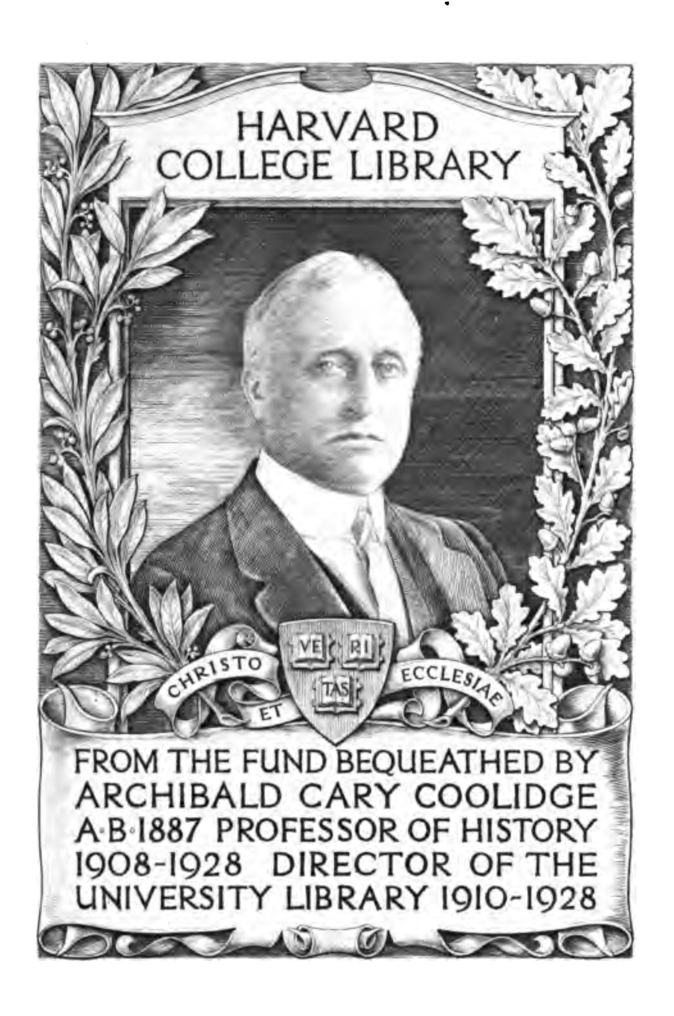

HARVARD
COLLEGE LIBRARY
CHRISTO ET ECCLESIAE
VE RI TAS
FROM THE FUND BEQUEATHED BY
ARCHIBALD CARY COOLIDGE
A·B·1887 PROFESSOR OF HISTORY
1908-1928 DIRECTOR OF THE
UNIVERSITY LIBRARY 1910-1928

ЗАПИСКИ,
МНѢНІЯ И ПЕРЕПИСКА
АДМИРАЛА
А. С. ШИШКОВА.

Изданіе

Н. КИСЕЛЕВА И Ю. САМАРИНА.

2

ТОМЪ II.

Правда не боится суда. Она, обвиняемая пристрастіемъ или невѣжествомъ, тѣмъ свѣтлѣе въ очахъ благоразумныхъ людей. Предстанемъ предъ судію справедливаго, — предъ ученый свѣтъ. Убѣгать отъ суда его есть внутреннее признаніе неправоты своей.

(Записки Шишкова, т. II, стр. 42.)

BERLIN.

B. BEHR'S BUCHHANDLUNG.

(E. BOCK.)

27. UNTER DEN LINDEN.

1870.

Типографія I. С. СКРЕЙШОВСКАГО, въ Прагѣ.

(5?)

СОДЕРЖАНІЕ

ВТОРОГО ТОМА.

Подстрочныя примѣчанія, подъ звѣздочками, принадлежатъ автору „Записокъ"; остальныя, для отличія обозначенныя цифрами и напечатанныя мелкимъ шрифтомъ, составлены однимъ изъ издателей, Н. Киселевымъ.

ЗАВѢЩАНІЕ[1]).

Благонравный читатель! Если когда либо достанутся тебѣ сіи *домашнія мои записки,* собственною рукою моею писанныя, прошу тебя сохранять ихъ при себѣ, или предать огню, хотя и не заслуживаютъ онѣ осужденія быть погребенными во мракѣ таинства; ибо нѣтъ въ нихъ ничего противнаго истинѣ и благонравію. Но какъ я писалъ ихъ не для свѣта, а собственно для себя, или для весьма немногаго числа моихъ пріятелей, то желаю, чтобъ и послѣ меня судьба ихъ была тажъ самая. Когда ты найдешь въ нихъ что-нибудь любопытное, имѣй ихъ у себя; когда же нѣтъ, то послушайся меня, — не дай имъ скитаться по рукамъ, брось въ печку: ты меня тѣмъ одолжишь.

БЫЛЬ ДОСТОЙНАЯ НѢКОТОРАГО ЛЮБОПЫТСТВА.

Нѣкогда вздумалось мнѣ собирать и толковать не всѣмъ вообще извѣстныя слова, часто весьма сильныя и для высокаго слога необходимо нужныя, но забытыя, или незнаемыя, по причинѣ малаго употребленія оныхъ въ просторѣчіи. Я для опыта составилъ изъ нихъ нѣкоторый малый словарикъ, и окончa двѣ первыя буквы отъ слова *абіе* до слова *былина* (см. первую книжку Академическихъ Извѣстій[2]), прочиталъ ихъ въ Россійской Академіи,

---

[1]) Эта часть рукописей Шишкова озаглавлена „Домашнія мои Записки"; начаты онѣ, какъ значится на первой страницѣ первой изъ 8-ми книжекъ, въ 1818 году. 6-ая (за исключеніемъ „Мнѣнія по дѣлу о крестьянахъ княгини Трубецкой"), 7-ая и 8-ая книжки здѣсь не печатаются, такъ какъ содержаніе ихъ ничто иное какъ первоначальная редакція записокъ 1812 и 1813 г. г., уже знакомыхъ читателю изъ перваго отдѣла перваго тома.

[2]) „Опытъ славенскаго словаря, или объясненіе силы и знаменованія коренныхъ и производныхъ Русскихъ словъ, по недовольному истолкованію оныхъ мало

которая, одобря мое намѣреніе, предложила мнѣ, чтобъ сіи собранныя и объясненныя мною слова помѣстить въ третьей части печатавшейся тогда книги подъ названіемъ: Сочиненія и Переводы, издаваемые Россійскою Академіею [1]). Я на то согласился, равно какъ и на сдѣланное при издаваніи сей книги постановленіе, чтобъ во время печатанія тискать напередъ нѣсколько листовъ и раздавать ихъ членамъ, — не сдѣлаетъ-ли кто какихъ либо примѣчаній, для поправленія могущихъ случиться погрѣшностей въ слогѣ или въ мысляхъ. Вскорѣ послѣ того присланъ былъ ко мнѣ листокъ моего Словаря, въ которомъ, не знаю кѣмъ, многія рѣчи и объясненія мои индѣ просто были вымараны, а индѣ намѣсто ихъ написаны другія съ нѣкоторыми примѣчаніями*). Прочитавъ какъ сіи перемѣны, такъ и примѣчанія, поѣхалъ я въ Академію съ объясненіемъ, что я благодарю неизвѣстную особу за сдѣланныя въ Словарѣ моемъ поправки, но принять оныхъ не могу, и для того прошу Словарь мой такъ печатать, какъ у меня написано. Тогда президентъ Академіи, Андрей Андреевичъ Нартовъ, объявилъ мнѣ, что поправки и примѣчанія сіи сдѣланы членомъ Синода и Россійской Академіи,

---

*) Мы ниже сего, въ отвѣтахъ моихъ, увидимъ въ чемъ состояли сіи примѣчанія. послѣ прибавленныя и распространенныя. Перемѣны же или мнимыя поправки были слѣдующія: 1-ая. Подъ словомъ богатѣть у меня сказано: „примѣтимъ какъ многозначительно выраженіе: богатѣть въ Бога! то есть всегдашними о немъ помышленіями отчасу болѣе наполнять душу свою любовію къ нему, и проч..“ Поправляющій меня хотѣлъ, чтобъ я вмѣсто сего поставилъ: „предметомъ обогащенія своего имѣть Бога и исполненіе его воли.“ Я не могъ принять сей поправки первое, потому что рѣчь сія не объясняетъ мысли, заключающейся въ выраженіи богатѣть въ Бога; ибо имѣть предметомъ обогащенія не значитъ еще богатѣть, дѣлаться богатымъ; второе, потому что имѣть предметомъ обогащенія есть оборотъ, почерпнутый изъ чужихъ языковъ и нашему не весьма свойственный. Мы можемъ таковые обороты находить въ романахъ и журналахъ, но никогда не найдемъ ихъ въ священныхъ писаніяхъ. 2-ая. Подъ словомъ богомужный, слѣдующее мое опредѣленіе: „во образѣ мужа божеское подобіе имѣющій,“ было вымарано и вмѣсто онаго поставлено одно слово: богочеловѣческій. Я не исчисляю другихъ поправокъ, ибо по симъ двумъ можно уже и о всѣхъ прочихъ достаточное имѣть понятіе.

извѣстныхъ и потому мало употребительныхъ“ (Извѣстія Россійской Академіи, книжка первая, стр. 37—92). Продолженіе Опыта Словаря находится въ книжкахъ: 2-й (1816 г., стр. 33—87), 3-й (1817 г., стр. 62—88), 4-й (1817 г., стр. 66—112) и 7-ой (1819 г., стр. 51—112).

[1]) Съ 1805 по 1813 годъ, вышло шесть частей этого изданія; третья часть напечатана въ 1808 году.

тверскимъ архіепископомъ Меѳодіемъ [1]). На сіе отвѣчалъ я, что прошу впредь моихъ листковъ къ нему не посылать; ибо я съ благодарностію пріемлю учтивые совѣты, но херить и марать сочиненій моихъ никому не позволяю. Впрочемъ если его преосвященство не хочетъ отъ примѣчаній своихъ отступить и пожелаетъ ихъ сдѣлать гласными, то пусть потребуетъ отъ Академіи, чтобъ оныя при концѣ Словаря моего были напечатаны: тогда и я припечатаю мои объясненія, для чего я оныхъ принять не могъ. Послѣ сего, по пріѣздѣ моемъ въ другое засѣданіе въ Академію, сказано мнѣ было, что тотъ же самый тверскій архіепископъ Меѳодій требуетъ, что словарь мой, яко заключающій въ себѣ многія выписки изъ священнаго писанія, долженъ для разсмотрѣнія быть отданъ въ духовную цензуру. На сіе отвѣчалъ я господину президенту, что это больше касается до Академіи, нежели до меня. Академія (продолжалъ я) имѣетъ право, данное ей отъ правительства, издавать книги свои по собственному своему разсмотрѣнію, безъ всякой другой цензуры; никто, кромѣ верховной власти, не можетъ отнять у ней сего права; а потому требованіе его преосвященства есть самопроизвольное и несправедливое. Но какъ дѣло идетъ о моемъ сочиненіи, о которомъ я весьма увѣренъ, что нѣтъ въ немъ ничего противнаго цензурнымъ постановленіямъ, то я съ моей стороны ни отъ какова суда и разсматриванія не отрицаюсь.

Чрезъ нѣсколько потомъ времени вышла третья часть академическихъ „*Сочиненій и переводовъ*" *). Я получа сію книгу

*) Должно увѣдомить читателя и о сихъ академическихъ „сочиненіяхъ"; но для сего надлежитъ нѣсколько подняться къ прежнимъ временамъ. Когда

[1]) Мірское имя его — Михаилъ Алексѣевичъ Смирновъ. Меѳодій пользовался всеобщимъ уваженіемъ какъ за свою глубокую ученость, блестящія административныя способности и высокое благочестіе, такъ и за скромность, составлявшую отличительную черту его характера, и стараніе удаляться отъ всякаго рода интригъ. Прежде чѣмъ быть тверскимъ архіепископомъ, онъ управлялъ епархіей воронежской; потомъ былъ переведенъ въ Тулу, гдѣ устройство новой епархіи дало ему случай показать себя замѣчательно искуснымъ администраторомъ. Въ концѣ 1803 года, переименованный въ архіепископы тверскіе, онъ былъ вызванъ для присутствованія въ синодѣ, гдѣ помогъ оберъ-прокурору кн. Голицыну водворить порядокъ въ дѣлахъ духовнаго управленія. Въ послѣдствіи Меѳодій былъ архіепископомъ псковскимъ (См. статью П. Мельникова, въ Русскомъ Вѣстникѣ 1868 г., кн. 4, подъ заглавіемъ „Изъ прошлаго," составленную большею частію на основаніи отзывовъ и свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ рукописныхъ Записокъ оберъ-прокурора Яковлева). Неудовольствія Шишкова противъ Меѳодія не такого рода, чтобы могли поколебать вѣру въ достоинства, которыя приписываетъ скромному, но суровому и угловатому архіепископу авторъ упомянутой статьи.

увидѣлъ, что Словарь мой, то есть первыя буквы онаго, уже оконченныя печатаніемъ, остановлены и потомъ исключены изъ книги. Удивленный и огорченный симъ поступкомъ ожидалъ я, что Академія по крайней мѣрѣ дастъ мнѣ знать, почему она съ сочиненіемъ моимъ, выпрося сама у меня оное, толь страннымъ образомъ поступила; но не могъ сего дождаться.

Россійская Академія возъимѣла свое существованіе [1]), она приступила тотчасъ къ сочиненію словаря, яко первоначальному основанію языка. Важный и полезный трудъ сей, съ довольнымъ для начала совершенствомъ, окончанъ былъ въ теченіе немногихъ лѣтъ [2]). И такъ первый подвигъ Академіи былъ знаменитъ; но продолженіе не соотвѣтствовало сему быстрому началу. Съ того времени въ пользу россійской словесности не появились никакіе отличные труды Академіи. Между тѣмъ языкъ неискусными сочинителями и переводчиками примѣтнымъ образомъ началъ портиться. Молчаніе Академіи подало поводъ молодымъ, неопытнымъ писателямъ возмечтать себя установителями и законодателями новаго языка, котораго изящество и красота, по мнѣнію ихъ, долженствуетъ состоять въ томъ, чтобъ отвергая всѣ издревлѣ употребительныя слова и выраженія, наполнять новыя писанія свои словами и оборотами, почерпнутыми или изъ слова въ слово взятыми съ иностранныхъ языковъ, а болѣе всего съ французскаго. Богатство и плавность употребляемаго нынѣ нарѣчія вздумали они основать на истребленіи славенскаго языка, не разсуждая о томъ, что таковое безразсудное мнѣніе похоже на то, какъ бы кто для сдѣланія потока многоводнымъ восхотѣлъ заграждать источники онаго. Отсюду важность и достоинство слова начали исчезать, языкъ Ломоносова сталъ поставляться въ примѣръ ветхости, и на мѣсто онаго появилось новое,

---

[1]) Первое торжественное засѣданіе Россійской Академіи происходило, подъ предсѣдательствомъ княг. Ек. Ром. Дашковой, 21 октября 1783 г.. Составъ новоучрежденной академіи былъ слѣдующій: митрополитъ новгородскій и с. петербургскій Гавріилъ, архіепископъ псковской и рижскій Иннокентій, протоіерей Іоаннъ Іоанновичъ Панѳиловъ (духовникъ императрицы), Ив. Ив. Шуваловъ, Адамъ Вас. Олсуфьевъ, оберъ-гофмейстеръ Ив. Перф. Елагинъ, адмиралъ Ив. Логин. Голенищевъ-Кутузовъ, гр. Александръ Серг. Строгоновъ, президентъ медицинской коллегіи Алексѣй Андр. Ржевскій, ген. м. Александръ Андр. Безбородко, ген. м. Петръ Александр. Соймоновъ, д. с. с. Петръ Вас. Бакунинъ, кураторъ московскаго университета Мих. Матв. Херасковъ, бригадиръ Петръ Ив. Турчаниновъ, ст. сов. Александръ Вас. Храповицкій, Ден. Ив. Фонъ-Визинъ, членъ конторы строеній Исакіевской церкви Никол. Вас. Леонтьевъ, Гавр. Ром. Державинъ, проф. краснорѣчія въ моск. унив. Антонъ Алексѣевичъ Барсовъ, совѣтникъ главнаго правленія почтовыхъ дѣлъ Никол. Александровичъ Львовъ, кол. сов. Вас. Андр. Ушаковъ, кол. сов. Осипъ Петровичъ Козодавлевъ, проф. астрономіи въ акад. наукъ Степ. Яков. Румовскій, проф. натуральной исторіи въ акад. наукъ Ив. Ив. Лепехинъ, проф. математики въ акад. наукъ Сем. Кирил. Котельниковъ, проф. анатоміи въ акад. наукъ Алексѣй Протасьевичъ Протасовъ, кол. ас. Сем. Никол. Щепотьевъ, кол. ас. Як. Бор. Княжнинъ, проф. правъ въ моск. унив. Сем. Ефим. Десницкій и докторъ медицины Никол. Як. Озерецковскій.

[2]) Шесть томовъ „Словаря Россійской Академіи“ изданы въ 1789—1794 г.г.,

Наконецъ, пропустя не мало времени, поѣхалъ я самъ въ Академію спросить о причинѣ. Когда я вошелъ въ собраніе, оно по обыкновенному занималось чтеніемъ издающагося вновь Академическаго словаря. Я ожидалъ конца сему чтенію, дабы начать мои жалобы; но какъ скоро послѣднее слово листка прочтено

смѣшанное изъ высокаго съ низкимъ, испещренное чужеязычными оборотами, безобразное и часто невразумительное нарѣчіе. Сенеки искажали латинскій языкъ, но Квинтиліяны его поправляли. Наши Сенеки могли говорить и писать что хотѣли, никто имъ не противурѣчилъ. Слѣды языка и духа чудовищной французской революціи, доселѣ намъ неизвѣстные, мало по малу, но прибавляя отчасу скорость и успѣхи свои, начали появляться и въ нашихъ книгахъ. Презрѣніе къ вѣрѣ стало оказываться въ презрѣніи къ языку славенскому. Здравое понятіе о словесности и краснорѣчіи превратилось въ легкомысленное и ложное: сила души, высота мыслей, приличіе словъ, чистота нравственности, основательность и зрѣлость разсудка. — все сіе приносилось въ жертву какой-то легкости слога, не требующей ни ума, ни знаній. Сколь ни странны были таковыя правила, во всѣхъ вѣкахъ и народахъ всѣми истинно учеными и благомыслящими людьми опровергаемыя, однакожъ оныя подъ разными соблазнительными видами во многіе неопытные умы вкрались и укоренились; ибо ничего нѣтъ приманчивѣе, какъ думать, что можно быть писателемъ и знатокомъ въ словесности безъ всякаго иного труда, кромѣ обыкновеннаго обращенія въ обществахъ и прочтенія нѣсколькихъ романовъ или мелкихъ стихотвореній. По несчастію нѣкоторые люди съ талантами подали таковыми умствованіями примѣръ безталантнымъ къ подражанію имъ и къ размноженію малыхъ погрѣшностей ихъ въ величайшія. Видя таковое словесности нашей паденіе, и почитая за нѣкоторое опущеніе обязанностей русскаго человѣка, терпѣть зло и не обращать всѣхъ своихъ силъ къ воспященію онаго, издалъ я книгу подъ названіемъ Разсужденія о старомъ и новомъ слогѣ[1]), въ которой по возможности старался, чрезъ сличеніе стараго языка нашего съ симъ новымъ, показать, сколь одинъ изъ нихъ прекрасенъ и богатъ мыслями, а другой напротивъ — тощъ разумомъ и безобразенъ. Но какъ говоритъ Лагарпъ: il n'a jamais fallu beaucoup d'esprit pour tromper les hommes; c'est pour les éclairer qu'on n'en a jamais assez (обманывать людей можно и съ малымъ умомъ, но просвѣщать ихъ трудно и съ большимъ), — то и сочиненіе мое было ничто иное, какъ малая капля воды къ потушенію пожара. Однакожъ не ослабѣвая въ ревности и усердіи, согласились мы трое, а именно: Гаврило Романовичъ Державинъ, Александръ Семеновичъ Хвостовъ, и я, — настоять въ Академіи, чтобъ начать отъ лица ея издавать такого рода книгу, которая бы особенно посвящена была языку и словесности. Таковое изданіе казалось по двумъ причинамъ необходимо нужно: во первыхъ, настоящій долгъ Академіи есть разсуждать и толковать о свойствахъ и красотахъ русскаго языка, дабы молодые люди, ищущіе подкрѣпить природныя дарованія свои основательными въ языкѣ познаніями, имѣли достаточныя къ тому руководства. Во вторыхъ, ея же долгъ охранять языкъ и оговаривать тѣ нововводимыя въ него погрѣшности, которыя нечув-

[1]) С. П. Б.. 1803 г..

было, президентъ тотчасъ всталъ и началъ показывать присланный недавно изъ Москвы портретъ и сочиненія покойнаго Михайлы Матвѣевича Хераскова[6]). Всѣ члены встали и занялись разсматриваніемъ оныхъ. Такимъ образомъ видя, что засѣданіе окан-

ствительно вкрадываясь могутъ искажать оный и потрясать коренныя его основанія; ибо худой писатель, но неуклоняющійся отъ свойствъ языка своего, не столько вреденъ какъ тотъ, который хотя и имѣетъ нѣкоторыя дарованія, но подстрекаемый самолюбіемъ возносится выше свѣденій своихъ, и прежде нежели познаетъ законы изобрѣтенія, начнетъ изобрѣтать и законодательствовать. Сіи писатели тѣмъ опаснѣе, что всякая новость приманчива и до тѣхъ поръ нравится намъ покуда лучи разсудка, часто весьма поздо возсіявающіе, не освѣтятъ ея нелѣпости. По таковымъ представленіямъ, Академія напослѣдокъ рѣшилась, и книга сія возымѣла свое начало. Для издаванія оной избрано было сообщество, къ которому сверхъ троихъ насъ вышеупомянутыхъ, причислены были еще: Петръ Матвѣичъ Карабановъ[1]), Иванъ Афанасьевичъ Дмитревскій[2]), и непремѣнный секретарь Академіи Петръ Ивановичъ Соколовъ[3]). Сіе отдѣленное сообщество членовъ избрано было по той причинѣ, что академическія засѣданія бываютъ токмо по одному разу въ недѣлю и продолжаются не болѣе двухъ часовъ, во время которыхъ Академія занимается слушаніемъ чтенія печатающагося вновь словаря; ибо она прежній словарь, расположенный по словопроизводству[4]) превращаетъ въ новый, который расположенъ будетъ по азбучному порядку словъ[5]). И такъ въ толь малое оста-

[1]) Сочинитель многихъ одъ и стихотвореній на разные случаи.

[2]) Настоящее фамильное имя знаменитаго нашего актера — Нарыковъ, изъ патріаршихъ дворянъ. Именоваться Дмитревскимъ приказала ему императрица Елисавета, пораженная сходствомъ молодого ярославца съ кавалеромъ польскаго посольства графомъ Дмитревскимъ. Иванъ Афанасьевичъ перевелъ и передѣлалъ нѣсколько трагедій, оперъ и комедій, сочинилъ оперу „Танюша" (музыку для нея написалъ основатель русскаго театра Ѳ. Г. Волковъ, такъ что „Танюша" есть первая оригинальная русская опера) и другія піесы, написалъ похвальное слово Сумарокову, нѣсколько мелкихъ стихотвореній и исторію русскаго театра, къ сожалѣнію утраченную, и былъ первымъ устроителемъ театральнаго училища (См. въ Русскомъ Вѣстникѣ 1869 г., кн. 6, статью г. Родиславскаго, „Ѳ. Г. Волковъ," стр. 556, 557 и 571).

[3]) Сотрудникъ академіи въ составленіи Словаря и изданіи Грамматики; онъ написалъ Начальныя основанія Россійской Грамматики, учебникъ Россійской Грамматики; перевелъ и издалъ много полезныхъ книгъ и составилъ „Общій Церковно-Славяно-Россійскій Словарь."

[4]) Надъ составленіемъ производнаго Словаря трудились: кн. Дашкова, митроп. Гавріилъ, И. И. Шуваловъ, Козодавлевъ, Фонъ-Визинъ, Княжнинъ, Державинъ, Богдановичъ, Лепехинъ, Румовскій и Озерецковскій; сама императрица написала дополнительныя замѣчанія къ словамъ, собраннымъ на букву А (Исторія Русской Словесности, А. Галахова, т. I, стр. 537).

[5]) Словарь этотъ печатался съ 1806 по 1822 годъ.

[6]) Херасковъ умеръ 27 сентября 1807 г., на 74-мъ году отъ рожденія. Второе изданіе его сочиненій, въ 12-ти частяхъ, начато въ томъ-же году и окончено въ 1812.

чивается, и не желая вопроса моего откладывать до другого времени, подошелъ я къ господину президенту и сказалъ ему: — „Позвольте мнѣ спросить, по какой причинѣ Опытъ словаря

ющееся Академіи время, неудобно и даже невозможно ей входить въ подробное разсматриваніе сочиненій, долженствующихъ помѣщаться въ ея изданіяхъ. Сего ради положено было, чтобъ всѣ присылаемыя въ Академію отъ членовъ ея и постороннихъ особъ сочиненія, по прочтеніи въ ней оныхъ, отсылаемы были въ вышепомянутое отдѣленное сообщество, съ тѣмъ, дабы оно со всякою строгостію вновь ихъ разсмотрѣло, и тѣ, которыя найдутся достойными и для словесности полезными, помѣщало одно за другимъ въ академическія изданія. На таковомъ основаніи книга сія начала печататься, и первая часть оной соотвѣтствовала точно сему намѣренію; но при составленіи второй, особливо же третьей части, стали встрѣчаться препятствія, которыя удобны были простудить всякую охоту трудиться надъ продолженіемъ оной. Первое, каждый набранный листокъ, прежде нежели отдастся къ отпечатанію, долженъ былъ сообщенъ быть каждому члену Академіи, для сдѣланія на немъ своихъ примѣчаній. Сіе распоряженіе, съ начала казавшееся полезнымъ, обратилось больше во вредъ, нежели въ пользу; ибо печатающееся чье либо сочиненіе неоднократно прочтено уже было, какъ самой Академіею, такъ и избраннымъ отъ нея сообществомъ въ особенныхъ собраніяхъ своихъ. И такъ другимъ членамъ не оставалось и не слѣдовало ничего за ними повѣрять. Но какъ у всякаго есть охота находить въ другомъ погрѣшности, а особливо когда при умолчаніи имени своего знаетъ, что не потребуется отъ него ни отчета, ни доказательствъ, то и выходили изъ сего часто одни только пустые и безполезные споры. Напримѣръ на нѣкоторыя мѣста изъ сочиненій моихъ сдѣланы были примѣчанія и поправки, которыхъ я по неосновательности оныхъ принять не могъ. Примѣчатель огорчался тѣмъ; а я по неволѣ долженъ былъ его огорчать; ибо невозможно всякому угодить и подъ своимъ именемъ печатать выраженія или мысли другого, съ которыми я не согласенъ. Предложеніе же мое, чтобъ сдѣланныя на меня примѣчанія и мои на оныя опроверженія печатать и предавать на судъ читателямъ, не было ни разу принято. Такимъ образомъ вмѣсто ожидаемой отъ сего постановленія пользы выходили однѣ токмо неудовольствія и превеликая медленность въ печатаніи книги, которой въ цѣлый годъ едва одна часть издаваться могла. — Второе и главнѣйшее препятствіе состояло въ томъ, что избранное и трудящееся надъ изданіемъ сей книги сообщество вскорѣ, вмѣсто полномочнаго распорядителя помѣщаемыхъ въ ней статей, сдѣлалось простымъ исполнителемъ приказаній ни малѣйшими трудами не участвовавшаго въ томъ президента Академіи; ибо онъ началъ всѣ присылаемыя въ Академію всякаго рода сочиненія, не спрашивая о томъ мнѣнія избраннаго сообщества, назначать для печатанія въ академическихъ изданіяхъ. Слѣдовательно послѣ сего избранному сообществу не оставалось ничего дѣлать, какъ только сіи присылаемыя къ нему изъ Академіи, или паче отъ президента оной, сочиненія отсылать, не читая и не разсматривая, обратно въ Академію; ибо какая нужда заниматься ему такими статьями, которыя назначены уже для напечатанія, и которыхъ выборъ не отъ него зависитъ? Могло ли оно подъ своимъ надзоромъ издавать иногда то, что по его мнѣнію не имѣло достоинства быть помѣщено въ издаваемыхъ отъ Академіи сочиненіяхъ, или не соотвѣтствовало намѣренію сей книги, но

моего остановленъ и выключенъ изъ академическихъ изданій?“ — Президентъ, какъ бы испугавшись сего вопроса, отвѣчалъ мнѣ съ торопливостію: — „Что вы у меня спрашиваете? — Вы можете узнать это отъ секретаря; теперь засѣданіе уже кончилось.“ — Удивясь толь странному отвѣту, хотѣлъ я еще нѣчто сказать, но онъ, не слушая меня, схватилъ свою шляпу и ушелъ поспѣшно изъ собранія. Тогда объявилъ я секретарю и нѣкоторымъ остававшимся еще членамъ, что я письменно буду просить Академію о томъ, чтобъ она извѣстила меня о причинахъ таковаго со мною поступка. Вскорѣ послѣ сего получилъ я слѣдующія изъ Академіи бумаги:

ПИСЬМО КО МНѢ ОТЪ НЕПРЕМѢННАГО СЕКРЕТАРЯ АКАДЕМІИ:

Милостивый Государь,

Александръ Семеновичъ,

Россійская Академія, въ бывшее 5-го числа сего іюня собраніе, препоручила мнѣ, по желанію вашему, доставить къ вашему превосходительству:

1-е. Списокъ съ доставленной отъ васъ въ Академію рукописи сочиненнаго вами Славенскаго словаря, заключающаго въ себѣ объясненіе силы и знаменованія нѣкоторыхъ коренныхъ и производныхъ словъ, съ буквъ *А* и *Б* начинающихся по слово *былина*.

2-е. Списокъ съ примѣчаній на Опытъ сего словаря, сдѣланныхъ преосвященными митрополитомъ новгородскимъ Амвросіемъ [1] и

принималось и помѣщалось потому только, что президентъ не имѣлъ твердости отказать просившему его о томъ. Все сіе было причиною, что избранное сообщество, при всей своей ревности, напослѣдокъ отступилось отъ сихъ академическихъ изданій, и предоставило начатое имъ продолжать всякому, кто какъ хочетъ.

[1]) Ниже Шишковъ говоритъ, что митрополитъ Амвросій подписалъ „Примѣчанія“ единственно по просьбѣ архіепископа Меѳодія, оскорбившаго уже автора „Опыта Словаря“ безцеремонностью своихъ замѣчаній на самой рукописи, и потому вѣроятно не желавшаго нести еще отвѣтственность за прибавленныя и распространенныя примѣчанія, которыя сообщилъ въ академію правительствующій синодъ. Шишковъ поэтому въ „отвѣтахъ“ своихъ имѣлъ преимущественно въ виду епископа Ѳеофилакта, который сочинилъ эти примѣчанія и слыветъ человѣкомъ умнымъ и ученымъ (см. ниже). — Первоприсутствующій въ синодѣ митрополитъ Амвросій (Подобѣдовъ), по отзывамъ современниковъ (см. статью П. Мельникова, „Изъ прошлаго,“ стр. 455), „не отличался ни особеннымъ умомъ, ни особливымъ образованіемъ, но имѣлъ доброе сердце, былъ легкомысленъ и откровененъ до болтливости.“ Своимъ возвышеніемъ онъ обязанъ случайному обстоятельству: сказанная, по приказу начальства, неизвѣстнымъ іеромонахомъ

епископомъ калужскимъ Феофилактомъ [1]), и сообщенныхъ отъ правительствующаго Синода въ Академію, 20 числа апрѣля сего 1808 года; и

3-е. Увѣдомить ваше превосходительство, что Академія, по причинамъ въ помянутыхъ примѣчаніяхъ изъясненнымъ, отъ печатанія помянутаго Славенскаго словаря въ издаваемыхъ ею періодическихъ Сочиненіяхъ и переводахъ удержалась.

Исполняя сіе возложенное на меня отъ Академіи порученіе, съ должнымъ къ особѣ вашей высокопочитаніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть навсегда,

милостивый государь,
вашего превосходительства
покорнѣйшимъ слугою.
(На подлинномъ подписано:) Петръ Соколовъ.

Іюня 11 дня 1808 году.
Его превосх. А. С. Шишкову.

Другая приложенная при семъ письмѣ бумага была слѣдующаго содержанія:

проповѣдь надъ гробомъ убитаго во время чумнаго возмущенія (1771) архіепископа Амвросія была представлена Екатеринѣ какъ гражданскій подвигъ; черезъ семь лѣтъ послѣ того, по желанію императрицы, онъ былъ посвященъ въ санъ епископа сѣвскаго, викарія московскаго, а затѣмъ назначенъ архіереемъ крутицкимъ. По упраздненіи этой каѳедры (1785), онъ переведенъ былъ въ Казань, гдѣ роскошною жизнію, пышностью въ богослуженіи и свѣтскостью въ обращеніи онъ расположилъ къ себѣ все мѣстное дворянство; въ 1795 г. его вызвали въ Петербургъ, для присутствованія въ синодѣ. Онъ съумѣлъ понравиться и новому государю, явившись во дворецъ, для служенія панихиды надъ тѣломъ умершей императрицы, съ нашитой на бархатной рясѣ новопожалованной александровской звѣздой и съ лентой черезъ плечо. Сильный благоволеніемъ императора, онъ затѣялъ интригу противъ первоприсутствовавшаго въ синодѣ престарѣлаго Гавріила, интригу, кончившуюся, въ 1799 г., удаленіемъ послѣдняго въ Новгородъ и назначеніемъ Амвросія на его мѣсто; черезъ годъ послѣ того и новгородская епархія перешла къ Амвросію. Большого значенія въ синодѣ онъ однако не пріобрѣлъ, и, не найди онъ поддержки въ помощи и совѣтахъ іеродіакона, потомъ петербургскаго викарія Филарета (знаменитаго московскаго митрополита), Амвросій не удержался бы долго на своемъ мѣстѣ. Въ концѣ 1817 г., Амвросію, по приказанію государя, былъ переданъ совѣтъ просить объ увольненіи отъ занятій въ синодѣ; вскорѣ онъ отправился въ Новгородъ, гдѣ черезъ нѣсколько дней умеръ, не имѣя силъ перенести своего паденія.

[1]) Ѳеофилактъ (Русановъ), прежній сторонникъ митрополита Гавріила, другъ Сперанскаго, любимый собесѣдникъ А. Н. Голицына, помощникъ его въ дѣлѣ преобразованія духовныхъ училищъ и почитатель духовидца Сведенборга, игралъ первенствующую роль въ синодѣ. Онъ былъ человѣкъ образованный (свѣтски, прибавляли его противники), хорошо знавшій иностранные языки, особенно французскій (за что былъ прозванъ „французскимъ архіереемъ"), и сочувствовавшій

Копія.

ПРИМѢЧАНІЯ НА ОПЫТЪ СЛАВЕНСКАГО СЛОВАРЯ.

На оборотѣ 6-го листа, нарѣчію *аще* должны быть приданы еще два значенія: первое въ рѣчи, содержащей въ себѣ клятву, оно значитъ тоже, что на россійскомъ языкѣ предъ глаголомъ: *что не*; какъ видно сіе изъ приведеннаго самимъ же сочинителемъ Опыта сего словаря текста, гдѣ между прочимъ сказано: *аще будетъ въ лѣта сія роса и дождь;*" здѣсь *аще* равносильна *что не.* — 2-е, за *аще* когда непосредственно слѣдуетъ *како:* тогда значитъ оно тоже, что стоящая предъ глаголомъ отрицательная частица *не,* и въ слѣдъ за глаголомъ *ли,* что доказывается также приведеннымъ текстомъ изъ дѣяній апостольскихъ. (Дѣян. 27, 12).

На листѣ 7-мъ: *впрочемъ кажется, что вмѣсто отъ устъ словесе моего, надлежало бы сказать отъ словесе устъ моихъ;* сіе замѣчаніе надлежитъ вовсе уничтожить, и вообще смыслъ текстовъ священнаго писанія слѣдуетъ выводить, справляясь не съ новѣйшими европейскими, но съ латинскимъ, греческимъ, и естьли можно еврейскимъ языками.

На оборотѣ 11-го листа, о *благовѣріи* сказано, что оно отличается отъ правовѣрія разностію качествъ, а правовѣріе разностію родовъ вѣры, и что правовѣріе не отдѣляетъ наружнаго послѣдованія вѣрѣ отъ внутренняго, второежъ (т. е. благовѣріе) отдѣляетъ. Здѣсь усматриваются двѣ погрѣшности: 1-я доказывается тамъ же помѣщенными, самому автору противурѣчащими словами, что *правовѣрный право вѣритъ, благовѣрный же и поступаетъ благо.* 2-я, — чрезъ правовѣріе надобно разумѣть не отличеніе разныхъ родовъ вѣры, а принятіе догматовъ согласныхъ съ сущностію слова Божія; благовѣріе жъ предполагаетъ не токмо принятіе сихъ догматовъ, но и исполненіе христіянскихъ обязанностей. Правовѣріе относится къ уму, а благовѣріе вмѣстѣ къ уму и сердцу; такъ что практическій христіянинъ въ одно и тоже время можетъ назваться и правовѣрнымъ и благовѣрнымъ. Исключительно государей именуютъ благовѣрными по *превосходству.*

реформамъ и новизнамъ новаго царствованія. Въ 1810 году, по поводу вызова въ Петербургъ профессора Фесслера, которому онъ оказался противникомъ, Ѳеофилактъ потерялъ дружбу Сперанскаго и расположеніе Голицына: въ 1813 году, онъ былъ уволенъ въ Рязанскую епархію, управленіе которой ему ввѣрено было еще въ 1809 г. („Изъ прошлаго," П. Мельникова).

На оборотѣ 12-го листа, слову *благодатный* значеніе *прекраснаго* излишне присвоено, ежели подъ онымъ разумѣть тѣлесную красоту. Не будучи прекраснымъ можно быть пріятну, и съ красотою сдѣлаться отвратительнымъ и даже ненавистнымъ. А между тѣмъ не упомянутъ употребительнѣйшій смыслъ онаго въ св. писаніи: *радуйся благодатная господь съ тобою* (Лук. 1, 28). Въ семъ архангела привѣтствіи и другихъ многихъ мѣстахъ, рѣченіе *благодатный* не значитъ любезенъ, милъ, прекрасенъ, но исполненный даровъ духа Божія.

На 13-мъ листѣ: *кая вамъ благодать есть*, изъяснено: *какая вамъ изъ того польза?* — Таковое изъясненіе погрѣшительно по двумъ причинамъ: 1-е. Никто не можетъ сказать, чтобъ не было намъ пользы любить любящихъ насъ. 2-е. Подъ словомъ *благодать* надобно разумѣть даръ Божій или духовный плодъ вѣры, отличающій новаго отъ ветхаго человѣка. Язычники любили только любящихъ ихъ, а для христіянина сего недовольно: онъ обязанъ любить равно и любящихъ и ненавидящихъ его.

На томъ же листѣ сказано, что слово *благодать* въ новѣйшемъ слогѣ мало нынѣ употребляется: у христіянъ подъ симъ словомъ разумѣется таинственное вліяніе Божіе на мысли, чувствія и дѣла вѣрующихъ. Въ свѣтскихъ матеріяхъ оно никогда не должно быть употребляемо; а богословы, проповѣдники и вообще всѣ нравоучители церковные изъясняются онымъ по приличію и по надобности.

На листѣ 17-мъ, *благостыни* значеніе выводится изъ вопроса *Пафнутьича*[1]) весьма неосновательно. Невѣжды и кощуны никогда не должны имѣть голоса въ сужденіи о языкѣ, потому что или не въ сродномъ видѣ представляютъ свои мысли, или смѣшиваютъ мірское съ духовнымъ, важное съ смѣшнымъ.

На листѣ 18-мъ слову *блажить* надобно придать еще другое значеніе въ важномъ смыслѣ, такоежъ, какое имѣетъ слово *ублажать*: *блажимъ тя вси роди богородице дѣво*, и также: *достойно есть яко воистинну блажити тя богородицу* (на всякой службѣ при отпускѣ). Здѣсь *блажить* не значитъ ласкать, нѣжить, баловать, но ублажать.

На оборотѣ 18-го листа, слово *неблазный* пространнѣе надобно понимать. Нарицая святую Дѣву неблазною, не довольно разумѣть подъ симъ ее саму не подвластною прелестямъ порока, но надобно присовокупить, что святостію своею внушаетъ она

---

1) Одно изъ дѣйствующихъ лицъ комедіи Фонъ-Визина „Недоросль.“

другимъ то неограниченное къ себѣ почтенiе, которое удаляетъ отъ нея всякую нечистую мысль, всякiй дерзкiй взоръ порочныхъ. Слѣдовательно слово неблазный исключительно принадлежитъ единой пресвятой Дѣвѣ.

На оборотѣ 23-го листа, *брашно же насъ не поставитъ предъ Богомъ:* подъ сими словами апостолъ Павелъ разумѣетъ не качество снѣдей, но воздержанiе вообще отъ пищи идоложертвенной и всякой могущей привести братiю въ соблазнъ, что объясняется слѣдующимъ текстомъ того же самаго апостола: *ядый не ядущаго да не укоряетъ, и не ядый ядущаго да не осуждаетъ.* (Къ Рим. 14, 3).

На томъ же оборотѣ 23-го листа, глаголъ *брашнать* производится отъ существительнаго имени *брашно,* и въ подтвержденiе того чинится ссылка на слѣдующiй текстъ изъ пророка Іеремiи: *онагри сташа на каменiяхъ брашна въ себе вѣтръ яко змiеве.* На греческомъ языкѣ *брашна въ себе вѣтръ* соотвѣтствуетъ εἵλκυσαν ἄνεμον, а на латинскомъ *auram more draconum ducunt:* то и другое выраженiе однознаменательно славенскому *браша* или *вбираша* въ себе вѣтръ: буква *н* здѣсь вкралась отъ ошибки: ее не только въ другихъ изданiяхъ библiи, но и въ самомъ Острожскомъ нѣтъ. Вотъ сколь ненадежно объяснять тексты священнаго писанiя безъ справокъ съ древними языками! Съ другой стороны, когдабъ слово *брашна* и въ самомъ дѣлѣ происходило отъ глагола *брашнать* и означало здѣсь третье лице, то вмѣсто *брашна* слѣдовалобъ сказать *брашнаша* или *брашнаху,* потому что глаголы окончавающiеся на *атъ* въ третьемъ лицѣ множественнаго числа преходящаго и давно прошедшаго времени всегда имѣютъ окончанiе на *аша* или *аху,* напримѣръ внушаху, зваша, и проч. и проч..

На оборотѣ 24-го листа, о наглости и дерзости мало сказано, что въ нравственности значатъ онѣ не иное что, какъ заблужденiе, слабость, глупость. И слово *буйство* никогда не значитъ безумiе. *Невозможно мужу бую умудритися.* Здѣсь *мужъ буй* не то значитъ, что безумный, но злонравный и не желающiй исправиться. А между тѣмъ опущено истинное значенiе буйства, зримое на многихъ мѣстахъ священнаго писанiя: *буяя мiра избра Богъ, буйствомъ проповѣди спасти вѣрующихъ* (1 Кор. 1, 27). Въ сихъ и другихъ подобныхъ сему текстахъ, *буйный* и *буйство* значитъ непросвѣщеннаго по правиламъ земной мудрости, некнижнаго, или просто безграмотность, неписьменность.

Сіи примѣчанія сдѣланы только въ охраненіе священнаго писанія отъ ложныхъ толковъ; и хотя въ Опытѣ славенскаго словаря находятся еще погрѣшности, но какъ подлежатъ онѣ суду письменности (литтературы), то и умолчано о нихъ, какъ о постороннемъ дѣлѣ.

(На подлинномъ подписано:)

Амвросій митрополитъ новгородскій.

Феофилактъ епископъ калужскій.

(Копія заручена:) Съ подлиннымъ вѣрно. Секретарь Академіи Петръ Соколовъ.

Читатель легко представитъ себѣ удивленіе мое по прочтеніи сихъ примѣчаній, сочиненныхъ калужскимъ епископомъ Феофилактомъ, который слыветъ человѣкомъ умнымъ и ученымъ! Прилагаемые при семъ отвѣты мои на оныя, отосланныя при письмѣ въ Россійскую Академію, доставятъ ему полное средство разсудить между мною и двумя сословіями, изъ которыхъ одно прислало, а другое приняло сіи . . . . Читатель можетъ самъ какое хочетъ дать прилагательное симъ примѣчаніямъ.

ПИСЬМО ВЪ РОССІЙСКУЮ АКАДЕМІЮ.

Россійская Академія въ изданіяхъ своихъ начавъ печатать Опытъ славенскаго словаря моего, и по отпечатаніи уже нѣкотораго числа листовъ, вдругъ остановилась, и сіе сочиненіе мое изъ своихъ изданій исключила. На вопросъ мой: отчего поступлено со мною толь обиднымъ для меня образомъ? чрезъ непремѣннаго секретаря Академіи присланы ко мнѣ сдѣланныя на словарь мой примѣчанія съ слѣдующимъ объясненіемъ: „Академія по причи„намъ, въ упомянутыхъ примѣчаніяхъ объясненнымъ, отъ печа„танія помянутаго Славенскаго словаря въ издаваемыхъ ею пе„ріодическихъ Сочиненіяхъ и переводахъ удержалась." Не отвѣтствовалъ бы я ничего на сіи примѣчанія, естьлибъ оныя сдѣланы были на сочиненіе мое еще ненапечатанное, или бы послѣ изданія онаго въ свѣтъ; ибо въ семъ послѣднемъ случаѣ всякъ читающій меня могъ бы видѣть и самъ судить, какъ по симъ примѣчаніямъ о моемъ сочиненіи, такъ и по сочиненію моему о сихъ примѣчаніяхъ. Но какъ Словарь мой уже печатался, и всѣмъ оное извѣстно было, то таковое незапное исключеніе онаго изъ академическихъ изданій вооружаетъ противъ меня мнѣніе всѣхъ людей, могущихъ изъ того сдѣлать заключеніе, что конечно го-

ворилъ я въ немъ что-нибудь непозволенное, или служащее къ развращенію нравовъ; ибо всякъ знаетъ токмо дѣйствіе сими примѣчаніями произведенное, но въ чемъ состоятъ сіи примѣчанія, того многіе не знаютъ. Самая Академія подвергается такову же, какъ и я, предосужденію; ибо извѣстно, что она въ изданія свои вноситъ токмо такія сочиненія, которыя напередъ прочтены ею, разсмотрѣны и всѣми членами ея одобрены. Съ Словаремъ моимъ все то сдѣлано было. И такъ ежели бы онъ исполненъ былъ погрѣшностями, или противными нравственности правилами, то Академія не стала бы его печатать; когда же начала печатать оный, то слѣдственно по мнѣнію ея не было въ немъ ничего худого. Отъ сихъ справедливыхъ заключеній Академія никакимъ образомъ избѣгнуть не можетъ. Молчаніе въ такомъ случаѣ было бы признаніемъ своей вины; но весьма тяжко и прискорбно благомыслящему человѣку, чувствуя себя невиннымъ, признаться будто онъ хотѣлъ выдать въ свѣтъ недостойныя свѣта сочиненія! Всякъ доброе имя свое долженъ беречь. А потому въ защиту какъ собственную мою, такъ и всей Академіи (ибо и она, какъ выше показано, отчасти раздѣляетъ со мною сіе падающее на меня обвиненіе), поставленъ я въ необходимость принесть мое оправданіе, которое и приношу въ сихъ препровождаемыхъ мною на сдѣланныя противъ меня примѣчанія моихъ отвѣтахъ. А. Ш.

ОТВѢТЫ НА СДѢЛАННЫЯ ПРОТИВЪ МЕНЯ ПРИМѢЧАНІЯ.

Примѣчаніе 1-е.

„На оборотѣ 6-го листа, нарѣчію *аще* должны быть приданы „еще два значенія: 1-е, въ рѣчи содержащей въ себѣ клятву, оно „значитъ тоже, что на россійскомъ языкѣ предъ глаголомъ: *что* „*не,* какъ видно сіе изъ приведеннаго самимъ же сочинителемъ „Опыта сего словаря текста*), гдѣ между прочимъ сказано: *аще* „*будетъ въ лѣта сія роса и дощь.* — (*дощь* вмѣсто *дождь!*) — „Здѣсь *аще* равносильно *что не.*“

Отвѣтъ.

Слово *аще*, какъ изъ моихъ толкованій явствуетъ, не во всякой рѣчи значитъ *что не,* но иногда соотвѣтствуетъ слову *ежели.*

---

*) Мы умалчиваемъ здѣсь, какъ о постороннемъ дѣлѣ, о погрѣшностяхъ письменности (литтературы), таковыхъ, какія въ сей и во многихъ другихъ подобныхъ рѣчахъ и выраженіяхъ примѣчаются: „приведеннаго самимъ же сочинителемъ Опыта сего словаря текста.“

Возьмемъ напримѣръ сію рѣчь: *аще боишися временныя муки, вѣчныя не избѣжиши;* здѣсь вмѣсто *аще*, сохраняя всѣ прочія слова, никакимъ образомъ не можно поставить *что не;* напротивъ того весьма удобно замѣнить оное словомъ *ежели*. Въ сокращенномъ, поставленномъ въ примѣчаніи, текстѣ (*аще будетъ въ лѣта сія роса и дождь*) не видно, чтобъ слово *аще* равносильно было словамъ *что не;* но въ моемъ полномъ текстѣ (*живъ Господь Богъ силъ, Богъ Израилевъ, ему же предстою предъ нимъ, аще будетъ въ лѣта сія роса и дождь, точію отъ устъ словесе моего*), оное конечно весьма видно, какъ и объясненіе мое показываетъ: живымъ Богомъ клянусь, *что не* будетъ въ сіе время ни росы ни дождя, иначе, какъ по глаголу изъ устъ моихъ*). Чтожъ послѣ сего объясненія моего значатъ сказанныя въ примѣчаніи слова: „наречію *аще* должно быть придано еще значеніе: оно значитъ „тожъ, что на россійскомъ языкѣ предъ глаголомъ *что не?*“ — Да развѣ я не тоже говорю? Развѣ въ объясненіи моемъ не сказано: живымъ Богомъ клянусь, *что не* будетъ въ сіе время, и проч.? развѣ слово *будетъ* не есть глаголъ? развѣ отрицаніе *что не* стоитъ не передъ глаголомъ? Въ чемъ же состоитъ разность моего толкованія съ толкованіемъ, заключающимся въ примѣчаніи? Придается-ли значеніе слову, когда тожъ значеніе повторяется?**).

Примѣчаніе 2-е.

„2-е. За *аще* когда непосредственно слѣдуетъ *како*, тогда „значитъ оно тоже, что стоящая предъ глаголомъ отрицательная „частица *не*, и въ слѣдъ за глаголомъ *ли****), что доказывается „приведеннымъ текстомъ изъ дѣяній апостольскихъ.“

---

*) Словарь сей послѣ (въ 1815 году) напечатанъ въ первой книжкѣ Академическихъ Извѣстій, гдѣ читатель можетъ видѣть оставленное безъ всякой перемѣны объясненіе словъ, на которыя примѣчанія сіи были сдѣланы.

**) Можно-ли при семъ первомъ приступѣ воздержаться отъ удивленія и печали, видя людей, которые въ почтенномъ архипастырскомъ санѣ, напрягаясь желаніемъ очернить трудъ человѣка, ищущаго принесть пользу языку своему. начинаютъ съ важностію обвинять его, разсуждая слѣдующимъ образомъ: „сочинитель толкуетъ, что слово аще въ показанномъ имъ текстѣ равносильно словамъ что не; онъ ошибается; надобно прибавить къ сему еще иной смыслъ; оно значитъ что не, какъ изъ приведеннаго имъ же самимъ текста видно?“ Достойное въ важной погрѣшности обличеніе! Но мы увидимъ далѣе, что всѣ прочія обличенія сему подобны.

***) Частица ли не есть глаголъ. Примѣчатель хочетъ сказать: стоящая предъ глаголомъ отрицательная частица не, и послѣдующая за нимъ частица ли. Безъ ясности слога разумѣть трудно.

Отвѣтъ.

Въ примѣчаніяхъ къ слову *аще* прибавляются два смысла, полагаемыхъ въ моемъ Словарѣ пропущенными, и доказывается сіе изъ моихъ же въ томъ Словарѣ приведенныхъ текстовъ! Какъ же это быть можетъ? Какой здѣсь текстъ приведенъ мною? Вотъ какой: *не добру же пристанищу сущу ко озимѣнію, мнози совѣтъ даяху отвезтися оттуду, аще како возмогутъ, достигше Финикіи, озимѣти въ пристанищѣ Критстѣмъ.* Зачѣмъ я текстъ этотъ привелъ? затѣмъ, чтобъ показать въ немъ знаменованіе словъ *аще како.* Какъ же объяснилъ я сія слова? Вотъ какъ: „Здѣсь *аще како возмогутъ*, значитъ: *не могутъ-ли какимъ нибудь образомъ достигнуть,* и проч.." А что въ примѣчаніи сказано? Вотъ что: „*аще како* значитъ тоже, что стоящая предъ глаголомъ отрица-„тельная частица *не*, и въ слѣдъ за глаголомъ *ли.*" — Такъ о чемъ же дѣло? Развѣ мое объясненіе *не могутъ-ли*, не состоитъ изъ стоящей предъ глаголомъ отрицательной частицы *не*, и послѣдующей за онымъ частицы *ли?* Возраженіе сіе ничего другого не говоритъ, какъ только (нѣсколько безтолковымъ образомъ) подтверждаетъ то, что я сказалъ. Гдѣ же два смысла, раздѣленные на первый и второй, которые по мнѣнію примѣчателей къ слову *аще* прибавить надлежитъ?

Примѣчаніе 3-е.

„*Впрочемъ кажется, что вмѣсто отъ устъ словесе моего „надлежало бы сказать отъ словесе устъ моихъ**). Сіе замѣчаніе „надлежитъ вовсе уничтожить (!); и вообще смыслъ текстовъ „священнаго писанія слѣдуетъ выводить, справляясь не съ новѣй-„шими европейскими, но съ латинскимъ, греческимъ и естьли „можно еврейскимъ языками" **).

*) Рѣчь сія взята изъ моего Словаря, но пропущенъ конецъ оной, состоящій въ слѣдующихъ словахъ: „какъ сказано въ нѣмецкой библіи, nach „den Worten meines Munds; но можетъ быть въ славенскомъ переводѣ „употреблено иносказаніе, въ которомъ слову или словесѣ даны лице и „уста." Примѣчатель безъ всякаго разсмотрѣнія и опроверженія доказательствъ моихъ приказываетъ слова мои уничтожить!

**) Точно таковое же возраженіе сдѣлано мнѣ въ Вѣстникѣ Европы[1], въ которомъ сказано: „вообще тексты священнаго писанія надежнѣе повѣрять съ греческою библіею, нежели съ нѣмецкими и французскими." (См. въ Вѣстн. Евр. апрѣль 1807 г., No. 8, стран. 304, и отвѣтъ мой на оное во второй книжкѣ Академическихъ Извѣстій, подъ словомъ вѣтротлѣнный.) Сочинитель сихъ примѣчаній повидимому взялъ оное оттуда.

[1]) По поводу „Разсужденія о старомъ и новомъ слогѣ."

Отвѣтъ.

Толкованіе слова или выраженія въ текстѣ, не есть толкованіе текста. Когда я говорю, что славенскія (или лучше сказать высокія) слова: *десница, конь, око, песъ,* въ просторѣчіи значатъ: *правая рука, лошадь, глазъ, собака,* и въ доказательство тому приведу тексты изъ священнаго писанія, то отнюдь не значитъ это, что я священное писаніе или тексты онаго толкую. Всѣ словари на свѣтѣ, и нашей Россійской Академіи словарь такимъ же образомъ сочинялся. Равнымъ образомъ когда я въ текстѣ: *да воскреснетъ Богъ и расточатся врази его,* разсматривая выраженіе *да воскреснетъ Богъ,* скажу, что оно сильнѣе, чѣмъ равнозначащее съ нимъ *да возстанетъ Богъ,* то я не священное писаніе толкую, не богословскія истины онаго опровергаю, но разсуждаю о языкѣ и краснорѣчіи, разбираю силу словъ и выраженій, приношу пользу словесности и самому священному писанію; ибо не разумѣя ни знаменованія словъ, ни силы выраженій, мы не будемъ разумѣть важности языка священныхъ книгъ, въ которыхъ упражняться и со вниманіемъ читать ихъ самъ христіянскій законъ намъ повелѣваетъ. Не знаю для чего въ примѣчаніи выписано одно только начало рѣчи моей, а конецъ пропущенъ. Между тѣмъ не иначе, какъ изъ начала и конца оной, можно видѣть о чемъ и какъ я разсуждаю. Я ищу удопонятнаго смысла въ выраженіи *отъ устъ словесе моего,* и хотя нахожу, что казалось бы для ясности смысла надлежало сказать *отъ словесе устъ моихъ,* потому что слова могутъ исходить изъ устъ, но трудно себѣ представить, чтобъ слова *имѣли у себя уста;* однакожъ я и сего послѣдняго выраженія не только не отвергъ, но даже старался найти въ немъ смыслъ, не взирая на оборотное расположеніе тѣхъ же самыхъ словъ въ нѣмецкой библіи, переведенной, также какъ и наша, съ греческаго языка. Однимъ словомъ, я желалъ лучше обвинить самаго себя въ недостаточномъ разумѣніи языка своего, нежели славенскаго переводчика въ неясномъ выраженіи: съ толикимъ благоговѣніемъ разсуждаю я о священныхъ книгахъ даже и тогда, когда дѣло идетъ не о догматахъ вѣры, не о противурѣчіи какой нибудь богословской истинѣ, но единственно о русскомъ языкѣ! Ибо въ семъ случаѣ такъ ли сказано, или иначе, то есть *отъ устъ словесе моего* или *отъ словесе устъ моихъ,* дѣло состоитъ не въ разности мыслей, не въ противномъ или несходномъ съ вѣрою нашею умствованіи, но въ различномъ выраженіи одной и той же мысли. Впрочемъ и богословское умствованіе никому не возбраняется, какъ скоро оное основано на вѣрѣ и бла-

гонравіи. Въ примѣчаніи сказано: „вообще смыслъ текстовъ священнаго писанія слѣдуетъ выводить, справляясь не съ новѣйшими европейскими, но съ латинскимъ, греческимъ и естьли можно еврейскимъ языками.“ Сіе примѣчаніе совсѣмъ до меня не принадлежитъ. Оно относится къ тому, кто славенскій переводъ библіи исправляетъ, или повѣряетъ съ подлинникомъ. Но я не то дѣлаю, не то мое намѣреніе. Я читаю Несторову лѣтопись, Русскую Правду, Владимірову духовную, Игореву пѣснь, Вѣтхій и Новый Завѣтъ, Ирмосы, Каноны, Прологъ, Четиминею, Ифику, и проч. и проч.; учусь въ нихъ русскому языку, и не входя въ то, переведены-ли сіи книги или сочинены, хочу знать разумъ и силу каждаго употребленнаго въ нихъ слова и выраженія. Иное дѣло толковать русскія слова и отыскивать корни ихъ, иное — сличать переводъ съ подлинникомъ и разсуждать о вѣрности или невѣрности перваго изъ нихъ. Въ семъ послѣднемъ случаѣ долженъ я говорить: это такъ или не такъ переведено, и ссылаться на тотъ языкъ, съ котораго переведено. Въ первомъ же случаѣ мнѣ до перевода, вѣренъ онъ или не вѣренъ, никакого дѣла нѣтъ. Я разсуждаю о русскихъ поставленныхъ въ русской книгѣ словахъ, и ищу заключающагося въ нихъ смысла, вывожу оный изъ кореннаго значенія его, такожъ изъ сличенія многихъ текстовъ, прiисканныхъ мною въ разныхъ книгахъ, безъ всякой надобности знать переведены-ли сіи книги или сочинены, ибо таковая справка для намѣренія моего есть совсѣмъ постороннее дѣло. Естьли же въ помощь толкованія моего о какомъ нибудь словѣ привожу тексты иностранныхъ Библій, то это отнюдь не для того, чтобъ основывать на нихъ значеніе русскаго слова, но чтобъ выведенный уже мною смыслъ онаго подтвердить ими, когда они говорятъ тоже. Въ противномъ случаѣ и еврейская Библія столько же для меня въ растолкованіи русскаго слова безполезна, сколько и всякая другая. Когда я въ Псалмѣ прочитаю *блаженъ мужъ*, то для разумѣнія сихъ словъ хочу знать что въ русскомъ языкѣ значитъ прилагательное *блаженъ* и существительное *мужъ;* а не то какъ сіи слова называются по гречески или по еврейски. Для яснаго понятія о словѣ *блаженъ* ищу я корень онаго въ словахъ *благо, благость.* Тогда увѣряюсь о точномъ его знаменованіи; и естьли бы кто мнѣ сказалъ: на еврейскомъ или греческомъ языкѣ въ семъ мѣстѣ употреблено иное слово, напримѣръ *мудръ,* а не *блаженъ,* тогда бы я отвѣчалъ: можетъ быть; но мы совсѣмъ о разныхъ вещахъ говоримъ: вы о вѣрности или невѣрности перевода, а я — о значеніи русскаго слова или выраженія; вамъ для узнанія,

вѣренъ-ли переводъ, надобенъ подлинникъ; а мнѣ онъ ненадобенъ, потому что хотя бы въ немъ и стояло *мудръ*, но я изъ того не заключу, что слѣдственно и мое слово блаженъ долженствуетъ значить *мудръ;* ибо я не по еврейскому, или иному какому слову сужу о моемъ словѣ, но по собственному корню онаго. И такъ я не справляюсь и не *вывожу* (какъ упрекаютъ мнѣ) *смыслъ русскихъ текстовъ изъ новѣйшихъ европейскихъ Библій;* но привожу изъ нихъ только тѣ мѣста, которыя одно и тоже говорятъ съ нашею Библіею. Толковать и выводить изъ текстовъ разные смыслы есть совсѣмъ не то, что истолкованную на своемъ языкѣ рѣчь, слово или выраженіе, подтверждать другими переводами съ того же подлинника.

Примѣчаніе 4-е.

„На оборотѣ 11-го листа, о *благовѣріи* сказано, что оно от„личается отъ правовѣрія разностію качествъ, а правовѣріе — „разностію родовъ вѣры.“

Отвѣтъ.

У меня сказано не такъ, а вотъ какъ: „*благовѣріе*, сложное имя, состоящее изъ словъ *благая вѣра*, значитъ почти тоже, что правовѣріе, набожность, благочестіе. Разность между *правовѣріемъ* и *благовѣріемъ* состоитъ въ томъ, что первое относится болѣе къ отличенію разныхъ родовъ, а второе къ отличенію разныхъ качествъ вѣръ.“ — Такъ у меня сказано, а не симъ темнымъ и невразумительнымъ образомъ: „*благовѣріе отличается отъ правовѣрія разностію качествъ, а правовѣріе разностію родовъ вѣры.*“ — На что мои слова пересказывать не такъ, какъ я ихъ сказалъ? У меня (не говорю уже о другомъ искаженіи смысла словъ моихъ) сказано въ множественномъ числѣ *вѣръ*, а не въ единственномъ *вѣры*. Въ этомъ есть немалая разность, какъ мы то вскорѣ увидимъ.

Примѣчаніе 5-е.

„И что правовѣріе не отдѣляетъ наружнаго послѣдованія „вѣрѣ отъ внутренняго, а благовѣріе отдѣляетъ.“

Отвѣтъ.

Такъ. Это я сказалъ.

Примѣчаніе 6-е.

„Здѣсь усматриваются двѣ погрѣшности.“

Отвѣтъ.

Умъ человѣческій не совершенъ: легко погрѣшить можетъ; но посмотримъ въ чемъ состоятъ сіи погрѣшности.

Примѣчаніе 7-е.

„1-я доказывается тамъ же помѣщенными самому автору „противурѣчащими словами, что *правовѣрный право вѣритъ, бла- „говѣрный же и поступаетъ благо.*"

Отвѣтъ.

Такъ; это мои слова; но какимъ же другимъ моимъ словамъ онѣ противурѣчатъ? Я, разсматривая разность смысла, заключающагося въ словахъ *правовѣріе* и *благовѣріе,* говорю: *правовѣріе* не отдѣляетъ (то есть слово сіе, по составу своему, не показываетъ въ себѣ, не отдѣляетъ, не отличаетъ) наружнаго послѣдованія вѣрѣ отъ внутренняго (то есть понятіе о наружномъ послѣдованіи вѣрѣ смѣшивается, не отличается, не отдѣляется въ немъ отъ понятія о внутреннемъ послѣдованіи; ибо назвавъ кого *правовѣрнымъ,* я еще не знаю *благовѣренъ* ли онъ); а *благовѣріе* отдѣляетъ (то есть понятіе о *внутреннемъ послѣдованіи,* смѣшивающееся и не отдѣляющееся въ словѣ *правовѣріе,* здѣсь въ словѣ *благовѣріе* отдѣляется, показывается, обнаруживается, явствуетъ; поелику слово *благая* означаетъ уже то, что въ словѣ *правая* не видно еще было). Отсюду въ слѣдствіе и подтвержденіе сей моей мысли говорю: *правовѣрный право вѣритъ, благовѣрный же и поступаетъ благо.* Гдѣжъ и въ чемъ состоитъ мое самому себѣ противурѣчіе? Я радъ благодарить за поправленіе меня въ погрѣшностяхъ, но ежели непорочности мои будутъ называться погрѣшностями, долженъ-ли я за то благодарить?

Примѣчаніе 8-е.

„2-я, чрезъ правовѣріе надобно разумѣть не отличеніе раз- „ныхъ родовъ вѣры, а принятіе догматовъ, согласныхъ съ сущно- „стію слова Божія."

Отвѣтъ.

Я не знаю что примѣчатель разумѣетъ подъ собственными словами своими (ибо онѣ не мои): *отличеніе разныхъ родовъ вѣры;* но впрочемъ онъ говоритъ тоже самое, что и я сказалъ: „правовѣріе, говорю я, относится болѣе къ отличенію разныхъ родовъ, а благовѣріе къ отличенію разныхъ качествъ вѣръ" — *вѣръ,* а не одной и тойже *вѣры.* Подъ множествомъ вѣръ разумѣю католицкую, лютеранскую, армянскую, магометанскую, и словомъ всѣ вѣры. Каждый изъ сихъ народовъ почитаетъ свою вѣру правою, или скажемъ словами поставленными въ примѣчаніи: каждый пріемлетъ догматы, согласные съ сущностію своихъ священныхъ писаній, почитаемыхъ имъ словомъ Божіимъ. Потому и по другому выдетъ, что правовѣріе въ семъ случаѣ означаетъ роды

вѣръ, то есть различныя вѣры, а благовѣріе различныя качества сихъ вѣръ, поелику слово *благая* показуетъ больше качество, достоинство, доброту, нежели родъ. Когда я скажу: *моя вѣра правая, а твоя неправая,* то разсуждаю о родѣ двухъ вѣръ, а когда скажу: *моя вѣра благая, а твоя неблагая,* то разсуждаю о качествѣ двухъ вѣръ. Нужно-ли объ этомъ толковать такъ много? Но чтожъ дѣлать, когда ясныя слова наши пересказывая иначе, обращаютъ ихъ въ темныя, невразумительныя, и на семъ подлогѣ основываютъ свои обвиненія?

Примѣчаніе 9-е.

„Благовѣріе жъ предполагаетъ не токмо принятіе сихъ догма-„товъ, но и исполненіе христіянскихъ обязанностей."

Отвѣтъ.

Я тоже говорю: *„правовѣрный право вѣритъ, благовѣрный же и поступаетъ благо."* Развѣ это не одно и тоже?

Примѣчаніе 10-е.

„Правовѣріе относится къ уму, а благовѣріе къ уму и сердцу; „такъ что практическій христіянинъ*) въ одно и тоже время можетъ „назваться и правовѣрнымъ и благовѣрнымъ."

Отвѣтъ.

Да гдѣ же я это отрицаю, когда самъ тоже говорю? Гдѣ и когда сказалъ я, что правовѣрный не можетъ быть благовѣрнымъ, а благовѣрный не м жетъ быть правовѣрнымъ? Вездѣ обвиняюсь я въ томъ, чего не только не говорилъ, ниже думалъ! Впрочемъ ежели мы изъ двухъ человѣкъ въ од омъ положимъ правовѣріе безъ благовѣрія, а въ другомъ и то и другое вмѣстѣ, или, какъ сказано въ примѣчаніи, одно относящееся къ уму, а другое къ уму и сердцу, то не будетъ-ли это въ сихъ двухъ человѣкахъ означать разнаго качества или достоинства вѣръ ихъ?

Примѣчаніе 11-е.

„Исключительно именуютъ государей благовѣрными по пре-„восходству."

Отвѣтъ.

Чтобъ увидѣть, что я въ словарѣ моемъ говорю тожъ самое, стоитъ только раскрыть оный и прочитать въ немъ слѣдующую изъ него выписку: „христіянская вѣра предъ всѣми прочими есть правая вѣра, а потому всякъ христіянинъ есть правовѣрный;

*) Подобныхъ наименованій практическій и теоретическій христіянинъ мы не найдемъ нигдѣ въ церковныхъ нашихъ книгахъ, а потому и значеніе ихъ надлежитъ подъ словомъ practica отъискивать въ иностранныхъ словаряхъ.

но государя особливо именуютъ благовѣрнымъ, благочестивымъ, поелику предполагаютъ, что онъ, яко помазанникъ и глава церкви, не токмо правотою вѣры, но и образомъ мыслей своихъ и нравами, паче прочихъ благовѣренъ и благочестивъ." Вотъ что я сказалъ. Въ чемъ же состоитъ сіе противъ меня примѣчаніе? въ объявленіи о двухъ погрѣшностяхъ, изъ которыхъ ни одна не доказана! въ осужденіи мыслей моихъ, и въ сказаніи на мѣсто оныхъ тогожъ самаго, что я говорилъ!

Примѣчаніе 12-е.

„На оборотѣ 12-го листа, слову *благодать* значеніе *прекрас-„наго* излишно присвоено, ежели подъ онымъ разумѣть тѣлесную „красоту."

Отвѣтъ.

Какъ излишно? Самое слово содержитъ въ себѣ сіе знаменованіе. Можетъ ли въ *благодати,* то есть въ благомъ *низпосланномъ намъ даръ,* заключаться какое либо наружное или внутреннее зло, худость или безобразіе? Напротивъ, въ немъ заключаются всѣ красоты и доброты, иначе не называлось бы это *благими дарами* или *благодатію.* Въ примѣчаніи прибавлено: *„ежели разумѣть подъ онымъ тѣлесную красоту."* Да гдѣ сказалъ я, что благодать означаетъ одну тѣлесную красоту? Для чего слова мои не выставлены? Пусть покажутъ мнѣ ихъ въ словарѣ моемъ. Выраженіе *ежели разумѣть* касается-ли до меня? значитъ ли оно, что я такъ разумѣю? И вѣдомо, ежели подъ моими словами разумѣть не то, что я говорю, такъ всякое слово мое обвинить не трудно.

Примѣчаніе 13-е.

„Не будучи прекраснымъ можно быть пріятну, и съ красо-„тою сдѣлаться отвратительнымъ и даже ненавистнымъ."

Отвѣтъ.

Сіе разсужденіе, или сія простая всякому извѣстная истина, ни мало толкованію моему о словѣ *благодать* не противурѣчитъ. Кто съ красотою сдѣлается ненавистнымъ, тотъ по моему не благодатенъ, поелику нравственно долженъ быть безобразенъ; а понятіе, заключающееся въ словѣ *благодатенъ,* близкое съ словами пріятенъ, милъ, любезенъ (какъ то доказывается приведеннымъ мною изъ Ифики текстомъ: *иже смиренію содружникъ есть, вѣмъ сладокъ есть, вѣмъ благодатенъ*), требуетъ соединенія внутренней красоты съ наружною, которой внутренняя предпочитается.

Примѣчаніе 14-е.

„А между тѣмъ не упомянутъ употребительнѣйшій смыслъ „онаго въ св. писаніи: *радуйся благодатная господь съ тобою.* Въ

„семъ архангела привѣтствіи и другихъ многихъ мѣстахъ, реченіе „*благодатный* не значитъ любезенъ, милъ, прекрасенъ; но исполненъ „даровъ духа Божія.“

Отвѣтъ.

Да позволено будетъ и мнѣ здѣсь не двѣ погрѣшности примѣтить, какъ обо мнѣ вездѣ говорятъ, но и спросить разрѣшенія двумъ моимъ сомнѣніямъ: 1-е. Мнѣ кажется кто *исполненъ даровъ духа Божія,* то есть благодатенъ, одаренъ всѣми отъ Бога благами, тотъ безъ всякаго сомнѣнія и пріятенъ, и милъ, и любезенъ, и прекрасенъ (ежели не тѣломъ, такъ душою и разумомъ); ибо безъ сихъ качествъ онъ не былъ бы *одаренъ благами,* не былъ бы *благодатенъ.* 2-е. Укореніе мнѣ, яко бы я не упомянулъ употребительнѣйшаго въ священномъ писаніи смысла сего слова, есть поистинѣ напрасное. Вотъ что въ словарѣ моемъ сказано: „*Азъ избранъ въ благовѣстіе Божіе, и сына его Іисуса Христа, имъ же пріяхомъ благодать и апостольство.* (Рим. 1, 5). Здѣсь *благодать* значитъ свыше ниспосланный отъ Бога даръ, силу благости, пріятности, по волѣ его полученную.“ Чтожъ это иное, какъ не дары духа Божія? Естьли бы какой смыслъ по невѣденію и пропустилъ я, это еще не вина; но здѣсь и того нѣтъ; я не пропустилъ сего смысла.

Примѣчаніе 15-е.

„На 13-мъ листѣ, *кая вамъ благодать есть,* изъяснено: какая „вамъ отъ того польза? Таковое объясненіе погрѣшительно по „двумъ причинамъ: 1-е, никто не можетъ сказать, чтобъ не было „намъ пользы любить любящихъ насъ.“

Отвѣтъ.

Для показанія погрѣшности надобно не часть рѣчи брать, но цѣлую рѣчь; иначе всегда перетолковать и обвинить можно. Напримѣръ я скажу: *онъ въ дѣлѣ своемъ весьма искусенъ*, *ежели подъ искуствомъ разумѣть незнаніе.* Половина рѣчи моей: *онъ въ дѣлѣ своемъ весьма искусенъ,* будетъ не то значить, что вся рѣчь. Къ обвиненію чьихъ либо мыслей не довольно поставить: на 13-мъ листѣ сказано то-то! надобно далѣе прочитать. На 13-мъ листѣ не одно это сказано. И такъ выпишемъ весь текстъ и мое на него объясненіе: „въ семъ же примѣрѣ: *аще любите любящія вы, кая вамъ благодать есть, ибо и грѣшницы любящія ихъ любятъ,* — слово *благодать* значитъ пользу, прибыль, преимущество. *Кая вамъ благодать есть?* сирѣчь — какая вамъ отъ того польза? чѣмъ отличитесь, въ чемъ будете вы преимуществовать предъ грѣшниками?“ — Вотъ что у меня, на 13-мъ листѣ, сказано. Не

ясно-ли здѣсь, что для удобнѣйшаго объясненія смысла беру я разныя слова, таковыя какъ *польза, прибыль, преимущество,* заключающія въ себѣ смежныя или близкія между собою понятія? ибо въ преимуществѣ или превосходствѣ обыкновенно заключается и польза или прибыль, а не вредъ или убытокъ. Кто хоть нѣсколько знающій языкъ свой не почувствуетъ, что иначе текста сего истолковать не можно? Но буде и положить, что я здѣсь погрѣшаю, то посмотримъ какимъ образомъ сія погрѣшность моя исправлена.

Примѣчаніе 16-е.

„2-я. Подъ словомъ *благодать* надобно разумѣть даръ Божій, „или духовный плодъ вѣры, отличающій новаго отъ вѣтхаго человѣка."

Отвѣтъ.

Объ этомъ было уже говорено. Сей смыслъ сего слова истолкованъ въ прежнихъ моихъ примѣрахъ или ссылкахъ на тексты (см. отвѣтъ на 14-е примѣчаніе). Но въ семъ текстѣ, о которомъ здѣсь говорится, слово *благодать* въ выраженіи — *кая вамъ благодать есть* не означаетъ и не можетъ означать *плода вѣры, отличающаго новаго отъ вѣтхаго человѣка,* въ чемъ ссылаюсь не только на разумъ сего текста, но и на самое примѣчаніе, которое продолжаетъ говорить слѣдующее:

Примѣчаніе 17-е.

„Язычники любили только любящихъ ихъ, а для христіянина „сего не довольно; онъ обязанъ любить равно любящихъ и ненавидящихъ его."

Отвѣтъ.

Чего не довольно? чтобъ имѣть одну ту въ себѣ добродѣтель, достоинство, преимущество, или (какъ въ текстѣ сказано) *благодать,* какую и грѣшники въ себѣ имѣютъ, то есть любить любящихъ ихъ; но что должно превзойти грѣшниковъ (или христіянину язычниковъ), отличиться предъ ними, показать въ себѣ вящшую добродѣтель, достоинство, преимущество, благой въ насъ даръ или благодать, состоящую въ той нашей пользѣ, выгодѣ, прибыли, чтобъ любить даже и враговъ своихъ, чего грѣшники дѣлать не могутъ? — Да я чтожъ говорилъ, какъ не тожъ самое? Прочитайте, прошу, объясненіе мое на приведенный выше сего текстъ. Въ чемъ же состоятъ погрѣшности мои, раздѣленныя на первую и вторую?

Примѣчаніе 18-е.

„На томъ же листѣ сказано, что слово *благодать* въ новѣйшемъ слогѣ мало употребляется. У христіянъ подъ симъ словомъ

„разумѣется таинственное вліяніе Божіе на мысли*), чувствія и „дѣла вѣрующихъ. Въ свѣтскихъ матеріяхъ оно никогда не должно „быть употребляемо; а богословы, проповѣдники и вообще всѣ „нравоучители церковные изъясняются онымъ по приличію и на„добности.“

Отвѣтъ.

Да позволено мнѣ будетъ и здѣсь также испросить пастырскаго наставленія въ просвѣщеніи меня и разгнаніи слѣдующихъ моихъ сомнѣній: 1-е. Что значитъ выраженіе: *у христіянъ слово благодать разумѣется*, и проч.? Между нами, говорящими русскимъ языкомъ, нѣтъ язычниковъ; мы всѣ христіяне, как духовные такъ и мірскіе люди. И такъ мнѣ кажется должно разсуждать, что слово *благодать* въ языкѣ нашемъ значитъ, а не у христіянъ. Естьли же выраженіе *у христіянъ* сказано здѣсь вмѣсто выраженія, что такое благодать въ духовномъ или священномъ смыслѣ значитъ, такъ объ этомъ уже неоднократно говорено, и смыслъ этотъ въ словарѣ моемъ истолкованъ. 2-е. Чтожъ принадлежитъ до того, что въ свѣтскихъ матеріяхъ оно никогда не должно быть употребляемо, таковое умствованіе для меня ново и въ первый разъ поражаетъ слухъ мой. Гдѣ существуетъ такое раздѣленіе словъ, чтобъ нѣкоторыя изъ нихъ позволялось употреблять однимъ только духовнымъ, а другія однимъ только свѣтскимъ или мірскимъ людямъ? Нигдѣ и быть оное не можетъ. Всякое сложное слово, равно какъ и благодать, въ самомъ корнѣ своемъ содержитъ одно значеніе, но прилагаемое къ разнымъ смежнымъ между собою понятіямъ, отчего и получаетъ оно различные смыслы. Тотъ изъ оныхъ, который посвященъ богословію и вѣрѣ, остается

*) Въ сочиненіяхъ моихъ много я говорилъ о томъ, что вліяніе на есть несвойственное языку нашему выраженіе, введенное въ него съ французскаго языка [1]). Мы конечно со временемъ привыкаемъ къ симъ нововведеніямъ, такъ что онѣ становятся никому не дики, и всякій ихъ употребляетъ; но употребленіе можетъ пріучить къ нимъ токмо слухъ нашъ, разумъ же, вникая въ оныя, всегда будетъ составъ ихъ находить чуждымъ. Умноженіе оныхъ приноситъ вредъ языку, принуждая располагать слогъ по слогу ему не сродному. Доселѣ Феофаны, Платоны, и другіе наши церковные пастыри, говорили поученія свои языкомъ священныхъ книгъ; свѣтскіе же писатели, Ломоносовы и имъ подобные, почерпали изъ нихъ важность слога и красоту выраженій. Нынѣ, напротивъ, не токмо свѣтскіе журналисты, не читая ничего истинно высокаго и краснорѣчиваго, отстаютъ отъ великолѣпія и силы языка своего, но и духовныя особы въ томъ имъ послѣдуютъ.

[1]) См. Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ (Собр. Сочиненій адмирала Шишкова, ч. II, стр. 25 и 26).

таковымъ; другой относится къ другому источнику мыслей. Всѣ слова таковы, и никакой языкъ безъ того существовать не можетъ. *Вѣра*, *надежда*, *любовь*, и проч., суть также слова, имѣющія духовный и свѣтскій смыслъ. Мы говоримъ: *вѣра твоя спасетъ тя*, и говоримъ: *дочь моя Вѣра обучается грамотѣ*. Всякъ знаетъ, что въ сей послѣдней рѣчи *Вѣра* есть имя собственное, и совсѣмъ не та *вѣра*, о которой сказано въ первой рѣчи; ибо та не можетъ обучаться грамотѣ. Самое священнѣйшее, величайшее слово *богъ* употребляемъ мы, и всѣ прочіе христіанскіе народы, равно въ богословскомъ и въ языческомъ смыслѣ, называя *богомъ*, какъ Творца вселенныя, такъ и Нептуна, Плутона, и прочихъ языческихъ боговъ. Мѣшаетъ-ли намъ это знать, что одинъ истинный Богъ есть высочайшее существо, а другіе, ложные боги, суть пустыя мечты, выдуманныя баснословами и стихотворцами? Разность въ смыслахъ между сими однѣми и тѣми же словами такъ велика, что употребляя ихъ въ свѣтскомъ смыслѣ, можемъ мы дѣлать изъ нихъ уменьшительныя имена, какъ напримѣръ, Вѣрушка, божокъ любви, полубогъ, и проч.; но когда беремъ оныя въ священномъ смыслѣ, тогда не можемъ ихъ ни уменьшать, ни увеличивать. Французы, Италіянцы, Англичане и другіе народы, суть такіе же какъ мы христіяне, но они слова свои *grâce*, *grazia* (благодать), какъ въ духовномъ или богословскомъ, такъ и въ другихъ свѣтскихъ смыслахъ (употребляютъ?). Мы найдемъ тому не одинъ, но тысячи примѣровъ, вездѣ, въ самыхъ проповѣдяхъ и священныхъ книгахъ. Когда духовный нравоучитель говоритъ: *иже смиренію содружникъ есть, вѣсьмъ сладокъ есть, вѣсьмъ благодатенъ* (Иѳ. л. 101), то для чего же свѣтскій нравоучитель не можетъ сказать: *кто смиренію другъ, тотъ вѣсьмъ сладокъ, вѣсьмъ благодатенъ*, то есть пріятенъ, любезенъ, милъ, хорошъ? Ежели свѣтскіе писатели не будутъ сего употреблять (какъ то нынѣ и дѣлается), такъ наконецъ никто не будетъ разумѣть, что въ сей рѣчи значитъ *благодатенъ*. Въ лѣтописи по Никонову списку (часть 1, стран. 136) сказано о греческой царицѣ, любившей Михаила, который посылалъ ей иногда цвѣты: *и прилежне обоимаше отъ лица Михаилова благодатныя цвѣты*. Слово *благодатныя* что иное можетъ значить здѣсь, какъ не прекрасные, пріятные, прелестные? Можемъ-ли мы приложить здѣсь къ нему понятіе *о дарѣ духа Божія, о таинственномъ вліяніи Божіемъ на мысли, чувствія и дѣла вѣрующихъ?* Запрещая намъ толковать силу словъ, не запрещаютъ ли разумѣть языкъ свой и книги? Удаляясь такимъ образомъ отъ разумѣнія словъ, языкъ нашъ

совсѣмъ удалится отъ того языка, на которомъ писаны священныя книги и совершается Божественная служба. Мы не будемъ ихъ понимать; и какъ же соблюдемъ тогда вѣру нашу? какъ исполнимъ повелѣніе христіянскаго закона, чтобъ изъ чтенія священныхъ книгъ укрѣпляться въ вѣрѣ и почерпать мудрость и благонравіе? Наипаче духовенство своими примѣрами. доказательствами, гремящимъ краснорѣчіемъ, долженствовало бы привлекать и обращать насъ къ тому, а не само вмѣстѣ съ нами отъ знанія языка славенскаго уклоняться. Въ концѣ примѣчанія о словѣ *благодать* сказано еще, что *одни богословы, проповѣдники и вообще всѣ нравоучители церковные изъясняются онымъ по приличію и надобности.* Для разумѣнія употреблять слова *по приличію и надобности,* требуется искуство въ языкѣ; а сіе достоинство не сопряжено особо ни съ какимъ званіемъ, но пріобрѣтается тѣмъ, кто больше разсуждалъ, упражнялся и читалъ, духовный-ли онъ, или мірской человѣкъ.

Примѣчаніе 19-е.

„На листѣ 17-мъ, *благостыни* значеніе выводится изъ во-„проса Пафнутьича весьма неосновательно. Невѣжды и кощуны „никогда не должны имѣть голоса въ сужденіи о языкѣ *), потому „что или не въ сродномъ видѣ представляютъ свои мысли, или „смѣшиваютъ мірское съ духовнымъ, важное со смѣшнымъ“ **).

Отвѣтъ.

Здѣсь должно предварить читателя о чемъ дѣло идетъ. Естьли онъ прочитаетъ объясненіе мое подъ словомъ *благостыня,* то изъ приведенныхъ мною тамъ и объясненныхъ текстовъ уви-

*) Совершенная правда, а особливо невѣжды.

**) Сдѣланныя изъ меня въ примѣчаніяхъ выписки во многихъ мѣстахъ совсѣмъ иначе пересказаны, какъ то выше сего въ отвѣтѣ моемъ на примѣчаніе 4-е показано было; но я напротивъ, списывая съ подлинника, ни однаго слова не только перемѣнить или убавить, ниже переставить не дерзаю. И такъ да не подумаютъ, чтобъ выраженіе: мірское съ духовнымъ, важное со смѣшнымъ, было не точно такъ выписано, какъ оное находится въ подлинникѣ. Примѣчатель мнимыхъ погрѣшностей другого, своихъ повидимому не примѣчаетъ, ставя слова въ такомъ порядкѣ, что важное относится къ мірскому, а смѣшное къ духовному [1]).

[1]) Подобное же замѣчаніе дѣлаетъ Шишковъ объ извѣстномъ стихѣ Державина: „Я царь — я рабъ, я червь — я богъ.“ Въ письмѣ къ профессору казанскаго университета Городчанинову (Переписка эта была напечатана въ Маякѣ 1842 г., т. III, кн. V), онъ пишетъ: „при всемъ своемъ превосходствѣ, этотъ стихъ имѣлъ бы больше правильности и постепенности, когда бы, начальныя два слова: я царь — я рабъ переставя, сказать: Я рабъ — я царь, я червь — я богъ.“

дитъ ясно, что слова *благостыня* и *благость* во многихъ случаяхъ одно и тоже значатъ, и часто, безъ всякой перемѣны смысла въ рѣчи, могутъ поставляемы быть одно на мѣсто другого. Но сей случай не всегда бываетъ; ибо въ иной рѣчи сего перемѣщенія ихъ, или замѣненія одного другимъ, безъ перемѣны смысла сдѣлать не можно. Дабы сіе вывести и дать примѣтить, надлежало мнѣ въ примѣрахъ или текстахъ моихъ показать и то и другое. Примѣры сіи не такъ легко отыскиваются. Въ „Недорослѣ“ фонъ Визина комедіи, учитель, уволенный отъ должности церковникъ, разговаривая съ нянею, вмѣсто *много-ли тебѣ жалованья*, спросилъ у ней: *да велика-ли тебѣ благостыня?* Какъ уже въ прежнихъ примѣрахъ моихъ показано было, что слово *благостыня* часто означаетъ тоже что и *благость*, а здѣсь надлежало показать, что оно не всегда одинакое съ нимъ значеніе имѣетъ, для того указавъ на сей вопросъ и сказалъ я: вотъ здѣсь подъ словами: *велика-ли тебѣ благостыня*, ясно разумѣется: *велико-ли тебѣ жалованье;* но ежели бы вмѣсто *благостыня* употребить слово *благость*, и спросить: *велика-ли тебѣ благость?* то рѣчь сія была бы невразумительна. Вотъ въ чемъ состоитъ вся моя вина и преступленіе! Вотъ за что удостоенъ и почтенъ я кроткими именами *весьма неосновательнаго человѣка, невѣжды и кощуна,* или по крайней мѣрѣ такимъ, который послѣдуетъ невѣждѣ и кощуну! Не заслужилъ я сихъ оскорбительныхъ названій, ни по старости уже лѣтъ моихъ, ни по долговременной отечеству службѣ, ни по трудамъ моимъ, на пользу наукъ и словесности посвященнымъ. И такъ оставимъ ихъ безъ уваженія, какъ недостойныхъ ни меня, ни тѣхъ, отъ кого мнѣ оныя сказаны, и посмотримъ, въ чемъ состоитъ сіе невѣжество и кощунство сочинителя вышесказанной комедіи, и мое, поелику я изъ книги сей которую всѣ читаютъ, выписалъ такую рѣчь, которую всегда и вездѣ всякой сказать можетъ. Читатель конечно знаетъ сію комедію, подходящую къ Плавтовымъ, Моліеровымъ, и дѣлающую честь комическимъ нашимъ произведеніямъ. Сочинитель кощунствуетъ или посмѣвается въ ней надъ худымъ воспитаніемъ избалованнаго злонравною матерью отрока. Сіе есть главное намѣреніе сочинителя, и намѣреніе похвальное: осмѣивать пороки, для исправленія нравовъ. Въ числѣ дѣйствующихъ лицъ сей комедіи находятся два учителя, изъ которыхъ одинъ, какъ я уже сказалъ, церковный служитель, названный Пафнутьичемъ, обучаетъ недоросля грамоти; а другой отставной солдатъ преподаетъ ему уроки изъ ариѳметики. Извѣстно, что должность хорошаго

писателя комедій состоитъ въ томъ, чтобъ каждому лицу дать приличный оному языкъ. Это въ природѣ вещей: крылашанинъ привыкъ объясняться по книжному, отставной солдатъ — по солдатски. Одинъ вмѣсто *велико-ли тебѣ жалованье,* говоритъ *велика-ли тебѣ благостыня;* другой на вопросъ Правдина вмѣсто: *былъ въ службѣ и вышелъ въ отставку,* отвѣчаетъ: *былъ, ваше благородіе, въ службѣ; а теперь пошелъ въ чистую.* Тутъ нѣтъ никакова невѣжества и кощунства, ни надъ сими лицами, ни надъ словами *благостыня* и *чистая;* еще меньше надъ священными текстами или писаніями, до которыхъ ни малѣйшимъ образомъ здѣсь не касается; и ежели можетъ что нибудь быть еще безпорочнѣе сего, такъ это моя ссылка на рѣчь: *да велика-ли тебѣ благостыня,* для показанія, что здѣсь нельзя было сказать: *да велика-ли тебѣ благость.* Чѣмъ же заслужили мы, покойный сочинитель сей комедіи и я, существующій еще на свѣтѣ, сію даже и въ грѣшныхъ устахъ мірянъ не весьма смиренную укоризну: *невѣжды и кощуны не должны никогда имѣть голоса въ сужденіи объ языкѣ?* Кажется лучше не бранясь доказывать, нежели не доказавъ браниться.

Примѣчаніе 20-е.

„На листѣ 18-мъ, слову *блажить* надобно придать еще дру-„гое значеніе въ важномъ смыслѣ такоежъ, какое имѣетъ слово „*ублажать: блажимъ тя вси роди богородице дѣво,* и также *до-„стойно есть яко воистинну блажити тя богородицу* (на всякой „службѣ при отпускѣ). Здѣсь *блажить* не значитъ ласкать, нѣжить, „баловать, но *ублажать.*“

Отвѣтъ.

Примѣчатель не примѣтилъ, что у меня въ концѣ объясненія сего слова сказано: *смотри ублажать.* А словаря моего въ Академію отдано было только двѣ буквы *А* и *Б.* Слѣдовательно до *У* далеко еще не дошло, гдѣ предполагалъ я глаголъ *блажить,* употребляющійся иногда въ знаменованіи *ублажать,* пространнѣе объяснить.

Примѣчаніе 21-е.

„На оборотѣ 18-го листа, слово *неблазный* пространнѣе на-„добно понимать. Нарицая святую Дѣву неблазною не довольно „разумѣть подъ симъ ея саму не подвластною прелестямъ порока; „но надобно присовокупить, что святостію своею внушаетъ она „другимъ то неограниченное къ себѣ почтеніе, которое удаляетъ „отъ нея всякую нечистую мысль, всякій дерзкій взоръ порочныхъ.

„Слѣдовательно слово *неблазный* исключительно принадлежитъ еди-„ной пресвятой Дѣвѣ.“

Отвѣтъ.

Гдѣ покажутъ мнѣ подобное въ священныхъ книгахъ толкованіе, что душа человѣческая лишена свободы? Не на томъ ли, напротивъ, основана вѣра наша и богословское ученіе, что какъ свобода человѣческая не отъемлетъ всемогущества Божія, такъ и всемогущество Божіе не благоизволяетъ отнимать свободы человѣческой. Естьли святость пресвятой Дѣвы *внушаетъ такое неограниченное къ ней почтеніе, которое удаляетъ отъ нея всякую нечистую мысль, всякій взоръ порочныхъ,* — то какъ же и называть ихъ *порочными*, когда они, святостію ея воспящаемые, въ порокъ сей впадать не могутъ? Ежели есть безбожники и богохульники, которыхъ святость самаго Бога не удерживаетъ отъ сего буйнаго преступленія, то конечно уже и достоинство почтенія къ пресвятой Дѣвѣ основано на волѣ человѣка, иначе не было бы оно въ немъ достоинство: гдѣ грѣхъ невозможенъ, тамъ безгрѣшіе не можетъ быть добродѣтелію. Но оставимъ сіе или ложно понимаемое или худо объясненное толкованіе примѣчателей, и обратимся къ моему словарю. Да позволено мнѣ будетъ опять спросить: гдѣ и когда разсуждалъ я въ немъ о свойствахъ или принадлежностяхъ пресвятой Дѣвы? Я ни слова о томъ не говорилъ; ничего не утверждалъ и не отрицалъ; ибо таковые толки не входятъ въ мое намѣреніе, и никогда въ словаряхъ о томъ не разсуждаютъ. На чтожъ и какимъ образомъ можно возражать противъ меня въ томъ, о чемъ я нигдѣ мыслей моихъ не изъявилъ? Вездѣ въ словарѣ моемъ говорю я только объ одномъ языкѣ, вездѣ толкую только о знаменованіи словъ, не относя оныхъ ни къ какимъ богословскимъ умствованіямъ или разсужденіямъ. Равнымъ образомъ и въ семъ мѣстѣ словаря моего говорю я о коренномъ словѣ *блазнь*, означающемъ (какъ я то согласно съ академическимъ и церковнымъ словарями [1]), со всѣми книгами и съ выписанными мною текстами опредѣлилъ) склонность къ порокамъ, прелесть, силу, влекущую насъ къ нимъ. Отъ сего перваго корня происходятъ слова: *блазненіе, блазненный, блазненно, блазнивый, блазнить, блазнитель, блазнодѣяніе, блазнодѣй, блазнодѣица, блазень, блазнорѣчіе,* и проч.; также съ отрицательною частицею и съ предлогами: *неблазненно, неблазненный* или *неблазный, соблазнъ,*

---

[1]) Церковный Словарь былъ изданъ протоіереемъ Петромъ Алексѣевымъ въ 1773 г..

соблазнять, соблазнитель, и проч.. Всѣ сіи слова существуютъ въ книгахъ, и многія изъ нихъ внесены въ словари и опредѣлены. Напримѣръ, въ академическомъ словарѣ сказано: *неблазный, ая, ое,* и проч. непричастный соблазну; *нескверная, неблазная,* и проч." — Въ церковномъ словарѣ сказано: „*неблазненный,* безопасный, непогрѣшительный; напр. путь, по которому не заблудится человѣкъ (Ирм. на Богояв.); *неблазненъ,* несоблазнительный, непретгновенный; — *неблазный,* который не соблазняется, или не прельщается: нескверная, неблазная, и проч. (молит. на мал. повечеріи)." — Когда въ церковномъ словарѣ, ссылаясь на Ирмосы, говорится *неблазненный путь,* то я думаю нѣтъ никакого прегрѣшенія разсуждать такимъ образомъ: *неблазненный* есть тоже, что *неблазный:* доказывается это изъ свойствъ языка; ибо *неробостный* есть тоже, что *неробкій; нехитростный* тоже, что *нехитрый.* И такъ ежели можно сказать *неблазный путь,* еще скорѣе можно сказать *неблазный человѣкъ.* На таковыхъ-то о сихъ словахъ сужденіяхъ основываясь, и выводя смыслъ оныхъ изъ пріисканныхъ текстовъ, сказалъ я въ словарѣ моемъ: „слова сіи употребляются токмо въ священныхъ книгахъ. Никто изъ свѣтскихъ писателей не осмѣлится въ нынѣшнемъ языкѣ нашемъ сказать, напримѣръ, *неблазная дѣвица.* Между тѣмъ, какимъ другимъ словомъ изобразимъ мы понятіе, заключающееся въ словѣ *неблазная?* Естьли скажемъ *несоблазняющаяся* или *неудобособлазняющаяся,* то сіе не будетъ означать свойства или нрава ея вообще, но токмо частное дѣйствіе, то есть, что на этотъ разъ не соблазняется она тою вещію, о которой говорится, какъ напримѣръ: не соблазняющаяся предлагаемымъ ей богатствомъ. *Неблазная* напротивъ означаетъ нравъ, свойство души. Подъ словомъ *неблазная дѣвица* разумѣется добродѣтельная, твердая, неподвластная прелестямъ порока. *Не соблазняющаяся* не есть еще *неблазная,* поелику не соблазняясь одною можетъ соблазниться другою прелестію. И такъ для чего отвергать такое слово, котораго мы другимъ словомъ выразить не можемъ? Для чего стѣснять мысли и уменьшать богатство языка?" — Изъ сей выписки моей ясно видно, что я не о свойствахъ пресвятыя Дѣвы говорю, но разсуждаю о прилагательномъ словѣ *неблазный,* разсматриваю смыслъ онаго, и спрашиваю, зачѣмъ мы, имѣя слова, не хотимъ ни разумѣть, ни употреблять ихъ, и послѣ жалуемся на бѣдность языка? Не худо знать первоначальный источникъ сихъ сдѣланныхъ противъ меня примѣчаній. Я уже выше сказалъ, что отъ Академіи положено было прежде отпечатанія чьего либо сочиненія разсы-

лать листки по членамъ для дѣланія замѣчаній, и что на семъ листкѣ словаря моего вышеозначенная здѣсь изъ онаго выписка была вымарана, и на сторонѣ противъ ней написано слѣдующее: „*сіе толкованіе не соотвѣтствуетъ прямой силѣ слова* ἀμόλυντος“; и въ другомъ мѣстѣ сказано: „*неблазная по гречески* ἀμόλυντος, *что значитъ: непорочная, съ ненарушимою чистотою*“ *).

Я удивился своевольному праву марать чужое сочиненіе, и утѣшался, думая что за сіе сдѣланное мнѣ оскорбленіе по крайней мѣрѣ вознагражденъ буду хорошимъ замѣчаніемъ; но прочитавъ оное еще больше удивился. Въ самомъ дѣлѣ могъ ли я принять такое странное замѣчаніе? Во первыхъ, когда я разсуждаю о русскомъ словѣ, и вывожу знаменованіе онаго изъ русскаго языка, то какая мнѣ нужда до греческихъ словъ? (См. отвѣтъ

*) Сіе замѣчаніе, какъ я послѣ узналъ, сдѣлано было членомъ Академіи тверскимъ архіепископомъ Меѳодіемъ[1]). Какъ я не могъ принять онаго, и долженъ былъ въ Академіи сдѣлать на него возраженіе и сказать почему не пріемлю, то изъ сего возникло противъ меня негодованіе Меѳодія, переданное калужскому епископу Феофилакту, который гордясь распространенною о великомъ умѣ его славою, и досадуя на Академію, что нѣкогда предложенъ онъ былъ въ члены ея и не избранъ, мнилъ отмстить ей ополченіемъ своимъ противъ моего словаря. Меѳодій, дабы отвлечь отъ себя подозрѣніе, не подписалъ сдѣланныхъ Феофилактомъ примѣчаній, а упросилъ подписать оныя митрополита. Вотъ краткая исторія сей чернилопролитной войны!

[1]) Въ примѣчаніи къ стиху Державина: „Домъ благодатныя, неблазныя Добрады,“ Я. К. Гротъ (Соч. Держ., т. IV, стр. 780) приводитъ изъ протоколовъ россійской академіи 1808 г. свидѣтельство, что замѣчаніе Меѳодія было принято академіей къ руководству: „Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ академіи разсматривалась рукопись Павла Львова: „Михаилъ Романовъ во храмѣ славы россійскихъ героевъ“; находившіяся въ ней слова: неблазныя обиталища положено было замѣнить словами: удаленныя отъ соблазна обиталища.“ Но уже въ ноябрьской книжкѣ Русскаго Вѣстника того же 1808 г. (ч. IV, стр. 212), помѣщено одобренное цензурой Державинское стихотвореніе „Обитель Добрады“ (Соч. Держ., т. II, стр. 692), съ упомянутымъ выше стихомъ. Державинъ, въ своихъ „Объясненіяхъ,“ по этому поводу говоритъ: „Г. Шишковъ, дѣлая свои примѣчанія на лексиконъ россійской академіи (въ этомъ Державинъ ошибается), прилагательныя имена благодатныя и неблазныя придалъ обыкновенному женскому лицу; но члены синода, присутствующіе въ академіи, на таковыя г. Шишкова изъясненія не согласились; изъ чего вышла ссора, даже переписка, и въ синодѣ сдѣлано опредѣленіе, что сіи прилагательныя имена принадлежатъ исключительно Божіей Матери. Но какъ авторъ (т. е. Державинъ) почелъ ихъ сужденіе несправедливо, то и осмѣлился помѣстить тѣ слова въ семъ сочиненіи. Цензура пропустила, публика приняла, синодъ молчитъ; слѣдовательно и могутъ быть употреблены вездѣ, но только съ разсужденіемъ, по важности матеріи и лицъ, къ кому относятся.“ (Соч. Держ. т. III, стр. 723).

мой на примѣчаніе 3-е). Во вторыхъ, ежели греческое слово ἀμόλυντος соотвѣтствуетъ нашему *неблазная* и значитъ *непорочная съ ненарушимою чистотою*, такъ о чемъ же и говорить? ибо я подъ русскимъ словомъ *неблазная* тожъ самое разумѣю и тожъ самое толкую. Пусть мнѣ изъ словъ моихъ противное тому докажутъ, ежели доказать могутъ. Извлечемъ теперь изъ всего вышесказаннаго мною слѣдующія заключенія: 1-е. Нигдѣ о свойствахъ пресвятыя Дѣвы я не разсуждалъ и не говорилъ. 2-е. О томъ, что слово *неблазная*, въ отношеніи къ Богоматери, имѣетъ особливый, упоминаемый въ примѣчаніи смыслъ, я ни откуду почерпнуть не могъ; ибо ни языкъ нашъ, ни всѣ словари и книги, толкующія сіе слово, ниже самое замѣчаніе на листокъ мой, сего смысла въ немъ не показываютъ; да думаю и нигдѣ подобнаго о немъ сужденія сыскать не можно. 3-е. Выше сего приведено мною свидѣтельство изъ церковнаго словаря, что не только о человѣкѣ можно сказать *неблазный*, даже о пути. 4-е. Когда подъ словами *неробкій, неумытный, непорочный, незлобный*, и проч., разумѣется человѣкъ *непричастный робости, мытоимству, пороку, злобѣ*, то уже самое свойство языка опредѣляетъ, что *неблазный* значитъ *непричастный блазни* или *соблазну*. 5-е. Буде ни о комъ нельзя сказать *неблазный*, потому что слово сіе въ молитвѣ сказано о пресвятой Дѣвѣ, такъ поэтому и другія въ той же молитвѣ употребленныя такогожъ рода слова, какъ-то *непорочная, чистая*, и самое слово *дѣва*, ни о комъ другомъ говорить не можно?*) — Но всѣмъ симъ обстоятельствамъ, кажется мнѣ, имѣю я превеликое право спросить: почему мнѣ одному поставляется въ погрѣшность и заблужденіе то, что всѣми другими до меня говорено и цѣлыми обществами свѣтскими и духовными принято и утверждено? Ежели бы я, приведя въ примѣръ молитву — *нескверная*,

---

*) Я спросилъ у нѣкотораго ученаго грека о словѣ ἀμόλυντος, соотвѣтствующемъ нашему н е б л а з н а я, какое оно, — общее-ли, или исключительно принадлежащее пресвятой Дѣвѣ? Онъ мнѣ отвѣтствовалъ: конечно общее, когда существуетъ у насъ въ такихъ книгахъ, которыя писаны за-долго до рождества Христова. Изъ сего доказательства довольно явствуетъ, что слово н е б л а з н а я, означающее непорочность мыслей, чистоту нрава, не принадлежитъ исключительно пресвятой Дѣвѣ, и что всякая другая дѣва должна по христіянскому закону стараться также быть н е б л а з н о ю, б е з п о р о ч н о ю, ч и с т о ю. Но теперь докажемъ еще, что примѣчатель явно и очевидно самому себѣ противурѣчитъ, а именно: относитъ слово исключительно къ пресвятой Дѣвѣ и пишетъ оное въ мужескомъ родѣ: н е б л а з н ы й. Когда допускаетъ онъ, что можетъ оно въ мужескомъ родѣ быть сказано, то слѣдственно допускаетъ, что оно не есть исключительно принадлежащее пресвятой Дѣвѣ.

неблазная, и проч., сталъ разсуждать, что говоря о Богородицѣ неблазная значитъ не только, что она сама непричастна соблазну, но и у всякаго другого отъемлетъ всякіе дерзновенные помыслы, тогда бы по всей справедливости можно было мнѣ сказать: ты въ словарѣ своемъ не объ одномъ языкѣ разсуждаешь, но касаешься догматовъ вѣры; покажи, откуду ты такое разсужденіе взялъ. — Какой бы на это могъ я дать отвѣтъ? И такъ теперь винятъ меня за то, за что, ежелибъ я оное сдѣлалъ, меня бы гораздо удобнѣе и справедливѣе обвинить можно было. Отъ таковыхъ притязаній никакая невинность не спасется.

Примѣчаніе 22-е.

„На томъ же оборотѣ 23-го листа, *брашно же насъ не по-„ставляетъ предъ Богомъ.* Подъ сими словами апостолъ Павелъ „разумѣетъ не качество снѣдей, но воздержаніе отъ пищи идоло-„жертвенной и всякой, могущей привести братію въ соблазнъ. „Что объясняется слѣдующимъ текстомъ изъ того же самаго апо-„стола: ядый не ядущаго да не укоряетъ, и не ядый ядущаго „да не осуждаетъ (къ Рим. 14, 3).“

Отвѣтъ.

А что же можетъ братію соблазнять, какъ не качество снѣдей? — Въ словарѣ моемъ вотъ какъ сказано: „*брашно,* тоже что яство, пища, кушанье. *Брашно же насъ не поставляетъ предъ Богомъ;* то есть: тѣлесная пища, лакомство, услажденіе вкуса своего яствами, не дѣлаетъ насъ угодными Богу.“ — Въ чемъ же состоитъ разность моей мысли съ мыслію, сказанною въ примѣчаніи? *Воздерживаться отъ пищи идоложертвенной и всякой приводящей въ соблазнъ,* не есть ли тоже, что *не лакомиться и не вдаваться въ услажденіе вкуса своего яствами?* — Какая сильная и неудачная охота искать вездѣ погрѣшностей! — Приведенный въ примѣчаніи текстъ: *ядый не ядущаго да не укоряетъ, и не ядый ядущаго да не осуждаетъ,* не показываетъ того, что не о качествахъ снѣдей говорится, но содержитъ въ себѣ нравоученіе, подобное слѣдующему: *не осуждай брата твоего* (а особливо понапрасну). Надлежало бы всякому сіе христіянское нравоученіе твердо сохранять въ своей памяти.

Примѣчаніе 23-е.

„На томъ же оборотѣ 23-го листа, глаголъ *брашнать* про-„изводится отъ существительнаго имени *брашно,* и въ подтверж-„деніе того чинится ссылка на слѣдующій текстъ изъ пророка „Іереміи: *онагри сташа на каменіяхъ брашна въ себе вѣтръ, яко „зміеве.* На греческомъ языкѣ славенскому *брашна въ себе вѣтръ*

„соотвѣтствуетъ εἴλκυσαν ἄνεμον, а на латинскомъ *aurant more* „*draconum ducunt.* То и другое выраженіе однозначенательно „славенскому *браша* или *вбираша въ себе вѣтръ.* И потому над„лежитъ читать не *брашна*, а *браша*. Буква *н* здѣсь вкралась отъ „ошибки; ея не токмо въ другихъ изданіяхъ Библіи, но и въ „самомъ Острожскомъ нѣтъ. Вотъ сколь ненадежно объяснять „тексты священнаго писанія безъ справокъ съ древними языками! „Съ другой стороны, когдабъ слово *брашна* и въ самомъ дѣлѣ „происходило отъ глагола *брашнать* и означало здѣсь третье „лице, то вмѣсто *брашна* слѣдовало бы сказать *брашнаша* или „*брашнаху*, потому что глаголы, окончивающіеся на *ать*, въ „третьемъ лицѣ множественнаго числа преходящаго и давно про„шедшаго времени, всегда имѣютъ окончаніе на *аша* или *аху*, „напримѣръ *внушаху*, *зваша*, и проч., и проч..“

Отвѣтъ.

Сіе примѣчаніе весьма справедливо. Когда бы всѣ оныя, или по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ оныхъ, были таковы, тогда бы я охотно принялъ ихъ и по онымъ себя поправилъ; или естьли бы словарь мой уже былъ напечатанъ, то припечаталъ бы ихъ послѣ, и поблагодарилъ бы сердечно того, кто меня поправилъ; ибо правда не досаждала никогда моему самолюбію. И такъ я весьма согласенъ признать, что въ приводимомъ текстѣ буква *н* есть опечатка, и что должно читать *браша*, а не *брашна*, производя глаголъ сей отъ глагола *брать*, а не отъ имени *брашно*. Я говорю согласенъ на доказательство, что опечатка сія въ другихъ изданіяхъ Библіи поправлена, а не на ссылку, сдѣланную въ примѣчаніи на греческій и латинскій тексты; ибо сія ссылка ничего не доказываетъ. Естьли бы отъ употребленія однаго слова вмѣсто другого мысль перемѣнилася, и смыслъ выходилъ совершенно разный, тогда бы можно было текстомъ того языка, съ котораго переведено, уличить ошибку; но когда въ переводѣ, то-ли слово употреблено, или другое, смыслъ не перемѣняется, тогда ссылка на подлинный текстъ ничего не значитъ; ибо можно оный и тѣмъ и другимъ образомъ перевести. Здѣсь точно тотъ случай. Въ словарѣ моемъ, при истолкованіи о словѣ *брашно*, сказано: „*онагри сташа на каменіяхъ брашна въ себе вѣтръ, яко зміеве*. Въ семъ послѣднемъ случаѣ *брашна* есть глаголъ третьяго лица и значитъ питались воздухомъ, глотали въ себя вѣтръ, какъ змѣи.“ Слѣдовательно *брашна*-ли мы возьмемъ или *браша*, будетъ одно и тоже: по одному *брали въ себя вѣтръ*, по другому *глотали вѣтръ*. Въ смыслѣ сихъ выраженій нѣтъ ни малѣйшей разности. А по-

тому и восклицаніе сіе: „*Вотъ сколь ненадежно объяснять тексты священнаго писанія безъ справокъ съ древними языками!*“ не можетъ имѣть здѣсь по двумъ причинамъ никакой силы: 1-е. Потому что ежели и принять здѣсь *брашна* за глаголъ третьяго лица, происходящій отъ имени *брашно,* то смыслъ текста ни мало не перемѣнится. 2-е. Потому что дѣло идетъ здѣсь не о какихъ либо высокихъ разсужденіяхъ или богословскихъ истинахъ, но объ *ослахъ,* бѣгающихъ по горамъ и вбирающихъ въ себя, или глотающихъ вѣтръ, — то естьли бы я и вподлинну обманулся въ смыслѣ, ошибка сія не могла бы составлять никакой важности.

Примѣчаніе 24-е.

„На оборотѣ 24-го листа о наглости и дерзости мало ска-„зано, что въ нравственности значатъ онѣ не иное что, какъ „заблужденіе, слабость, глупость.“

Отвѣтъ.

Да что же можно больше о нихъ сказать? Всѣ пороки, и даже самыя преступленія, не иное что суть, какъ заблужденіе, слабость, глупость.

Примѣчаніе 25-е.

„И слово *буйство* никогда не значитъ безуміе. *Невозможно* „*мужу бую умудриться:* здѣсь *мужъ буй* не то значитъ, что „безумный, но злонравный и не желающій исправиться.“

Отвѣтъ.

А развѣ злонравный и не желающій исправиться не есть безумный? Выраженіе *невозможно умудриться* показываетъ отсутствіе мудрости, а отсутствіе мудрости что иное, какъ не безуміе?

Примѣчаніе 26-е.

„А между тѣмъ опущено истинное значеніе буйства, зримое „на многихъ мѣстахъ священнаго писанія. *Буяя міра избра Богъ,* „*буйствомъ проповѣди спасти вѣрующихъ.* Въ сихъ и другихъ по-„добныхъ тому текстахъ *буйный**) и *буйство* значитъ непросвѣ-„щеннаго по правиламъ земной мудрости, не книжнаго, или про-„сто безграмотность, неписьменность.“

Отвѣтъ.

Хотя бы я и пропустилъ иные не повстрѣчавшіеся мнѣ тексты, въ которыхъ одно и тоже слово имѣетъ нѣкоторое отличіе отъ того смысла, какой оно по другимъ текстамъ въ себѣ заключаетъ, сего, какъ я уже сказалъ, и какъ мы ниже еще яснѣе

---

*) Мнѣ кажется отъ множественнаго буяя должно производить единственное буй, а не буйный.

увидимъ, никоимъ образомъ въ вину мнѣ поставлять не можно. Смыслъ словъ не такъ легко толковать, какъ кажется. Напримѣръ сіе поставленное въ примѣчаніи толкованіе: *буйный значитъ не просвѣщеннаго по правиламъ земной мудрости, не книжнаго, или просто безграмотность, неписьменность,* во многихъ мѣстахъ будетъ весьма недостаточно; ибо 1-е. *Буй* и *буйный* имѣютъ уже нѣкоторое различіе въ значеніи: одно означаетъ просто недостатокъ или отсутствіе ума, другое — отсутствіе ума съ дерзостію сердца или нрава. 2-е. Ежели мы приведемъ слѣдующій текстъ: *зане буее Божіе премудрѣе человѣкъ есть* (Кор. 1. 1. 25), то можно-ли слово *буее* замѣнить здѣсь сими полурусскими словами, *некнижность, безграмотность, неписьменность?* Разсмотримъ вообще слово *буй* по моему толкованію, и по толкованію возражающихъ мнѣ. Я говорю, что слово *буй* значитъ или совершенное (то есть упрямое, закоренѣлое) безуміе, какъ то явствуетъ изъ примѣра: *невозможно мужу бую умудритися;* или простоту (то есть не мудрый, не хитрый, не изощренный свѣтскими лукавствами умъ), какъ показываетъ сей примѣръ: *буяя міра избра Богъ, буйствомъ проповѣди спасти вѣрующихъ,* или сей: *зане буее Божіе премудрѣе человѣкъ есть, и немощное Божіе крѣпче человѣкъ есть.* Сирѣчь: и самое простое и слабое Божіе выше всякой мудрости и крѣпости человѣческой. Тотъ же смыслъ и во всѣхъ иноязычныхъ Библіяхъ сохраненъ, какъ то: *car la folie de Dieu est plus sage que les hommes, et la foiblesse de Dieu est plus forte que les hommes* (франц.). *Denn die Thorheit Gottes ist weiser, denn die Menschen, und die Schwachheit Gottes ist stärker, denn die Menschen* (нѣмец.). И такъ слова *буй, буяя, буее, буйство,* вездѣ, какъ во всѣхъ сихъ примѣрахъ, такъ и словаряхъ, значатъ безуміе, глупость, немудрость, простоту (folie, фр.; Thorheit, нѣм.; ἄφρων, μωρός, греч.; fatuus, stultus, лат.). Всѣ сіи слова, хотя и означаютъ онѣ отсутствіе ума, скорѣе принять можно подъ симъ значеніемъ, нежели (какъ сказано въ примѣчаніи) подъ значеніемъ *непросвѣщеннаго по правиламъ земной мудрости;* ибо что такое: *просвѣщенный по правиламъ земной мудрости?* Земная мудрость есть слѣпота, заблужденіе. Слово *просвѣщеніе* несовмѣстно съ нею, и потому выраженіе: *просвѣщенный правилами земной мудрости,* есть само себѣ противурѣчащее пустословіе*). Посмотримъ те-

*) Дабы яснѣе дать почувствовать значеніе слова буй, возьмемъ двухъ человѣкъ, изъ которыхъ одинъ о семъ самомъ текстѣ сталъ бы разсуждать: когда сказано буее и немощное Божіе, а буее значитъ безумное, то слѣдственно въ Богѣ полагается безуміе и немощь; а другой напротивъ ска-

перь, какой въ вышеприведенныхъ примѣчаніяхъ будетъ заключаться смыслъ по толкованію возражающихъ мнѣ. Выше сего (въ примѣчаніи 25-мъ) сказано: *„мужъ буй не то значитъ, что безумный, но злонравный, и не желающій исправиться."* Ежели такъ, то рѣчь: *буяя міра избра Богъ, буйствомъ проповѣди спасти вѣрующихъ,* будетъ значить, что Богъ для проповѣданія Евангелія избралъ людей *злонравныхъ и не желающихъ исправиться* (ибо *буяя,* или *буіи,* или *буи,* есть не иное что, какъ множественное слова *буй*). И что будетъ тогда значить *буее* въ рѣчи: *зане буее Божіе премудрѣе человѣкъ есть?* Здѣсь несравненно приличнѣе и справедливѣе могу я сдѣланныя мнѣ въ 23-мъ примѣчаніи укоризны обратить на самихъ укорителей и сказать: *вотъ какъ ненадежно и опасно толковать тексты священнаго писанія безъ знанія языка своего!*

Примѣчаніе 27-е.

„Сіи примѣчанія сдѣланы только въ охраненіе священнаго „писанія отъ ложныхъ толковъ."

Отвѣтъ.

Въ охраненіе священнаго писанія отъ ложныхъ толковъ! Сія жестокая укоризна могла бы растерзать сердце мое, естьли бы она была справедлива. Но всѣ мои сочиненія свидѣтельствуютъ противное тому. Вездѣ съ великимъ жаромъ и усердіемъ возстаю я противъ забвенія славенскаго языка, на которомъ всѣ пастыри церковные преподавали намъ свои поученія, и который одинъ есть незыблемое основаніе вѣры нашей*): вездѣ въ доказательство силы, красоты и богатства сего древняго, кореннаго языка

залъ бы: премудрость и всемогущество Божіе толь неотрицаемы, что при сей ни малѣйше несомнѣнной истинѣ меньше бы благоговѣйно было включить оговорку: буде бы и положить въ Богѣ буее и немощное, нежели сказать прямо: буее Божіе премудрѣе человѣкъ есть, и немощное Божіе крѣпче человѣкъ есть. Сіи два разсужденія сихъ двухъ человѣкъ показали бы, что первый изъ нихъ отъ хитрости ума буй, а другой отъ простоты сердца мудръ.

*) Я называю незыблемымъ основаніемъ, потому что естьли бы церковь наша допустила въ священныхъ книгахъ перемѣнять славенскій слогъ на простое нарѣчіе, какимъ мы нынѣ въ бесѣдахъ разговариваемъ, то во первыхъ, мы бы такъ отъ славенскаго языка уклонились, что не стали бы разумѣть онаго, и слѣдственно всѣ долгихъ вѣковъ труды церковныхъ нашихъ пастырей остались бы погребенными во мракѣ невѣденія, и самая служба Божія была бы намъ непонятна. Во вторыхъ, простымъ нарѣчіемъ, какимъ свѣтскія наши книги пишутся, не могли бы мы о величіи Божіемъ говорить съ такою важностію и достоинствомъ, къ какимъ сей великолѣпный и древній нашъ языкъ удобенъ.

нашего, указываю и ссылаюсь я на священныя писанія; вездѣ совѣтую читать ихъ, и учиться изъ нихъ языку и закону; вездѣ осуждаю почерпнутое съ иностранныхъ нарѣчій чужеязычіе, удаляющее насъ отъ источниковъ истиннаго языка своего. Самый словарь сей есть не иное что, какъ безпрерывное убѣжденіе. И такъ не защищаютъ священныхъ писаній отъ того, кто весь свой умъ обращаетъ, всѣ свои труды полагаетъ на прославленіе оныхъ. Мы разсмотрѣли сіи примѣчанія: гдѣжъ доказаны въ нихъ сіи *ложные толки*, которыми здѣсь доброе намѣреніе мое несправедливымъ образомъ очерняется? Въ чемъ состоятъ сіи примѣчанія? по большой части въ мнимомъ прибавленіи смысловъ къ словамъ и въ замѣчаніи мнимыхъ погрѣшностей противъ языка. Въ отвѣтахъ моихъ показалъ я мои на то оправданія. Но положимъ, что бы все сіе справедливо было, касается-ли это до закона? Можно-ли добавку смысловъ къ словамъ, можно-ли взятіе въ повѣствованіи объ онаграхъ или ослахъ глагола *браша* за глаголъ *брашна* (единственная учиненная мною погрѣшность), можно-ли, вопрошаю, называть сіе *ложными о священномъ писаніи толками?* Впрочемъ, хотя бы въ словарѣ моемъ и многіе смыслы пропущены были, сіе не можетъ мнѣ быть поставляемо въ вину; ибо таковое обвиненіе было бы требовать отъ меня не должнаго и не возможнаго. Не должнаго, — потому что собраніе словъ моихъ назвалъ я Опытомъ словаря, и отнюдь не выдавалъ онаго за полное и совершенное: напротивъ приглашалъ любителей словесности сообщать мнѣ то, что у меня пропущено, и даже просилъ дѣлать мнѣ возраженія, обѣщая въ случаѣ несогласія моего на оныя, по требованію возражателя, обоюдныя наши мысли печатать и предавать на судъ читателю. Не возможнаго, — потому что для составленія такова рода полнаго словаря, въ который входитъ и отысканіе корней словъ, и правила языка, и обличеніе погрѣшностей противъ онаго, и наука краснорѣчія, надлежитъ цѣлому обществу искуснѣйшихъ въ языкѣ людей и можетъ быть цѣлый вѣкъ трудиться. Откуду выводилъ я смыслы словъ? — изъ текстовъ, которые мнѣ прочитать случилось. Могъ-ли же я одинъ прочитать всю громаду книгъ не токмо славенскихъ, но и на тѣхъ языкахъ, которые отъ славенскаго происходятъ; ибо въ нихъ часто находимъ мы забытый корень слова, котораго вѣтви въ языкѣ нашемъ существуютъ? А чего я не читалъ, или что не повстрѣчалось со мною, могъ-ли я о томъ разсуждать? Безсомнѣнія многіе смыслы словъ и самыя слова у меня пропущены. Иногда сіи смыслы весьма далеко скрываются. Можно сто книгъ

прочитать и не напасть на тотъ смыслъ слова, который откроется во сто первой книгѣ. Языкъ нашъ весьма обширенъ и глубокъ. Скорѣе можно въ океанѣ всѣ мели и камни ощупать, нежели въ немъ отыскать всѣ тонкости словъ и выраженій. Я нашелъ въ священныхъ книгахъ, въ лѣтописяхъ и другихъ старинныхъ сочиненіяхъ множество такихъ словъ, которымъ хотя и тексты у меня выписаны, но какое слова сіи имѣютъ значеніе и отъ какого корня происходятъ, ни по составу оныхъ, ни по разуму текста добраться не можно. Даже въ употребляемыхъ ежедневно молитвахъ находимъ мы многія подобныя слова. Напримѣръ въ рѣчи: *окорми мя по пристанищу твоему*, весьма трудно объяснить знаменованіе глагола *окормить;* или существительныхъ именъ *корысть*, *имство*, и проч.*). Многіе думаютъ, что можно въ переведенной съ другого языка книгѣ неизвѣстному слову показать знаменованіе, по сличенію онаго съ словомъ употребленнымъ на томъ языкѣ, съ котораго книга сія переведена; но таковое средство для показанія разума сего слова по многимъ причинамъ весьма не надежно: первое, я могу найти оное въ сочиненной, а не переведенной книгѣ; второе, можетъ быть подлинникъ, съ котораго переведена сія книга, отыскать трудно, или совсѣмъ невозможно; третіе, переводчикъ могъ обмануться и поставить несоотвѣтственное тому слово: слѣдственно и я съ нимъ обманываться буду; четвертое, хотя такимъ образомъ и узнаю я значеніе слова, но узнаю по одному слѣпому довѣрію, отнюдь не будучи разумомъ моимъ въ томъ убѣжденъ. И такъ истолкованіе словъ не иначе надежно, какъ чрезъ открытіе корня ихъ, или чрезъ показаніе знаменованія оныхъ изъ многихъ собранныхъ и сличенныхъ между собою текстовъ; но подобное сему истолкованіе требуетъ величайшихъ трудовъ и размышленій. Между тѣмъ оно весьма полезно; ибо часто случается, что одно разобранное и объясненное такимъ образомъ слово можетъ открыть какую-нибудь

---

*) Смотри сіи слова и многія другія въ Опытѣ словаря, помѣщеннаго въ Академическихъ Извѣстіяхъ. Истолкованія сихъ словъ покажутъ, что открытіе полнаго ихъ знаменованія, то есть добирательство отъ какого понятія онѣ произошли, и какъ пошедъ отъ онаго вѣтви свои распространяли, отнюдь не такъ легко, какъ думаютъ тѣ, которые полагаютъ знаніе языка въ одной токмо наслышкѣ и памяти, не заботясь нимало разсуждать о коренномъ и точномъ значеніи словъ онаго. Отсюду родятся и укореняются всѣ погрѣшности и порча языка. Отсюду принятіе несвойственныхъ и отверженіе свойственныхъ языку словъ, рѣченій и оборотовъ. Отсюду невѣжды, ищущіе пріобрѣсть славу безъ разума, возстаютъ противу тѣхъ, которые въ словахъ требуютъ мыслей и ума.

историческую истину, или разогнать какое-нибудь недоумѣніе наше, или показать намъ силу и точное значеніе другихъ происходящихъ отъ него словъ. Для сего-то въ примѣчаніи моемъ на слово *баручь* (см. сіе слово) просилъ я всѣхъ любителей словесности присылать ко мнѣ объясненія свои, ежели кто доберется до корня поставленнаго въ словарѣ моемъ съ выписаннымъ текстомъ неизвѣстнаго мнѣ слова. Долгое время, заботясь о семъ, читалъ я, примѣчалъ, размышлялъ, рылся не только въ славенскомъ языкѣ, но и во всѣхъ тѣхъ, которые имѣютъ съ нимъ близкое сродство. Таковые труды мои достойны одобренія, а не хулы; и сему предпріятію моему не препятствовать, но вспомоществовать бы надлежало. Естьлибъ и вподлинну нашлись въ нихъ нѣкоторыя погрѣшности, такъ вмѣсто того, чѣмъ вопіять противъ меня и, не доказавъ ничего, марать имя мое и честь, не лучше-ли бы было подать мнѣ съ кротостію благіе совѣты: тогда бы тѣ изъ нихъ, которые бы разумъ мой убѣдили, я бы съ благодарностію принялъ. На что потушать ревность мою къ похвальному и хорошему дѣлу? Неужъ-ли думаютъ, что истолкованіе словъ безполезно и не нужно? Всѣ науки, и сама вѣра, и богословіе возопіютъ противъ сего. И такъ, ежели я добровольно употребилъ на то мои труды, такъ слѣдовало бы принять съ благосклонностію отысканное мною, а не винить меня за неотысканное; ибо ежели кто по доброй волѣ своей достанетъ намъ нѣсколько жемчужинъ изъ моря, то несправедливо взыскивать на немъ, для чего онъ всего жемчугу въ морѣ не выловилъ и не принесъ къ намъ.

Примѣчаніе 28-е.

„И хотя въ опытѣ славенскаго словаря находятся еще по„грѣшности, но какъ подлежатъ онѣ суду письменности (литера„туры), то и умолчано о нихъ, какъ о постороннемъ дѣлѣ.“

Отвѣтъ.

Подлинно въ сихъ примѣчаніяхъ *письменность* (литература), а по моему просто словесность, знаніе языка, разума словъ и мыслей, есть постороннее дѣло! Но посмотримъ еще. Здѣсь, *умалчивая, говорится* о какихъ-то другихъ моихъ погрѣшностяхъ. Но я выше показалъ уже, что и всѣ прочія въ сихъ примѣчаніяхъ, хотя не умолчанныя, однакожъ недоказанныя погрѣшности мои, таковыя какъ прибавленіе смысловъ къ слову *аще*, и тому подобныя, не заключаютъ въ себѣ никакихъ богословскихъ сужденій, и еще меньше *ложныхъ о священномъ писаніи толковъ*, но подлежатъ, или относятся къ одному только языку и словесности.

И такъ принесемъ теперь оправданіе противу тѣхъ погрѣшностей, о которыхъ *умолчаннымъ образомъ* сказано. Погрѣшность доказанная есть погрѣшность; но по какому праву то, о чемъ умолчано, называется погрѣшностію, — не знаю. Погрѣшность доказанная полезна для просвѣщенія ума; но къ чему полезно осуждать другого въ погрѣшностяхъ, и не сказать въ чемъ онѣ состоятъ, — не знаю. Когда писатель, или судія въ языкѣ, хочетъ опорочить сочиненіе другого писателя, онъ имѣетъ только два позволенныхъ средства: 1-е, самому сочинить лучше его, и чрезъ то показать свое надъ нимъ превосходство; 2-е, сдѣлать противъ него возраженіе, и позволить ему защищаться. Книги, также какъ и писатели ихъ, не совершенны. Сочинитель и примѣчатель на него, оба могутъ погрѣшать. Изобличеніе можетъ само быть изобличено. Отъ таковыхъ взаимныхъ возраженій и доказательствъ проистекаетъ польза языка и просвѣщеніе народное. Правда не боится суда. Она, обвиняемая пристрастіемъ или невѣжествомъ, тѣмъ свѣтлѣе въ очахъ благоразумныхъ людей. Представанемъ предъ судію справедливаго, — предъ ученый свѣтъ. Убѣгать отъ суда его есть внутреннее признаніе неправоты своей.

Сіе случившееся обстоятельство остановило печатаніе словаря моего [1]), и хотя весьма было для меня непріятно, однакожъ я не преставалъ продолжать оный, и по прошествіи нѣкотораго времени напечаталъ въ Академическихъ Извѣстіяхъ. Можетъ быть сіе состязаніе мое съ облеченными въ важный духовный санъ особами надлежало бы мнѣ предать забвенію; но да простятъ слабости моей, побудившей меня сохранить оное въ домашнихъ моихъ запискахъ; слабость весьма простительная; ибо естьли оправданіе мое не принесетъ имъ чести, то я не виноватъ, или покрайней мѣрѣ достоинъ прощенія, что приневоленный ими къ показанію моей невинности изобличаю ихъ несправедливость.

---

[1]) Вслѣдствіе заявленія архіепископа Меѳодія, что Словарь не можетъ издаваться безъ духовной цензуры, — по требованію президента академіи Нартова и съ согласія Шишкова, списокъ Словаря, „свѣренный съ подписанными самимъ сочинителемъ печатными листами,“ препровожденъ былъ къ князю Голицыну. Тѣмъ дѣло и кончилось. (Соч. Держ., т. IV, стр. 780, въ прим. Я. К. Грота къ стихотворенію „Обитель Добрады.“)

МНѢНІЕ МОЕ О РАЗСМАТРИВАНІИ КНИГЪ ИЛИ ЦЕНЗУРѢ *) [1].

Слово *цензура* происходитъ отъ латинскаго глагола *censeo*, имѣющаго одинъ корень съ нашимъ *цѣню,* и тожъ самое значащаго, то есть оцѣниваю, сужу, опредѣляю достоинство вещи. Римляне избирали нѣкогда особыхъ чиновниковъ, на коихъ возлагалась обязанность смотрѣть за поведеніемъ, дѣлами и нравами каждаго гражданина, и которые потому назывались *цензорами,* то есть цѣнителями или оцѣньщиками. Симъ образомъ правительство пеклось о сохраненіи добрыхъ нравовъ, ограждая ихъ отъ порочныхъ и соблазнительныхъ примѣровъ. Но сія мѣра была достаточна и удобна къ исполненію токмо въ стѣнахъ города, а когда право гражданства распространилось за предѣлы онаго, то и цензорство упало. Оно подъ тѣмъ же именемъ возобновилось, когда изобрѣтено было книгопечатаніе; но должность цензоровъ или оцѣнщиковъ сдѣлалась совсѣмъ иная и гораздо обширнѣйшая; ибо оная состояла уже не въ присмотрѣ за дѣяніями людскими, а въ разсматриваніи и оцѣнкѣ умствованій ихъ, могущихъ несравненно больше приносить пользы или вреда, нежели добрые или худые въ общежитіи примѣры. Сочиненіе и печатаніе книгъ произвело великую перемѣну въ способѣ общаго воспитанія или образованія людей. Оно въ каждомъ частномъ

---

*) Мнѣніе сіе, въ 1815 году іюня 17 дня, представлено было отъ меня Государственному Совѣту по слѣдующему поводу: управляющій министерствомъ полиціи (Вязмитиновъ) вошелъ въ Совѣтъ съ представленіемъ, чтобъ цензуру, бывшую доселѣ въ вѣденіи министра просвѣщенія (графа Разумовскаго), предоставить ему, поелику онъ обязанъ наблюдать, чтобъ противныя нравственности книги не вступали въ продажу. Министръ просвѣщенія напротивъ того утверждалъ, что цензура собственно принадлежитъ къ его должности. По прочтеніи бумагъ ихъ, и по нѣкоторомъ о семъ сужденіи, стали отъ членовъ отбирать мнѣніе. Я, зная сколь цензура наша въ основаніи своемъ недостаточна, и что языкъ въ издаваемыхъ книгахъ время отъ времени не токмо портится, но и становится отчасу безобразнѣе и дерзостнѣе, отвѣтствовалъ, что какъ дѣло сіе требуетъ не малаго со всѣхъ сторонъ разсмотрѣнія, то естьли угодно будетъ дать мнѣ время, я подамъ особое мнѣніе. Совѣтъ согласился, и я представилъ ему оное.

---

[1]) Мнѣніе это было напечатано въ Русскомъ Архивѣ (1865 г., ст. 1339—1352), со списка, находящагося въ Чертковской Библіотекѣ. Не достаетъ только тамъ объясненія повода, по которому мнѣніе это было внесено въ государственный совѣтъ, и „слѣдствія, изъ сего произшедшаго.“

человѣкѣ сдѣлалось зависящимъ отъ него самаго; всякій, кто зналъ грамоти, сталъ читать и напоять умъ свой и душу понятіями и мнѣніями того, кто лучше умѣлъ говорить его сердцу. Отселѣ потекли обильныя струи добра и зла. Науки и нравоученія стали преподаваться не единымъ благомыслящимъ, любомудрымъ мужемъ, вѣщающимъ подъ открытымъ небомъ стекшемуся для слушанія его народу; но всякій, мудрый и невѣжда, правдолюбецъ и лжеумствователь, добронравный и развращенный, ораторъ и пустословъ, стали, каждый свое, писать и печатать. Стыдъ — говорить предъ обществомъ слушающихъ и взирающихъ на тебя людей — не обязывалъ болѣе стараться о пріобрѣтеніи познаній, о правотѣ и цѣломудріи разсужденій, о выборѣ словъ, о вразумительности и ясности рѣченій, о снисканіи къ себѣ уваженія и любви народной. Всѣ сіи причины престали ободрять благонамѣреніе и обуздывать зломыслie. Всякій получилъ удобность наединѣ, взаперти, скрытно, думать, сочинять, писать что хочетъ, и посредствомъ книгопечатанія сообщать мысли свои другимъ, не опасаясь ни наказанія, ни презрѣнія. Отсюду произошло, что гдѣ вѣра возносила священный гласъ свой, — тамъ и безвѣріе изъ нечистыхъ устъ своихъ изрыгало смѣхъ и кощунство; гдѣ науки разливали свѣтъ свой, — и лжеученіе или суесловіе, вмѣстѣ съ ними и подъ именемъ ихъ, затмевало разумъ, помрачало разсудокъ, и обращало пользу ихъ въ существенный вредъ; гдѣ любомудріе насаждало сѣмена свои, — тамъ и лжеумствованіе бросало свои плевелы; гдѣ благочестивая душа простымъ и чистосердечнымъ умомъ своимъ старалась, освѣщая правду, порождать любовь къ честности и благонравію, — тамъ и злочестивая душа хитрымъ и лукавымъ умомъ своимъ тщилась затьмить свѣтильникъ истины, и при мракахъ лжи, прельщать легковѣріе и возбуждать въ немъ склонность къ злонравію. Такимъ образомъ посредствомъ книгопечатанія открылась равная свобода и удобность благодушію и злосердію, разуму и невѣжеству, добродѣтели и пороку, дѣйствовать надъ умами человѣческими, созидая добрые или худые нравы, изъ которыхъ одни неминуемо влекутъ за собою благоденствіе, а другіе погибель царствъ и народовъ. Въ сей борьбѣ зла съ добромъ, перевѣсъ въ пользу того или другого долженствовалъ быть наблюдаемъ *цензурою* или оцѣнкою книгъ, дабы добрыя изъ нихъ для просвѣщенія и пользы выпускаемы, а худыя, для отвращенія могущаго отъ нихъ произойти вреда, останавливаемы были. Ибо какими иными средствами ядъ злонравія скорѣе распространяться и усиливаться можетъ, какъ не

соблазнительными и зловредными въ книгахъ умствованіями, сими сѣменами разрушенія нравственности, которыя заблуждшій умомъ человѣкъ беретъ изъ рабствующей страстямъ души своей и сыплетъ ихъ на нивы неосторожной простоты, дабы нѣкогда принесли онѣ пагубный плодъ? Какая труба удобнѣе внушитъ гласъ свой во уши и сердца многихъ, какъ не книга, въ одно и тоже время въ тысячи мѣстахъ и тысячами людей читаемая? Притомъ же слово, хитростію ума испещренное, ядовитѣе и опаснѣе змѣи, прельстившей прародителей нашихъ. Оно подъ различными видами, то угожденіемъ сладострастію, то остротою насмѣшки, то мнимою важностію мудрости, то сокровенностію мыслей, а иногда и самою темнотою и безтолковицею, очаровываетъ, ослѣпляетъ неопытные умы, и часто гнусность порока такъ искусно умѣетъ облекать въ красоту добродѣтели, что самый зрѣлый разсудокъ едва различить ихъ можетъ. Сего-то ради апостолъ, остерегая отъ него людей, говоритъ: *не будемъ младенцы влающеся* [1]) *всякимъ вѣтромъ ученія.* Наглость слова — не меньше какъ и хитрость его: при малѣйшемъ нерадѣніи блюстителей нравовъ, оно обезоруживаетъ ихъ строгость, смягчаетъ суровость, исторгаетъ ласки у гнѣва, похвалы у ненависти, и безбоязненно тысячами путей течетъ распространять языкъ страстей и лжи, который чѣмъ больше заразитъ умовъ, тѣмъ громче, дерзостнѣе и безстыднѣе становится. Такова есть хитрость, смѣлость и сила слова употребленнаго во зло! Прошедшій вѣкъ, названный просвѣщеннымъ и философскимъ, усыпя бденіе правительствъ, породилъ и возлелеялъ сей духъ безбожія и злонравія, сей духъ истребленіемъ и убійствами дышащій, отъ котораго потрясаются правительства, потухаетъ свѣтъ вѣры, умолкаетъ законъ, гибнетъ власть, водворяется, свирѣпствуетъ шумное буйство, и добродѣтель, труды, науки, художества утопаютъ въ потокахъ крови. Таковы суть слѣдствія, рождающіяся отъ дремоты правительствъ смотрѣть за нравами! Франція, поколебавъ умы и спокойствіе всей Европы, показала и показываетъ еще столь явный и громкій тому примѣръ, что кажется слѣпому должно видѣть и глухому слышать оный. Языкъ ея, содѣлавшійся по нещастію общимъ, способствовалъ сему подъ именемъ любомудрія, образованія, вкуса, просвѣщенія, возникшему въ ней злу скитаться изъ страны въ страну, изъ дома въ домъ, изъ училища въ училище, изъ журнала въ журналъ, съ театра на театръ, и сперва скрытно, а потомъ и

---

[1]) Въ Русскомъ Архивѣ (ст. 1343) неправильно напечатано — вдающеся

явно учить, воспитывать, заражать, ослѣплять, развращать юношество, съ тою адскою надеждою, что оно, возмужавъ и напитавшись заблужденіями, станетъ сообщать ихъ изъ рода въ родъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе. Поборники по злочестіи, служившіе подъ знаменами его, основавъ тайное ученіе свое на безбожіи, на разрушеніи вѣры, знали какимъ средствомъ успѣшнѣе дойти до сего могутъ, и потому съ великимъ жаромъ защищали (и нынѣ защищаютъ) вольность книгопечатанія, подъ предлогомъ такъ называемой ими свободы ума, но въ самомъ дѣлѣ свободы страстей и безумія. Они знали, что наблюденіе за книгами, разсматриваніе и оцѣнка ихъ, а особливо когда будетъ въ рукахъ честныхъ и благоразумныхъ людей, остановитъ и не дастъ скрывающемуся въ нихъ яду втекать и распространяться; для того истощили всѣ хитрости разума и краснорѣчія, дабы мнимою проистекающею изъ того пользою усыпить осторожность правительствъ. Они употребили къ тому по наружности грубый, но со всѣмъ тѣмъ весьма удачный обманъ, а имянно прикрывали настоящее намѣреніе свое противнымъ тому именемъ: подъ видомъ глубочайшихъ изслѣдованій любомудрія — разстилали мракъ лжемудрія, подъ видомъ таинственныхъ умствованій о вѣрѣ — разрушали вѣру, подъ видомъ утвержденія власти — низлагали власть, подъ видомъ законовъ — вводили беззаконіе, подъ видомъ человѣколюбія — внушали безчеловѣчіе, и такъ далѣе. Но какъ языкъ есть первѣйшая вещь, просвѣщающая умъ и раскрывающая понятіе, то, дабы не открылъ онъ нелѣпости ихъ мыслей, придумали они подъ видомъ старанія о изящности и чистотѣ языка спутать его темнотою и невразумительностію словъ, дабы читатель больше вѣрилъ и удивлялся, нежели понималъ. Всѣми сими способами достигли они до своего желанія, и такъ хорошо умѣли укоренить свою мысль, что даже и въ нынѣшнее время, послѣ ужасныхъ плодовъ, принесенныхъ развратными писаніями, тотъ же крикъ не умолкаетъ. Тѣжъ поборники, подъ именемъ новыхъ наукъ, новаго ума, новаго просвѣщенія, новыхъ правилъ чести и добродѣтели, тщатся поддерживать сіе средство, столь надежное къ искорененію добрыхъ нравовъ, и которое успѣло уже такъ широко распространиться и такую взять силу, что едва-ли самая строгая мѣра и самое проницательное око дерзость его удерживать и пронырство его предусматривать могутъ. Здѣсь не мѣсто входить о томъ въ подробности, но довольно вопросить: какую книгу труднѣе написать — умную или безумную, полезную или безполезную? Одинъ сей вопросъ служитъ уже доказательствомъ, что неограниченная

свобода книгопечатанія желаетъ противъ одной хорошей книги выпускать двадцать худыхъ. Но услышать-ли тамъ голосъ и судъ мудраго, гдѣ двадцать невѣждъ будутъ вмѣстѣ съ нимъ кричать нелѣпицу? Не одолѣютъ-ли напослѣдокъ невѣжды, и сей мудрецъ не скроетъ-ли талантъ свой въ землю, оставя ихъ кричать, глушить и портить народъ? Сколько бы не говорили, что тамъ просвѣщеніе, гдѣ въ тысячу перьевъ пишутъ, однако это неправда: не число книгъ приноситъ пользу, но достоинство ихъ; лучше не имѣть ни одной, нежели имѣть ихъ тысячи худыхъ.

При малѣйшемъ обозрѣніи всѣхъ сихъ обстоятельствъ не трудно убѣдиться въ трехъ слѣдующихъ истинахъ: 1-е. Что время и нужно правительству обратить строгое и попечительное вниманіе, дабы не дать злу сему, отчасу больше и больше растущему, взойти на такую степень, на которой уже не лѣкарство врачей предупреждаетъ силу болѣзни, но сама она переломомъ своимъ или приключаетъ смерть, или по многомъ страданіи возвращаетъ изнеможенному здравіе. 2-е. Что цензура или разсматриваніе книгъ, по причинѣ множества ихъ и нынѣ издаваемыхъ, а особливо по причинѣ умноженія въ нихъ иногда развратныхъ и вредныхъ, а иногда недостойныхъ чтенія сочиненій и переводовъ, сдѣлалась такою важною и обширною должностію, что тогда только можетъ отправляема быть съ должнымъ раченіемъ, предусмотрительностію и успѣхомъ, когда составлена будетъ изъ достаточнаго числа людей опытныхъ, благоразумныхъ, почтенныхъ, имѣющихъ свѣденія въ наукахъ и хорошо знающихъ языкъ свой и словесность. 3-е. Что нынѣшняя цензура далеко не достигаетъ до своей цѣли: первое — по малому числу людей, не могущихъ съ надлежащимъ вниманіемъ обнять всю громаду изданныхъ и издаваемыхъ книгъ; второе — по недостатку предписанныхъ имъ правилъ, коими могли бы они руководствоваться, и которыя должны быть составлены съ великою подробностію и разсмотрительностію, дабы не только не отнимали у сочинителей свободы писать и разсуждать, но ободряли бы оную и питали, преграждая въ тожъ время пути къ издаванію въ свѣтъ худыхъ, дерзкихъ, соблазнительныхъ, невѣжественныхъ, пустословныхъ сочиненій, отъ которыхъ развращается нравственность, умножаются ложныя понятія, темнѣетъ просвѣщеніе и возрастаетъ невѣжество. Наконецъ третій недостатокъ нынѣшней цензуры состоитъ въ томъ, что она не имѣетъ довольнаго доступа и голоса къ защитѣ или одобренію хорошей, и къ остановкѣ или обличенію худой книги,

— обстоятельство необходимо нужное для отнятія смѣлости и надежды у происковъ и пронырства.

Имѣя щастіе представлять мнѣніе мое Государственному Совѣту, подвизаемый долгомъ и усердіемъ моимъ къ общему благу, я бы могъ сказанное мною яснѣе показать сдѣланными изъ книгъ выписками, изъ собранія коихъ можно бы было усмотрѣть полезенъ-ли духъ таковыхъ писаній или вреденъ; но сіе завело бы меня весьма далеко и превзошло бы предѣлы сего представленія. Однакожъ поелику учебныя книги, по которымъ въ училищахъ преподаются науки, несравненно важнѣе прочихъ, и могутъ больше приносить пользы или вреда; ибо худой романъ (или иное подобное тому сочиненіе) въ рукахъ читателя принесетъ ему одному вредъ; но худая учебная книга въ рукахъ учителя посѣетъ худыя сѣмена въ незрѣлые умы многихъ, и отниметъ у нихъ здравость смысла и чистоту разсудка; для того почитаю я нужнымъ обратить вниманіе Государственнаго Совѣта на таковыя книги представленіемъ сколько возможно краткихъ, но довольныхъ для образца выписокъ изъ оныхъ.

ВЫПИСКИ ИЗЪ УЧЕБНЫХЪ КНИГЪ:

„Человѣкъ кромѣ самаго себя представляетъ себѣ великое число предметовъ; онъ опредѣляетъ ихъ свойство, образъ дѣйствія на самаго себя и между собою. Онъ наблюдаетъ притомъ какъ сіи представленія о внѣшнихъ предметахъ, такъ и размышленія о томъ въ собственномъ своемъ внутреннемъ состояніи; онъ получаетъ о нихъ свѣденіе, и узнаетъ чрезъ то самаго себя. Сей самъ есть собственное его существо. Но сіе существо не есть собственный предметъ непосредственнаго наблюденія человѣка; онъ видитъ только перемѣны и дѣйствія, относящіяся къ сему существу. Сіе существо въ представленіи остается тѣмъже и называется потому особою. Оно значитъ тоже, что и душа.“ (Курсъ философіи, изданный отъ главнаго правленія училищъ. Часть 3, стран. 20. [1]).

Или:

„Щекотаніе есть тѣлесное ощущеніе, подобное ощущенію тренія и зудѣ. Онѣ могутъ быть пріятными или непріятными. Дѣйствіе щекотанія есть смѣхъ, который можетъ быть соединенъ также съ пріятнымъ или непріятнымъ ощущеніемъ, смотря потому,

---

[1]) Въ Росписи Смирдина, No. 1044: Курсъ философіи для гимназій Россійской Имперіи; соч. Лудвига Якоба, изданный Главнымъ Правленіемъ Училищъ; 8 частей; изд. 2-е. С. П. Б. Въ типогр. Акад. Наукъ. 1815—1817. (8). — Цѣна 20 руб.

полезно-ли жизни соединенное съ тѣмъ движенiе, или нѣтъ.“ (Тамъ же, стран. 60).

Или:

„Дѣйствующiя одно на другое чувствованiя могутъ быть всѣ прiятны, или всѣ непрiятны, или одинъ родъ можетъ быть прiятенъ, а другой непрiятенъ. Въ первомъ случаѣ удовольствiе или неудовольствiе возвышается ихъ смѣшенiемъ; въ послѣднемъ, естьли онѣ сливаются, сильнѣйшее чувствованiе сообщаетъ слабѣйшему сущность свою, и отъ того происходитъ горькое удовольствiе или сладкое неудовольствiе. Сильнѣйшее удовольствiе отчасти или совершенно уничтожаетъ слабѣйшее удовольствiе или неудовольствiе, предъидущее ему или съ нимъ соединенное. Сильнѣйшее неудовольствiе имѣетъ такое же влiянiе на удовольствiе или неудовольствiе, происходящее отъ другихъ предметовъ. Удовольствiе возвышаетъ сильнѣйшее или слабѣйшее удовольствiе или неудовольствiе, которое къ нему присоединяется. Неудовольствiе возвышаетъ соединившееся съ нимъ удовольствiе или неудовольствiе другого рода.“ (Тамъ же, стран. 70).

Или:

„Ежели надобно посредствомъ языка выразить всѣ различные роды дѣйствованiй мышленiя, то надлежитъ также имѣть въ готовности для каждой особой формы дѣйствованiя мышленiя и особенную форму словъ; и потому возможныя и для совершенства языка необходимыя составныя части рѣчи наилучшимъ образомъ открываются посредствомъ систематическаго начертанiя дѣйствованiя мышленiя.“ (Тамъ же. Часть 2, стран. 42).

Я не смѣю вниманiе Государственнаго Совѣта обременять дальнѣйшими еще выписками, но довольно уже и сихъ, дабы вопросить: какимъ свѣтомъ озарится умъ юноши, когда онъ, прочитавъ сiе, или затвердя наизусть, станетъ, ничего не понимая, самъ себѣ говорить: *я есмь собственное мое существо, остающееся въ представленiи тѣмъ же, и называемое особою или душою?* На полезное-ли употребитъ онъ драгоцѣнное время свое, когда въ классѣ философiи станетъ слушать произносимое съ важностiю отъ учителя толкованiе тому, чему давно уже онъ отъ рѣзвыхъ товарищей своихъ научился, что *щекотанiе есть ощущенiе, рождающее смѣхъ, и подобное ощущенiю тренiя и зуду?* Какая добродѣтель вкоренится въ сердце его, или какой должности своей научится онъ отъ всѣхъ *чувствованiй, игръ удовольствiя прiятныхъ и непрiятныхъ, сильнѣйшихъ и слабѣйшихъ, имѣющихъ влiянiе одно на другое, отчасти или совершенно уничтожающихся, и про-*

изводящихъ горькое удовольствіе и сладкое неудовольствіе? Науки-ли это? Въ томъ-ли состоитъ любомудріе и просвѣщеніе, чтобъ не разумѣть самаго себя? Сей ли темный и непонятный языкъ откроетъ намъ силу языка? Но взглянемъ еще хотя мимоходомъ на хитрую науку, называемую эстетикою или наукою вкуса, которой не знали ни Гомеры, ни Виргиліи, ни Расины, и которой мы нынѣ научась, не знаемъ ни Гомеровъ, ни Виргиліевъ, ни Расиновъ. Воспаленные нѣмецкіе головы, смѣшавъ нѣкоторые блески ума съ совершеннымъ бредомъ, произвели ее на свѣтъ. Мы у нихъ переняли, и наполняемъ сею горячкою, лишающею всякаго здраваго смысла и разсудка, невинное воображеніе нещастныхъ юношей. Возьмемъ изъ ней сколько нибудь мѣстъ [1]: Что такое — *природа вразумительна одному только гармонически образованному духу?* Что такое — *гармонически образованный духъ есть такой духъ, коего всѣ силы и способности въ цѣломъ составѣ своемъ приспособлены къ постоянной стройности природы и имѣютъ съ нею согласіе?* Что такое — *шествовать эмпирическимъ путемъ?* Что такое — *благочестивый интересъ?* Что такое — *интересоваться превыше животнаго человѣчества?* Что такое — *мы интересуемся не тѣмъ, что насъ интересуетъ?* Что такое — *нерадѣніе о простонародной отборности есть первѣйшій шагъ къ безвкусности въ искуствѣ?* Что такое — *красота дѣлается граціею, когда нѣжнѣйшая прелесть пріятной значительности выраженія теряется въ прелести напріятнѣйшей формы?* Что такое — *идеальная красота есть та, которая, удаляясь болѣе или менѣе отъ простоестественныхъ видовъ, занимаетъ собою свободную силу идеализирующей фантазіи?* Что такое — *необъятная пустота потому меньше уважительна, нежели громада, что эстетическое чувство въ своемъ сужденіи ищетъ точки отдохновенія, съ которой бы оно могло начинать и распространять щастливую игру воображенія?* — Но я не кончу, ежели стану продолжать, и потому думаю, что и мнѣ надобно остановиться на сей *точкѣ отдохновенія*, и замѣтить только, что наука сія преподается въ училищахъ безъ всякаго одобренія отъ цензуры, по рукописнымъ тетрадямъ; и я смѣю увѣрить Государственный Совѣтъ, что ни одинъ юноша не

---

[1]) Не имѣемъ возможности указать откуда Шишковъ дѣлаетъ послѣдующія выписки; знаемъ только, что въ московскомъ университетѣ и въ петербургской духовной академіи тогда извѣстна была эстетика геттингенскаго профессора Бутервека, и что въ академіи объяснялъ ее сначала, по русскому переводу, баккалавръ Леонидъ Зарѣцкій, а послѣ него — вызванный изъ Берлина докторъ философіи Фесслеръ. (См. стат. П. Мельникова „Изъ прошлаго,“ въ Русск. Вѣстн. 1868. кн. IV, стр. 506).

можетъ пройти всего курса ея безъ того, чтобъ онъ, гоняясь за изящностями природы, и сбившись съ пути такими новоязычными словами, какъ *отборность*, *безвкусность*, *разумность*, *значимость*, *животность*, *творчество*, и тому подобными, не потерялъ весь свой здравый разсудокъ, и не сдѣлался такимъ *гармонически-образованнымъ духомъ*, который станетъ находить *грацію* во всемъ, чего ему захочется, или на что его устремятъ.

Кажется изъ всего сказаннаго мною довольно явствуетъ, сколь нужно правительству обратить вниманіе свое на цензуру, и что не имя ея одно можетъ отвращать вредъ и приносить пользу, но опредѣленное на прочномъ основаніи съ хорошимъ выборомъ число людей и предписанныхъ имъ сообразныхъ съ нынѣшнимъ временемъ благоразумныхъ правилъ. Таковая цензура не можетъ быть учреждена подъ частнымъ вѣденіемъ какого-нибудь министерства, но должна быть особеннымъ государственнымъ постановленіемъ, состоящимъ изъ верхняго и нижняго сословія или комитета. Изъ оныхъ нижній комитетъ долженъ состоять изъ людей избранныхъ, возмужалыхъ, добронравныхъ, ученыхъ, знающихъ языкъ и словесность [1]*). Сему нижнему комитету надлежитъ быть раздѣлену на разные отдѣлы, смотря потому, на сколько родовъ раздѣлены будутъ книги, поступающія въ цензуру. Верхній комитетъ, управляющій всѣми отдѣлами нижняго, и въ который они подаютъ свѣденія, отчеты и представленія свои о прочтенныхъ ими книгахъ, долженъ состоять изъ четырехъ особъ, а имянно: изъ министра просвѣщенія (по долгу попеченія о наукахъ и воспитаніи юношества), изъ министра полиціи (по долгу попеченія о поведеніи и нравахъ), изъ оберъ-прокурора правительствующаго синода (по долгу попеченія о согласіи духовной словесности съ свѣтскою), и изъ президента Россійской Академіи (по долгу попеченія о языкѣ, безъ котораго никакая книга не можетъ быть полезна). Отдѣлы нижняго комитета должны каждый отвѣтствовать за свою цензуру, поелику предоставляется имъ во всякомъ сомнительномъ случаѣ право относиться въ верхній комитетъ, который или самъ

---

*) Разсматриваніе книгъ есть, безъ всякаго особливаго порученія, настоящая должность Россійской Академіи, поелику она по званію своему должна быть охранительницею языка отъ всякихъ въ немъ злоупотребленій.

---

[1]) Въ текстѣ Русскаго Архива (стр. 1351) прибавлено: „какъ то: изъ профессоровъ разныхъ наукъ, изъ членовъ Россійской Академіи и другихъ.“

разрѣшаетъ, или въ какомъ либо чрезвычайномъ случаѣ испрашиваетъ разрѣшенія отъ Государственнаго Совѣта или отъ самой верховной власти.

Я изложилъ здѣсь кратко мнѣніе мое о составленіи цензурнаго комитета, не предлагая никакого подробнаго тому основанія и расположенія, исполненіе коихъ требуетъ немалаго времени и трудовъ, на которые поступить, безъ особливаго на то приказанія и порученія, не имѣю я ни права, ни долга; но утверждаю токмо, что существующая нынѣ цензура весьма недостаточна къ отвращенію вреда, приносимаго худыми книгами воспитанію, нравамъ и просвѣщенію. А. Ш.

СЛѢДСТВІЕ ИЗЪ СЕГО ПРОИЗШЕДШЕЕ:

Въ государственномъ совѣтѣ, при слушаніи сего мнѣнія, нѣкоторые члены удивлялись, другіе смѣялись, когда я читалъ выписки, третьи не хотѣли вѣрить, доколѣ самыя книги не были имъ показаны. Напослѣдокъ, по нѣкоторомъ довольно хладнокровномъ и повидимому не охотномъ о томъ сужденіи, положено было повѣстить министру просвѣщенія и управляющему министерствомъ полиціи, чтобъ они въ будущее собраніе пріѣхали въ совѣтъ, для выслушанія вновь сего мнѣнія (ибо они въ прежнемъ собраніи не присутствовали). Такимъ образомъ оное вторично при нихъ прочтено было; но рѣшенія по оному никакого не послѣдовало, кромѣ, что велѣно оное пріобщить къ дѣлу. Чрезъ нѣсколько дней министръ просвѣщенія, въ отвѣтъ на представленіе управляющаго министерствомъ полиціи, вошелъ въ совѣтъ съ бумагою, въ которой утверждалъ, что нынѣшняя цензура весьма хороша и достаточна, что она со времени учрежденія своего (то есть въ продолженіе семи или осьми лѣтъ) ничего противнаго нравственности не пропустила, и что потому должна оставаться на прежнемъ основаніи и состоять подъ единственнымъ вѣденіемъ министра просвѣщенія. Наконецъ въ заключеніе о моемъ мнѣніи говоритъ, что какъ оно есть постороннее, до сего не касающееся дѣло, то онъ и не входитъ ни въ какое о немъ разсужденіе. Можетъ быть читатель удивится, что министръ просвѣщенія томужъ самому государственному совѣту, въ которомъ читаны выписки, сдѣланныя мною изъ книгъ, не токмо пропущенныхъ цензурою, но и напечатанныхъ отъ главнаго правленія училищъ, говоритъ безъ всякаго возраженія противу приведенныхъ мною неоспоримыхъ доводовъ, что *цензура хороша*, что *доселѣ ничего*

противнаго нравственности ею не пропущено, и что *поданное мною о семъ мнѣніе есть постороннее, не принадлежащее къ сему дѣло!* Но какъ бы ни велико было его удивленіе, однакожъ произшествіе сіе было точно такое, и всѣ по сему бумаги остались погребенными въ вѣчное забвеніе.

ПРИМѢЧАНІЯ МОИ НА ПЕРВУЮ ГЛАВУ ПРОЭКТА ГРАЖДАНСКАГО УЛОЖЕНІЯ *).

Выписка изъ Наказа.

„Законы не должны быть тонкостями, отъ остоумія происходящими, наполнены; они сдѣланы для людей посредственнаго разума равномѣрнымъ образомъ, какъ и для остроумныхъ; въ

*) Дабы знать по какому случаю примѣчанія сіи представлены отъ меня были государственному совѣту, нужно читателя предварить о нѣкоторыхъ предшествовавшихъ сему обстоятельствахъ. Извѣстна учрежденная коммисія составленія законовъ, долженствовавшая привесть въ новый порядокъ всѣ доселѣ изданныя узаконенія и составить полное и послѣдственное уложеніе[1]). Коммисія съ великимъ иждивеніемъ и немалыми наградами чрезъ нѣсколько лѣтъ, при разныхъ начальствовавшихъ въ оной лицахъ[2]), наконецъ издала три части уложенія [3]), подъ названіемъ проэкта законовъ. Изъ сихъ трехъ частей двѣ были уже одобрены и утверждены[4]), а третья

[1]) Докладъ о ней утвержденъ высочайшимъ указомъ, отъ 28 февраля 1804 года. Это была по счету (съ 1700 года) десятая коммиссія, учрежденная съ цѣлью составить уложеніе. Первое ея засѣданіе происходило 24 марта 1804 года. („Труды коммиссіи составленія законовъ," С. П. Б. 1804. Ч. I, стр. 65, рапортъ 26 марта).

[2]) Главными дѣятелями и руководителями работъ коммиссіи были Сперанскій, а прежде и послѣ него — Густавъ Андреевичъ Розенкампфъ, въ 1817 году возведенный въ баронское достоинство и въ память кодификаціонныхъ трудовъ, получившій въ гербъ изображеніе серебренаго столба съ надписью „законъ." Англійскій юристъ и философъ Бентамъ отзывался о Розенкампфѣ, какъ о человѣкѣ вполнѣ неспособномъ къ подобному труду; саму же коммиссію считалъ совершенно некомпетентной въ этомъ дѣлѣ, и потому отказался принять какое-либо участіе въ драмѣ слабости и неискренности (Вѣстн. Евр. 1869. кн. 2 и 4, статья А. Н. Пыпина, „Русскія отношенія Бентама"). Мнѣніе Карамзина о первыхъ двухъ частяхъ проекта гражданскаго уложенія, изготовленныхъ коммиссіей, см. въ его Запискѣ о древней и новой Россіи (Берлинъ. 1861 г., стр. 118—129).

[3]) Право лицъ, право вещественное и право договоровъ.

[4]) Утверждены онѣ не были; государственный совѣтъ отложилъ сужденіе о нихъ, до изготовленія третьей части (Précis des notions historiques sur la formation du corps des lois russes. St. Petersbourg. 1833. p. 40. — Русскаго подлинника этой книги мы подъ рукой не имѣемъ.).

нихъ содержится не наука, предписывающая правила человѣческому уму, но простое и правое разсужденіе отца, о чадахъ и домашнихъ своихъ пекущагося.

„Надлежитъ чтобы въ законахъ видно было вездѣ чистосердечіе; они даются для наказанія пороковъ и злоухищреній: и

сочинялась. Въ бытность мою государственнымъ секретаремъ сія третія часть, въ 1813 году, отъ первоприсутствовавшаго тогда въ сей коммисіи князя Лопухина[1]) прислана была ко мнѣ, для поднесенія государю императору, вмѣстѣ съ представленіемъ о наградѣ нѣкоторыхъ трудившихся надъ тѣмъ чиновниковъ. Я получилъ сію книгу и представленіе во время похода изъ Вильны къ Дрездену[2]). Воинскія тогдашнія движенія и заботы долго не открывали мнѣ случая доложить о семъ. Сочиненіе сего новаго уложенія не было мнѣ ни съ какой стороны извѣстно. Бывъ, по нѣкоторому неблагорасположенію ко мнѣ людей новѣйшаго образа мыслей, обнесенъ государю и оставленъ отъ него немалое время (т. е. до 1812 года) безъ всякаго вниманія, не прочилъ я себя никогда въ государственные люди, не искалъ ни связей, ни почестей, ни наградъ, ни должностей, и занимаясь одною только словесностію, не любопытствовалъ даже знать ни о какихъ новыхъ постановленіяхъ и перемѣнахъ, и хотя слышалъ о сочиненіи сихъ законовъ, но никогда не читалъ ихъ. Въ сіе же время, какъ по нѣкоей обязанности, такъ и по досугу, счелъ я за нужное прочитать присланную ко мнѣ третію часть проэкта уложенія. Я нашелъ ее написанною худымъ языкомъ, безъ всякаго тщанія и соображенія съ нашими законами, съ нашими нравами и обычаями, индѣ двусмысленною, часто невразумительною, и даже наполненною безнравственными статьями, безтолково переведенными изъ такъ называемаго кодикса Наполеона. Понятіе, полученное мною о ней, привело меня въ сомнѣніе. Съ одной стороны. зная что государь привязанъ къ сему произведенію, имъ начатому, имъ одобренному, и на которое онъ употребилъ уже столько денегъ и наградъ, я колебался, сказать ли ему о семъ, чувствуя, что это будетъ для него непріятно, и что я, оскорбя многія участвующія въ томъ лица, не принесу можетъ быть никакой чрезъ то пользы, а подамъ ему поводъ возмнить обо мнѣ, что я дѣлаю это по какой-нибудь личности или изъ самолюбиваго умничанья Но съ другой стороны казалось мнѣ, что какой бы ни былъ словъ моихъ успѣхъ, я по званію моему имѣю долгъ о томъ ему донести. Въ семъ недоумѣніи рѣшился я на послѣднее, и на случай доклада выписалъ тѣ мѣста, коимъ, по моему мнѣнію, или не надлежало быть въ законахъ, или надлежало быть яснѣе и лучше изложенными; и написалъ противъ нихъ сильныя возраженія. Приготовясь такимъ образомъ, и будучи принятъ съ докладами, я подавая книгу сказалъ: — „Го-

[1]) Сначала, на основаніи статьи 2-ой утвержденнаго въ 1804 г. Положенія, князь Лопухинъ, какъ министръ юстиціи, имѣлъ коммиссію въ непосредственномъ своемъ вѣдѣніи, и вмѣстѣ съ своимъ Товарищемъ (Новосильцевымъ) составлялъ ея Присутствіе. Секретаремъ Присутствія былъ назначенъ Розенкампфъ, впослѣдствіи сдѣлавшійся полнымъ хозяиномъ коммиссіи Нѣсколько разъ организація коммиссіи измѣнялась; съ 1812 по 1826 г., она управлялась совѣтомъ изъ трехъ членовъ, подъ вѣдѣніемъ главнаго начальника (т. ж. стр. 38 и 39).

[2]) См. I томъ „Записокъ," стр. 251 и 252, въ примѣчаніи.

такъ надобно имъ самимъ заключать въ себѣ великую добродѣтель и незлобіе. Слогъ законовъ долженъ быть кратокъ, простъ; выраженіе прямое всегда лучше можно разумѣть, нежели околичное выраженіе.

„Когда слогъ законовъ надутъ и высокопаренъ, то они

сударь! естьли бы вы позволили, я бы осмѣлился представить вамъ нѣкоторое мое мнѣніе о сей книгѣ.“ — Онъ позволилъ, и я продолжалъ: — „Нѣтъ сомнѣнія, что намѣреніе ваше издать порядочные законы сопряжено съ желаніемъ обуздать ябеду, уменьшить тяжбы и водворить лучшее правосудіе; но когда сіе благое намѣреніе худо будетъ исполнено, то составленные вновь безъ должнаго тщанія законы не только не принесутъ народу пользы, а вамъ славы, но могутъ послужить ко вреду и того и другого. Я прочиталъ сію представляемую вамъ третію часть проэкта законовъ, и нахожу ее далеко не соотвѣтствующею вашимъ намѣреніямъ.“ — По окончаніи сихъ словъ моихъ, я примѣтилъ на лицѣ его величества нѣкоторые знаки негодованія; однакожъ онъ съ довольною кротостію отвѣчалъ мнѣ: — „Можетъ быть въ этой третьей части есть что нибудь худое; а прежнія двѣ хороши: ихъ писалъ Сперанскій.“ — Я отвѣчалъ на это: — „Сочиненіе ихъ началось прежде Сперанскаго; да и онъ, будучи занятъ многими дѣлами, можетъ быть не имѣлъ времени съ должнымъ вниманіемъ ихъ разсматривать [1]). Но я не смѣю доносить вамъ о прежнихъ двухъ частяхъ, не имѣя достаточнаго о нихъ свѣдѣнія, а почитаю обязанностію донести о сей третьей, что она требуетъ весьма немалыхъ поправокъ, естьли не совершеннаго вновь составленія. Я сдѣлалъ на первую главу ея нѣкоторыя замѣчанія, и когда бы угодно было вашему величеству выслушать оныя, то можетъ быть и вы сами нашли бы ее таковою.“ — На сіе государь отвѣчалъ мнѣ: — „Это надобно слушать съ свѣжею головою; а я теперь такъ занятъ, что не могу обратить на то моего вниманія. Надобно оставить это до удобнѣйшаго времени.“ — Такимъ образомъ я взялъ обратно книгу, и представленіе осталось безъ рѣшенія. Долгое потомъ время не имѣлъ я случая возобновить о томъ разговоръ. Наконецъ, на походѣ изъ Франкфурта къ Базелю, докладывая въ одинъ день, напомнилъ я ему, что представленіе о наградѣ чиновниковъ за труды по сочиненію законовъ осталось безъ рѣшенія, и что не прикажетъ ли онъ теперь прочитать оное? Онъ приказалъ. Я рочиталъ. Въ числѣ прочихъ чиновниковъ, одинъ представлялся къ пожалованію въ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. По окончаніи чтенія, государь изволилъ мнѣ сказать: — „Помнится ты не очень хорошо отзывался объ этой третьей части: стало быть и труды надъ нею были не велики. Оставь это до возвращенія въ Петербургъ, и промолчи, какъ будто ты не докладывалъ мнѣ о томъ.“ — По сихъ словахъ я вышелъ отъ него, пришелъ домой, и увидя привезенныя изъ Петербурга вѣдомости, сталъ читать ихъ, и крайне удивился, нашедъ въ нихъ, что чиновникъ, представляе-

[1]) Не можемъ не повторить здѣсь желанія, выраженнаго Н. В. Сушковымъ (Вѣстн. Евр. 1867 г., т. II. „Изъ Записокъ о времени Александра I,“ стр. 186 и 187), чтобы вопросъ: кѣмъ былъ составленъ „проектъ гражданскаго уложенія?“ былъ рѣшенъ на основаніи бумагъ коммиссіи составленія законовъ и государственнаго совѣта.

инако не почитаются, какъ только сочиненіемъ изъявляющимъ высокомѣріе и гордость.

„Законы дѣлаются для всѣхъ людей; всѣ люди должны по онымъ поступать: слѣдовательно надобно чтобы всѣ люди оные и разумѣть могли.

мый въ дѣйствительные статскіе совѣтники, и котораго пожаловать государь не соглашаясь приказалъ обождать до возвращенія въ Россію, былъ уже имъ пожалованъ, и въ вѣдомостяхъ о томъ извѣщалось! Вотъ, думалъ я, что случается, когда представленія объ одномъ и томъ же по разнымъ путямъ могутъ течь къ престолу. Царь — человѣкъ, всего не упомнитъ! Напослѣдокъ, по возвращеніи послѣ славной войны въ Россію, когда уже наимянованный членомъ государственнаго совѣта не былъ я болѣе въ званіи государственнаго секретаря, государь императоръ, при отъѣздѣ своемъ въ Вѣну на конгресъ, далъ государственному совѣту указъ: разсмотрѣть всѣ три части проэкта гражданскаго уложенія, начиная съ первой. По отъѣздѣ его, совѣтъ приступилъ къ разсмотрѣнію. Стали читать первую главу. Можно себѣ представить, что таковое разсмотрѣніе по многимъ причинамъ долженствовало быть безуспѣшно. Первое, многіе члены, не столько дѣломъ, сколько именемъ участвовали въ сочиненіи сего уложенія, и слѣдовательно самолюбіе принуждало ихъ защищать оное. Второе, какимъ образомъ двадцать или болѣе человѣкъ, изъ которыхъ иной не вслушался, другой не вникнулъ, третій не сообразилъ, четвертый не понялъ, и такъ далѣе — могутъ поправлять читаемую передъ ними книгу законовъ, гдѣ не только всякую статью, но и всякое выраженіе, всякое слово, и даже знаки препинанія обдумать должно? Отселѣ произошло, что засѣданіе сіе было не иное что, какъ пустой шумъ и безполезное преніе. Пословица: у семи нянекъ дитя часто бываетъ безъ глаза, здѣсь совершенно приличествовала. Отбирали мнѣніе, оставить ли такое-то слово, или перемѣнить; и не по доказательствамъ и разсужденіямъ, но по большинству голосовъ опредѣлялся смыслъ рѣчей! Видя толь различные и часто не основательные толки, я всталъ и сказалъ, что я письменно подамъ о семъ мое мнѣніе. Чрезъ нѣсколько дней представилъ я сіе мнѣніе мое, состоящее (въ такомъ точно видѣ, какъ оное здѣсь находится) въ примѣчаніяхъ на первую главу первой части проэкта уложенія, сдѣлавъ вмѣсто предисловія выписку изъ наказа Великой Екатерины, дабы, сличая съ сею выпискою проэктъ уложенія, можно было усмотрѣть, тѣми ли правилами сочинители онаго руководствовались. По прочтеніи въ совѣтѣ примѣчаній моихъ, нѣкоторые изъ членовъ согласились со мною, что законы, толь небрежно изложенные, не долженствуютъ быть утверждены, и что надобно ихъ переправить, или совсѣмъ снова написать. Другіе, напротивъ, не возражая ничего противъ доказательствъ моихъ, утверждали однакожъ, что законы сіи написаны хорошо, никакихъ исправленій не требуютъ, и что должно ихъ оставить такъ какъ они есть. Я молчалъ. Многіе изъ членовъ предложили примѣчанія мои напечатать; но предсѣдатель [1]) и многіе другіе стали отвергать сіе предложеніе. Тогда не могъ я долѣе сохранить моего равнодушія; всталъ и сказалъ

[1]) Фельдмаршалъ кн. Николай Ивановичъ Солтыковъ.

„Надлежитъ убѣгать выраженій витіеватыхъ, гордыхъ или пышныхъ, и не прибавлять въ составленіи закона ни одного слова лишняго, чтобъ легко можно было понять вещь закономъ постановляемую.

„Также надобно беречься, чтобы между законами не были такіе, которые не достигаютъ до намѣреннаго конца, которые изобильны словами, а не достаточны смысломъ; которые по внутреннему своему содержанію маловажны, а по наружному слогу надменны“ [4]).

ПРИМѢЧАНІЯ.

Въ общемъ введеніи, подъ заглавіемъ Изъясненіе (стран. 17), сказано: *„предметъ первой главы гражданскаго уложенія есть опредѣлить: въ чемъ состоятъ права гражданскія, и означить*

громко: — „Я бы желалъ, чтобъ онѣ были напечатаны, для того что ежели проэктъ сей утвердится, и въ производствѣ по немъ суда окажется больше вреда нежели пользы для государства, то пусть всѣ знаютъ, что я былъ противнаго мнѣнія и въ семъ вредѣ не участвовалъ.“ — Таковыми словами конечно досадилъ я самолюбію многихъ, а особливо тѣхъ, которые получали за то награды и почести; но мнѣ прискорбно было видѣть, что многіе, дабы не подвергнуться укоризны за нерадивое исполненіе порученнаго имъ дѣла, хотѣли лучше отечеству нанесть вредъ неясными и спутанными законами, нежели признаться въ недостаткѣ своего, при сочиненіи оныхъ, вниманія или разумѣнія. Примѣчанія мои, по требованію большинства голосовъ, были напечатаны, столько экземпляровъ, сколько въ совѣтѣ членовъ. Послѣ сего министръ юстиціи Трощинской подалъ свое мнѣніе[1]), которое состояло въ подобныхъ же замѣчаніяхъ на худость и несообразность нѣкоторыхъ статей, замѣченныхъ имъ въ семъ проэктѣ уложенія. Но какъ мнѣніе его содержало въ себѣ больше общихъ разсужденій, нежели выписокъ съ прямыми и ясными уликами, и при томъ индѣ было колко написано, то членъ совѣта князь Салтыковъ [2]) представилъ противъ онаго возраженія свои, подобными же колкостями наполненныя. По выслушаніи всѣхъ сихъ бумагъ, не знаю по какимъ обстоятельствамъ, дальнѣйшее сужденіе о проэктѣ законовъ было оставлено, никогда больше не возобновлялось, и объявленный о томъ указъ остался безъ исполненія [3]).

---

[1]) Оно напечатано въ „Чтеніяхъ въ Общ. Ист. и Древн.“ 1859., кн. III.

[2]) Сынъ фельдмаршала, кн. Александръ Николаевичъ.

[3]) Въ книгѣ — „Précis des notions historiques sur la formation du corps des lois russes“ —, на стр. 40, сказано, что Совѣтъ, въ 1815 г., нашелъ невозможнымъ продолжать разсмотрѣніе новаго уложенія, не имѣя полнаго и систематическаго собранія всѣхъ дѣйствующихъ узаконеній. Въ 1821 и 1822 г. г., коммиссія снова представила свои работы на разсмотрѣніе Совѣта (См. ниже: „Примѣчанія на главу шестую проэкта законовъ“).

[4]) Наказъ Екатерины, гл. XIX, стат. 451—459.

различіе ихъ отъ правъ политическихъ.“ Раздѣлимъ, для удобнѣйшаго порядка примѣчаній, рѣчь сію на два разныхъ отдѣленія:

1-е. *Опредѣлить въ чемъ состоятъ права гражданскія.*

2-е. *Означить различіе ихъ отъ правъ политическихъ.*

Здѣсь слѣдуетъ разсмотрѣть исполнено ли то, что обѣщано, и такъ ли исполнено, какъ въ правилахъ Наказа предписывается. Станемъ сперва разсуждать о первомъ отдѣленіи. Исполненіе онаго состоитъ въ слѣдующемъ сказаніи:

§ 1. „*Права гражданскія проистекаютъ изъ взаимныхъ отношеній подданныхъ между ими, по лицу ихъ и имуществу, поколику отношенія сіи опредѣлены закономъ.*“

И такъ въ общемъ введеніи обѣщано сказать въ чемъ *состоятъ,* а въ исполненіи сказано *изъ чего проистекаютъ.* Сіи два обстоятельства весьма различны между собою: показаніе происхожденія или проистеканія вещи не есть опредѣленіе оной. Сверхъ сего и самое показаніе сіе — *откуду проистекаютъ* — весьма неясно; ибо сказано: *проистекаютъ изъ взаимныхъ отношеній подданныхъ* (чьихъ и какихъ подданныхъ?) *между ими* (чистота языка велитъ говорить: *взаимныя отношенія между подданными,* а не *взаимныя отношенія между ими*), *по лицу ихъ и имуществу.* Что такое: *отношеніе по лицу?* Слово *лице* значитъ человѣкъ, особа. Чтожъ такое *отношеніе по человѣку, по особѣ?* Естьли полагать здѣсь обыкновенное опущеніе, и въ выраженіи *отношеніе по лицу* подразумѣвать *отношеніе смотря по лицу,* то кажется въ законахъ сего не говорится; естьли же разумѣть подъ симъ: *отношеніе отъ лицъ къ лицамъ,* то кажется сіе излишно; ибо сказано уже: *взаимныя отношенія между подданными,* слѣдовательно тоже, что между ихъ лицами. *Отношеніе по имуществу* есть также недостаточно къ опредѣленію, потому что могутъ быть другія отношенія *не по имуществу.* Въ концѣ параграфа сказано: *поколику отношенія сіи опредѣлены закономъ;* когда законъ опредѣляетъ отношенія правъ гражданскихъ, то слѣдовательно сіи права и къ закону имѣютъ отношеніе; и такъ *отношенія* сіи по лицу и по имуществу состоятъ еще въ *отношеніяхъ* къ другимъ обстоятельствамъ и къ законамъ: столько *отношеній* затрудняютъ разумъ куда ихъ отнести. А потому мнѣ кажется, что о подобномъ слогѣ въ законахъ не можно сказать, чтобъ въономъ наблюдались тѣ правила, о какихъ сказано въ Наказѣ: „Надобно беречься, чтобъ между законами не были такіе, которые изобильны словами, а недостаточны смысломъ.“ — Во второмъ отдѣленіи обѣщано означить различіе правъ гражданскихъ съ политическими,

но сего не означено, и отъ того въ послѣдующихъ статьяхъ увидимъ мы вездѣ смѣшеніе понятій, происходящее отъ употребленія словъ сихъ безъ разбора.

§ 2. *„Законъ государственный опредѣляетъ, въ какой мѣрѣ „права гражданскія принадлежатъ каждому по его состоянію."*

По сей статьѣ представляются два сомнѣнія: 1-е, что значитъ здѣсь *состояніе?* Ежели разное званіе и богатство всякаго лица, какъ разумѣть должно по смыслу выраженія: *каждому по его состоянію*, то кажется *о правахъ гражданскихъ* не можно сказать, что законъ опредѣляетъ въ какой мѣрѣ принадлежатъ онѣ полковнику, подполковнику, дворянину, купцу, богатому, бѣдному, и проч.; ибо сіи суть состоянія каждаго лица, и тогда подъ словами *гражданскія права* надлежало бы разумѣть тысячи разныхъ правъ. Естьли же слово *состояніе* взять здѣсь за раздѣленіе людей на разныя состоянія, какъ то дворянское, купеческое, мѣщанское, и проч., то сіи состоянія имѣютъ при гражданскихъ правахъ особенныя отъ оныхъ права, которыя, хотя и не свойственно (какъ мы послѣ о томъ разсуждать будемъ), называются *политическими*. И такъ каждое изъ сихъ состояній имѣетъ двоякаго рода права, однѣ общія со всѣми россійскими подданными (гражданскія), другія особенно каждому изъ сихъ состояній присвоенныя или закономъ данныя (политическія). Слѣдовательно каждое изъ сихъ правъ есть особое, и для того отличается особымъ именемъ. Но когда я говорю, что *законъ въ каждомъ состояніи опредѣляетъ мѣру гражданскаго права*, то уже я смѣшиваю политическое право съ гражданскимъ, и разумѣю одно только гражданское съ нѣкоторыми степенями или мѣрою. Такимъ образомъ индѣ смѣшивая, индѣ раздѣляя, мысль моя никогда не можетъ быть ясною. 2-е, мнѣ кажется статья сія говоритъ нѣчто излишнее или ненужное. Само по себѣ разумѣется, что никто, кромѣ закона, не можетъ давать ни какихъ правъ, или опредѣлять ихъ мѣру. Гдѣ нѣтъ закона, тамъ нѣтъ и правъ; тамъ господствуетъ обычай или насиліе. А потому рѣчью: *законъ опредѣляетъ мѣру правъ*, говорится нѣчто, иначе быть не могущее, и всякому столько же извѣстное, какъ бы разсуждая о свѣтѣ, сказано было: *солнце опредѣляетъ мѣру свѣта*. Въ законѣ, напримѣръ, о наказаніяхъ нужно сказать *за какую вину какое наказаніе опредѣляетъ законъ*, а не то, что *законъ опредѣляетъ наказаніе*.

§ 3. *„Права гражданскія сами по себѣ никому не сообщаютъ правъ политическихъ."*

Здѣсь говорится о правахъ *политическихъ*, о которыхъ нигдѣ не сказано въ чемъ онѣ состоятъ. Выше сего, въ примѣчаніяхъ на первую статью, показали мы, что права *гражданскія* также не опредѣлены. Отсюду во второй статьѣ видѣли мы смѣшеніе сихъ двухъ различныхъ правъ въ одно и тожъ понятіе. Здѣсь, сія третья статья доказываетъ также, что оба сіи права, не взирая на данное каждому особое имя, нигдѣ не опредѣлены и не различены; ибо естьли бы опредѣлены и различены были, то бы статья сія, безъ сказанія оной, явствовала изъ ихъ опредѣленія и различенія, какъ мы то послѣ, въ иномъ расположеніи главы сей, ясно усмотрѣть можемъ.

§ 4. „*Права гражданскія въ Россіи пріобрѣтаются:*

„1-е, *рожденіемъ отъ россійскаго подданнаго;*

„2-е, *для женска пола, бракомъ съ россійскимъ подданнымъ;*

„3-е, *укорененіемъ въ россійскомъ подданствѣ.*“

Здѣсь представляются къ замѣченію разныя вещи, а имянно: 1-е, слово *въ Россіи* подаетъ поводъ къ толкованію, что надобно *въ Россіи* (а не въ иной землѣ) *родиться отъ россійскаго подданнаго,* чего законъ отнюдь сказать не хочетъ. Сего толкованія разумъ никакъ не можетъ оспорить. Въ подобныхъ двусмысліяхъ, когда законъ думаетъ одно, а говоритъ другое, судья воленъ обратить его въ которую хочетъ сторону. 2-е, выше сего во второй статьѣ сказано: *законъ опредѣляетъ права гражданскія,* а здѣсь говоритъ опять: *права гражданскія пріобрѣтаются рожденіемъ.* Чтожъ такое: пріобрѣтаются и опредѣляются? Ежели онѣ *пріобрѣтаются* рожденіемъ, такъ и *опредѣляются* рожденіемъ. А ежели ихъ, или мѣру ихъ, опредѣляетъ законъ, то сіи права *опредѣляемыя закономъ* должны быть различны съ правами *пріобрѣтаемыми рожденіемъ,* или, естьли разумѣть ихъ подъ однимъ именемъ *правъ гражданскихъ,* то надобно, чтобъ сіи права гражданскія раздѣлялись на *опредѣляемыя закономъ* и *пріобрѣтаемыя рожденіемъ;* ибо не можно никакъ себѣ представить, безъ смѣшенія понятій, чтобъ одно и тоже *опредѣлялось закономъ и пріобрѣталось рожденіемъ.* А потому и здѣсь нужно припомнить правило въ Наказѣ изображенное: „выраженіе прямое всегда лучше разумѣть, нежели околичное выраженіе.“ — 3-е, во второмъ раздѣленіи сказано: *права гражданскія пріобрѣтаются для женскаго пола бракомъ съ россійскимъ подданнымъ.* О комъ здѣсь говорится: о Россіянкѣ или объ иностранкѣ? Ежели о Россіянкѣ, такъ это излишно. Женскій полъ есть другая половина человѣческаго рода, и такъ онъ самъ по себѣ тѣми же правами пользуется, какъ и

мужеской; естьли же объ иностранкѣ, такъ это опять излишно; ибо ниже сего сказано, что права иностранцевъ опредѣляются особо. 4-е, въ третьемъ раздѣленіи сказано: *права гражданскія пріобрѣтаются укорененіемъ въ россійскомъ подданствѣ.* По чему укорененіемъ? Иностранецъ, содѣлавшійся россійскимъ подданнымъ, вступаетъ тотчасъ въ права гражданскія. Принятіе его въ подданство, въ тѣло государства, въ гражданство, есть само по себѣ дарованіе ему правъ гражданскихъ. И такъ всѣ три раздѣленія подвержены возраженіямъ. Да сверхъ того оныя излишны и ненужны; ибо гражданское право, по разуму словъ своихъ, есть право гражданина, а подъ словомъ *гражданинъ* разумѣемъ мы (хотя съ русскимъ языкомъ это и не сходно) каждаго россійскаго подданнаго. Слѣдовательно гражданское право само собою говоритъ: *я есмь право каждаго россійскаго подданнаго.* На чтожъ послѣ сего естественнаго опредѣленія, о которомъ оно само сказываетъ, опредѣлять его словами: *оно пріобрѣтается рожденіемъ отъ россійскаго подданнаго?* да развѣ это не одно и тоже? развѣ быть россійскимъ подданнымъ и родиться отъ россійскаго подданнаго разное значитъ? Какая будетъ польза, естьли мы въ законахъ станемъ дѣлать слѣдующія раздѣленія:

1-е. Гражданское право есть право, принадлежащее каждому россійскому подданному.

2-е. Оно пріобрѣтается рожденіемъ отъ россійскаго подданнаго.

3-е. Оно пресѣкается смертію.

4-е. Имъ россійскій подданный пользуется только во время теченія жизни своей.

Какая, говорю, польза въ сихъ повтореніяхъ. Таковые законы будутъ, какъ сказано въ Наказѣ, „изобильны словами, а недостаточны смысломъ."

§ 6. „*Права гражданскія теряются:*

„1-е, *укорененіемъ въ иностранномъ государствѣ;*

„2-е, *вступленіемъ въ иностранную службу, безъ дозволенія россійскаго правительства;*

„3-е, *осужденіемъ, по окончательному судебному приговору, на смерть гражданскую, или вѣчную ссылку и заточеніе.*"

Здѣсь замѣтить должно: 1-е, что послѣднее изъ сихъ трехъ раздѣленій есть совсѣмъ особаго рода отъ двухъ первыхъ; оно говоритъ: право теряется *осужденіемъ*; а два другія исчисляютъ вины, за какія оно теряется. По естественному порядку надлежало бы сему послѣднему быть первымъ и единымъ; ибо когда

скажется, что права теряются осужденіемъ, то уже исчисленіе, чѣмъ или за что теряются, должно быть сдѣлано подъ статьею уголовныхъ дѣлъ. Но здѣсь къ чему сіе недостаточное исчисленіе, состоящее въ означеніи двухъ поступковъ, между тѣмъ какъ о важнѣйшихъ преступленіяхъ, таковыхъ какъ измѣна, смертоубійство, и проч., ничего не говорится? Ежели сіи здѣсь не исчисляются, то почему же исчисляются *укорененіе* и *вступленіе въ службу?* 2-е. Разсмотримъ основательность каждаго изъ сихъ двухъ раздѣленій. *Что такое: укорененіе въ иностранномъ государствѣ?* Ниже сего въ отдѣленіи третьемъ, § 45, сказано: *„укорененіе иностранцевъ есть вступленіе ихъ въ вѣчное подданство."* Слѣдовательно и здѣсь укорененіе есть вступленіе въ подданство. (Я не знаю что значитъ *въ вѣчное;* ибо, ежели не ошибаюсь, мнѣ кажется въ подданство иначе не вступаютъ, какъ навсегда.) Естьли же укорененіе не иное что значитъ, какъ вступленіе въ подданство, такъ для чегожъ не говорить *подданство?* на что *укорененіе?* Новыя слова вводятся токмо, когда въ нихъ настоитъ нужда. Второе раздѣленіе говоритъ: *„права теряются вступленіемъ въ иностранную службу, безъ дозволенія россійскаго правительства."* Но россійское правительство дозволяетъ дворянскою граматою вступать въ иностранную службу. И такъ россійскій дворянинъ подвергнется самому величайшему наказанію, изверженію изъ общества Россіянъ, за то, что о позволенномъ не спросилъ позволенія? и еще извержется не приговоромъ суда, но самымъ дѣйствіемъ своимъ, поелику суду нечего судить, когда въ законѣ означено оное имянно. Славный Ломоносовъ, краса и честь отечества нашего по стихотворству, котораго память покойный императоръ Павелъ почтилъ увольненіемъ рода его отъ платежа податей[1]), сей Ломоносовъ, завербованный Пруссаками и по неволѣ вступившій въ ихъ службу [2]), былъ бы лишенъ права гражданства, изверженъ, какъ Пугачевъ, или подобный ему, изъ числа Россіянъ! Здѣсь также нельзя не припомнить словъ Наказа: „надлежитъ, чтобы въ законахъ видно было вездѣ чистосердечіе; они даются для наказанія пороковъ и ухищреній: и такъ на-

[1]) Ломоносовъ прямого мужского потомства не оставилъ; единственная его дочь (ум. 1772) была за мужемъ за придворнымъ библіотекаремъ Константиновымъ. Въ 1796 г., Павелъ Петровичъ исключилъ изъ подушнаго оклада и освободилъ отъ рекрутской повинности крестьянина холмогорскаго уѣзда, матигорской волости, сына родной сестры Ломоносова, Петра Головина со всѣмъ его потомствомъ.

[2]) Въ 1741 году, Ломоносовъ, терпя за границей крайнюю нужду въ деньгахъ, рѣшился бѣжать въ Россію, и на дорогѣ попался въ руки прусскихъ вербовщиковъ.

добно имъ самимъ заключать въ себѣ великую добродѣтель и незлобіе."

§ 7. *„Лишеніе правъ политическихъ не влечетъ съ собою потери правъ гражданскихъ, когда въ приговорѣ судебнаго осужденія имянно сіе не означено."*

Статья сія нужна; но можно бы сказать ее лучше, какъ напримѣръ: „лишеніе правъ гражданскихъ лишаетъ вкупѣ и политическихъ; лишеніе же политическихъ правъ не лишаетъ гражданскихъ." Слова: *когда въ праговорѣ судебнаго осужденія имянно сіе не означено,* вовсе не нужны; ибо само по себѣ ясно, что когда въ приговорѣ о лишеніи гражданскихъ правъ не сказано, то по вышеписаннымъ словамъ: *лишеніе политическихъ правъ не лишаетъ гражданскихъ,* сдѣлать сего нельзя; а когда въ приговорѣ сказано, такъ по сказанному и дѣлается.

§ 8. *„Права гражданскія осужденіемъ по приговору судебному теряются съ того времени, какъ приговоръ объявленъ осужденному, или войдетъ въ законную его силу, естьли осужденный находится въ безвѣстномъ отсутствіи."*

Замѣтимъ сперва ошибку противъ языка, которыхъ также, а особливо въ законахъ, дѣлать не должно: ибо оныя могутъ подавать поводъ къ недоразумѣнію и злоупотребленію. Мѣстоименіе *его* есть не то, которому здѣсь стоять должно; *его* относится къ *осужденному,* а не къ *приговору;* въ семъ послѣднемъ случаѣ надлежало бы сказать: *когда приговоръ войдетъ въ законную свою силу,* а не *его* силу. Скажемъ теперь о существенномъ: здѣсь говорится объ однѣхъ гражданскихъ правахъ, а разумѣются подъ оными и гражданскія и политическія; ибо статья сія относится равно къ дворянину, купцу, мѣщанину и простому человѣку. И такъ опять смѣшеніе понятій! и отсюду смѣшеніе вещей, не могущихъ быть смѣшенными, и которыя самъ законъ въ сей главѣ раздѣляетъ; ибо говоритъ: *лишеніе правъ политическихъ не влечетъ съ собою потери правъ гражданскихъ* (§ 7). Слѣдовательно въ § 7-мъ подъ словами *гражданскія права* разумѣетъ онъ общія (каждому Россіянину принадлежащія), и раздѣляетъ ихъ отъ частныхъ (присвоенныхъ особымъ состояніямъ), называя сіи послѣднія *политическими;* а здѣсь, въ § 8-мъ, подъ тѣми же словами *гражданскія права* разумѣетъ вмѣстѣ и гражданскія и политическія (т. е. и общія и частныя), не полагая въ лишеніи оныхъ никакаго различія тогда, когда лишеніемъ общихъ правъ человѣкъ извергается изъ общества гражданъ, а лишеніемъ частныхъ остается еще гражданинъ, и когда самъ сей законъ имянно го-

ворить: *лишеніе политическихъ правъ не лишаетъ гражданскихъ.* Вотъ въ какое противурѣчіе и невразумительность заводитъ неясное опредѣленіе словъ! Сверхъ сего смѣшенія понятій, говорится объ исполненіи приговора темнымъ, ничего не сказывающимъ образомъ; ибо что такое значитъ: *теряются съ того времени когда приговоръ войдетъ въ законную его силу, естьли осужденный находится въ отсутствіи?* Кто можетъ разумѣть сіи слова? не всякій ли долженъ при семъ спросить: а когда приговоръ войдетъ въ законную свою силу?

§ 9. „*Съ лишеніемъ правъ гражданскихъ соединяются слѣдующія послѣдствія:*

(Здѣсь также говорится болѣе о правахъ политическихъ, какъ-то о крестьянахъ и недвижимомъ имѣніи, а называются сіи политическія права гражданскими. Безъ точнаго опредѣленія словъ не возможно не быть смѣшенію въ мысляхъ.)

„1-е. *Имущество осужденнаго поступаетъ къ его наслѣдникамъ, такъ какъ бы онъ умеръ безъ завѣщанія.*

(Статья сія хороша и должна остаться въ своей силѣ, поелику нужно сказать куда имущество осужденнаго поступать долженствуетъ. Но далѣе:)

„2-е. *Осужденный не можетъ наслѣдовать.*

„3-е. *Онъ не имѣетъ права располагать, дарить, завѣщать свое имущество, или принимать какую либо собственность по завѣщанію и сдѣлкамъ; но завѣщанія, записи и сдѣлки, прежде начатія суда, осужденнымъ или другими въ пользу его учиненныя и въ надлежащемъ судебномъ мѣстѣ въ свое время явленныя, остаются для наслѣдниковъ его въ своей силѣ.*

„4-е. *Лишенный правъ гражданскихъ не можетъ быть ни опекуномъ, ни участвовать въ опекѣ.*

„5-е. *Онъ не можетъ быть пріемлемъ во свидѣтельство ни въ судѣ, ни въ гражданскихъ частныхъ записяхъ и договорахъ.*

„6-е. *Онъ не можетъ быть въ судѣ ни истцомъ ни отвѣтчикомъ.*

(Къ чему все сіе? Не лучше ли, не яснѣе ли всѣхъ сихъ исчисленій говоритъ одно сіе выраженіе: *такъ какъ бы умеръ?* Когда человѣкъ лишенъ гражданскаго права, то есть изверженъ изъ числа гражданъ, то не ясно-ли само по себѣ, что онъ, какъ бездѣйственный, безгласный, не можетъ вступать ни въ какія гражданскія дѣла и связи съ тѣми, кои называются гражданами, и изъ числа коихъ онъ исключенъ. На чтожъ тутъ присовокуплять ненужныя исчисленія того, что ему возбраняется, или чего онъ

дѣлать не можетъ? Исчисленія сіи не прибавятъ ничего къ ясности выраженія *какъ бы умеръ,* но затмятъ оное, подадутъ поводъ къ злоупотребленіямъ, и будутъ говорить нѣчто странное, подобное тому, какъ бы, сказавъ о человѣкѣ, что онъ умеръ, начать исчислять, что онъ не можетъ бесѣдовать съ живыми, не можетъ жениться, не можетъ ходить, ѣздить, и проч.. Я говорю: сіи исчисленія затмятъ простоту здраваго понятія; ибо, напримѣръ, сказано: *онъ не можетъ быть въ судѣ ни истцомъ ни отвѣтчикомъ;* а по праву человѣколюбія и самаго правосудія, онъ, какъ живой, можетъ быть истцомъ тѣхъ пяти копѣекъ, которыя въ новомъ своемъ состояніи за труды свои получилъ, и которыя у него кто-нибудь неправо отнялъ. Отвѣтчикомъ же онъ и подавно быть можетъ; ибо кто-нибудь станетъ его въ чемъ нибудь обвинять, судъ долженъ его призвать и спросить у него, сдѣлалъ ли онъ то, въ чемъ его обвиняютъ: вотъ онъ отвѣтчикъ! Я говорю: исчисленія сіи подадутъ поводъ къ злоупотребленіямъ; ибо естьли бы какой судья допустилъ его до какихъ либо сдѣлокъ по гражданскимъ дѣламъ, и у судьи сего спрошено было: какимъ образомъ допустилъ ты его къ тому, когда о немъ сказано, что онъ лишенъ правъ гражданскихъ, и какъ бы умеръ? судья не могъ бы оправдаться. Но когда бы, при написанныхъ исчисленіяхъ, тотъ же вопросъ сдѣлать, тогда бы судья отвѣчалъ: правда, сказано, что онъ лишенъ гражданскихъ правъ, и какъ бы умеръ, однакожъ притомъ исчислено чего онъ дѣлать не можетъ; и какъ то, къ чему я его допустилъ, въ исчисленіи не упомянуто, такъ я и счелъ, что можно его допустить къ тому. Судью сего никакимъ образомъ обвинить не можно, и надобно будетъ дополнительнымъ закономъ впредь того не позволять. Я говорю: въ таковыхъ исчисленіяхъ будетъ говориться нѣчто странное; ибо не странно ли послѣ словъ: *имущество лишеннаго гражданскихъ правъ поступаетъ къ е о наслѣдникамъ,* говорить: *онъ не имѣетъ права располагать, дарить, завѣщать свое имущество.* Да оно у него взято; оно ужъ не его; о чемъ же тутъ говорить, что онъ располагать имъ и дарить его не властенъ? развѣ можетъ такой случай быть, что велятъ наслѣдникамъ моимъ взять мое имѣніе, и въ тоже время позволятъ мнѣ располагать и подарить его, кому я хочу? И такъ изъ всѣхъ вышеозначенныхъ раздѣленій нужно здѣсь оставить только статью подъ числомъ 1-мъ. Всѣ прочія раздѣленія, показывающія исчисленіе того, чего исчислять не должно, какъ совсѣмъ ненадобныя, исключить. — Остается здѣсь сказать о послѣднихъ словахъ подъ числомъ 3-мъ, а имянно: *„завѣщанія, за-*

писи и сдѣлки, прежде начатія суда, осужденнымъ или другими въ пользу его учиненныя и въ надлежащемъ судебномъ мѣстѣ въ свое время явленныя, остаются для наслѣдниковъ его въ своей силѣ." Поелику сіе не есть исчисленіе, чего лишенный правъ гражданскихъ дѣлать не можетъ, но сказаніе, какъ послѣ осужденія поступать съ дѣлами до осужденія начатыми, то статья сія столько же нужна, какъ и сказанная подъ числомъ 1-мъ. Но оная требуетъ въ изложеніи своемъ лучшей ясности и опредѣленности. Надлежитъ въ ней имянно означить, какія должно взять мѣры, дабы взятый подъ судъ не могъ, во время суда, дѣлать никакихъ сдѣлокъ: подъ стражею ли его держать, или всенародно извѣстить о немъ, чтобъ никто ни въ какія сдѣлки съ нимъ не вступалъ. Таковое извѣщеніе есть само по себѣ весьма строгая мѣра; а потому не иначе должно употреблять ее, какъ токмо тогда, когда подозрѣваемое преступленіе есть такой важности, что, безъ оправданія судимаго, непремѣнно долженъ онъ подвергнуться тяжкому наказанію. И такъ надобно имянно означить сіи преступленія; а безъ того всякій, попавшій за какую-либо маловажную вину подъ судъ, оглашенъ и воспрепятствованъ будетъ въ управленіи своего имѣнія съ жестокою несправедливостію. Также надлежитъ имянно означить сіи два случая: 1-е, когда судимый присутственъ, то потеря правъ его считается съ того дня, въ который подписанный и утвержденный о немъ приговоръ ему объявится. 2-е, когда отсутственъ, то назначится срокъ, въ который долженъ онъ явиться и принесть свое оправданіе; буде же не явится, то потеря правъ его начнется со дня истеченія срока. Все сіе должно объяснить и выразить точно, а не такъ говорить, какъ сказано въ вышеозначенной статьѣ, въ которой ничего не видно какъ чему быть.)

„7-е. *Всѣ гражданскія послѣдствія брака, осужденію предшествовавшаго, со времени потери гражданскихъ правъ пресѣкаются.*"

(Статья сія нужна и потому должна остаться; но между тѣмъ ничего не сказано въ ней о женѣ и дѣтяхъ осужденнаго; а кажется должно сдѣлать о нихъ какое нибудь постановленіе. Въ указѣ 1720 года, августа 16, сказано: „къ каторжнымъ невольникамъ, которые сосланы на урочные годы, женамъ и дѣтямъ ходить невозбранно; а которые посланы въ вѣчную работу, тѣмъ женамъ, которыя похотятъ итти замужъ или постричься, и въ томъ имъ дать свободу, понеже мужья отлучены вѣчно, подобно яко умерли.")

§ 10. „*Потерянныя права гражданскія возстановляются не*

иначе, какъ совершеннымъ прощеніемъ содѣяннаго преступленія; но возстановленіе правъ простирается токмо на будущее время, а прошедшее остается невозвратнымъ, естьли оно приведено уже въ законную силу.“

Въ статьѣ сей говорится только о прощеніи преступленія, словно какъ бы судъ человѣческій былъ безъ погрѣшенія; но сколько знаемъ мы примѣровъ, что зависть и клевета, подъ видомъ преступленія, посылаютъ въ ссылку добродѣтель? Велисарію выколоны были глаза; Цицеронъ посланъ былъ въ заточеніе. И такъ, когда правда освободитъ человѣка отъ невинно претерпѣваемаго имъ наказанія, то почему тажъ правда не должна возвратить ему прежней его участи, или по крайней мѣрѣ соотвѣтствующей возстановленному его званію и достоинству? Скажутъ: но какъ отобрать имущество его, долговременностію въ рукахъ другихъ укоренившееся? А для чего изъ государственныхъ доходовъ не поправить учиненную несправедливость? Расточеніе ли употребить ихъ на возмездіе пострадавшей правоты? Законы должны ли больше думать о наказаніи виновныхъ, нежели объ утѣшеніи невинныхъ?

§ 11. „*Гражданское состояніе людей, находящихся въ ссылкѣ или заточеніи, опредѣляется особенными постановленіями Правительства.*“

Ежели сіи люди, находящіеся въ ссылкѣ или заточеніи, не лишены правъ гражданскихъ, то можно состояніе ихъ называть *гражданскимъ*, а ежели лишены, то уже оно болѣе не *гражданское*. Впрочемъ я почитаю статью сію ненужною; ибо и безъ сего возвѣщенія можно предписать правила, какъ сихъ людей содержать и поступать съ ними. Число ихъ, слава Богу и слава добротѣ нравовъ и мудрой кротости законовъ, не было никогда и не можетъ быть велико; а потому, какъ будто предполагая сіе, возвѣщать о нихъ предварительно, въ первыхъ статьяхъ закона, и притомъ толь важными словами: *гражданское состояніе ихъ опредѣляется особыми постановленіями Правительства,* — кажется несовмѣстно ни съ надобностію ни съ приличіемъ.

Я все сказалъ, что мнѣ, по моему разумѣнію и понятію, казалось нужнымъ въ главѣ сей замѣтить. Екатерина II въ Наказѣ своемъ (глава III, § 21) говоритъ: „Законы, симъ правительствамъ дозволяющіе представляти, что такой-то указъ противенъ уложенію, что онъ вреденъ, теменъ, что нельзя по оному исполнить, и опредѣляющіе напередъ, какимъ указамъ должно повиноваться, и какъ по онымъ надлежитъ чинить исполненіе: сіи законы не-

сомнѣнно суть дѣлающіе твердымъ и неподвижнымъ установленіе всякаго Государства." Его Величество Государь Императоръ Александръ I, повелѣлъ Государственному Совѣту проэктъ Гражданскаго Уложенія разсмотрѣть. Основываясь на сихъ священныхъ воляхъ Великія Екатерины и Благословеннаго Александра, я поставилъ себѣ за долгъ не пропустить безъ замѣчанія ничего, что подвержено какому либо сомнѣнію, или неясности, или противурѣчію, или неосновательности. Ибо чѣмъ строже и тщательнѣе законы будутъ разсмотрѣны, тѣмъ меньше останется въ нихъ пищи для ябеды. Новоизданные законы влекутъ за собою весьма важныя послѣдствія, — славу или безславіе законодателя, пользу или вредъ Государства, и потому при составленіи оныхъ требуютъ крайней осторожности, основанной не на легкихъ и опрометчивыхъ порывахъ умозрительной учености, но на правилахъ вѣры и благонравія, на зрѣлости разсудка, на нравахъ и обычаяхъ своего народа, и вообще на знаніи дѣлъ и сердецъ человѣческихъ. Языкъ извѣщаетъ волю и силу законовъ: и такъ языкъ сей долженъ быть простой, чистый, состоящій изъ словъ ясныхъ и съ точностію опредѣленныхъ. При всякомъ постановленіи, нужно обозрѣть довольно ли и вразумительно ли объяснено, какъ исполнить по оному, и сіе исполненіе удобно ли, полезно ли, согласно ли съ коренными нравами и обычаями. Все сіе имѣлъ я въ виду, при разсматриваніи первой главы проэкта. Примѣчанія мои могутъ быть слабы, недостаточны, погрѣшительны; краткость времени не позволила мнѣ вникнуть въ сіе глубже; но я представляю ихъ Государственному Совѣту не для утвержденія, а единственно для опыта; и потому осмѣливаюсь еще распространиться о томъ, какимъ бы, по моему мнѣнію, образомъ надлежало изложить тѣ статьи, которыя въ примѣчаніяхъ моихъ находилъ я не довольно ясно изложенными, и вообще съ какимъ порядкомъ надлежало бы главу сію расположить.

РАСПОЛОЖЕНІЕ ПЕРВОЙ ГЛАВЫ.

§ 1. Гражданское право принадлежитъ каждому лицу, носящему на себѣ имя россійскаго подданнаго. Оно проистекаетъ отъ необходимой въ тѣлѣ общества связи, или взаимныхъ отношеній всѣхъ гражданъ между собою, и состоитъ въ дозволеніи каждому изъ нихъ во всякомъ дѣлѣ прибѣгать къ закону, когда кто имѣетъ нужду въ какихъ либо его изреченіяхъ.

§ 2. Гражданскія права раздѣляются на общія и частныя.

§ 3. Общимъ правомъ пользуется, во всякомъ состояніи людей, каждый россійскій подданный.

§ 4. Частнымъ правомъ, сверхъ общаго, пользуется то состояніе людей, которому права сіи даны.

§ 5. Общія права пріобрѣтаются рожденіемъ отъ россійскаго подданнаго, или вступленіемъ въ россійское подданство.

§ 6. Частныя права для пользы государственной даются, и за важныя преступленія однѣ, или вмѣстѣ съ общими, отъемлются закономъ.

§ 7. Лишеніе общаго права лишаетъ вкупѣ и частнаго; лишеніе же частнаго не лишаетъ общаго.

§ 8. Лишеніе общаго гражданскаго права есть изверженіе человѣка изъ общества гражданъ, и слѣдственно самое величайшее наказаніе; а потому оное не иначе совершается, какъ по судебному приговору имянно къ сему наказанію.

§ 9. Человѣкъ, лишенный общихъ правъ, теряетъ, какъ изверженный изъ состава гражданскаго тѣла, всѣ бывшія связи свои съ нимъ. Онъ съ того времени въ обществѣ гражданъ становится чуждъ, бездѣйственъ, безгласенъ, какъ бы умеръ. Всякое имущество его безъ остатка поступаетъ къ его наслѣдникамъ.

§ 10. Человѣкъ, лишенный судомъ частныхъ гражданскихъ правъ, теряетъ вмѣстѣ съ званіемъ своимъ и то имущество, которое по симъ правамъ ему принадлежало. Оно поступаетъ къ его наслѣдникамъ. Онъ же самъ, въ новомъ состояніи своемъ, пользуется правами того состоянія, въ которое низведенъ, и ни къ какимъ по другому частному праву производимымъ дѣламъ не допускается.

§ 11. Права гражданскія частныя, или общія, или оба вкупѣ, теряются по приговору судебному съ того времени, какъ приговоръ подписанъ, утвержденъ и осужденному объявленъ будетъ. Сіе разумѣется о присутствующемъ, который во время суда могъ приносить свои оправданія. Для отсутствующихъ же судебное мѣсто руководствуется слѣдующими правилами:

1-е. Полагается срокъ, въ который осужденный долженъ явиться къ суду для принесенія своихъ оправданій.

2-е. Къ имѣнію его приставляются опекуны, со времени начатія надъ нимъ суда.

3-е. Естьли осужденный самъ во время срока явится, или кѣмъ приведенъ будетъ, то приговоръ надъ нимъ уничтожается, и судъ производится снова.

4-е. Естьли же не явится, то, съ истеченіемъ срока, приговоръ совершается и вступаетъ въ законную свою силу.

5-е. Буде осужденный явится по прошествіи срока, и слѣд-

ственно по совершеніи приговора, то онъ можетъ еще представить свои оправданія; но тогда естьли бы онъ и оправдался, или доказалъ маловажность своей вины, такъ что правосудіе требовало бы возвратить ему прежнія его права, то оныя возстановляются, но токмо на будущее время; прошедшее остается невозвратнымъ.

§ 12. Взятому подъ судъ за важное преступленіе, могущее подвергнуть, буде взятый не оправдается, лишенію частныхъ или общихъ правъ гражданскихъ, съ того самаго дня не позволяется дѣлать никакихъ завѣщаній, записей, обязательствъ, или иныхъ сдѣлокъ; сего ради берется онъ подъ стражу, или о начатіи надъ нимъ суда всенародно возвѣщается.

§ 13. Всѣ же завѣщанія, записи, обязательства и сдѣлки, имъ или другими на его имя прежде начатія суда учиненныя, и въ надлежащемъ судебномъ мѣстѣ въ свое время явленныя, остаются, по совершеніи надъ нимъ приговора, для наслѣдниковъ его въ своей силѣ.

§ 14. Бракъ человѣка, лишеннаго общихъ правъ гражданскихъ и сосланнаго въ вѣчное заточеніе, остается въ такомъ положеніи, какъ послѣ умершаго.

ПРИМѢЧАНІЕ.

Расположеніе сей главы содержитъ въ себѣ слѣдующій естественный порядокъ: 1-е, опредѣленіе гражданскихъ правъ; 2-е, раздѣленіе оныхъ на общія и частныя (NB. Сіе раздѣленіе для ясности мыслей необходимо нужно); 3-е, опредѣленіе общихъ правъ; 4-е, опредѣленіе частныхъ правъ; 5-е, пріобрѣтеніе общихъ правъ; 6-е, учрежденіе или постановленіе закономъ частныхъ правъ; 7-е, лишеніе или потеря каждаго изъ сихъ правъ, или обоихъ вмѣстѣ; 8-е, правила, какими судъ при отнятіи оныхъ долженъ руководствоваться; 9-е, обстоятельства, съ потерею правъ соединенныя. — Я не знаю все ли въ главѣ сей сказано, о чемъ сказать надлежало (ибо, для удостовѣренія себя въ томъ, надлежитъ со вниманіемъ прочитать и разобрать всѣ наши законы, чего я не сдѣлалъ и сдѣлать не могъ, не имѣя на то ни способовъ, ни времени); но достовѣрно и съ ясными доказательствами скажу, что все, содержащееся въ главѣ проэкта, содержится и въ сей вновь изложенной главѣ, не токмо безъ всякаго упущенія, да еще со многими весьма нужными, тамъ или смѣшенными или пропущенными подробностями. Чтожъ принадлежитъ до порядка мыслей и ясности языка, оное усмотрѣть можно изъ прилагаемаго здѣсь сличенія одинакихъ статей.

СЛИЧЕНІЕ:

Изъ проэкта:	Изъ 10-й статьи Генералъ-Прокурорскаго Наказа [1]:	Вновь изложенное:
Права гражданскія проистекаютъ изъ взаимныхъ отношеній подданныхъ между ими, по лицу ихъ и имуществу, по колику отношенія сіи опредѣляются закономъ.	Разсужденіе о взаимности всѣхъ граждань между собою составляетъ право гражданское, которое сохраняетъ и въ безопасность приводитъ собственность всякаго гражданина.	Гражданское право принадлежитъ каждому, носящему на себѣ имя россійскаго подданнаго. Оно проистекаетъ отъ необходимой въ тѣлѣ Государства связи, или взаимныхъ соотношеній всѣхъ граждань между собою, и состоитъ въ дозволеніи каждому изъ нихъ во всякомъ дѣлѣ прибѣгать къ закону, когда кто имѣетъ нужду въ какихъ либо его изреченіяхъ.

РАЗСМОТРѢНІЕ СЕГО СЛИЧЕНІЯ.

Въ статьѣ изъ проэкта, недостатокъ опредѣленія правъ гражданскихъ объясненъ въ примѣчаніяхъ. Въ статьѣ Генералъ-Прокурорской, недостатокъ сей также оказывается; и при томъ кажется несвойственно сказать: *разсужденіе составляетъ право.* Въ новоизложенной статьѣ, для опредѣленія правъ гражданскихъ, соединены вмѣстѣ три мысли: 1-я, что *гражданское право принадлежитъ каждому россійскому подданному.* Сіе неоспоримо, поелику главная сущность онаго въ томъ заключается. 2-я, что *оно проистекаетъ отъ необходимости взаимныхъ соотношеній граждань между собою.* Сіе также неоспоримо: ибо какъ скоро составилось какое нибудь общество, то вмѣстѣ съ нимъ составятся и связи, или взаимныя между членами онаго соотношенія, безъ которыхъ оно существовать не можетъ. Сіи связи должны непремѣнно быть кѣмъ нибудь наблюдаемы въ ихъ ненарушимости. Отсюду проистекаютъ *законъ* и *право.* Наконецъ 3-я, — право безъ сомнѣнія состоитъ въ томъ, что законъ (то есть соединенная въ немъ всего общества власть) дозволяетъ каждому члену сего общества прибѣгать къ нему во всякомъ дѣлѣ (къ лицу ли, или имуществу, или чему иному относящемся), *когда онъ имѣетъ нужду въ его изреченіяхъ.* Я говорю *изреченіяхъ*, ибо никакое право не можетъ быть правомъ безъ утвержденія, безъ гласа, безъ изреченія закона. — Прочія сличенія можно сдѣлать, поставя статьи противъ статей: тогда усмотрится, такъ ли говорится въ однѣхъ, какъ въ другихъ, и въ чемъ состоитъ разность.

Напослѣдокъ почитаю за долгъ донести еще нѣчто о сло-

---

[1] 1767-го года.

вахъ. Ясное и чистое опредѣленіе словъ вездѣ нужно, всего же болѣе въ законахъ. Слово получаетъ значеніе свое отъ корня своего, подобно какъ вѣтвь дерева получаетъ соки отъ корня того дерева, которому она принадлежитъ, а не отъ инаго. Тщетно бы сосновую вѣтвь назвали мы кедровою; она не принесетъ иныхъ плодовъ, кромѣ тѣхъ, которые ей свойственны. Подобно такъ и слово: естьли дастся ему значеніе отъ другаго корня (что нерѣдко случается при переводахъ словъ съ иностранныхъ языковъ), то будетъ оно, даннымъ ему насильно или несвойственно значеніемъ, противурѣчить естественному значенію своему, проистекающему отъ его собственнаго корня. Таковое смѣшеніе понятій въ словѣ распространяется уже и на всякую мысль, словомъ симъ изъявляемую. Употребленіе приметъ его и утвердитъ, но разумъ не можетъ сего признать и всегда отвергать будетъ. Я, послѣдуя принятію словъ *гражданское право, гражданинъ,* употребляю ихъ въ томъ знаменованіи, въ какомъ онѣ приняты; но дѣлаю сіе по насильственной власти употребленія, а не по здравому разсудку; ибо онъ того не позволяетъ, какъ мы изъ слѣдующаго объясненія увидимъ. Мы французскія слова (взятыя въ ихъ языкъ съ латинскаго и греческаго), *cité*, *citoyen*, *civil*, *politique*, приняли въ нашъ языкъ — иныя съ переводомъ, другія безъ перевода, и стали за ними говорить: *droit civil,* гражданское право; *droit politique,* политическое право; *citoyen,* гражданинъ. Французскія слова *civil* и *politique* произошли первое отъ латинскаго *civitas*, второе отъ греческаго πόλις, которыя оба, одно на латинскомъ, а другое на греческомъ, значатъ *городъ*. Изъ сего явствуетъ, что и Французы, для изъявленія двухъ разныхъ вещей, употребляютъ два слова, которыя на двухъ разныхъ языкахъ одно и тоже значатъ. Таковое въ словахъ смѣшеніе понятій дѣлаетъ ихъ пустозвучными и непостоянными, подвергаетъ смыслъ ихъ перемѣнамъ, и производитъ частые объ нихъ споры; ибо кто знаетъ значеніе латинскаго *civitas* и греческаго πόλις, того умъ не соглашается въ одномъ и томъ же находить разность. Но на наше слово *гражданскій*, взятое съ ихъ слова *civil*, еще менѣе согласиться можно; ибо оно само собою не то говоритъ, что имъ сказать хотятъ. Латинское *civitas,* хотя и соотвѣтствуетъ нашему *городъ,* но мысль, породившая латинское слово, весьма различна отъ мысли, породившей наше слово. Латинское *civitas* составлено изъ *coeo et vivo,* то есть *собираюсь и живу;* и такъ латинское *civitas*, по коренному смыслу своему, значитъ *сожительство, сообщество людей живущихъ вмѣстѣ.* Подъ такимъ по-

нятіемъ можно разумѣть и городъ и цѣлое царство, поелику люди живутъ вмѣстѣ, какъ въ городѣ, такъ и въ цѣломъ царствѣ. Отсюду Латинцы могли сказать *jus civile;* ибо слово *сожительство* позволяло имъ разумѣть подъ онымъ жителей всего царства. Напротивъ того наше слово *городъ* заключаетъ въ себѣ совсѣмъ иную мысль: оно происходитъ отъ *горожу*, строю, созидаю, и слѣдовательно, по коренному смыслу своему, значитъ избранное, особое мѣсто, на которомъ люди *сгородили,* построили себѣ жилища. Сіе мѣсто не можетъ представлять цѣлаго царства, въ которомъ заключаются и города, и деревни, и поля, и лѣса, и степи. А потому и слово наше *гражданскій* не выражаетъ ихъ слова *civil*, поелику мысль ихъ слова относится къ цѣлому, а мысль нашего слова — къ части. Латинцы имѣютъ два слова къ означенію того, что мы называемъ *городомъ*, а имянно *civitas* и *urbs;* Французы также два — *cité* и *ville;* однакожъ ни Латинцы, ни Французы не могутъ отъ словъ своихъ *urbs* и *ville* произвести права, которыя бы относились ко всѣмъ природнымъ жителямъ земли; и ежели бы произвели, тогда бы ихъ *jus urbis* или *droit de ville*, говорили то, что говорятъ наши слова: *гражданскія права,* то есть принадлежащія одному *граду* или *городу*. Но какъ мы подъ словами *гражданскія права* разумѣемъ *не гражданскія,* то есть не одному *граду,* но всему царству принадлежащія, то слѣдовательно приказываемъ словамъ значить то, чего онѣ отнюдь не значатъ. Таковыя приказанія въ языкѣ не могутъ имѣть мѣста: подобно какъ приказаніе, чтобъ въ треугольникѣ было меньше 180 градусовъ, не можетъ имѣть мѣста въ математикѣ. И такъ, хотя подобныя вещи и укореняются употребленіемъ, однакожъ, при изданіи вновь законовъ, мнѣ кажется надлежало бы всякое несходное съ здравымъ разсудкомъ употребленіе словъ перемѣнить и поправить. Слово *civil* влечетъ мысль свою (какъ мы выше сего показали) отъ понятія *жить вмѣстѣ*, а не отъ понятія *городить*, а потому для выраженія его надлежитъ и въ своемъ языкѣ отъ подобнаго же понятія оное произвесть. Наши слова, означающія всю вообще Россійскую область, суть: *Россія, царство, государство, отечество, общество, народъ, держава,* и проч.. И такъ отъ сихъ или подобныхъ словъ (а не отъ слова *городъ*) должно произвести то, что соотвѣтствовало бы иностранному слову *civil*. Скажемъ *государственныя,* или *общественныя*, или *народныя*, или *отечественныя* права: всякое изъ сихъ словъ будетъ приличнѣе и сходственнѣе съ разумомъ, нежели *гражданскія* права.

10 генваря 1815 года. А. Ш.

НѢКОТОРЫЯ ПРОИЗШЕСТВІЯ И ОБЪЯСНЕНІЯ МОИ ПО ДѢЛУ КНЯЗЯ ГОРЧАКОВА [1]).

Князь Горчаковъ, племянникъ незабвеннаго Суворова [2]), съ нимъ во многихъ битвахъ участвовавшій въ славѣ побѣдъ, раненый, служившій съ похвалою отечеству, добрый человѣкъ и всѣми за честность уважаемый, въ самое тяжелое для Россіи время, то есть въ 1812 году, наименованъ военнымъ министромъ; исправлялъ должность сію, отъ взятія и сожженія Москвы до взятія и прощенія Парижа, съ отличнымъ усердіемъ и заботливостію; по окончаніи же войны уволенъ съ честію отъ сего званія, награжденъ, и отпущенъ въ чужіе краи для поправленія своего разстроеннаго здоровья. Во время его отсутствія, возникаетъ на него подозрѣніе, якобы подъ начальствомъ его, по части снабденія войскъ, многія въ издержкѣ казенныхъ денегъ произошли злоупотребленія. Для розысканія сего, составляется подъ предсѣдательствомъ князя Лобанова [3]) слѣдственная коммисія, которая, по изслѣдованіи сего дѣла, находитъ князя Горчакова дѣйствовавшимъ противозаконно, и нанесшимъ чрезъ то великіе казнѣ убытки. Вслѣдствіе чего повелѣвается князя Горчакова съ бывшими тогда при немъ чиновниками [4]) отдать подъ судъ. Но какъ онъ былъ членомъ государственнаго совѣта, то и надлежало изъ членовъ сего совѣта составить новую коммисію для повѣренія злоупотребленій, найденныхъ слѣдственною коммисіею, и съ мнѣніемъ своимъ представить на рѣшеніе общаго собранія государственнаго совѣта. Предсѣдателемъ въ сію коммисію избранъ и назначенъ былъ адмиралъ Мордвиновъ. Между тѣмъ князь Горчаковъ возвращается изъ чужихъ краевъ, одержимый жестокою болѣзнію, которая вскорѣ жизнь его прекращаетъ [5]). Адмиралъ Мордвиновъ,

---

[1]) Мнѣніе по этому дѣлу адмирала Мордвинова и мнѣніе и объясненіе Шишкова помѣщены въ „Чтеніяхъ въ О. И. и Д.“ 1860 г., кн. 3-й, отдѣлѣ V, на стр. 169—184.

[2]) Мать кн. Алексѣя Ивановича Горчакова, Анна Васильевна, была родная сестра фельдмаршала Суворова.

[3]) Кн. Дмитрія Ивановича, до 1812 года бывшаго военнымъ губернаторомъ въ Ригѣ, во время отечественной войны командовавшаго резервною арміей, а съ 1817 по 1827 управлявшаго министерствомъ юстиціи.

[4]) „Самборскій, Приклонскій и другіе отданы подъ судъ и разсажены по разнымъ гауптвахтамъ столицы, гдѣ и оставались нѣсколько лѣтъ. Всѣ ужаснулись сперва, но когда увидѣли, что за сими суровыми мѣрами, коихъ справедливость впрочемъ была доказана, не послѣдовало никакихъ новыхъ, то вскорѣ и успокоились потомъ.“ (Воспоминанія Вигеля, ч. IV, стр. 174.)

[5]) 12 ноября 1817 г..

мужъ рѣдкій умомъ и праводушіемъ, вникаетъ во всѣ подробности обвиненій, сдѣланныхъ слѣдственною коммисіею, и находитъ, что всѣ оныя основаны на несправедливыхъ показаніяхъ, совсѣмъ несогласныхъ съ подлинными бумагами, на коихъ утверждаясь, коммисія заключенія свои дѣлала. Онъ написалъ опроверженіе, въ которомъ ясно изъ самыхъ словъ коммисіи, сличая ихъ съ подлинными бумагами, откуда оныя почерпнуты, доказывалъ, что она бумагъ сихъ, по которымъ судила, или не читала, или, увлекаясь желаніемъ обвинить, не такъ понимала. Въ концѣ мнѣнія своего, оправдавъ совершенно Горчакова, взываетъ онъ сильными словами къ вѣрнымъ сынамъ отечества, чтобъ сей примѣръ неправаго суда надъ лицемъ почтеннаго и украшеннаго ранами и заслугами мужа не погашалъ въ нихъ ревности служить государю и отечеству. Въ самое сіе время адмиралъ Мордвиновъ, по прошенію его, уволенъ былъ на два года въ чужіе краи, и на мѣсто его предсѣдателемъ въ сію коммисію опредѣленъ графъ Головинъ[1]). Другіе два члена, Саблуковъ[2]) и Кампенгаузенъ[3]), остались тѣже. Съ начала новый предсѣдатель не хотѣлъ принять и ввести въ дѣло мнѣнія адмирала Мордвинова, яко уволеннаго уже, и коммисіи своей не окончившаго; но какъ оное было довольно гласно, и при томъ Мордвиновъ, сбираясь въ путь, оставался еще нѣсколько времени здѣсь, то и не можно было сдѣлать сего, не подавъ нѣкотораго подозрѣнія на пристрастность суда. Сверхъ того можетъ быть и опасеніе, что Мордвиновъ еще не уѣхалъ, не позволяло скрыть его возраженій; ибо хотя не былъ онъ съ покойнымъ княземъ Горчаковымъ связанъ ни родствомъ, ни дружбою, ниже пріязнію, однакожъ по любви къ истинѣ защищалъ дѣло его съ великимъ жаромъ и смѣлостію, не взирая на то, что самъ государь казался быть твердо убѣжденнымъ въ бывшихъ тогда злоупотребленіяхъ князя Горчакова и въ правости осужденія его за оныя. Можно себѣ представить, что, при таковомъ убѣжденіи верховной власти, многіе старались соображаться съ оною. Но Мордвиновъ, не смотря на малую довѣренность къ себѣ двора, возвышалъ голосъ свой громко. Онъ передъ отъѣздомъ своимъ часто мнѣ говаривалъ: — „Посмотри только на одно то, кто и кого судитъ. Князь Горчаковъ, служа отечеству и проливая кровь

---

[1]) Гр. Николай Николаевичъ, оберъ-шенкъ, ум. въ 1820 г..

[2]) Александръ Александровичъ.

[3]) Баронъ Валтасаръ Валтасаровичъ, государственный контролеръ, подъ конецъ своей жизни (1823) нѣсколько мѣсяцовъ управлявшій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ.

свою за него, нажилъ себѣ и высокій санъ и доброе имя. Въ прошедшую разорительную войну несъ онъ на себѣ тяжкое бремя снабденія и продовольствія огромнаго числа войскъ. Теперь, по прошествіи пяти лѣтъ, судятъ его три члена, изъ которыхъ ни одинъ о заслугахъ своихъ ни полъ-слова сказать не можетъ, и которые всѣ ни прежде, ни въ прошедшія самыя грозныя для Россіи времена, никакими трудами своими въ защитѣ ея не участвовали.“

Коммисія, въ бытность еще здѣсь адмирала Мордвинова, кончила судъ свой, и, найдя князя Горчакова виноватымъ, присудила конфисковать его имѣніе. Мордвиновъ, за два или за три дни до отъѣзда своего, написалъ ко мнѣ письмо или лучше сказать записку слѣдующаго содержанія: — „Я сожалѣю, что не могу быть сегоднишній день въ совѣтѣ, потому что рожа на головѣ моей. Надѣюсь, что государственный совѣтъ, засѣдающій въ образѣ верховнаго уголовнаго суда въ Россіи, и въ семъ образѣ засѣдающій первый разъ, не пренебрежетъ обрядъ, законами требуемый отъ самаго нижняго уголовнаго суда; не забудетъ права дарованныя и тѣсно сопряженныя съ высокою должностью подсудимаго, и не дозволитъ предсѣдателю, по прочтеніи приговора коммисіи, собирать голоса. Я надѣюсь, что члены коммисіи не будутъ возвышены въ достоинство судей, хотя таковое достоинство они на себя и приняли, и присвоили себѣ власть, которая точными словами закона принадлежитъ только общему собранію совѣта, въ коемъ подсудимый министръ засѣдаетъ, доколѣ судъ надъ нимъ производится, и не оставляетъ своего мѣста, какъ токмо когда судъ оканчанъ, и слова закона прочтены быть должны. Право таковое его написано въ общемъ министерскомъ уставѣ. Но коммисія преступила законъ и наложила конфискацію на имѣніе князя Горчакова. Я надѣюсь, что вы будете судить по точнымъ бумагамъ, кои остались памятниками въ дѣлѣ, а не по выпискамъ сокращеннымъ, усѣченнымъ, и по заключеніямъ трехъ членовъ, коихъ должность ограничивалась въ сочиненіи вопросовъ, отобраніи отвѣтовъ и приведеніи всего производства въ ясность. Я надѣюсь, что произшествія 12 года и всѣ грозныя того времени обстоятельства не будутъ забыты и приняты наровнѣ съ настоящими, кои не угрожаютъ отечество наше гибелью. Я надѣюсь, что если коммисія осуждаетъ и умствуетъ, что князь Горчаковъ могъ бы и лучше, и вѣрнѣе, и дешевле снабдить армію провіантомъ въ тѣ времена, то вы не остановитесь на одномъ мнѣніи коммисіи и потребуете отъ ней доказательствъ, что мнѣніе ея не ошибочно, и что армія предложеннымъ ею способомъ не

погибла бы отъ голода въ чуждой землѣ, или бы не встрѣтила умедленій на ходу ея для спасенія Европы и быстраго достиженія до Парижа. Я надѣюсь многое для чести и достоинства мѣста, гдѣ имѣю я честь быть сочленомъ. — Но 10 часовъ*) приближаются. — Въ семъ дѣлѣ не честь и слава князя Горчакова предстоитъ къ провозглашенію: онъ умеръ, и имѣетъ дѣламъ своимъ судью; но — честь совѣта, честь Россійскаго правосудія. Вы судите князя Горчакова, но есть надъ вами вышній судъ, не токмо на небесахъ, но и здѣсь на землѣ, который всегда праведенъ: на улицахъ, на площадяхъ, въ бесѣдахъ домашнихъ, гдѣ умы не прельщаются никакими личными соображеніями."

По прочтеніи сей записки, колебленъ я былъ различными мыслями. Съ одной стороны, хотя не входилъ я съ таковою какъ онъ подробностію въ разсмотрѣніе сего дѣла, однакожъ увѣренъ былъ, что естьли и были какія либо упущенія князя Горчакова, то оныя состояли токмо въ неточномъ соблюденіи формъ, которыхъ въ тогдашнее время, когда непріятель надъ великою частію Россіи господствовалъ, и наблюдать было невозможно. Я зналъ, что сіи упущенія или лучше сказать нужныя поспѣшенія, по обстоятельствамъ того времени больше похвальныя, нежели осужденія достойныя (ибо происходили отъ ревности и усердія къ отечеству и службѣ), иначе толковались, и при малѣйшей возможности выставляемы были съ крайнимъ увеличеніемъ и очерненіемъ. Зналъ, что участіе лицъ обвинявшихъ его сдѣлалось такъ сильно и велико, что одинъ мой слабый голосъ ничего не поможетъ, и только раздражитъ противъ меня многихъ. Но съ другой стороны, думалъ я, невозможно же согласиться мнѣ съ ихъ мнѣніемъ, когда я чувствую оное несправедливымъ. Въ семъ расположеніи мыслей моихъ поѣхалъ я въ совѣтъ. Прочитали сужденіе коммисіи, которая съ прежнею слѣдственною коммисіею почти во всемъ была согласна, и только для вида въ нѣкоторыхъ маловажныхъ статьяхъ будто бы съ нею разнствовала. Впрочемъ такимъ же, какъ и та, образомъ обвиняла князя Горчакова въ нарушеніи законнаго обряда при дѣланіи тогдашнихъ подрядовъ, и въ нанесеніи чрезъ то казнѣ великаго убытка. О возраженіяхъ адмирала Мордвинова упомянуто было слегка, безъ всякаго противъ нихъ опроверженія, словно какъ бы онѣ ничего существеннаго въ себѣ не содержали. Однакожъ, при чтеніи оныхъ, привязались къ нѣкоторымъ его словамъ (о которыхъ ниже сего сказано будетъ) и, усумнясь въ истинѣ ихъ, потребовали справки

*) Время засѣданій совѣта.

изъ комитета министровъ. Обстоятельство сіе понудило остановить сужденіе до будущаго засѣданія. Между тѣмъ Мордвиновъ уѣхалъ.

Увидя при чтеніи дѣла сего великую наклонность коммисіи къ показанію онаго, не взирая ни на какія возраженія, въ черномъ и превратномъ видѣ, такожъ и другихъ многихъ, по разнымъ причинамъ и связямъ согласующихся съ нею, почувствовалъ я сильное отъ того отвращеніе; и хотя твердо увѣренъ былъ, что голосъ мой будетъ безполезенъ, однакожъ рѣшился не просто изъявить несогласіе мое съ нею, но подать особое мнѣніе, изложа въ немъ кратко тѣжъ самыя къ оправданію князя Горчакова доказательства, какія подробнѣе объяснены были въ мнѣніи адмирала Мордвинова. День суда насталъ. Собраніе было полное. Всѣ съѣхались, какъ на битву, съ напряженными умами и мыслями; почти напередъ можно было сказать, кто съ какимъ намѣреніемъ пріѣхалъ. Прочитали снова сужденіе коммисіи; прочитали вытребованную изъ комитета справку. По окончаніи чтенія, секретарь возвѣстилъ о поданномъ отъ меня особомъ мнѣніи. Стали оное читать. Коммисія и всѣ державшіе ея сторону слушали съ торжественною улыбкою почти безъ вниманія, полагая повидимому навѣрное, что оно останется безъ всякаго уваженія. Но, къ крайнему ихъ удивленію, многіе изъ членовъ отозвались, что они съ мнѣніемъ моимъ согласны, а другіе сказали, что они также подадутъ свое мнѣніе письменно и къ доказательствамъ моимъ присовокупятъ еще свои новыя. Словомъ, большинство голосовъ было на моей сторонѣ. Тогда въ утверждавшихъ противное воскипѣлъ явный гнѣвъ. Коммисія требовала, чтобъ снова прочитать мое мнѣніе, и когда стали перечитывать оное, то она съ великимъ жаромъ противъ каждаго слова моего возставала, и напослѣдокъ громогласно требовала, чтобъ записать сіе въ журналъ; что она, какъ обиженная, проситъ со мною суда, въ которомъ бы именнымъ указомъ повелѣно было разобрать: она ли не по законамъ судила, или я говорю о ней несправедливо. Тѣмъ бурное засѣданіе сіе кончилось. Я хотя увѣренъ былъ, что коммисія въ запальчивости своей сама не знала, чего требуетъ, и что мнѣ весьма не трудно оправдать себя, съ показаніемъ крайней ея неосновательности въ сей на меня жалобѣ; однакожъ, зная силу поддерживающей ее стороны, и свое (сказать по старинному) опальное положеніе, признаюсь, что обстоятельство сіе весьма меня потревожило; но чѣмъ больше я огорченъ былъ, тѣмъ скорѣе рѣшился противу силы поставить твердость, и дать крѣпкій

отпоръ. Въ семъ расположеніи духа написалъ я для поданія въ совѣтъ слѣдующую бумагу:

„Въ мнѣніи адмирала Мордвинова, по дѣлу князя Горчакова, сказано слѣдующее: „Комитетъ гг. министровъ изъявилъ ему (князю Горчакову) въ журналѣ своемъ благодарность сими словами: комитетъ, находя, что г. управляющій военнымъ министерствомъ попеченіемъ своимъ о столь важномъ предметѣ совершенно соединилъ всѣ возможныя общія пользы въ представленномъ имъ способѣ; ибо онымъ во первыхъ, арміи въ полной мѣрѣ обезпечиваются въ продовольствіи, вмѣсто того, что обывательскіе подводы не дошли бы съ провіантомъ до назначенныхъ мѣстъ; а во вторыхъ, спасутся губерніи отъ конечнаго разоренія, — положилъ разрѣшить управляющаго военнымъ министерствомъ на заключеніе съ Косиковскимъ контракта“ *).

„При чтеніи сихъ строкъ въ общемъ собраніи государственнаго совѣта (іюня 4 дня), коммисія государственнаго совѣта утверждала, что князю Горчакову не было изъявлено благодарности, и что адмиралъ Мордвиновъ говоритъ сіе самъ отъ себя; въ слѣдствіе чего требовала, чтобъ о семъ сдѣлана была справка

---

*) Нужно для читателя объяснить упоминаемое здѣсь обстоятельство: — По изгнаніи Французовъ изъ Москвы, когда войска наши двинулись въ слѣдъ за ними къ Вильнѣ и далѣе за границу, фельдмаршалъ Кутузовъ Смоленскій, предвидя, что въ тѣхъ губерніяхъ, разоренныхъ отъ непріятеля, не можетъ быть достаточнаго для войскъ продовольствія, писалъ сюда (въ Петербургъ), чтобъ имѣющійся въ новогородской и тверской губерніи запасный хлѣбъ везти туда на обывательскихъ подводахъ. Приступлено было къ исполненію сего, но получено извѣстіе, что таковая перевозка стоить будетъ жителямъ тѣхъ губерній девять миліоновъ рублей, отчего придутъ они въ крайнее разореніе, и сверхъ того хлѣбъ не доходитъ до назначенныхъ мѣстъ, потому что извощики, оставляя лошадей и повозки, разбѣгаются. Военный министръ (князь Горчаковъ) вошелъ о семъ въ комитетъ министровъ съ представленіемъ. Комитетъ поручилъ ему, не упуская ни малѣйшаго времени, придумать удобнѣйшій способъ къ поставкѣ провіанта. Военный министръ отыскалъ въ Петербургѣ купца Косиковскаго, который подряжался продовольствовать армію за семь миліоновъ рублей. Такимъ образомъ разореніе двухъ губерній было отвращено, поставка провіанта съ меньшею цѣною обезпечена, и сверхъ того хлѣбъ въ новогородскихъ и тверскихъ магазейнахъ оставался цѣлъ. Комитетъ, одобря таковое военнаго министра попеченіе, разрѣшилъ его сдѣлать немедленно съ Косиковскимъ подрядъ. По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, слѣдственная, а за нею и государственнаго совѣта коммисія, обвиняетъ его, безъ всякихъ существенныхъ доказательствъ (какъ то послѣ ясными доводами показано будетъ), въ томъ, якобы подрядъ сей можно было дешевле сдѣлать въ тѣхъ краяхъ, куда хлѣбъ надлежало поставить.

по комитету; и, уже по прочтеніи сей справки, повторившей вышесказанныя слова, коммисія удостовѣрилась (ибо далѣе требованій своихъ не продолжала), что сіи комитетскія выраженія: *„господинъ управляющій военнымъ министерствомъ попеченіемъ о столь важномъ предметѣ совершенно соединилъ всѣ возможныя общія пользы въ представляемомъ имъ способѣ,“* и проч., адмиралъ Мордвиновъ могъ назвать *похвалою,* или *одобреніемъ,* или *признательностію,* или *благодарностію,* и всякимъ другимъ подобный же смыслъ имѣющимъ словомъ.

„Въ прошедшее же общее собраніе государственнаго совѣта (іюня 9 дня), при чтеніи объясненныхъ мною причинъ, по коимъ отзывался я, что по долгу и совѣсти моей не могу бывшаго военнаго министра, князя Горчакова, признать достойнымъ обвиненія и осужденія, коммисія государственнаго совѣта подобнымъ же образомъ находила въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ моихъ, въ иныхъ будто бы я сказалъ неправду, въ другихъ будто бы говорилъ о ней непочтительно: по симъ обстоятельствамъ нахожу я себя принужденнымъ принесть мои объясненія, и съ моей стороны также покорнѣйше просить, чтобъ выраженія мои принимать по силѣ смысла ихъ, а не по приложенію къ нимъ такихъ толкованій, подъ какими ни я ихъ не разумѣю, ни сами онѣ того не значатъ, а имянно:

„1-е. При сличеніи выгодности мѣръ въ заготовленіи провіянта подрядомъ съ невыгодностію доставленія онаго на подводахъ, сказано у меня: *„польза мѣры сей доказывается и сущностію своею и событіемъ; ибо съ несравненною для казны и народа выгодою армія продовольствована.“* Выраженіе мое *армія продовольствована* коммисія пріемлетъ за несправедливое, доказывая тѣмъ, что часть сего провіянта пришла на мѣсто, когда уже арміи въ томъ мѣстѣ не было, и что потому оная имъ не довольствовалась. Таковыя послѣ уже случившіяся произшествія не относятся къ тому времени, о которомъ разсуждается, а потому я не входилъ и не считаю себя въ правѣ входить въ оныя. Подъ выраженіемъ моимъ *армія продовольствована* разумѣю я, что требованіе фельдмаршала князя Кутузова неукоснительно исполнено, и провіянтъ по контракту весь доставленъ и принятъ. Естьли же часть онаго не успѣла, до отбытія войскъ, притти въ тѣ мѣста, куда оный былъ назначенъ, и отколѣ войска ушли впередъ, то опозданіе сіе, виновно ли оно или не виновно, подлежитъ особому суду о подрядчикѣ, съ котораго взыскано ли то или нѣтъ, есть вопросъ до сего не принадлежащій. Здѣсь же дѣло идетъ

только о томъ, весь ли онъ провіантъ поставилъ; естьли весь, то слѣдовательно и та часть, которую онъ привезъ поздо, не пропала, но употреблена на продовольствіе другихъ, сзади идущихъ войскъ, или на иныя казенныя надобности. Вотъ въ какомъ разумѣ сказалъ я *армія удовольствована*. Тожъ самое выраженіе находится и въ журналѣ комитета господъ министровъ, гдѣ (какъ выше видѣть можно) сказано: „*ибо онымъ способомъ во первыхъ, арміи въ полной мѣрѣ обезпечиваются въ продовольствіи,*“ и проч..

2-е. Подъ третьимъ отдѣленіемъ, говоря о князѣ Горчаковѣ, сказалъ я: обвиняютъ его, *что онъ утаилъ отъ комитета цѣны*, и проч.. Коммисія замѣчаетъ, что въ ея сужденіяхъ нѣтъ слова *утаилъ*, и что я самовольно приписываю ей не существующія въ бумагахъ ея выраженія. Сего толкованія коммисіи о семъ словѣ не могъ я никогда себѣ представлять; ибо хотя въ сужденіяхъ ея нѣтъ онаго, но сказано о Горчаковѣ, *что онъ обязанъ былъ цѣны представить комитету и не представилъ*. Можетъ быть я обманываюсь, будучи не довольно силенъ въ логическихъ заключеніяхъ, но по сіе время кажется мнѣ, что выраженіе *обязанъ былъ представить и не представилъ* есть точно тоже и въ существѣ своемъ ни мало не различествующее отъ выраженій *сокрылъ, утаилъ*.

3-е. Въ концѣ объясненій моихъ, разсуждая о подчиненныхъ князя Горчакова, сказалъ я, что и оныхъ кажется осудить не можно, *яко лишенныхъ смертію его способа къ оправданію своему въ исполненіи его повелѣній*, и что такое обвиненіе *не сообразно съ законами, охраняющими невинность, и требующими къ осужденію доводовъ, основанныхъ не на догадкахъ, могущихъ легко быть ошибочными, но на самыхъ точныхъ, ясныхъ и неоспоримыхъ свидѣтельствахъ*. — Сіе общее разсужденіе мое, сіе всѣми законами предписываемое правило, которое привожу я въ напоминаніе самому себѣ, дабы утверждаясь на немъ поступить по долгу совѣсти и присяги, страшась въ толь важномъ дѣлѣ погрѣшить предъ Богомъ и Государемъ, коммисія обращаетъ въ нанесеніе ей оскорбленія, якобы я объ ней говорю, что она основала на догадкахъ свои обвиненія. Но здѣсь къ разрѣшенію предлежатъ три вопроса: Первое, — откуду такое заключеніе? гдѣ сказалъ я что либо о коммисіи? Изрѣченіе мое о самомъ себѣ, что я безъ ясныхъ доказательствъ, основываясь на однѣхъ предположеніяхъ и догадкахъ, не дерзаю осуждать человѣка, можетъ ли коммисія относить къ себѣ? Поэтому и о сказанныхъ ниже того словахъ моихъ, *что я по совѣсти моей не могу признать Горчакова достойнымъ осужденія,*

коммисія, такимъ же образомъ толкуя и относя ихъ къ себѣ, станетъ обвинять меня въ названіи ея безсовѣстною, поелику она его осуждаетъ? Но я опять вопрошу: откуду такое заключеніе? Естьли такимъ образомъ не изъ силы словъ моихъ, но изъ приложенія къ нимъ собственнаго своего толкованія, выводить смыслъ оныхъ, то ни единое слово мое не можетъ имѣть мѣста.

Второе, — буде же коммисія поставляетъ въ оскорбленіе себѣ противность мнѣнія моего съ ея мнѣніемъ, то почему на меня одного обращаетъ она свое неудовольствіе? Многіе господа члены совѣта, каждый по своему разумѣнію и совѣсти, также не согласуются съ нею. Да хотя бы и одинъ я былъ, какое право имѣетъ она требовать отъ меня, чтобъ я, противъ собственнаго понятія моего, доказательства ея находилъ неопровергаемыми? Почему, представляя сужденіе свое на разсмотрѣніе общаго собранія государственнаго совѣта, не позволяетъ она члену онаго возражать противъ ней? Всякій судъ для того учреждается, чтобъ истина открывалась силою доводовъ, а не скрывалась подъ спудомъ безмолвнаго утвержденія всего, что сказано будетъ.

Наконецъ третіе, — хотя бы и точно слова мои относились къ коммисіи, то и тогда не имѣетъ она ни причины оскорбляться ими, ни права требовать отъ меня, чтобъ я того не говорилъ. Таковое требованіе есть тоже самое, какъ бы повелѣвать мнѣ всѣ ея разсужденія и предположенія находить неоспоримо доказанными, и чтобъ я не могъ и не смѣлъ имѣть собственнаго моего противнаго ей мнѣнія. Таковаго права коммисіи признавать я не могу и не долженъ, поелику Богъ, Государь и законъ велятъ мнѣ судить по собственному моему разумѣнію и совѣсти, а не по разумѣнію другихъ. Я, какъ человѣкъ, конечно въ заключеніяхъ моихъ могу ошибаться и погрѣшать; но со всякимъ къ коммисіи почтеніемъ смѣю сказать, что и она также ошибаться и погрѣшать можетъ. Судъ мой, конечно, по несовершенству проницанія моего, легко можетъ быть неправъ, но въ подобномъ случаѣ самъ разсудокъ и всѣ законы повелѣваютъ лучше погрѣшить умомъ, нежели сердцемъ, соглашаясь признавать за справедливое то, въ чемъ я ни малѣйше не убѣжденъ.

Вице-адмиралъ и членъ совѣта

А. Ш.

Іюня 16 дня 1818 года.

Сколько ни былъ я огорченъ несправедливымъ судомъ коммисіи въ дѣлѣ князя Горчакова, и столько же несправедливою ея привязкою ко мнѣ, однакожъ, будучи въ знакомствѣ съ двумя домами членовъ ея (графа Головина и Саблукова), не хотѣлось мнѣ, чтобъ бумага моя, толь явно изобличающая не токмо ихъ пристрастіе, но и недостатокъ въ здравомъ разсудкѣ, поступила въ совѣтъ: для того не прежде подалъ я ее, какъ справясь, что они отъ требованій своихъ, судиться со мною, не отступаютъ. По прочтеніи оной, я сказалъ въ присутствіи, что естьли коммисія, удовольствовавшись сими объясненіями моими, не пожелаетъ далѣе простирать на меня своихъ жалобъ, то и я бумагу мою возьму назадъ. Членъ совѣта графъ Литта [1]) предложилъ, что лучше бы таковое постороннее въ предлежащемъ дѣлѣ состязаніе между членами, по взаимномъ объясненіи, прекратить. Но предсѣдатель коммисіи графъ Головинъ, въ надеждѣ можетъ быть на сильное подкрѣпленіе другихъ, настоялъ въ прежнихъ своихъ требованіяхъ. Тогда, возвыся голосъ, сказалъ я: — „Когда коммисія не хочетъ сего оставить, такъ и я не хочу." — Въ сіе время, баронъ Кампенгаузенъ произнесъ довольно громко: — „Я на сіи объясненія сдѣлаю возраженіе." — Услыша слова его, я отвѣчалъ ему еще громче: — „А я на ваши возраженія сдѣлаю мои, и буду просить, чтобъ мнѣ позволено было ихъ вмѣстѣ съ вашими напечатать." — Сіи слова, повидимому, произвели въ немъ немалый страхъ; ибо онъ повторилъ нѣсколько разъ: — „Напечатать! напечатать!" — и далѣе не продолжалъ. По окончаніи сего засѣданія, въ наступившее потомъ собраніе, при чтеніи журнала, въ которомъ все происходившее было прописано, крайне удивило меня, что въ описаніи семъ данъ такой оборотъ рѣчамъ, какъ будто бы все общее собраніе государственнаго совѣта почитало себя въ объясненіяхъ моихъ обиженнымъ. Выслушавъ сіе, я не могъ болѣе обладать собою: прервалъ чтеніе, всталъ съ мѣста, и съ великимъ жаромъ сказалъ громко: — „Гдѣ я? Развѣ можно писать здѣсь что хотятъ?" — И обратясь къ предсѣдателю совѣта (князю Лопухину) продолжалъ: — „Я прошу спросить у каждаго изъ господъ членовъ, кто почитаетъ себя обиженнымъ мною, и приказать это записать." — Всѣ молчали. Напослѣдокъ графъ Головинъ, предвидя можетъ быть, что естьли вопросъ сей сдѣлается, то многіе голоса будутъ въ мою пользу, сказалъ: — „Ну, пожалуй, это можно выпустить изъ журнала."

---

[1]) Оберъ-шенкъ, гр. Юлій Помпеевичъ, извѣстный своимъ участіемъ въ перенесеніи въ Петербургъ столицы мальтійскаго ордена.

— И когда велѣно было мѣсто сіе въ журналѣ перемѣнить, тогда я примолвилъ: — „Коммисія можетъ, сколько ей угодно, почитать себя обиженною мною, но общее собраніе, надѣюсь, не захочетъ сего сказать.“ — Симъ образомъ кончился долговременный и спорный судъ надъ княземъ Горчаковымъ. Я, однакожъ, зная силу осуждавшей его стороны, и видя употребляемыя противъ меня хитрыя придирки, опасался, чтобъ отъ показанія дѣйствій моихъ совсѣмъ въ иномъ видѣ не произошло какихъ либо непріятныхъ для меня слѣдствій. Въ семъ опасеніи, на случай оныхъ, приготовилъ для подписанія въ собственныя руки государя императора другую слѣдующаго содержанія бумагу:

„Коммисія при чтеніи мнѣній адмирала Мордвинова и моего, оправдывающихъ князя Горчакова, изъявила такое негодованіе и гнѣвъ, которые показываютъ, что она признаніе его невиннымъ беретъ къ сердцу и почитаетъ себѣ оскорбленіемъ. Таковая въ судіи горячность чувствъ весьма хороша при защищеніи человѣка, но при обвиненіи онаго являетъ, что судія или непремѣнно желаетъ обвинить подсудимаго, или самъ внутренно чувствуетъ несправедливость своего суда. Безъ сихъ двухъ обстоятельствъ, нѣтъ причины возгараться гнѣвомъ или досадою. Между тѣмъ человѣколюбіе и законы велятъ на судѣ любить оправданіе, а не обвиненіе, и не иначе дѣлать сіе послѣднее, какъ съ сожалѣніемъ, и тогда, когда уже нѣтъ никакой возможности къ оправданію виновнаго. Даже и тогда всякому надлежитъ помнить самаго себя. Самъ Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ, при осужденіи на смерть уличенной прелюбодѣйки, сказалъ народу: *пусть тотъ изъ васъ броситъ въ нее камень, кто безгрѣшенъ.* Сія есть цѣль всѣхъ Божескихъ и человѣческихъ законовъ, вездѣ и всегда твердящихъ: *лучше оставить безъ наказанія десять виновныхъ, нежели наказать одного невиннаго.* По симъ правиламъ, толь для правосудія и человѣчества нужнымъ, судія долженъ радоваться, когда оправдываютъ человѣка, а не оскорбляться. По моимъ чувствамъ, ежели бы я осудилъ человѣка, и кто другой оправдалъ его, то бы я возъимѣлъ къ нему почтеніе.

„Послѣ сихъ общихъ разсужденій, приступимъ къ ближайшему разсмотрѣнію. имѣла ли коммисія право и причину негодовать на меня и требовать со мною суда? Она отнесла къ себѣ выраженіе мое, будто бы я объ ней сказалъ, что она основывала обвиненія свои не на ясныхъ доказательствахъ, но на догадкахъ. Первое, — таковое толкованіе о моихъ словахъ, не заключающихъ

въ себѣ ни малѣйшаго къ ней отношенія, никакою грамматикою не можетъ быть доказано, выключая развѣ, когда коммисія прикажетъ имъ не то значить, что онѣ по общему смыслу значатъ. Но второе, — оставимъ рѣчь о прежнихъ моихъ словахъ. Я теперь говорю прямо объ ней, что она обвиненія свои основывала на догадкахъ, и еще самыхъ невѣрныхъ и съ законами несообразныхъ. Естьли бы я не обязанъ былъ на судъ ея изрекать моего мнѣнія, то остался бы въ молчаніи; но принужденъ будучи объявить мое съ нею согласіе или несогласіе, я поставленъ въ необходимость выбрать одно изъ двухъ: или противъ совѣсти и чувствъ моихъ согласиться съ нею, или не согласиться и сказать причины, по которымъ не соглашаюсь. Перваго я никогда сдѣлать не могу, — послѣднее долженъ былъ сдѣлать. Почитать сіе оскорбленіемъ отъ меня есть требовать, чтобъ я, въ угодность коммисіи, забылъ долгъ свой и въ собственныхъ моихъ глазахъ самъ себя уничижилъ. Таковое требованіе чрезъ мѣру надменно и несправедливо. Коммисія можетъ опровергать меня, сколько ей угодно, и я тоже; но оскорбляться возраженіями другъ противъ друга никто изъ насъ не долженъ, а особливо обвиняющій противъ оправдывающаго, по тѣмъ общимъ правиламъ законовъ, что главная цѣль суда есть оправдать, а не обвинить человѣка. Такимъ образомъ принужденный къ изрѣченію моего мнѣнія, сначала удовольствовался я тѣмъ, что со всевозможною скромностію изъявилъ только свое несогласіе; но коммисія съ негодованіемъ и гнѣвомъ поставляетъ мнѣ это въ оскорбительное для нея преступленіе. И такъ я по неволѣ долженъ уже теперь сказать прямо, что нахожу судъ ея неправеднымъ, и вотъ мои доказательства:

„Фельдмаршалъ князь Кутузовъ требуетъ, и въ самомъ скоромъ времени, доставленія провіянта подводами. Способъ сей оказывается разорителенъ и невозможенъ. Горчаковъ предлагаетъ и, съ утвержденія комитета министровъ (имѣвшаго тогда въ отсутствіи государя полную власть), дѣлаетъ подрядъ. Сей предложенный имъ способъ спасаетъ цѣлыя губерніи отъ разоренія и доставляетъ, въ сравненіи съ прежнимъ способомъ, казнѣ болѣе семи миліоновъ рублей прибыли. По прошествіи пяти лѣтъ, обвиняютъ его за сей способъ, говоря что онъ нанесъ онымъ казнѣ убытокъ. — Какимъ образомъ? — Вотъ какимъ: разсуждаютъ что бы онъ провіянтъ сей могъ дешевле купить на мѣстахъ, куда его везти, нежели здѣсь въ Петербургѣ подряжать. Обвиненіе (естьлибъ это и справедливо было) весьма строгое; ибо осуждать министра, сдѣлавшаго семь миліоновъ прибыли, за то, для чего не сдѣлалъ

онъ семи съ половиною или осьми, есть нѣчто чрезвычайное. Но положимъ, что сего требуетъ строгость законовъ. По крайней мѣрѣ надлежитъ точно доказать, что онъ сдѣлалъ сіе съ умыслу, для какой либо себѣ или подрядчику корысти. Доказательства сіи не могутъ быть иныя, какъ слѣдующія:

„1-е. Ясное показаніе, что въ тѣхъ мѣстахъ (куда фельдмаршалъ требовалъ присылки) хлѣба было изобильно, и что требуемое количество достать было можно.

„2-е. Что тамъ находился надежный человѣкъ, подряжавшійся на законныхъ правилахъ требуемое количество провіянта поставить.

„3-е. Что просилъ цѣны меньшія тѣхъ, за какія хлѣбъ подряженъ былъ здѣсь.

„4-е. Что военный министръ обо всемъ ономъ былъ извѣстенъ, и все сіе скрылъ отъ комитета.

„Даже при сихъ обстоятельствахъ, явно изобличающихъ военнаго министра, надлежало бы взять во уваженіе: первое, санъ его и службу; второе, извѣстную всѣмъ честность его, безкорыстіе и вѣрное служеніе государю и отечеству; третіе, доставленную имъ казнѣ прибыль, несравненно превосходнѣйшую сего исчисляемаго убытка; четвертое, смерть его и безгласность оправдать себя. Даже, повторяю, и при самыхъ ясныхъ доказательствахъ, законъ и правосудіе не могли бы причинъ сихъ не принять во уваженіе. Но что же скажемъ, когда вышеозначенныхъ доказательствъ не токмо нѣтъ, но и противное тому является въ дѣлѣ, а имянно:

„1-е, что въ тѣхъ разоренныхъ отъ непріятеля губерніяхъ не могло быть изобиліе хлѣба, какъ самое фелдмаршальское требованіе о привозѣ туда онаго и всѣ донесенія оттуда то свидѣтельствуютъ;

„2-е, что требуемаго количества тамъ достать было не можно;

„3-е, что никакова подрядчика тамъ не было;

„4-е, что хотя о цѣнахъ къ военному министру и писано было, но гораздо прежде того; и притомъ какимъ образомъ можно было утвердиться на цѣнахъ тамъ, откуда пишутъ, что нѣтъ хлѣба, и тогда, когда надлежало поставить оный вскорѣ и въ великомъ количествѣ? Долженъ ли былъ военный министръ о таковомъ невѣрномъ и невозможномъ способѣ представлять комитету, и буде бы представилъ, то могъ ли бы комитетъ принять оный?

„Между тѣмъ коммисія главнѣйшее обвиненіе свое созидаетъ на дороговизнѣ сего подряда и на утаеніи цѣнъ отъ коми-

тета*). Какимъ же образомъ, соображая все вышесказанное мною, могу я согласиться съ нею? Гдѣ доказательства, которыми бы я убѣдиться могъ? Пусть коммисія докажетъ, что *и хлѣба тамъ было такое количество, какое требовалось, и подрядчикъ тамъ былъ и дешевле просилъ*, тогда я сознаюсь не въ винѣ моей передъ нею, яко бы я оскорбилъ ее, но въ томъ, что я сужденіе мое основывалъ на недостаточныхъ свѣденіяхъ. Когда же сіи доказатель-

*) Невозможно здѣсь прейти молчаніемъ и не обратить вниманіе читателя на слѣдующія весьма достойныя любопытства примѣчанія. Коммисія обвиняетъ Горчакова, для чего сдѣлалъ онъ подрядъ въ Петербургѣ, а не въ тѣхъ мѣстахъ, куда хлѣбъ везти надлежало, гдѣ, какъ она утверждаетъ, присылаемыя къ военному министру вѣдомости о цѣнахъ показывали, что оный былъ тамъ дешевле. Разсмотримъ при какихъ обстоятельствахъ и съ какою непостижимою смѣлостію обвиненіе сіе дѣлается: 1-е. Естьлибъ и положить, что хлѣба тамъ, въ опустошенныхъ отъ непріятеля губерніяхъ, было много, и что можно было въ великомъ количествѣ купить оный дешевле (чему однакожъ всѣ писанныя оттолѣ донесенія противное свидѣтельствуютъ), то и тогда коммисія, судя Горчакова, забыла, что должность его въ грозный 1812 годъ была весьма важная, и что, при малѣйшемъ упущеніи времени, могъ онъ отвѣтствовать Царю и Царству за произшедшія изъ того вредныя для отечества слѣдствія. Тогда несравненно справедливѣе подвергся бы онъ всеобщему осужденію за несдѣланіе того подряда, за сдѣланіе котораго нынѣ коммисія его осуждаетъ. И такъ, хотя бы и воподлинну можно было сдѣлать казнѣ какую нибудь небольшую денежную выгоду разностію тамошняго подряда передъ петербургскимъ, но поелику надлежало напередъ описаться и узнать, имѣется ли тамъ достаточное количество хлѣба и надежный подрядчикъ, то не преступно ли было бы, для сей не только малой, но еще и невѣрной выгоды, упускать время, медлить исполненіемъ фельдмаршалскаго требованія и подвергать войско остановкѣ и голоду? Какъ могла коммисія толь важнаго обстоятельства не принять во уваженіе? 2-е. Коммисія не подумала, что, обвиняя Горчакова, обвиняетъ комитетъ министровъ; ибо можетъ ли комитету служить оправданіемъ, что военный министръ не представилъ ему тамошнихъ цѣнъ? Да развѣ самъ комитетъ не долженъ былъ помышлять о государственныхъ пользахъ? Развѣ не могъ онъ спросить у военнаго министра, нѣтъ ли въ тѣхъ краяхъ хлѣба, и не дешевле ли подрядить тамъ? Буде сіе возможно было, и не сдѣлано, то почему комитетъ правѣе Горчакова? Мнѣ кажется, въ подобномъ случаѣ — не спросить есть такая же вина, какъ и не сказать. 3-е. Но всего чуднѣе въ семъ дѣлѣ то, что изъ трехъ составляющихъ коммисію членовъ, баронъ Кампенгаузенъ, главнѣйшій обвинитель князя Горчакова, засѣдалъ въ сіе время самъ въ комитетѣ, самъ подписалъ разрѣшеніе Горчакову на сей подрядъ, и теперь съ такою ревностію обвиняетъ его за оный, не чувствуя, что буде находить въ томъ вину, такъ по здравому суду, скорѣе онъ, яко разрѣшившій, долженъ быть наказанъ, нежели Горчаковъ, всѣмъ комитетомъ, слѣдственно въ томъ числѣ и имъ, разрѣшенный. Но таковъ дерзостенъ бываетъ судъ неправедныхъ судей, когда говорятъ они, не боясь строгихъ вопросовъ разума и правды!

ства въ сужденіяхъ комисіи не токмо не выведены съ должною ясностію, но еще изъ дѣла являются противныя онымъ свидѣтельства, а между тѣмъ коммисія на сихъ неясныхъ доказательствахъ, и слѣдственно предположеніяхъ, основала свои обвиненія, то какими же словами могу я выразить причину несогласія моего съ нею, и есть ли возможность избѣгнуть мнѣ отъ ея на меня неудовольствій, когда она не словами моими, но противностію мнѣнія моего оскорбляется?

„Сверхъ сего, при чтеніи въ общемъ собраніи сужденія комисіи, дѣланы были вопросы, на которые никоимъ образомъ правильно отвѣчать было не можно. Изъ таковыхъ вопросовъ былъ, напримѣръ, слѣдующій: *„подлежитъ ли князь Горчаковъ отвѣтственности за то, что велѣлъ безъ всякаго обезпеченія залогами выдавать подрядчику деньги?“* На таковой вопросъ иначе отвѣтствовать нельзя, какъ *подлежитъ.* Но вопросъ сей совсѣмъ не сходенъ съ дѣломъ; ибо изъ дѣла видно, что князь Горчаковъ отнюдь не давалъ сего приказанія: онъ, напротивъ, изъ недовѣренности къ подрядчику, и съ нѣкоторымъ можно сказать утѣсненіемъ, не далъ ему всѣхъ денегъ вдругъ, а велѣлъ на мѣстѣ выдавать по надобности. Слово *по надобности* не иное что значило, какъ *по поставкѣ хлѣба,* что и самыя слѣдствія показываютъ; ибо нигдѣ не видно, чтобъ подрядчику сдѣланы были какіе либо передачи или излишніе отпуски денегъ. Когда же деньги, по предписанію Горчакова, выдавались по поставкѣ хлѣба, яко уже принадлежащія подрядчику, то какія же нужны были тутъ обезпеченія? Вопросъ сей, по возраженію противъ онаго члена совѣта, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Попова [1]), былъ перемѣненъ: слова *безъ всякаго обезпеченія,* яко не сходныя съ дѣломъ и не сказанныя Горчаковымъ, были выпущены; однакоже вопросъ и безъ нихъ остался еще довольно завлекающимъ въ неправое сужденіе: *ибо подлежитъ ли отвѣтственности* есть совсѣмъ не то, что *подлежитъ ли взысканію или обвиненію;* всякій человѣкъ почти во всякомъ случаѣ подлежитъ отвѣтственности, а взысканію или обвиненію токмо въ такомъ, когда отвѣтами своими не можетъ оправдаться. Отсюду происходитъ, что при вопросѣ *подлежитъ ли отвѣтственности* почти всегда должно сказать *подлежитъ;* но, при вопросѣ *подлежитъ ли взысканію или обвиненію,* не прежде можно сказать *подлежитъ,* какъ по разсмотрѣніи его вины. *Вопросъ подлежитъ ли отвѣтственности,* по смыслу своему, есть

---

[1]) Василія Степановича.

тоже самое, *что подлежитъ ли отвѣту;* но сказавъ *подлежитъ* о мертвомъ человѣкѣ есть, приговаривая его къ отвѣту, осудить безъ отвѣта, поелику онъ отвѣчать не можетъ. Таковые вопросы наклоняютъ болѣе къ обвиненію, нежели къ оправданію. Но всѣ законы, какъ выше объяснено, имѣютъ основаніемъ своимъ то, чтобъ въ подсудимомъ искать больше оправдать его, нежели обвинить; ибо страданіе невинности есть зло несравненно превосходнѣйшее, нежели ненаказанность виновнаго, который естьли избѣжитъ отъ человѣческаго, то не избѣжитъ отъ Божескаго суда."

Сія вторая бумага осталась у меня безъ всякаго употребленія, потому что дѣло князя Горчакова не вышло отъ государя, и можетъ быть по той самой причинѣ, что произвело много шумовъ и споровъ, предано забвенію или положено подъ спудъ. Однакожъ обѣ вышеозначенныя бумаги мои по сему дѣлу не могли утаиться. Онѣ у многихъ списаны были и ходили изъ рукъ въ руки. Таковое распространіе ихъ по людямъ безсомнѣнія вооружило противъ меня тайною ненавистію всѣхъ тѣхъ, кои держали сторону коммисіи, и которымъ слѣдственно не могло быть пріятно, что бумаги мои читаются. Чтожъ принадлежитъ до меня, то хотя и видѣлъ я, что избранный мною путь не ведетъ меня къ выгодамъ и почестямъ сего міра, но утѣшался, перечитывая слова друга моего [1]): „помните судя, что есть надъ вами вышній судъ, не токмо на небесахъ, но и здѣсь на землѣ, который всегда праведенъ: на улицахъ, на площадахъ, въ бесѣдахъ домашнихъ, гдѣ умы не прельщаются никакими личными соображеніями." — Я узналъ изъ опыта, что слова сіи справедливы, и, находя въ томъ награду, не сожалѣлъ о моихъ потеряхъ."

МНѢНІЕ МОЕ ПО ДѢЛУ О НАСЛѢДСТВѢ ПО СМЕРТИ ТАЙНАГО СОВѢТНИКА РЫЛѢЕВА *).

Рылѣевъ умирая оставляетъ послѣ себя дочь, выданную замужъ, и родную отъ умершаго сына малолѣтнюю внуку, закон-

*) Дѣло сіе, разбираемое въ государственномъ совѣтѣ, присуждалось въ пользу дочери Рылѣева; но по голосу адмирала Мордвинова, моему, и еще

[1]) Н. С. Мордвинова. См. выше.

ную послѣ него наслѣдницу. Передъ смертію своею, по духовной, отдалъ онъ дочери своей, впадшей, по изрѣченію его, въ немалые долги, часть своего имѣнія. Чрезъ 28 дней послѣ сей духовной, тотчасъ по смерти его, является вѣрющее отъ него письмо, данное человѣку его для совершенія купчей на остальное его имѣніе, яко бы проданное имъ дочери своей за полученныя имъ отъ ней 43 тысячи рублей. Такимъ образомъ малолѣтняя внука его, лишаясь наслѣдства, оставалась безъ всякаго пропитанія. Дѣло о семъ производилось въ галицкомъ уѣздномъ судѣ, который разными свидѣтельствами и доводами доказалъ, что Рылѣевъ не могъ въ сіе время дать вѣрющаго письма; ибо находился въ параличѣ и безъ ума. Сверхъ сего (утверждалъ судъ) и денегъ такой суммы дочь его, за нѣсколько предъ тѣмъ дней отъ него же на уплату долговъ ея снабденная, не могла имѣть. — Да позволено мнѣ будетъ къ симъ доказательствамъ уѣзднаго суда присовокупить и мое сомнѣніе: буде дочь Рылѣева имѣла деньги, то почему купила она имѣніе у отца своего, лишая чрезъ то родную племянницу свою наслѣдства? для чего на сіи самыя деньги не купила имѣнія у посторонняго человѣка? — Три члена въ государственномъ совѣтѣ находили таковый поступокъ Рылѣева сомнительнымъ и предполагали дѣло сіе разобрать совѣстнымъ судомъ. Государь императоръ утвердилъ ихъ мнѣніе. Нынѣ совѣстный судъ рѣшилъ дѣло сіе въ пользу дочери Рылѣевой, предоставя ей за полученныя ею слишкомъ двѣсти душъ, давать лишившейся оныхъ наслѣдницѣ, изъ подвига великодушія, по десяти рублей въ мѣсяцъ на воспитаніе! — Я не вхожу въ изысканіе, по какимъ обстоятельствамъ совѣстный судъ облекся въ право третейскаго суда? — имѣлъ ли утвержденную общимъ обѣихъ сторонъ согласіемъ запись? — опровергъ ли доказательства уѣзднаго суда о недѣйствительности вѣрющаго письма? и прочее; но смотрю только на единую неблаговидность сего рѣшенія; ибо мнѣ кажется ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть справедливо, и еще менѣе благовидно, чтобъ дѣдъ родную внуку

одного члена, государемъ утверждено, чтобъ отдать оное на разсмотрѣніе совѣстнаго суда. Совѣстный судъ рѣшилъ оное несправедливо. Министръ юстиціи (князь Лобановъ), согласуясь съ нимъ, внесъ оное въ комитетъ министровъ. Комитетъ, по рѣшенію совѣстнаго суда и по мнѣнію министра юстиціи, пропустилъ дѣло сіе безпрекословно. Я, видя несправедливость сего рѣшенія, подалъ мнѣніе мое, съ которымъ согласились только двое (графъ Милорадовичъ и графъ Нессельродъ); прочіе остались при прежнихъ своихъ мнѣніяхъ. Государь мнѣніе мое утвердилъ.

свою, законную послѣ него наслѣдницу, сироту, младенца, не могшаго ничѣмъ предъ нимъ провиниться, при самыхъ дверяхъ гроба своего, лишилъ наслѣдства и оставилъ ей въ участь нищету. Буде бы сіе и подлинно было, то правосудіе и человѣколюбивое о безгласныхъ сиротахъ попеченіе долженствовало бы сію толь явно несправедливую волю дѣда поправить: отдать сомнительной покупщицѣ деньги (естьли она точно ихъ выдала) и оставить имѣніе за наслѣдницею. При таковомъ моемъ понятіи о семъ дѣлѣ, не могу я согласиться съ рѣшеніемъ совѣстнаго суда; и естьли смѣю предложить мое мнѣніе, то почитаю нужнымъ, чтобъ дѣло сіе въ общемъ собраніи правительствующаго сената, въ лицѣ верховнаго совѣстнаго суда, еще разъ было разсмотрѣно, или бы повелѣно было разобрать оное настоящимъ третейскимъ судомъ, то есть выборомъ съ согласія обѣихъ сторонъ третейскихъ судей и суперъ-арбитра, дабы, естьли надобно уже сиротѣ остаться безъ наслѣдства, то по крайней мѣрѣ не пропустить ничего къ зрѣлому и точному обслѣдованію толь по наружности неблаговидныхъ обстоятельствъ.

А. Ш.

1819 года. Маія „ “ дня.

Такимъ образомъ дѣло сіе вновь разсматривано было въ общемъ собраніи правительствующаго сената; но повидимому съ одной стороны оскорбленное самолюбіе, а съ другой угожденіе оному воспрепятствовали гласу истины быть услышану, и безгласная сирота большинствомъ голосовъ лишена была своего наслѣдства.

РОССІЙСКАЯ АКАДЕМІЯ.

Во время перемирія (1813 года), въ бытность главной квартиры въ Силезіи, въ загородномъ близъ Рейхенбаха домѣ, называемомъ Петерсвальдау, получено донесеніе о смерти президента россійской академіи Нартова [1]. При докладѣ моемъ о томъ (находясь тогда государственнымъ секретаремъ), я сказалъ государю императору, не угодно ли будетъ ему поручить академію мнѣ, примолвя къ тому, что я не для какихъ-либо выгодъ своихъ прошу

---

[1]) См. т. I, стр. 207.

о семъ, но единственно по усердію и любви къ русскому языку и словесности. Государь императоръ отвѣчалъ мнѣ, что онъ, естьли со свѣчкою станетъ искать человѣка, то не найдетъ лучше меня, и приказалъ заготовить указъ. При толь лестномъ для меня отзывѣ его величества, названъ я былъ президентомъ россійской академіи со всѣми преимуществами, какими пользовался мой предмѣстникъ. Въ слѣдствіе сего я писалъ въ академію, чтобъ до прибытія моего занималъ мѣсто президента старшій (по сану) членъ, римской церкви митрополитъ Сестренцевичъ [1]). По взятіи Парижа и по окончаніи знаменитой противъ Французовъ кампаніи, возвратились (мы) въ Петербургъ. Первое мое стараніе было привесть академію въ лучшее состояніе. Но я не былъ уже тогда государственнымъ секретаремъ, и притомъ государь императоръ отправился въ Вѣну на конгресъ. Такимъ образомъ академія продолжала быть въ прежнемъ состояніи своемъ, то есть не имѣя никакого утвержденнаго штата, и получая годоваго содержанія не болѣе девяти тысячъ рублей. По возвращеніи его величества, хотя не ходилъ я уже къ нему съ докладами, однакожъ призыванъ былъ иногда попрежнему для написанія нѣкоторыхъ бумагъ и манифестовъ. Пользуясь симъ случаемъ, я доложилъ ему однажды, что россійская академія не имѣетъ у себя штата, и не прикажетъ ли онъ мнѣ заготовить оный и ему представить? Онъ приказалъ. Я сочинилъ уставъ и штатъ, положа на содержаніе академіи ежегодно шестьдесятъ, на заведеніе при ней типографіи единовременно тридцать, да на пристройку къ ней залы тожъ единовременно девяносто тысячъ рублей. При поднесеніи ему сего устава и штата, я сказалъ: — „Не угодно ли будетъ вашему величеству приказать штатъ сей кому-нибудь разсмотрѣть?“ — Онъ мнѣ на это отвѣчалъ: — „Назначь самъ кого хочешь.“ — „Я назвалъ военнаго с. петербургскаго губернатора Вязмитинова, министра юстиціи Трощинскаго, и члена академіи князя Голицына [2]). Государь мнѣ на это сказалъ: — „Для чего же не включилъ ты тутъ министра просвѣщенія графа Разумовскаго? Развѣ вы съ нимъ не ладите?“ — На сіе осмѣлился я донести, что хотя я уважаю графа, и увѣренъ въ его ко мнѣ благорасположеніи, но какъ онъ

---

[1]) Извѣстный архіепископъ могилевскій и митрополитъ римскихъ церквей въ Россіи, Станиславъ Сестренцевичъ Богушъ, авторъ двухъ историческихъ изслѣдованій: „Исторія о Тавріи отъ древнихъ временъ до совершеннаго покоренія оной подъ Россійскую державу“ (2 т. С. П. Б. 1806) и „Изслѣдованіе о происхожденіи Русскаго народа“ (С. П. Б. 1818).

[2]) Александра Николаевича.

министръ просвѣщенія, а я въ уставѣ говорю, что академія, будучи совершенно свободное общество, ни подъ чьимъ начальствомъ, кромѣ какъ подъ однимъ монаршимъ покровительствомъ, состоять не можетъ, то опасаюсь его на то несогласія. Государь ничего не отвѣчалъ мнѣ, и чрезъ нѣсколько времени далъ повелѣніе, на имя трехъ вышеозначенныхъ мною лицъ, представленный отъ меня уставъ и штатъ разсмотрѣть и ему о томъ донести. Между тѣмъ графъ Разумовской былъ отставленъ и министромъ просвѣщенія сдѣланъ князь Голицынъ. Тутъ увидѣлъ я, что повстрѣчаю тѣжъ самыя препятствія, какихъ ожидалъ отъ графа Разумовскаго. Въ самомъ дѣлѣ, при чтеніи устава, князь Голицынъ сталъ защищать право свое надъ академіями и другими учебными мѣстами, ссылаясь на манифестъ, изданный при учрежденіи министерства. Я, зная силу его и свое безсиліе при дворѣ, и опасаясь громкимъ противурѣчіемъ испортить дѣло, старался со всевозможною кротостію доказывать, что россійская академія учреждена совсѣмъ на иномъ основаніи, нежели другія академіи, университеты, и прочія учебныя мѣста; что она состоитъ изъ членовъ совершенно свободныхъ, часто отсутственныхъ, или обязанныхъ иными должностями, не получающихъ по сему мѣсту ни жалованья, ни чиновъ, и которыхъ слѣдственно ни съѣзжаться вмѣстѣ, ни судить, ни работать, безъ собственной ихъ воли, принуждать не можно; что естьли такому обществу опредѣлить знатную денежную сумму съ тѣмъ, чтобъ оно собиралось, читало, разсуждало, оцѣнивало труды, пеклось обо всемъ полезномъ для словесности, но сею суммою, безъ соизволенія или утвержденія поставленнаго надъ нимъ лица, располагать не имѣло права, то безсомнѣнія такое постановленіе, не согласное съ свободою и честолюбіемъ сего общества, расторгнетъ оное или погаситъ въ немъ всякую ревность и усердіе; ибо кто, будучи свободенъ, захочетъ безъ всякаго возмездія и чести трудиться не для себя, но для другаго? Всякъ справедливо скажетъ: пусть самъ тотъ читаетъ, разсматриваетъ, судитъ и оцѣниваетъ, кто распоряжаетъ наградами. Всѣ сіи доказательства хотя и были приняты, но князь, по долгомъ преніи, соглашаясь наконецъ на то, чтобъ всѣ дѣйствія академіи зависѣли собственно отъ ней, настоялъ однакожъ, чтобъ она, по силѣ изданнаго манифеста, состояла вообще съ прочими академіями подъ начальствомъ министерства просвѣщенія. Какъ уже таковое одно токмо имя, сохраняющее начальство, не могло препятствовать ея распоряженіямъ, то я не сталъ болѣе спорить и согласился на оное. Въ штатѣ статья объ

отпускѣ единовременно суммы (девяноста тысячъ рублей) на пристройку залы, была отмѣнена, подъ предлогомъ многаго вдругъ требованія денегъ. Сію пристройку почиталъ я нужною первое потому, что въ академическомъ домѣ не было достаточнаго числа покоевъ; а второе и потому, что таковая хорошо устроенная и украшенная зала могла бы служить для открытія публичныхъ чтеній, какъ то было въ домѣ Державина, подъ названіемъ *Бесѣды любителей русскаго слова*, куда собиралась многочисленная публика, и гдѣ подобныя чтенія, къ сожалѣнію не долго продолжавшіеся, приносили немалую пользу и удовольствіе [1]). Но всѣ мои старанія къ удержанію сей статьи были безъуспѣшны. Такимъ образомъ, по одобреніи устава и штата, всѣ мы четверо за подписаніемъ своимъ подали донесеніе государю императору. Я ожидалъ скораго утвержденія, но крайне въ томъ обманулся. Между тѣмъ холодность ко мнѣ его величества отчасу становилась примѣтнѣе, такъ что я не былъ уже никогда къ нему призыванъ. Чувствуя, что я не подалъ къ тому никакой причины, и что такое неблаговоленіе должно происходить отъ какихъ нибудь ложныхъ противъ меня внушеній, я съ начала искалъ случая объясниться. Для того пришелъ однажды въ секретарскую и подалъ чрезъ камердинера о себѣ записку. Государь приказалъ мнѣ сказать, что онъ принять меня не можетъ, и что когда надобно будетъ, то онъ пришлетъ за мною. Хотя и прежде случалось мнѣ слышать таковые отвѣты, однакожъ, судя по всѣмъ прочимъ обстоятельствамъ, на сей разъ счелъ я это за совершенный отказъ не допускать меня болѣе предъ лице свое. Тутъ увидѣлъ я, что долговременная служба, усердіе и заслуги не всегда помнятся. Я перенесъ это съ довольнымъ равнодушіемъ, будучи увѣренъ въ правотѣ своей, и помня одного изъ моихъ пріятелей пословицу, что честному человѣку меньше нужды въ царѣ, нежели царю въ честномъ человѣкѣ [2]). Съ такимъ расположеніемъ души моей оставилъ я всякое помышленіе о прежнемъ моемъ доступѣ до его величества. Но хотя собственно для себя и не искалъ я ничего при дворѣ, однакожъ, по любви моей къ отечественному языку, больно мнѣ было видѣть, что всѣ старанія мои возставить россійскую академію остаются безплодны. Представленный мною уставъ и штатъ казалось преданъ былъ забвенію. Сколь ни тяжело для меня было прибѣгать къ тѣмъ, которые по неблаговоленію

---

[1]) Въ 1816 году прекратилось существованіе „Бесѣды."

[2]) См. тоже изрѣченіе на стр. 95 т. I.

ко мнѣ можетъ быть сему препятствовали, однакожъ чего бы я не сдѣлалъ для себя собственно, то принужденъ былъ дѣлать для академіи. Просилъ неоднократно князя [1]) напомнить государю, но всѣ мои старанія были тщетны; писалъ къ нему, въ бытность его съ государемъ въ Москвѣ, убѣдительное письмо, но не получилъ даже отвѣта на оное. Видя наконецъ, что я никакимъ образомъ съ этой стороны успѣть не могу, прибѣгнулъ я къ графу Аракчееву; и хотя весьма ненадеженъ былъ на его ко мнѣ благорасположеніе, однакожъ думалъ, что можетъ быть честолюбіе возстановить академію подѣйствуетъ въ немъ больше, нежели моя прозьба. Въ семъ намѣреніи написалъ я къ нему слѣдующее письмо:

„Милостивый государь мой, графъ Алексѣй Андреевичъ!

„Предмѣстнику моему, президенту Россійской Императорской Академіи Нартову, повелѣно было даннымъ на имя его Высочайшимъ рескриптомъ сдѣлать для сей Академіи уставъ и штатъ; но онъ, по неизвѣстнымъ мнѣ обстоятельствамъ, не успѣлъ исполнить сего Высочайшаго повелѣнія. По вступленіи моемъ въ сіе званіе, я имѣлъ щастіе получить изустное отъ Его Императорскаго Величества тожъ самое повелѣніе, по исполненіи котораго, сочиненный мною уставъ и штатъ, по Высочайшему жъ повелѣнію разсмотрѣнъ былъ въ особомъ комитетѣ, состоявшемъ изъ управляющаго министерствомъ полиціи, генерала отъ инфантеріи Вязмитинова, изъ министра юстиціи, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Трощинскаго, и управляющаго министерствомъ просвѣщенія, тайнаго совѣтника Голицына. По разсмотрѣніи комитета, уставъ сей вмѣстѣ съ штатомъ представленъ Его Императорскому Величеству. Но какъ оный по нынѣ еще не утвержденъ, а между тѣмъ Академія остается безъ приличнаго ей содержанія и правилъ, тѣмъ болѣе нужныхъ, что и по утвержденіи оныхъ потребно время для произведенія изъ того полезныхъ плодовъ, то я, по долгу званія моего и усердія, нахожу себя обязаннымъ покорнѣйше просить Вашего Сіятельства довесть до свѣдѣнія Государя Императора, не благоугодно ли будетъ Его Величеству, дабы подвергнуть уставъ сей еще большему обозрѣнію и ввесть его въ порядокъ общаго теченія дѣлъ, повелѣть вновь разсмотрѣть оный въ комитетѣ господъ министровъ. Съ истиннымъ и совершеннымъ почитаніемъ, имѣю честь быть, и проч.." (Февраля 7 дня 1817 году.)

---

[1]) А. Н. Голицына.

При письмѣ семъ приложилъ я еще особо слѣдующую къ нему же записку:

„Изъ приложеннаго при семъ письма моего, Ваше Сіятельство усмотрите единственно просьбу мою, чтобъ сочиненный мною уставъ Академіи подвергнуть еще разсмотрѣнію комитета господъ министровъ. Но здѣсь позвольте мнѣ распространиться нѣсколько подробнѣе и сообщить для свѣденія Вашего Сіятельства нѣкоторыя мои замѣчанія:

„1-е. Академія по сіе время была безъ правилъ, безъ устава, безъ достаточнаго содержанія. Отъ сего самаго не могла она принести никакихъ важныхъ заслугъ, и отчасу болѣе упадала въ неуваженіе и забвеніе, такъ что, вмѣсто требующаго великихъ трудовъ старанія утвердить правила языка и распространить о немъ свѣденія, безгласная и безмолвная, стала сама принимать законы отъ неопытныхъ и неискусныхъ въ немъ писателей. На семъ основаніи она совершенно безполезна, и лучше ей не быть, нежели быть ничего недѣлающею и неуважаемою.

„2-е. Россійская Академія основана Екатериною Великою. Александръ Первый утвердилъ ея существованіе, яко нужное и полезное. Благодѣтельная воля сихъ монарховъ не въ томъ состоитъ, чтобъ сія Академія была только именемъ, а не дѣломъ Академія.

„3-е. Безъ поддержанія Академіи, языкъ и словесность непремѣнно будутъ упадать, и сколькобъ въ журналахъ, обыкновенно пишущихся на скорую руку для продажи, сколькобъ, говорю, ни кричали о новомъ вкусѣ и просвѣщеніи, вкусъ будетъ худой, языкъ темный и невразумительный. Писатели стиховъ, безъ наукъ, безъ свѣденій, станутъ вопіять: *не нужны намъ слова, намъ нужно просвѣщенье.* Они крикомъ своимъ возьмутъ верхъ, и многіе повѣрятъ имъ, что вподлинну можно безъ разумѣнія словъ быть просвѣщену. Но по здравому разсудку такое *безсловесное* просвѣщеніе прилично одному только рыбьему, а не человѣческому роду.

„4-е. Взглянемъ на другія Академіи. Французская, напримѣръ, была нѣкогда въ величайшемъ уваженіи. Она имѣла право приказывать типографіямъ, чтобъ словъ не коверкали, и не печатали иначе, какъ по уставленному отъ ней правописанію. При таковомъ уваженіи, Академія могла приносить пользу и быть охранительницею языка: членъ ея гордился симъ званіемъ, ревновалъ отличиться трудами, и вѣкъ Людовика XIV былъ славнѣйшій.

„5-е. Давняя и всѣми ученѣйшими людьми признанная истина,

что безъ знанія языка, ни науки, ни законы, ничто умственное процвѣтать не можетъ. И такъ надобность Академіи излишно доказывать.

6-е. Академія, безъ людей съ талантами, ничего не можетъ сдѣлать. А таланты рождаются тогда, когда оцѣниваются и вознаграждаются точно по ихъ достоинству, разсмотрѣнному и доказанному, а не по стачкѣ журналистовъ хвалить и превозносить только тѣ сочиненія, которыхъ писатели взаимно ихъ хвалятъ и превозносятъ. Ежели не будетъ лучшаго суда о сочиненіяхъ, какъ судъ недавно вышедшихъ изъ школы мальчиковъ, научившихся болѣе самолюбію и дерзости, нежели языку и наукамъ, то истинные таланты никогда не возникнутъ, умъ будетъ молчать, и одно только невѣжество и пристрастіе возносить свой гласъ.

7-е. Я не знаю, будетъ ли Академія приведена въ то состояніе, въ какомъ бы я, по усердію моему къ общей пользѣ, видѣть ее желалъ, — время это окажетъ; — но знаю, что, не сдѣлавъ тому начала, и оставляя оную въ нынѣшнемъ ея положеніи, безъ достаточныхъ средствъ къ ободренію талантовъ, безъ вниманія къ ней, безъ особаго покровительства, она никогда не достигнетъ до того намѣренія, съ какимъ основана.

Ваше Сіятельство безсомнѣнія увѣрены въ пользѣ языка и наукъ, слѣдовательно и въ пользѣ существованія Академіи; а потому, надѣюсь, не отречетесь ходатайствовать за нее и быть ей покровителемъ: имена Меценатовъ и Шуваловыхъ по справедливости безсмертны. Имѣю честь быть, и проч.." (Отъ тогожъ числа).

Чрезъ нѣсколько дней, графъ Аракчеевъ объявилъ мнѣ, что онъ одно только мое письмо покажетъ государю, а записки не покажетъ; и на другой день, увидясь со мною въ комитетѣ министровъ, сказалъ: — „Вотъ какъ скоро исполняю я ваши приказанія! Сегодня по письму вашему докладывалъ императору; онъ изволилъ сказать: „помню, но онъ много денегъ требуетъ; откуда мнѣ столько взять?" Впрочемъ обѣщалъ штатъ академіи препроводить въ комитетъ министровъ." — На третій день послѣ сего моего свиданія съ нимъ, поутру, когда сидѣлъ еще неодѣтый въ своемъ кабинетѣ, возвѣщаютъ мнѣ, что графъ Аракчеевъ пришелъ. Я удивился сему неожидаемому посѣщенію; просилъ его сѣсть, извиняясь, что принимаю его въ домашней одеждѣ. Послѣ первыхъ обыкновенныхъ учтивостей, онъ объявилъ мнѣ волю государя императора, чтобъ написать изложеніе рескрипта въ отвѣтъ на письмо графа Остермана, и другое на имя барона Ро-

зена [1]), прибавя къ тому, чтобъ, по написаніи сихъ рескриптовъ, прислалъ я оные къ его величеству. Слово *прислалъ* и примѣчаемое мною уклоненіе государя призывать меня предъ свое лице — привели меня въ нѣкоторое недоумѣніе. Однакожъ я не хотѣлъ входить въ объясненіе, опасаясь яснаго подтвержденія, чтобъ не самому мнѣ съ бумагами идти, а препроводить ихъ чрезъ графа Аракчеева. Такимъ образомъ, не говоря болѣе ни слова, взялъ я отъ него письмо графа Остермана, на которое надлежало мнѣ сдѣлать отвѣтъ, и сказавъ, что я немедленно это исполню, заговорилъ съ нимъ о штатѣ академіи. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что государь затрудняется назначеніемъ денегъ, тѣмъ болѣе, что на сей годъ всѣ суммы уже расписаны; но между тѣмъ нѣкоторымъ скромнымъ образомъ далъ знать, что затрудненіе происходитъ болѣе отъ министра просвѣщенія. Разставшись съ Аракчеевымъ, я тотчасъ принялся за дѣло и написалъ порученные мнѣ рескрипты *). На другой день я понесъ ихъ самъ къ государю. Велѣлъ о себѣ доложить. Онъ приказалъ меня позвать въ кабинетъ свой. По прочтеніи рескриптовъ, я осмѣлился ему напомнить о штатѣ и уставѣ россійской академіи, написанныхъ мною по его повелѣнію, и въ которыхъ академія имѣетъ необходимую надобность. Онъ сказалъ мнѣ съ нѣкоторою суровостію: — „Знаю; но ты требуешь много денегъ, а ихъ нѣтъ; онѣ всѣ въ расходѣ." — Тогда представилъ я, что можно начать отпускать на нее сумму съ будущаго года. — „Впрочемъ," присовокупилъ я, „смѣ-

---

*) Какъ въ собраніи манифестовъ и другихъ писанныхъ мною по приказанію императора бумагъ, и по егожъ повелѣнію въ одну книгу собранныхъ и напечатанныхъ, сихъ рескриптовъ не находится (ибо оные писаны послѣ изданія первыхъ), то я помѣщаю ихъ здѣсь, съ нѣкоторыми бывшими притомъ замѣчаніями.

Письмо графа Остермана къ Государю.

„Всемилостивѣйшій Государь!

Богемія, въ ознаменованіе подвига, которымъ гвардія Вашего Императорскаго Величества покрыла себя и Россію безсмертною славою, прислала мнѣ кубокъ, украшенный разными каменьями своей земли [2]). Я, назначивъ на ономъ имена полковыхъ командировъ, въ семъ дѣлѣ участвовавшихъ, и оберъ-офицеровъ, лишившихся при томъ жизни, священною обязанностію по-

---

[1]) Григорія Владиміровича, впослѣдствіи бывшаго кавказскимъ генералъ-губернаторомъ и командиромъ отдѣльнаго кавказскаго корпуса.

[2]) Подписку на этотъ кубокъ устроили чешскія дамы высшаго круга; приняли участіе 130 подписчицъ. Надпись на кубкѣ слѣдующая: **Udatnému Ostermanowi od Čechyň k pamieti na Chlumec dne 17 (29). srpna 1813.** Т. е.: Храброму Остерману отъ Чешекъ, въ память о Кульмѣ, 17 (29) августа 1813.

лость моя докучать о томъ происходитъ отъ усерднаго исполненія моей обязанности, понуждающей меня мыслить, что лучше не имѣть академіи, нежели имѣть ее съ толь малыми пособіями, и при пышномъ названіи *Императорскою* находиться въ такомъ состояніи, въ которомъ не можетъ она быть ни именемъ, ни дѣй-

---

ставилъ помѣстить тутъ же коренное русскаго народа мнѣніе: за Богомъ молитва, а за Царемъ служба не пропадаетъ.

Всеподданнѣйше прошу Ваше Императорское Величество позволить сей кубокъ отдать въ Преображенскій полкъ на сохраненіе, и Всемилостивѣйше повелѣть, дабы оный отнынѣ навсегда каждый великій постъ подаваемъ былъ въ полковой церкви, послѣ пріобщенія святыхъ таинствъ, нижнимъ чинамъ съ теплотою, вмѣсто сосуда, греко-россійскою церковію при семъ случаѣ употребляемаго.

Вашего Императорскаго Величества

вѣрноподданный

(на подлинномъ подписано:) графъ Остерманъ-Толстой."

С. Петербургъ. Февраля „ " дня 1817 года.

По поводу сего письма, въ слѣдствіе вышеобъявленнаго мнѣ Высочайшаго повелѣнія, написалъ я для подписанія Государю слѣдующіе рескрипты:

1-й, на имя графа Остермана.

„Графъ Александръ Ивановичъ!

Поднесенный вамъ отъ Богеміи кубокъ, украшенный разными сея земли каменьями, есть пріятное для отечества нашего свидѣтельство чистосердечной благодарности сего соплеменнаго намъ храбраго народа, за спасеніе его отъ висѣвшей надъ главою его смертоносной бури, отвращенной безсмертнымъ при Кульмѣ подвигомъ Россійской гвардіи. Я въ полной мѣрѣ одобряю испрашиваемое вами въ письмѣ вашемъ распоряженіе съ симъ кубкомъ; но не могу оставить безъ замѣчанія, что вы, отдавая должную справедливость участвовавшимъ въ семъ знаменитомъ сраженіи воинамъ, забыли себя, тогда, когда вы въ ономъ предводительствовали и потеряніемъ руки своей купили побѣду. Обстоятельство умолчанное вашею скромностію, но незабвенное Мною, и которое конечно не престанетъ твердиться въ устахъ потомства! Пребываю вамъ благосклонный."

2-й, на имя барона Розена.

„Баронъ Григорій Владимировичъ! Изъ приложеннаго при семъ отъ графа Остермана ко мнѣ письма усмотрите вы, что онъ получилъ отъ лица Богемскаго королевства кубокъ, украшенный разными сея земли каменьями, и что, начертавъ на ономъ имена полковыхъ командировъ, участвовавшихъ въ знаменитой, одержанной нами при Кульмѣ въ 1813 году надъ Французами побѣдѣ, и такожъ имена оберъ-офицеровъ, лишившихся въ семъ сраженіи жизни, — желаетъ, чтобъ кубокъ сей хранился въ полковой Преображенской церкви, и отнынѣ навсегда употребляемъ былъ по великимъ постамъ вмѣсто сосуда, ставимаго по нашимъ обрядамъ съ теплотою, для испіенія отъ оной причастниками, послѣ пріобщенія Святыхъ Таинъ. Онъ испрашиваетъ Моей на то воли. Я съ великимъ удовольствіемъ пріемлю на себя исполненіе сего благочестиваго распоряженія его, тѣмъ болѣе, что кубокъ сей свидѣтельствуетъ

ствіями знаменита." — Государь послѣ сего обѣщалъ мнѣ сообщить къ министру финансовъ, чтобъ назначаемая въ штатѣ сумма введена была въ росписаніе расходовъ на будущій годъ. Я спѣшилъ предупредить о томъ министра финансовъ[1]), и представленіями моими наклонилъ его къ тому, что онъ дѣйствительно при-

вмѣстѣ, какъ безсмертную славу, какою на поляхъ Богеміи увѣнчалась храбрая наша гвардія, такъ и чистосердечную благодарность соплеменнаго намъ Богемскаго народа, избавленнаго ею отъ угрожавшихъ ему бѣдствій. Мнѣ весьма пріятно видѣть, что къ толь достойному въ семъ знакѣ соединенію двухъ величайшихъ добродѣтелей, благотворенія и благодарности, присовокупляется еще благочестивое желаніе посвятить оный Тому, предъ Кѣмъ сердце наше, при всѣхъ нашихъ громкихъ дѣяніяхъ и славѣ, долженствуетъ благоговѣть и сокрушаться. Да будетъ сей кубокъ всегдашнимъ знакомъ и свидѣтельствомъ совокупленія сихъ высокихъ доблестей! Да съ піеніемъ изъ него теплоты наполняются чувства народныя теплымъ усердіемъ къ Верховному Правителю народовъ! — По сему отношенію ко мнѣ графа Остермана, изъявилъ Я ему, яко предводительствовавшему въ семъ знаменитомъ сраженіи и лишившемуся въ ономъ руки своей, соизволеніе мое особымъ къ нему рескриптомъ; вамъ же повелѣваю, кубокъ сей отъ него принять, въ полковой церкви хранить, и по предписанному употреблять. Пребываю вамъ благосклонный."

При чтеніи сихъ бумагъ, Его Величество приказалъ мнѣ сдѣлать въ нѣкоторыхъ мѣстахъ слѣдующія перемѣны. Въ первой бумагѣ: 1-я нерепpавка, вмѣсто: поднесенный вамъ отъ Богеміи, сказать: отъ Богемскихъ жителей. 2-я, вмѣсто: сего соплеменнаго намъ храбраго народа, сказать просто: сего народа. 3-я, вмѣсто: за спасеніе его отъ висѣвшей надъ главою его смертоносной бури, отвращенной, и проч., сказать: за отвращеніе отъ него опасности. 4-я, вмѣсто: незабвенное мною, сказать: незабвенное отечествомъ.

Во второй бумагѣ: 1-я, вмѣсто: отъ графа Остермана, сказать: отъ генералъ-лейтенанта графа Остермана. 2-я, вмѣсто: отъ лица Богемскаго королевства, сказать: отъ Богемскихъ жителей. 3-я, вмѣсто: моей на то воли, сказать: моего на то согласія. 4-я, вмѣсто: отъ соплеменнаго намъ Богемскаго народа, сказать: отъ Богемскаго народа. (Здѣсь сказалъ я: — „Мнѣ кажется, мы можемъ называть ихъ соплеменными, потому что они нашимъ нарѣчіемъ говорятъ." — Государь отвѣчалъ мнѣ на это: — „Подозрительные нѣмцы подумаютъ, что мы, сближаясь съ Богемцами. симъ родствомъ имѣемъ на нихъ какіе нибудь виды.") 5-я, въ выраженіи: при всѣхъ нашихъ громкихъ дѣлахъ и славѣ, государь слово нашихъ своею рукою почернилъ, сказывая, что это покажется, какъ будто онъ о своихъ дѣлахъ говоритъ. 6-я, при выраженіи: Верховному Правителю народовъ, государь спросилъ: — „Не лучше ли поставить Верховному Спасителю?" — На что отвѣчалъ я, что къ правителю прилагательное верховный идетъ, а къ спасителю нѣтъ.

[1]) Дмитрія Александровича Гурьева, потомъ графа; онъ же управлялъ и министерствомъ удѣловъ.

зналъ содержаніе сіе необходимо нужнымъ для академіи. Я увидѣлъ потомъ, что въ росписи расходовъ на будущій годъ сумма сія въ самомъ дѣлѣ между прочими статьями поставлена была, и тогда не заботился болѣе о присылкѣ штата въ комитетъ министровъ, будучи увѣренъ, что оный непремѣнно присланъ будетъ. Однакожъ сіе не прежде произошло, какъ въ слѣдующемъ году. Государь вскорѣ послѣ того отправился въ путешествіе. Комитетъ одобрилъ уставъ и штатъ, отославъ оные съ прочими дѣлами къ докладу. Его величество утвердилъ ихъ маія въ 29 день 1818 году [1]). Такимъ образомъ Россійская Императорская Академія, бывшая отъ начала заведенія своего безъ устава и приличнаго содержанія, получила наконецъ твердое основаніе, на которомъ можетъ дѣйствовать съ пользою и принесть со временемъ обильные плоды, когда ввѣряема будетъ попечительнымъ и любящимъ отечество и языкъ свой президентамъ.

Почему и осталось по прежнему. 7-я, къ словамъ: по сему отношенію ко мнѣ графа Остермана, прибавить: здѣсь вложенному. 8-я, вмѣсто: соизволеніе мое, сказать: согласіе мое. 9-я, къ словамъ: особымъ къ нему рескриптомъ, прибавить: съ коего списокъ при семъ прилагается.

По сдѣланіи сихъ поправокъ, государь приказалъ мнѣ велѣть переписать на-бѣло и къ нему прислать, что я въ тотъ же день исполнилъ, и запечатанный конвертъ съ надписью: Его Императорскому Величеству, въ собственные руки, отъ Вице-Адмирала Шишкова, чрезъ камердинера отдалъ, приложа при томъ слѣдующую записку:

„Поправки при переписываніи на-бѣло:

Въ рескриптѣ къ барону Розену сказано было: предъ кѣмъ сердце наше, при всѣхъ нашихъ громкихъ дѣяніяхъ и славѣ, долженствуетъ, и проч.. Въ семъ выраженіи слово нашихъ почернено: но какъ безъ него смыслъ дѣлается теменъ, для того поставлено: предъ кѣмъ сердце наше, при всѣхъ громкихъ дѣяніяхъ и славѣ человѣческой, долженствуетъ, и проч..

Въ рескриптѣ къ графу Остерману вмѣсто: къ Верховному Правителю народовъ, поставлено: къ Верховному Владыкѣ и Спасителю народовъ.

Остальное списано противъ поправленнаго точно.

Вице-Адмиралъ Александръ Шишковъ.“

---

[1]) Въ Данковѣ, Рязанской губ.. Извѣстіе объ утвержденіи государемъ устава и штата (см. въ Полн. Собр. Зак., т. XXXV, No. 27380) Шишковъ сообщилъ академіи, въ засѣданіи 10-го іюля; и первымъ членомъ, избраннымъ въ тотъ же день, по предложенію президента, на основаніи новыхъ правилъ, былъ Карамзинъ (Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву. С. П. Б. 1866, примѣчаніе къ письму 222).

ПРИКЛЮЧЕНІЕ, ОТНОСЯЩЕЕСЯ КЪ РОССІЙСКОЙ АКАДЕМІИ.

Въ засѣданіяхъ академическихъ (сего августа 16-го и 23-го числъ, 1819 г.) разсуждаемо было о нижеслѣдующемъ:

Въ 1794-мъ году, Императорская Россійская Академія, приступая къ сочиненію россійской грамматики, поручила сдѣлать начертаніе оной тремъ членамъ своимъ: протоіерею Іоанну Красовскому, Димитрію и Петру Соколовымъ [1]), подъ руководствомъ его высокопреосвященства Гавріила, митрополита новгородскаго и санктпетербургскаго [2]).

Сіе начертаніе, при сочиненіи коего руководствовались они наиболѣе грамматиками Максима Грека [3]) и Ломоносова, сперва разсматриваемо было въ Невскомъ монастырѣ, въ домѣ преосвященнаго митрополита Гавріила, особымъ комитетомъ, который составляли, кромѣ помянутыхъ членовъ, еще слѣдующіе: преосвященный Меѳодій[4]) (бывшій тогда новоспаскимъ архимандритомъ), Степанъ Яковлевичъ Румовскій [5]), Иванъ Ивановичъ Лепехинъ[6]) (бывшій тогда секретаремъ академіи) и Петръ Борисовичъ Иноходцевъ [7]); а потомъ прочитываемо въ общемъ собраніи академіи. По утвержденіи начертанія и комитетомъ и академіею, приступлено было къ сочиненію грамматики, надъ которымъ трудились три вышеозначенные члена: протоіерей Красовскій и два Соколова. По окончаніи сего сочиненія, до изданія въ свѣтъ, въ собраніяхъ академическихъ было оное двукратно читано, разсматриваемо и поправляемо.

Въ первый разъ грамматика сія издана въ 1802 году. Во

---

[1]) О П. И. Соколовѣ, долгое время бывшемъ непремѣннымъ секретаремъ академіи, см. на стр. 6-й.

[2]) Митрополитъ Гавріилъ (Петровъ) былъ человѣкъ высоко образованный; Екатерина посвятила ему извѣстный переводъ Мармонтелева „Велисарія,“ въ то время, когда эта книга подвергалась гоненію почти во всей западной Европѣ.

[3]) Т. е. Мелетія Смотрицкаго, къ грамматикѣ котораго припечатано было „Разсужденіе Максима Грека о пользѣ грамматики, риторики и философіи“; почему послѣднему приписывали и сочиненіе самой грамматики.

[4]) См. о немъ выше, стр. 3 и слѣд..

[5]) Профессоръ астрономіи, потомъ (1800) вице-президентъ академіи наукъ и наконецъ (1803) попечитель казанскаго университета.

[6]) Директоръ академической гимназіи и авторъ „Дневныхъ записокъ путешествія по разнымъ провинціямъ Россійскаго государства“ (3 ч. С. П. Б. 1771—1780) и другихъ сочиненій, по части естественныхъ наукъ.

[7]) Профессоръ астрономіи.

второй разъ — въ 1809. Нынѣ же (въ 1819 году), по выходѣ всѣхъ экземпляровъ, напечатана вновь третьимъ тисненіемъ.

При семъ новомъ изданіи журналистъ *Гречъ*, издающій журналъ подъ названіемъ: *Сынъ Отечества*, извѣщаетъ о ней съ своими хулительными замѣчаніями.

Академія, въ собраніи своемъ, хотя и удивилась такому своевольному поступку журналиста, однакожъ положила прочитать замѣчанія его съ тѣмъ, 1-е, найдется ли въ нихъ что нибудь дѣльное и основательное? и 2-е, приличнымъ ли покрайней мѣрѣ образомъ оныя написаны?

По первому положенію, она не нашла ничего, кромѣ пустыхъ, несправедливыхъ умствованій, показывающихъ, что правила языка и грамматики господину журналисту мало извѣстны.

По второму, весьма видно, что намѣреніе сей брани, названной критикою, состояло не въ усердіи къ языку, но въ желаніи показать, что можно всякому, кто хочетъ, печатать и говорить объ академіи со всякимъ неуваженіемъ и хулою: словомъ — подать тому поводъ и примѣръ.

Академія, во время чтенія сей статьи изъ журнала, останавливалась на нѣкоторыхъ мѣстахъ, и дѣлала краткія свои замѣчанія съ тѣмъ, чтобъ сдѣлать изъ того выписку, которая и составилась въ слѣдующемъ видѣ:

Журналистъ говоритъ: *„Мы начали читать грамматику, сочиненную Россійскою Академіею, съ великими ожиданіями, полагая, что найдемъ въ ней многія перемѣны и новыя правила противъ прежнихъ изданій; но, къ сожалѣнію своему, ошиблись въ семъ предположеніи.“*

При учрежденіи академіи, не было разсуждаемо, какъ поступать ей, когда кто скажетъ: Мы, журналистъ такой-то и подобные мнѣ, увѣряемъ всякаго кто хочетъ вѣрить, что грамматика академическая, бывшая 17 лѣтъ хорошею, нынѣ никуда не годится. Повидимому не предполагалось, чтобъ такая грубая и непристойная отъ журналиста противъ цѣлаго общества брань когда-либо въ книгахъ появляться могла.

„Сіе третіе изданіе (продолжаетъ онъ) *во всемъ подобно первому, кромѣ двухъ или трехъ мѣстъ, которыя перемѣнены, и — не къ лучшему. Это насъ изумило.“*

Академія отъ опасенія, чтобъ не *изумить* какого нибудь журналиста, не могла остановить третьяго изданія своей грамматики.

„Неужели въ продолженіе семнадцати лѣтъ, нельзя было

пріискать ничего новаго, хорошаго для исправленія и пополненія столь важной книги, какова грамматика? Неужели въ сіи 17 лѣтъ русскій языкъ ни въ теоріи своей, ни въ практикѣ, не сдѣлалъ ни малѣйшаго шага? Или полагаютъ, что первое изданіе сей грамматики было non plus ultra совершенства, къ которому нечего прибавить, въ которомъ нечего перемѣнить?"

Академія могла бы отвѣчать на подобные сему вопросы, но не такому журналисту, который самыми разсужденіями своими показываетъ, что онъ не пойметъ ея отвѣтовъ; ибо, по всему видимому, не въ знаніи языка *сдѣлалъ шаги*, а только въ дерзости, поелику, не довольствуясь первыми въ оной порывами, простираетъ ихъ далѣе, продолжая въ непристойныхъ выраженіяхъ изливать на академію слѣдующія хулы, брани, укоризны, насмѣшки и восклицанія, доселѣ никѣмъ не дѣланныя и ни мало ею не заслуженныя:

„Чѣмъ ближе метода ученія къ математической, тѣмъ она совершеннѣе. Въ грамматикѣ Россійской Академіи сіе правило выпущено изъ вида."

„Тутъ двѣ ошибки. Не лучше ли было бы, вмѣсто двухъ „словъ лице и вещь, употреблять одно выразительное — предметъ?"

Академія, даже и послѣ сего поучительнаго наставленія, не соглашается посылать къ господину журналисту спрашивать, гдѣ отъ него приказано ей будетъ употреблять слова *лице* и *вещь*, и гдѣ *предметъ*.

(Такое-то опредѣленіе) *„и темно и неправильно."*

„Прекрасное правило!"

Журналистъ дѣлаетъ восклицаніе сіе въ насмѣшку что академія букву *и* почитаетъ составленною изъ двухъ *і*. Такъ это ему невѣроятно кажется!

„Авторы грамматики (говоря вообще о всей академіи) *догадываются гдѣ кроется истина."*

„Воля Академіи" (въ насмѣшку).

„Неужели Академіи сіе было неизвѣстно?"

Что такое? — изданное г. Борномъ краткое руководство! [1]).

„Упомянемъ и о нескладныхъ предложеніяхъ."

---

[1]) Иванъ Мартыновичъ Борнъ издалъ въ 1808 г.: „Краткое руководство къ россійской словесности." Онъ былъ однимъ изъ основателей Общества любителей словесности и художествъ (1803); впослѣдствіи былъ воспитателемъ принцевъ Ольденбургскихъ.

„Мы дописываемъ четвертый листъ, и лишь только дошли до производства словъ. Отдохнемъ и, собравшись съ силами, пустимся далѣе.“

„Займемся разсмотрѣніемъ словопроизведенія. И въ этой части находимъ прежній порядокъ, или лучше сказать безпорядокъ; и въ ней встрѣчаются правила неполныя, сомнительныя, темныя и совершенно ложныя.“

„Возможно ли предписывать такія неосновательныя правила?“

Изъ сихъ немногихъ выписанныхъ отрывковъ можно уже видѣть вмѣстѣ и неосновательность и непристойную бранчивость журналиста, который, простирая дерзость свою далѣе, при одномъ по его мнѣнію неправильномъ разсужденіи, въ жару своевольства кричитъ: „*Hear! Hear!*“ — восклицанія: послушай! послушай! употребляемыя въ англинскомъ парламентѣ, когда хотятъ обратить вниманіе слушателей на какое нибудь особое или необычное предложеніе. Журналистъ обращаетъ сими словами вниманіе читателей на великую, по мнѣнію его, нелѣпость академіи, которая говоритъ, что предъ простыми существительными именами приличіе слога требуетъ и прилагательныя ставить простыя же, то есть съ простымъ окончаніемъ, какъ напримѣръ: *большой палецъ у руки, маленькой домикъ, ветхой сарай,* и проч.; ибо въ семъ случаѣ не хорошо бы было сказать: *большій, маленькій, ветхій.* Журналистъ, находя сіе въ нашемъ языкѣ необходимое и каждому школьнику извѣстное правило неосновательнымъ, говоритъ: „*почемужъ не хорошо, если смѣемъ спросить? Мы не находимъ тутъ никакой ошибки, никакой несообразности; и должны ли еще спросить разрѣшенія, гдѣ находится предѣлъ употребленія окончаній: ый, ой, ій и ей.*“ — Академія опять повторяетъ, что она не знаетъ о комъ говорится: мы не находимъ! Она видитъ одного журналиста, неопытнаго въ языкѣ, скуднаго въ познаніяхъ, и не можетъ ни по какому приличію располагать себя по его мнѣніямъ. Впрочемъ разрѣшеніе, какова журналистъ требуетъ, сказано выше; сказанное читаютъ и учатся, а не переспрашиваютъ о томъ; ибо въ подобныхъ сужденіяхъ объ языкѣ, кто не чувствуетъ приличія и неприличія слога, того никакая грамматика не научитъ.

Излишно и недостойно выписывать здѣсь всѣ тѣ хулы и брани, которыми журналисту угодно было почтить академію, называя правила ея *неосновательными, сбивчивыми, несообразными, ложными, забавными,* и проч. и проч.. Послѣ всѣхъ сихъ столько же справедливыхъ сколько и скромныхъ выраженій, увѣнчиваетъ

онъ похвальный подвигъ свой слѣдующимъ стихомъ Ломоносова: *Что вы, о поздные потомки, помыслите о нашихъ дняхъ?* — давая симъ остроумнымъ вымысломъ знать, что потомки наши удивляться будутъ невѣжеству академіи.

По прочтеніи вышеозначенныхъ на россійскую грамматику замѣчаній журналиста, академія, въ собраніи своемъ, сдѣлала себѣ три вопроса:

1-й вопросъ: должна ли академія на сію публикованную противъ ней, подъ названіемъ критики, не дѣльную и грубую брань дѣлать свои возраженія?

Общее мнѣніе по сему вопросу было слѣдующее:

„Россійская Императорская Академія, учрежденная Великою Екатериною, и облагодѣтельствованная Александромъ Первымъ, для наблюденія пользъ отечественнаго языка и словесности, изъ шестидесяти избранныхъ членовъ состоящая, не можетъ безъ униженія достоинства своего входить въ состязаніе съ издателемъ журнала, а особливо когда видитъ въ немъ, при недостаткахъ знанія въ языкѣ, дерзновеніе судить академію и говорить о ней презрительно. Таковое неприличное для ней состязаніе съ журналистомъ, даже и между частными лицами предосудительное, могло бы подвергнуть ее несовмѣстности вдаваться въ преніе со всякимъ, кто захочетъ хулами своими вызывать ее на непристойную съ нимъ брань.“

2-й вопросъ: должна ли академія промолчать?

Общее мнѣніе по сему вопросу было слѣдующее:

„Академіи, по означеннымъ выше сего причинамъ, не остается конечно ничего, кромѣ молчанія; но впрочемъ она съ прискорбностію чувствуетъ, что естьли подобные о ней толки и укоризны отъ всякаго, кто захочетъ ихъ писать, будутъ публиковаться, — то едва ли можетъ она имя свое носить съ честію: положеніе ея будетъ весьма затруднительно; ибо и отвѣтами своими и молчаніемъ она равному подвергнется уничиженію.“

3-й вопросъ: имѣютъ ли журналисты право о издаваемыхъ академіею книгахъ извѣщать публику съ своими объ нихъ сужденіями и оцѣнкою?

Общее мнѣніе по сему вопросу было слѣдующее:

„Цѣлая академія не можетъ быть безграмотною; журналистъ легко можетъ быть безграмотенъ; ибо всякой можетъ быть журналистомъ. Въ цѣлой академіи предполагается больше знанія, нежели въ одномъ журналистѣ. Академія можетъ погрѣшать, но журналистъ еще больше. И такъ по здравому разсудку нѣтъ ни-

какой пользы ни для нравовъ, ни для просвѣщенія и словесности, чтобъ изданныя отъ академіи и слѣдовательно оцѣненныя уже ею сочиненія были вновь переоцѣниваемы журналистами. Въ государственныхъ постановленіяхъ также нигдѣ не сказано, что журналисты могутъ публиковать и оцѣнивать академическія книги, какъ имъ угодно. Посему ясно, что издатель журнала подъ названіемъ *Сынъ Отечества* присвоилъ самъ себѣ сіе право. Поступокъ его не подлежитъ суду академіи, но суду правительства; а потому она, не входя въ сужденіе о семъ, полагаетъ только просить президента академіи сіи бывшія въ засѣданіяхъ ея разсужденія приказать записать въ академическія записки и списокъ съ оныхъ препроводить къ министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія."

Въ слѣдствіе сего положенія академіи, отнесся я къ министру просвѣщенія, и получилъ въ отвѣтъ слѣдующаго содержанія бумагу:

„По отношенію Вашего Превосходительства, отъ 28 августа сего 1819 года, съ приложеніемъ записки о бывшихъ въ Императорской Россійской Академіи сужденіяхъ и изъявленномъ ею неудовольствіи, касательно напечатанной въ журналѣ *Сынъ Отечества* оскорбительной критики на вновь изданную Академіею россійскую грамматику, не преминулъ я обстоятельство сіе предложить на разсужденіе Главнаго Правленія Училищъ. Заключеніе онаго, съ которымъ и я не могу не согласиться, состояло въ томъ, что дѣланіе примѣчаній на всякую издаваемую въ свѣтъ книгу, а тѣмъ паче на грамматику, никакими узаконеніями не воспрещается; а потому не можетъ вообще никому быть возбранено; и въ случаѣ неосновательности таковыхъ примѣчаній, критикъ подвергается самъ стыду предъ публикою и удобному на нихъ опроверженію тѣмъ же способомъ, какимъ и его примѣчанія доведены до всеобщаго свѣденія. Но что касается до оскорбительныхъ для Академіи выраженій и отзывовъ, каковыми наполнены тѣ замѣчанія издателемъ *Сына Отечества,* то какъ сіе противно уставу о цензурѣ, я приказалъ учинить, чрезъ кого слѣдуетъ, надлежащій выговоръ цензору, дозволившему напечатать тѣ замѣчанія, и поставилъ несовмѣстность сего поступка на видъ и автору, который осмѣлился употребить столь неприличные отзывы на счетъ Академіи; а притомъ предписалъ цензурѣ, чтобы впредь никакихъ подобно сему оскорбительныхъ отзывовъ ни на чей счетъ въ печать не было издаваемо.

О семъ имѣю честь увѣдомить В. П., въ отвѣтъ на помянутое ваше ко мнѣ отношеніе."

Подписано: министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія Князь Александръ Голицынъ. — Окт. 31. 1819.

По прочтеніи сей бумаги, тогожъ года ноября 1-го дня, велѣлъ я, по согласію всѣхъ присутствовавшихъ членовъ, въ отвѣтъ на оную, внести въ академическія записки отъ лица всего собранія слѣдующее разсужденіе:

„Императорская Россійская Академія не токмо никогда не воспрещала дѣлать разсмотрѣнія или критики на издаваемыя ею книги; но еще многократно приглашала просвѣщенныхъ любителей россійскаго языка и словесности сообщать въ оную свои замѣчанія на ея сочиненія и переводы, въ томъ намѣреніи, что ежели сужденія и замѣчанія ихъ будутъ основательны и послужатъ къ открытію чего либо новаго и полезнаго для языка, то она не токмо приметъ оныя съ благодарностію, но и объ имени того, кто ихъ прислалъ возвѣститъ въ своихъ изданіяхъ."

Наконецъ общимъ согласіемъ положено и записано было, чтобъ, во время публичныхъ академическихъ собраній, журналиста Греча въ академію не приглашать, и ежели кѣмъ изъ членовъ приглашенъ будетъ, то не впускать, и члену тому, отъ кого онъ получитъ билетъ, впредь для приглашенія билетовъ не давать.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Благосклонный читатель! Ты безсомнѣнія желаешь знать, какое изъ сего произошло слѣдствіе? Вотъ какое: — Ты видѣлъ, что Императорская Россійская Академія (шестдесятъ избранныхъ членовъ, въ числѣ коихъ находится и самъ министръ просвѣщенія) отдана была подъ судъ Главнаго Правленія Училищъ (состоящаго въ трехъ членахъ, изъ коихъ одинъ иностранецъ); и сіе главное правленіе училищъ, не прочитавъ или не вразумясь въ прописанныя выше сего объясненія академическія: *„что ей какъ молчать, такъ и связываться состязаніемъ со всякимъ, кто захочетъ противъ нея издавать невѣжественныя и дерзкія брани, уничижительно и неприлично"*; — правленіе, говорю, училищъ, повидимому не вникнувъ и не почувствовавъ положенія академіи, учитъ ее: *„что критикъ, въ случаѣ неосновательности своихъ примѣчаній, подвергается удобному на нихъ опровերженію тѣмъ же способомъ, какимъ и его примѣчанія доведены до всеобщаго свѣде-*

нія." То есть правленіе училищъ позволяетъ академіи связываться со всякимъ невѣждою и браниться со всякимъ наглецомъ! Прекрасные и преполезные произойдутъ изъ сего труды и произведенія академическія! Таковъ былъ судъ правленія училищъ, къ которому академія никогда не относилась, и относиться ей было неприлично. Чтожъ принадлежитъ до министра просвѣщенія, то онъ, какъ изъ словъ его явствуетъ, наставленный правленіемъ училищъ, рѣшился: „*за оскорбительныя для Академіи выраженія и отзывы, каковыми наполнены замѣчанія, сдѣланныя издателемъ Сына Отечества, приказать цензору учинить надлежащій выговоръ, и поставить на видъ автору несовмѣстность его поступка.*" Сей выговоръ и сіе *постановленіе на видъ* было такъ мало уважено, что, вмѣсто обузданія журналиста, поощрило его въ слѣдъ за симъ съ новою дерзостію напечатать переведенную съ французскаго языка извѣстную подлымъ своимъ злонамѣреніемъ и гнусными клеветами Шамфортову противъ французской академіи рѣчь (см. возраженіе на оную въ сочиненіяхъ Мореллета), и присовокупилъ къ сему еще многія противъ переводовъ и сочиненій изданныхъ отъ россійской академіи, подобныя же дерзкія и невѣжественныя брани. Изъ сего единаго случая можно усмотрѣть, въ какомъ обузданіи была наглость столько же самолюбивыхъ, сколько и безграмотныхъ писателей, и какой отъ того пользы и успѣховъ могли ожидать языкъ, нравственность, науки и просвѣщеніе.

ДѢЛО ДОСТОЙНОЕ ПРИМѢЧАНІЯ.

(Государственный совѣтъ, въ департаментѣ законовъ. Октября 1820 года[1]).

Слушано дѣло относительно продажи дворовыхъ людей и крестьянъ порознь и безъ земли. Существо дѣла сего состоитъ въ слѣдующемъ:

Г. министръ юстиціи[2]), въ слѣдствіе положеній комитета г. г. министровъ, представилъ въ государственный совѣтъ записки санктпетербургскаго военнаго генералъ-губернатора[3]) и

---

[1]) Въ Департаментѣ законовъ въ это время предсѣдательствовалъ В. С. Ланской; членами были: Шишковъ и И. Б. Пестель.

[2]) Кн. Д. И. Лобановъ.

[3]) Гр. М. А. Милорадовича.

управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ [1]) по сему предмету.

Въ запискѣ сей, санктпетербургскій военный генералъ-губернаторъ объясняетъ, что, по принесеннымъ ему жалобамъ, произведенными слѣдствіями открыто:

1-е) Коллежскій ассесоръ Лупандинъ, изъ доставшейся ему наслѣдственно послѣ отца его вотчины, продалъ разнымъ лицамъ по одиначкѣ отъ крестьянскихъ семействъ вдовъ 3, дѣвокъ 17, и одну подарилъ. Продажу сихъ дѣвокъ и женщинъ Лупандинъ дѣлалъ подъ именемъ крѣпостныхъ дворовыхъ его людей. По открытіи таковыхъ поступковъ Лупандина, и другихъ дѣлаемыхъ имъ крестьянамъ притѣсненій, онъ, санктпетербургскій военный генералъ-губернаторъ, предписалъ имѣніе его отдать въ управленіе опеки.

2-е) Отставной штабсъ-капитанъ Раздеришинъ, покупая по одиначкѣ малолѣтныхъ дѣвокъ, держалъ ихъ у себя для непотребства. За поступки сіи онъ предалъ Раздеришина законному сужденію.

3-е) Статская совѣтница Полонская продала полковницѣ Андреевой двороваго своего человѣка Ивана Чернышева съ женою его и малолѣтнею дочерью; а старшую дочь Чернышева Полонская оставила у себя.

4-е) Надворнаго суда третій департаментъ, основываясь на банкротскомъ уставѣ, приговорилъ дворовыхъ людей умершаго титулярнаго совѣтника Дьякова, человѣка Анисимова и дѣвку Данилову, за состоящій на немъ долгъ, продать и вырученными за нихъ деньгами удовлетворить кредитора купца Ильина.

Санктпетербургскій военный генералъ-губернаторъ, употребивъ мѣры къ удержанію отъ сихъ злоупотребленій, представлялъ государю императору о запрещеніи продажи людей безъ земли и по одиначкѣ. Записка сія внесена была въ комитетъ г. г. министровъ, и по высочайше утвержденному положенію онаго, 10-го генваря сего года, доставлена къ министру юстиціи, а отъ него, какъ выше упомянуто, представлена въ государственный совѣтъ.

Записка г. управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ заключаетъ въ себѣ объясненіе изслѣдованій, произведенныхъ, по положенію комитета г. г. министровъ, по двумъ всеподданнѣйшимъ жалобамъ крестьянъ саратовской губерніи, камышенской помѣщицы гвардіи прапорщицы Киреевой, принесеннымъ именующими себя

---

[1]) Гр. В. П. Кочубея.

ихъ повѣренными, крестьянами Петромъ Федоровымъ и Дмитріемъ Тарасовымъ.

Помянутые крестьяне, въ числѣ 262 душъ мужеска пола, достались Киреевой, по купчей, отъ надворнаго совѣтника Бахметева. Между помѣщицею Киреевою и крестьянами ея сдѣлано было, по предложенію ея, домовое условіе о увольненіи ихъ въ вольные хлѣбопашцы съ платою за каждую мужеска пола душу по 700 рублей, которое въ присутственномъ мѣстѣ не явлено, и крестьяне оказались не въ состояніи заплатить къ назначенному сроку условленную сумму; но, полагая условіе существующимъ, внесли помѣщицѣ 14.800 рублей съ тѣмъ, что они воспользуются хлѣбомъ, трудами ихъ собраннымъ; но помѣщица удержала и хлѣбъ и деньги, продала изъ сей вотчины, послѣ обѣщаннаго по условію увольненія крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы, 26 человѣкъ мужеска и женска пола, большею частію по одиначкѣ и въ разныя руки, также изъ семейства повѣреннаго отъ прочихъ крестьянъ, приносившаго на нее жалобу, крестьянина Дмитрія Тарасова, жену его съ тремя сыновьями, одного съ женою и дочерью, а двухъ холостыхъ съ ихъ сестрою; въ купчей написанъ и мужъ, но съ оговоркою, что онъ находится въ бѣгахъ. По сему саратовское губернское правленіе сдѣлало опредѣленіе, чтобы всѣхъ людей слободы Клиновки, проданныхъ Киреевою, какъ тѣхъ, на коихъ еще не совершены купчія, такъ и тѣхъ, на которыхъ купчія совершены, и кои перечислены окладомъ за новыхъ владѣльцевъ, отобрать отъ покупщиковъ и обратить на прежнее жительство въ ихъ домы и семейства, впредь до разрѣшенія высшаго начальства.

Г. управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ представлялъ комитету г. г. министровъ, чтобъ предоставить правительствующему сенату дѣло сіе неукоснительно рѣшить, и пояснить законъ: можно ли безъ земли продавать крестьянъ?

Записка сія изъ комитета г. г. министровъ доставлена къ министру юстиціи, а отъ него представлена оная, вмѣстѣ съ запискою санктпетербургскаго военнаго генералъ-губернатора, въ государственный совѣтъ.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ законовъ, журналомъ 12-го февраля сего года, постановилъ: препроводить въ коммисію составленія законовъ означенныя записки, для разсмотрѣнія ихъ совокупно съ имѣющимся производствомъ по сему предмету.

Въ слѣдствіе чего коммисія составленія законовъ, при жур-

налѣ отъ 9-го марта сего года, представила *проэктъ закона о пресѣченіи продажи крестьянъ порознь и безъ земли.*

При составленіи проэкта сего, она руководствовалась слѣдующими соображеніями:

1-е) Что ни въ уложеніи, ни въ новоуказныхъ статьяхъ, не содержится нигдѣ позволенія продавать крестьянъ, приписанныхъ къ вотчинамъ, по одиначкѣ и безъ земли, и что законодатель никогда не имѣлъ въ виду, чтобъ крестьянинъ могъ быть лично отдѣляемъ отъ земли, къ которой онъ приписанъ для пользы государственной и помѣщичей, какъ въ отношеніи къ земледѣлію, такъ и платежу государственныхъ повинностей; но что со временемъ отъ неправильнаго уразумѣнія, или отъ превратнаго толкованія закона, коимъ позволялось продавать такимъ образомъ дворовыхъ людей, или, какъ они тогда назывались, старинныхъ полныхъ или докладныхъ холопей [1]), поелику они были по большой части плѣнные, безродные и не приписанные къ землѣ люди, а также отъ вошедшаго въ употребленіе обычая селить таковыхъ холопей на вотчинныхъ земляхъ, и отъ смѣшенія ихъ съ крестьянами, такъ что господинъ могъ уже по своему произволенію крестьянъ брать на господской дворъ и обращать въ дворовые люди, а дворовыхъ людей на крестьянство. Съ уничтоженіемъ напослѣдокъ и самаго названія холопей, помѣщики присвоили себѣ мало по малу надъ крестьянами тоже самое право продавать ихъ порознь и безъ земли, какое прежде имѣли надъ одними токмо холопями.

2-е) Что зло, происходящее отъ сего вкоренившагося обычая, весьма очевидно. Не упоминая уже о томъ, сколь таковая продажа людей лично, по одиначкѣ, съ разлученіемъ отцовъ отъ дѣтей, на подобіе безсловесныхъ животныхъ, не соотвѣтственна духу нынѣшняго времени и унизительна для самаго человѣчества, она имѣетъ еще многія другія неудобства, весьма вредныя для пользы государственной и для благосостоянія нѣсколькихъ миліоновъ подданныхъ.

3-е) Что крестьяне, будучи приписаны къ землѣ, составляютъ вмѣстѣ съ нею собственность владѣльца, и слѣдственно

---

[1]) Полнымъ холопомъ назывался холопъ вѣчно-кабальный, отдавшійся въ безсрочное холопство; докладной холопъ былъ тотъ, который достался не по наслѣдству, а по особой купчей. — Желающихъ ближе ознакомиться съ различными видоизмѣненіями правъ помѣщиковъ и вотчинниковъ на крестьянъ, холопей и дворовыхъ людей, отсылаемъ къ изслѣдованію И. Д. Бѣляева, „Крестьяне на Руси.“ (Русская Бесѣда. 1859. IV, V и VI.)

могутъ быть имъ продаваемы, но не иначе, какъ съ землею, на коей они поселены; ибо въ такомъ случаѣ продается не человѣкъ, не разумное существо, которое ни по естественнымъ, ни по политическимъ законамъ, не можетъ быть поставлено наровнѣ съ вещами, но самая земля; а поселенный на ней крестьянинъ переходитъ вмѣстѣ съ нею, ибо онъ для собственной же своей пользы не можетъ и не долженъ ее оставлять.

4-е) Что таковую противную нравственности продажу людей порознь, сопряженную съ угнетеніемъ человѣчества, старался отвращать еще Петръ I, какъ то явствуетъ изъ указа, объявленнаго бывшимъ тогда кабинетъ-секретаремъ Макаровымъ, 1721 года апрѣля 15 дня, въ коемъ изъяснено: „обычай былъ въ Россіи, которой и нынѣ есть, что крестьянъ и дѣловыхъ и дворовыхъ людей мелкое шляхетство продаетъ врозь, кто похочетъ купить, какъ скотовъ, чего во всемъ свѣтѣ не водится, а наипаче отъ семей, отъ отца или отъ матери дочь или сына помѣщикъ продаетъ, отъ чего не малый вопль бываетъ, и его царское величество указалъ оную продажу людямъ пресѣчь, а ежели не возможно того будетъ вовся пресѣчь, то бы хотя по нуждѣ и продавали цѣлыми фамиліями или семьями, а не порознь, и о томъ бы при сочиненіи нынѣшняго уложенія изъяснить, какъ высокоправительствующіе господа сенаторы заблагоразсудятъ.“ — Но обычай сей столь уже глубоко вкоренился и столь соотвѣтствовалъ видамъ нѣкоторыхъ корыстолюбивыхъ людей, что всѣ старанія къ искорененіи его остались тщетными, и что оный продолжается и понынѣ, хотя правительство въ разныя времена употребляло всѣ мѣры къ ограниченію сего злоупотребленія и къ уменьшенію происходящаго отъ него вреда.

5-е) Что хотя и запрещено продавать людей на ярманкахъ, но присутственныя мѣста чинятъ имъ продажу на аукціонахъ съ публичнаго торгу.

Основываясь на сихъ соображеніяхъ коммисія составила проэктъ новаго закона въ слѣдующемъ видѣ:

§ 1. Всякая продажа, закладъ и укрѣпленіе крестьянъ, иначе какъ селеніями со всѣмъ крестьянскимъ имуществомъ и землею, отнынѣ на всегда запрещается, подъ какимъ бы то наименованіемъ ни было.

§ 2. Дворовымъ людямъ обоего пола, какъ показаннымъ таковыми по ревизіи 1815 года, такъ и записаннымъ по оной же ревизіи въ крестьянствѣ, но дѣйствительно живущимъ на помѣщичьемъ дворѣ и употребляемымъ въ разныя господскія личныя

услуги и должности, а равно и взятымъ во дворъ изъ крестьянъ послѣ помянутой ревизіи, сдѣлать немедленно общую во всемъ государствѣ перепись, показавъ въ оной, какъ самихъ ихъ, такъ женъ и дѣтей ихъ, прижитыхъ послѣ ревизіи, оставя ихъ навсегда въ званіи дворовыхъ людей, и показывая и впредь въ ревизскихъ сказкахъ отдѣльно отъ крестьянъ.

§ 3. Впредь же, со дня обнародованія сего положенія, запрещается всякаго крестьянина или крестьянку, какаго бы возраста они ни были, отдѣлять навсегда отъ земли, взятіемъ во дворъ къ помѣщику.

§ 4. Впрочемъ никому изъ помѣщиковъ не запрещается находящихся нынѣ дѣйствительно при нихъ дворовыхъ людей обоего пола выпускать на крестьянство, какъ женитьбою мужескаго пола на крестьянской дѣвкѣ, съ тѣмъ чтобы ему въ крестьянскомъ домѣ жены его, по смерти ея родителей, быть хозяиномъ, что у простолюдиновъ называется: въ домъ принять; или выдачею дворовой дѣвки за крестьянина; такъ и отведеніемъ для двороваго человѣка особаго участка земли и обращеніемъ его на пашню; но во всѣхъ сихъ случаяхъ, выпустивъ двороваго человѣка въ крестьяне, помѣщикъ не имѣетъ уже права ни самаго его, ни его дѣтей, прижитыхъ въ крестьянствѣ, взять обратно во дворъ и отлучить отъ земли, подъ какимъ бы предлогомъ то ни было.

§ 5. Находящіеся нынѣ при помѣщикахъ дворовые люди, для исчисленія государственныхъ повинностей, отнынѣ впредь должны быть приписываемы къ деревнямъ и отнюдь не къ городскимъ домамъ владѣльцевъ, показывая ихъ только по ревизіи въ особой статьѣ отъ крестьянъ; государственныя же подати должны быть за нихъ платимы не селеніемъ, къ коему приписаны, и которому бы они такимъ образомъ обратились въ тягость, но самимъ помѣщикомъ, исключая только, когда дворовой человѣкъ будетъ выпущенъ на крестьянство, въ таковомъ случаѣ онъ и платитъ подати за себя наровнѣ съ прочими крестьянами.

§ 6. Всѣ таковые дворовые люди не иначе могутъ быть продаваемы или перекрѣпляемы въ постороннія руки, какъ вмѣстѣ съ тѣмъ селеніемъ, къ коему они приписаны; однакоже при таковой продажѣ цѣлаго селенія, позволяется продавцу или закладчику, при совершеніи крѣпости, выговаривать изъ оной или всѣхъ или нѣсколькихъ дворовыхъ людей, приписывая ихъ въ тоже самое время къ другому селенію. Равномѣрно не запрещается отдавать ихъ въ наслѣдство сыновьямъ, или въ приданое дочерямъ, отдѣльно отъ того селенія, къ коему они приписаны; но

во всѣхъ сихъ случаяхъ строго наблюдать, дабы жены отъ мужей и дѣти отъ родителей, мужеской полъ до совершеннолѣтія, т. е. до 17-лѣтняго возраста, а женскій до замужства, не были ни подъ какимъ предлогомъ разлучаемы.

§ 7. Что же касается до дворовыхъ людей, принадлежащихъ дворянамъ, не имѣющимъ собственныхъ деревень, то хотя на первый случай, до дальнѣйшаго распоряженія, и позволяется ихъ на прежнемъ основаніи приписывать къ городскимъ домамъ, но всѣ таковые люди также не могутъ быть продаваемы, и не иначе могутъ переходить отъ одного владѣльца къ другому, какъ по законному наслѣдству, или по раздѣлу, или же отдачею въ приданое за дочерьми, но отнюдь не по завѣщаніямъ, дѣлаемымъ въ пользу стороннихъ лицъ, или по другимъ сдѣлкамъ. Когда же законныхъ наслѣдниковъ не окажется, то всѣ таковые дворовые люди дѣлаются свободными.

§ 8. При взысканіяхъ по партикулярнымъ долгамъ, люди также не иначе продаваемы быть могутъ, какъ селеніями съ землею и со всѣмъ крестьянскимъ имуществомъ. Въ случаѣ если на удовлетвореніе долговъ инаго имѣнія не достанетъ, а останутся одни только люди дворовые и къ домамъ приписанные, то таковыхъ людей не продавать и не возвращать ни должнику, ни его наслѣдникамъ, а объявлять равномѣрно свободными, съ тѣмъ чтобы избравъ родъ жизни платили они, по назначенію правительства, соотвѣтственной ихъ способности оброкъ, которой поступаетъ на уплату неудовлетворенныхъ долговъ. Когда сіи отпущенные на волю люди достигнутъ шестидесяти лѣтъ, или когда долги прежде уплачены будутъ, то оброкъ сей обращается въ пользу прежняго ихъ владѣльца. Дѣти рожденныя отъ нихъ, по полученіи ими свободы, не платятъ никакаго оброка.

§ 9. Сіе постановленіе распространяется и на взысканія казенныя.

§ 10. Для предупрежденія раздробленія имѣній на малыя части постановляется, что имѣніе, въ коемъ числится нѣсколько сотъ крестьянъ, не можетъ итти въ продажу, закладъ, раздѣлъ или укрѣпленіе на части, менѣе ста крестьянъ мужескаго пола заключающія, со всею ихъ землею и имуществомъ, подъ какимъ бы наименованіемъ ни было.

§ 11. Равномѣрно имѣніе, въ коемъ заключается не болѣе ста крестьянъ, или менѣе того, не можетъ быть продаваемо, закладываемо и укрѣпляемо, иначе какъ полнымъ ихъ числомъ съ землею и всѣмъ крестьянскимъ имуществомъ.

§ 12. При продажѣ и укрѣпленіи части имѣнія, никому не отдѣлять для себя менѣе ста крестьянъ, и не иначе, какъ со всею принадлежащею имъ землею и крестьянскимъ имуществомъ, ниже для водворенія въ другомъ селеніи, на основаніи § 14.

§ 13. Буде каждый изъ наслѣдниковъ не можетъ получить ста или болѣе крестьянъ, и если въ теченіи двухъ лѣтъ не согласятся владѣть имѣніемъ совокупно до продажи или по добровольной сдѣлкѣ, удовлетворивъ кого слѣдуетъ между ихъ деньгами, тогда все имѣніе поступаетъ въ продажу полнымъ числомъ его, и наслѣдники раздѣляютъ полученную за него сумму, на основаніи какъ дѣлили недвижимое имѣніе.

§ 14. Если владѣлецъ имѣнія, по недостатку въ землѣ и по большему числу людей, пожелаетъ перевесть нѣсколько семей на пустопорожнюю землю въ другую губернію или въ другой уѣздъ, то сіе дозволять не иначе, какъ съ разрѣшенія правительства и токмо въ то время, когда представлены будутъ удостовѣренія, что въ новомъ помѣстьѣ устроены владѣльцемъ крестьянскіе домы и другія хозяйственныя заведенія, необходимыя для поселянъ. Крестьянъ, водворенныхъ въ новомъ ихъ жительствѣ, не прежде переселять на другую землю, какъ по прошествіи десяти лѣтъ; и число десятинъ, назначаемыхъ имъ въ новомъ помѣстьѣ, ни подъ какимъ видомъ не можетъ быть менѣе того, какое они прежде имѣли.

§ 15. Крѣпостныхъ людей и крестьянъ, принадлежавшихъ прежде личнымъ дворянамъ, а по смерти ихъ доставшихся по наслѣдству кому либо, кто не пріобрѣлъ самъ по себѣ законнаго на владѣніе ими права, какова бы возраста они ни были, объявлять свободными съ тѣмъ чтобъ, избравъ родъ жизни, платили они оброкъ тѣмъ, отъ кого отходятъ изъ крестьянскаго состоянія, пока не исполнится имъ 60 лѣтъ.

§ 16. При всѣхъ вообще переходахъ крѣпостныхъ людей отъ одного владѣльца къ другому, ни въ какомъ случаѣ семейства не должны быть раздѣляемы. Семействомъ же почитать мужа, жену и дѣтей мужескаго пола до совершеннолѣтія, т. е. до 17 лѣтъ, а женскаго до замужства.

§ 17. Каждый человѣкъ, дворовый или крестьянинъ, съ изданія сего закона проданный, заложенный или переданный во владѣніе по вѣрющему письму, равно взятый во дворъ, вопреки §§ 3 и 4, и вообще укрѣпленный не согласно съ сими правилами, чрезъ сіе дѣлается свободнымъ, и судныя и присутственныя мѣста и лица обязаны таковымъ его немедленно признавать и объявлять.

Всѣ же послѣдствія преступленія закона падаютъ на виновныхъ и на присутственныя мѣста, совершившія купчія или другіе акты.

§ 18. Въ разсужденіи отдачи дворовыхъ людей и крестьянъ въ рекруты, держаться существующихъ законовъ, до изданія новаго рекрутскаго устава.

Представляя проэктъ сей, совокупно съ выпискою изъ существующихъ законовъ, коммисія въ заключеніе изъясняетъ, что симъ токмо, а не инымъ чѣмъ, можетъ быть исполнено (узаконеніе?) Петра I. Сто лѣтъ прошло послѣ изданія его закона. Если законодательство девятаго на десять вѣка не можетъ итти далѣе законодательства осьмаго на десять вѣка, то по крайней мѣрѣ не должно отставать отъ него.

По выслушаніи сего, государственный совѣтъ въ департаментѣ законовъ принялъ въ уваженіе:

1-е) Коммисія законовъ приводитъ въ основаніе представленнаго ею проэкта указъ Петра I, объявленный бывшимъ тогда кабинетъ-секретаремъ Макаровымъ, 1721 года апрѣля 15 дня, называя оный закономъ. Но самое содержаніе сего указа показываетъ, что онъ написанъ былъ не въ видѣ закона, а токмо въ видѣ простаго мнѣнія, отданнаго на судъ правительствующему сенату. Законы требуютъ точныхъ опредѣленій и точнаго исполненія по онымъ; а здѣсь видны однѣ условныя предложенія: „*а ежели не возможно пресѣчь, то хотя бы по нуждѣ и продавали,*“ и проч.. Законы такимъ двуличнымъ образомъ не пишутся. При томъ же и выраженія употреблены здѣсь такія, изъ которыхъ иныя не опредѣлительны, какъ то: „*продавать цѣлыми фамиліями или семьями*“ (въ законѣ, буде бы указъ сей состоялся въ видѣ законодательства, было бы означено, что имянно подъ словомъ *фамилія* или *семья* разумѣть должно); другія не содержатъ въ себѣ существенной истины, какъ напримѣръ слѣдующее: *въ Россіи продаютъ людей какъ скотовъ.*“ Сего выраженія никакимъ образомъ въ настоящемъ смыслѣ принять не можно; ибо въ Россіи продаются люди, какъ люди, а не какъ скоты. Смѣшивать права продажи людей съ правами продажи скотовъ, есть несправедливое смѣшиваніе, никогда въ Россіи не существовавшее, и развѣ тамъ токмо употребительное, гдѣ нѣтъ никакихъ законовъ, кромѣ насилія. По симъ обстоятельствамъ, а еще болѣе потому что нигдѣ не видно, чтобъ о семъ указѣ, внесенномъ въ 1721-мъ году секретаремъ Макаровымъ въ правительствующій сенатъ на разсмотрѣніе, было какое либо сужденіе, или бы Петръ Первый въ

послѣдующіе годы царствованія своего продолжалъ о томъ вопрошать, или бы кто изъ преемниковъ престола послѣ него возобновилъ нѣкогда тотъ же вопросъ, — а между тѣмъ извѣстно, что указъ сей не былъ никогда внесенъ въ уложеніе, — то департаментъ и не можетъ не токмо вводить его въ законы, ниже принять его за поводъ къ какому либо по немъ толкованію.

2-е) Далѣе коммисія законовъ, утверждаясь на семъ указѣ, и пріемля оный за настоящій законъ, а настоящіе законы, по коимъ всѣ дѣла рѣшатся, отвергая, и называя ихъ обычаемъ и вкравшимися злоупотребленіями, изъясняетъ: *„но обычай сей столь уже глубоко вкоренился и столь соотвѣтствовалъ видамъ нѣкоторыхъ корыстолюбивыхъ людей, что всѣ старанія къ искорененію его остались тщетными, и что оный продолжается и понынѣ, хотя правительство въ разныя времена и употребляло всѣ мѣры къ ограниченію сего злоупотребленія и къ уменьшенію происходящаго отъ него вреда."* На сіе мнѣніе коммисіи никакъ согласиться нельзя: первое, потому что это не есть *обычай*, но издавна существующее въ Россіи законоположеніе; второе, потому что невозможно приписывать его *видамъ нѣкоторыхъ корыстолюбивыхъ людей;* ибо естьли разумѣть подъ сими корыстолюбивыми людьми нѣкоторыя частныя лица, то они не могли удерживать намѣреній правительства; а естьли полагать, что всѣ государственные люди, изъ которыхъ многіе оставили по себѣ толь славную память, были такъ корыстолюбивы, что попеченіе о благѣ народномъ всегда уступало алчности ихъ къ прибыткамъ (даже неизвѣстно какимъ), то таковое, ни на чемъ не основанное предположеніе, не можетъ имѣть никакаго вѣроятія. Наконецъ третіе, потому что верховная власть въ Россіи, яко самодержавная, никогда не была въ такомъ состояніи, чтобы хотѣть сдѣлать какое либо постановленіе и находить въ томъ препятствіе *отъ нѣкоторыхъ корыстолюбивыхъ людей,* или бы брать мѣры и не успѣвать въ нихъ; напротивъ всякое намѣреніе свое могла она производить единымъ токмо повелѣніемъ своимъ, котораго ослушанію въ Богохранимомъ отечествѣ нашемъ не было никогда примѣра.

3-е) Изъ доставленной при журналѣ коммисіи выписки изъ законовъ видно, что уложеніемъ и послѣдующими указами дано дворянамъ право на покупку крестьянъ и дворовыхъ людей и на продажу оныхъ безъ всякаго ограниченія сего права. Слѣдовательно коммисія поставляя сіе на видъ, но между тѣмъ утверждая, что въ Россіи продажа людей порознь и безъ земли произ-

водится не по закону, а по вкравшимся злоупотребленіямъ, сама себѣ противурѣчитъ.

4-е) Изъ прочихъ же указовъ, въ выпискѣ сей помѣщенныхъ, нѣтъ ни одного, которымъ бы разрушался коренной законъ о продажѣ людей. Нѣкоторыми изъ сихъ указовъ воспрещается токмо продажа посредствомъ аукціона, а не вообще всякая продажа людей безъ земли, и повелѣвается не публиковать о таковой продажѣ въ вѣдомостяхъ *). Въ другихъ изъясняются права дворянства природнаго и личныхъ дворянъ **). Въ нѣкоторыхъ опредѣляется, какимъ образомъ закладывать дворовыхъ людей и крестьянъ безъ земли, и утверждать ихъ отъ одного владѣльца другому по просроченнымъ закладамъ ***). Въ иныхъ, или дозволяется послѣднему въ родѣ продавать и закладывать недвижимое родовое имѣніе ****), или повелѣвается весьма справедливо ни за чью вину другаго не наказывать †). Нѣкоторыми запрещается торгъ людьми на ярмонкахъ, и изъясняется мѣра наказанія за злоупотребленіе ††). Въ другихъ, наконецъ, не позволяется купленнаго человѣка поставлять въ рекруты, прежде прошествія трехъ лѣтъ отъ дня покупки †††). Вотъ указы, принятые коммисіею составленія законовъ въ соображеніе, для отмѣны существующаго издревле въ Россіи кореннаго закона. Указы сіи, какъ всякому видѣть можно, ни сколько не относятся къ тому, о чемъ идетъ нынѣ дѣло.

5-е) Сверхъ того открывается, что коммисія не внесла въ составленную ею выписку изъ законовъ высочайшій указъ 1808 года октября 28 (о пошлинахъ). Въ 8-мъ пунктѣ сего указа изображено: „При совершеніи купчихъ, дарственныхъ записей и тому подобныхъ актовъ, равную силу и дѣйствіе имѣющихъ на крѣпостныхъ людей, съ землею и безъ земли въ продажу и въ подарокъ поступающихъ, и на дворовыхъ людей, полагать мужескаго пола ревизскую душу въ цѣну не менѣе ста рублей, а женскаго противъ того въ половину, по всѣмъ вообще Имперіи Нашей губерніямъ, разумѣя въ разсужденіи женскаго пола одни только тѣ случаи, гдѣ оной поступаетъ въ продажу по одиначкѣ и раздѣльно отъ мужескаго пола."

---

*) Указъ 5-го августа 1771-го года, и объявленное комитету Императорской Академіи Наукъ 18-го маія 1801 года Высочайшее повелѣніе.

**) Дворянской грамоты статьи 22 и 26, и указъ іюня 1814 года.

***) Статьи банкротскаго устава.

****) Указъ 26 ноября 1801 года.

†) Указъ 4 октября 1803 года.

††) Указы 14 іюня 1808 и 28 марта 1812 года.

†††) Указъ 6 маія 1810 года.

6-е) Коммисія, пройдя указъ сей въ молчаніи, и входя опять въ толкованіе, что продажа людей безъ земли ввелась по одному обычаю и злоупотребленію законовъ, наконецъ присовокупляетъ: *„Не упоминая уже о томъ, сколь таковая продажа людей лично, по одиначкѣ, съ разлученіемъ отцовъ отъ дѣтей, на подобіе безсловесныхъ животныхъ, не соотвѣтственна духу нынѣшняго времени и унизительна для самаго человѣчества, она имѣетъ еще многія другія неудобства весьма вредныя для пользы государственной и для благосостоянія нѣсколькихъ миліоновъ подданныхъ; что крестьяне, будучи приписаны къ землѣ, составляютъ вмѣстѣ съ нею собственность владѣльца, и слѣдовательно могутъ быть имъ продаваемы, но не иначе какъ съ землею, на которой они поселены; ибо въ такомъ случаѣ продается не человѣкъ, не разумное существо, которое, ни по естественнымъ ни по политическимъ законамъ, не можетъ быть поставляемо наровнѣ съ вещами, но самая земля; а поселенный на ней крестьянинъ переходитъ вмѣстѣ съ нею; ибо онъ для собственной же своей пользы не можетъ и не долженъ ее оставлять,“* и проч.. Изъ всѣхъ вышеприведенныхъ узаконеній и указовъ явствуетъ, что ни однимъ изъ оныхъ продажа людей порознь и безъ земли никогда не воспрещалась, и производится не по обычаю и злоупотребленіямъ, но по кореннымъ, издавна установленнымъ и нынѣ существующимъ законамъ. По сему департаментъ не пріемлетъ и не можетъ принять проэкта, который, подъ видомъ основанія своего на законахъ, но въ самомъ дѣлѣ не основанный на оныхъ, содержитъ въ себѣ предложенія о перемѣнѣ ихъ и разрушеніи. Департементъ законовъ тѣмъ болѣе не можетъ принять и одобрить сего проэкта, что находитъ его основаннымъ на умствованіяхъ, не токмо съ существующими законами несообразныхъ, но и несправедливыхъ, отъ коихъ для благосостоянія народнаго несравненно болѣе вреда, нежели пользы произойти можетъ. Мысль, что *продажа людей лично, по одиначкѣ, на подобіе безсловесныхъ животныхъ, не свойственна духу нынѣшняго времени и унизительна для самаго человѣчества*, по многимъ причинамъ несправедлива: во первыхъ, неизвѣстно что такое разумѣется подъ словами продавать *лично* и *по одиначкѣ?* Всякой человѣкъ не иначе продается, какъ *лично;* ибо одного за другаго продать не можно. Слово *по одиначкѣ* требовало бы также объясненія, безъ котораго нельзя понимать, почему продажа нѣсколькихъ человѣкъ вмѣстѣ предпочитается продажѣ одного человѣка, и по какимъ причинамъ первая свойственна *духу нынѣшняго времени,* а вторая не свойственна и равняется продажѣ

безсловесныхъ животныхъ? Ежели зло полагается въ отлученіи человѣка отъ семейства или отъ земли, то въ первомъ случаѣ зло разлуки часто бываетъ необходимо, а во второмъ отлученіе отъ земли, то есть отъ хлѣбопашества, можетъ лично быть добромъ; ибо человѣкъ, служащій въ домѣ господина своего, или обученный какому нибудь ремеслу, ничѣмъ не хуже пашущаго землю. Сверхъ того не видно причины, почему въ помѣщикѣ предполагается желаніе разлучать семейства крестьянъ своихъ, или отлучать ихъ отъ хлѣбопашества? это совершенно противно собственнымъ его пользамъ. Но положимъ, что какой либо неблагоразумный помѣщикъ взялъ во дворъ къ себѣ, или продалъ нужнаго отъ семьи земледѣльца: должно ли, для отвращенія сего, воспрещать всѣмъ помѣщикамъ брать во дворъ къ себѣ одиночекъ, сиротъ не имѣющихъ пристанища? Для чего, имѣя крестьянъ, не имѣть собственныхъ своихъ домочадцевъ, нанимать чужихъ слугъ, брать на то лишніе поборы съ крестьянъ, и видѣть между ими сиротъ и вдовъ, бродящихъ по-міру? Должно ли такому помѣщику, у котораго малый участокъ земли не можетъ прокормить крестьянъ его, запрещать нѣкоторую часть оныхъ, для ихъ и своей пользы, продать другому помѣщику, у котораго нѣтъ довольно рукъ для обработыванія земли? Помѣщику надобно поставить рекрута; ему приходится отдать мужа отъ жены и отца малолѣтнихъ дѣтей, работника отъ семьи, которая безъ него пропадетъ: ему продаютъ одиночку, негоднаго для земледѣлія и годнаго для службы: онъ не можетъ его купить! Но сколько могутъ найтиться такихъ случаевъ, въ которыхъ запрещеніе продавать безъ земли и порознь, прекращая нѣкоторое зло, вмѣстѣ съ тѣмъ свяжетъ руки дѣлать добро? Когда законы дѣлаются такимъ образомъ, чтобъ добро съ худомъ не взвѣшивать, и не терпѣть малаго худа, естьли не можно разрушить онаго, безъ разрушенія великаго добра? Въ подобныхъ случаяхъ, малое худо отвращается нравоученіемъ, наставленіями, пристыженіемъ, или запрещеніемъ тому одному, кто сдѣлалъ худо, а не всѣмъ. Во вторыхъ, выраженіе, что продажа безъ земли и порознь *не соотвѣтственна духу нынѣшняго времени*, есть неопредѣленное и съ силою законовъ не совмѣстное. Подъ словомъ *духъ времени* часто разумѣется общее стремленіе къ своевольству и неповиновенію. Департаментъ подобныхъ выраженій къ сужденіямъ своимъ принимать не можетъ; ибо мнитъ, что гдѣ правительство твердо и законы святы, тамъ они управляютъ духомъ времени, а не духъ времени — ими. Въ третьихъ, что такая продажа унизительна для самаго человѣче-

ства, есть также не основанное на истинѣ вещей заключеніе, какъ о томъ ниже изъяснено будетъ. „*Крестьяне* (продолжаетъ коммисія), *будучи приписаны къ землѣ, составляютъ съ нею собственность владѣльца, и слѣдовательно могутъ быть имъ продаваемы, но не иначе, какъ съ землею, на коей они поселены; ибо въ такомъ случаѣ продается не человѣкъ, не разумное существо, которое, ни по естественнымъ ни по политическимъ законамъ, не можетъ быть поставлено на ровнѣ съ вещами, но самая земля.*" — Естьли разсуждать, что продажа людей унизительна для человѣчества, то надлежитъ сперва опровергнуть и уничтожить право всякой продажи. (Департаментъ не дерзаетъ входить въ сужденіе о семъ, какъ о дѣлѣ, требующемъ великаго вниманія и крайней осторожности, чтобъ на мѣсто мнимаго блага не произвесть величайшаго зла.) Но утверждать, что человѣкъ приписанный къ землѣ составляетъ вмѣстѣ съ нею собственность владѣльца, и тогда продается какъ разумное существо, а отдѣльно отъ ней какъ вещь или безсловное животное, есть несроднымъ образомъ человѣка смѣшивать и соединять съ землею или животными. Вещи и животные суть собственность, но человѣкъ ни съ ними, ни безъ нихъ, не есть собственность владѣльца, поелику сей не имѣетъ надъ нимъ такаго права, какое имѣетъ надъ вещами и животными, которыхъ можетъ истреблять и убивать, безъ всякой отвѣтственности предъ Богомъ и законами. *Унизительность* состоитъ не въ словѣ *продавать,* но въ *правѣ*, съ какимъ кто или что продается. Сіе право надъ человѣкомъ не только не сравнительно съ правомъ надъ вещію или животнымъ, ниже съ правомъ надъ тѣми людьми, которыхъ называютъ *esclaves* (въ русскомъ языкѣ даже нѣтъ и слова, соотвѣтствующаго толь презрительному имени) *); ибо данное въ Россіи надъ

---

*) Слово esclave составлено изъ двухъ частей: первая часть есть латинской предлогъ ex, испорченный перестановкою буквъ въ esc, и который соотвѣтствуетъ нашему предлогу изъ или нарѣчію внѣ. Вторая lave есть имя, и по нынѣ въ английскомъ языкѣ пишущееся law, въ датскомъ lov, во французскомъ loi, и значащее законъ. Оба сіи слова (ex-law, изъ коихъ вышло esclave) составляютъ вмѣстѣ выраженіе внѣ закона. означающее состояніе человѣка, преданнаго во власть другаго такъ, что сей (или всякой) воленъ поступать съ нимъ, какъ съ животнымъ, безъ всякаго отвѣтствованія предъ человѣческими законами. Россійское слово рабъ, которое почитаютъ равнозначащимъ французскому слову esclave, отнюдь не содержитъ въ себѣ сего понятія, и слѣдственно ни малѣйше съ онымъ не сходствуетъ. Оно происходитъ отъ глагола работаю, то есть служу кому либо, по долгу или усердію: работайте Господеви со страхомъ, т. е.

людьми право не есть ни безпредѣльное, ни насильственное, но огражденное законами, требующими, чтобъ помѣщикъ сочеталъ пользу свою съ пользою своихъ подвластныхъ, и купно съ государственнымъ благомъ, наблюдая между ими, какъ отецъ между дѣтьми, благосостояніе, порядокъ и устройство. Въ противномъ случаѣ, законы пріемлютъ на него жалобы, отнимаютъ у него власть, и его самаго наказуютъ. Когда же продавать есть не иное что, какъ передавать свое право, законами опредѣленное и ограждаемое ими, то на какой истинѣ основано мнѣніе, что, при продажѣ деревни, человѣку продаваться, вмѣстѣ съ господскими полями, лѣсами и коровами, — не безчестно; а одному безъ нихъ, для посаженія на другую господскую землю, или для употребленія къ другимъ соотвѣтственнымъ состоянію его занятіямъ, — безчестно? Развѣ продается онъ отъ земли, собственно ему принадлежащей? Или развѣ право надъ нимъ перемѣняется, когда онъ продается безъ земли? Но какъ ни то, ни другое не существуетъ, и состояніе его, съ землею ли онъ проданъ или безъ земли, ни мало чрезъ то не становится ни хуже ни лучше, то въ чемъ же состоитъ унизительность его? Почему равняется онъ тогда съ вещію или безсловеснымъ животнымъ? Напротивъ уничижительно для человѣка, когда благосостояніе и честь его не въ немъ одномъ ограничиваются, а соединенно съ кускомъ земли, или чего инаго, — когда полагается, что онъ безъ земли уже не человѣкъ, и долженъ непремѣнно, какъ бы дерево, посаженъ быть въ оную, дабы пребывать на ней неподвижно. Таковая мысль, не сходная съ достоинствомъ человѣка, оскорбительна для него, и когда бы произведена была въ дѣйство, могла бы принести множество вреда и запутанности; ибо если проданный человѣкъ — по состоянію своему земледѣлецъ, то онъ, на какую бы ни посаженъ былъ землю, станетъ ее воздѣлывать, безъ всякой перемѣны состоянія или оскорбленія чести своей; буде же онъ шертной, кучеръ, поваръ или лакей, которой ни на какой землѣ не сидитъ, и сочтетъ себѣ за великое наказаніе, естьли его, обученнаго шить или стряпать, сошлютъ пахать землю, то какая и для помѣщика, и для крестьянъ, и для него будетъ польза чтобъ непремѣнно проданъ былъ съ землею? Можетъ случиться, что у помѣщика, живущаго въ Петербургѣ, нѣтъ другой земли, какъ въ

служите Богу съ благоговѣніемъ. Выраженіе наше рабъ Божій соотвѣтствуетъ французскому serviteur (а не esclave) de Dieu. И такъ принимать сіи два слова, русское рабъ и французское esclave, за одно и тоже, есть не вникать въ настоящій ихъ смыслъ и значеніе.

Крыму, или въ иной какой отдаленной губерніи: тогда чтобъ продать повара своего, долженъ онъ будетъ отнять у крестьянъ своихъ нужную для нихъ часть земли, дабы отдать ее, какъ въ приданое, за поваромъ, которому она, равно какъ и тому, кто его покупаетъ, ни мало не нужна. Притомъ же, когда предпишется человѣка продавать съ землею, а землю безъ человѣка, то изъ сего выдетъ одно только безполезное стѣсненіе, изъ котораго необходимо родятся новыя тяжбы, ябеды съ ихъ злоупотребленіями, между тѣмъ какъ предписаніе или законъ сей не достигнетъ своей цѣли; ибо, не нарушая онаго, можно будетъ продать человѣка съ землею, и землю обратно купить: тогда человѣкъ, съ излишнимъ токмо затрудненіемъ и запутанностію въ дѣлахъ, проданъ будетъ одинъ. Новые законы должны будутъ безпрестанно себя поправлять, и выдавая перемѣну за перемѣною, не быть ни постоянными, ни ясными. Земледѣльческое состояніе во всякомъ государствѣ привязано, конечно, къ землѣ, однакожъ не имянно такое-то число людей къ такому-то имянно участку земли. Сіе послѣднее положеніе едва ли не будетъ столько вредно, сколько первое полезно; ибо въ первомъ случаѣ, вся лучшая земля во всемъ государствѣ обработывается достаточнымъ числомъ рукъ; а во второмъ, часто могутъ на маломъ количествѣ безплодныхъ полей сидѣть излишнее число работниковъ, тогда, какъ на великомъ количествѣ плодоносныхъ земель не доставать будетъ дѣлателей, поелику законы, привязывая каждаго къ своей полосѣ, возбраняютъ дѣлать нужное для сего уравненіе. Наконецъ много могутъ быть другихъ неупомянутыхъ здѣсь причинъ, которыя надлежало бы подробно разсмотрѣть и взвѣсить, прежде нежели предлагать перемѣны и потрясенія коренныхъ законовъ; ибо поспѣшать разрушеніемъ чего нибудь, не обозрѣвъ со всѣхъ сторонъ, и не увѣрясь напередъ въ слѣдствіяхъ, тѣмъ опаснѣе, что разрушенное не всегда опять воздвигнуть можно.

7-е) Коммисія разсуждаетъ, *что хотя и запрещено продавать людей на ярманкахъ; но присутственныя мѣста чинятъ имъ продажу на аукціонахъ съ публичнаго торгу.*" — Департаментъ законовъ находитъ, что между продаваніемъ людей на ярманкахъ и продаваніемъ въ присутственныхъ мѣстахъ съ публичнаго торгу есть не малая разница. Выводить человѣка для продажи на ярманку, есть конечно такой торгъ людьми, которой не приличенъ никакому просвѣщенному народу; но публичный торгъ въ присутственныхъ мѣстахъ не есть ярманка, а только вызовъ, кто изъ имѣющихъ право покупать желаетъ купить? Человѣкъ туда не

приводится, но заочно продается. Развѣ зло полагать въ томъ, что слуга перемѣняетъ своего помѣщика? Но когда состояніе его такое, чтобы служить господину, то уже кто будетъ у него господинъ, или какъ его зовутъ, для него все равно, поелику тотъ и другой, кто бы онъ ни былъ, обязанъ законами поступать съ нимъ какъ съ человѣкомъ?

8-е) Наконецъ коммисія, *находя раздробленіе большихъ имѣній на мелкія вреднымъ, полагаетъ ограничить сіе до назначенной ею степени во всѣхъ родахъ сдѣлокъ, то есть въ продажѣ, закладѣ и раздѣлахъ.*" — Департаментъ полагаетъ, что объ ограниченіи раздробленія имѣній совсѣмъ и вопроса не настояло, и что сіе съ открывшимися случаями ни малѣйшей связи имѣть не можетъ: почему, не входя въ подробное разсмотрѣніе сего предмета, и не дѣлая излишнихъ доказательствъ въ опроверженіе предлагаемаго коммисіею способа, въ исполненіи своемъ очевидно неудобнаго, почитаетъ за должное обратиться къ тѣмъ токмо случаямъ, отъ которыхъ возникло дѣло сіе. Они заключаются въ слѣдующемъ:

9-е) *Коллежскій ассесоръ Лупандинъ, изъ доставшейся ему наслѣдственно послѣ отца его вотчины, продалъ разнымъ людямъ, по одиначкѣ отъ крестьянскихъ семействъ: вдовъ 3, дѣвокъ 17, и одну подарилъ.*" — Случай сей представленъ въ видѣ злоупотребленія продажи, но не выведено почему почитается онъ таковымъ; ибо обстоятельства при семъ могутъ быть различны: 1-е) Лупандинъ могъ сдѣлать сіе, въ теченіе 30 или болѣе лѣтъ, и тогда продавалъ онъ въ два года одну дѣвку. Одно сіе перемѣняетъ уже видъ дѣла. — 2-е) У Лупандина могло быть излишнее число невѣстъ (дѣвокъ) противъ жениховъ, а у другихъ помѣщиковъ, при не маломъ числѣ жениховъ, могло недоставать невѣстъ. Полезно ли въ подобномъ случаѣ препятствовать сочетанію браковъ, и съ одной стороны оставлять невѣстъ безъ жениховъ, а съ другой — жениховъ безъ невѣстъ? Не стѣснится ли чрезъ то природа человѣческая? Не упустится ли польза народонаселенія? Не подастся ли поводъ не могущимъ сочетаваться женихамъ и невѣстамъ впадать въ распутную жизнь? — 3-е) Сами отцы часто взрослыхъ дочерей своихъ выдаютъ въ сосѣдственныя и даже отдаленныя деревни въ замужство, и просятъ о позволеніи на то господъ своихъ: справедливо ли и полезно ли въ семъ случаѣ отнимать волю у помѣщика, у родителей, и препятствовать бракосочетанію двухъ желающихъ сочетаться? Ежели съ одной стороны запрещеніе продажи отнимаетъ у помѣщика волю

брать взрослую отъ семьи дѣвку, то съ другой стороны въ подобныхъ вышепомянутому случаяхъ произведетъ общій вредъ, — для помѣщика, для семейства, для государства и для нравственности. И такъ кажется надлежитъ еще взвѣсить, на которой сторонѣ больше добра или зла. 4-е) Въ исчисленіи злоупотребленій, сказано отдѣльно отъ продажи семнадцати дѣвокъ: *и одну подарилъ.* Изъ сего видно, что выраженіе *подарить* почитается за дѣйствіе уничижительное для человѣчества, и потому поставляется въ число злоупотребленій; но мнѣніе сіе требуетъ разсмотрѣнія, не принимается ли ошибочно худость выраженія за худость дѣйствія? *Подарить* обыкновенно говорится о вещи, о человѣкѣ же не говорится *подарить,* но укрѣпить его, передать законное свое право надъ нимъ другому, за деньги или безденежно. Естьли дѣйствіе *передавать право свое другому* позволяется законами, и не имѣетъ въ себѣ ничего уничижительнаго для человѣчества, то и дѣйствіе передавать оное безденежно (изъявляемое несвойственнымъ глаголомъ *подарить*) не есть беззаконное или злоупотребительное. Языкъ имѣетъ свои приличія: можно глаголъ *подарить* отнесть къ неприличію языка, когда говорится о человѣкѣ; но смѣшивать сіе и принимать несвойственность выраженія въ языкѣ за беззаконность дѣйствія въ правахъ, не сходно съ истиною. Впрочемъ департаментъ разсматривалъ дѣло сіе со стороны однихъ только позволенныхъ случаевъ. Если же Лупандинъ дѣйствительно продавалъ вдовъ и дѣвокъ непозволенными образами, обирая своихъ крестьянъ, и дѣлая имъ многія другія притѣсненія, какъ санктпетербургскій военный генералъ-губернаторъ изъясняетъ, то за таковые поступки долженъ онъ быть судимъ въ надлежащемъ присутственномъ мѣстѣ; и въ семъ случаѣ справедливо будетъ отобрать у него имѣніе въ опеку, какъ отъ человѣка неблагоразумнаго и строптиваго. Но ставить сіе въ вину всѣмъ вообще помѣщикамъ, которые право свое не во зло, но во благо крестьянъ своихъ употребляютъ, и лишать ихъ онаго за то, что одинъ оказался преступнымъ, есть столь же обидно для всѣхъ, сколь и несправедливо.

10-е) *Отставной штабсъ-капитанъ Раздеришинъ, покупая по одиначкѣ малолѣтныхъ дѣвокъ, держалъ ихъ у себя для непотребства."* — Департаментъ законовъ полагаетъ, что преступленіе Раздеришина состоитъ не въ покупкѣ, а въ *непотребствѣ,* за которое и преданъ онъ сужденію по законамъ. Иначе Раздеришинъ купитъ дѣвку для непотребства, а всѣмъ другимъ запретится покупать дѣвокъ, для выдачи ихъ за крестьянъ своихъ въ замуж-

ство. Почему за одного Раздеришина считать всѣхъ Раздеришиными?

11-е) *Статская совѣтница Полонская продала полковницѣ Андреевой двороваго своего человѣка, Ивана Чернышева, съ женою его и малолѣтнею дочерью, а старшую дочь Чернышева Полонская оставила у себя.* — Департаментъ законовъ не находитъ въ семъ дѣйствіи Полонской никакаго проступа или злоупотребленія. Она могла это сдѣлать какъ по праву закона, такъ можетъ быть и по самому человѣколюбію. Развѣ дочь сія не могла сама желать остаться въ домѣ помѣщицы своей? развѣ отецъ и мать не могли сами того хотѣть? За чтожъ, при подобныхъ обстоятельствахъ, принуждать Полонскую продать непремѣнно и старшую дочь вмѣстѣ съ отцомъ и матерью, хотя бы то было противъ ея и собственной ихъ воли? Но естьлибъ то было и противъ воли ихъ, помѣщица властна была оставить ее у себя. Въ чемъ полагается зло учиненное симъ дѣйствіемъ? Въ томъ, что дочь не будетъ вмѣстѣ жить съ отцомъ и матерью? Но разлука родственниковъ есть необходимое въ жизни зло: дочь выходитъ замужъ, сынъ женясь, или по инымъ какимъ обстоятельствамъ, отходитъ отъ отца, братъ оставляетъ брата. Какой законъ, вопреки природы, можно сдѣлать, чтобъ семейства пребыли до смерти неразлучными? Нужное въ общежитіи движеніе и самое общее и частное благо не позволятъ сего. При рекрутскихъ наборахъ, отца разлучаютъ съ сыномъ, брата съ сестрою, и даже мужей съ женами и малолѣтними ихъ дѣтьми. Человѣчество конечно страждетъ; но развѣ бы оно меньше страдало, когда бы, по неимѣнію войскъ, пришли непріятели, и предали всѣхъ огню и мечу? Неотвратимое зло отвращать, или зло, изъ котораго проистекаетъ добро, искоренять, есть мѣра больше вредная, нежели полезная.

12-е) *Дѣло о дворовыхъ людяхъ умершаго титулярнаго совѣтника Дьякова, приговоренныхъ надворнымъ судомъ къ продажѣ, дабы за состоящій на Дьяковѣ долгъ вырученными за нихъ деньгами удовлетворить кредитора купца Ильина.* — Въ семъ обстоятельствѣ кажется надлежитъ разрѣшить вопросъ: естьли бы послѣ Дьякова не осталось инаго имѣнія, кромѣ дворовыхъ его людей, а наслѣдники отказались бы съ заплатою за него долга принять наслѣдство, то въ такомъ случаѣ что иное надлежало бы дѣлать? Куда дѣвать сихъ людей и чѣмъ удовлетворить кредиторовъ? Ежели продажа въ семъ случаѣ есть зло, то и наслѣдство есть такое же зло; ибо люди сіи, какъ продажею, такъ и наслѣдствомъ, равно перемѣняютъ господина. Впрочемъ и тѣмъ и другимъ

образомъ ничего инаго съ ними не дѣлается. Естьли же сихъ людей запрещено будетъ продавать, то надлежитъ придумать способъ, какимъ образомъ съ ними поступать, для удовлетворенія кредиторовъ. Представляемый коммисіею способъ, дать имъ свободу и собирать съ нихъ оброкъ для заплаты долга, есть весьма неудобный и несправедливый. За что заимодавцы останутся столько времени безъ заплаты? и кто станетъ собирать съ тѣхъ оброкъ и имъ уплачивать? Люди, сдѣлавшись свободными, могутъ отлучиться въ другое мѣсто и оставить кредиторовъ въ неизвѣстности о себѣ. Изъ сего родятся тысячи злоупотребленій и жалобъ.

13-е) *Дѣло Саратовской губерніи Камышенской помѣщицы, гвардіи прапорщицы Киреевой, съ своими крестьянами, часть которыхъ продала она, послѣ сдѣланнаго съ ними условія.* — Въ дѣлѣ семъ продажа людей есть второе обстоятельство, а первое и главное состоитъ въ томъ, чтобъ разсмотрѣть имѣла ли Киреева, сдѣлавъ съ крестьянами условіе и получа уже отъ нихъ не малое число денегъ, достаточныя причины не возвращать имъ оныхъ, или не имѣла. Но всего важнѣе обратить здѣсь вниманіе на то, какимъ образомъ одно судебное мѣсто совершаетъ крѣпости, а другое, равное ему, уничтожаетъ ихъ?

14-е) Всѣ сіи обстоятельства показываютъ, что гораздо полезнѣе будетъ точнѣе опредѣлить злоупотребленія, и отвращать ихъ строгостію законовъ и наблюденіемъ правды, нежели самые законы называть злоупотребленіями, и разрушать ихъ до половины: ибо разрушенная часть зданія преклоняетъ и другія части его къ паденію, и тѣмъ паче не хорошо, что въ смѣси стараго съ новымъ, одно другому вредитъ, и ни то ни другое не составляетъ цѣлаго. Народное благо есть конечно первѣйшій предметъ человѣколюбиваго правительства; но сіе благо состоитъ въ наблюденіи правосудія, въ равенствѣ каждаго предъ лицемъ закона, въ воспященіи сильному угнетать безсильныхъ, а не въ снятіи съ нихъ должнаго повиновенія и обузданности; ибо тогда, почувствовавъ силу свою, они возложатъ иго на сильнаго, и въ неистовствѣ своемъ сами себѣ нанесутъ вредъ и погибель. Народъ есть рѣка, текущая мирно въ берегахъ своихъ; но умножь въ ней воду, она выступитъ изъ предѣловъ, и ничто не удержитъ ея свирѣпства. Благоденствіе народа состоитъ въ обузданности и повиновеніи. Божественное писаніе говоритъ: *повинуйтеся властямъ, начало премудрости — страхъ Господень.*

Въ то время, когда мы слышимъ и видимъ, что почти всѣ европейскія державы вокругъ насъ мятутся и волнуются, наше

благословенное отечество пребыло всегда и пребудетъ спокойно. Единодушный громъ на возставшаго врага, далеко простертыя побѣды и внутренняя, среди неустройствъ Европы, тишина, не показываютъ ли, что оно больше благополучно, больше благоденствуетъ, нежели всѣ другіе народы? Не есть ли это признакъ добродушія и незараженной еще ничѣмъ чистоты нравовъ? На чтожъ перемѣны въ законахъ, перемѣны въ обычаяхъ, перемѣны въ образѣ мыслей? И откуду сіи перемѣны? — изъ училищъ и умствованій тѣхъ странъ, гдѣ сіи волненія, сіи возмущенія, сія дерзость мыслей, сіи подъ видомъ свободы ума разливаемыя ученія, возбуждающія наглость страстей, наиболѣе господствуютъ! При таковыхъ обстоятельствахъ, кажется, что естьлибъ и вподлинну нужно было сдѣлать нѣкоторыя перемѣны, то не время о нихъ помышлять. Мы явно видимъ надъ собою благодать Божію. Десница Вышняго хранитъ насъ. Чего намъ лучшаго желать?

Основываясь на всѣхъ сихъ разсужденіяхъ, департаментъ законовъ находитъ, что коммисія долженствовала бы ограничиться даннымъ ей предписаніемъ: *разсмотрѣть препровожденныя въ нее записки, совокупно съ имѣющимися въ оной другими по сему же предмету дѣлами.* Но она, вмѣсто просмотрѣнія: не было ли по симъ запискамъ какихъ противузаконныхъ дѣйствій, — обратилась къ опроверженію коренныхъ законовъ, называя ихъ самихъ злоупотребленіями, и предлагая вмѣсто оныхъ свои новые законы, съ прежними весьма различные. Отступя такимъ образомъ отъ сдѣланнаго ей вопроса, она упустила изъ виду, что разсмотрѣніе содѣянныхъ какимъ либо лицемъ злоупотребленій (отъ которыхъ никакое мудрое и благое постановленіе изъято быть не можетъ) есть совсѣмъ не то, что предложеніе уничтожить коренное постановленіе, для отвращенія злоупотребленій. Сверхъ сего, въ предположеніяхъ ея находится много несоображеннаго съ причинами, неудобнаго къ исполненію, несогласнаго съ благоустройствомъ, и могущаго въ слѣдствіяхъ своихъ быть весьма вреднымъ. А потому департаментъ полагаетъ:

1-е, представленный коммисіею проэктъ новыхъ узаконеній, яко не основанный на истинныхъ началахъ, оставить безъ уваженія;

2-е, посему, не касаясь никакихъ предложеній о перемѣнѣ коренныхъ законовъ, и не дерзая судить о томъ: *должно ли законодательство XIX вѣка итти далѣе законодательства XVIII вѣка,* оставить существующіе законы въ полной силѣ своей, по слову Петра Великаго: *всуе законы писать, когда не хранить ихъ;*

3-е, подтвердить строжайше запрещеніе, чтобъ неприличнаго человѣку образа продажи, какъ то *вывода* на ярманку, или на аукціонъ, также и разорительныхъ или жестокихъ съ крестьянами и дворовыми людьми поступокъ отнюдь не было, предписавъ кому слѣдуетъ за таковыми противузаконными злоупотребленіями крѣпко наблюдать, и, по уличеніи виновнаго, поступать съ нимъ по законамъ;

4-е, предоставить правительствующему сенату неукоснительно разсмотрѣть и рѣшить дѣло Саратовской губерніи, Камышенскаго уѣзда, помѣщицы Киреевой съ крестьянами.

ОБЪЯСНЕНІЕ СОПРОВАЖДАВШИХЪ ДѢЛО СІЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВЪ И ПОСЛѢДСТВІЙ.

Когда коммисія законовъ, состоящая изъ трехъ членовъ: Розенкампфа, Тургенева [1]) и Мороза [2]), препроводила вышеозначенный проэктъ свой въ департаментъ законовъ, который въ сіе время составляли: предсѣдательствующій В. С. Ланской [3]), я и Ив. Б. Пестель [4]), тогда по прочтеніи онаго всякъ изъ насъ почувствовалъ до какой степени простиралась охота и свобода законодательствовать. Каждый мальчикъ выдавалъ себя за Ликурга и Солона. Однакожъ, хотя въ семъ проэктѣ и явно было соединеніе неосновательности съ дерзкою безразсудностію новомыслія, но вооружаться противъ сего, по причинѣ весьма распространившагося, даже и между женщинами, въ томъ предубѣжденія, требовало не малой осторожности. Въ семъ затрудненіи вызвался я написать мнѣніе мое о семъ проэктѣ, съ тѣмъ, что ежели товарищи мои не будутъ со мною согласны, то въ такомъ случаѣ могутъ они сдѣлать о немъ свой особый отзывъ. Такимъ образомъ, по изложеніи мнѣнія моего (какъ мы выше сего оное видѣли), рѣшился я, въ случаѣ несогласія моихъ товарищей, остаться при немъ одинъ; и тогда, для огражденія себя отъ стрѣлъ злоязычія, почиталъ я за нужное, прежде нежели оглашу мое мнѣніе, испросить на то позволеніе слѣдующимъ къ Государю Императору письмомъ:

„Всемилостивѣйшій Государь!

„По поводу возникшаго о продажѣ крестьянъ вопроса, препровожденнаго изъ Комитета господъ министровъ въ Государ-

---

1) Александра или Николая Ивановича.

2) Впослѣдствіи сенаторъ.

3) Черезъ три года послѣ того, назначенный министромъ внутреннихъ дѣлъ.

4) Извѣстный сибирскій генералъ-губернаторъ.

ственный Совѣтъ, отколѣ чрезъ департаментъ, для соображенія съ законами, отосланъ оный былъ въ Коммисію составленія законовъ, которая по сему случаю, отвергнувъ старые, сочинила проэктъ новымъ законамъ, доселѣ у насъ не существовавшимъ, — я долженъ былъ сказать о томъ мое мнѣніе. Я написалъ оное. Вопросъ сей важенъ. Многіе различно о семъ думаютъ. Можетъ быть, по образу нынѣшнихъ мыслей, поставится мнѣ въ нѣкоторую излишнюю смѣлость противурѣчить тому, что многими гласно одобряется и проповѣдуется. По сей причинѣ разсудилъ я, прежде нежели представлю мнѣніе мое Государственному Совѣту, предать оное твоему, Государь, суду. Прости мнѣ великодушно, естьли поступокъ мой есть нѣкоторое дерзновеніе. Усердіе къ тебѣ и къ отечеству меня на то подвигло. Всемилостивѣйшій Государь! я старъ, одержимъ болѣзнями, не долгой въ здѣшнемъ свѣтѣ гость; имѣніе у меня самое малое; отъ рожденія моего я не продавалъ и не покупалъ ничего: и такъ никакіе виды, или страсти не могутъ меня побуждать къ защищенію одной стороны больше чѣмъ другой [1]. Я говорю какъ думаю, какъ мнѣ кажется, горя единственно усердіемъ къ пользѣ и общему благу. Невозможно, чтобъ ты прогнѣвался на меня за мое чистосердечіе. Я имѣлъ тому опыты. Удостой прочитать меня, и естьли найдешь разсужденія мои не дѣльными, или съ волею твоей несовмѣстными, прикажи чрезъ кого нибудь мнѣ замолчать, и тогда ни одинъ человѣкъ на свѣтѣ мыслей моихъ не узнаетъ. Я нарочно пишу ихъ своей рукою, чтобъ никто, кромѣ Монарха моего, объ нихъ не вѣдалъ. Все мое намѣреніе и дерзновеніе сего письма состоитъ въ томъ, чтобъ узнать волю твою: подать ли мнѣ свое мнѣніе (при семъ прилагаемое) въ Государственный Совѣтъ, или оставить оное безгласнымъ и предать всегдашнему забвенію? Я чувствую, что, прибѣгая къ престолу твоему съ симъ вопросомъ, забываю въ тебѣ Государя Императора, и почитаю только отца и наставника, но со всѣмъ тѣмъ не могу воздержаться. Худо ли, хорошо ли я дѣлаю, ты изречешь, — и гласъ твой будетъ для меня святъ.“

Я приготовилъ сіе письмо, но не послалъ его; ибо, какъ товарищи мои, по прочтеніи мнѣнія моего, согласились съ онымъ,

---

[1]) Чтобы вполнѣ убѣдиться въ совершенномъ безкорыстіи Шишкова въ защитѣ помѣщичьихъ правъ, достаточно кажется будетъ припомнить разсказъ С. Т. Аксакова („Семейная хроника.“ 1856. Воспоминанія объ А. С. Шишковѣ, стр. 492—494): Шишковъ, не смотря на свои крайне ограниченныя средства, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, не бралъ никакого оброка съ своихъ крестьянъ.

то и отложилъ я намѣреніе вопрошать о позволеніи, а предоставилъ имъ подать мнѣніе сіе отъ лица департамента. По выслушаніи онаго въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, примѣтно было, что оное произвело весьма различныя впечатлѣнія. Нѣкоторые изъ членовъ молчали; другіе съ насмѣшкою улыбались; третьи сидѣли надувшись; иные, при самыхъ сильнѣйшихъ доказательствахъ моихъ, говорили сосѣдямъ своимъ, кто по русски: *это пустое краснорѣчіе!* кто по французски: *ce sont des phrases!* Но многіе однакожъ (по нещастію меньше значащіе) съ чувствомъ живѣйшаго одобренія и благодарности подходили ко мнѣ и жали у меня руку, или шептали мнѣ на ухо похвалу. Между тѣмъ не послѣдовало никакаго рѣшенія; сказали чтобъ оставить сіе до будущаго засѣданія. Когда же настало оное, то начали тѣмъ, что прочитали толстую тетрадь, содержавшую въ себѣ возраженіе противъ представленнаго департаментомъ мнѣнія. Бумага сія наполнена была историческими разсказами, начиная отъ временъ Рюрика, о свободномъ состояніи крестьянъ въ Россіи, о просвѣщеніи нашего вѣка, о благотворныхъ намѣреніяхъ Государя Императора поддерживать и распространять оное, и проч.. Всѣ сіи разсужденія основаны были на пустыхъ и ложныхъ умствованіяхъ, подобныхъ тѣмъ, какія выше сего видѣли мы въ представленномъ отъ коммисіи проэктѣ; и хотя ни одно изъ доказательствъ, сдѣланныхъ департаментомъ противъ сего проэкта, не было опровержено ни малѣйшимъ правдоподобіемъ, однакожъ въ заключеніе довольно колкими выраженіями дано разумѣть, что департаментъ, держась старинныхъ понятій, не могъ или не хотѣлъ вникнуть въ пользу сего благонамѣреннаго проэкта. По прочтеніи сей бумаги, многіе очевидными знаками и словами одобряли оную. Тогда, не могши болѣе удержать моей досады, спросилъ я у предсѣдателя своего В. С. Ланскаго, дозволитъ ли онъ мнѣ вступиться за департаментъ (ибо по старшинству надлежало бы ему говорить)? и когда отвѣчалъ онъ мнѣ: — „говори; мы вѣрно будемъ съ тобою согласны," — тогда подошелъ я къ предсѣдателю совѣта, князю Лопухину, и сказалъ громко: — „Ваша свѣтлость! Коммисія законовъ представляетъ въ департаментъ сочиненный ею проэктъ; департаментъ, по разсмотрѣніи онаго, находитъ его неосновательнымъ, несообразнымъ съ государственными пользами, наполненнымъ мечтательными и ложными умствованіями, разрушающими всѣ наши коренные законы и постановленія. По всѣмъ симъ причинамъ, ясно доказаннымъ и обнаруженнымъ, департаментъ отвергаетъ его, и представляетъ

сужденія свои на благоусмотрѣніе государственнаго совѣта; но прежде нежели совѣтъ изъявилъ на то свое мнѣніе, появляется бумага, неизвѣстно откуду внесенная, неизвѣстно кѣмъ писанная, опорочивающая безъ всякихъ доказательствъ судъ департамента. Сія бумага, неизвѣстно по какому поводу и причинамъ, читается въ общемъ собраніи государственнаго совѣта. Департаментъ законовъ могъ бы обличить разсѣянные въ ней несправедливые толки и непристойныя укоризны; но онъ почитаетъ для себя предосудительнымъ и неприличнымъ войти въ состязаніе съ неизвѣстнымъ лицемъ, не имѣющимъ никакаго права изрѣкать мнѣніе свое на мнѣніе департамента: почему я отъ лица онаго и прошу вашу свѣтлость объявить намъ, кѣмъ бумага сія писана, и отъ кого внесена въ государственный совѣтъ?" — Князь Лопухинъ, не могши сего торжественнаго вопроса моего оставить безъ отвѣта, сказалъ, что эта бумага написана имъ самимъ и отъ него внесена въ совѣтъ. Удивясь (какъ и всякой долженъ удивиться) такому въ семидесятилѣтнемъ старикѣ изъ угожденія оказываемому покровительству толь вреднаго и безразсуднаго новомыслія, не имъ, но молодыми и неосновательными людьми написаннаго, отвѣчалъ я съ довольнымъ хладнокровіемъ: — „Ежели такъ, то желалъ бы я имѣть сію бумагу, дабы, какъ на частное мнѣніе члена, изъявить мое частное же мнѣніе; и готовъ просить о томъ, чтобъ возраженія наши другъ противъ друга были напечатаны и отданы на судъ цѣлаго свѣта." — Между тѣмъ поднялись различные толки, какъ обыкновенно бываетъ въ большихъ собраніяхъ, гдѣ всякой говоритъ свое, не выслушивая другаго, и гдѣ въ смѣси разныхъ мыслей теряется нить разсужденій. По долгомъ шумѣ и преніи, министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Кочубей, второе по предсѣдательствующемъ лице, просилъ чтобъ его выслушали, и началъ рѣчь свою тѣмъ, что нынѣшнее наше правительство отъ самаго начала своего всегда изъявляло и поддерживало *либеральныя идеи*, во всей Европѣ принятыя; что образъ прежнихъ мыслей во многомъ измѣнился; и что въ нашемъ вѣкѣ нельзя держаться правилъ стараго времени, сдѣлавшихся смѣшными, и проч.*). Наконецъ заключилъ тѣмъ, что онъ подастъ

*) Нельзя не подивиться, при всѣхъ впрочемъ хорошихъ свойствахъ и благомысленности гр. Кочубея, что онъ не почувствовалъ нелѣпости предлагаемаго проэкта и силы доказательствъ противъ онаго департаментской бумаги. Чегожъ ожидать отъ тѣхъ, кои съ меньшимъ разсудкомъ и большимъ легкомысліемъ увлекаются лжеумствованіями, или, наблюдая выгоды свои, хотятъ, жертвуя правдою, угождать господствующему образу мыслей? Мудрено

свое мнѣніе. Выслушавъ его, сказалъ я: — „Очень хорошо; въ толь важномъ дѣлѣ не худо знать доказательства той и другой стороны; тогда я за честь себѣ поставлю или съ мнѣніемъ вашего сіятельства согласиться, или сказать причины моего съ вами разногласія.“ — Такимъ образомъ засѣданіе сіе кончилось ничѣмъ: положено было дождаться мнѣній: и когда спросили у гр. Кочубея: скоро ли можетъ онъ мнѣніе свое представить? тогда отвѣчалъ онъ: — „Я не могу опредѣлить времени; можетъ быть черезъ два, три, пять, или болѣе мѣсяцовъ; а можетъ быть и болѣе.“ — Тутъ увидѣлъ я, что напрасенъ былъ трудъ мой писать мнѣнія о цензурѣ, о проэктѣ гражданскаго уложенія, о судѣ надъ княземъ Горчаковымъ, о нелѣпомъ проэктѣ, поданномъ отъ коммисіи законовъ, и проч.. Все сіе безъ всякаго виманія предавалось забвенію; и только чрезъ то раздражалъ я сильныхъ, и умножалъ число моихъ непріятелей[2]).

ли было, послѣ такихъ гласныхъ толковъ въ государственномъ совѣтѣ, симъ же самымъ мыслямъ излагаться и печататься въ книгахъ, распространяться по народу, и производить волненіе въ умахъ? Послѣдствія сего время отъ времени явно оказывались: во многихъ мѣстахъ крестьяне отлагались отъ повиновенія своимъ помѣщикамъ, и тогда посылались воинскіе отряды для усмиренія ихъ. Отселѣ происходило, что съ одной стороны слухами и разными внушеніями поощрялись они къ возставанію противъ господъ, а съ другой обуздовались силою оружія, наказаніями и ссылкою въ Сибирь. Такимъ образомъ новомысліе, вступаясь за человѣчество, отягощало оное бѣдствіями и обагряло кровію! Въ комитетѣ министровъ было слѣдующее дѣло: нѣкотораго помѣщика крестьяне подали на него жалобу государю императору. Жалоба сія отослана была въ комитетъ. Въ ней между прочимъ написано было краснорѣчивымъ, не похожимъ на крестьянской слогомъ, разсужденіе о томъ, что нынѣшнее просвѣщеніе не терпитъ рабства, что люди созданы свободными, что вся Европа наслаждается симъ правомъ, что извѣстна воля государя императора тожъ самое сдѣлать и въ Россіи, и тому подобное. Разсужденіе сіе изъ слова въ слово выписано изъ журнала, пятнадцать лѣтъ или болѣе тому назадъ издававшагося въ Москвѣ[1]). Положено было съ цензора за пропущеніе сей статьи взять отвѣтъ. Цензоръ, бывшій давно уже въ отставкѣ, отвѣчалъ: — „я не могу оправдаться, кромѣ только, что прошу милостиво справиться съ тѣмъ временемъ, въ которое журналъ сей издавался: тогда во всѣхъ бумагахъ это писали; и я не смѣлъ остановить того, что всѣми такъ гласно твердилось.“

[1]) Не только не можемъ указать статью, но не имѣемъ даже способа назвать журналъ, на который ссылается Шишковъ.

[2]) По дѣлу о продажѣ людей безъ земли, написалъ также мнѣніе адмиралъ Мордвиновъ. Оно напечатано въ „Чтеніяхъ“ (1859, кн. 2, отд. V, стр. 1—5), гдѣ помѣщены и другія два мнѣнія его (1818 г. и 1833 г.), по вопросу о крѣпостномъ правѣ (кн. 3, отд. V, стр. 51—58).

МНѢНІЕ МОЕ ПОДАННОЕ ВЪ КОМИТЕТЪ Г. Г. МИНИСТРОВЪ, ПО ДѢЛУ О МЕЛЬНИЦѢ, ПОНАДОБИВШЕЙСЯ ВЪ КАЗНУ, И ЗА КОТОРУЮ ВЛАДѢЛЕЦЪ ПРОСИТЪ ДОРОГО [1] *).

Изъ обстоятельства сего родился слѣдующій вопросъ: поелику нѣтъ у насъ закона, въ какомъ случаѣ правительство можетъ отбирать собственность, то не нужно ли составить правила, когда и какимъ образомъ оное дѣлать? На сіе, по званію моему [3]), долженъ я сказать мнѣніе мое, которое и представляю на благоусмотрѣніе.

Первый, высочайшій изъ всѣхъ законовъ есть самодержавная власть, въ которой всѣ законы соединяются.

Вторый законъ, признаваемый необходимо нужнымъ для спокойствія и благоденствія царствъ, есть непоколебимость собственности.

Сіи два закона, столь же существенные для блага народнаго, сколь и противные между собою, тогда только согласуются, когда первый есть самострожайшій хранитель втораго, и когда вторый безпрекословно подчиняетъ себя первому.

Естьли оба сіи закона въ равной степени наблюдаютъ обязанности свои одинъ противъ другаго, то несогласіе между ими есть невозможное дѣло; ибо, или законъ самодержавія оградитъ собственность владѣльца, или владѣлецъ собственности уступитъ ее непринужденно, — и тогда вещи останутся въ своемъ порядкѣ.

---

*) Сужденіе о семъ возникло по поводу представленія отъ Беданкура [2]) о приказаніи оцѣнить и взять въ казну мельницу, которая, по его мнѣнію, нужна для государственныхъ надобностей, и за которую владѣлецъ проситъ несходную цѣну. Представленіе сіе основано было на предписанномъ комитету правилѣ, чтобъ общую государственную пользу предпочитать частной. Между тѣмъ, за нѣсколько до того времени, тѣмъ же Беданкуромъ, по подобной же для казны надобности, отобрана была у нѣкотораго купца принадлежащая ему земля, за которую по оцѣнкѣ заплачено ему пять тысячъ рублей. Купецъ сей прислалъ просьбу, что онъ вносить въ казну двадцать тысячъ рублей, естьли земля сія отдана будетъ ему обратно.

---

[1]) Было напечатано въ „Чтеніяхъ“ (1858, кн. 4, отд. V, стр. 133—136). Тамъ же (стр. 137 и 138) см. „Мнѣніе адмирала Мордвинова, по случаю препорученія коммисіи сочиненія законовъ изложить правила, для отобранія частной собственности въ пользу общественной.“

[2]) Т. е. Бетанкура, главнаго директора путей сообщенія.

[3]) Члена департамента законовъ въ государственномъ совѣтѣ.

И такъ, чтобы возникнуть несогласію между сими двумя законами, надлежитъ случиться слѣдующему обстоятельству: первое, чтобъ владѣлецъ, равняя законъ собственности съ закономъ самодержавія, не хотѣлъ, вопреки порядка вещей, признавать его за первенствующій; и второе, чтобъ самодержавный законъ, видя таковое отъ владѣльца упорство, и находя необходимую надобность отступить на сей разъ отъ самонужнѣйшаго правила своего, пещися о соблюденіи собственности, рѣшился нарушить оное.

Предполагая таковый случай (естьли возможный, то уже конечно весьма рѣдкій), безсомнѣнія не можетъ онъ иначе разрѣшенъ быть, какъ самодержавною властію, аки верховнымъ закономъ.

Мы, по сіе время, не имѣли никакихъ изложенныхъ на то правилъ или закона безсомнѣнія не потому, чтобъ законодательство никогда о томъ не думало, но потому, что правила сіи почитались ненужными, поелику оныя всегда существовали въ самодержавной власти.

Буде же нынѣ положить, что потребно для сего постановить правила, то нужно напередъ разсмотрѣть, дѣйствительно ли и почему будетъ сіе полезно?

Правила сіи основываютъ на оцѣнкѣ той собственности, которая долженствуетъ быть взята, и за которую владѣлецъ проситъ великую цѣну, или вовсе уступить ее не соглашается.

Средство сіе, по наружности справедливое, легко можетъ во внутренности своей скрывать великія несправедливости, а имянно:

1-е. Можно ли за оцѣнщиковъ, кто бы они такіе ни были, ручаться, что никогда, ни по какимъ обстоятельствамъ, не могутъ они быть пристрастны?

2-е. Можетъ ли и долженъ ли оцѣнщикъ входить въ чувствованіе владѣльца собственности? Поставитъ ли онъ въ цѣну любовь его къ родовому имѣнію, въ которомъ можетъ быть лежатъ драгоцѣнные для него памятники, прахъ отца его, матери, или дѣтей? Поставитъ ли онъ въ цѣну естественную привязанность его къ рощѣ, или саду, который онъ собственными руками своими насадилъ, развелъ и возрастилъ? Поставитъ ли онъ въ цѣну печаль его оставить при старости такое мѣсто, въ которомъ онъ родился, возросъ и благоденствовалъ въ юности? Чтожъ въ подобномъ случаѣ значитъ оцѣнка? Не есть ли она паче оскорбительное, нежели утѣшительное возмездіе владѣльцу? Ежелибъ представлена и объявлена ему была государственная необходимая надобность, то безсомнѣнія, убѣжденный ею и побуждаемый дол-

гомъ сына отечества, перенесъ бы онъ свою потерю съ меньшимъ прискорбіемъ, утѣшая себя достоинствомъ добровольнаго на то согласія; но когда, безъ всякой воли его (ибо, при формальной оцѣнкѣ, нѣтъ никакой надобности спрашивать его объ оной), скажутъ ему: „вотъ что стоитъ твое имѣніе, возьми и ступай изъ него вонъ!“ — то можетъ ли сей насильственный противъ законныхъ правъ его поступокъ, и сіе пренебрежительное къ чувствамъ его неуваженіе, вознаградиться присуждаемою цѣною? И ежели бы цѣна сія въ сравненіи съ тѣмъ, чего онъ лишается, была въ глазахъ его ничтожна, и онъ отъ принятія ея отказался, то въ такомъ случаѣ, какое согласное съ правосудіемъ надлежало бы употребить средство?

Да позволено мнѣ будетъ спросить, къ чему постановленіе таковыхъ доселѣ не существовавшихъ правилъ, или закона, почитается нужнымъ? Къ тому ли, чтобъ самодержавная власть не могла иначе поступать, какъ по онымъ? Но таковое предписаніе для ней не сходно съ признаваніемъ ея за первенствующій и и верховный законъ. Или къ тому, чтобъ самодержавная власть, полагаясь на сдѣланныя ей донесенія, могла въ подобныхъ случаяхъ удобнѣе видѣть и наблюдать истину? Но естьли предполагается несправедливость донесеній, то оныя чрезъ то не отвратятся; ибо сіи донесенія съ правилами и безъ правилъ останутся тѣжъ самыя, поелику не зависятъ отъ правилъ, но правила по нимъ исполняются.

Полагаютъ сіе нужнымъ потому, чтобъ никто, подъ видомъ общей пользы, или государственной надобности, не могъ брать чью либо собственность; но сего никто и не можетъ, или не долженъ, безъ особливаго на то имяннаго повелѣнія самодержавной власти, единой, признаваемой верховнымъ закономъ.

Буде почитать составленіе сихъ правилъ нужнымъ для того, чтобъ исчислить случаи, въ какихъ можно, подъ предлогомъ общей пользы, отбирать у владѣльца собственность, то весьма трудно опредѣлить сіи предлоги; и притомъ, при открытіи новыхъ предлоговъ, потребно будетъ распространить оные на тѣ случаи, которые, при началѣ постановленія правилъ, не были предусмотрѣны. Такимъ образомъ предлоги сіи къ поколебанію собственности отчасу болѣе могутъ умножаться; ибо во всякихъ дѣлахъ первый шагъ ведетъ ко второму, второй къ третьему, и такъ далѣе.

Сверхъ сего, на чрезвычайные случаи, долженствующіе быть

весьма рѣдкими, дѣлать правила или законы, есть средство размножать то, что само по себѣ было весьма рѣдко.

Доселѣ не было у насъ закона оцѣнки, но единая самодержавная воля, аки верховный законъ, могла лишать собственности. Въ чрезвычайныхъ случаяхъ необходимой надобности взять имѣніе, убѣждался къ тому владѣлецъ съ приличнымъ за то возмездіемъ; и буде бы просилъ необъятную цѣну, или бы вовсе не хотѣлъ продать, то, по отобраніи у него причинъ таковаго неумѣреннаго требованія или несогласія, самодержавная воля, усмотря основательность или неосновательность оныхъ, была единственный судія, могшій разрѣшать сіе обстоятельство. Кажется лучшихъ сего правилъ придумать невозможно; ибо какое бы, при дѣйствительной государственной надобности и справедливомъ требованіи, ни положить во владѣльцѣ собственности корыстолюбіе или упрямство, то верховная власть (но не другая какая) имѣетъ тысячи средствъ преклонить его къ добровольному на то согласію, и едва ли вѣроятенъ случай, чтобъ она принуждена была употребить насильственныя противъ него мѣры.

Наконецъ, буде сослаться на постановленіе таковыхъ правилъ въ иныхъ какихъ державахъ, то вѣроятно облечены оныя въ силу законовъ, королевскою властію не нарушаемыхъ, а потому не могутъ и не должны быть образцами для насъ.

Основываясь на сихъ разсужденіяхъ, я не могу согласиться на предложеніе: *составить правила, по которымъ бы можно было отбирать у владѣльцевъ собственность ихъ*; ибо почитаю, что правила сіи принесутъ болѣе вреда, нежели пользы.

Вице Адм. А. Ш.

10 мая 1821 года.

ВТОРИЧНОЕ МНѢНІЕ МОЕ О ТОМЪ ЖЕ *).

Въ мнѣніи моемъ, поданномъ въ комитетъ гг. министровъ, и высочайше утвержденномъ, объяснилъ уже я причины, по ко-

*) Первое мнѣніе мое, съ которымъ изъ всѣхъ присутствовавшихъ въ комитетѣ согласился одинъ министръ юстиціи Лобановъ, утверждено было государемъ императоромъ; но потомъ, при чтеніи въ совѣтѣ проэкта законовъ [1]), полагалось тѣжъ самыя правила ввести въ законы; почему и подано отъ меня было сіе вторичное мнѣніе.

[1]) Въ 1821 и 1822 г. г., государственный совѣтъ снова разсматривалъ труды коммисіи составленія законовъ.

торымъ я правило отбиранія по оцѣнкѣ въ казну собственности не почитаю нужнымъ и справедливымъ; а какъ нынѣ, при чтеніи въ государственномъ совѣтѣ проэкта законовъ, тотъ же вопросъ возобновляется, то я, ссылаясь на прежнее мое мнѣніе, имѣю присовокупить къ тому еще слѣдующее:

1-е) Оцѣнка, даже полагая оцѣнщиковъ самыми безпристрастными людьми (что весьма трудно), не можетъ никогда быть справедливою; ибо никакой оцѣнщикъ не обязанъ и не сродно ему на собственность мою смотрѣть моими глазами: многія вещи, по разнымъ обстоятельствамъ для меня дорогія, для него отнюдь не будутъ казаться таковыми. Дубъ, напримѣръ, въ саду моемъ, рукою отца моего или моею посаженный и достигшій до прекраснаго возраста, для меня безцѣнное, а для него простое дерево. Сколько подобнаго сему случиться можетъ!

2-е) Изъ сего необходимо слѣдуетъ, что ежели оцѣнка, не могущая никогда быть справедливою, сдѣлается закономъ, то верховная власть, блюстительница законовъ, поставлена будетъ въ затруднительное положеніе, или поправлять ея несправедливость, и слѣдовательно нарушать законъ, или, соблюдая оный, поступать несправедливо.

3-е) Оцѣнка, облеченная въ законъ, есть дѣйствіе противъ справедливости; ибо, осуждая владѣльца безмолвствовать, даетъ право другому, чуждому, за него чувствовать и говорить.

4-е) Оцѣнка, облеченная въ законъ, есть дѣйствіе беззаконное; ибо отнятіе собственности предоставляется одной токмо самодержавной власти, яко верховному закону, и больше никому. Самодержавная власть сама не можетъ никому уступать сего права своего, ей единой даннаго, подобно какъ супругъ не можетъ никому уступать брачнаго права своего надъ супругою, съ нимъ единымъ сопряженною.

5-е) Оцѣнка, облеченная въ законъ, есть дѣйствіе противъ правъ собственности; ибо не имѣя, какъ выше объяснено, никакаго права на отнятіе у владѣльца имѣнія, отнимаетъ оное безъ его согласія.

6-е) Оцѣнка, облеченная въ законъ, есть дѣйствіе противъ самодержавной власти; ибо присвояетъ себѣ ея право, или предписываетъ ей правило основываться не на собственномъ своемъ сужденіи, но на сужденіи оцѣнщиковъ.

7-е) Есть законъ, что когда оцѣнщикъ оцѣнитъ дорого, то въ наказаніе отдаютъ ему оцѣненную имъ вещь, и взыскиваютъ съ него тѣ деньги, во что онъ ее оцѣнилъ. И такъ хладнокров-

ность чувствованій оцѣнщика къ чуждому имѣнію, соединенная съ опасеніемъ собственнаго убытка въ случаѣ дороговизны оцѣнки, не говоря о другихъ, могущихъ быть посторонних къ притѣсненію владѣльца причинахъ, будетъ закономъ, или правилами, по которымъ самодержавная власть должна руководствоваться! та власть, которой основанная на благоденствіи народовъ обязанность велитъ ограждать собственность, и, въ случаѣ необходимой государственной надобности, преклонять на то владѣльца, не насильственными мѣрами, но убѣжденіями и щедротою!

Изъ всѣхъ сихъ разсужденій явствуетъ, что оцѣнка, не облеченная въ законъ, можетъ иногда довѣренною особою или установленнымъ порядкомъ быть сдѣлана, не для исполненія по ней, а единственно для того, дабы, при великой разности ея съ назначаемою владѣльцемъ цѣною (буде бы то случилось), спросить у него о причинахъ неумѣреннаго требованія. Но оцѣнка, облеченная въ законъ, не вопрошаетъ его ни о чемъ, не входитъ въ существенность причинъ, не представляетъ ихъ на уваженіе верховной власти; но сама собою, по собственному своему усмотрѣнію, не могущему быть ни справедливымъ ни щедрымъ, безъ согласія владѣльца и безъ воли монарха, отъемлетъ имѣніе. Я говорю: *по усмотрѣнію, не могущему быть ни справедливымъ ни щедрымъ;* ибо, какъ выше сказано, судитъ о вещахъ, по своимъ къ нимъ чувствамъ, а не по чувствамъ владѣющаго ими, и притомъ не смѣетъ оцѣнить дорого. Я говорю: *безъ согласія владѣльца;* ибо можетъ ли тамъ быть согласіе, гдѣ на достоинство собственности моей велятъ мнѣ смотрѣть чужими, а не моими глазами? Я говорю: *безъ воли монарха;* ибо два равносильные закона не могутъ быть совмѣстны: если самодержавная власть — законъ, то оцѣнка — не законъ; если же оцѣнка — законъ, то самодержавная власть престаетъ быть верховнымъ закономъ и лишается благой и щедрой воли своей, поелику не можетъ, безъ нарушенія закона, снисходить на требованіе владѣльца. Наконецъ предоставленіе владѣльцу права (какъ полагаютъ), по отнятіи у него имѣнія, жаловаться на несправедливость оцѣнки, есть къ оскорбленію прилагать оскорбленіе; ибо легко можетъ случиться, что онъ и то малое, что получилъ, издержитъ ища не полученнаго.

1822 г. А. Ш.

МНѢНІЕ МОЕ ПО ДѢЛУ О ПРОФЕССОРАХЪ [1]) *).

Будучи во всемъ согласенъ съ положеніемъ комитета гг. министровъ по дѣлу о профессорахъ, я почитаю только за нужное присовокупить къ сему мнѣніе мое объ обстоятельствахъ, неразрывно съ симъ дѣломъ сопряженныхъ, и безъ которыхъ, какое бы ни было рѣшеніе онаго, но оно не заградитъ источника, отколѣ зло сіе проистекло. Почему и осмѣливаюсь я предложить слѣдующее:

*) Мы видѣли изъ предъидущей статьи, подъ названіемъ „дѣло достойное примѣчанія" [2]), что, чрезъ распространеніе такъ называемыхъ либеральныхъ идей, нравы и законы наши крѣпко потрясались. Мы видѣли подъ статьею „о цензурѣ" [3]), что новомысліе и вольнодумство заразило всѣ наши училищи, и что въ нихъ, подъ предлогомъ новаго просвѣщенія, новаго образа мыслей, преподавалось презрѣніе ко всему старому, къ языку, правительству, законамъ, нравственности и даже къ самой вѣрѣ. Многія учебныя книги наполнены были сими правилами. Многіе журналы, которые позволялось выдавать всякому, кто хочетъ, распространяли сіи ученія, читаемыя съ жадностію, не потому чтобъ онѣ служили пищею разуму, но потому что были новости доселѣ неслыханныя, необыкновенныя. Часто мальчикъ, недавно вышедшій изъ школы, заразясь въ ней лжеумствованіями, самолюбіемъ и гордостію, хвалилъ себя, ругалъ старыхъ и опытныхъ людей, разсуждалъ, или лучше сказать бредилъ обо всемъ, о наукахъ, о законахъ, о словесности, о правахъ народныхъ, и училъ другихъ тому, о чемъ самъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія. Вмѣсто любомудрія и знаній, перомъ его водили страсти и заблужденіе. Часто, для наполненія таковыхъ листковъ, выписывались и переводились изъ иностранныхъ вѣдомостей всѣ тѣ злоумствованія, злодѣянія, бунты, смертоубійства, мерзости, какія гдѣ случались, и въ нихъ съ подробностію описывались, и о которыхъ народу нашему возвѣщать не было никакой надобности, кромѣ развѣ той, не найдутся ли въ немъ такія адскія души, которыя, по прочтеніи таковыхъ описаній, могутъ нѣчто изъ того заимствовать, и смѣлѣе подвизаться въ злыхъ и дерзкихъ своихъ умыслахъ. Можно себѣ представить, что всѣ подобныя произведенія, издаваемыя въ свѣтъ и читаемыя народомъ, должны были распространяться съ успѣхомъ, становиться обыкновеннѣе, и время отъ времени дѣйствовать сильнѣе. Наконецъ гласныя проповѣдыванія и возмущенія противъ правительствъ, возникшія въ Мадритѣ,

[1]) Было помѣщено въ Русскомъ Архивѣ (1865 г., ст. 1353—1358), вмѣстѣ съ „Мнѣніемъ о цензурѣ," но безъ объяснительныхъ, здѣсь печатаемыхъ примѣчаній Шишкова. — Дѣло о петербургскихъ профессорахъ, Германѣ, Раупахѣ, Галичѣ и Арсеньевѣ, см. въ Чтеніяхъ въ О. И. и Д., 1862 г., кн. 3, отд. V, стр. 179—205 (Историческая записка о дѣлѣ санктпетербургскаго университета).

[2]) См. стр. 109—134.

[3]) См. стр. 43—53.

Я представлялъ нѣкогда государственному совѣту мнѣніе мое о необходимой надобности учредить цензуру на лучшемъ и обширнѣйшемъ основаніи, нежели какъ она издавна была и нынѣ существуетъ*)[1]), безъ чего никакимъ образомъ не можно ожидать, чтобъ время отъ времени въ издаваемыхъ книгахъ не появлялись иногда неумышленныя, а иногда и умышленныя худости, служащія къ воспламененію умовъ и распространенію заблужденій. Худости сіи, разсѣянныя

въ Неаполѣ, и въ другихъ державахъ, понудили обратить вниманіе на сію свободу мыслей. Въ слѣдствіе сей перемѣны, министерствомъ просвѣщенія отысканы были многія печатныя книги и захвачены рукописныя тетради, по которымъ профессора и учители преподавали свои уроки въ нашихъ училищахъ. При изслѣдованіи дѣла сего въ правленіи народныхъ училищъ, поступлено было съ сими профессорами, изъ которыхъ иные были русскіе, другіе иностранцы, весьма строго, а имянно: держали ихъ цѣлыя сутки въ заперти, допрашивали, и не выпускали вонъ, покуда они не повинятся, или не напишутъ своихъ оправданій. Съ одной стороны, предлагались имъ странные и притѣснительные вопросы, какіе можетъ дѣлать облеченное въ силу и власть суевѣріе; съ другой, — подобные же тому дѣлались отвѣты, какіе иногда смѣлое, иногда устрашенное вольнодумство можетъ давать вопрошающему его судіи, надъ которымъ оно прежде насмѣхалось. Оправданія профессоровъ были укоризненны, но не меньше того справедливы: они говорили, что не могли предвидѣть сего на нихъ взысканія, поелику за то самое нынѣ осуждаются, что прежде по системѣ либерализма было ободряемо, и за что они получали чины, ордена и награды. Правда по нещастію неоспоримая! — По семъ изслѣдованіи, названы однакожъ они были возмутителями, возстававшими противъ правительства, нравственности и вѣры; но обвиняемые въ толь важныхъ преступленіяхъ, за которыя мало послать въ ссылку, не могли, по строгой противъ отвѣтовъ ихъ справедливости, ни къ чему быть приговорены. Дѣло сіе въ семъ видѣ, по высочайшему повелѣнію, поступило въ комитетъ гг. министровъ, который нашелъ, что выписки, приложенныя при семъ дѣлѣ, изъ печатныхъ книгъ и рукописныхъ тетрадей дѣйствительно содержатъ въ себѣ правила и ученія совершенно вредныя, и потому книгъ сихъ впредь не перепечатывать; за рукописными тетрадями, по которымъ преподаются юношеству уроки, наблюдать, чтобъ ничего въ нихъ худаго написано не было; профессоровъ же, по данной министру просвѣщенія власти, предоставить ему тѣхъ, кои оказались или окажутся виновными, отрѣшать и не принимать во ввѣренныя ему училищи. При семъ случаѣ, подано отъ меня вышеозначенное мнѣніе мое, которое, по прочтеніи въ комитетѣ, всѣми принято было съ великимъ одобреніемъ. Многіе изъ членовъ списали оное. Но впрочемъ оно, какъ и всѣ другія мнѣнія мои, осталось безъ всякаго послѣдствія.

*) См. въ сихъ Запискахъ статью „о цензурѣ."

---

[1]) До введенія цензурнаго устава, сочиненнаго Шишковымъ, былъ въ дѣйствіи уставъ 9 іюля 1804 года, составленный Озерецковскимъ и академикомъ Фусомъ.

во множествѣ книгъ и часто при первомъ взглядѣ не проницаемыя, хотя и уходятъ отъ примѣчанія, какое возбудили бы онѣ, когда бы въ совокупности представлены и по настоящему ихъ намѣренію и смыслу разобраны были; однакожъ онѣ и разбросанныя не пропадаютъ, но подобно посаженнымъ въ землю сѣменамъ даютъ отъ себя плодъ, растутъ и отчасу болѣе умножаются, заражая молодыхъ людей сердца и умы. Въ мнѣніи моемъ о цензурѣ, семь лѣтъ тому назадъ двукратно читанномъ въ государственномъ совѣтѣ, и всѣми тогда одобренномъ, ясно это выведено. Нынѣшняя исторія съ профессорами показываетъ, что я не безъ основанія называлъ сѣмена сіи плодовитыми, и что способы къ искорененію ихъ становятся тѣмъ труднѣе, чѣмъ долѣе онѣ расли. Учители, пріучась сами думать и писать обо всемъ свободно, или лучше сказать разсуждать и умствовать дерзко, не сообразуясь ни съ какими общими правилами, ниже съ нравоученіями вѣры, тому же научаютъ и учениковъ своихъ.

Обыкновенно зараза сія начинается тѣмъ, что наставникъ или самъ злонамѣренный, или орудіе злонамѣренныхъ людей, отвращаетъ ученика своего отъ простыхъ и чистыхъ понятій, наполняя умъ его мечтательными и непонятными умствованіями, и въ тоже время влагая въ душу его причину всѣхъ золъ — гордость и самолюбіе. Тогда уже никакая сила разсудка надъ умомъ его не дѣйствуетъ. Онъ не убѣждается никакими доказательствами, и всякаго презираетъ и ненавидитъ, кто не одинакихъ съ нимъ мыслей. Когда таковыя ученія умножатся и распространятся, такъ что гласъ ихъ сдѣлается громокъ и силенъ, тогда гласъ вопіющей противъ него истины по неволѣ долженъ будетъ ослабѣвать и умолкать.

Давно извѣстно, что нѣмецкіе профессоры стараются затмѣвать ясность наукъ, примѣшивая къ нимъ непонятныя начала, изложенныя невразумительными словами и мыслями, дабы подъ видомъ глубокой, скрывающейся въ нихъ мудрости, внушать ученикамъ великое о себѣ мнѣніе, и долговременнѣе получать отъ нихъ плату за свои уроки. Сія на корыстолюбіи основанная хитрость, помрачая природный умъ и здравый разсудокъ, повела ихъ по кривому пути самолюбія, позволя всякому созидать и утверждать собственныя свои мечтанія. Такимъ образомъ, шагъ за шагомъ, пошли новыя выдумки, новый образъ мыслей: все стало позволительно; законы повиновенія и нравственности потеряли силу свою; и чего прежде никто не терпѣлъ, то сдѣлалось, чрезъ частое употребленіе и

чтеніе въ книгахъ, весьма общимъ и обыкновеннымъ; ибо навыкъ ко всему насъ пріучаетъ. Дерзость мыслей свергла съ себя оковы и наложила ихъ на свободу правды и ума, дабы они не препятствовали ей укореняться.

Въ семъ положеніи вещей, надлежитъ конечно пресѣчь успѣхи сей дерзости, естьли не хотѣть, чтобъ она достигла до пагубной зрѣлости; но между тѣмъ однакоже неудобно пресѣкать ее тѣми мѣрами, какія при началѣ возниканія ея можно было употребить. Тогда первый, кто на нее покусился, былъ дѣйствительно преступникъ, достойный наказанія, и котораго тотчасъ можно было обуздать. Но теперь не будетъ уже справедливо наказать немногихъ за ту вину, въ которую долгое время многіе впадали безъ всякаго ихъ за то охужденія. Они, и съ ними множество другихъ, привыкли не считать это виною, и еще напротивъ иные тѣмъ тщеславились и думали, что въ семъ то и состоитъ достоинство и просвѣщеніе. Въ подобныхъ обстоятельствахъ, хотя съ одной стороны и невозможно попустить и терпѣть то, что разрушаетъ всякой общественный порядокъ и нравственность, однакоже съ другой едва ли благообдуманно будетъ вдругъ остановить и преслѣдовать то, что уже нѣкоторымъ образомъ широко разлилось, и чего иначе истребить нельзя, какъ кроткими мѣрами, то есть пресѣкая путь нововтекающему злу, и дѣлая такъ, чтобъ старое само собою погасало.

Надежнѣйшее для сего средство — благоразумная и прилежно наблюдающая должность свою цензура; но установить ее не легко; надобно чтобъ она была ни слабая, ни строгая; ибо слабая, не усмотритъ, и по прежнему будетъ пропускать вредныя внушенія, а строгая не дастъ говорить ни уму, ни правдѣ. И такъ необходимо нужно, чтобъ она составлена была изъ немалаго круга людей ученыхъ, честныхъ, благоразсудительныхъ, умѣющихъ различать позволительную и непозволительную свободу мыслей, и отъ которыхъ бы никакія цвѣты не закрыли змѣю, и напротивъ простая травка не казалась бы имъ змѣиными жалами. Надобно чтобъ книги раздѣлены были по роду содержаній ихъ, и ни одна изъ нихъ не оставалась безъ прочтенія цензоромъ отъ доски до доски. Надобно чтобъ ценворы строго отвѣтствовали за пропускаемыя ими книги; а дабы обязанность ихъ не была чрезъ мѣру для нихъ тягостна, то надлежитъ имъ дать позволеніе въ сомнительныхъ случаяхъ относиться къ особо для сего учрежденному, не изъ одного, но изъ нѣсколькихъ государственныхъ лицъ комитету, который бы разрѣшалъ ихъ сомнѣнія. Такимъ

образомъ цензура будетъ самымъ бодрственнымъ и проницательнымъ стражемъ, какимъ по нынѣшнимъ обстоятельствамъ ей быть должно, и правительство будетъ увѣрено, что всякое зло останавливается, такъ сказать, при дверяхъ, а не тогда, когда оно уже вступитъ, и, прежде нежели откроется, произведетъ уже невозвратныя свои дѣйствія.

Я сказалъ, что цензура должна быть ни слабая, ни строгая; но къ сему должно еще присовокупить: *и разумѣющая силу языка;* ибо безъ сего она будетъ препятствовать успѣхамъ просвѣщенія, а иногда и сама, чрезъ поправленіе того, что само по себѣ было невинно, сдѣлаетъ оное виновнымъ. Нужно ли показать тому изъ многихъ хотя одинъ примѣръ? Въ нѣкоторомъ журналѣ, въ стихахъ подъ названіемъ *Земная грусть*, сочинитель пишетъ:

Ты мнѣ твердишь, что я скучаю жизнью:
Земная жизнь — не жизнь!
О дай мнѣ, другъ, дай крылья серафима!
Мнѣ грустно на земли.

Цензоръ не пропустилъ и вычернилъ слово *серафима*. Можно ли такимъ образомъ стѣснять писателей? Какая бѣда просить крылья серафима, чтобъ возлетѣть на небеса? Да на какихъ же иныхъ крыльяхъ можно туда вознестись? Всѣ народы на всѣхъ языкахъ говорятъ и пишутъ о прекрасныхъ женщинахъ или благонравныхъ мущинахъ: *какой ангелъ! какой у него ангельской нравъ!* и проч.. Ежели не позволять сего писать, такъ надобно всѣ книги сжечь и всякому запереть уста. Здѣсь, по крайней мѣрѣ, дѣло идетъ объ одной словесности; но покажемъ изъ тѣхъ же стиховъ еще примѣръ несравненно чуднѣйшій. Сочинитель говоритъ:

Что въ мірѣ мнѣ, гдѣ все на мигъ? Что въ мірѣ,
Гдѣ смерть и рокъ цари?

Цензоръ вымаралъ слово *рокъ*, и сіи два стиха напечатаны такъ:

Что въ мірѣ мнѣ, гдѣ все на мигъ? Что въ мірѣ,
Гдѣ смерть и — цари?

Теперь посмотримъ смыслъ двухъ прежнихъ непропущенныхъ цензоромъ, и двухъ послѣднихъ испорченныхъ и пропущенныхъ имъ стиховъ: сочинитель жалуется на здѣшній міръ, говоря, что въ немъ всѣ наши радости кратковременные, и что въ немъ *смерть и рокъ цари*, то есть царствуютъ рокъ и смерть. Мысль обыкновенная въ грусти и печали. Цензоръ, не пропустя нужнаго слова, принудилъ его опорочивать міръ тѣмъ, что въ немъ господствуютъ два зла: *смерть и — цари!* мысль самая оскорбительная для

царей, поелику владычество ихъ уподобляется владычеству смерти. Я увѣренъ, что цензоръ сдѣлалъ сіе не съ умыслу, но отъ излишней строгости, отъ боязни, соединенной съ неразумѣніемъ силы языка *). Между тѣмъ, какъ говоритъ пословица: *написаннаго перомъ не вырубишь топоромъ,* оно пошло читаться всѣми, и можетъ столько же быть вредно, какъ бы и съ умыслу было сказано. Одинъ сей примѣръ показываетъ, что не довольно имѣть строгую цензуру, надобно чтобъ она была умная и осторожная. Чтожъ принадлежитъ до слабой и такъ сказать съ *завязанными глазами* цензуры, какая у насъ по сіе время была и есть, то ясно и несомнѣнно доказываютъ выписки изъ печатныхъ и учебныхъ книгъ, какъ въ моемъ мнѣніи, за семь лѣтъ тому назадъ показанныя, такъ и нынѣ изъ записокъ профессоровъ извлеченныя.

А. Ш.

14 февраля 1822 года.

ПРИМѢЧАНІЯ НА ГЛАВУ ШЕСТУЮ ПРОЭКТА ЗАКОНОВЪ.

Проэктъ, или сказать по русски изложеніе законовъ, неоднократно переправляемое и перепечатываемое, послѣ примѣчаній моихъ на первую главу онаго (см. въ Запискахъ сихъ страницы 53—73), остановилось и лежало семь лѣтъ подъ спудомъ. Напослѣдокъ опять появилось, подъ руководствомъ тайнаго совѣтника Сперанскаго, которому поручено было исправлять и читать оное въ государственномъ совѣтѣ. Снова возникли разные голоса и мнѣнія, при которыхъ, не взирая на рѣшимость мою быть безмолвнымъ, не утерпѣлъ я и написалъ однажды слѣдующее:

---

*) Цензоры во всѣ времена были у насъ большою частію худы, то есть не довольно свѣдущи въ словесности. Я помню, давно уже, что одинъ изъ нихъ не хотѣлъ пропустить выраженія нагая истина, сказывая, что истина женскаго рода, и потому непристойно ей выходить въ свѣтъ нагою. Но прежде и не было въ знаніяхъ и умѣ ихъ такой нужды, какъ нынѣ. Тогда свобода книгопечатанія, то есть свобода пороку говорить дерзко и громко, не вошла еще въ силу и обычай, не дерзала еще, вооруженная безстыдствомъ и лжею, нагло возставать противъ здраваго разсудка, противъ чистыхъ нравоученій вѣры, и торжественно проповѣдовать и распространять зловредныя свои правила и ученія. Никто еще не смѣлъ тогда, и даже не приходило никому въ голову, печатать мысли свои, противныя общимъ понятіямъ и нарушающія спокойствіе обществъ, ибо зналъ, что подвергается вмѣстѣ и наказанію и презрѣнію.

„Въ § 122 сказано: „первая принадлежность законнаго брака „состоитъ въ томъ, чтобъ онъ совершенъ былъ съ обрученіемъ „публично, по установленіямъ церкви.“

„Законы не могутъ быть ни ясны, ни полезны, когда написаны будутъ языкомъ невразумительнымъ, содержащимъ въ себѣ много таковыхъ выраженій, какъ здѣсь, *принадлежность законнаго брака,* и тому подобныхъ. Первое, рѣчь сія двусмысленна: неизвѣстно браку ли что, или самъ бракъ чему принадлежитъ. Двусмыслія не только въ законахъ, но и въ простыхъ писаніяхъ избѣгать должно. Второе, не размышляющій о таковыхъ словахъ не пойметъ ихъ, а размышляющій увидитъ, что ими не то хотятъ сказать, что онѣ значатъ. Наука истиннаго значенія словъ есть самонужнѣйшая въ составленіи законовъ, и потому да позволено мнѣ будетъ нѣсколько о томъ распространиться. Слово *принадлежность* само собою говоритъ: я не означаю той вещи, которой принадлежу; ибо тогда была бы я сія самая вещь, а не принадлежность ея. Имѣніе мое, даже рука моя мнѣ принадлежитъ, но она не я, и часто лишась ея человѣкъ остается тѣмъ же, чѣмъ былъ. Но о бракѣ сего сказать не можно. Совершеніе брака въ церкви и по обряду есть *существенность* онаго, а не *принадлежность.* Назвать оный принадлежностію есть тоже, что сказать: *бракъ есть принадлежность брака.* Писать русскіе законы переводными съ иностраннаго языка словами есть самый вѣрнѣйшій способъ сдѣлать ихъ невразумительными *). Русскіе законы требуютъ русскихъ мыслей и выраженій, дабы всякой удобно понимать ихъ могъ. На что *принадлежность законнаго брака?* Для чего не сказать просто: законный бракъ, или законность брака, состоитъ въ томъ и въ томъ? тогда я буду знать, что инымъ образомъ совершенный, онъ не есть законный, не есть бракъ.

„Въ § 124 сказано: „въ прямой линіи (бракъ запрещается) „между всѣми восходящими, и нисходящими, и между лицами, бра„комъ съ ними сопряженными.“

„Можно бы сію статью изложить яснѣе и лучше. Впрочемъ введеніе въ гражданское уложеніе тѣхъ статей, кои предоставлены духовному разбору, мнѣ кажется, не долженствовало бы имѣть здѣсь мѣста. Статьи сіи могутъ, буде надобно, въ концѣ гражданскаго уложенія, въ точномъ ихъ видѣ (то есть не имѣя ни малѣйшей разности съ духовными), особо быть приложены, для свѣденія каждаго.“

*) Сіе относится къ тому, что вопрошаемо было: какъ же перевесть французское слово attribut?

ПОСЛѢДСТВІЕ.

Примѣчанія сіи поданы были 26 генваря (1822). Я не простеръ ихъ далѣе, хотя, прочитавъ главу о бракахъ, легко можно увидѣть, сколько въ ней пустыхъ, излишнихъ подробностей, которыя вмѣсто пользы и наставленія, отворятъ двери къ тысячамъ злоупотребленій. Тамъ полагается множество *принадлежностей* къ браку, изъ которыхъ слѣдственно каждая, не исполненная, должна служить къ разрушенію или непризнаванію онаго. Какой поводъ къ ябедѣ, хитростямъ и пронырствамъ! Потомъ, въ изложеніи статей сколько темнаго и двусмысленнаго! Напримѣръ, сказано: „*бракъ запрещается между усыновителями и усыновленными обоего пола.*“ Ябеда станетъ толковать: по точной силѣ словъ закона, никто, *усыновитель* когобъ то ни было, не имѣетъ права жениться ни на какой *усыновленной* комубъ то ни было; и законъ, сказавъ самъ худо, не можетъ оспорить ябеды, подастъ ей поводъ къ прицѣпкѣ, а покровителю ея, пристрастному или корыстолюбивому судіи, способъ защищать оную. Подобныхъ несообразностей можно бы много было найти, но я удовольствовался только двумя замѣчаніями, желая напередъ узнать, какъ съ оными поступлено будетъ; и скоро, къ подтвержденію моихъ ожиданій, увидѣлъ, что оныя ни малѣйшаго на себя вниманія не обратили. Симъ неуваженіемъ мнѣнія моего словно какъ бы хотѣли мнѣ сказать: пиши себѣ что хочешь, употребляй напрасный трудъ и время; когда нибудь перестанешь, и по неволѣ отъ тщетныхъ возраженій своихъ откажешься. Я зналъ это; ибо гдѣ собраніе состоитъ изъ многихъ разнообразныхъ умовъ и сердецъ, изъ коихъ иные движутся пружинами самолюбія, иные мало свѣдущи и ко всему равнодушны, иные возвышаютъ голосъ по мѣрѣ доступности своей или надежды на покровительство, иные побуждаются исканіемъ и угожденіемъ, — гдѣ, говорю, собраніе, толь разнонравное и разномыслящее, исправляетъ законы, отовсюду безъ разбора собранные и безъ всякаго знанія и соображенія сочиненные, но защищаемые по пристрастію къ намѣреніямъ и лицамъ, — тамъ тщетно будутъ разумъ и правда надѣяться на силу своихъ доказательствъ, тамъ не сила словъ имѣетъ вѣсъ, но говорящее лице. Перемѣнись доступность, — и завтра со вниманіемъ будутъ слушать того, кого вчера никто не слушалъ. Въ подобныхъ случаяхъ, долгъ повелѣваетъ говорить, но обстоятельства принуждаютъ молчать. Послѣ многихъ опытовъ безполезныхъ вопіяній, я рѣшился наконецъ пріобщить себя къ числу безмолвствующихъ. Между тѣмъ однакожъ начался споръ о томъ,

оставить ли статьи, касающіяся до духовнаго уложенія, въ гражданскомъ, или исключить ихъ изъ онаго? Многіе сказали просто, иные исключить, другіе не исключать. Я, когда дошла до меня очередь, отвѣчалъ также: „исключить, а буде оставить, то приложить особо и точно таковыми, какія изложены и присланы будутъ отъ святѣйшаго синода.“ — Впрочемъ споръ сей, какъ мнѣ кажется, былъ совершенно пустой, за которымъ и вопросъ послѣдовалъ такой же. Дѣло состоитъ не въ томъ, остаться ли симъ статьямъ въ уложеніи гражданскомъ, или нѣтъ; но въ томъ, согласно ли онѣ съ духовными нашими законами написаны. Г-нъ Сперанскій увѣряетъ, что онѣ выбраны изъ Кормчей книги, изъ церковныхъ уставовъ; но кто поручится за вѣрность сего выбора и точность изложенія? Кто изъ судей съ должными познаніями возьметъ на себя трудъ, подвергаясь многимъ непріятностямъ, прочесть всѣ сіи книги и сличить съ ними извлеченныя изъ нихъ статьи, показующія по одному вопросу сему — какъ же перевесть *attribut?* — что онѣ выписаны больше изъ французскихъ, нежели изъ нашихъ уставовъ? Изъ сего одного слова заключить можно, что ежели бы оставить статью сію точно таковою, какъ она изложена, то она подала бы поводъ толковать ее слѣдующимъ образомъ: *принадлежность вещи не есть существенность оной; а какъ совершеніе брака по установленіямъ церкви названо токмо принадлежностію онаго, то слѣдственно священнодѣйствіе сіе не есть еще законный бракъ.* Когда сами законы собственными своими словами подаютъ средство къ сему чистому логическому заключенію, котораго здравый разсудокъ не можетъ отвергнуть, и когда симъ заключеніемъ разрушаются всѣ послѣдующія статьи, яко несообразныя уже съ первымъ опредѣленіемъ брака, то могутъ ли сіи законы быть согласны съ вѣрою и церковными постановленіями? Можно ли повѣрить, что они извлечены изъ книгъ и правилъ священныхъ? Между тѣмъ ссылаются на то, что они многократно разсматриваемы были въ государственномъ совѣтѣ, и даже посыланы въ святѣйшій синодъ, и вездѣ прошли безъ возраженій. Можетъ быть! Но хотя бы они тысячу мѣстъ прошли, совѣсть моя и умъ не позволяютъ мнѣ, видя ихъ худыми, находить сіе прохожденіе ихъ доказательствомъ ихъ доброты. Статься можетъ, что они, по какимъ нибудь причинамъ, безъ должнаго вниманія были разсматриваемы. Вотъ для чего краткій отвѣтъ мой основалъ я на сей мысли, что можно въ гражданскомъ уложеніи, для свѣденія каждаго, помѣстить ихъ особо, ссылаясь на духовное уложеніе; но должно, чтобъ сіе духовное уложеніе со-

ставлено было святѣйшимъ синодомъ, и внесено въ гражданское уложеніе изъ слова въ слово, дабы не было между сими уложеніями никакой разности. Тогда я буду знать, что внесенныя въ гражданское уложеніе духовныя статьи сочинены синодомъ, то есть мѣстомъ, основывающимъ сужденія свои на правилахъ вѣры, и достойнымъ всей моей довѣренности*). Но кто сочинялъ статьи, находящіяся въ проэктѣ гражданскаго уложенія? — молодые люди, безъ всякихъ опытовъ и познаній. Почему же, находя въ статьяхъ сихъ столько несообразностей и худаго перевода съ иностранныхъ языковъ, долженъ я вѣрить имъ, и забывъ славу и пользу государя и отечества, утверждать, что непремѣнно должно оставить ихъ въ гражданскомъ уложеніи? Я думаю, что ежели бы государственный совѣтъ, исполняя волю монаршую, приступилъ къ разсмотрѣнію сего проэкта съ тою важностію и строгимъ разборомъ, каковаго требуетъ новопредлагаемое изложеніе законовъ, то надлежало бы ему: 1-е, освѣдомиться о томъ, кто были сочинители сего проэкта; ибо по достоинству лицъ можно уже нѣкоторымъ образомъ судить и о достоинствѣ произведенія, 2-е, выслушать со вниманіемъ всѣ примѣчанія, сдѣланныя на первыя три или четыре главы, изъ чего можно будетъ увидѣть, съ должнымъ ли знаніемъ и основательностію проэктъ сей сочиняемъ былъ; и ежели, при семъ первоначальномъ опытѣ, усмотрится въ немъ великое число немаловажныхъ погрѣшностей, или много въ иномъ излишествъ, въ иномъ недостатковъ, то не потерянъ ли будетъ трудъ и время заниматься прослушиваніемъ всего онаго отъ начала до конца? Да и какая отъ сего произойдетъ польза? Удобно ли совѣту, въ который собираются иногда человѣкъ двадцать и болѣе, выслушивать читаемую скоропоспѣшно передъ ними книгу и поправлять ее и въ словахъ, и въ слогѣ, и въ содержаніи? Можетъ ли сословіе стихотворцевъ (хотя бы они

---

*) Преніе мое съ синодомъ, или съ нѣкоторыми онаго лицами, о славенскихъ словахъ, въ началѣ сихъ Домашнихъ Записокъ моихъ изложенное [1]), хотя и не позволяло мнѣ крѣпко на него надѣяться — вездѣ люди! — но, по крайней мѣрѣ, пусть же будетъ нѣчто издано отъ сего духовнаго сословія, имѣющаго вѣсъ и довѣренность народную, нежели отъ лицъ совсѣмъ неизвѣстныхъ, по видимому неопытныхъ, не свѣдущихъ ни о законахъ нашихъ, ни о нравахъ и обычаяхъ, и, по свойственному таковымъ людямъ самолюбію, думавшихъ составить новое законодательство выписокою и худымъ выборомъ и переводомъ статей изъ иностранныхъ писателей.

---

[1]) См. стр. 1—42.

были и всѣ искусные писатели, чему весьма не легко случиться), собираясь два или три часа въ недѣлю, исправить Телемахиду...... Статься можетъ, что сіе сравненіе покажется преувеличеннымъ; скажутъ, что я слишкомъ поднятъ противъ сего проэкта, и, вмѣсто справедливаго осужденія его отчасти, несправедливо охуждаю весь безъ изъятія. На сіе скажу я, что судъ мой ни мало не основанъ на легкомысліи; перомъ моимъ водила правда и усердіе. Довольно прочитать примѣчанія мои на первую главу сего, скорѣе перевода, нежели сочиненія, дабы увидѣть (разумѣется безпристрастному человѣку, не участвовавшему въ составленіи онаго), что когда при самомъ началѣ книги, толь грубыя погрѣшности не были предусмотрѣны, то какова же толку ожидать и отъ всей оной? Притомъ же, хотя примѣчанія мои простираются только на первую главу, но изъ чтенія послѣдующихъ главъ могъ я во многихъ мѣстахъ усматривать, что естьлибъ и ихъ подвергнуть такому же разбору, то и онѣ оказались бы столько же неудовлетворительными. Сверхъ сего, надлежитъ взять и то въ разсужденіе, что составленіе законовъ есть вещь несравненно важнѣйшая, чѣмъ составленіе стихотворнаго вымысла о какомъ либо бывшемъ происшествіи. Худость поэмы уронитъ токмо славу сочинителя оной, и произведетъ въ потомствѣ смѣхъ; но худость изданнаго уложенія законовъ посѣетъ тяжбы и раздоры, водворитъ корыстолюбіе, повредитъ нравы и обезславитъ вѣкъ. И такъ честь и любовь къ отечеству велятъ на одно смотрѣть гораздо строже, нежели на другое.

Мнѣ кажется, для составленія новаго уложенія законовъ (естьли вподлинну сіе нужно), надлежало бы приступить къ сему слѣдующимъ образомъ: поручить дѣло сіе одному или двумъ избраннымъ особамъ, посѣдѣвшимъ на службѣ отечеству, не въ чужихъ краяхъ воспитаннымъ, или дышущимъ ихъ духомъ, но кореннымъ русскимъ боярамъ, имѣющимъ достаточныя познанія, и еще болѣе того, исполненнымъ честности, здраваго разсудка и любви къ народу своему. Хотя и не легко ихъ найти, благодаря нынѣшнему, такъ называемому просвѣщенію, однакожъ не совсѣмъ невозможно: есть еще люди, почитающіе истиннымъ просвѣщеніемъ не тѣ ложныя ученія, которыя превратными умствованіями, устраняя добродѣтель и правду, отворяютъ путь ко всѣмъ страстямъ и порокамъ, но тѣ, которыя, отвергая всѣ основанныя на мірскихъ корыстяхъ связи, ведутъ къ Богу по предначертанной Имъ самимъ стезѣ. По избраніи сихъ двухъ начальныхъ мужей, надлежитъ избрать еще двухъ, давно служащихъ, опытныхъ по

гражданской части, добраго поведенія чиновниковъ, которые бы всѣ наши законы, суды и расправы знали наизусть. Къ нимъ придать двухъ искусныхъ въ словесности писателей, изъ которыхъ бы оба они, или одинъ, знали иностранные языки. Къ сему сообществу присовокупить еще *педанта*, который бы ни одного двусмысленнаго или сомнительнаго слова не пропускалъ безъ того, чтобъ не остановиться на немъ и не потолковать, точно ли оно имѣетъ тотъ смыслъ, въ какомъ употреблено; ибо часто случается въ законахъ, что одно подверженное разнымъ толкованіямъ слово подаетъ поводъ къ ябедамъ и бываетъ причиною самыхъ несправедливѣйшихъ притѣсненій. Первый приступъ сего сообщества долженъ состоять въ томъ, чтобъ на всякое обстоятельство выписать всѣ русскіе законы, какіе токмо при разныхъ царствованіяхъ отъ начала временъ извѣстны. Второй приступъ тотъ, чтобъ на тѣжъ самые случаи показать законы древнихъ и новѣйшихъ временъ всѣхъ иностранныхъ державъ. Приведя сіе сколько можно въ кратчайшій, но полный и систематическій порядокъ, два вышепомянутые болярина должны, сличая русскіе законы съ иностранными, изложить мнѣніе свое, не находятъ ли они нѣкоторые изъ чужихъ законовъ полезнѣйшими и удобнѣйшими къ содѣланію народнаго благоденствія, и по какимъ имянно причинамъ. Тогда все сіе можетъ быть читано въ государственномъ совѣтѣ, съ такимъ наблюденіемъ, что естьли кто захочетъ сказать, или письменно подать мнѣніе свое, то говорилъ бы, или читалъ, одинъ до конца, безъ всякаго прерыванія отъ кого либо другаго; по окончаніи словъ его, желающій можетъ ему отвѣчать, также безъ всякаго прерыванія и прекословія. Возникшій споръ не иначе прекращается, какъ, по выслушаніи доказательствъ той и другой стороны, рѣшеніемъ онаго большинствомъ голосовъ, посредствомъ балотированія; и тогда только снова приступаютъ къ продолженію чтенія.

МНѢНІЕ МОЕ ПО ДѢЛУ О КРЕСТЬЯНАХЪ ПОМѢЩИЦЫ КНЯГИНИ ТРУБЕЦКОЙ, ВЪ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Изъ донесенія главноначальствующаго въ Москвѣ, князя Голицына [1]), явствуетъ, что крестьяне княгини Трубецкой, долгое время пребывая послушными и спокойными, вдругъ вышли изъ

[1]) Кн. Дмитрій Владимировичъ былъ генералъ-губернаторомъ въ Москвѣ съ 1820 по 1844 г..

повиновенія, и не хотятъ болѣе ни господскихъ, ни собственныхъ полей своихъ обработывать. Никакія увѣщанія и угрозы не приводятъ ихъ къ исполненію ихъ обязанностей. Подобныя несогласія между помѣщиками и крестьянами (чего прежде не бывало) во многихъ губерніяхъ возникаютъ. Употребляемыя противъ сего мѣры обыкновенно состоятъ въ томъ, что посылаютъ въ таковыя помѣстья воинскую команду, которая пребываніемъ своимъ въ немъ ни мало не убѣждаетъ, но только разоряетъ крестьянъ, и можетъ быть нѣкоторые изъ ней тѣмъ же духомъ заражаются. Я обращаю мое мнѣніе на всѣ подобные случаи, подводя ихъ подъ общее правило. Изъ дѣлъ, поступившихъ въ комитетъ господъ министровъ, видно, что таковые случаи весьма нерѣдко возобновляются, и что причиною тому ложныя внушенія о свободѣ, толкуемой превратно и ведущей къ своевольству и разрушенію всѣхъ общественныхъ связей*); а потому и почитаю я необходимо нужнымъ обратить неукоснительно строгое вниманіе и дѣятельность на пресѣченіе успѣховъ сего распространившагося буйства, поджигаемаго зложелательными и безразсудными умами.

Дѣло крестьянъ княгини Трубецкой и многія другія подобныя сему представляются въ разныхъ видахъ, а потому и требуютъ разныхъ сужденій: 1-е. Естьли крестьяне жалуются на помѣщика лично, то есть на жестокіе его съ ними поступки или на непомѣрные сборы, то, по разсмотрѣніи справедливости или несправедливости сихъ жалобъ, наказываются или помѣщикъ или крестьяне. Но какъ таковое происшествіе не есть преступленіе (выключая необычайной жестокости помѣщика или дерзости крестьянъ), но токмо вина, то и наказаніе дѣлается соразмѣрное тому, изобличеніемъ и обузданіемъ той или другой стороны, съ строгимъ подтвержденіемъ впредь того не дѣлать. 2-е. Естьли же крестьянское требованіе состоитъ въ томъ, что они не хотятъ принадлежать никакому помѣщику, то сіе уже не есть простая вина, но преступленіе; ибо они не повинуются правительству и самовольно хотятъ разрушить его постановленія и законы. 3-е. Сей послѣдній случай можетъ имѣть два обстоятельства: первое, едва ли возможное, что крестьяне сами собою, безъ всякаго посторонняго внушенія, впали въ буйство; второе, болѣе вѣроятное, что они разными соблазнительными средствами доведены до сей дерзости неповиновенія. Въ обоихъ случаяхъ они суть государ-

*) Какъ то можно отчасти усмотрѣть въ сихъ Домашнихъ Запискахъ изъ описанія, подъ названіемъ: дѣло достойное примѣчанія (стр. 109—134).

ственные преступники, бунтовщики; но послѣдній случай, яко истекающій изъ источника еще дальнѣйшаго, требуетъ обращенія на него особеннаго вниманія и принятія противъ него цѣлительныхъ мѣръ, которыя долженствуютъ состоять въ исторженіи корня сего нравственнаго зла; ибо оное подобно дереву, отъ порубленія нѣкоторыхъ вѣтвей его не перестанетъ, при цѣлости корня, по прежнему цвѣсти и приносить плоды. Основываясь на сихъ разсужденіяхъ, почитаю я, что употребляемое обыкновенно для сего средство, посылать военную команду, для жительства между ими, не можетъ достигать желаемой цѣли; ибо военная команда, какъ мы уже сказали, разоряетъ только ихъ, умножаетъ ихъ огорченіе, не освѣдомляясь о началахъ сего зла, и не препятствуя существовать тѣмъ же тайнымъ внушеніямъ, отъ которыхъ пришли они въ сей соблазнъ. Для сего надлежало бы, какъ мнѣ кажется, по узнаніи впаденія ихъ въ сіе буйственное заблужденіе, послать къ нимъ напередъ, безъ всякой огласки, одного или двухъ избранныхъ людей, дабы они тихимъ и скромнымъ образомъ вывѣдали изъ нихъ, чего они хотятъ, и кто внушилъ имъ сіи мысли. Такимъ образомъ узнавъ отъ нихъ самихъ о началѣ и причинахъ сего водворившагося между ими своевольства и духа непокорности, надлежитъ, послѣ сего перваго освѣдомленія, собрать ихъ и съ кротостію потребовать, чтобъ они гласно и прямо объявили: въ чемъ состоитъ ихъ желаніе, почему не помышляли они о томъ прежде, и отъ чего нынѣ родилось оно въ нихъ? Отвѣтъ ихъ опредѣлитъ, какъ съ ними поступить должно. Естьли, по собственному ихъ объявленію, желаніе или требованіе ихъ окажется дѣйствительно преступнымъ, и они, не внимая никакимъ увѣщаніямъ, пребудутъ въ немъ упорны, тогда безъ всякихъ угрозъ и гнѣва прочитать имъ громко и внятно законы, предписывающіе наказанія бунтовщикамъ. По семъ оставить имъ нѣсколько дней на размышленіе, объявя что, по прошествіи сего срока, прислана будетъ къ нимъ воинская команда, и естьли найдетъ ихъ еще непослушными, то поступятъ съ ними по силѣ законовъ. Ежели всѣ сіи кроткія мѣры не подѣйствуютъ, то со всею строгостію надъ главными изъ нихъ, или болѣе дерзновенными, совершить законное наказаніе, оставя прочихъ на свободѣ съ подтвержденіемъ, что естьли впредь окажется между ними подобное же упрямство и нехотѣніе повиноваться, то снова подвергнутся они тому жъ самому наказанію. При семъ дѣйствіи правосудія, надлежитъ строго наблюдать, что ежели откроются и достовѣрно уличатся какіе либо тайные соблазнители ихъ, то они первые предъ глазами

ихъ жестоко наказываются; и обо всемъ томъ гласно возвѣщается, дабы всякъ и вездѣ зналъ, что законы сильны и должны обуздывать дерзость. При подобныхъ приключеніяхъ, скрытность наказанія показываетъ нѣкую нетвердость или робость, больше ободряющую, нежели устрашающую. Пощада преступникамъ, закоснѣлымъ въ злодѣяніяхъ, а особливо потачка наставникамъ, вовлекающимъ невинность въ гнуснѣйшіе пороки, есть тайно уготовляемая для честныхъ и добрыхъ людей казнь.

ПРИБАВЛЕНІЕ.

(Изъ „Чтеній въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ." 1858, кн. 2-ая, Смѣсь, стр. 180—182.)

МНѢНІЕ

о представленномъ въ комитетъ господъ министровъ проэктѣ и уставѣ, при коемъ испрашивается утвержденіе общества, подъ названіемъ

СОРЕВНОВАТЕЛЕЙ ПРОСВѢЩЕНІЯ И БЛАГОТВОРЕНІЯ [1]).

1. Попеченіе объ отечественномъ языкѣ и одобреніи талантовъ есть конечно важный предметъ, на который всѣ благоустроенныя Правительства обращаютъ свое вниманіе. А потому, дабы сіе попеченіе дѣйствительно служило къ распространенію истиннаго просвѣщенія и познаній, обыкновенно ввѣряется оное не всякимъ, согласившимся между собою людямъ, но избранному обществу, подъ названіемъ „Академіи." Такимъ образомъ основана Россійская Императорская Академія. Сперва названы были самою Императрицею (Екатериною Второю) извѣстныя и знаменитыя тогда особы, которыхъ санъ, знанія, образъ мыслей, заслуги, таланты, опытность заслуживали всякую и общую всѣхъ къ себѣ довѣренность и почтеніе. Послѣ сего первоначальнаго и твердаго основанія, поручено уже было сему избранному обществу избирать въ сотоварищи свои другихъ членовъ, наблюдая положенное число. На семъ же самомъ основаніи, Россійская Академія, утвержденная Государемъ Императоромъ, продолжаетъ и нынѣ существовать.

[1]) Мнѣніе это должно быть отнесено къ 1816—1818 г. г., ибо въ 1816 г. составилось въ Петербургѣ Вольное Общество Любителей Россійской Словесности, а съ 1818 г. оно начало издавать журналъ, подъ заглавіемъ Соревнователь Просвѣщенія, выручка съ котораго шла на вспомоществованіе нуждающимся литераторамъ и художникамъ. Предсѣдателемъ Общества, въ 20-хъ годахъ, былъ Ѳ. Н. Глинка.

2. Въ представленномъ Проэктѣ объ утвержденіи новаго *Общества*, подъ названіемъ *Соревнователей просвѣщенія и благотворенія*, отнюдь не такія начала. Здѣсь не видно, что сіи люди, кѣмъ избраны, какія ихъ достоинства, заслуги, знанія, и по какому праву требуютъ они поручить имъ порученное уже Академіи попеченіе о пользахъ языка и словесности? Всякъ можетъ называть себя знатокомъ языка и соревнователемъ просвѣщенія, но надлежитъ, чтобы и другіе знали, кто онъ такой, что сдѣлалъ, и подлинно ли заслуживаетъ сіе имя, которое самъ себѣ даетъ. Въ Проэктѣ ни чьихъ именъ не названо, и потому какъ о семъ судить? Но между тѣмъ желаніе Общества быть прежде утвержденнымъ, нежели извѣстнымъ, есть желаніе весьма несправедливое и едва ли позволительное.

3. Общество сіе называетъ себя уже и прежде существовавшимъ подъ именемъ *любителей словесности*, объясняясь, что оно испросило у г. Санктпетербургскаго военнаго генералъ-губернатора дозволеніе собираться одинъ вечеръ въ недѣлю, для чтенія и разбора своихъ сочиненій. Такое дозволеніе было справедливо, и никогда подобныя собранія не воспрещаются; но собираться охотникамъ, для чтенія и разбора своихъ сочиненій, есть совсѣмъ не то, что быть уставленнымъ отъ Правительства Обществомъ, для наблюденія пользъ языка и словесности, то есть, быть Академіею.

4. Въ Уставѣ Общества Соревнователей предполагаются всѣ тѣ знанія и должности, какія существенно относятся къ Россійской Академіи: такъ обязанность прилагать трудъ объ утвержденіи правилъ языка, тоже стараніе о издаваніи нужныхъ для сего книгъ, тожъ попеченіе о наградѣ и ободреніи трудовъ и талантовъ. И такъ это будетъ вторая Академія, соперница, или противница, или разрушительница первой. Ибо естьлибъ не такое было ея намѣреніе, то бы она не имѣла причины раздѣляться съ нею и отъ ней особиться. Но, не говоря уже объ экстренномъ нѣкоемъ началѣ сей новой Академіи (какъ выше объяснено), ни о томъ, по какому праву сія вторая, изъ неизвѣстныхъ лицъ состоящая, Академія почитаетъ себя лучше прежней, давно уже основанной, я вопрошу только: полезно ли, не только въ одномъ царствѣ, но даже въ одной и той же столицѣ, для языка и словесности, двѣ Академіи? Мнѣ кажется, худо, когда нѣтъ ни одной, но еще несравненно хуже, когда ихъ много. Къ чему сей между ими разрывъ и противоположность? Развѣ для того, чтобъ это были не Академіи, но партіи, одна другой враждующія и про-

тивор͡ѣчущія. Полагаютъ ли, что между писателями и стихотворцами нѣтъ пристрастій, самолюбія, кривыхъ толковъ, заблужденій, невѣжества? Доброе для нихъ, но, по несчастію, не оправдываемое опытами мнѣніе! На то ли двѣ, или много Академій, чтобъ завелись между ими такія же колкости и брани, какія, къ сожалѣнію и ко вреду, бываютъ иногда между журналистами и частными писателями? Довольно и отъ сихъ терпитъ языкъ, страдаетъ словесность, помрачается просвѣщеніе; что же будетъ, когда тожъ самое заведется между Академіями, изъ которыхъ каждая, домогаясь особаго себѣ покровительства, станетъ вопіять: я утверждена отъ Правительства! Въ такомъ случаѣ обыкновенно благоразумнѣйшая сторона принуждена бываетъ, потуша въ себѣ всякое къ пользѣ усердіе, уступить той, у которой не голова лучше, но языкъ дерзновеннѣе. Отъ сего, кажется, просвѣщеніе не соберетъ себѣ хорошихъ плодовъ.

5. Общество Соревнователей предполагаетъ завести типографскій домъ, содержать оный, печатать книги, награждать ученыхъ людей единовременными и постоянными наградами (т. е. пенсіями), и по смерти ихъ производить оныя ихъ вдовамъ и дочерямъ, и, сверхъ сего, имѣть воспитанниковъ подъ названіемъ *питомцевъ сего Общества.* Прекрасныя обѣщанія, обширныя обязанности, требующія продолжительныхъ попеченій и великаго капитала! Откуда же полагается составить оный и основать ежегодно сіи немалочисленные расходы? Отъ продажи журнала и театральныхъ пьесъ, которыя симъ Обществомъ сочиняемы будутъ! Да позволятъ мнѣ усомниться въ твердости сего весьма зыбкаго основанія, а потому и въ прочности устрояемаго на немъ зданія. Давно уже извѣстна сія истина, что *сказать и сдѣлать* суть совсѣмъ разныя вещи.

6. Можетъ быть скажутъ, что *Бесѣда любителей Рускаго слова* такимъ же образомъ составлена. Отнюдь нѣтъ! Бесѣда, первое, составлена была изъ попечителей, предсѣдателей и членовъ названныхъ, и, слѣдовательно, зная имена ихъ, можно было напередъ судить о степени довѣренности, какую они заслуживаютъ. Второе, Бесѣда не присвояла себѣ никогда правъ Академіи, и большою частію состояла изъ ея членовъ, которые иначе не согласились бы въ двухъ мѣстахъ одно и тоже дѣлать. Вся цѣль ея была только та, чтобъ читать передъ публикою (чего Академія дѣлать не могла) избранныя произведенія писателей, доставляя имъ чрезъ то ободреніе и пріятность публикѣ, въ которой старалась она распространять вкусъ и охоту къ отечественной

словесности. Бесѣда не искала быть второю Академіею и не входила въ ея должности, зная. что опредѣленіе правилъ языка требуетъ осторожныхъ и основательныхъ разсужденій. Ложная мысль въ стихахъ, или въ иныхъ какихъ краснорѣчивыхъ сочиненіяхъ, не приноситъ вреда, пропускается безъ вниманія; но ложные толки объ языкѣ заводятъ въ заблужденіе многихъ и потрясаютъ основанія языка, на которомъ утверждается и словесность и просвѣщеніе. Бесѣда въ одномъ токмо случаѣ сходствовала съ Обществомъ Соревнователей, а именно: она основывала надежду приходовъ своихъ на тѣхъ же самыхъ расчетахъ, т. е. на общей складкѣ и на продажѣ сочиненій своихъ, и хотя не помышляла ни о покупкѣ дома, ни о пенсіяхъ ученымъ людямъ, ни о питомцахъ, а думала только о содержаніи своемъ, но и тутъ обманулась, такъ что, по недостатку денегъ и по свойственному всѣмъ таковымъ обществамъ съ начала рвенію, а потомъ охлажденію, разрушилась и упала. Пусть Общество Соревнователей возобновитъ ее, тогда намѣреніе его будетъ дѣйствительно полезно для словесности и просвѣщенія. Но, по несчастію, это не такъ легко сдѣлать, ибо наполнять разными сочиненіями и печатать журналъ можно долгое время, хотя бы никто его не читалъ, или бы не приносилъ онъ никакой пользы, но читать предъ публикою сочиненія есть совсѣмъ иное дѣло: при малѣйшей сухости, не говорю уже худости, сихъ сочиненій, прихотливая публика не надѣется слушать ихъ, и Общество останется пусто. И такъ одно другаго легче, но легкость не есть достоинство, и красныя слова о пользѣ, о соревнованіи просвѣщенію, о благотворительности и проч., часто остаются одними словами безъ дѣла; часто бываетъ тамъ больше дѣла, гдѣ меньше словъ.

7. Академія должна быть одна, нераздѣльна, съ достаточными способами и покровительствомъ; весь кругъ упражняющихся въ словесности людей долженъ соединяться съ нею. Отличающіеся трудами своими входятъ въ ея составъ, другіе ревнуютъ отличаться и войти. Члены избираются согласіемъ всѣхъ членовъ вообще, и слѣдственно достоинство ихъ оцѣняется, сколько возможно, безпристрастнымъ образомъ, а потому всѣ вмѣстѣ заслуживаютъ они довѣренность, которой лишать ихъ и возстановлять изъ неизвѣстныхъ людей другую Академію, кажется мнѣ, ни по какимъ причинамъ не слѣдуетъ: множество Академій произведетъ въ словесности и просвѣщеніи такое же слѣдствіе, какое въ правосудіи произвело бы множество Сенатовъ.

V.

ЗАПИСКИ.

(1824—1826.)

ЗАПИСКИ [1]).

Мая 15 дня 1824 года, наименованъ я министромъ народнаго просвѣщенія [2]).

Тогожъ мѣсяца 25 числа, былъ въ первый разъ у государя, и читалъ ему слѣдующую записку:

„Прошу Высочайшаго позволенія:

„1-е. Поручить мнѣ сдѣлать планъ, какіе употребить способы къ тихому и скромному потушенію того зла, которое хотя и не носитъ у насъ имени *карбонарства*, но есть точно оное, и

---

[1]) Эта часть Записокъ уже два раза появлялась въ печати. Въ первый разъ, эти Записки (1824—1826) были изданы, въ 1863 г., Журналомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, по списку, полученному протоіереемъ М. Я. Морошкинымъ отъ служившаго нѣкогда въ синодѣ чиновника, Алексѣя Андреевича Павлова. Издатели, вѣроятно съ цѣлью не наносить полнаго ущерба законнымъ наслѣдникамъ автора, отпечатали весьма ограниченное число экземпляровъ и не пустили ихъ въ продажу. Во второй разъ, они появились въ 1868 г., въ 3-й книгѣ „Чтеній въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ“ (Отд. II, стр. 1—142). Печатались они по тремъ спискамъ. Въ краткомъ предисловіи, г. О. Бодянскій, упоминая о первомъ изданіи, высказываетъ мнѣніе, что эти Записки, не заключающія въ себѣ ничего запретнаго, должны сдѣлаться достояніемъ всѣхъ, а не однихъ избранныхъ. Мы конечно вполнѣ раздѣляемъ мнѣніе г. Бодянскаго; но, не признавая за нимъ права дѣлиться не принадлежащимъ ему достояніемъ, убѣждены, что почтенное ученое Общество допустило это нарушеніе правъ собственности именно только потому, что „Чтенія,“ по своему характеру, имѣютъ ограниченный кругъ избранныхъ читателей. Для неизбранныхъ же, т. е. для всѣхъ, мы, по праву владѣльцевъ собственноручныхъ Записокъ адмирала Шишкова, назначаемъ настоящее изданіе.

[2]) Причины, вызвавшія паденіе кн. Голицына и назначеніе Шишкова, кроются въ религіозно-умственномъ настроеніи императора Александра. Внѣшнія обстоятельства, которыя предшествовали этой перемѣнѣ, отчасти указаны Шишковымъ ниже, въ этомъ же отдѣлѣ Записокъ. — Шишковъ не сохранилъ въ своихъ рукахъ всѣхъ вѣдомствъ, управленіе которыми было ввѣрено его предшественнику: духовныя дѣла православнаго исповѣданія отошли въ непосредственное вѣдѣніе синода. Кн. Голицынъ остался при главномъ начальствѣ надъ почтовымъ департаментомъ.

уже крѣпко разными средствами усилилось и распространилось, такъ что естьли въ нынѣшнее время не обратить на него бдительнаго вниманія, не взять противъ него должныхъ мѣръ, и попустить ему еще нѣсколько возрастать, то уже силы его ничто не остановитъ.

„2-е. Планъ сей буду я дѣлать медленно, осмотрительно, съ ясными на каждую статью доказательствами, сносясь и совѣтуясь тихо и подъ рукою съ благоразумными и благомыслящими людьми, по духовнымъ частямъ съ духовными, а по гражданскимъ съ гражданскими особами, преданными государю и отечеству. Все сіе, по мѣрѣ возрастанія сего плана, буду я по временамъ предварительно представлять на благоусмотрѣніе Вашего Величества.

„3-е. Для обузданія разврата, разсѣяваемаго въ книгахъ тысячами различныхъ образовъ, не дожидаясь вышеозначеннаго мною общаго плана, нужно какъ наискорѣе устроить цензуру, которая до сего время, можно сказать, не существовала. Сему цензурному постановленію надлежитъ немедленно и прежде всего сдѣлать особый планъ, которымъ, естьли угодно будетъ, я неукоснительно займусь и представлю Вашему Величеству. Потомъ, въ дальнѣйшихъ на то подвигахъ, да поможетъ мнѣ Богъ и Государь."

Его Имп. Вел. принялъ меня милостиво, одобрилъ сіе мое представленіе, и приказалъ мнѣ приступить къ начертанію сихъ плановъ. Послѣ чего подалъ я ему бумагу, прося его въ свободные часы прочитать оную. Бумага сія была слѣдующаго содержанія:

„Всемилостивѣйшій Государь!

„Угодно было монаршей волѣ Твоей, безъ всякаго у меня вопроса и безъ всякаго исканія моего, наименовать меня министромъ народнаго просвѣщенія въ самое многотруднѣйшее время для сего званія. Я повиновался священному гласу Твоему, въ 1812 году, когда врагъ отечества шелъ съ оружіемъ на Россію. Съ тѣмъ же пламеннымъ усердіемъ повинуюсь и нынѣ, когда тайная вражда умышляетъ противъ церкви и престола. Но, Государь, могу ли я, утружденный бременемъ лѣтъ и болѣзнями, стать противу гидры, которую преодолѣть потребны геркулесовы силы! Нравственный развратъ, подъ названіемъ *духа времени*, долго росъ и усиливался. Юноши, воспитанные въ немъ, возмужали, и весьма многіе, больше или меньше, впали въ сіе заблужденіе, подкрѣпляемое неопытностію и самолюбіемъ. Сіе ослѣпленіе, подъ самыми священнѣйшими именами благочестія и человѣколюбія, умѣло вползать въ невинныя сердца и заражать ихъ ядомъ своимъ. Министерство просвѣщенія, не знаю по какимъ причи-

намъ, но явно и очевидно попускало долгое время расти сему злу, и мало сказать попускало, но оказывало тому всякое покровительство и одобреніе. Восемь лѣтъ тому назадъ, въ представленномъ отъ меня государственному совѣту мнѣніи моемъ *о цензурѣ* [1]), говорилъ и доказывалъ я тоже, что говорю теперь. Восемь лѣтъ много времени! Тогда уже плоды сего разврата явно оказывались, не въ тихихъ между собою бесѣдахъ и разговорахъ, но въ печатныхъ книгахъ, издаваемыхъ отъ правительства и разсылаемыхъ въ училищи, для преподаванія по нимъ наставленія юношамъ. Нынѣ сему долговременно продолжившемуся теченію обстоятельствъ, безсомнѣнія принесшихъ уже великіе успѣхи, дѣлается переломъ. Надлежитъ сей широко разлившейся и быстрой рѣкѣ поставить преграду. Сею преградою, симъ оплотомъ, Государь, повелѣваешь Ты быть мнѣ. Смѣю сказать (и Богъ мнѣ въ томъ свидѣтель!), что въ ревности и усердіи моемъ исполнять толь священную волю Твою никому я не уступлю: у насъ, старыхъ людей, по Богѣ Царь! Но опять возвращаюсь къ прежнему: тѣлесныя силы мои слабѣютъ, а съ ними притупляется и зрѣніе и память. Съ сими ли недостатками могу я быть въ толь важномъ подвигѣ дѣятельнымъ воли Твоей исполнителемъ? Чувствую, что самъ собою я слабъ, немощенъ, ничтоженъ. Слѣдовательно, при таковомъ чувствованіи моемъ, надлежало бы мнѣ упасть къ стопамъ Твоимъ и просить о снятіи съ меня сего бремени, котораго я понести не въ силахъ. Но Ты, не спросяя меня, слово Свое изрекъ. Можетъ ли даже и самая старость и слабость моя, при гласѣ Благословеннаго Александра, не воспрянуть и не ободриться? Могу ли святость изреченія Твоего остановить моею неспособностію? Долгъ и благоговѣніе мое воспрещаютъ мнѣ и помыслить о томъ. И такъ, Государь, я повинуюсь Тебѣ, — повинуюсь охотно, вседушно, всеусердно! пріемлю на себя возложенное Тобою бремя! Въ сихъ трудныхъ для меня обстоятельствахъ имѣю я единую надежду на Бога; но позволь мнѣ, Государь, имѣть и другую на Тебя. Поддержи меня могуществомъ Твоей руки; подкрѣпи меня твердостію Твоей воли; просвѣти меня силою Твоего свѣденія и разума! Безъ сего, я буду ничтоженъ, безполезенъ Тебѣ, ненуженъ отечеству, и самому себѣ вреденъ. Я знаю, что, при семъ переломѣ, тысячи очей обращены на меня, и ожидаютъ, какое сдѣлать заключеніе изъ

---

[1]) Мнѣніе это было внесено въ Совѣтъ 17-го іюня 1815 г. (см. стр. 43); слѣдовательно съ того времени прошло не восемь, а девять лѣтъ.

обращенія Твоего со мною: естьли примѣтятъ, что я недоступенъ до Тебя, не могу сообщать Тебѣ мыслей моихъ, не могу пользоваться и руководствоваться Твоими наставленіями, то противная благимъ правиламъ и намѣреніямъ сторона тотчасъ ободрится и станетъ обо мнѣ разглашать: ему ли съ его малосиліемъ удержать наше стремленіе! Она восторжествуетъ и содѣлается дерзновеннѣе прежняго. Я подвергнусь ихъ пронырствамъ и посмѣянію; да и самые благомысленные люди станутъ укорять меня безпечностію, недѣятельностію; и можетъ быть я потеряю имя усерднаго царю и отечеству слуги, имя столь для меня драгоцѣнное, и котораго я ни на какія золотыя горы не промѣняю, ни для какихъ угрожающихъ мнѣ бѣдствій отъ него не отступлюсь. Вотъ, Всемилостивѣйшій Государь, чистосердечное предъ Тобою чувствъ моихъ изліяніе. Не подумай, глава церкви и отечества, чтобъ я, не чувствуя важности Твоихъ занятій и драгоцѣнности Твоихъ часовъ, хотѣлъ обременять Тебя какими либо мелочными докладами или маловажными представленіями; но не возбраняй мнѣ входа съ нужными дѣлами; не отнимай у меня смѣлости обнажать предъ Тобою всю глубину души моей, всѣ мои помышленія, и слышать изъ устъ Твоихъ изреченный на нихъ судъ Твой и волю. Злочестіе и дерзость да увидятъ во мнѣ подъятое на нихъ орудіе Твое, — и усмирятся! Безъ сего я буду слабая трость; и, не взирая на величайшую мою преданность и повиновеніе, принужденъ буду сказать: воля Твоя, Государь! нѣтъ моихъ силъ! — сними съ меня наложенное выше способностей моихъ бремя. Не подумай также, милосердый Монархъ, чтобъ я изъ какой либо корысти или честолюбія искалъ приблизиться къ Тебѣ. Я безъ нихъ прожилъ на свѣтѣ семдесятъ лѣтъ, которые прошли какъ одинъ мигъ. Остатокъ дней моихъ кратокъ: онъ не возродитъ во мнѣ сихъ желаній. Я буду преданъ Тебѣ по гробъ мой; но собственно для меня надобенъ одинъ только Богъ. Прости великодушно сему чистосердечному объясненію моему, и да будетъ со мною Твоя Богомъ внушенная воля!

Вашего Импер. Велич.

вѣрноподданный

А. Ш.

Мая 22 дня, 1824 года.

Тогожъ мѣсяца 31 числа, въ 6 часовъ по полудни, на Каменномъ Острову, былъ я у государя съ докладами. Его вел., принявъ меня милостиво, сказалъ мнѣ, что, по прочтеніи моей

бумаги, всегдашнее уваженіе его къ благороднымъ мыслямъ и чувствамъ моимъ, о которыхъ онъ по опыту знаетъ, не только не уменьшилось, но еще болѣе увеличилось. Я просилъ у него позволенія и впредь объясняться съ нимъ на бумагѣ, потому что въ устныхъ разговорахъ часто, а особливо при моей устарѣлой уже памяти, могу я забывать, о чемъ доложить ему хотѣлъ. Онъ похвалилъ меня за сіе и сказалъ, что это гораздо лучше. Тутъ же, въ слѣдствіе испрошеннаго мною позволенія о сочиненіи плановъ, читалъ я ему слѣдующую бумагу:

О ЦЕНЗУРѢ, ИЛИ РАЗСМАТРИВАНІИ КНИГЪ.

Цензуру полезно устроить на слѣдующемъ основаніи:

1-е. Просмотрѣть цензурный уставъ, нѣтъ ли въ немъ чего выпустить или прибавить; и естьли найдутся какія излишества или недостатки, то исправить, пополнить и вновь издать оный.

2-е. Цензурный уставъ долженъ быть напечатанъ и во всякой типографіи хранимъ, дабы писатели могли заблаговременно знать, какими правилами должны они въ сочиненіяхъ своихъ руководствоваться и чего остерегаться.

3-е. Сей уставъ долженъ быть таковъ, чтобъ, давая свободу и отнюдь не связывая ума и дарованій писателя, служилъ однакожъ къ обуздыванію своевольныхъ и неосновательныхъ мыслей, предписывая о наблюденіи, чтобъ издаваемыя сочиненія были въ правилахъ нравственности, въ правилахъ истиннаго просвѣщенія, никому не обидны, всякому для чтенія или полезны, или по крайней мѣрѣ забавны, но безъ всякаго вреда нравамъ, наукамъ и языку.

4-е. По изданіи цензурнаго устава, надлежитъ избрать шесть или восемь человѣкъ искусныхъ въ словесности цензоровъ, съ хорошимъ содержаніемъ, и поручить изъ нихъ одному философическія, другому историческія, третьему нравственныя книги, четвертому журналы, и такъ далѣе, съ обязанностію, чтобъ каждый изъ нихъ вступающія къ нему по его части книги прилежно отъ доски до доски прочитывалъ, и на всѣхъ сомнительныхъ ему, особливо же несходныхъ съ уставомъ мѣстахъ останавливался и замѣчалъ ихъ, для донесенія министру просвѣщенія, который самъ собою, или, въ случаѣ важности, по совѣту съ верховнымъ цензурнымъ комитетомъ, приказывалъ пропустить или не пропустить ихъ.

5-е. Верховный цензурный комитетъ долженъ состоять изъ шести, или по крайней мѣрѣ изъ пяти особъ, а именно: изъ митрополита или ученаго архіепископа, изъ министра просвѣщенія,

министра полиціи, министра внутреннихъ дѣлъ и министра юстиціи. Можно къ симъ присовокупить и еще однаго изъ государственныхъ людей, имѣющаго достаточныя познанія.

6-е. Комитетъ сей долженъ потребовать отъ святѣйшаго синода, нѣтъ ли какихъ изданныхъ въ свѣтъ противъ православной нашей церкви книгъ, и естьли таковыя книги найдутся и отъ него наименованы будутъ, то, по разсмотрѣніи оныхъ въ комитетѣ, представить государю императору, дабы повелѣно было истребить оныя.

7-е. Образъ сего истребленія долженъ быть слѣдующій: безъ большой огласки отобрать ихъ у всѣхъ книгопродавцевъ, заплатя имъ за оныя умѣренную цѣну, и запретя впредь продавать и перепечатывать. Но какъ таковое отобраніе не можетъ простираться на частныхъ людей, заранѣе купившихъ оныя, то оставить сіе безъ отыскиванія; а дабы уменьшить вредъ приносимый ими, то можно противъ оныхъ издавать другія книги, доказывающія, или осуждающія, или осмѣивающія нелѣпость и безнравственность содержащихся въ нихъ умствованій и ученій.

8-е. Сверхъ наблюденія, чтобъ впредь худыя книги не были издаваемы, и самыя вреднѣйшія изъ нихъ сколько можно истреблены, надлежитъ поручить цензорамъ и всѣ изданныя до сего книги прочитать, съ тѣмъ, чтобъ попадающіяся въ нихъ худыя и безнравственныя мѣста выписывать, указуя и книгу и страницу, на которой таковая мысль или выраженіе встрѣтится. Тогда, по собраніи сихъ выписокъ, верховный комитетъ разсмотритъ ихъ и рѣшитъ, чтобъ, при перепечатываніи сихъ книгъ, негодныя мѣста были изъ нихъ выкинуты, или же и вся книга осуждена не быть никогда возобновленною.

9-е. Верховный цензурный комитетъ имѣетъ право и обязанность призывать къ себѣ тѣхъ писателей, которые подобное что нибудь написали и въ печать издали, или издать хотятъ, и дѣлать имъ замѣчанія, что образъ мыслей ихъ худъ, и чтобъ они впредь отъ изъявленія онаго воздерживались.

10-е. Цензоръ, пропустившій какое либо худое мѣсто, не донеся о томъ цензурному комитету, и не получа отъ него разрѣшенія, отвѣтствуетъ за оное и подвергается наказанію, смотря по важности пропущеннаго имъ мѣста.

11-е. Тожъ самое наблюдается, при издаваніи или перепечатываніи здѣсь иностранныхъ книгъ.

12-е. Министръ просвѣщенія приготовляетъ дѣла и назначаетъ день для общаго засѣданія верховнаго комитета, о мнѣ-

нія и положеніяхъ коего доноситъ государю императору на утвержденіе.

По прочтеніи сей бумаги, е. в. одобрилъ оную во всемъ; и когда я предложилъ ему оставить ее у него, дабы вновь на свободѣ прочитать и посмотрѣть, не найдетъ ли чего убавить, прибавить или замѣтить, тогда онъ спросилъ у меня: — оставилъ ли я у себя списокъ съ ней? и когда отвѣчалъ: нѣтъ, — то онъ приказалъ мнѣ, чтобъ я велѣлъ списать ее для себя, а подлинникъ, писанный моей рукою, отдалъ ему при будущемъ докладѣ.

Іюня 7 числа, въ 6 часовъ пополудни, былъ я въ Царскомъ Селѣ съ докладами у государя, и отдалъ ему слѣдующую бумагу:

„Отъ комитета господъ министровъ поручено было мнѣ и министру внутреннихъ дѣлъ [1]) разсмотрѣть печатной переводъ Госнеровой книги [2]). Разсмотрѣніе сіе внесено въ комитетъ и читано, сего Іюня 3-го числа, вмѣстѣ съ слѣдствіемъ отъ полиціи по сему дѣлу произведеннымъ. Не увлекаясь ни строгостію обвиненія, ни снисходительностію оправданія, но входя, чрезъ соображеніе одного мѣста съ другимъ, въ точный смыслъ и духъ сей книги, невозможно не признать цѣли ея, явно и очевидно состоящей въ томъ, чтобъ, подъ видомъ толкованія Евангельскихъ текстовъ, проповѣдовать низверженіе всякой христіанской вѣры, отвращеніе отъ священныхъ писаній, и позывъ на возстаніе противу всѣхъ первосвященниковъ, всѣхъ вельможъ и царей. Намѣреніе сей книги согласуется со многими другими, изданными уже въ свѣтъ, и со всѣми прочими предпріятыми по сему различными способами и дѣйствіями. Въ вышеозначенномъ слѣдствіи открывается, что директоръ министерства просвѣщенія [3]) самъ поправлялъ ее, самъ прибавлялъ собственныя свои толкованія, въ томъ же точно духѣ, въ какомъ писана сія книга, и, по признаніи оной всѣми за безбожную и зловредную, не перестаетъ и послѣ сего утверждать ее благочестивою и благонамѣренною.

---

[1]) В. С. Ланскому.

[2]) „О Евангеліи отъ Матѳея.“ Объ этой книгѣ, авторѣ и переводчикахъ ея см. въ Русскомъ Архивѣ (1868 г., вып. 9) статьи: „Записка о крамолахъ враговъ Россіи“ и „О пасторѣ Госнерѣ“ (Изъ Записокъ Н. И. Греча); а также въ статьѣ А. Н. Пыпина, „Русское Библейское Общество“ (Вѣстн. Евр. 1868. кн. 8, 9, 11 и 12). — „Разборъ“ ея, сдѣланный Шишковымъ, смотри ниже.

[3]) Василій Михайловичъ Поповъ, одинъ изъ ревностнѣйшихъ послѣдователей хлыстовской секты Татариновой (Зап. о жизни митроп. Филарета, Н. В. Сушкова, стр. 75—78; и въ Чтеніяхъ въ О. И. и Д, 1868, кн. 4-ая, Смѣсь, статья И. П. Липранди „О сектѣ Татариновой,“ стр. 27 и 28).

Когда министерство просвѣщенія не только не отвращало подобныхъ возмутительныхъ ученій и предпріемлемыхъ мѣръ, но старалось даже съ отличнымъ рвеніемъ распространять ихъ; когда оно размножало таковыя правила посредствомъ нарочно выписываемыхъ для сего проповѣдниковъ и миссіонеровъ, какъ въ столицы, такъ и во внутренность государства; когда слѣдственно, при таковой системѣ своей, долженствовало твердыхъ въ вѣрѣ и преданныхъ Государю и отечеству благомыслящихъ людей тѣснить и отдалять, вводя ихъ въ подозрѣніе, дабы себя отъ подозрѣнія и уличенія избавить; когда все сіе дѣлалось и длилось немалое время, — то нельзя никакъ въ великости произшедшихъ отъ того успѣховъ сомнѣваться. Равнымъ образомъ и то невозможно, чтобъ сіи дѣйствія и успѣхи ихъ оставались сокрытыми отъ очей народныхъ. Они, подобно горящему зданію, до тѣхъ поръ не явны, доколѣ малы; но чѣмъ болѣе возрастаютъ, тѣмъ всякому виднѣе становятся, и тѣмъ сильнѣйшее обращается на нихъ вниманіе не только своего, но и чужихъ народовъ, съ тою разностію, что свой народъ, видя домъ свой зажигаемымъ, трепещетъ отъ ужаса, а чужіе народы, при распространеніи огня сего въ сильной, страшной для нихъ державѣ, радуются; ибо на разрушеніи силъ ея создаютъ надежду своего величія. Главнѣйшее и сильнѣйшее потрясеніе царства производится стремленіями къ разрушенію господствующей въ немъ вѣры. Струна сія чрезвычайной важности; она, какъ въ электрическомъ сооруженіи, не можетъ быть тронута безъ послѣдованія за симъ страшнаго удара. Тогда или разрушители вѣры одерживаютъ верхъ — и царство погибаетъ, или народъ, вступясь за вѣру, воспаляется мщеніемъ и проливаетъ кровавые своихъ и чужихъ токи. Оба сіи случая суть бѣдственныя и ужасныя; а потому заблаговременная прозорливость долженствуетъ всѣми способами не допускать до созрѣванія сего волненія умовъ и страстей, разрывающаго всѣ общественныя связи. По сіе время, видя явное въ министерствѣ просвѣщенія покровительство и стараніе о распространеніи противныхъ вѣрѣ толковъ, гоненіе тѣмъ, кои защищали оную, и нѣкое господство надъ самимъ синодомъ, благомыслящіе и твердые въ правилахъ люди, воздыхая, принуждены были молчать, а нетвердые, побуждаясь корыстію и почестями, преклонялись на сторону министерства; но когда сдѣлалось въ немъ неожидаемая никѣмъ перемѣна, тогда вниманіе всѣхъ обратилось на то, что конечно худость направленія умовъ открылась верховной власти, и она приняла мѣры къ обращенію всѣхъ на иной противной сему путь. Зло-

вредность прежняго пути незапною перемѣною сею обнаружилась еще яснѣе, такъ что ропотъ на бывшее министерство сдѣлался общій. Въ сихъ обстоятельствахъ, естественно всѣ обрадовались, ожили, и возложили на Тебя, Государь, несомнѣнную надежду, что Ты предпріялъ твердо истребить корни посѣяннаго зла и возстановить поколебанное спокойствіе. Я увѣренъ въ любви и преданности къ Тебѣ россійскаго народа; онъ твердъ и не зыблемъ въ ней, какъ непотрясаемая ничѣмъ гора; но столько же твердъ и въ вѣрѣ своей православной, утвержденной вѣками. Одно только покушеніе противъ ней можетъ поколебать вѣрность его къ Тебѣ, и разрушить общее благоденствіе. Въ прошедшую войну съ Французами, или лучше сказать со всею Европою, вѣра спасла и вознесла Тебя и насъ. Да не будетъ нынѣ вѣра сія поругана и да не вознесетъ православный на православнаго, и братъ на брата, оружія своего! Боже да сохранитъ отъ сего и помилуетъ насъ!

„Всемилостивѣйшій Государь, прости изліянію сихъ боязненныхъ чувствъ моихъ предъ Тобою. Время и обстоятельства исторгаютъ ихъ изъ души моей. Не настоитъ конечно никакой еще опасности, но и отвращается оная не тогда, когда настанетъ, или усилится. Не ослаби единственной на Тебя надежды Твоихъ вѣрноподданныхъ! Малѣйшій видъ, что Ты попускаешь оставаться прежнимъ дѣйствіямъ и держишь надъ ними руку свою, приведетъ всѣхъ въ сомнѣніе о чистотѣ Твоихъ намѣреній и повергнетъ ихъ въ отчаяніе. Да не падетъ ни малѣйшая пылинка на священное имя Твое! Вотъ страхъ мой. Еще умоляю Тебя, — прости смѣлости моихъ рѣчей и дерзости совѣтовъ: сія смѣлость и сей страхъ не родились бы никогда во мнѣ, естьли бы я не о Твоей всѣмъ нужной, но только о своей ничтожной пользѣ помышлялъ.“

(Сію записку отдалъ я безъ подписанія имени моего, прося какъ и прежде, прочитать ее безъ меня, и примолвя къ тому, что естьли найдетъ онъ въ ней что либо не по мыслямъ своимъ, то простилъ бы моему чистосердечію. На сіе отвѣчалъ онъ мнѣ, что онъ находитъ разсужденія и мысли мои справедливыми, равно какъ и всѣ тѣ бумаги, которыя я въ прежнюю бытность мою при немъ писалъ къ нему. — Предположеніе мое объ учрежденіи цензуры и верховнаго цензурнаго комитета оставилъ я у него.)

Тогожъ мѣсяца 14 числа, ѣздилъ я на Каменной Островъ съ докладами, но не былъ принятъ.

Тогожъ мѣсяца 21 числа, тожъ ѣздилъ я въ Царское Село съ докладами, но не былъ принятъ.

Тогожъ мѣсяца 28 числа, государь былъ отсутственъ.

Іюля 2 числа, писалъ я къ государю слѣдующее:

„Министръ просвѣщенія Шишковъ, по приглашенію графа Аракчеева пріѣхать къ нему въ Грузино [1]), на 5 и 6 число сего мѣсяца, проситъ позволенія въ суботу, то есть 5-го числа, отлучиться туда, послѣ или прежде доклада, какъ ему позволено будетъ."

Сія записка прислана была ко мнѣ обратно съ слѣдующимъ отвѣтомъ, написаннымъ карандашемъ собственною Его Величества рукою: „Весьма согласенъ; и дабы вамъ удобнѣе было ѣхать, я васъ приму съ суботу, въ одиннадцать часовъ утра, *въ Красномъ Селѣ*." (Обыкновенно же докладывалъ я въ 6 часовъ пополудни.)

5-го числа тогожъ мѣсяца, былъ я въ Красномъ Селѣ съ докладами. Государь императоръ между прочимъ изъявилъ мнѣ благоволеніе свое за оставленную у него, іюня 7 числа, записку мою, обѣщая волю свою сдѣлать о семъ гласною. Оттуда отправился я въ Грузино, и пробылъ тамъ до 8-го числа.

10 числа тогожъ мѣсяца, послалъ я къ государю императору слѣдующую записку: „Министръ просвѣщенія, не имѣя никакихъ нужныхъ докладовъ, которые бы не терпѣли времени, а притомъ и опасаясь сдѣлать неблаговременный въ Красное Село пріѣздъ, осмѣливается, по данному ему отъ Вашего Величества позволенію, отложить докладъ свой до 19 числа сего мѣсяца. Впрочемъ онъ былъ у графа Алексѣя Андреевича, въ Грузинѣ; переговорилъ съ нимъ обо всемъ нужномъ; видѣлъ поселенія[2]); и займется приготовленіемъ предположенныхъ бумагъ."

11 числа тогожъ мѣсяца, послалъ я къ графу Аракчееву слѣдующее письмо:

„Милостивый государь, графъ Алексѣй Андреевичъ.

„Первымъ долгомъ поставляю принесть вашему сіятельству мою покорнѣйшую благодарность за пріятные часы, какіе препроводилъ я въ прекрасномъ вашемъ Грузинѣ, за угощеніе меня

---

[1]) Имѣніе гр. Аракчеева въ Новогородскомъ уѣздѣ, тѣсно связавшее свое имя съ именемъ временщика.

[2]) Военныя поселенія по Волхову, послѣ показавшагося удачнымъ опыта (1816 г.) съ баталіономъ гренадерскаго полка гр. Аракчеева, и разселенія затѣмъ двухъ полныхъ пѣхотныхъ дивизій, получили уже въ 1824 году значительное развитіе.

и показаніе мнѣ чудесныхъ красотъ поселенія. По изъявленіи сей моей особенной благодарности, позвольте съ откровенностію поговорить нѣчто о дѣлѣ общемъ. Ваше сіятельство получили уже, или скоро получите, журналъ комитета господъ министровъ о Госнеровской исторіи; въ немъ безсомнѣнія усмотрѣть изволите до какой степени простиралась дерзость проповѣдовать безвѣріе и революцію. Впрочемъ не одна сія книга, но и многія, равно какъ и всѣ дѣйствія къ тому же клонились, такъ что, соображая всѣ обстоятельства, никакимъ образомъ не можно отрицать, чтобъ не было въ томъ явнаго намѣренія. Вся Россія и даже чужія земли это знали и видѣли. Случай съ сею книгою и послѣдовавшая изъ того перемѣна министерства естественно подали поводъ говорить и разсуждать о томъ гласно. Государь императоръ изволилъ книгу сію, какъ злонамѣренную, прислать на разсмотрѣніе въ комитетъ г. г. министровъ. Комитетъ нашелъ ее точно таковою, и сочинитель ея высланъ. За всѣмъ симъ бывшій директоръ министерства просвѣщенія, г-нъ Поповъ, изобличенный не только въ пропускѣ, но и въ поправленіи ея [1]), находитъ и утверждаетъ письменно, какъ книгу сію полезною, такъ и высланнаго сочинителя ея Госнера благонамѣреннымъ человѣкомъ: слѣдственно оглашаетъ сей актъ правительства несправедливымъ. Все сіе всему свѣту извѣстно, ибо дѣло подобной важности не можетъ быть сокрыто, и не можетъ не обращать на себя сильнаго всѣхъ вниманія. Рѣшеніе онаго подастъ поводъ къ заключенію, которая сторона поддерживается; а заключеніе обыкновенно поведетъ къ слѣдствію, къ которой сторонѣ лучше приставать. Хотя всѣ знаютъ государя императора кроткимъ и милосердымъ, однакожъ здѣсь идетъ дѣло о первѣйшемъ преступленіи, то есть о заговорѣ и возстаніи противъ олтаря и престола, о возстаніи весьма ожесточенномъ и твердомъ, которое, не смотря на осужденіе Госнеровой книги самимъ государемъ и комитетомъ министровъ, не хочетъ сознаться въ ея худости, ниже извиниться недоразумѣніемъ своимъ; а потому оставить сего человѣка при прежнихъ его преимуществахъ не можетъ никоимъ образомъ приписано быть кротости и милосердію, но нѣкоему особенному покровительству. Послѣ сего, никакія слова и повелѣнія къ остановленію успѣховъ

[1]) По свидѣтельству Н. И. Греча (Русск. Арх. 1868 г., ст. 1405), тоже замѣшаннаго въ Госнеровское дѣло, въ качествѣ содержателя типографіи, въ которой печатался переводъ книги Госнера, — В. М. Поповъ перевелъ нѣсколько главъ этой книги, когда продолженіе труда остановилось за смертью переводчика, инженеръ-генералъ-маіора Александра Максимовича Брискорна.

зла не могутъ имѣть должной важности и силы; ибо въ подобныхъ случаяхъ обыкновенно смотрятъ на дѣйствія, которыя всегда бываютъ сильнѣе словъ. Бумага, о которой ваше сіятельство говорить мнѣ изволили, не произведетъ послѣ сего никакихъ плодовъ. Сверхъ сего, естьли бы кто послѣ оказался въ подобной же дерзости и преступленіи, то какимъ образомъ, спустя одному, можно будетъ, безъ нарушенія справедливости, наказать другаго? По всѣмъ симъ обстоятельствамъ, хотя отнюдь не желаю я г-ну Попову и никому ни малѣйшаго зла, и не имѣю никакой причины желать, но какъ ненаказанность его бросаетъ нѣкоторую тѣнь подозрѣнія на священное имя государя императора, то въ такомъ случаѣ не могу я щадить и ходатайствовать ни за кого, ни за брата моего, ниже за самаго себя. По крайней мѣрѣ, по моему мнѣнію, надлежитъ лишить его нынѣшняго мѣста[1]) и удалить хотя на нѣкоторое время. Я счелъ за нужное и должное изъявить вашему сіятельству мои мысли и предать ихъ вамъ на судъ. Впрочемъ рѣшеніе и воля государя императора всегда будутъ для меня священны. Съ истиннымъ и совершеннымъ почитаніемъ и преданностію, имѣю честь быть

вашего сіятельства покорнѣйшій слуга

А. Ш.

---

12 числа, я съ докладами не ѣздилъ.

19 числа, ѣздилъ я съ докладами въ Царское Село, но государя тутъ не нашелъ. Онъ возвратился уже поздо, и на другой день приказалъ мнѣ сказать, что онъ и самъ имѣетъ нужду со мной поговорить, но, за отъѣздомъ въ Петергофъ, принять меня не можетъ, и увидится со мною тамъ.

---

21 числа, поѣхалъ я въ Петергофъ, и велѣлъ доложить государю, что я останусь здѣсь, и буду дожидаться, когда ему угодно будетъ меня позвать. 24 числа, великій князь Николай Павловичъ съ супругою своею отправился въ море на кораблѣ Эмгетенъ. Въ бытность мою въ Петергофѣ, обѣдалъ я два раза у императрицы Маріи Феодоровны.

26 числа, государь прислалъ за мною, чтобъ я въ часъ пополудни пришелъ къ нему съ докладами. По окончаніи дѣлъ, разговоръ былъ о Грузинѣ и поселеніяхъ. А какъ, въ бытность мою у графа Аракчеева, объявилъ онъ мнѣ, что записка моя, ко-

---

[1]) Вслѣдъ за своимъ покровителемъ княземъ Голицынымъ, Поповъ перешелъ въ почтовый департаментъ, гдѣ онъ занялъ мѣсто члена совѣта.

торую, іюня 7 дня, оставилъ я у государя, прислана къ нему, и что его величество полагаетъ содѣлать волю свою гласною тѣмъ, чтобъ, при отъѣздѣ своемъ, оставить на имя мое письменное повелѣніе, и препоручаетъ мнѣ написать оное, — то въ слѣдствіе сего приготовилъ и прочиталъ я бумагу слѣдующаго содержанія:

„Къ крайнему сожалѣнію Нашему, примѣчаемъ Мы, что министерство просвѣщенія, отъ самаго начала учрежденія своего, различными дѣйствіями своими, отчасу болѣе уклонявшимися отъ благотворныхъ за нравственностію наблюденій, не соотвѣтствовало распространенію тѣхъ пользъ, какихъ Мы отъ него желали и ожидали. Истинное просвѣщеніе состоитъ въ страхѣ Божіемъ, который есть начало премудрости; въ утвержденіи себя въ православной нашей вѣрѣ, напояющей душу и сердце человѣческое благоговѣніемъ къ Богу, любовію къ ближнему и всѣми нужными для благоденственнаго общежитія добродѣтелями; и наконецъ въ украшеніи ума своего науками, отверзающими путь къ обширнѣйшимъ познаніямъ, къ полезнымъ искуствамъ и художествамъ. Но всѣ сіи стремленія къ обогащенію себя нужными свѣденіями должны основаны быть на кротости и смиренномъ разумѣ, чуждомъ возбуждаемыхъ страстями буйныхъ умствованій, вовлекающихъ въ неистовыя и строптивыя заблужденія. Возносчивый умъ, не сопровождаемый благостію души, мрачнѣе и вреднѣе всякой простоты. Гордымъ противится Богъ, говоритъ божественное слово; но что иное высокопарныя мнимыхъ мудрецовъ мечтанія, какъ не безумная гордость сердца? Она ослѣпляетъ умъ, помрачаетъ разсудокъ и, погашая свѣтъ вѣры и наукъ, ведетъ подъ именами оныхъ въ невѣжество и тьму. Сколько сіи ложныя умствованія, подъ пышнымъ именемъ любомудрія, произвели пагубныхъ для человѣческаго рода слѣдствій! Истинное любомудріе тамъ водворяется, и свѣтъ онаго тамъ свѣтитъ, гдѣ люди руководствуются законами Вышняго и правилами вѣры, пріобрѣтая, по словамъ ея, съ мудростію змѣи беззлобіе голубя; а не тамъ, гдѣ ухищряются они ложными толкованіями превращать духъ кротости въ духъ киченія, и любовь къ общему благоденствію въ любовь къ одному себѣ. Тамъ всегда тяготѣла надъ ними рука Господня; тамъ съ разрушеніемъ порядка и законовъ поднимало лютую главу свою звѣрское безначаліе, и до тѣхъ поръ всѣми ужасами и муками терзало тишину общежитія, доколѣ удрученные до изнеможенія народы, познавъ обманъ и прелесть лжеучителей, не обращались паки къ прежнему благочестію и благо-

устройству. Страшные примѣры сему, въ нѣкоторыхъ странахъ свирѣпствовавшіе, долженствовали бы обуздать и усмирить киченіе ума человѣческаго; но злочестіе столь надменно и злобно, что оно не перестаетъ покушаться разливать повсюду ядовитыя внушенія свои, основывая ихъ частію на жестокости сердецъ, частію же на простотѣ умовъ людскихъ. Хотя Богомъ ввѣренный Намъ христолюбивый народъ россійскій всегда былъ чуждъ сихъ неистовыхъ мнѣній, всегда твердъ въ православной вѣрѣ, всегда вѣренъ престолу и отечеству, и хотя Мы не имѣемъ ни малѣйшаго въ томъ сомнѣнія, но желая предохранить даже и малую часть людей и особливо юношей, могущихъ по неопытности и незрѣлости разсудка прельститься сими соблазнительными лжами, повелѣваемъ вамъ войти въ строгое наблюденіе: не преподаются ли гдѣ въ университетахъ, гимназіяхъ, народныхъ училищахъ и пенсіонахъ, подъ видомъ наукъ, какія либо вредныя ученія; не разсѣяваются ли гдѣ въ свѣтской словесности подобныя же мысли и разсужденія; не выдаетъ ли кто себя за проповѣдника и учителя таковыхъ новизнъ. Однимъ словомъ, вы должны обратить вниманіе свое на всѣ подобныя дѣйствія, равно какъ и на книги, доселѣ изданныя и впредь издаваемыя, отвращая могущій происходить отъ нихъ вредъ всѣми возможными способами, и особливо изобличеніемъ лжемудрованія ихъ, и замѣчаніемъ тѣхъ людей, кои подобное сему въ свѣтъ выпускать, или какими либо иными средствами внушать и распространять покушаются. Для сего представьте Намъ объ учрежденіи новой цензуры, которая бы достаточна была имѣть надъ тѣмъ должный надзоръ. Въ указѣ блаженной памяти императрицы Екатерины Второй, данномъ въ Царскомъ Селѣ, іюля въ 27 день 1787 года, и въ собственномъ Нашемъ, данномъ правительствующему сенату, февраля въ 9 день 1804 года, въ третьемъ пунктѣ изображено: „Что принадлежитъ „до книгъ церковныхъ и вообще къ вѣрѣ относящихся, въ изданіи „ихъ поступать на точномъ основаніи указа 27 іюля 1787 года, „коимъ запрещается въ частныхъ типографіяхъ печатать церков„ныя, или къ священному писанію, вѣрѣ, либо толкованію зако„новъ и святости относящіяся книги: таковыя должны быть печа„таны въ синодальной или иныхъ типографіяхъ, подъ вѣдомствомъ „синода состоящихъ.“ Въ цензурномъ уставѣ, конфирмованномъ Нами тогожъ года 9 іюля, въ 8-мъ пунктѣ, сказано: „Книги и со„чиненія, до вѣры относящіяся, и подлежащія къ печатанію въ „духовныхъ типографіяхъ, должны быть разсматриваемы духовною „цензурою, находящеюся подъ вѣденіемъ святѣйшаго синода и

„епархіяльныхъ архіереевъ.“ Но нынѣ дошло до Нашего свѣденія, что таковыя книги, сочиняемыя и переводимыя съ иностранныхъ языковъ, вопреки вышеупомянутыхъ повелѣній, разсматриваны были свѣтскою цензурою и печатались въ частныхъ типографіяхъ; почему и повелѣваемъ вамъ обратить строгое на то вниманіе, и, по сношенію съ синодомъ, взять противъ распространенія содержащагося въ нихъ разврата должныя мѣры.“

По прочтеніи сей бумаги, государь императоръ изволилъ сказать мнѣ, что она краснорѣчиво и въ хорошихъ правилахъ написана, но что онъ хочетъ еще ее просмотрѣть, и потому приказалъ оставить у себя*). Въ тожъ время прочиталъ я еще слѣдующую отъ имени моего записку:

„Неизвѣстно мнѣ почему министерство просвѣщенія, уклонясь отъ общаго постановленія о министерствахъ, не имѣло у себя ни канцеляріи, ни особаго при ней директора, соединяя онаго въ одномъ лицѣ съ директоромъ департамента. На семъ основаніи, дѣла не могли имѣть порядочнаго теченія и должной отвѣтственности; а по сему испрашиваю позволенія подробнѣе оное разсмотрѣть и впредь о томъ представить.“

На сіе государь изъявилъ свое согласіе.

Августа 2 дня, я съ докладами не ѣздилъ.

---

7 числа, сообщилъ я графу Аракчееву записку слѣдующаго содержанія:

„Доходятъ до меня слухи, повсюду какъ кажется распространившіеся, что будто господамъ губернаторамъ дано тайное повелѣніе: когда духовныя въ епархіяхъ начальства будутъ требовать возвращенія священниковъ, которые, измѣня своему сану и поругавъ олтари, бѣжали, и укрываются между раскольниками, то, не возвращая ихъ, отвѣтствовать духовнымъ начальствамъ, что священники сіи *находятся тамъ, гдѣ имъ быть должно.* О таковыхъ случаяхъ, сказываютъ, есть нѣсколько донесеній въ синодѣ, оставленныхъ безъ вниманія. Не знаю, справедливы ли сіи слухи, но почитаю за нужное въ томъ удостовѣриться; ибо таковое предписаніе, буде оное подлинно дано губернаторамъ, есть величайшій соблазнъ и ободреніе къ отпаденію отъ вѣры и отъ правительства.“

На другой день, графъ Аракчеевъ объявилъ мнѣ, что онъ

---

*) Бумага сія въ послѣдствіе времени осталась безъ всякаго употребленія.

показывалъ записку мою государю, и что о семъ дано уже повелѣніе, чтобъ предписаніе сіе уничтожить.

---

9 числа, былъ я съ докладами у государя, и между прочими дѣлами прочиталъ ему написанную мною слѣдующую бумагу:

„Статъ-секретарь Кикинъ препроводилъ ко мнѣ сочиненную Евстафіемъ Станевичемъ книгу, подъ названіемъ: *Бесѣда на гробѣ младенца о безсмертіи души, тогда токмо утѣшительномъ, когда истина онаго утверждается на точномъ ученіи вѣры и церкви,* съ тѣмъ, чтобъ я по прочтеніи доложилъ о ней Вашему Величеству. Книга сія, по разсмотрѣніи въ духовной цензурѣ архимандритомъ Инокентіемъ [1]), напечатана въ 1818 году и поднесена покойному митрополиту Михаилу [2]) съ слѣдующею надписью:

Преосвященнѣйшій нашъ пастырь Михаилъ!
Колико Богъ мой духъ въ сей книгѣ просвѣтилъ,
Противу ересей писалъ въ такую мѣру.
Владыко! не на даръ, воззри на теплу вѣру.

„Книга сія, по донесенію о ней Вашему Величеству, изображена была нечестивою и противною нашему вѣроисповѣданію и церкви, въ слѣдствіе чего сочинитель ея высланъ изъ города, а книга у всѣхъ отобрана и запрещена. Но сіе донесеніе о ней, никакимъ духовнымъ, ниже свѣтскимъ обществомъ не разсмотрѣнное и не утвержденное, было совершенно несправедливо. Напротивъ, она содержитъ въ себѣ возраженіе противу тѣхъ ложныхъ умствованій, которыя къ поколебанію вѣры, церкви и престола разсѣявались тогда во многихъ сочиняемыхъ и переводимыхъ книгахъ. Сіи различныя ереси, преклоняющія къ отпаденію отъ всѣхъ христіянскихъ добродѣтелей, изобличены въ ней ясно и убѣдительно, почему, какъ думать должно, тѣмъ болѣе и подверглась она несправедливому о ней донесенію и сильному гоненію. Я нахожу ее таковою; но, при всей моей увѣренности, не желаю, чтобъ Ваше Величество основались на одномъ моемъ

---

[1]) Архимандритъ Иннокентій, ректоръ петербургской семинаріи, за одобреніе къ напечатанію книги Станевича, нападавшей на ученія, которымъ сочувствовалъ и слѣдовалъ кн. Голицынъ, подвергся гоненію со стороны послѣдняго: получивъ строжайшій выговоръ, Иннокентій вскорѣ послѣ того былъ удаленъ изъ Петербурга назначеніемъ епископомъ въ Пензу, гдѣ онъ и умеръ 10 октября 1819 г. (Изъ примѣчанія свящ. Морошкина, въ статьѣ Русск. Арх. 1868, вып. 9, ст. 1384: Записка о крамолахъ враговъ Россіи).

[2]) Петербургскій митрополитъ Михаилъ, предмѣстникъ Серафима, умеръ 24 марта 1821, „отъ огорченій, какъ говорили тогда, причиненныхъ ему кн. Голицынымъ“ (См. тамъ же, ст. 1389).

мнѣніи; а потому и осмѣливаюсь просить, не благоугодно ли будетъ приказать препроводить ее къ какой либо духовной особѣ, или въ синодъ, для сдѣланія о ней точнаго заключенія?"

Государь императоръ изволилъ на сіе согласиться. При прощаніи въ сей день со мною (ибо 16 числа сего мѣсяца назначенъ отъѣздъ его) [1]), благодарилъ онъ меня за мои попеченія, а особливо за добрый духъ и справедливость. — Въ слѣдствіе сего доклада, на другой же день написалъ я къ митрополиту [2]) (находившемуся въ сіе время въ Новгородѣ), и отправилъ съ нарочнымъ слѣдующаго содержанія письмо:

„Преосвященнѣйшій Владыко, Милостивый Государь,

„Статъ-Секретарь Кикинъ прислалъ ко мнѣ препровождаемую при семъ книгу подъ названіемъ: *Бесѣда на гробѣ младенца*, и проч., съ объявленіемъ Высочайшей воли, дабы я, по разсмотрѣніи сей книги, доложилъ о ней Его Императорскому Величеству. Въ силу сего повелѣнія, имѣлъ я щастіе докладывать о томъ Государю Императору, по запискѣ моей, которую здѣсь для свѣденія Вашего прилагаю. Его Императорское Величество, по выслушаніи сего доклада, повелѣлъ мнѣ, согласно съ желаніемъ моимъ, препроводить вышеозначенную книгу въ духовное разсмотрѣніе, съ тѣмъ, чтобъ оно, изъявивъ о ней свое мнѣніе, доставило оное ко мнѣ, для представленія Его Величеству. Сообщая о сей Монаршей волѣ Вашему Высокопреосвященству, и ожидая исполненія по оной, съ истиннымъ почитаніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть"

Вашего Высокопреосвященства покорнѣйшій слуга

А. Ш.

Августа 10 дня 1824 года. No. 730.

„P. S. Государь Императоръ изволилъ спрашивать меня, не можетъ ли онъ сего мнѣнія имѣть прежде своего отъѣзда, на что я отвѣтствовалъ ему, что, по полученіи онаго, въ тужъ минуту доставлю Его Величеству."

На конвертѣ написано: „Высокопреосвященнѣйшему Владыкѣ Серафиму, Митрополиту Новгородскому и Санктпетербургскому. Нужное."

[1]) Въ этотъ день государь отправился обозрѣвать восточныя и южныя губерніи; возвратился въ Петербургъ 24-го октября.

[2]) Серафиму, переведенному по смерти митрополита Михаила, изъ Москвы въ Петербургъ, по совѣту гр. Аракчеева. Онъ съ первыхъ же поръ вступилъ въ борьбу съ кн. Голицынымъ и, поощряемый и ободряемый совѣтами гр. Аракчеева, гр. Орловой и архимандрита Фотія, продолжалъ ее до паденія своего противника.

17 числа получилъ я отъ графа Аракчеева слѣдующее письмо:

„Милостивый Государь мой Александръ Семеновичъ.

„Дѣйствительный тайный совѣтникъ Дмитріевъ ходатайствуетъ, чрезъ посредство Статскаго Совѣтника Карамзина, о пожалованіи пенсіона 1200 руб. отставному маіору Измайлову[1]), что усмотрите изъ прилагаемой у сего записки.

„Государь Императоръ Высочайше повелѣть мнѣ соизволилъ получить отъ вашего высокопревосходительства свѣденіе: извѣстенъ ли вамъ оный г. Измайловъ и съ какой стороны; а равно заслуживаетъ ли онъ испрашиваемаго ему пенсіона? Свѣденіе сіе покорно прошу васъ, милостивый государь мой, доставить ко мнѣ, съ возвращеніемъ прилагаемой записки, — въ собственныя руки.

„Имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ
вашего высокопревосходительства покорный слуга
Графъ Аракчеевъ.

„А равномѣрно доставить мнѣ свѣденіе, гдѣ онъ служилъ.“

Царское Село. 15 августа 1824 года.

Его Высокопревосх. А. С. Шишкову.

ЗАПИСКА.

„По ходатайству Ив. Ив. Дмитріева, черезъ Карамзина, 1200 руб. пенсіи отставному маіору Владимиру Васильеву сыну Измайлову (живущему въ Москвѣ), который сочиненіями и переводомъ хорошихъ книгъ пріобрѣлъ извѣстность въ нашей словесности: человѣкъ добрый, умный и бѣдный до крайности.“

Отвѣтъ мой на сіе письмо былъ слѣдующаго содержанія:

„Милостивый Государь, графъ Алексѣй Андреевичъ.

„На письмо вашего сіятельства, отъ 15 сего мѣсяца, имѣю честь отвѣтствовать: въ запискѣ объ отставномъ маіорѣ Владимірѣ Васильевомъ сынѣ Измайловѣ, живущемъ въ Москвѣ, сказано: 1-е, что онъ *сочиненіями и переводомъ хорошихъ книгъ пріобрѣлъ извѣстность въ нашей словесности,* и 2-е, что онъ *человѣкъ добрый, умный и бѣдный до крайности.* Справедливость требуетъ, чтобъ я сіе одобреніе о немъ раздѣлилъ на двѣ части, и о первой изъ нихъ, прямо ко мнѣ относящейся, сказалъ, что хотя г. Измайловъ и упражнялся въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ и переводахъ, но отнюдь не больше и не отличнѣе многихъ другихъ, а потому дать

---

[1]) Владиміру Васильевичу, автору „Путешествія въ Полуденную Россію,“ издателю Вѣстника Европы (1814) и проч.. — Объ этомъ ходатайствѣ см. „Письма Карамзина къ Дмитріеву“ (С. П. Б. 1866.), въ No. No. 327—333.

ему пенсію было бы обидно для прочихъ. Въ подобныхъ случаяхъ, то есть въ наградахъ по словесности, нужно кажется чтобъ, для соблюденія порядка и безпристрастія, представленія о томъ не были дѣлаемы мимо меня, тѣмъ больше, что и самъ я иначе представлять не осмѣлюсь, какъ по оцѣнкѣ трудовъ писателя въ Россійской Академіи и въ Правленіи Училищъ. Инымъ образомъ таковыя награды могутъ, вмѣсто снисканія ихъ достоинствомъ, быть получаемы чрезъ выпрашиваніе и угожденіе. — Чтожъ принадлежитъ до второй части одобренія а именно, что г. Измайловъ *человѣкъ добрый, умный и бѣдный до крайности*, то я, не зная его лично, ни утверждать, ни отрицать сего не могу; впрочемъ какъ сіи качества не подлежатъ той разборчивости въ наградѣ или вспоможенію, какой подлежитъ удостоеніе по словесности, то я и не дерзаю далѣе о томъ распространяться. Ваше сіятельство въ концѣ письма своего спрашиваете у меня, гдѣ онъ служилъ? Я не могъ нигдѣ о семъ справиться, но по видимому онъ служилъ или въ гвардіи, или въ армейскихъ полкахъ, и давно уже отставленъ. Съ истиннымъ и совершеннымъ почитаніемъ имѣю честь быть,“

вашего сіятельства покорнѣйшій слуга
Александръ Шишковъ.

„P. S. Записку при семъ возвращаю.“
20 Августа 1824 года.

Письмо
къ Государю Императору.

„Sire,

„Quelque part que je porte la vue, je ne vois que des pierres d'achoppement et des piéges tendus. Les néologues levant les têtes, et les ultra-mystiques démasqués — tous les deux ennemis jurés du sain et pur Luthéranisme — vient de se reconcilier pour plus facilement faire perdre les étriers à le pauvre évêque. On n'attend pas que le départ de votre Majesté Imperiale pour mettre en oeuvre les pratiques.

„Sire,

„De grâce! n'abandonnez pas un serviteur zélé, qui ne se trouve içi que pour s'avoir donné à Votre Majesté par un dévouement entier. Daignez me mettre à l'abri de la persécution, et ne cachez point Votre face de moi.“

Je suis
Sire
avec le plus profond respect
de Votre Majesté Imperiale,
le plus soumis et le plus zélé serviteur,
l'évêque Evang. Estigneus [1])

St. Pétersbourg, le 12 Aout 1824.

Сіе письмо прислано было ко мнѣ съ изображеніемъ на немъ слѣдующихъ собственною его величества рукою написанныхъ словъ: „Скажите Епископу, что я получилъ его письмо въ самую минуту отъѣзда, и потому не былъ въ возможности его видѣть. По возвращеніи же моемъ, я его непремѣнно приму. До того же времени, чтобы онъ откровенно съ вами объяснился; васъ же прошу, дать ему всю надлежащую защиту. Онъ человѣкъ благомыслящій. Романшино. Августа 16 ч. 1824 года."

Получено на третій день.

ПИСЬМО КЪ ГРАФУ АРАКЧЕЕВУ.

„Милостивый Государь, графъ Алексѣй Андреевичъ.

„Почитая себя въ обязанности, по долгу вѣрноподданнаго, откровенно говорить Государю Императору, я тожъ дѣлаю и съ вашимъ сіятельствомъ по уваженію моему къ вамъ, и зная, что вы ему и отечеству преданы. Ваше сіятельство не безъизвѣстны о поданныхъ мною Его Величеству бумагахъ, въ которыхъ между прочимъ главнѣйше просилъ я: 1-е, объ учрежденіи цензоровъ и верховнаго цензурнаго комитета, и 2-е, о рескриптѣ на мое имя, дабы по изъявленной мнѣ волѣ Монаршей могъ я имѣть твердый голосъ и свободу дѣйствовать, соотвѣтственно возложенной на меня должности.

„Обѣ сіи вещи необходимо нужны, естьли хотѣть остановить и не дать далѣе распространяться долго укоренявшемуся и напослѣдокъ открывшемуся злу; ибо безъ того я буду связанъ, безсиленъ воспротивиться оному; и тогда все пойдетъ по прежнему. Въ доказательство тому препровождаю къ вашему сіятельству Московскія Вѣдомости, въ которыхъ изволите увидѣть, подъ

---

[1]) Евангелическій епископъ Сигнеусъ былъ однимъ изъ вицепрезидентовъ русскаго библейскаго общества. Изъ этого письма (переданнаго нами въ томъ видѣ, какъ оно записано Шишковымъ) видно, что онъ не былъ чуждъ борьбѣ, ознаменованной паденіемъ Голицына и закрытіемъ Библейскаго Общества.

статьею: *Москва, 27 Августа,* выписку изъ журнала засѣданія московскаго комитета библейскаго общества, гдѣ успѣхи онаго превозносятся, и въ слѣдъ за сею статьею возвѣщается о церковныхъ книгахъ, продаваемыхъ отъ библейскаго общества *на славенскомъ, одномъ рускомъ* и *славено-рускомъ* языкѣ. Дѣлаются воззванія о семъ; и въ противность всякаго понятія о старообядцахъ, не терпящихъ ни малѣйшаго измѣненія въ библейскихъ текстахъ, возглашается, что они съ радостію раскупаютъ и читаютъ Новый Завѣтъ *на рускомъ языкѣ,* и сей языкъ, какъ будто бы нѣкій особый, названъ *ихъ природнымъ!* Таковая преимущественная предъ настоящими христіянами похвала *старообрядцамъ,* то есть раскольникамъ, и увѣреніе, что руской языкъ имъ особенно природенъ, есть явная и совершенная ложь, очевидно для того только проповѣдываемая, чтобъ возвысить расколы и уничижить тотъ языкъ, на которомъ въ церквахъ производится служба и читается Евангеліе. Сіи статьи печатаются въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, спустя три мѣсяца послѣ перемѣны министерства народнаго просвѣщенія, и тогда, когда въ Петербургѣ ничего о библейскихъ обществахъ не упоминается. Возможно ли Московскому Архіепископу [1]) не знать о сихъ расположеніяхъ, и безъ особаго намѣренія допускать до подобнаго обнародованія статей, прежній духъ и прежнее стремленіе къ потрясенію общаго спокойствія обнаруживающихъ? Но сего еще мало. На второмъ приложенномъ при семъ листкѣ Московскихъ Вѣдомостей ваше сіятельство усмотрите публичную продажу книгъ, изъ которыхъ главную часть, яко противныхъ всякой христіянской вѣрѣ и возмутительныхъ противъ правительствъ, надлежало бы истребить. Нѣкоторыя изъ нихъ были уже запрещены, но опять появились. Такъ пронырливое злонамѣреніе будетъ всегда стараться возставать и вновь усиливаться, естьли твердою рукою отъ покушеній своихъ не удержится! Мнѣ поручено министерство просвѣщенія; но какое просвѣщеніе можетъ быть тамъ, гдѣ колеблется вѣра? Естьли библейскія общества будутъ по прежнему существовать и, проповѣдуя пользу и распространеніе въ христіянскомъ государствѣ христіянства, въ самомъ дѣлѣ умножать токмо

---

[1]) Филарету, переведенному изъ ярославской епархіи въ московскую, при перемѣщеніи митрополита Серафима въ Петербургъ (1821). Филаретъ былъ въ тѣсныхъ дружескихъ связахъ съ кн. Голицынымъ; въ Библейскомъ Обществѣ онъ былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ: когда произошла перемѣна въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, сильно хлопотали объ удаленіи его изъ Москвы въ Грузію. (Записки о жизни Филарета, Н. В. Сушкова, стр. 106.)

ереси и расколы; естьли церковныя книги, для того чтобъ уронить важность ихъ, будутъ съ высокаго языка, сдѣлавшагося для насъ священнымъ, переводиться невѣдомо кѣмъ и какъ на простонародной языкъ, какимъ говоримъ мы между собою, и на театрѣ; естьли, при распространеніи таковыхъ переводовъ (развѣ для того токмо нужныхъ, чтобъ со временемъ не разумѣть церковной службы, или чтобъ и обѣдни служить на томъ языкѣ, на какомъ пишутся комедіи), еще сверхъ того съ иностранныхъ языковъ, вмѣсто нашихъ молитвъ и Евангельскихъ нравоученій, переводиться будутъ такъ называемыя духовно-философическія, а по настоящему ихъ смыслу карбонарскія и революціонныя книги; естьли, говорю, все это продолжаться будетъ попрежнему, то я министромъ просвѣщенія быть не гожусь; ибо, по моему образу мыслей, просвѣщеніе, неоснованное на вѣрѣ и вѣрности къ государю и отечеству, есть мракъ и вредное заблужденіе. Предположенія мои, какія имѣлъ я щастіе къ отвращенію сего представлять Государю Императору, всѣ одобрены были Его Величествомъ, но вѣроятно за отъѣздомъ его не могли быть произведены въ дѣйство. Между тѣмъ книги, сѣющія безвѣріе и развратъ, продолжаютъ перепечатываться и публично продаваться. Духовенство знаетъ объ нихъ, и не только молчитъ и не отвращаетъ сего зла, — но многіе ново-воспитанные священнослужители (кромѣ нѣкоторыхъ истинно усердныхъ и благочестивыхъ), подъ личиною вѣры, споспѣшествуютъ ему. Когда одинъ человѣкъ, произносящій на площади возмутительныя слова, вреденъ и опасенъ, то книги, распущенныя тысячами по училищамъ и по всему пространству Россіи, несравненно вреднѣе и опаснѣе. Долгъ мой и присяга требуютъ, чтобъ я не давалъ возобновляться тому, что доселѣ потрясало всю нравственность и благочестіе; но я не разрѣшенъ на то гласною волею Государя; не имѣю повелѣнія употреблять всевозможные способы къ потушенію сего тлѣющаго огня; и слѣдовательно противъ совѣсти моей, и нарушая по моимъ понятіямъ вѣрность къ Богу и Царю, долженъ, видя раздуваніе сихъ искръ, молчать и быть только по имени, а не по дѣйствію министромъ просвѣщенія. Такое положеніе почиталъ бы я для себя хорошимъ, естьлибъ думалъ, что духъ времени взялъ силу, что головой стѣну не проломишь, что мнѣ остается не долго жить, что я бездѣтенъ, что на моемъ вѣку ничего не случится, и что между тѣмъ, покамѣстъ я поживу, могу попользоваться честію и преимуществами, сопряженными съ моимъ званіемъ. Но что мнѣ дѣлать, когда я совсѣмъ не такъ думаю, когда совѣсть моя го-

ворить мнѣ: помни, что ты обязанъ служить вѣрно государю и отечеству, что дашь въ томъ Богу отвѣтъ, и чѣмъ ты старѣе, тѣмъ меньше это забывай; и лучше навлеки на себя гнѣвъ за правду, нежели милость за неправду? Иногда я самъ себя испытую и думаю: не излишно ли я забочусь? не увеличиваю ли вещи? не хлопочу ли о какой излишней, ненужной гласности, безъ которой можно обойтиться[1]? — Но вижу, что не одинъ я такъ думаю. Изъ приложеннаго при семъ въ С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ перевода изъ иностранныхъ вѣдомостей, подъ статьею: *Франкфуртъ, отъ 25 Августа*, ваше сіятельство усмотрите, какою важностію почитаетъ и съ какою гласностію говоритъ о семъ австрійскій императоръ (тожъ и прусскій король). Между тѣмъ я не безъ основанія полагаю, что Германія, при тѣхъ строгихъ и рѣшительныхъ мѣрахъ правительства, какія въ ней оглашаются, должна меньше быть заражена тѣми духовными и *политическими сектами*, противъ которыхъ она вопіетъ, и которыя у насъ отъ необуздыванія ихъ усиливаются. И такъ, соображая всѣ сіи обстоятельства, я отнюдь не могу себя упрекнуть какими либо въ словахъ и представленіяхъ моихъ необдуманностями. Посему смѣю ласкаться, что ваше сіятельство обратите на то свое вниманіе, и не отречетесь въ толь важномъ и затруднительномъ дѣлѣ подкрѣплять меня и подавать мнѣ руку помощи; ибо я самъ собою слабъ, и бездѣйственность моя, продолжаясь далѣе, скоро противною правиламъ моимъ стороною сочтена будетъ за невозможность поставить ей оплотъ и обращена мнѣ въ посмѣяніе. Тогда, не сдѣлавъ ничего полезнаго, лишусь я и того добраго имени, которое долговременностію моей жизни и службы пріобрѣсть могъ. Я счелъ за нужное обо всемъ ономъ вашему сіятельству сообщить и предать на собственный вашъ судъ. Съ истиннымъ почитаніемъ и совершенною преданностію, имѣю честь быть"

вашего сіятельства покорнѣйшій слуга

А. Ш.

13 сентября 1824 года.

ПИСЬМО КЪ НЕМУ ЖЕ.

„Милостивый Государь, Графъ Алексѣй Андреевичъ.

„Въ слѣдъ за донесеніемъ моимъ о библейскихъ обществахъ, превозносимыхъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, почитаю долгомъ

---

[1]) Подъ словомъ гласность, Шишковъ разумѣетъ здѣсь конечно оглашеніе, посредствомъ рескрипта на его имя, образа мыслей верховной власти о лжеученіяхъ, „сѣющихъ развратъ и безвѣріе," и порученія министру просвѣщенія противодѣйствовать ихъ распространенію.

увѣдомить ваше сіятельство о присланныхъ сюда отъ Госнера на нѣмецкомъ языкѣ стихахъ съ нотами для распѣванія оныхъ [1]). Прилагаю при семъ сдѣланный съ нихъ переводъ, изъ котораго можно усмотрѣть съ какимъ неслыханнымъ злочестіемъ, твердя о Христѣ Спасителѣ, разумѣетъ онъ подъ нимъ своего Христа, или лучше сказать антихриста, и соединяя въ себѣ предательство Іюдино съ хитростію змія, прельстившаго Адама, думаетъ, что для единомышленниковъ своихъ онъ говоритъ довольно ясно, а для другихъ, не совсѣмъ еще обращенныхъ, или истинно вѣрующихъ, прикроетъ смыслъ словъ своихъ, отводящихъ отъ православной вѣры, употребленіемъ имени Іисуса Христа. Скрывая такимъ образомъ настоящую свою цѣль, превращаетъ имена: сектаторовъ своихъ называетъ христіянами, а истинныхъ христіянъ —врагами Божіими. Вся стихотворная пѣсня его состоитъ въ сей хитрости. Въ семъ смыслѣ, подразумѣвая изгнаніе свое изъ Россіи, называетъ онъ *малое стадо* свое (то есть отторженное уже ложными его поученіями отъ истиннаго вѣроисповѣданія) *осиротѣлымъ,* а себя, *пастыря* ихъ, *пораженнымъ.* Но продолжая утѣшать и ободрять къ терпѣнію и вѣрности, говоритъ: *„Іисусъ Христосъ да благословитъ тебя, о малое стадо! Каждое сердце да стремится достигнуть вящей твердости!“* Потомъ, презирая актъ правительства, изгнавшій его отселѣ, и надѣясь на оставшихся къ нему приверженцовъ, съ дерзостію возглашаетъ: *„Сатана хотя и великимъ исполненъ гнѣвомъ, но силы его малы.“* И поощрая ихъ къ тому, чтобъ не покидали своей секты, прибавляетъ: *„Знаете ли, что есть лучшее для стадъ осиротѣлыхъ? то что, вопреки козни вражіей, они пребываютъ цѣлы.“* А дабы, отдѣляя ихъ отъ истинныхъ христіянъ именемъ *немногихъ,* подать имъ надежду, что они вскорѣ умножатся, проповѣдуетъ имъ: *„Малая церковь Іакова, радуйся! онъ* (то есть ихъ Христосъ) *тебя избралъ, и вѣчно о тебѣ промышляетъ, чтобы тебѣ ни въ чемъ не было скудости. Вѣруй только несомнѣнно, что онъ тебя знаетъ, о малое, осиротѣлое стадо! и что онъ тебя своимъ называетъ, блаженное собраніе вѣрныхъ! — Сердечному благоволенію того, который миліоны сердецъ объемлетъ своимъ сердцемъ, поручилъ я тебя, о ты награда его болѣзней!“* Впрочемъ, чтобъ утѣ-

[1]) Изгнанный изъ Россіи, Госнеръ сначала жилъ въ Берлинѣ, а потомъ переѣхалъ въ Лейпцигъ, гдѣ сталъ издавать благочестивыя книжки; составленныя имъ тогда „драгоцѣнныя Goldkörner“ предназначались исключительно для петербургскихъ его почитателей. (Вѣстн. Евр. 1868. XI. стр. 272. „Русское Библейское Общество,“ ст. А. Н. Пыпина.)

шить ихъ въ своемъ отсутствіи и обнадежить въ возвращеніи, говоритъ: *„Приходитъ мнѣ иногда на мысль, когда бы можно было намъ опять быть съ вами. Прежде, нежели думаете, будемъ васъ привѣтствовать. Тогда будемъ мы въ соединеніи; и въ немъ вѣчно останемся; ибо туда не смѣетъ проникнуть врагъ, которой бы могъ насъ выгнать."* — Здѣсь уже безъ всякаго иносказанія и загадокъ сочинитель явно мысль свою обнаруживаетъ, и наконецъ присовокупляетъ, что онъ *всего имъ описать не можетъ*, а *предоставляетъ чувствовать*, и заключаетъ подкидное посланіе свое слѣдующими словами: *„За симъ, любезные, прощайте! живите въ спокойствіи и мирѣ, въ веселіи и радости, хотя мы и разлучены съ вами."* — Господинъ оберъ-полицмейстеръ [1]), сообщившій мнѣ сіи стихи съ нотами (полученные мною потомъ и отъ графа Милорадовича) [2]), сказывалъ, что ихъ привезено до сорока экземпляровъ. Попеченіе его о семъ дѣлаетъ ему великую честь; но ежели открыты будутъ ворота къ провозу сихъ вещей, то не достанетъ у него силъ къ открытію и остановленію сихъ умысловъ и покушеній. Сверхъ сего военный генералъ-губернаторъ сообщилъ мнѣ извѣщеніе о нѣкоторой финской сектѣ, здѣсь въ столицѣ и въ окресностяхъ ея издавна распространившейся, и нынѣ продолжающей свои сходки, для отправленія своихъ сумазбродныхъ обрядовъ, вредныхъ толковъ и соблазнительныхъ дѣйствій [3]). Все сіе вмѣстѣ и множество другихъ, тотъ же духъ показывающихъ обстоятельствъ, хотя не прямо относится къ моему званію, но имѣетъ тѣсную съ нимъ связь; ибо гдѣ сѣется развратъ, тамъ никакія сѣмена просвѣщенія не прозябнутъ. Кромѣ того, преданность моя къ Государю и отечеству не позволяютъ мнѣ, видя размноженіе стремящихся къ разрушенію спокойствія замысловъ, молчать и не помышлять о способахъ къ ихъ пресѣченію. Вотъ причина, по которой я письмами моими васъ утруждаю, оставаясь всегда при тѣхъ мысляхъ, что пора, пора принять противъ нихъ рѣшительныя, твердыя, гласныя мѣры, и что одно свѣденіе объ нихъ, безъ изъявленія строгаго къ исторженію ихъ ополченія, послужитъ только къ ободренію и умноженію ихъ дерзостей, которыя естьли заблаговременно не уймутся, то и унять ихъ будетъ трудно. Впрочемъ я разумѣю подъ рѣшительными мѣрами не преслѣдованіе и наказаніе тѣхъ лицъ, кои могутъ открыться виновными (ибо сіе также по множеству ихъ можетъ

---

[1]) Дмитрій Ивановичъ Шульгинъ.

[2]) Петербургскій военный генералъ-губернаторъ.

[3]) Объ этой сектѣ см. ниже, докладъ 9 ноября.

быть неудобно), но предавая прошедшее забвенію, дать знать, что впредь малѣйшія къ тому поползновенія будутъ подвергаться законному осужденію. — Съ истиннымъ почитаніемъ и совершенною преданностію, имѣю честь быть"

вашего сіятельства покорнѣйшій слуга

А. Ш.

19 сентября, 1824 года.

ОТВѢТЪ ГРАФА АРАКЧЕЕВА НА ПЕРВОЕ МОЕ ПИСЬМО.

„Милостивый Государь, Александръ Семеновичъ.

„Я спешу[1]) принесть вашему высокопревосходительству *) за письмо ваше писанное 13 сентября, изъ коего я вижу вашу ко мнѣ довѣренность, которую я буду стараться поддержать. Все ваши изъясняемые въ письмѣ разсужденіи, я нахожу весьма справедливыми и дѣльными, и совершенно сними согласенъ. Какимъ же образомъ по оному дѣйствовать, то объ ономъ нужно намъ лично переговорить, по пріездѣ моемъ въ С. Петербурхъ, куда я располагаюсь пріехать вначалѣ октября месяца.

„Примитѣ истинное мое почтеніе навсегда съ коимъ я неизменно пребуду"

вашего высокопревосход. покорный слуга.

(на подл. подп.:) Г. Аракчеевъ.

Округа поселенія гренад. его велич. короля пруск. полка.
18 сентября 1824 года.

---

7 числа октября пріѣхалъ ко мнѣ митрополитъ Серафимъ и привезъ самъ какъ письмо свое ко мнѣ, такъ и сдѣланное ему о книгѣ: *Бесѣда на гробѣ младенца* донесеніе[2]).

РАЗБОРЪ КНИГИ ПАСТОРА ГОСНЕРА, ПРЕДСТАВЛЕННЫЙ МНОЮ ВЪ КОМИТЕТЪ Г. Г. МИНИСТРОВЪ.

(см. на страницѣ 169, іюня 7 число.)

Разсмотрѣніе книги подъ названіемъ въ подлинникѣ на нѣмецкомъ языкѣ: *Geist des Lebens und der Lehre Jesu Christi, in Betrachtungen und Bemerkungen über das ganze Neue Testament. Erster Band. Mathäus und Marcus;* а въ переводѣ на русскомъ языкѣ (безъ заглавнаго листа): *О Евангеліи отъ Матѳея.* Подлин-

---

*) Здѣсь повидимому пропущены слова: мою благодарность.

---

[1]) Списывая письмо Аракчеева, Шишковъ, какъ кажется, хотѣлъ сохранить правописаніе подлинника.

[2]) См. ниже, докладъ 9 ноября.

никъ печатанъ въ Петербургѣ у Карла Края, въ Малой Морской (No. 104) въ 1824 году[1]); а въ переводѣ мѣсто печатанія не показано[2]), на листкахъ же вездѣ показано имя: *Брискорнъ*[3]).

По внимательномъ разсмотрѣніи сей книги, оказывается, что въ толкованіи Евангельскихъ текстовъ вездѣ, подъ видомъ наставленія въ вѣрѣ, внушаются противныя ей правила, основанныя на ложныхъ умствованіяхъ, смѣшанныхъ однакожъ съ истинными, и скрытыхъ подъ оными, дабы сею хитростію омрачить умъ читателя или слушателя, и понемногу отводить его отъ вѣры своей, отъ должностей мирнаго гражданина, и отъ всѣхъ обязанностей къ небесному и земному царю. Изъ разсмотрѣнія всей книги можно бы ясно сіе вывесть, но для убѣжденія себя въ томъ довольно и того, чтобъ токмо нѣкоторыя мѣста изъ оной выписать.

Подъ словами: *Книга родства Іисуса Христа, сына Давидова, сына Авраамля* (гл. 1. стран. 4), сказано: „Въ семъ родо-„словіи встрѣчается столь много именъ извѣстныхъ и великихъ „грѣшниковъ, — ибо и большая часть царей были люди злые, — „что и въ самомъ началѣ исторіи Іисуса исполнилось пророчество: „онъ сопричтенъ будетъ къ преступникамъ.“ Неизвѣстно отколѣ сіе пророчество почерпнуто; естьли изъ словъ: *со беззаконными вмѣнися,* то сіе сказано не о родословіи Христовомъ, но объ осужденіи Его на крестную смерть и распятіе между двумя разбойниками. И такъ вотъ уже при самомъ началѣ, безъ всякой нужды, бросается нѣкоторая чернота на имена царей, и притомъ съ немалымъ отъ себя прибавленіемъ и увеличеніемъ, ибо, на стран. 6, возобновляетъ говорить о томъ же: „Здѣсь наименованы „попорядку всѣ прародители Іисуса, по истинѣ не ради заслугъ „своихъ; ибо они почти всѣ, исключая двухъ или трехъ, не были „достойны имѣть такого потомка.“

По приведеніи текста (стран. 11): *Іосифъ же мужъ ея праведенъ сый, и не хоте ее обличити, восхотѣ тай пустити ю,* сочинитель разсуждаетъ: „благочестивый мужъ не хотѣлъ ни увели-

[1]) Подлинникъ одобренъ къ напечатанію цензоромъ К. К. фонъ-Поленъ; какъ онъ такъ и содержатель типографіи Край были отданы подъ судъ, вмѣстѣ съ лицами, участвовавшими въ изданіи перевода („Записки Н. И. Греча,“ въ Русск. Арх. 1868. ст. 1403 и 1413).

[2]) Переводъ печатался въ типографіи Греча (Тамъ же).

[3]) По словамъ Греча, Брискорнъ не могъ сладить съ переводомъ, и потому обратился къ помощи казанскаго профессора Яковкина и чиновника Трескинскаго; но и затѣмъ переводъ оказался такъ плохъ, что не малаго труда стоило Гречу и родственнику послѣдняго Безаку исправить его.

чивать ни уменьшать сего обстоятельства, а желалъ прикрыть „*проступки* ближняго покровомъ любви, и лучше уступить нѣ„сколько своего права. Онъ могъ бы ясно ее обличить, какъ въ „другихъ случаяхъ требовала бы того и строгость правосудія; „но онъ не хотѣлъ также оставить у себя, поелику не былъ до„вольно увѣренъ въ ея невинности. „Іосифъ могъ такъ думать, не будучи еще извѣщенъ отъ Ангела; но почему проповѣдникъ [1]), извѣстный уже о семъ, называетъ это *проступкомъ*, и по какой пристойности говоритъ, что Іосифъ желалъ лучше *уступить нѣсколько своего права?* Что такое въ семъ случаѣ *уступить нѣсколько?* Какую иную мысль могутъ порождать слова сіи, какъ не ту, что раздѣлить право свое съ другимъ? И эту развратную, нечестивую мысль, почерпаетъ проповѣдникъ изъ священнаго текста и сообщаетъ ее своимъ слушателямъ и читателямъ! Онъ даже даетъ мужьямъ совѣтъ терпѣть невѣрность женъ своихъ, продолжая дѣлать слѣдующія, едвали и въ романахъ позволительныя, разсужденія: „Истинная „любовь умѣетъ находить средину между ревностію и нечув„ствительностію. Праведный умѣетъ сохранить свою честь, не „посягая на честь ближняго чрезъ открытіе его проступковъ. „Легковѣріе и ложное рвеніе къ соблюденію закона часто нару„шаютъ самый законъ, когда обращаютъ вниманіе только на „мщеніе и строгость, допускаемыя, какъ кажется, закономъ. Но „благоразумная любовь и истинное благочестіе умѣютъ находить „кротость въ законѣ, не принуждающемъ никого быть доносите„лемъ на свою супругу."

По приведеніи текста (стран. 13): *родитъ же сына и наречеши имя ему Іисусъ: той бо спасетъ люди своя отъ грѣхъ ихъ,* сочинитель, разсуждая объ имени Іисусъ, между прочимъ говоритъ: „По сей самой причинѣ и Ангелъ свидѣтельствуетъ, что „Спаситель избавитъ народъ свой отъ грѣховъ, *мученія*, и *власти.*" Отъ грѣховъ — такъ; но отъ какой власти, и отъ какаго мученія? Темнота выраженія сего смѣшиваетъ *адское мученіе* и *дьявольскую власть* съ законною властію правителей и съ происходящимъ иногда отъ злоупотребленія оной терпѣніемъ или *мученіемъ* народнымъ. Но темнота сія находится только въ русскомъ переводѣ, въ подлинникѣ нѣтъ ея. Тамъ сказано: *„dass der Heiland sein Volk von der Noth, Tyranney und Gewalt der Sünde erlösen werde,"* т. е.:

[1]) Шишковъ даетъ сочинителю названіе проповѣдника, потому что славу свою Госнеръ пріобрѣлъ проповѣдями, привлекавшими въ католическую церковь св. Екатерины многочисленныхъ слушателей, въ числѣ которыхъ были Голицинъ, Магницкій, Руничъ, Поповъ и другіе.

что Спаситель избавитъ народъ свой *отъ тягости, мучительства и насилія грѣха.* — Далѣе сочинитель, продолжая толковать имя *Іисусъ*, говоритъ: „нынѣшніе христіяне именуютъ его устами, „но на опытѣ его не знаютъ, и не испытали въ сердцахъ своихъ „силы сего имени; посему и именуютъ они его безъ почтенія, „безъ благоговѣнія, легкомысленно и по привычкѣ, когда бываютъ „въ ужасѣ или въ удивленіи.“ Что такое *нынѣшніе* христіяне? Почему сочинитель полагаетъ всѣхъ вообще нынѣшнихъ христіянъ чуждыми благочестія, и хочетъ ученіями своими произвесть новыхъ, небывалыхъ христіянъ? Въ сей гордости его, въ семъ общемъ обвиненіи всѣхъ, кромѣ себя, не видно христіянской любви и кротости.

Онъ продолжаетъ (стран. 17): „Но кому открылась десница „Господня, имя Господне? Кто нынѣ вѣритъ, что таковое могу„щество содѣлать блаженными и избавить отъ грѣховъ заключа„ется въ его имени и въ его лицѣ?“ Что значатъ сіи слова: *кому открылась десница Господня, имя Господне?* Что значитъ сей вопросъ: *кто нынѣ вѣритъ?* Вопросъ, изъ котораго непремѣнно слѣдуетъ сдѣлать заключеніе, что нѣкогда вѣрили и потомъ перестали; или что, по какой нибудь общей причинѣ, никто не сталъ вѣрить; да и чему не стали вѣрить? — тому, что *блаженство и избавленіе грѣховъ заключается въ имени Господни!* Кто пойметъ сіи слова? — Проповѣдникъ продолжаетъ: „они „говорятъ, что не могутъ дѣлать инаково, что должны грѣшить. „Они не вѣрятъ, что Господь можетъ и хочетъ освободить ихъ „отъ грѣховъ.“ — Кто такіе *они*? кто не вѣритъ? и какъ сему не вѣрить? — Подобныя загадки повидимому пишутся не для общаго разумѣнія, но только для тѣхъ, кому онѣ понятны.

Далѣе (на стран. 20) проповѣдникъ говоритъ: „Христіянинъ „ищетъ и обрѣтаетъ во всемъ и повсюду токмо своего Христа. „Онъ для него есть всяческая во всѣхъ. Въ немъ соединяется все, „что разсѣяно въ миліонахъ, и ни въ комъ другомъ не можетъ „быть обрѣтено такъ, какъ въ немъ.“ — Кто пойметъ смыслъ сихъ словъ? научится ли новый христіянинъ изъ нихъ быть благочестивымъ, кроткимъ и добродѣтельнымъ человѣкомъ? Какой благоразумной проповѣдникъ облекаетъ ясное и утѣшительное Христово нравоученіе въ такой мракъ и непостижимость? — Далѣе (на стран. 21) говоритъ онъ: „Теперь Іисусъ Эммануилъ у насъ. Если „Богъ во Христѣ намъ явился, намъ дарованъ и данъ, такъ что „онъ, яко Богъ, хочетъ быть съ нами и въ насъ, чегожъ нѣтъ у „насъ? чего намъ не достаетъ? какую мы сами по себѣ имѣемъ

„крѣпость, какую силу! и чего не можемъ преодолѣть въ немъ, „съ нимъ и чрезъ него! Осмѣлимся ли извиниться слабостію своею? „Развѣ Іисусъ Эммануилъ не тотъ, который стеръ главу змія, „который уничтожилъ всѣ козни лукаваго, силу и коварство ис-„кусителя?“ — Для чего тожъ самое не сказать простымъ и яснымъ образомъ, не дѣлая изъ того, о чемъ говорится, никакой загадки, напримѣръ: *призывая съ вѣрою на помощь Христа Бога, мы можемъ находить въ себѣ довольно твердости преодолѣвать наши страсти, влекущія насъ въ пороки и прегрѣшенія.* На что мысль сію затмѣвать и облекать ее въ такіе вопросы, которые похожи больше на нѣкое пылкое воззваніе, нежели на спокойное разсужденіе: *чего намъ недостаетъ? осмѣлимся ли извиниться своею слабостію? развѣ мы сами собою не крѣпки, не сильны? развѣ съ именемъ Христа не можемъ преодолѣть и стереть главу змія?* — Кто сей змій, противъ котораго крѣпки мы сами собою? Такой скрытой языкъ — умышленной ли онъ, или нѣтъ, но подаетъ поводъ злонамѣреннымъ людямъ почерпать изъ сего двусмысленнаго иносказанія совсѣмъ иное заключеніе.

По приведеніи текста (стран. 22): *возставъ же Іосифъ отъ сна, сотвори яко же повелѣ ему Ангелъ Господень, и пріятъ жену свою,* сочинитель говоритъ: „Кто любитъ Бога, тотъ довольству-„ется тѣмъ, что знаетъ волю Господню, дабы оную мгновенно „исполнять, хотя и не усматриваетъ тому причины.“ — Возможно ли извлекать изъ Евангелія, изъ сей Божественной книги, толь ложныя и развратныя поученія! Какимъ образомъ случай съ Іосифомъ распространять на всѣ случаи? Какимъ образомъ изъ того, что Іосифъ, по благовѣстію Ангела, принялъ опять жену свою, выводить, что естьли бы кому помстилось [1]), или привидѣлось во снѣ, или кто его научилъ совершить какое нибудь злодѣяніе, то онъ, хотя бы и не усматривалъ тому причины, долженъ безъ всякаго размышленія, потушая въ себѣ гласъ разума, гласъ совѣсти, гласъ Божескихъ и человѣческихъ законовъ, повѣрить, что это воля Божія и *мгновенно ее исполнять?* Не по такимъ ли наставленіямъ обуянный Равальякъ убилъ Генриха IV, и тожъ самое въ недавныя времена Зандъ сдѣлалъ съ Коцебу [2])? И это называется любить Бога! Какой преступникъ и злодѣй по симъ правиламъ не найдетъ себѣ оправданія, подобно прусскому солдату, который, будучи обличенъ въ ободраніи въ церкви оклада

---

[1]) Т. е. померещилось, почудилось. Въ „Чтеніяхъ“ напечатано: помыслилось.

[2]) Извѣстное убійство, совершенное въ Мангеймѣ, въ 1819 году.

съ образа Богоматери, предъ судомъ сказалъ, что сама она явилась ему во снѣ и приказала это сдѣлать?

Послѣ текста (стран. 24): *и не знаяше ея дондеже роди сына своего первенца, и нарече имя ему Іисусъ*, сочинитель, утверждая что Матѳей справедливо называлъ его *первенцемъ*, какъ единороднаго сына Божія, присовокупляетъ къ тому: „А кто хочетъ „выводить дальнѣйшія изъ того слѣдствія, напримѣръ, что Іосифъ „послѣ познал ъ ее, и она еще многихъ дѣтей рождала, тотъ уже „слишкомъ много выводитъ заключеній изъ того изрѣченія.“ — Пристойно ли проповѣднику произносить и печатать сіи слова, отъ которыхъ всякой благочестивый человѣкъ долженъ заграждать слухъ свой, дабы не слышать ихъ? Въ защиту ему скажутъ: да онъ для того приводитъ ихъ, чтобъ послѣ опровергнуть. Но развѣ злонамѣреніе не такія же употребляетъ хитрости, когда хочетъ сѣять развратъ? Оно знаетъ, что однимъ изрѣченіемъ подобнаго богохуленія больше посѣетъ зла и соблазна, нежели возраженіемъ противъ того принесетъ добра и пользы. Но посмотримъ еще какимъ образомъ опровергаетъ онъ сіе. Вотъ какимъ: — „Богъ обѣщалъ Іакову не оставлять его дотолѣ, пока ис„полнится все обѣтованіе. И такъ оставилъ ли онъ его послѣ? „Слѣдовательно онъ и тогда остается также первенецъ, хотя бы „и никого не было рожденнаго послѣ него. При всемъ томъ, по „истинѣ приличествуетъ Іисусу, чтобъ онъ былъ единымъ сыномъ „матери, которая въ дѣвствѣ зачала Его отъ Святаго Духа, и „чтобы сіе чрево, столь чисто Его зачавшее, носившее и родив„шее, послѣ него никакихъ уже дѣтей во грѣхахъ не зачинало и „не рождало. Какъ онъ есть единородный отъ Бога, такъ онъ „единородный и отъ Дѣвы. Но если Марія и рождала еще другихъ „дѣтей, то мы при всемъ томъ не менѣе будемъ любить Іисуса. „Онъ остается навсегда несравненный, единый, высочайшій и „преблагій.“ — Подобныя сему выраженія: *хотя бы и никого не было рожденнаго послѣ него* (слѣдовательно думаетъ, что можетъ быть и было); *по истинѣ приличествуетъ Іисусу, чтобы онъ былъ единымъ сыномъ матери* (слово *приличествуетъ* скорѣе отрицаетъ, нежели утверждаетъ сущность дѣла); *но если Марія и рождала другихъ дѣтей, то мы не меньше будемъ любить Іисуса* (не ясно ли здѣсь, что проповѣдникъ самъ соглашается на опровергаемое имъ мнѣніе, и выводитъ изъ того ни съ чѣмъ несообразное заключеніе, что будто мы, разруша въ себѣ вѣру, и слѣдственно не вѣря болѣе въ Іисуса, не меньше будемъ его любить!) — подобныя, говорю, возраженія не больше ли противурѣчіемъ своимъ пока-

зываютъ сомнѣнія, нежели вѣры? И такъ, когда проповѣдникъ, толкуя Евангеліе, приводитъ изъ него якобы кроющуюся въ немъ нелѣпую, богохульную, никому на умъ не впадавшую мысль, то по какой надобности приводитъ онъ сіе? буде для опровержения, чтобъ никто изъ слушателей его тому не вѣрилъ, то они и безъ того никогда тому не вѣрили, и можетъ быть всякъ изъ нихъ впервые о такихъ злочестивыхъ мысляхъ отъ него услышалъ. И какъ же отвращаетъ онъ ихъ отъ вѣрованія тому? — возраженіемъ противъ сего; но въ возраженіи оказывается самъ сомнѣвающимся! Чему же онъ научаетъ ихъ, — правовѣрію или невѣрію?

На страницѣ 26, сочинитель говоритъ: „Предубѣжденіе объ „особенномъ уваженіи къ нѣкоторымъ лицамъ и мѣстамъ, нерѣдко „совращаетъ человѣка съ истиннаго и прямаго пути, и помра„чаетъ его зрѣніе такъ, что онъ не видитъ уже болѣе яснаго „свѣта Евангелія.“ Что такое *предубѣжденіе къ нѣкоторымъ лицамъ и мѣстамъ?* Зачѣмъ говорить вездѣ такими скрытными и двусмысленными словами? Кто такія сіи лица? Не угодники ли Божіи, которыхъ мы за добродѣтели ихъ почитаемъ? Не земныя ли власти, которымъ мы, для соблюденія общаго спокойствія и порядка, повинуемся и уважаемъ ихъ? Но почему же должное къ нимъ уваженіе есть *предубѣжденіе*, несовмѣстное съ Христіанствомъ? Почему помрачаетъ оно зрѣніе наше и закрываетъ отъ насъ свѣтъ Евангелія? Подобная мысль была бы самая гнусная клевета на вѣру и священное писаніе. — Сочинитель продолжаетъ: „Человѣкъ весьма охотно бросается на что либо важное, „имѣющее величественный видъ и блескъ. Такъ стремятся нѣко„торые за красными и лицемѣрно священными словами или мы„слями; другіе же мнятъ, будто можно найти Христа въ большихъ „почестяхъ и преизобиліи, между тѣмъ какъ онъ всего вѣрнѣе и „точнѣе обрѣтается въ Виѳліемѣ, въ ясляхъ, въ бѣдности, въ „въ поруганіи, въ гоненіи и страданіяхъ. Не во храмѣ Іеруса„лимскомъ, который содѣлался вертепомъ разбойниковъ, не при „дворѣ Ирода, не въ пышномъ и блистательномъ состояніи, но „въ простомъ, тихомъ и чистомъ быту, въ униженіи и простотѣ „рождается и обрѣтается Христосъ, дабы человѣкъ ни подъ ка„кимъ видомъ не увлекался наружностію, но обрѣлъ его самаго. „Сколь многія души чувствами своими и съ любопытствомъ по„всюду озираются, и, гдѣ усмотрятъ что либо блистательное, „знаменитое и ученое, въ томъ мнятъ обрѣсти свое спасеніе, „между тѣмъ какъ никогда не достигаютъ увѣренія и спокойствія!“ — Что такое проповѣдникъ хочетъ здѣсь сказать? — ежели на-

помнить и повторить извѣстную всѣмъ, какъ по Евангельскому ученію, такъ и по самой кратковременности нашей жизни, истину, что не должно уповать на земныя блага, то зачѣмъ простую и ясную мысль сію облекаетъ такими околичностями, такими удаленными отъ ней умствованіями, что она въ нихъ совсѣмъ теряется и представляетъ нѣчто другое? Что такое: *нѣкоторые стремятся за красными и лицемѣрно священными словами или мыслями?* Что такое: *надобно искать Христа не въ большихъ почестяхъ и преизобиліи, но въ яслѣхъ, въ бѣдности, въ поруганіи, въ гоненіи и страданіяхъ; не во храмѣ Іерусалимскомъ, который содѣлался вертепомъ разбойниковъ; не при дворѣ у Ирода; не въ пышномъ и блистательномъ состояніи, но въ униженіи, въ простомъ быту?* Что значатъ сіи выраженія? Чему поучаетъ насъ проповѣдникъ? Неужели тому, чтобъ мы оставили храмы Божіи, почитая ихъ вертепами разбойниковъ? Неужели тому, чтобъ оставили дворъ, всѣ обязанности гражданскія, и пошли искать Христа въ ясляхъ, въ униженномъ быту? Къ чему сіе новое, нигдѣ въ священномъ писаніи неупотребляемое выраженіе: *искать Христа?* Словно какъ будто и мы нынѣ, какъ въ тѣ времена волхвы, ходимъ и ищемъ Христа. Христіянинъ не ходитъ и не ищетъ Христа ни въ какомъ мѣстѣ или сословіи людей; ибо знаетъ гдѣ Онъ, что такое Онъ, какъ избавилъ его, и что предписываетъ къ его спасенію; вѣруетъ въ него и послѣдуетъ его ученію: вотъ обязанности христіянскія. Чтожъ такое *искать Христа?* Зачѣмъ чистоту и ясность нравоученія облекать въ хитрости, въ загадки и двусмысліе? Наконецъ что такое: *многія души чувствами своими и съ любопытствомъ повсюду озираются, и, гдѣ усмотрятъ что либо блистательное, знаменитое и ученое, въ томъ мнятъ обрѣсти спасеніе, между тѣмъ, какъ никогда не достигаютъ увѣренія и спокойствія?* Никакая *душа* чувствами своими не озирается; никто въ блистательномъ, знаменитомъ и ученомъ не мнитъ обрѣсти *спасеніе;* и никогда симъ образомъ не думаютъ достигнуть *увѣренія* и *спокойствія.* Въ сихъ темныхъ словахъ ничего не видно, кромѣ желанія очернить *знаменитость* и *ученіе.* Когда благочестивые проповѣдники слова Божія, Василіи Великіе, Іоанны Дамаскины, Златоусты, Феофаны и проч. говорили такимъ таинственнымъ, невразумительнымъ языкомъ?

Послѣ текста, въ которомъ пришедшіе, во дни Ирода царя, въ Іерусалимъ волхвы вопрошаютъ: *гдѣ есть рождейся царь Іудейскій, видѣхомъ бо звѣзду Его на востоцѣ и пріидохомъ поклонитися Ему*, проповѣдникъ (на стр. 28), дѣлая довольно странные

вопросы, таковые какъ: „почему солнце не озаряетъ своимъ свѣ-„томъ тѣхъ, которые сидятъ въ темныхъ покояхъ?“ — приступаетъ опять къ загадкамъ: „свѣтъ (говоритъ онъ), звѣзда Еван-„гелія Іисусъ Христова, свѣтитъ и освѣщаетъ какъ солнце; но „почему не всѣ онаго объемлютъ, *тому всякъ долженъ самъ знать „причину*“; — и послѣ сей загадки продолжаетъ: — „Христосъ „имѣетъ все, что имѣютъ и земные вельможи, даже и звѣзду; но „все, что онъ имѣетъ, есть Божественное, небесное и безконечно „большее. Его звѣзды не можно было носить на одеждѣ: она „была на небесахъ.“ — Какой проповѣдникъ станетъ увѣрять слушателей своихъ въ томъ, что небесныхъ звѣздъ не носятъ на одеждѣ? Хуже ли его знаютъ они это; и кому придетъ въ голову свѣтъ Евангельскаго откровенія сравнивать съ кавалерскою звѣздою? Вся цѣль уподобленія сихъ звѣздъ не можетъ быть иная, какъ та, чтобъ внушить нѣкоторое неуваженіе и презрѣніе къ звѣздамъ на платьяхъ. Сообразно съ симъ, проповѣдникъ вездѣ располагаетъ ученія и толкованія свои такъ, чтобъ онѣ были двусмысленны, то есть, чтобъ вдавшемуся уже въ революціонныя мысли были ясны, а христіянину, твердому еще въ вѣрѣ своей, казались христіянскими, и только понемногу смущали его и отвлекали отъ оной. Такимъ образомъ, толкуя о *внутренней звѣздѣ* и *внутреннемъ чувствованіи*, взываетъ онъ (стран. 30): „мужественная и непоколебимая вѣра волхвовъ служитъ намъ примѣ-„ромъ, приводящимъ насъ въ стыдъ. Послушаніе ихъ и простота „ихъ скрывали отъ нихъ опасности, въ которыя они ввергались; „но Богъ бдилъ надъ ними, и зналъ какъ ихъ спасти. И такъ, „будь ты только послушенъ Богу, — Онъ защититъ уже тебя. „Послѣдуй только звѣздѣ слова Божія и не бойся ничего: живъ „еще Богъ тѣхъ волхвовъ!“ — Ежелибъ какой революціонный проповѣдникъ осмѣлился явно, снявъ съ себя маску вѣры, побуждать людей къ безначалію, то бы онъ, выпустя только имена Бога и Евангелія, сталъ говорить тоже: *ступайте съ нами искать того, кто насъ освободитъ; не бойтесь никакихъ опасностей; онъ надъ вами бдитъ и спасетъ васъ; послѣдуйте только ему и убѣдитесь въ томъ внутренними чувствами.* Хитрость прикрытія мыслей его священными текстами ясно открывается, какъ скоро поприлежнѣе вникнемъ въ нихъ и сблизимъ разсѣянныя между двусмысленными мѣстами тѣ мѣста, въ которыхъ уже явно обнаруживается и намѣреніе и взываніе. Нижеслѣдующія выписки очевиднымъ образомъ намъ то покажутъ:

Послѣ текста: *слышавъ же Иродъ царь смутися, и весь Іеру-*

салимъ съ нимъ, — проповѣдникъ говоритъ: „Іисусъ есть всегда „утѣшеніемъ благочестивыхъ и ужасомъ безбожныхъ. Ни земле-„трясенія, ни тысячи громовыхъ ударовъ не могли бы днесь на-„вести такого ужаса и распространить такого страха, какой „произведенъ былъ гласомъ: грядетъ женихъ, господь! Какъ бы „тамъ задрожало, затряслось отъ ужаса все великое сборище Хри-„стіянъ, носящихъ только имя сіе! Какъ бы вострепетали многіе „такъ называемые благочестивые люди!" — Гдѣ *тамъ*? и почему относить укоризну сію на такое общее лице: *все великое сборище христіянъ?* Впрочемъ мы видѣли ужасъ сей, во время французской революціи: подлинно вострепетали тогда истинные христіяне и благочестивые люди! Да и быть сіе иначе не можетъ, когда сила перейдетъ на сторону буйства и безначалія, котораго ярость обращается тотчасъ на вѣру, благочестіе и законныя власти. Проповѣдникъ продолжаетъ (стр. 31): „Подобно тому, „какъ Иродъ и Іерусалимъ не познали тогда Христа и страши-„лись Его, такъ и днесь еще великіе и малые люди, ложное хри-„стіянство и главы онаго страшатся и не познаютъ его." — Вездѣ, вмѣсто нѣкоторыхъ во всякомъ состояніи грѣшниковъ, проповѣдникъ говоритъ всегда на общее лице: *ложное христіянство и главы онаго.* Не открывается ли изъ сего, что онъ въ отношеніи къ какому-то своему *христіянству* называетъ наше *ложнымъ,* и подъ *главами* сего послѣдняго разумѣетъ духовныя и гражданскія власти? Продолжая такимъ образомъ говорить двусмысленно, не пропускаетъ однакожъ мысль свою въ иныхъ мѣстахъ яснѣе открывать. Такъ, напримѣръ, стараясь посѣять въ сердца читателей своихъ неуваженіе къ ученымъ людямъ, къ духовенству и властямъ гражданскимъ (стран. 33), говоритъ: „всю честь свою поставляютъ они (ученые) только въ знаніи и „изслѣдованіи, думая, что довольно для нихъ когда найдутъ Христа „въ книгахъ, въ строкахъ, на бумагѣ, когда могутъ производить споры „и доказывать; но въ Вифліемѣ, на самомъ дѣлѣ и по истинѣ, въ „ясляхъ, въ сердцѣ, въ житіи и бытіи своемъ имѣть Его не хо-„тятъ." — Проповѣдникъ, повидимому, для того ученымъ запрещаетъ искать Христа въ книгахъ, то есть въ священномъ писаніи, что тамъ не о томъ Христѣ говорится, о которомъ онъ думаетъ; для того не велитъ имъ спорить и доказывать, что доказательствъ ихъ не можно опровергнуть. Чтожъ такое велитъ онъ имъ и всѣмъ прочимъ людямъ? Велитъ искать Христа въ ясляхъ! Какъ будто онъ и нынѣ, по прошествіи осмнадцати вѣковъ отъ смерти и воскресенія Его, находится еще во плоти младенцемъ, и намъ

какъ волхвамъ, еще не знающимъ о Немъ, надлежитъ искать Его, имѣя передъ собою звѣзду, которая бы насъ вела къ нему! Не ясно ли изъ сего видѣть можно, что онъ подъ именемъ Христа и Евангелія разумѣетъ не того Христа, въ котораго мы вѣруемъ, но другаго, ибо велитъ еще искать Его; не то Евангеліе, въ которомъ поучаемся мы благочестію и всѣмъ добродѣтелямъ, но другое, ибо онъ не велитъ искать Его въ книгахъ; а какія же иныя книги, какъ не Евангеліе, возвѣщаютъ о Немъ? Онъ велитъ каждому возжигать внутри себя звѣзду не изъ чтенія священныхъ книгъ, не изъ Евангельскаго откровенія и нравоученія, не изъ гласа разума и совѣсти, но изъ собственнаго своего побужденія, не смотря на вѣру, на законъ и на данное намъ отъ Бога познаніе о добрѣ и злѣ. Вотъ какую звѣзду велитъ онъ намъ возжигать въ себѣ! и, укоряя насъ привязанностію къ книгамъ и пребываніемъ въ покоѣ и мирномъ вѣроисповѣданіи, тутъ же взываетъ: „Книжная пыль имѣетъ что-то весьма привлекательнаго, „что она прилѣпляетъ ученыхъ къ буквамъ, и содѣлываетъ ихъ „какъ бы лишенными движенія, когда надобно возстать и искать „Господа.“ — Кто изъ всего вышеозначеннаго не почувствуетъ, что значатъ слова: *возстать и искать Господа*? Проповѣдникъ продолжаетъ: „О вы бѣдные, ослѣпленные книжники, служащіе „одному только Ироду; бѣдные, ослѣпленные, льстивые богословы, „испытующіе священное писаніе только тогда, когда дворъ и „знать вопрошаютъ о Христѣ, и вопрошаютъ объ Немъ для того „только, чтобы истребить Его, а не для того, чтобы ему поклониться.“ — О какомъ Христѣ *дворы и знать* вопрошаютъ книжниковъ и богослововъ для истребленія Его? Иродъ помышлялъ сіе; но почему же, указуя на тѣ времена, говоритъ такъ, какъ будто бы всѣ нынѣшніе цари были Ироды? Для чего всѣхъ ученыхъ богослововъ называть ослѣпленными, льстецами, служащими одному только Ироду? Да и при самомъ Иродѣ, Іоаннъ Креститель обращалъ его къ вѣроисповѣданію во Христа.

На страницѣ 36, проповѣдникъ разсуждаетъ: „Они (т. е. „богословы) вопрошаютъ о времени явленія звѣзды, о пришествіи „и будущности Іисуса, хотятъ проникнуть тайны и глубины „библіи, но не слѣдуютъ той звѣздѣ, которую обрѣли. Кто чистосердечно и тщательно ищетъ свѣтъ Христа, тотъ найдетъ Его „и узритъ такъ, какъ волхвы!!....“

(Сужденіе съ истиною вещей несообразное: волхвы видѣли Его тѣлесными очами во плоти; мы, въ наше время, ни найти, ни видѣть Его такимъ образомъ не можемъ.)

„Иродъ желалъ также видѣть тотъ свѣтъ, и желаніе его „было искреннее. Онъ велѣлъ умертвить многія тысячи дѣтей, — „искомаго младенца однакоже не нашелъ; ибо тотъ младенецъ „отъ него устранился; чѣмъ болѣе онъ объ немъ развѣдывалъ, „тѣмъ больше младенецъ отъ него удалялся!!.....“

(Какимъ же образомъ желаніе Ирода найти и узрѣть Христа было *искреннее*, когда онъ искалъ убить Его?)

„Иродъ (продолжаетъ проповѣдникъ) представляетъ здѣсь „образъ тѣхъ людей, которымъ свѣтъ не всходитъ, сколько бы „они его ни искали. Но по какой причинѣ? Вѣть они вопрошаютъ „объ ономъ и желаютъ оный имѣть; почему же Богъ попускаетъ „ихъ впадать въ заблужденіе? Почему могуществомъ Его не про„повѣдуется Евангеліе всѣмъ людямъ, и звѣзда истины имъ не „всходитъ? Для того, чтобъ они не сдѣлались дьяволами и вра„гами Божіими, подобно Ироду.“ — Когда христіянскіе проповѣдники говоривали такимъ безбожнымъ и даже безразсуднымъ языкомъ? *Богъ попускаетъ людямъ впадать въ заблужденіе, для того чтобъ они не сдѣлались ему врагами!* Да естьлибъ и о человѣкѣ сказать, что онъ попускаетъ другому упадать въ яму, опасаясь, чтобъ онъ не сдѣлался ему непріятелемъ, то и человѣка сего нельзя назвать добрымъ; а проповѣдникъ говоритъ это о Богѣ, о всемогущемъ и всеблагомъ существѣ! Да и какимъ образомъ человѣкъ въ заблужденіи не есть врагъ Богу, а выведенный изъ заблужденія сдѣлается таковымъ? И Богъ сего опасается, и для того попускаетъ впадать въ заблужденіе! Нельзя не удивляться слабости ума того слушателя, кто, не бывши въ единомысліи съ проповѣдникомъ, пріемлетъ толь явныя нелѣпости его за нѣкую сокрытую въ нихъ мудрость*). Далѣе проповѣдникъ даетъ читателямъ своимъ слѣдующіе совѣты: „Удались только охотно изъ „высокаго святаго Іерусалима, гдѣ господствуетъ гордость и пыш„ное великолѣпіе, книжная мудрость и властолюбіе, и бѣги въ „униженный, презрѣнный Виѳлеемъ; не останавливайся въ мірѣ „и у князей мірскихъ, дабы они не запутали тебя въ свои сѣти „величіемъ и знатностію, почестями и свѣтскими обѣщаніями!“ — Изобразя такими красками всѣ дворы и князей мірскихъ, и приказывая всякому бѣжать и удаляться отъ нихъ, какъ отъ нѣкакой заразы, проповѣдникъ, остерегая своихъ слушателей и читателей отъ притворной ихъ ласки и благосклонности, про-

---

*) Извѣстно, что проповѣдникъ привлекалъ къ себѣ многихъ слушателей, изъ которыхъ многіе плѣнялись его проповѣдями.

должаетъ свои совѣты: „Не будьте слишкомъ довѣрчивы, воз„любленные мои! тогда-то и оружіе всего нужнѣе, поелику тогда „настоитъ величайшая опасность. Когда міръ, или люди мыслящіе „по мирскому пріемлютъ видъ смиренія и святости, то не имѣютъ „они поистинѣ другаго намѣренія, кромѣ подобнаго Иродову, и „имянно цѣлятъ умертвить въ сердцахъ вѣрующихъ силу и жизнь „Іисуса Христа, или, развѣдавъ о расположеніи сердецъ, предать „ихъ врагамъ. Они пресмыкаются вслѣдъ за младенцемъ, также „подъ видомъ поклоненія ему; въ самомъ же дѣлѣ они управ„ляются и внушены княземъ міра сего, который старается по„губить младенца, опасаясь, чтобъ оный не взросъ и не лишилъ „его царства и престола.“ — Какая опасность настоитъ? и по какой недовѣрчивости проповѣдникъ велитъ готовиться къ оружію? Никто изъ князей мірскихъ не возстаетъ на разрушеніе вѣры; никто изъ христіанскихъ государей не думаетъ, что Христосъ возрастетъ и придетъ отнять у него царство и престолъ. Какъ возрасти Тому, кто давно уже возросъ, умеръ и воскресъ? По какому приличію, дѣла и мысли Ирода относить на нынѣшнихъ царей? Не явно ли и здѣсь, какъ и вездѣ въ другихъ мѣстахъ, открывается хитрость проповѣдника, что онъ подъ именемъ младенца-Христа разумѣетъ *революцію,* то есть разрушеніе православныхъ церквей и престоловъ? о ней говоритъ, что князья мірскіе, *развѣдавъ о расположеніи сердецъ,* стараются потушить ее, не дать возрасти младенцу, и что, не смотря на ихъ кротость и смиреніе, не надобно довѣрять имъ, и должно готовить противъ нихъ оружіе.

На страницахъ 41 и 42, въ таковомъ же смыслѣ продолжаетъ онъ: „Когда мы на долго остаемся съ мертвыми и холодными „учеными, въ большомъ градѣ сего міра, или съ вельможами и „царедворцами, на нихъ смотримъ и у нихъ спрашиваемъ, — „тогда теряемъ мы звѣзду; но естьли мы, оставя все то, пойдемъ „путемъ, ведущимъ ко Іисусу, то найдемъ опять звѣзду истиннаго „свѣта.“ — Почему проповѣдникъ почитаетъ самыми худыми людьми всѣхъ безъ изъятія ученыхъ, всѣхъ вельможъ и царедворцевъ? Почему безпрестанно о томъ твердитъ? Почему всѣхъ ихъ называетъ *мертвыми* и *холодными?* Да онъ, живой и горячей, къ какому классу людей принадлежитъ? Для чего не позволяетъ намъ смотрѣть на почтенныхъ вельможъ и царедворцевъ? Для чего не позволяетъ намъ спрашивать и поучаться закону Божію у благочестивыхъ священнослужителей? Какую звѣзду потеряемъ мы чрезъ то? и почему тогда только найдемъ ее опять, когда ихъ

оставимъ? Чтожъ бы еще возмутительнѣе и развратнѣе сего могъ сказать и самъ посланный изъ преисподняго царства? Мудрено ли послѣ сего видѣть къ какому Іисусу хочетъ онъ звѣздою своею вести тѣхъ, кои его послушаютъ! Онъ продолжаетъ: „Если ты „найдешь гдѣ только буквальное или притворное Христіянство, „то не долженъ тамъ останавливаться, но искать Христа живаго." — Что такое *буквальное христіянство?* Кто не догадается, что подъ этимъ разумѣются книги священнаго писанія? Что такое *искать Христа живаго?* Какой христіянинъ почитаетъ Христа — Бога мертвымъ? Слѣдовательно проповѣдникъ говоритъ о какомъ-то своемъ Христѣ, который, по его мнѣнію, еще живъ и во плоти. Онъ продолжаетъ: „Они (волхвы) мнили, что должны найти Іисуса „во Іерусалимѣ, во святомъ градѣ, — и гдѣжъ иначе, если не „тамъ? тамъ храмъ, тамъ святыня, тамъ первосвященство, бого-„служеніе, и проч.." — Вотъ съ какою насмѣшкою проповѣдникъ говоритъ о храмахъ, первосвященникахъ, богослуженіи! вотъ что называетъ онъ *мертвою ученостію, ложнымъ буквальнымъ христіянствомъ!* И потомъ продолжаетъ: — „Но при всемъ добромъ „ихъ мнѣніи, потеряли они звѣзду и не узрѣли оной прежде, „какъ вышедши изъ сего такъ называемаго святаго града. Раз-„умѣющій да разумѣетъ." — Вотъ какъ проповѣдникъ обнаруживаетъ себя, что онъ не о той вѣрѣ говоритъ, въ которой всякъ наставленъ и читаетъ о ней въ молитвахъ, или слышитъ во храмахъ Божіихъ, но о другой, тайной, ему только съ обращенными уже въ нее извѣстной, въ которой всякое начальство и богослуженіе опровергается; и какъ такое ученіе опасно еще явно проповѣдывать, то онъ, иногда закрывая себя личиною истиннаго вѣроисповѣданія, иногда выглядывая изъ подъ ней и показываясь въ собственномъ своемъ видѣ, говоритъ: *разумѣющій да разумѣетъ.*

Сколько ни станемъ мы разсматривать сію книгу, нигдѣ не найдемъ въ ней ничего Евангельскаго, ничего нравоучительнаго, но вездѣ твердится только злоязычная хула и поруганіе всему тому, что мы почитать привыкли. Такъ, на страницѣ 50, учитъ онъ своего слушателя: — „Старую дорогу долженъ ты оставить „навсегда и навѣки, если не хочешь попасть въ руки Ироду, „книжникамъ и первосвященникамъ, кои Христа или умерщвляютъ, „или опровергаютъ, или предаютъ проклятію!!.." (Дерзкая и безстыдная ложь! Когда и гдѣ первосвященники предаютъ Христа проклятію?) Такъ, на страницѣ 52, говоритъ: „Кто Его (Христа) „любитъ, тотъ не захочетъ нигдѣ быть въ нѣгѣ, и къ мѣсту

„своему не прилѣпляется такъ, чтобы не быть готовымъ, ради „Христа, вырваться изъ объятій нѣжнѣйшихъ своихъ друзей и „послѣдовать обязанности своего званія и исполненію дѣла Божія. „Христіянинъ не желаетъ имѣть инаго отечества, кромѣ обширнаго шара земнаго, принадлежащаго Господу.“ — Не разврату ли, не сущему ли разрушенію всѣхъ добродѣтелей учитъ насъ здѣсь проповѣдникъ? Священное писаніе говоритъ намъ: *не любя своего ближняго, ты не можешь любить Бога;* а проповѣдникъ велитъ намъ вырываться изъ объятій нѣжнѣйшихъ друзей нашихъ, не велитъ имѣть отечества, слѣдовательно ни олтаря, ни государя, ни отца, ни брата, и, потушая въ насъ любовь ко всему священнѣйшему, называетъ это *обязанностію нашего званія и исполненіемъ дѣла Божія!* Перо падаетъ изъ рукъ моихъ, гнушаясь описывать толь пагубныя и злочестивыя внушенія!

На стран. 62, говоритъ онъ: „Ожидай только, возлюбленная „душа, вверженная Иродомъ въ Египетъ, въ жалостное положеніе, „*ожидай еще нѣсколько, и твой Иродъ умретъ,* и твое гоненіе кончится, и ты возвратишься опять въ землю Израильскую.“ — Проповѣдникъ говоритъ это самому себѣ и своимъ слушателямъ: въ какомъ же они или души ихъ находятся гоненіи? Кто вергъ ихъ въ жалостное положеніе? Чего велитъ онъ подождать еще нѣсколько? Кого разумѣетъ подъ именемъ Ирода, и почему пророчитъ ему скорую смерть? Темныя загадки! но кто просвѣщенъ истиннымъ свѣтомъ Евангелія, чья душа чиста и не злокозненна, тому не трудно угадать ихъ, и отъ нихъ содрогнуться.

Въ иномъ мѣстѣ (стран. 74), укоряя тѣхъ, которые почитаютъ себя рожденными въ истинной вѣрѣ, говоритъ: „Рожденіе „ваше (т. е. рожденіе въ христіянскомъ законѣ), имя (т. е. Христіянинъ), мечтанія (т. е. богопочитаніе и вѣроисповѣданіе) не „содѣлаютъ васъ блаженными. Надобно быть учениками Христовыми (т. е. того мнимаго существа, которое проповѣдникъ называетъ Христомъ) и послѣдовать его ученію (т. е. тому ученію, какое онъ и единомышленники его въ книгахъ своихъ распространяютъ), надобно принести истинное покаяніе (т. е. раскаяться въ томъ, что былъ христіянинъ), обратиться и уподобиться дѣтямъ (т. е. слѣпо, не разсуждая, подобно робенку, вступить въ ихъ секту), со Іисусомъ тѣсно соединиться, какъ виноградныя кисти „соединены съ лозою; — все прочее (то есть всѣ догматы вѣры) „есть обманъ и самоpазвращеніе. Будьте вы какими бы ни были, „и называйтесь какъ хотите, Богъ къ вамъ не привязанъ; Онъ „можетъ изъ камней произвесть чадъ Аврааму, изъ каменныхъ

„сердецъ и изъ совершенно закоснѣлыхъ грѣшниковъ содѣлать „чадъ Божіихъ; между тѣмъ какъ вы, состоя въ православной „церкви, при всей тщетной славѣ и ложномъ уповаціи на вашу „устную вѣру и наружно честное житіе, останетесь чадами діа„вола и ада.“ — Ясны ли сіи слова? Нужно ли послѣ сего еще выводить, что проповѣдникъ учитъ не чрезъ церковь соединиться съ Христомъ, но мимо ея идти къ нему: и слѣдовательно не къ тому Христу, которой есть глава церкви, но къ другому подъ симъ именемъ разумѣемому. Сей Христосъ его, по настоящему имени Антихристъ, или народное буйство, отпадшее отъ вѣры, вездѣ имъ и сообщниками его проповѣдывается; за него-то ходатайствуя, старается онъ очернить и церковь, и первосвященниковъ, и царей, и вельможъ, словомъ всѣ духовныя и гражданскія власти, и говоритъ, что, оставаясь въ той вѣрѣ, какая нынѣ всѣми христіянами исповѣдуется, мы становимся чадами діавола и ада, которыхъ слуги (присовокупляетъ онъ на страницѣ 94) именуются *князьями, властелинами и господами міра сего.*

Почитая излишнимъ, при толь ясныхъ и очевидныхъ злонамѣреніяхъ, разсматривать далѣе книгу сію, наполненную вездѣ злочестивыми и возмутительными мыслями, обязаны мы, по долгу вѣрноподданнаго къ Государю и по любви къ отечеству, обратить вниманіе правительства и на другія подобныя и столь же вредныя книги въ разныя времена изданныя, и къ одной и той же цѣли стремящіяся, то есть къ возмущенію народа противъ православія и престоловъ, подъ видомъ таинственныхъ ученій и темныхъ толкованій библіи. Неоднократно открывалось уже сіе, но оставаясь въ прежнемъ положеніи, умножалось, расло, усиливалось въ дерзости, и достигаетъ до великихъ успѣховъ. Высылка и наказаніе частныхъ лицъ не могутъ сего пресѣчь и отвратить. Одинъ подобный проповѣдникъ будетъ высланъ, другой на мѣсто его явится; и прежде нежели распространяемая имъ ересь дойдетъ до свѣденія, принесетъ уже много зла; да и по высылкѣ его, онъ уѣдетъ, а сѣмена посѣяннаго имъ разврата остаются созрѣвать и приносить плоды. Частное наказаніе цензора за пропускъ сей и другихъ подобныхъ же книгъ также ничего не пособитъ; ибо цензоръ, во первыхъ, можетъ не имѣть достаточнаго проницанія во вредъ, прикрытый въ нихъ мнимою пользою наставленія въ вѣрѣ и просвѣщеніи; во вторыхъ, публичное проповѣдываніе и печатаніе книгъ сихъ въ здѣшней столицѣ отвлекаетъ цензора отъ сомнѣнія въ пропускѣ перевода съ оныхъ; и естьли бы и увидѣлъ онъ что либо сомнительное, то опасается изъявить свое

сомнѣніе, при явномъ покровительствѣ и благорасположеніи къ симъ сочинителямъ и переводчикамъ. И такъ зло сіе, отчасу больше усиливающееся, не можетъ иначе быть отвращено, какъ пресѣченіемъ покровительства оному, и удержаніемъ его въ самомъ началѣ, срывая съ него, подъ какимъ бы оно видомъ ни явилось, личину лжеученія. Для сего нужно имѣть многихъ избранныхъ и благомысліемъ своимъ извѣстныхъ цензоровъ, надъ коими должно учредить вышній цензурный комитетъ, который бы состоялъ не изъ однаго, но изъ пяти или по крайней мѣрѣ четырехъ духовныхъ и государственныхъ особъ, къ коимъ бы цензоры, въ случаѣ сомнѣній своихъ, могли относиться. Подъ вѣденіемъ сего комитета должны состоять не токмо всѣ издаваемыя на россійскомъ языкѣ книги, но и всѣ иностранныя, привозимыя сюда или здѣсь печатаемыя, также и образъ ученія, преподаваемый во всѣхъ университетахъ, гимназіяхъ и училищахъ, за которыми надлежитъ строго смотрѣть, чтобъ профессоры и учители преподавали науки по извѣстнымъ книгамъ, а не по рукописнымъ тетрадямъ, въ коихъ они часто обучаютъ учениковъ не общимъ, но собственнымъ своимъ правиламъ и мыслямъ. Всѣ другія мѣры окажутся недостаточными къ удержанію и отвращенію сего, подъ видомъ просвѣщенія и толкованія священныхъ писаній, распространившагося зла, требующаго для общаго спокойствія и спасенія отъ него, яко отъ заразительнаго недуга, дѣятельныхъ мѣръ и неусыпнаго надзора. Надзоръ сей долженъ состоять не въ одномъ обращеніи вниманія своего на прекращеніе подобными книгами и внушеніями распространять духъ дерзости и ослѣпленія, но въ дѣятельномъ и строгомъ изслѣдованіи всѣхъ произшедшихъ отъ того золъ и успѣховъ, не въ однѣхъ столицахъ и училищахъ, но внутри и отдаленнѣйшихъ краяхъ Россіи. Мы читаемъ въ иностранныхъ вѣдомостяхъ (Journal de Francfort Nro. 119, 24 Avril, 1824, de Petersbourg): „M. le docteur Ignace Fessler [1]), surintendant du consistoire Evangélique de Saratow, qui compte plus de 600,000 colons aisés et industrieux, a fait tout récemment un voyage d'inspection de plus de 6000 wertes, dans les nouveaux gouvernemens soumis à son diocése.“ Таковыя обширныя порученія иностраннымъ проповѣдникамъ и учителямъ, изгнаннымъ изъ ихъ отечества, или, покрайней мѣрѣ, признаваемымъ за людей худыхъ правилъ, и можетъ быть нарочно посылаемымъ къ намъ для разрушенія мира и тишины, необходимо долженствовали, какъ и слышно,

---

[1]) Бывшій профессоръ духовной академіи, вызванный въ Россію Сперанскимъ.

произвесть немалые плоды посѣяніемъ въ простомъ народѣ всякихъ ересей и буйства. Великость сихъ успѣховъ, разными средствами произведенныхъ, требуетъ строжайшаго и неукоснительнаго обращенія къ потушенію сего огня, безпрестанно поджигаемаго иностранцами, и который, при малѣйшихъ еще попущеніяхъ, легко можетъ содѣлаться неугасимымъ.

(Разборъ сей[1]) читанъ мною въ комитетѣ г. г. министровъ, 20 Мая 1824 года.)

---

30 числа октября (1824), былъ я у графа Аракчеева и читалъ ему нѣкоторыя бумаги, съ которыми онъ соглашался и обѣщалъ мнѣ во всѣхъ намѣреніяхъ моихъ содѣйствовать. На третій день, извѣстясь о нѣкоторыхъ вновь вышедшихъ книгахъ, послалъ я къ нему слѣдующее письмо:

Милостивый Государь, графъ Алексѣй Андреевичъ,

Въ прежнихъ письмахъ моихъ имѣлъ я честь объяснить вашему сіятельству о продолжающихся и нынѣ покушеніяхъ и стараніяхъ продолжать собранія библейскихъ обществъ, и распространять не переводы, а такъ сказать перекладку священныхъ писаній съ высокаго и важнаго языка на простонародное нарѣчіе: два сильнѣйшія орудія революціонныхъ замысловъ. Теперь почитаю себя въ необходимой обязанности препроводить къ вамъ новѣйшія тому свидѣтельства, а имянно: ежемѣсячно издаваемую книжку подъ названіемъ *Извѣстій о сихъ обществахъ*[2]), гдѣ ихъ дѣла до небесъ превозносятся, и другую *Краткій Катихизисъ*[3]), здѣсь въ синодальной типографіи недавно въ числѣ, какъ слышно, осмнадцати тысячъ экземпляровъ напечатанную. Я имѣю причины

---

[1]) Сравненіе оффиціальнаго представленія Шишкова о книгѣ Госнера, съ разборомъ ея въ „Запискѣ о крамолахъ враговъ Россіи" (Русск. Арх. 1868. вып. 9) убѣждаетъ, что первое послужило матеріаломъ для второго, и подтверждаетъ предположеніе свящ. Морошкина (т. ж. ст. 1333), на счетъ принадлежности „Записки" перу почитателя и довѣреннаго чиновника Шишкова, кн. С. А. Ширинскаго-Шихматова.

[2]) „Извѣстія о Библейскихъ Обществахъ" стали издаваться, съ высочайшаго соизволенія, въ январѣ 1824 г., замѣнивъ собою прежнія ежегодныя „Отчеты" Общества; изданіе должно было прекратиться на десятой (октябрской) книжкѣ.

[3]) Это первое изданіе „Краткаго Катихизиса" Филарета, съ молитвами и текстами, набранными славянскими буквами, и съ ученіемъ о „Богопознаніи естественномъ," было напечатано въ 1823 г.; и авторъ награжденъ тогда орденомъ св. Александра Невскаго. Потомъ Катихизисъ подвергся тремъ пересмотрамъ, послѣ которыхъ, съ 1839 г., онъ сталъ печататься въ томъ видѣ, въ какомъ печатается и понынѣ. Въ 1865 г. вышелъ онъ 105-мъ изданіемъ (Зап. о жизни Филарета, Н. В. Сушкова, стр. 102—109).

(о которыхъ въ свое время не оставлю подробнѣе донести) просить ваше сіятельство доложить о семъ государю императору и принять неукоснительныя мѣры, чтобъ издаваніе первой изъ сихъ книжекъ и разсылки второй теперь же, по крайней мѣрѣ до ближайшаго разсмотрѣнія оной, остановить; ибо естьли сія послѣдняя повсюду разойдется, то уже дѣйствія, ею произведеннаго, отвратить будетъ не можно. Не разсуждая уже о нѣкоторыхъ введенныхъ въ нее, не совсѣмъ согласныхъ съ ученіемъ нашей церкви правилахъ, одно только то, что въ ней главнѣйшія молитвы, составляющія духовное наше воспитаніе, и къ которымъ каждый отецъ пріучаетъ едва начинающаго еще лепетать своего сына, молитвы, въ которыхъ каждая буква должна казаться намъ неприкосновенною и священною, молитвы, таковыя, какъ *Отче нашъ* и *Вѣрую во единаго Бога* также и *Заповѣди Господни* переложены на простой языкъ, переиначены, и нарочно, для сильнѣйшаго впечатлѣнія сей важной перемѣны, напечатаны церковными буквами; одно только сіе показываетъ уже съ какимъ намѣреніемъ тиснуто оной такое огромное количество. Слѣдуя долгу званія моего, надлежало бы мнѣ тотчасъ во всѣ училища разослать приказаніе, чтобъ нигдѣ помянутыхъ книжекъ не принимали; но поставленный въ затрудненіе дѣйствовать во благо церкви, государя и отечества, я буду ожидать или разрѣшенія на то, или увольненія меня отъ такова званія, въ которомъ я не могу быть полезенъ, и долженъ, попуская возрастать и усиливаться прежнимъ стараніямъ и работамъ, съ укореніемъ совѣсти моей видѣть себя содѣйствующимъ въ томъ, что по моимъ понятіямъ можетъ принести крайній вредъ благочестію, нравамъ, и слѣдовательно государству и человѣчеству. Съ истиннымъ и совершеннымъ почитаніемъ имѣю честь быть,

вашего сіятельства покорнѣйшій слуга

А. Ш.

Ноября 3 числа, увидѣлся я съ графомъ Аракчеевымъ въ комитетѣ г. г. министровъ. Онъ показалъ мнѣ мои прежде писанныя къ нему два письма съ подчеркнутыми въ нѣкоторыхъ мѣстахъ строками, сказавъ: — „Государь Императоръ приказалъ у васъ спросить, для чего же вы по этому не дѣйствуете?“ — Я при семъ случаѣ сдѣлалъ ему свой вопросъ: — „Развѣ вы послѣдняго письма моего къ вамъ ему не читали?“ — Онъ отвѣчалъ: — „Нѣтъ, а покажу завтра.“ — Тутъ мы разстались. На другой день поутру пріѣхалъ онъ ко мнѣ съ извѣщеніемъ, что его вели-

честву угодно, чтобъ мы вмѣстѣ съѣздили къ митрополиту, и съ нимъ какъ о ежемѣсячномъ издаваніи Извѣстій о библейскихъ обществахъ, такъ и о Краткомъ Катихизисѣ объяснились. Тогожъ числа, въ 7 часовъ по полудни, отправились мы къ митрополиту. Я началъ говорить, что хотя никакихъ гласныхъ повелѣній о прекращеніи библейскихъ обществъ не дано[1]), однакожъ съ самой перемѣны министерства просвѣщенія намѣреніе клонилось уже къ тому, чтобъ нигдѣ объ нихъ не упоминать. Какимъ же образомъ здѣсь въ Петербургѣ, подъ его начальствомъ[2]), продолжаютъ издавать объ нихъ извѣстія, и превозносить ихъ похвалами, тогда какъ въ цѣли и распространеніи оныхъ открывается явный вредъ? Митрополитъ отвѣчалъ, что какъ за этотъ годъ собраны уже подписки на сей журналъ, то онъ велѣлъ продолжать его до истеченія года, а съ будущаго генваря оный прекратится. На сіе возразилъ я: — „Гдѣ идетъ дѣло о вредѣ, наносимомъ вѣрѣ и нравственности, и который и такъ уже сильно распространился, можно ли тамъ попускать еще болѣе распространяться и утверждаться оному, для сбора нѣкотораго числа денегъ? Сверхъ того, съ перемѣною министерства всѣ благомыслящіе люди ожидали и перемѣны направленія умовъ отъ прежней худой въ хорошую сторону; но когда, чрезъ полгода или болѣе, увидятъ тожъ самое, что было доселѣ, то какое изъ того родится ободреніе и торжество для тѣхъ, которые всѣми силами и хитростями стараются не дать сдѣлаться сему перелому?“ — Послѣ сего, сужденіе обращено было на вышеозначенный Краткій Катихизисъ, архіереемъ Филаретомъ написанный и синодомъ утвержденный. Митрополитъ защищалъ въ немъ переводъ молитвъ и вообще всѣ переводы священнаго писанія съ славенскаго (какъ всѣ незнающіе языка своего журналисты говорятъ) на рускій языкъ, утверждая, что многіе славенскаго языка не разумѣютъ. Тутъ не могъ я сохранить своего хладнокровія: — „Какъ!“ сказалъ я съ жаромъ, „кто изъ насъ не разумѣетъ церковной службы? развѣ тотъ одинъ, кто, отрекшись отъ отечества своего, забылъ и языкъ свой? Можно

[1]) Такъ просуществовало Общество до новаго царствованія: указъ отъ 12-го апрѣля 1826 г., на имя митрополита Серафима, прекратилъ всѣ дѣйствія Общества, до дальнѣйшаго разрѣшенія; а 15-го іюля того же года, новымъ указомъ на имя митр. Серафима, Общество было окончательно закрыто, и имущество его, оцѣненное въ 2 миліона рублей, передано въ вѣдѣніе св. синода (Вѣстн. Евр. 1868, кн. 12, „Русск. Библ. Общ.,“ стр. 734—740).

[2]) 17-го мая 1824 года, митр. Серафимъ занялъ въ Библейскомъ Обществѣ мѣсто председателя, по сложеніи этого званія кн. Голицынымъ (Тамъ же, кн. 8, стр. 712).

ли съ разсудкомъ повѣрить, что *вѣрую во единаго Бога* мы не понимаемъ, а *вѣрую въ одново Бога* понимаемъ? что *Отче нашъ иже еси на небесѣхъ* есть чуждый намъ славенскій, а *Отче нашъ сущій на небесахъ* собственный нашъ руской языкъ? И нужно ли на семъ, да позволено сказать, толь неосновательномъ мнѣніи основывать надобность раздѣленія языка церкви съ языкомъ народнымъ? Можетъ ли мнимая надобность сія, уронивъ важность священныхъ писаній, произвесть иное, какъ не ереси и расколы?" — Митрополитъ подтверждалъ еще мнѣніе свое слѣдующими словами: — „Да кудажъ дѣваться намъ съ такимъ множествомъ напечатанныхъ книгъ?" — Тутъ едва удержался я въ предѣлахъ должнаго къ священному сану уваженія. Графъ Аракчеевъ также не вытерпѣлъ и сказалъ: — „Не о деньгахъ дѣло идетъ; пусть ихъ пропадаютъ, лишь бы остановить и сколько можно отвратить сдѣланное зло." — Напослѣдокъ, по долгомъ преніи, общее заключеніе было такое, что библейскія общества должно прекратить, переводовъ священныхъ писаній на простое нарѣчіе не выпускать, и Краткій Катихизисъ остановить[1]).

По пріѣздѣ сюда государя императора былъ я у него съ поздравленіемъ. Онъ принялъ меня милостиво, раскзывалъ о путешествіи своемъ и, отпуская меня, сказалъ: — „въ суботу увидимся."

7 числа (въ пятницу), было нещастное наводненіе, причинившее столько бѣдствій и вреда всему городу и всѣмъ его окрестностямъ.

---

[1]) Мнѣніе свое о Катихизисѣ митрополитъ Серафимъ изложилъ въ письмѣ къ архіепископу Филарету (декабря 1824 г.); оно написано въ отвѣтъ на два письма Филарета и напечатано вмѣстѣ съ ними въ „Приложеніяхъ" къ „Запискамъ о жизни Филарета," Н. В. Сушкова (стр. 49—53). Тамъ же (стр. 48) находится сюда относящееся, слѣдующее письмо Шишкова къ Серафиму, отъ 21 ноября 1824 г.: „Въ бытность нашу, а именно его сіятельства графа Алексѣя Андреечича Аракчеева и мою, по особому Государя Императора порученію, въ домѣ у Вашего Преосвященства, разсуждаемо было, и общимъ согласіемъ положено, что неприлично таковымъ молитвамъ какъ: Вѣрую во Единаго Бога и Отче нашъ, быть въ духовныхъ книгахъ переложеннымъ на простонародное нарѣчіе, о чемъ доведено и до свѣдѣнія Его Императорскаго Величества; а потому, равно какъ и въ силу даннаго на мое имя въ 17-й день сего мѣсяца Высочайшаго указа, не благоволено ли будетъ Вашему Высокопреосвященству предложить Синоду, дабы вновь издаваемые христіанскіе катихизисы: полный и краткій, въ которыхъ помянутыя молитвы и заповѣди Господни переложены на простонародное нарѣчіе, печатаніемъ и разсылкою какъ здѣсь, такъ и въ Москвѣ пріостановить, доколѣ воспослѣдуетъ на то Высочайшее разрѣшеніе. Имѣю честь" и проч..

8 числа, получилъ я записку, что государь императоръ въ сей день принять меня не можетъ, а приказываетъ мнѣ быть къ нему съ докладами завтра, въ 7 часовъ по полудни.

9 числа, въ назначенное время, явился я къ нему. Онъ долго съ сокрушеннымъ сердцемъ разговаривалъ со мною о случившихся нещастіяхъ, о многихъ погибшихъ людяхъ, и о повсемѣстномъ разореніи. Наконецъ приказалъ читать бумаги. Я предупредилъ его слѣдующею рѣчью: — „Государь! Вы столько всегда были ко мнѣ милостивы, что пріучили меня говорить вамъ откровенно; и потому все, что вы въ разныхъ бумагахъ моихъ слышать будете, есть безъ всякаго опасенія и утайки совершенное чувствъ моихъ изліяніе. Я иду прямою дорогою: могу обманываться, но хитростей и уловокъ никакихъ не знаю." — Онъ отвѣчалъ мнѣ: — „Я люблю откровенность, и благодарю тебя за то; мнѣ надоѣли тѣ лицемѣрія и увертки, въ которыхъ нельзя распознать правду съ ложью. Впрочемъ мы всѣ люди, и обманываться всякъ можетъ. Читай." — Послѣ сего началъ я читать слѣдующія моей рукою писанныя бумаги:

„Въ 1818 году, издана была сочиненная на россійскомъ языкѣ, одобренная духовною цензурою, книга подъ названіемъ: *Бесѣда на гробѣ младенца о безсмертіи души.* О книгѣ сей, тотчасъ по изданіи ея, донесено было Вашему Величеству, якобы оная содержала въ себѣ зловредныя и противныя нашему вѣроисповѣданію правила; въ слѣдствіе чего книга сія запрещена и у всѣхъ отобрана; сочинитель ея, Станевичъ, высланъ изъ столицы, а цензору, пропустившему ее, покойному архимандриту Инокентію, сдѣланъ строжайшій выговоръ. Нынѣ же, въ прошедшемъ августѣ мѣсяцѣ, книга сія, оставшаяся въ одномъ токмо экземплярѣ у покойнаго митрополита Михаила, препровождена была ко мнѣ чрезъ статъ-секретаря Кикина [1]) съ тѣмъ, чтобъ я по разсмотрѣніи ея донесъ о ней Вашему Величеству. Исполняя повелѣніе сіе, я въ мнѣніи моемъ сказалъ, что прежнее донесеніе о ней было несправедливо, что напротивъ того она, защищая Церковь и вѣру, опровергаетъ тѣ ложныя понятія, которыя ко вреду благочестія и правительства во многихъ книгахъ разсѣяны; но вмѣстѣ съ симъ просилъ, чтобъ, не полагаясь на одно мое мнѣніе, повелѣно было

---

[1]) Вмѣшательство Кикина въ это дѣло объясняется, во первыхъ, пріязнію его къ архим. Иннокентію, и во вторыхъ тѣмъ, что Станевичъ, служившій нѣкогда подъ его начальствомъ, былъ лично ему извѣстенъ (Зап. Фотія, въ „Чтеніяхъ," 1868, кн. I, Смѣсь, стр. 264).

книгу сію разсмотрѣть духовнымъ особамъ. По соизволеніи на то Вашего Величества, отослалъ я оную къ здѣшнему митрополиту Серафиму, который нынѣ, при письмѣ своемъ ко мнѣ, прислалъ поданный ему объ оной слѣдующаго содержанія рапортъ:

„РАПОРТЪ МИТРОПОЛИТУ.

„Сего 1824 года сентября 12 дня, благоугодно было вашему высокопреосвященству приказомъ предписать намъ приложенную при немъ книгу подъ названіемъ: *Бесѣда на гробѣ младенца о безсмертіи души*, пересмотрѣть тщательнѣйшимъ образомъ и о достоинствѣ ея представить съ мнѣніемъ своимъ. Въ исполненіе сего приказа, мы разсматривали оную книгу, и по разсмотрѣніи сдѣлали о ней такое заключеніе, что книга сія, по духу своему, совершенно сообразна съ ученіемъ вѣры нашей православной церкви, и даже есть плодъ сильной ревности по вѣрѣ и пламеннаго усердія къ церкви. Сочинитель ея, разсуждая о безсмертіи души, обращаетъ свое вниманіе на тѣ пагубныя мудрованія, которыя у насъ съ нѣкотораго времени во многихъ книгахъ разсѣваются, и которыхъ распространители, проповѣдуя мечтательное благочестіе и мнимо-духовную свободу, и свое лжеученіе подтверждая словами священнаго писанія, превратно изъясняемыми, стараются обольщать сердца способныя увлекаться всякимъ вѣтромъ ученія, истреблять въ нихъ покорность вѣрѣ и церкви, унижать священныя дѣйствія богослуженія и внушать неуваженіе къ служителямъ олтаря, — и такимъ образомъ, потрясая основанія церкви и развращая нравственность народную, угрожаютъ опасностію благоустройству и благоденствію государства, которыя всегда неразлучны съ благосостояніемъ вѣры и церкви. Сіи пагубныя мудрованія сочинитель *Бесѣды о безсмертіи души* раскрываетъ, обличаетъ и опровергаетъ съ такою ревностію и съ такимъ сильнымъ чувствомъ, какія свойственны усердному сыну церкви и отечества. По сему мы полагаемъ, что книга сія можетъ производить весьма полезныя дѣйствія въ сердцахъ читателей, однихъ предостерегая отъ вводящихъ раздѣленія и соблазны противъ ученія, которому научаетъ святая церковь, а другимъ открывая глаза на тѣ заблужденія, въ которыя они по невѣденію могли быть вовлечены злыми дѣлателями, кои ласковыми и красивыми словами обольщаютъ сердца простодушныхъ. О таковомъ исполненіи приказа вашего высокопреосвященства симъ покорнѣйше рапортуемъ.

„На подлинномъ подписано: Протоіерей Тимофей Вещезѣровъ. Профессоръ Академіи, священникъ Іоакимъ Кочетовъ.

„Октября 1 дня 1824 года.

„Сей рапортъ присланъ ко мнѣ, при слѣдующемъ отъ митрополита письмѣ:

„В. в. м. г.,

„Въ слѣдствіе почтеннѣйшаго в. в., отъ 10-го прошедшаго августа, отношенія, при которомъ изволили вы, по высочайшему государя императора повелѣнію, препроводить ко мнѣ на разсмотрѣніе книгу, подъ названіемъ *Бесѣда на гробѣ младенца о безсмертіи души*, препоручилъ я ее разсмотрѣть протоіерею Спасосѣнновской церкви, Тимофею Вещезѣрову, и здѣшней духовной академіи профессору, священнику Іоакиму Кочетову, и какое получилъ отъ нихъ о достоинствѣ книги сей мнѣніе, оное въ подлинникѣ прилагая при семъ, съ таковымъ съ моей стороны заключеніемъ, что я, прочитавъ съ особеннымъ вниманіемъ книгу сію, нашелъ въ ней всѣ тѣ достоинства, каковыя прописаны во мнѣніи протоіерея Вещезѣрова и священника Кочетова. Возвращая помянутую книгу, честь имѣю быть и проч..

„На подлинномъ подписано: Серафимъ, Митрополитъ Новгородскій и Санктпетербургскій.

„6 Октября 1824 года.

„Здѣсь нужно замѣтить, что въ томъ же году, тотчасъ по запрещеніи сей книги, дано было циркулярное предписаніе слѣдующаго содержанія:

„Чтобъ цензурные комитеты, при разсматриваніи сочиненій и переводовъ, предполагаемыхъ къ печатанію вторымъ, третьимъ и вообще возобновляющимся тисненіемъ, наблюдали строжайше, дабы *не соотвѣтствующія настоящимъ видамъ правительства* мѣста въ книгахъ сихъ, содержащія въ себѣ мысли и духъ, противный религіи христіянской, обнаруживающія или вольнодумство, безбожничество, невѣріе и неблагочестіе, или своевольство революціонной необузданности, мечтательнаго философствованія, или же опорочиванія догматовъ православной нашей церкви, и тому подобное, были непремѣнно запрещаемы къ печатанію, хотя бы въ напечатанныхъ книгахъ прежде находились.

„Предписаніе сіе дано было, тотчасъ по запрещеніи помянутой книги *Бесѣда на гробѣ младенца:* слѣдовательно, какъ по донесенію объ ней, такъ и по сему неукоснительно за тѣмъ воспослѣдовавшему предписанію, очевидно явствуетъ, что она была

поводомъ сего, и что къ ней относится выраженіе *не соотвѣтствующей настоящимъ видамъ правительства.* Вскорѣ за симъ, *по опредѣленію* (коммиссіи?) *духовныхъ училищъ,* какъ бы для показанія, въ чемъ состоятъ *настоящіе виды правительства,* не токмо въ немаломъ количествѣ выпущены, но и съ назначеніемъ цѣны, разосланы для чтенія книги таковыя, какъ: *Опытъ дѣятельнаго ученія о дѣйствіи Св. Духа въ душахъ, Воззваніе человѣкамъ о послѣдованіи внутреннему влеченію духа Христова* и многія другія, прямо противныя догматамъ нашей вѣры и тѣмъ правиламъ, какія въ помянутомъ предписаніи означены. Изъ сего ясно открывается, что книги, писанныя въ духѣ вѣры и въ защиту благочестія, выдавались за зловредныя и не только не были терпимы, но тщательно истреблялись, и сочинители ихъ подвергались гоненію. Отсюду не меньше ясно и то, что когда съ подобными книгами поступаемо было такимъ образомъ, то сіе не могло быть для инаго намѣренія, какъ для того, дабы не препятствовали онѣ внушать и распространять противныя имъ ложныя ученія и наставленія. Естьли обратить вниманіе на все то, что въ семъ намѣреніи напечатано и нарочно разсылаемо было для чтенія въ народѣ и по училищамъ; естьли взглянуть притомъ и на другія разныя средства къ размноженію сего употребленныя, и естьли исчислить успѣхи чрезъ не малое время въ прельщеніи умовъ и въ воспитаніи юношества произведенные, то ужасная истина сія откроется во всей своей очевидности. Сія борьба своевольства съ законами появилась сперва въ хитрыхъ словахъ и тайныхъ шопотахъ, но скоро, возвыся голосъ, стала вопіять громче, яснѣе и дерзновеннѣе. Подъ личиною новой набожности и новаго просвѣщенія, она произвела новыя понятія, поколебала и раздѣлила мнѣніе людей о самоважнѣйшихъ для благоденствія народнаго предметахъ, о вѣрѣ и правительствѣ, требующихъ непремѣнно одинакихъ мыслей и единодушія. Усилясь въ дерзкой надеждѣ своей, стала она тайный образъ свой превращать въ явный, сдѣлалась всякому извѣстною, и подала поводъ къ небывалымъ прежде и непозволеннымъ умствованіямъ и сужденіямъ. А потому естьли противъ сего распространившагося зла не взять нынѣ дѣятельныхъ и гласныхъ мѣръ, то оно еще болѣе умножится и возрастетъ; ибо духъ благомыслящихъ людей, и такъ уже упадшій, совершенно уронитъ, и вознесетъ надежду тѣхъ, которые, или по злонамѣренію, или по соблазну, или по легковѣрію, или по видамъ корысти, хотятъ чтобъ заблужденіе господствовало и торжествовало. Для обузданія сего вреднаго духа, почитаю я

крайне нужнымъ, чтобъ гласная и рѣшительная воля Вашего Императорскаго Величества изъявлена была даннымъ на мое имя рескриптомъ, которому, естьли мнѣніе мое удостоится одобренія, прилагаю при семъ проэктъ:

„ПРОЭКТЪ РЕСКРИПТА.

„Въ указѣ Нашемъ, данномъ Правительствующему Сенату, февраля въ 9 день 1802 года[1]), между прочими постановленіями о разсматриваніи и печатаніи книгъ, во второмъ пунктѣ объяснено: *„чтобъ не было ничего въ нихъ противнаго законамъ Божіимъ и гражданскимъ;“* и тогожъ указа въ третьемъ пунктѣ изображено: *„что принадлежитъ до книгъ церковныхъ и вообще къ вѣрѣ относящихся, въ изданіи ихъ поступать на точномъ основаніи указа 27 іюля 1787 года.“* Нынѣ, по случаю препровожденной къ Новгородскому и Санктпетербургскому Митрополиту на разсмотрѣніе книги подъ названіемъ: *Бесѣда на гробѣ младенца о безсмертіи души,* изъ донесеній его усмотрѣно Мною, что въ противность помянутымъ указамъ многія къ вѣрѣ относящіяся книги, часто содержащія въ себѣ ложныя и соблазнительныя о Священномъ Писаніи толкованія, печатались въ частныхъ типографіяхъ, безъ всякаго синодскаго разсмотрѣнія, и что напротивъ того книги, въ духѣ православной нашей вѣры написанныя, подвергались строгому запрещенію. Такимъ образомъ помянутая книга, подъ названіемъ *Бесѣда на гробѣ младенца* (по несправедливому о ней донесенію),[1] была запрещена и отобрана (дабы не препятствовала распространяться духу другихъ къ соблазну вѣры выпускаемыхъ книгъ. Правительствующій Синодъ, вопреки обязанности своей и данныхъ ему предписаній, не обратилъ на то своего вниманія и умолчалъ о семъ).[2] Въ слѣдствіе сихъ отступленій отъ вышеупомянутыхъ данныхъ Нами указовъ, и воспослѣдовавшаго отселѣ вреднаго для просвѣщенія и нравственности направленія, повелѣваемъ вамъ войти въ строгое наблюденіе, дабы какъ въ изданныхъ, такъ и впредь издаваемыхъ сочиненіяхъ и переводахъ, особливо же въ преподаваніи по училищамъ наукъ, ничего колеблющаго вѣру и благонравіе не укрывалось. Народное благоденствіе много отъ сего пострадать можетъ, и потому обязаны вы предъ Богомъ и предъ Нами употребить за симъ не-

---

[1]) Хотя въ рукописи, — какъ видно и въ спискахъ также („Чтенія,“ стр. 55), — стоитъ 1802 годъ, но мы полагаемъ, что это описка, и что слѣдуетъ читать 1804 г., такъ какъ постановленія Александра о цензурѣ относятся къ 1804 году; кромѣ того уже (на стр. 176) была ссылка на этотъ же самый указъ 9 февраля, съ обозначеніемъ 1804 года.

усыпный надзоръ, истребляя и обличая всякія разсѣянныя въ книгахъ, или иначе внушаемыя лжеученія, и не допуская ни въ какомъ видѣ вновь появляться онымъ. Въ важнѣйшихъ случаяхъ вы не оставите доводить сіе до Нашего свѣденія. Вышеозначенную книгу: *Бесѣда на гробѣ младенца о безсмертіи души* (по несправедливому о ней донесенію), [3] запрещенную и нынѣ Митрополитомъ разсмотрѣнную и одобренную, повелѣваемъ (вновь на казенной щетъ) [4] [5] напечатать.“ [6]

(Сію бумагу Государь изволилъ оставить у себя.) N. B.

Сверхъ сихъ читаны были мною еще слѣдующія бумаги:

ПЕРВАЯ.

О переводахъ Священныхъ Писаній.

Переводы Священнаго Писанія съ высокаго языка (называемаго славенскимъ) на простой въ общежитіи употребляемый языкъ (называемый рускимъ), подъ предлогомъ лучшаго разумѣнія церковныхъ книгъ *), придуманы для уменьшенія ихъ важности и поколебанія вѣры. Можно бы было изъ многихъ примѣровъ ясно сіе доказать; но довольно и нѣсколькихъ мѣстъ для нѣкотораго въ томъ усмотрѣнія. И такъ сократимъ сколько можемъ разсужденіе о семъ самыми малыми примѣчаніями.

N. B. [1]) Рескриптъ сей, спустя нѣсколько времени, напослѣдокъ былъ подписанъ Государемъ и присланъ ко мнѣ. Я велѣлъ оный тотчасъ напечатать и разослать повсюду. Въ немъ сдѣланы были нѣкоторыя перемѣны, а имянно: слова, заключенныя въ скобкахъ, подъ числами 1, 2, 3, 4, выпущены.

5. Здѣсь же, вмѣсто означенной скобками выпущенной рѣчи, прибавлено слово: дозволить.

6. Здѣсь также прибавлено слово: и продавать [2]).

*) Мнѣніе сіе, родившееся отъ незнанія силы языка и недостатка здраваго разсудка, заразившее не только новѣйшихъ свѣтскихъ писателей, но даже и самое духовенство, простерлось до такой степени, что въ отчетахъ библейскихъ обществъ сіе искаженіе священныхъ писаній называютъ переводомъ на природной руской языкъ, словно какъ бы тотъ былъ для насъ чужой. Отселѣ презрѣніе къ кореннымъ самымъ знаменательнѣйшимъ словамъ; отселѣ несвойственность многихъ выраженій; отселѣ неразумѣніе сильнаго, краткаго слога, и введеніе на мѣсто онаго почерпнутой изъ чужихъ языковъ безтолковицы. Мнѣніе сіе такъ усилилось, что нѣкто, не журналистъ, не самоучка стихотворецъ, не барыня забывшая языкъ свой въ Парижѣ, но одинъ

---

[1]) Позднѣйшая приписка на полѣ.

[2]) Указъ, съ означенными перемѣнами, былъ подписанъ государемъ 17 ноября 1824. Новое изданіе книги Евстафія Станевича вышло въ 1825 г. („Чтенія“ 1861, кн. 1 и 2, Смѣсь, стр. 201—202. — Вѣстн. Евр. 1868, кн. 12, прим. А. Н. Пыпина, на стр. 711).

Въ Краткомъ Катихизисѣ, недавно изданномъ, первая заповѣдь: *Азъ есмь Господь Богъ твой, да не будутъ тебѣ бози иніи развѣ Мене,* изложена слѣдующимъ образомъ: *Я Господь Богъ твой, да не будетъ у тебя другихъ боговъ предъ лицемъ Моимъ.* Замѣтимъ первое, что заповѣди сіи называемъ мы *Господними,* и слѣдовательно почитаемъ ихъ Божескими изрѣченіями. Благоговѣніе къ Богу и древность запечатлѣла въ умѣ и въ сердцѣ нашемъ каждое въ нихъ слово. Когда древнія дѣла рукъ человѣческихъ, какъ напримѣръ одѣяніе или сосуды, сохраняются неприкосновенными, дабы по превращеніи ихъ въ новый видъ не потеряли они своего достоинства, то какъ же дерзнуть на перемѣну словъ, почитаемыхъ изшедшими изъ устъ Божіихъ?

Второе, для чего дѣлать сію перемѣну? какая въ томъ надобность? Естьли скажемъ, что многія слова вышли изъ употребленія, и никто ихъ не понимаетъ, такъ это неправда: онѣ употребляются въ священныхъ писаніяхъ, въ церковной службѣ, во всѣхъ высокихъ свѣтскихъ твореніяхъ, въ лѣтописяхъ и законахъ. Не знать ихъ есть утверждать отпаденіе свое отъ вѣры, отъ языка и отъ наукъ; есть признавать, что мы ни молитвъ не читаемъ, ни въ церковь не ходимъ, и словомъ ничего, кромѣ простыхъ другъ съ другомъ разговоровъ, не знаемъ. Подобная мысль поведетъ насъ къ заключеніямъ, что и всю церковную службу должно переложить на простонародной языкъ; ибо когда я дома стану читать переиначенное Евангеліе, то изъ того непремѣнно уже послѣдуетъ, что я читаемаго въ церкви Евангелія или не буду разумѣть, или, слыша въ немъ иной языкъ и складъ, не буду имѣть должнаго къ нему уваженія. Можно ли о такомъ преступномъ намѣреніи, чтобъ языкъ воспитанія отдѣлить отъ языка церкви, подумать безъ ужаса?

Третіе, языкъ у насъ славенскій и рускій одинъ и тотъ же. Онъ различается только (больше нежели всякой другой языкъ) на высокой и простой. Высокимъ написаны священныя книги, простымъ мы говоримъ между собою и пишемъ свѣтскія сочиненія, комедіи, романы, и проч. Но сіе различіе такъ велико, что слова,

---

изъ знаменитѣйшихъ духовныхъ пастырей, защищая надобность перевода священныхъ писаній, яко бы для лучшаго разумѣнія оныхъ, въ доказательство тому сказалъ: — „При мнѣ одного дьячка спросили, что значитъ слово **ради**, въ выраженіи **насъ ради распятаго**, — и онъ не умѣлъ отвѣчать.“ — Тутъ одинъ изъ слушателей не могъ удержаться отъ смѣха, и захохотавъ сказалъ: — „Хороши наши дьячки, когда не знаютъ даже и такихъ словъ, которыя всѣ нищіе, ходя по улицамъ, кричаніемъ своимъ, **подай ради Христа**, безпрестанно повторяютъ!“

имѣющія одно и тоже значеніе, приличны въ одномъ и неприличны въ другомъ случаѣ: *воззрѣть очами* и *взглянуть глазами* суть два выраженія, не смотря на одинакое значеніе словъ, весьма между собою различныя. Когда поютъ: *се женихъ грядетъ во полунощи*, я вижу Христа; но когда тожъ самое скажутъ: *вонъ женихъ идетъ въ полночь*, то я отнюдь не вижу тутъ Христа, а просто какова нибудь жениха. Сколько смѣшно въ простыхъ разговорахъ говорить высокимъ славенскимъ слогомъ, столько же странно и дико употреблять простой языкъ въ священномъ писаніи. Не всякъ ли бы поневолѣ разсмѣялся, естьли бы въ Псалтырѣ вмѣсто: *рече безуменъ въ сердцѣ своемъ нѣсть Богъ*, стали читать: *дуракъ говоритъ нѣтъ Бога?* Между тѣмъ смыслъ въ сихъ двухъ выраженіяхъ есть одинъ и тотъ же. Сколько подобнаго повстрѣчается, естьли весь подлинникъ сличить съ переводомъ? Въ вышеприведенной нами первой заповѣди, мѣстоименіе *азъ* перемѣнено въ *я*. Здѣсь вмѣсто: *Азъ есмь Господь Богъ твой*, столько же странно сказать: *Я Богъ твой*, сколько въ какой нибудь простой рѣчи, напримѣръ вмѣсто: *я ѣду въ гости*, сказать: *азъ ѣду въ гости*. Притомъ же, естьли *азъ* перемѣнено въ *я* для того, что первое изъ сихъ мѣстоименій неупотребительно, то и слово *Господь* въ просторѣчіи также неупотребительно, и слѣдовательно когда одному позволено перемѣнить *азъ* въ *я*, по неупотребительности мѣстоименія *азъ*, то другой по той же самой причинѣ перемѣнитъ слово *Господь* въ *господина*, и вмѣсто: *Азъ есмь Господь Богъ твой*, напишетъ: *я господинъ Богъ твой*. Не показываетъ ли одинъ сей примѣръ, до какой степени уронится важность священныхъ писаній? Послѣдняя въ сей заповѣди рѣчь: *да не будутъ тебѣ бози иніи развѣ Мене*, въ переводѣ сказана: *да не будетъ у тебя другихъ боговъ предъ лицемъ моимъ*. Зачѣмъ ясную рѣчь *развѣ Мене* (въ обыкновенныхъ разговорахъ *кромѣ меня*), перемѣнить совсѣмъ въ иную и весьма неясную: *предъ лицемъ Моимъ?* Гордость какова нибудь монаха, или хвастуна ученаго, скажетъ: такъ поеврейски. Да кто меня увѣритъ, что онъ знаетъ всю силу еврейскаго, толь мало извѣстнаго языка, на которомъ писано сіе въ толь отдаленные вѣки? Кто меня увѣритъ, что онъ такой знатокъ, какова не бывало? и могу ли я согласиться дать ему перепpавлять, не пѣсенку, не сказочку какую, но изрѣченія Священнаго Писанія, въ которомъ даже и къ самымъ темнымъ для меня выраженіямъ привыкъ я имѣть благоговѣніе? Но здѣсь и того нѣтъ, а напротивъ, ясный смыслъ перемѣненъ въ темный; ибо *не имѣй инаго бога, кромѣ Меня*, сказано и ясно и чисто; но

не имѣй другихъ боговъ предъ лицемъ Моимъ есть нѣчто двусмысленное, подвергающее сомнѣнію, въ чемъ состоитъ требованіе: въ томъ ли чтобъ не имѣть другаго бога, или въ томъ, чтобъ предъ лицемъ Его (то есть изображеніемъ) не ставить изображеній другихъ боговъ? Наконецъ въ томъ же Катихизисѣ, вмѣсто: *вѣрую во единаго Бога,* сказано: *вѣрую въ одного Бога.* На что это? Не ужъ ли есть такіе люди, которые *во единаго* не понимаютъ, а *въ одного* понимаютъ? Ежели такъ, то зачѣмъ же оставлено *вѣрую?* ибо мы въ простыхъ разговорахъ не говоримъ *вѣрую,* а *вѣрю.* Трудно доказать надобность, но не трудно сыскать причину сихъ переводовъ, очевидно состоящую въ томъ, чтобъ согласно съ намѣреніемъ библейскихъ обществъ исказить и привесть въ неуваженіе священныя книги, измѣня въ нихъ языкъ церкви въ языкъ театра. Я безъ всякой прибавки скажу, что сколько разъ ни случалось мнѣ въ разныхъ мѣстахъ слышать чтеніе сего перевода, вездѣ, вмѣсто благоговѣнія, самыхъ набожныхъ людей невольно преклонялъ онъ къ смѣху. Вотъ плоды его, и могутъ ли они быть полезны вѣрѣ и нравственности!

ВТОРАЯ.

Примѣчанія на нѣкоторыя книги.

Въ 1822 году, издана здѣсь, въ Петербургѣ, книга подъ названіемъ: *Краткій и легчайшій способъ молиться*[1]). Оставляя всякія другія изъ сей книги выписки, изъ которыхъ ясно бы можно было увидѣть проповѣдываемое ею подъ именемъ вѣры безвѣріе и злочестіе, скажемъ объ одномъ только данномъ ей заглавіи. Можетъ ли что быть страннѣе и неприличнѣе онаго? Обыкновенно говорится: краткій и легчайшій способъ *красить сукна,* или *мочить пеньку,* или дѣлать что нибудь подобное; но слыхано ли, чтобъ былъ краткій и легчайшій способъ *молиться?* Можно ли молитву уподоблять какому нибудь ремеслу, къ обученію котораго предлагается *краткій и легчайшій способъ?* Не есть ли это насмѣхаться надъ человѣческими о *молитвѣ* понятіями? — И еще просто сказано *молиться,* не говоря кому, Богу ли, или діаволу; ибо можно и сему послѣднему молиться. Нужно ли по одному заглавію сему разсуждать о сей книгѣ еще далѣе?

Въ книгѣ, названной *Божественною философіею*[2]) (напеча-

---

[1]) Сочиненіе извѣстной французской пророчицы конца XVII вѣка, г-жи Гюйонъ.

[2]) Сочиненіе мистика Дютуа-Мамбрини (въ Лозаннѣ); русскій переводъ Карнѣева.

танной въ Москвѣ, въ университетской типографіи, 1818 года), въ предисловіи говорится о какомъ-то *мученикѣ духа святаго.* (Можетъ ли быть что безбожнѣе и злочестивѣе сего выраженія? *мученикъ Духа Святаго!* Обыкновенно о человѣкѣ одержимомъ бѣшенствомъ, или какими либо иными зловредными страстями, говорится: *дьяволъ мучитъ его;* но чтобъ *Духъ Святый* могъ кого *мучить,* такой злочестивой мысли никому въ голову не входило!) Мученикъ сей, продолжаетъ переводчикъ, сначала осыпанъ благодатію (выраженіе не меньше странное), а потомъ благодать отъ него сокрылась, и онъ въ отчаяніи схватилъ бритву и хотѣлъ себя зарѣзать, но какой-то гласъ остановилъ его: тогда озарился онъ свѣтомъ, и свѣтъ сей былъ такъ силенъ, что онъ для разгнанія его, нерѣдко долженъ былъ мѣшать карты! (стран. 7). (Вопрошается: приличенъ ли такой низкой, пустой, безумной расказъ книгѣ, называемой *Божественною философіею?*) Неизвѣстный переводчикъ о неизвѣстномъ сочинителѣ сей философіи говоритъ (ибо, не взирая на всю свою наглость, сочинители и переводчики стыдились при таковыхъ книгахъ ставить свои имена), что *онъ два года провелъ на крестѣ въ ужасныхъ мученіяхъ, среди которыхъ писалъ сію книгу* (какъ провелъ на крестѣ? не ужъ ли распятъ былъ и вися на немъ писалъ? какія чудеса! Нѣтъ, господинъ лгунъ, мученіе на крестѣ, какое претерпѣлъ Спаситель нашъ, не могло и нѣсколько часовъ продолжаться: стало быть твое двухъ-лѣтнее, среди котораго ты могъ писать, было не такое!), что онъ и умеръ на крестѣ, сказавъ своимъ друзьямъ: *я имѣлъ нѣкоторое удовольствіе пить шоколадъ, за то я умру задохнувшись* (стран. 10). (Можно ли, не насмѣхаясь надъ читателями, начинать какую нибудь книгу такою гилью: два года провелъ на крестѣ въ ужасныхъ мученіяхъ, пилъ шоколадъ, сочинялъ, и передъ смертью сказалъ своимъ друзьямъ какой-то глупой каламбуръ? и это — боговдохновенный человѣкъ, избранный Богомъ возвѣщать Его премудрость! и это переводится на руской языкъ, и печатается въ университетской типографіи!) Послѣ сего помѣщенъ еще третій подобный же расказъ о нѣкоторой знатной особѣ изъ нашихъ соотечественницъ, которая умерла въ Лозаннѣ, что тѣло ея, *прежде нежели землѣ было предано, вынесено было въ церковь.....* (Вотъ какую новость сказалъ! да ктожъ не знаетъ это, что мертвыхъ и никогда послѣ преданія землѣ не выносятъ въ церковь? Въ нѣкоторой комедіи, хозяинъ дома, представляя гостю жену и дочь свою, говоритъ: „вотъ эта, которая постарѣе, — жена моя, а эта, которая помоложе, — дочь." Такая шутка хо-

роша въ комедіяхъ, и то писанныхъ съ тѣмъ, чтобъ смѣшить простой народъ; но говорить подобное нѣчто въ такъ называемой Божественной философіи не смѣшно, а жалко; и удивительно, какъ могутъ таковыя книги находить переводчиковъ и читателей!) Тутъ, какой-то *Дютуа взглянулъ на ея мертвое тѣло и возрыдалъ о томъ состояніи, въ какомъ находилась душа, отъ него отлучившаяся* (стран. 12). (Да почему онъ узналъ о состояніи ея души? Развѣ потому, что покойница вмѣстѣ съ нимъ грѣшила?) Но посмотримъ еще далѣе, чѣмъ это кончилось: онъ *взялъ на себя ея грѣхи;* Богъ три дни его мучилъ *неизобразимымъ страданіемъ,* и потомъ удостовѣрилъ его, что душа покойницы *вкусила райскія сладости* (тамъ же). (Можно ли что нибудь придумать богохульнѣе, нелѣпѣе сего?) Но перейдемъ отъ безумія къ совершенному безвѣрію и развращенію всякой нравственности. Сочинитель, подъ видомъ возстанія противъ ересей и ложной философіи, выдаетъ собственную свою философію, безбожную, всякихъ ересей и безвѣрія несравненно злѣйшую. Онъ говоритъ: „*Заблужденіе пріемлетъ за вѣру, за сей даръ единаго Бога и Духа Его* (слѣдовательно отвергаетъ Троицу), *простое убѣжденіе въ Евангеліи, мало полезное, не сильное исправлять страсти, и которое есть токмо плодъ разума, никогда никого христіяниномъ не дѣлавшаго* (стран. 19). Вотъ ученіе нынѣшнихъ толкователей о вѣрѣ! у нихъ Евангеліе не есть откровеніе, не есть Божественное зерцало чистѣйшаго нравоученія, но только *простое убѣжденіе!* и какое же еще? *мало полезное, не сильное исправлять страсти!* По мнѣнію ихъ, оно есть *токмо плодъ разума, никогда никого христіяниномъ не дѣлавшаго!* — Да заградятся уста ваши, злочестивые богоотступники! Естьли Евангеліе не дѣлаетъ человѣка христіяниномъ, то какоежъ существо разумѣете вы подъ именемъ христіянина? безсомнѣнія злонравное, лютое, адское; ибо естьли мы представимъ себѣ кого нибудь напитаннаго правилами противными Евангельскимъ ученіямъ, то едва ли и въ самомъ діаволѣ можемъ найти больше пороковъ. Изъ сихъ краткихъ выписокъ можно уже почувствовать какими мыслями наполнена книга сія, отвергающая и вѣру и Евангеліе, слѣдовательно уничтожающая всякое правительство и законы, и при всемъ томъ называющая себя божественною, по одной только той весьма простой хитрости, чтобъ безвѣріе и самые гнуснѣйшіе пороки предлагать подъ именами вѣры и добродѣтелей. Сколько таковыхъ книгъ переведено, напечатано и распущено! Естьли бы извлечь изъ нихъ всѣ въ разныхъ видахъ и смыслахъ разсѣянныя лжеученія и привесть ихъ въ совокупность,

то какой пагубной ядъ, миссіонерами, сектами и разными средствами распространяемый, открылся бы въ нихъ! Надлежитъ отдать справедливость россійскому народу въ твердой вѣрности Богу и государю, когда столько впущенныхъ иностранцами козней и соблазновъ не могли (О! дай Боже да и не возмогутъ!) его поколебать.

ТРЕТЬЯ.

(Въ отвѣтъ на полученную мною отъ графа Аракчеева записку слѣдующаго содержанія: „По Высочайшему повелѣнію, имѣю честь препроводить къ вашему высокопревосходительству приложенную при семъ записку.“ — Въ запискѣ сей, никѣмъ не подписанной, но вѣроятно поданной государю отъ оберъ-полицмейстера, содержалось донесеніе, что взято подъ стражу одиннадцать человѣкъ финской секты раскольниковъ, дѣлающихъ между собою непозволенныя сборища; что люди сіи суть разные мастеровые, финляндскіе уроженцы; что двое изъ нихъ и прежде были за тоже самое подъ стражею, но выпущены по увѣренію ихъ въ раскаяніи; что сіи одиннадцать человѣкъ были призваны и увѣщеваемы дать письменное обязательство и обѣщаніе впредь не собираться, но что они на то не соглашаются, почитая сходбища свои богоугоднымъ дѣломъ. По прочтеніи сей записки написалъ я государю слѣдующее:)

Вчерашній день получилъ я препровожденную ко мнѣ по Высочайшему повелѣнію записку о финскихъ раскольникахъ. Все, что я о семъ знаю и сказать могу, состоитъ въ томъ, что секта сія, безумная и вредная, какъ и всѣ другія секты, давно уже распространилась отсель въ Ропшу и по нѣкоторымъ окрестнымъ деревнямъ. Она и понынѣ существуетъ. Впрочемъ секта сія не одна въ сей столицѣ. Присылаемые сюда иностранные миссіонеры, или по просту сказать зажигатели, а особливо англинскіе, стараются всячески ихъ умножать. Какой-то шведской пасторъ собираетъ къ себѣ въ домъ слушателей и говоритъ имъ проповѣди. Я поручилъ хорошенько о семъ развѣдать, хотя впрочемъ молитвенныя собранія по домамъ ни въ какомъ случаѣ не должны быть допускаемы: на это есть церковь. Госнерово *осиротѣлое стадо,* какъ онъ самъ въ присланной сюда пѣсенкѣ своей пишетъ, продолжаетъ также свои собранія. Татаринова тожъ по прежнему представляетъ жрицу[1]) между вакхантками, и Поповъ, какъ слышу,

[1]) Статская совѣтница Екатерина Филиповна Татаринова перешла въ хлыстовщину изъ лютеранства и сдѣлалась основательницей особаго „корабля,“ радѣнія котораго происходили въ зданіи михайловскаго замка, гдѣ имѣла помѣщеніе

всякой день у ней бываетъ [1]). Естьли противъ сихъ сборищъ по домамъ не возьмутся строгія мѣры, то я не знаю до какой степени они распространятся. Отовсюду слышу, что библейскія общества, въ послѣдніе три или четыре года, умножили въ разныхъ губерніяхъ, а особливо въ Саратовской, до ста тысячь самыхъ злыхъ раскольниковъ, называемыхъ Малаханами, которыхъ секта состоитъ въ томъ, чтобъ не имѣть никакой вѣры и не признавать надъ собою никакой власти. Я самъ отъ нѣкоторыхъ весьма добрыхъ и достаточныхъ помѣщиковъ слышалъ, что они, видя крестьянъ своихъ дѣлающихся раскольниками, хотѣли ихъ отъ того воздерживать; но принуждены были замолчать, получа отъ нихъ слѣдующій отвѣтъ: баринъ не можетъ намъ запрещать, и еще долженъ похвалить насъ за то, что мы по внушеніямъ правительства собираемся и читаемъ Библію. Нѣкто въ письмѣ своемъ къ пріятелю справедливо сказалъ: здѣшнимъ жителямъ доставленъ способъ за дешевую цѣну толковать криво Библію. Обстоятельства сіи требуютъ обратить на нихъ вниманіе; ибо могущее изъ сего родиться зло ужаснѣе всякаго пожара и потопа.

По прочтеніи сихъ бумагъ, государь императоръ изволилъ мнѣ сказать, что переводъ Библіи съ славенскаго на руской языкъ онъ самъ приказалъ сдѣлать, но что его намѣреніе было только то, чтобъ переводъ печатали съ текстомъ, а послѣ того стали уже и безъ текста печатать оный.

---

16 числа, былъ я у государя императора, и по окончаніи докладовъ прочиталъ ему слѣдующую бумагу:

„Нѣсколько дней тому назадъ пріѣхалъ ко мнѣ митрополитъ и желалъ со мною увидѣться. Я принялъ его; онъ пробылъ у меня болѣе двухъ часовъ. По многихъ разговорахъ и сужденіяхъ, онъ полагалъ за необходимо нужное (въ чемъ и я совершенно съ нимъ согласенъ) представить Вашему Величеству о слѣдующихъ обстоятельствахъ:

мать ся, г-жа Буксгевденъ. Въ 1817 г., правительство обратило вниманіе на эти сборища, и Татаринова перебралась со своими сектаторами на дачи, близъ московской заставы. Новое слѣдствіе, въ 1837 г., кончилось ссылкой Татариновой и нѣкоторыхъ другихъ лицъ въ монастыри на покаяніе („О сектѣ Татариновой,“ ст. И. П. Липранди, въ „Чтеніяхъ“ 1868, кн. 4, Смѣсь, стр. 20—51).

[1]) Тайный совѣтникъ В. М. Поповъ, послѣ слѣдствія 1837 г., былъ сосланъ въ казанскій Зилантьевъ монастырь, гдѣ онъ и умеръ въ 1842 г. (тамъ же, стр. 31).

„1-е. Изъ изслѣдованія всѣхъ дѣйствій библейскихъ обществъ (входя въ однѣ гласныя и не упоминая о тѣхъ, которыя могутъ быть сокрыты въ таинствѣ) ясно и несомнѣнно открывается, что настоящая цѣль ихъ, прикрываемая ложнымъ усердіемъ къ распространенію чтенія священныхъ книгъ, состоитъ въ томъ, чтобъ истребить правовѣріе, возмутить отечество и произвесть въ немъ междоусобія и бунты. Хитрый и злодѣйскій планъ сей доведенъ до такой степени, что естьли не разрушить его скоро и до самаго основанія, то нельзя отвѣчать за пагубныя отъ того послѣдствія, могущія въ краткое время созрѣть и совершиться. Всѣ чувствуютъ сію опасность, ужаснѣйшую всякаго пожара и потопа, но не многіе смѣютъ о томъ говорить, по причинѣ пребывающаго еще въ цѣлости плана сего, и видя, что сіе змѣиное жало прикрыто благовидными цвѣтами. Въ сихъ обстоятельствахъ, движимые духомъ преданности къ церкви и престолу, не можемъ мы иначе думать, какъ почитать за необходимо нужное, что надлежитъ, не упуская времени, всѣ библейскія общества, сіи подъ инымъ названіемъ масонскія ложи, повсемѣстно закрыть и всѣ производимыя по онымъ дѣла и переписки запечатавъ прислать для храненія въ синодѣ [1]).

„2-е. Переводы священныхъ писаній на простое нарѣчіе и распространеніе ихъ въ неимовѣрномъ количествѣ экземпляровъ есть также одно изъ средствъ, придуманное въ библейскихъ обществахъ къ поколебанію вѣры; ибо естьли языкъ домашняго воспитанія въ Законѣ Божіемъ будетъ различенъ съ языкомъ служенія въ церкви, то изъ сего непремѣнно долженствуютъ произойти соблазны и расколы, произойти единственно отъ раздѣленія сихъ языковъ, не упоминая уже о томъ, что переводы сіи во многихъ мѣстахъ могутъ быть и не вѣрны, и слабы, и произвольны, — слѣдовательно подадутъ поводъ къ разнымъ толкамъ и волненіямъ умовъ и страстей. А потому тожъ находили мы весьма нужнымъ остановить и не только не продолжать, но и стараться скромными мѣрами уменьшать число выпущенныхъ книгъ.

„3-е. По причинѣ сильнаго втеченія сихъ заразительныхъ правилъ не въ однѣ свѣтскія, но даже и въ духовныя училища, непремѣнно нужно обратить ихъ къ истиннымъ и правовѣрнымъ началамъ. Но какъ сіе требуетъ не малаго труда и разсмотрѣнія, дабы очистя отъ худаго положить доброе основаніе, то митро-

[1]) О необходимости закрытія Библейскаго Общества представлялъ снова государю самъ митрополитъ Серафимъ, въ письмѣ, отъ 28 дек. 1824 г.. Оно помѣщено въ Русск. Арх. 1868 г., ст. 943 и 944.

полить желаетъ, чтобъ на время призванъ былъ сюда кіевскій митрополитъ Евгеній, котораго бы попеченію особенно поручено было устроить духовныя училища. На вопросъ мой, не будетъ ли призывъ Евгенія для него непріятенъ? отвѣчалъ онъ мнѣ что такое мнѣніе для него оскорбительно; что тамъ, гдѣ идетъ дѣло о благѣ церкви, государя и отечества, ни санъ его, ни сердечныя чувства, не позволяютъ ему опасаться какаго-либо несогласія или соперничества; но что напротивъ онъ желаетъ и намѣренъ самъ просить Ваше Величество, чтобъ, при толь важныхъ обстоятельствахъ и при слабомъ его здоровьѣ, было съ кѣмъ раздѣлять ему и труды и совѣты. Я также съ моей стороны хотѣлъ бы пользоваться совѣщаніями съ Евгеніемъ, какъ съ человѣкомъ умнымъ и благонамѣреннымъ [1]).

„4-е. Поелику синодъ нынѣ состоитъ по большой части изъ лицъ долго участвовавшихъ въ прежнемъ духѣ и направленіи, то какъ по сему участвованію, такъ и по связямъ ими сдѣланнымъ, могутъ онѣ, въ разсмотрѣніи бывшихъ обстоятельствъ и въ сужденіи объ нихъ, быть не совсѣмъ чужды пристрастія. По сей причинѣ, митрополитъ полагаетъ, что архіереевъ тверскаго и кишиневскаго [2]) надлежитъ перемѣнить другими. Извѣстно, что оба они избраны были по совѣту архимандрита Феофила, того самаго, которой нынѣ удаленъ изъ Одесскаго лицея, и противъ котораго весь тамошній край вопіетъ. Многія подобныя обстоятельства открываютъ, какимъ образомъ духовныя особы, по примѣченной въ нихъ податливости къ нововводимому образу мыслей, выбирались для заступленія важнѣйшихъ мѣстъ и въ члены синода, дабы съ свѣтскими членами библейскихъ обществъ составить одинъ духъ и тѣло.

---

[1]) Вслѣдствіе этого представленія и письма Серафима къ государю, отъ 11 дек. того же года (Русск. Арх. 1868 г. 940—942), императоръ Александръ подписалъ 19 дек. указъ, которымъ митрополитъ Евгеній (Болховитиновъ) былъ вызванъ въ Петербургъ, для присутствованія въ синодѣ; 25 февр. 1825 г., онъ опредѣленъ членомъ коммиссіи духовныхъ училищъ, а 14 марта членомъ секретнаго комитета о раскольникахъ (Біографія Евгенія митрополита кіевскаго, въ изданномъ И. Снегиревымъ Словарѣ русскихъ свѣтскихъ писателей. М. 1838, XIII—XXVIII).

[2]) Въ Русскомъ Архивѣ 1868 г., на ст. 941 и 942, въ примѣчаніи, сдѣлана выписка изъ Записокъ Шишкова, вѣроятно по изданію Журн. Мин. Нар. Просвѣщ. (котораго мы въ рукахъ не имѣли), и при словѣ тверскаго, поставлено въ скобкахъ Іону, при словѣ кишиневскаго — Димитрія Сулиму. Въ текстѣ „Чтеній,“ печатавшемся по тремъ спискамъ, вмѣсто кишиневскаго напечатано казанскаго.

„По изъявленіи митрополитомъ о сихъ четырехъ важнѣйшихъ статьяхъ мнѣнія своего, съ которымъ я, по извѣстнымъ мнѣ и отчасу болѣе открывающимся доказательствамъ, не могъ не соглашаться, я спросилъ у него: позволяетъ ли онъ мнѣ обо всемъ ономъ довести до свѣденія Вашего Величества? На что отвѣчалъ онъ, что не только позволяетъ, но проситъ, и что, при первомъ случаѣ свиданія своего съ Вашимъ Величествомъ, самъ обо всемъ говорить не преминетъ.

„Чрезъ нѣсколько потомъ дней ѣздилъ я къ нему и нашелъ его въ томъ же самомъ расположеніи, подтверждающаго новыми доводами необходимую надобность всего вышеприсаннаго, безъ чего крайне умножившееся зло ни отвращено ни остановлено быть не можетъ."

Записка, которую читалъ я государю императору о сочиненіи князя Сергія Шихматова (декабря 14 дня):

„Князь Шихматовъ, пять или шесть лѣтъ тому назадъ, написалъ стихотворное сочиненіе подъ названіемъ: *Мысли о должностяхъ владыкъ земныхъ, почерпнутыя изъ священнаго писанія.* Сочиненіе сіе, нравоучительное и написанное превосходными стихами, находится у него и понынѣ въ рукописи. Оно не могло быть напечатано, не бывъ прежде доведено до свѣденія Вашего Величества; но никто, повидимому, не хотѣлъ представить Вамъ онаго, предполагая, какъ думать должно, что оное не будетъ Вамъ угодно. Я напротивъ, зная образъ мыслей Вашего Величества, по желанію сочинителя, подношу Вамъ оное надежно и смѣло, почитая даже, что, естьли стихотвореніе сіе напечатано будетъ съ надписаніемъ по *Высочайшему повелѣнію*, то сіе послужитъ къ чести и славѣ Вашей по слѣдующимъ причинамъ:

„1-е. Всѣ разсужденія и наставленія въ немъ почерпнуты изъ священныхъ писаній, съ указаніемъ мѣстъ, отколѣ взяты.

„2-е. Сочинитель въ началѣ стихотворенія описываетъ, согласно съ стихами Псалтири и Премудрости Соломоновой, великость царей предъ смертными, и малость ихъ предъ всемогущимъ Богомъ. Правда, онъ описываетъ сіе въ сильныхъ выраженіяхъ, и это, конечно можетъ не понравиться гордымъ царямъ, равняющимъ себя съ Богомъ; но въ Тебѣ, Государь, мы ежедневно видимъ и слышимъ смиреніе предъ Создателемъ вселенной*).

---

*) На сіе государь императоръ сказалъ мнѣ: — „Сохрани меня Боже отъ подобной мысли! кто можетъ равнять себя съ Богомъ?"

„3-е. Сочинитель говоритъ объ обязанностяхъ царей къ народамъ и народовъ къ царямъ съ великою истиною, всегда основываясь на словѣ Божіемъ.

„4-е. Сочинитель, сходственно съ священнымъ писаніемъ, совѣтуетъ царямъ: не воюйте для собственной своей славы, но защищайте отечество; и когда одержите надъ врагами побѣду, не приписывайте оную сами себѣ, но Богу, даровавшему вамъ оную. Государь! всѣ Твои манифесты свидѣтельствуютъ сіе *).

„5-е. Сочинитель говоритъ, что праведнаго царя Богъ посреди брани сохранитъ. Не то ли самое было съ Тобою, Государь, въ прошедшую войну?

„6-е. Наконецъ сочинитель описываетъ милость изліянную отъ Бога на добрыхъ царей израильскихъ, и гнѣвъ ниспосланный на тѣхъ, которые, отступя отъ Него, возмечтали себя быть равными Ему. Вотъ все содержаніе сего сочиненія, и я по моему разумѣнію не могу себѣ представить, чтобъ оное по чему либо могло Тебѣ быть неугодно."

По прочтеніи сей записки, просилъ я дозволенія прочитать нѣкоторыя мѣста изъ сего сочиненія. Государь позволилъ и слушалъ со вниманіемъ; послѣ чего оставилъ я у него книгу, и онъ сказалъ мнѣ, что со временемъ всю ее прочитаетъ.

Вскорѣ послѣ сего отправилъ я въ Царское Село слѣдующаго содержанія письмо:

Всем. Гос.,

Въ прошедшую бытность мою съ докладами, на представленіе мое о необходимой надобности закрыть библейскія общества, возразилъ Ты мнѣ, Государь, что правительству надлежитъ быть твердую въ своихъ постановленіяхъ и не показывать слабости всегдашнею ихъ перемѣною. Позволь мнѣ, всегда внимавшій словамъ моимъ съ благосклонностію, Государь, на сіе изрѣченіе Твое сдѣлать мои замѣчанія. Не дерзость спорить съ Тобою, не самонадѣянность на мой ничтожный умъ, управляютъ моимъ перомъ, но искренняя, не по одному долгу вѣрноподданнаго, но и по личному къ Тебѣ уваженію, совершенная преданность. Могъ ли бы я свободно изливать предъ Тобою мои чувства, естьли бы не

---

*) Здѣсь государь изволилъ мнѣ сказать: — „Да манифесты-то ты писалъ." — На сіе отвѣчалъ я, что ежели бы онъ не утверждалъ ихъ, то бы они и не были никому извѣстны.

надѣялся, что Ты, хотя бы и нашелъ ихъ несходными съ Твоими, отвергнешь ихъ, но не отвергнешь въ нихъ усердія къ Тебѣ. Сія моя надежда на Тебя, Государь, есть вѣрная Тебѣ порука за мое чистосердечіе. И такъ позволь мнѣ продолжать. Твердость правительства, конечно, есть должное и похвальное дѣло; но въ какомъ случаѣ? — когда нѣтъ никакихъ причинъ къ перемѣнѣ постановленія, или когда оныя малы. Но естьли Ты постановилъ что-нибудь Твоимъ повелѣніемъ, и послѣ откроется, что постановленіе сіе приноситъ не пользу, а вредъ, — тогда твердость Твоя будетъ не похвальна: ибо царь, какой бы онъ ни былъ прозорливый, есть человѣкъ; онъ можетъ и обмануть быть и самъ обмануться. Угождающій Тебѣ станетъ заглаживать Твою ошибку, уменьшать худость порожденныхъ отъ нея плодовъ, или еще украшать ихъ, и скажетъ, что отмѣна Твоего повелѣнія подвергнетъ имя Твое нѣкоторой предосудительности. Но прямо любящій Тебя и славу Твою скажетъ: Государь! терпѣть вредныя послѣдствія сдѣланной ошибки, опасаясь объявленіемъ оной открыть свое непредусмотрѣніе, есть по многимъ причинамъ неправильное о славѣ своей попеченіе: 1-е, симъ поступкомъ покажешь Ты, что уподобляешь себя Богу, не могущему погрѣшить, между тѣмъ какъ всякой знаетъ, что ни въ комъ изъ смертныхъ нѣтъ совершенства; 2-е, давать насажденному злу къ общему всѣхъ вреду укореняться и расти для того только, чтобъ не изобличить себя въ ошибкѣ, есть самолюбію своему жертвовать народнымъ благомъ; 3-е, всѣ и безъ объявленія Твоего знаютъ сію ошибку, а потому упорное пребываніе Твое въ оной не закроетъ ее отъ глазъ людскихъ, но только покажетъ, что Ты любишь себя больше, нежели общее благо. Отселѣ неправымъ путемъ идущіе люди, видя Тебя не препятствующаго ихъ намѣреніямъ, сдѣлаются дерзновеннѣе, а истинно преданные Тебѣ и отечеству охладѣютъ въ усердіи своемъ и съ печалію отъ Тебя уклонятся. Не могу воздержаться, чтобъ не подкрѣпить разсужденій моихъ случившимся примѣромъ: Я думаю, Государь, Ты помнишь исторію грузинскихъ князей Эристовыхъ. Указомъ Твоимъ, тожъ по ходатайству библейскихъ обществъ о проповѣдованіи яко бы христіянства, повелѣлъ Ты отобрать у нихъ издревлѣ принадлежащія имъ земли. Ртищевъ, начальствовавшій тогда въ Грузіи, по данной ему инструкціи, остановилъ Твой указъ, донося, что принадлежность сихъ земель князьямъ Эристовымъ всему краю тому извѣстна. Комитетъ министровъ представилъ Тебѣ, что отнять у Эристовыхъ собственность безъ всякой ихъ вины было бы

несправедливо. Ты, Государь, далъ другой указъ, отмѣняющій силу перваго. По возвращеніи сюда Ртищева, я спросилъ у него, какое дѣйствіе произвела въ томъ краю отмѣна перваго указа? Онъ отвѣчалъ мнѣ: „всеобщую радость и похвалы Государю. Сей поступокъ его обратилъ къ нему сердца всѣхъ: всѣ въ одинъ голосъ прославляли его справедливость, твердя между собою, что какъ скоро онъ увидѣлъ неправость дѣла, то, не смотря на прежнее свое рѣшеніе, отмѣнилъ оное.“ Вотъ истинная слава царей! Вотъ путь къ пріобрѣтенію любви народной! Сколько разъ Петръ Великій отдавалъ самъ себя на судъ, и осужденный похвалилъ судей за правосудіе. Сюлли, видя Генриха IV, готоваго къ предосужденію своему склониться на слезы и рыданія женскія, взялъ его и вывелъ насильно изъ горницы. Никто не осудилъ ни подданнаго, ни царя; но всѣ, даже и по нынѣ взираютъ съ удивленіемъ на сей образецъ величія души того и другаго. Подобные поступки царей не только не помрачаютъ ихъ именъ, но возбуждаютъ къ нимъ любовь и гремятъ въ потомствѣ. Обратимся теперь къ библейскимъ обществамъ. Съ начала могли онѣ показаться въ благовидномъ образѣ, и тѣмъ скорѣе, Государь, уловить сердце Твое, что оно человѣколюбиво, благонамѣренно и богобоязниво; но теперь, когда по долговременномъ опытѣ открываются вѣрныя свидѣтельства, обнаруживающія умышленность зловреднаго ихъ плана, то не разсматривать ихъ цѣли и не взвѣшивать того существеннаго зла, какое отъ нихъ произошло, было бы для нихъ торжество, а для насъ и вредъ, и поношеніе. Ты требуешь, Государь, доказательствъ; требованіе Твое справедливо; но изъ онаго видно, что Тебѣ не всѣ подробности сего лютѣйшаго заговора извѣстны; чему непремѣнно и быть надлежало; ибо Ты не могъ узнать о всѣхъ хитрыхъ замыслахъ, тщательно отъ Тебя скрываемыхъ и доводимыхъ до Твоего свѣдѣнія тогда только, когда можно было имъ дать видъ благонамѣренный. Во всѣхъ углахъ Россіи общество сіе торжественно распространилось; всѣ бумаги и вѣдомости наполнены были похвалами и превозношеніемъ пользы онаго; многіе изъ самаго духовенства нашего сдѣлались въ немъ членами. Ктожъ могъ пойти противъ него, не подвергаясь за безплодную ревность свою претерпѣть гоненіе? Какимъ же образомъ истина могла до Тебя достигнуть, и могъ ли гласъ ея быть услышанъ? Но нынѣ, когда намѣренія и дѣянія сего общества стали обнаруживаться, когда, Государь, позволяешь Ты преданнымъ церкви и Тебѣ людямъ говорить правду, когда открылось, не по вѣроятнымъ какимъ заключеніямъ, но по досто-

вѣрнымъ свидѣтельствамъ, по книгамъ напечатаннымъ, обнародованнымъ, возвѣщающимъ, что библейское общество, согласно съ ними, согласно съ иностранными, отъ него вызванными проповѣдниками, дѣйствуетъ въ ихъ духѣ, въ ихъ правилахъ, состоящихъ въ томъ, чтобъ почитать церковь нашу заблуждшею, первосвященниковъ нашихъ невѣрующими, всѣхъ царей и вельможъ угнетателями народовъ; когда все сіе можно прочитать въ ихъ книгахъ, и видѣть не токмо связи всѣхъ дѣйствій, но даже изъ самыхъ ясно сказанныхъ словъ, то какое остается въ томъ сомнѣніе? какія еще нужны доказательства? Одно простое воззрѣніе на нихъ показываетъ уже ихъ въ самомъ неблаговидномъ образѣ:

1-е. Отколѣ сіи общества водворились къ намъ? — отъ англинскихъ методистовъ! Могутъ ли сіи люди, не токмо иновѣрцы съ нами, но и никакой вѣры не имѣющіе, учить насъ христіянству? Развѣ мы какіе нибудь дикіе народы, безъ ихъ ученій обойтиться не могущіе? — 2-е. Не странны ли, даже, смѣю сказать, не смѣшны ли въ библейскихъ обществахъ наши митрополиты и архиреи, засѣдающіе, въ противность апостольскихъ постановленій, вмѣстѣ съ лютеранами и католиками, кальвинами, квакерами, словомъ со всѣми иновѣрцами? Они съ сѣдою головою, въ своихъ рясахъ и клабукахъ, сидятъ съ мірянами всѣхъ націй, и имъ человѣкъ во фракѣ проповѣдуетъ слово Божіе! (Божіе по его названію, но въ самомъ дѣлѣ не такое.) Гдѣжъ приличіе, гдѣ важность священнослуженія, гдѣ церковь? — 3-е. Они собираются въ домахъ, гдѣ часто на стѣнахъ висятъ картины языческихъ боговъ, или сладострастныя изображенія любовниковъ, и сіи собранія свои, безъ всякаго богослуженія, безъ чтенія молитвъ и Евангелія, сидя какъ бы въ театрѣ, безъ малѣйшаго благоговѣнія, равняютъ съ церковною службою; и домъ безпрестольный, неосвященный, гдѣ въ прочіе дни пируютъ и пляшутъ, называютъ храмомъ Божіимъ! Не похоже ли это на Содомъ и Гоморъ?

При толь непристойныхъ наружностяхъ, взглянемъ на дѣянія библейскихъ обществъ; посмотримъ въ чемъ онѣ состоятъ: 1-е. Въ намѣреніи составить изъ всего рода человѣческаго одну какую-то общую республику и одну религію: мнѣніе мечтательное, безразсудное, породившееся въ головахъ или обманщиковъ или суемудрыхъ людей. Оно сперва скрывалось подъ именемъ тайныхъ обществъ, масонскихъ ложъ, новой философіи; а потомъ, обнаруженное укрылось подъ другія благовиднѣйшія имена либеральности, филантропіи, мистики, и тому подобныя; заразило многихъ, порабощаетъ царство наше чужеземцамъ, и угрожаетъ

тѣми же бѣдствіями, какія нѣкогда въ ихъ земляхъ свирѣпствовали. 2-е. Въ напечатаніи столько Библій, чтобъ каждый въ государствѣ человѣкъ могъ ее имѣть (такъ сказано въ отчетахъ). Чтожъ изъ того послѣдуетъ? Употребится страшный капиталъ на то, чтобъ Евангеліе, выносимое въ церкви съ такою торжественностію, потеряло важность свою, было измарано, изодрано, валялось подъ лавками, служило оберткою какихъ нибудь домашнихъ вещей, и не дѣйствовало болѣе ни надъ умами, ни надъ сердцами человѣческими. 3-е. Въ переводѣ Библіи на всѣ языки, на турецкой, татарской, и проч.. На что это? Кто поручится за вѣрность сихъ переводовъ, и кто будетъ ихъ читать? 4-е. Въ размноженіи обществъ состоящихъ изъ членовъ, которые слѣдовательно отдѣляются отъ прочихъ христіянъ; ибо какая нужда христіянину, который по самому званію сему есть членъ церкви, быть членомъ библейскаго общества? Не знакъ ли это, что онъ отпадаетъ отъ той церкви, на которой основана вѣра, и предается другой, признавая ее за лучшую? Сверхъ сего, къ чему иному поведутъ сіи размноженныя общества, какъ не къ тому, чтобъ собирающаяся, гдѣ и какъ хочетъ, толпа простыхъ и безграмотныхъ людей толковала Библію, по внушеніямъ какова нибудь еретика, или плута, подкупленнаго и посланнаго къ нимъ нарочно чтобъ, объясняя священное писаніе криво и превратно, посѣять въ легковѣрныя сердца ихъ развратъ и неистовство, удобные сдѣлать ихъ хуже и свирѣпѣе всякаго дикаря и язычника? Естьли обратить вниманіе на дѣйствія библейскихъ обществъ и на всѣхъ агентовъ ихъ, то сіи произведенные ими пагубные плоды, сія уготовляемая ими вокругъ насъ зараза окажется можетъ быть страшнѣе и опаснѣе всякихъ непріятельскихъ нашествій.

Наконецъ, не исчисляя всѣхъ ихъ козней, которыхъ исчислить нельзя, довольно изъ хода дѣлъ и отчетовъ сихъ обществъ усматривается, о чемъ прилагаемо было подлинное попеченіе, о пользѣ ли и утвержденіи православной нашей вѣры, или о противномъ тому. Изъ однихъ обнародованныхъ актовъ, не говоря уже о тайныхъ сношеніяхъ, можно видѣть, какова духа иностранцы вызываемы были сюда, какое имѣли покровительство и одобреніе проповѣдывать по домамъ, какое было ихъ ученіе, и какія отъ того породились секты и расколы. Естьли библейскія общества стараются только о распространеніи благочестія, какъ онѣ говорятъ, то для чего не соединенно съ церковію нашею, но особо отъ ней дѣйствуютъ и не согласно съ нею? Естьли намѣреніе ихъ состоитъ въ преподаваніи христіянскихъ ученій, то развѣ

церковь наша не преподаетъ намъ оныхъ? Развѣ мы до библейскихъ обществъ не были христiяне? И какъ же онѣ учатъ насъ тому? — призываютъ учителей иновѣрцевъ и распускаютъ книги противныя христiянству! Вмѣстѣ съ Библiями разсылаютъ *воззванiя* ко всеобщему бунту[1]! Мнѣ кажется отъ нихъ-то Христосъ въ Евангелiи предостерегаетъ насъ сими словами: *„блюдитеся да никто же васъ прельститъ, мнози бо прiидутъ во имя мое, глаголюще: азъ есмь Христосъ, и мнози прельстятъ.“* Чѣмъ больше соображаю я все, доселѣ происходящее, съ сими Евангельскими словами, тѣмъ больше нахожу ихъ какъ бы прямо на наши времена указующими. Когда, какъ не нынѣ, со введенiя къ намъ библейскихъ обществъ, слыхали мы столько толковъ о вѣрѣ, и какихъ же? точно такихъ, о которыхъ Спаситель въ томъ же Евангелiи говоритъ: *„аще кто речетъ вамъ, се здѣ Христосъ! не имите вѣры: узрите мерзость запустѣнiя, стоящу на мѣстѣ святѣ.“* Подлинно такъ, — мы видимъ это. Когда, какъ не нынѣ, мечтательными умствованiями, разрывающими союзъ христiянскаго братства и любви, устремляются на потрясенiе единодушiя и спокойствiя народовъ? Когда, какъ не нынѣ, стараясь истребить вѣру во Христа, твердятъ о Немъ, нарушая заповѣдь: *да не прiемлеши имени Господа Бога твоего всуе?* Когда, какъ не нынѣ, возстаютъ другъ на друга, и вмѣсто кротости и смиренiя, предписуемаго намъ вѣрою, внушаютъ въ сердца наши лютость и свирѣпство противу тѣхъ, кои, не прiемля новыхъ ученiй, остаются при вѣрованiи своихъ отцевъ? Когда, какъ не нынѣ, оказывается столько прельщенныхъ, даже добрыхъ и невинныхъ, но которыхъ слухъ и сердце обворожены хитрыми дѣйствiями и словами? Когда, какъ не нынѣ, даются всему превратныя имена: ложь называютъ правдою, буйство — свободою, своеволiе — естественнымъ правомъ, законы — пустословiемъ, твердость въ вѣрѣ — пребыванiемъ въ заблужденiи, преданность государю и отечеству — загрубѣлою стариною, странные и чуждые всякой добродѣтели поступки и дѣянiя — святостiю? и что еще! даже самыя гнуснѣйшiя страсти и преступленiя свои выдаютъ за Божескiя внушенiя!

Всемилостивѣйшiй Государь! долгъ вѣрноподданнаго и преданность моя къ Тебѣ не позволяютъ мнѣ умалчивать мыслей

[1] Намекъ на „Воззванiе къ человѣкамъ о послѣдованiи внутреннему влеченiю духа Христова,“ — книгу, которая подверглась наибольшимъ нападкамъ со стороны противниковъ библейскаго мистицизма. Она была переведена съ французскаго И. И. Ястребцовымъ и издана въ 1820 году. Архимандритъ Фотiй отмѣтилъ ее какъ „антихристiанскую.“ (См. статью А. Н. Пыпина, въ Вѣстн. Евр. 1868. кн. 11, стр. 284, и кн. 12, стр. 724 и 736.)

моихъ предъ Тобою. Часто изъ благихъ намѣреній Твоихъ, чрезъ злоупотребленіе оныхъ, выводились несоотвѣтствующія онымъ слѣдствія. Такъ напримѣръ, я имѣлъ щастіе изъ собственныхъ устъ Твоихъ слышать, что Ты, для уменьшенія числа раскольниковъ, желалъ, дабы правовѣрный и благоразумный священникъ, уволенный къ нимъ подъ скрытнымъ именемъ, пріобрѣтя ихъ довѣренность, старался кроткимъ образомъ обращать ихъ на истинный путь. Такое Твое намѣреніе достойно благости Твоего сердца. Но чтожъ изъ того послѣдовало? — не избранный отъ верховнаго духовенства извѣстный благонравіемъ мужъ посылался туда; но бѣглецъ, отступникъ отъ вѣры, посрамившій санъ свой поруганіемъ церкви, уходилъ къ нимъ, и о немъ-то, когда духовное начальство станетъ требовать его для поступленія съ нимъ по законамъ, велѣно было отвѣчать: *онъ тамъ, гдѣ ему быть должно* [1]). Не совершенно ли это противуположно Твоимъ намѣреніямъ? Ты желалъ, чтобъ добрый въ стадѣ пастырь кроткими убѣжденіями уменьшилъ число заблуждшихъ овецъ; а подъ этимъ видомъ защищаютъ и оставляютъ тамъ преступника, дабы совратить и тѣхъ, которые не поколебались еще въ православіи! — За книгу *Бесѣда на гробѣ младенца* (благонамѣренную) сочинитель и цензоръ были наказаны, а за книгу *Воззваніе къ человѣкамъ* (злонамѣренную) переводчикъ награжденъ. Могло ли происшествіе сіе, толь грозное для благонравныхъ, и толь ободрительное для злонравныхъ писателей, не подвергнуть священнаго имени Твоего нѣкоему сомнѣнію, которое сколько служило къ обузданію усердія первыхъ, столько же къ поощренію дерзости вторыхъ. Но можешь ли Ты, Государь, отъ подобныхъ неусмотрѣній избѣжать? Допустятъ ли Тебя безчисленныя Твои занятія и попеченія прочитывать всѣ выходящія книги, дабы узнать, которая изъ нихъ подлинно хороша, или подлинно худа? — Въ подобныхъ обстоятельствахъ, можетъ быть, остановленъ Ты будешь мыслію, что отмѣнять единожды утвержденное Тобою, или съ Твоего позволенія сдѣланное, покажетъ нѣкоторый видъ Твоего непредусмотрѣнія; но Государь! еще осмѣлюсь повторить: какой поступокъ принесетъ Тебѣ больше славы, тотъ ли, когда Ты, открывъ злоупотребленіе, остановишь оное новымъ Твоимъ повелѣніемъ, или когда, закрывая то чего закрыть невозможно, попустишь существовать вреду, проистекшему отъ направленія добрыхъ Твоихъ намѣреній въ худую сторону? Я, конечно, могу

---

[1]) См. стр. 177 и 178.

обманываться въ моихъ размышленіяхъ, но могу также безтрепетно призвать самаго Бога въ свидѣтели, что сохраненіе имени Твоего отъ малѣйшей тѣни нареканія есть первѣйшее въ душѣ моей чувство.

Я прилагаю при семъ извлеченное изъ печатныхъ актовъ описаніе ежегоднаго хода библейскихъ обществъ, изъ котораго можно видѣть, какъ связь ихъ съ англинскими методистами, такъ и тожъ самое намѣреніе о распространеніи книгъ, содержащихъ въ себѣ умствованія, совершенно противныя всякой христіянской вѣрѣ и всякому правительству. Стараніе издавать таковыя книги вмѣстѣ съ Библіями показываетъ очевидное желаніе превратными толкованіями уронить священное писаніе и дать свободу страстямъ и своевольству. Дерзость предпріятія сего годъ отъ году постепенно возрастала. Плоды и успѣхи ея видны въ словахъ и писаніяхъ недавно привезеннаго сюда съ Дону есаула*). Кто знаетъ

---

*) Есаулъ сей[1]) схваченъ былъ съ написанною имъ возмутительною противъ вѣры и правительства книгою[2]), основанною на правилахъ изданной въ свѣтъ, переведенной съ иностраннаго языка книги, подъ названіемъ: „Воззваніе къ человѣкамъ о послѣдованіи внутреннему влеченію духа Христова[3]). Онъ призванъ былъ къ графу Аракчееву, въ присутствіи митрополита и архимандрита Фотія[4]), гдѣ, вмѣсто признанія себя виновнымъ, укорялъ ихъ дерзкими словами въ незнаніи настоящей вѣры, презиралъ всякія угрозы, и напротивъ угрожая самъ, говорилъ, что онъ радъ погибнуть, ибо знаетъ, что погибелью своею умножитъ ревность и число своихъ послѣдователей. Видя его свирѣпымъ и непреклоннымъ, графъ Аракчеевъ и митрополитъ полагали запереть его навсегда въ крѣпость; но архимандритъ Фотій просилъ, чтобъ предоставить ему еще разъ сдѣлать надъ нимъ опытъ своихъ увѣщаній. По нѣкоторыхъ противорѣчіяхъ, согласились на его представленіе. Онъ заперся съ нимъ одинъ въ кельи. Первый разговоръ ихъ былъ такой, что есаулъ, приведенный къ нему прямо изъ тюрьмы въ грязной, вшивой рубашкѣ, началъ на кроткіе его вопросы отвѣтствовать гнѣвомъ и бранью. Фотій, напротивъ, снималъ съ него вши, и, при всякомъ бранномъ отъ него словѣ, обнималъ его и цѣлуя говорилъ: — „Вотъ ты сердишься, а я нѣтъ; ты на меня досадуешь, а мнѣ тебя только жаль; изъ одного этого уже видно,

---

[1]) По имени Евлампій Котельниковъ; онъ былъ основателемъ вновь появившейся между Донскими казаками секты Духоносцевъ. Объ ученіи Котельникова, см. въ Русскомъ Архивѣ 1868 г. „Записку о крамолахъ враговъ Россіи,“ ст. 1345—1349.

[2]) Рукописная книга эта носила странное заглавіе: Начатки съ Богомъ остраго серпа въ золотомъ вѣнцѣ (Тамъ же).

[3]) „Воззваніе“ и еще другая книга, сочиненія Ив. Вл. Лопухина: „Черты внутренней церкви“ признавались духоносцами за пророческія и читались въ собраніяхъ ихъ наравнѣ съ Библіей (Тамъ же).

[4]) Извѣстнаго архимандрита новогородскаго Юрьевскаго монастыря.

до какой степени распространена сія зараза? Между тѣмъ что можетъ быть опаснѣе отпадшихъ отъ истинной вѣры пустосвятовъ и фанатиковъ, которыхъ первое стараніе грабить, разрушать законы, истреблять власти, и все то, что имѣетъ нѣкоторую нравственность и не хочетъ раздѣлять съ ними ихъ звѣрства? По

что моя сторона правѣе твоей. Я не прошу тебя, чтобъ ты мнѣ вѣрилъ, но для чего намъ съ кротостью не выслушивать другъ друга?" — Есаулъ нѣсколько укротился; но первое свиданіе ихъ ничего надъ нимъ не подѣйствовало. Узнавъ о семъ, я просилъ сказать отцу Фотію, чтобъ онъ, оставаясь наединѣ съ такимъ отчаяннымъ суевѣромъ, остерегался, дабы онъ не принесъ съ собою оружія и не убилъ его. Слова мои были ему пересказаны. Чтожъ онъ на другой день сдѣлалъ? велѣлъ накрыть столъ, посадилъ съ собой ужинать есаула, и говоритъ ему: — „Опасаются, что ты можешь меня зарѣзать; ножикъ лежитъ передъ тобою; но я этова не боюсь. Безъ воли Божіей ты сего не сдѣлаешь, а Богъ не попуститъ тебя поднять руку на того, кто тебѣ добра желаетъ. Скажи, приходитъ ли тебѣ на мысль убить меня?" — Есаулъ, мужичинища дородной взглянулъ съ удивленіемъ на худощаваго собесѣдника своего и твердымъ голосомъ отвѣчалъ ему: — „Нѣтъ, не убью." — „Ну, такъ станемъ же продолжать наши разговоры," — сказалъ Фотій. Такимъ образомъ мало по малу искореняя въ немъ ложныя понятія о вѣрѣ, почерпнутыя имъ изъ чтенія мистическихъ книгъ, и открывая ему перетолкованный въ нихъ настоящій смыслъ священныхъ писаній, напослѣдокъ довелъ онъ его до совершеннаго раскаянія, такъ что онъ потребовалъ свою книгу и своеручною подписью предалъ ее проклятію. Въ такомъ же духѣ, отрицаясь отъ всѣхъ ересей, написалъ онъ письмо къ митрополиту, прося у него прощенія и поручая себя его молитвамъ. Достойны примѣчанія слѣдующія слова сего есаула. Онъ говорилъ Фотію: — „Я мужъ и отецъ. Предавшись пагубнымъ внушеніямъ и чтенію злочестивыхъ книгъ, я заразился ими, бросилъ жену и дѣтей, не думалъ больше ни объ нихъ, ни о себѣ. Теперь возбудилъ ты во мнѣ снова жалость къ нимъ. Я отступилъ отъ вѣры, отъ добродѣтели, и достоинъ всякаго наказанія, но они бѣдные невинны и за меня страдаютъ. Жаль мнѣ ихъ, жаль!" — Окончаніе съ симъ есауломъ послѣдовало такое, что велѣно было его освободить, дать ему тысячу рублей, и отпустить на родину.

(Позднѣйшая приписка:) Въ послѣдствіе времени оказалось, что есаулъ сей, возратясь на родину свою, сочинилъ еще злѣйшую прежней книгу [1]), въ которой насмѣшливымъ и ругательнымъ образомъ описывалъ простоту тѣхъ, кои повѣрили притворному обращенію его въ православную вѣру и отреченію отъ своей, почерпнутой имъ изъ разныхъ такъ называемыхъ духовно-нравственныхъ книгъ, а особливо изъ книги Воззваніе. Онъ продолжалъ распространять свою ересь, и вторично былъ взятъ и привезенъ въ Петербургъ, имѣя сопутницею своею молодую, пригожую, какъ сказываютъ, дѣвку, которую выдавалъ онъ за дочь свою, вѣроятно надѣясь чрезъ нее привлечь къ себѣ больше сообщниковъ. Отослали его опять въ тотъ же монастырь; но

[1]) Вѣроятно упомянутое въ „Запискѣ о крамолахъ" и проч. „Дополненіе" къ прежде написаннымъ имъ „Начаткамъ."

всѣмъ симъ обстоятельствамъ почитаю я весьма нужнымъ неукоснительно закрыть библейскія общества и обратить строгое наблюденіе, чтобъ порожденное и питаемое ими зло всячески останавливать и искоренять. Естьли нужно закрытію ихъ придать нѣкоторую благовидность, не обнаруживая открывшейся злонамѣренной цѣли ихъ, то можно сдѣлать сіе разными образами: на примѣръ, предоставить синоду донесть о ненадобности болѣе оныхъ, или, и безъ сего донесенія, дать указъ, что какъ уже напечатано достаточное количество Библій, то почитая дальнѣйшее попеченіе о томъ болѣе ненужнымъ, всѣ библейскія общества закрыть [2]), и всѣ въ оныхъ дѣла препроводить для храненія въ святѣйшій синодъ, которому впредь по мѣрѣ надобности издавать Библіи на прежнемъ основаніи, какое было до введенія библейскихъ обществъ. Такимъ или подобнымъ образомъ можно прекратить оныя и отнять у иностранцевъ надежду возобладать надъ нами не силою оружія, чего они не могутъ, но лукавствами и хитростію, когда посѣютъ между нами секты и раздоры.

Государь! Я далъ Тебѣ слово быть откровеннымъ, и Ты священнымъ словомъ Твоимъ въ томъ же меня увѣрилъ. Я держу свое слово, и надѣюсь, что и Ты свое сдержишь въ томъ, что естьли я чистосердечными размышленіями моими наведу Тебѣ хотя малѣйшую непріятность или скуку, то Ты безъ гнѣва повелишь мнѣ замолчать. — Тройственный союзъ [3]) сдѣланъ былъ въ намѣреніи воспрепятствовать духу возстанія противъ христіянства и властей; но между тѣмъ оный, подъ иными видами (въ томъ числѣ и библейскими обществами), не престаетъ оказываться и рости. Карбонарство, явно себя обнаружившее, унято; но гдѣ и кѣмъ? въ малой землѣ великими державами [4]); а естьли

Фокій не взялся уже обращать его, а поручено было сіе одному изъ тамошнихъ монаховъ, которой, вмѣсто обращенія его, самъ отъ него заразился тоюже ересью, и объявилъ о томъ письменно [1]).

---

[1]) Согласно съ мнѣніемъ Фотія, Котельникова заперли въ Соловецкій монастырь. „Тамъ онъ раскаялся и умеръ, при отцѣ Александрѣ, въ 1854 или 1855 году, и, по отзыву его, святымъ человѣкомъ.“ („Чтенія“ 1868 г. I, Смѣсь. „Изъ Записокъ Фотія,“ стр. 264.)

[2]) Въ это время Русское Библейское Общество считало 289 частныхъ отдѣловъ. Въ теченіе своего двѣнадцати-лѣтняго существованія, оно издало 876,106 экземпляровъ Библіи и разныхъ ея частей. (Вѣстн. Евр. 1868 кн. 12., „Русское Библейское Общество,“ стр. 740 и 741.)

[3]) Т. е. Священный.

[4]) Революціонныя движенія въ неаполитанскомъ королевствѣ были подавлены въ 1822 году.

въ великой землѣ, наводящей огромностію и силою своею другимъ землямъ страхъ и зависть, скрытныя дѣйствія тогожъ самаго духа продолжаться будутъ и, чего Боже сохрани, созрѣютъ и вспыхнутъ, то кто придетъ въ землѣ сей устроить порядокъ? Тѣ ли, которымъ нужно, чтобъ она сама собою внутреннимъ своимъ несогласіемъ ослабила свои силы и чрезъ то подверглась ихъ надъ нею господству? — Всемилостивѣйшій Государь! Ты одинъ можешь укротить сей духъ буйства, порывающійся изъ чужихъ земель вторгнуться въ Россію, никогда о немъ не знавшую. Покажи себя защитникомъ православной вѣры своей и покровителемъ другихъ христіянскихъ вѣръ, не попуская раздѣляться имъ на секты и ереси. Будь прямо Руской Царь, надѣющійся на своихъ вѣрноподданныхъ. Возвысь дворянъ, ограду Твоего престола. Будь отецъ народу, но не давай возмущать его преждевременными внушеніями о вольности, вовлекающими его въ своевольство. Да посѣется между сими двумя состояніями тишина и миръ, а не вражда и злоба. Тогда Ты одинъ, посреди своего народа, сильнѣе будешь всѣхъ царей. Одно слово Твое, одинъ взоръ разсѣетъ въ царствѣ Твоемъ всѣхъ вольнодумцевъ, учениковъ чужихъ земель. Они почувствуютъ заблужденіе свое и обратятся на правый путь. Престолъ Твой оградится вѣрнѣйшими Тебѣ сердцами, и чужеземные козни не посмѣютъ и приближиться къ предѣламъ Твоего царства. Ты защитилъ народъ Свой отъ вооружившейся на него Европы, — Ты спасешь его отъ сильнѣйшаго врага, адскаго духа, устремляющагося искоренить въ немъ вѣру и всѣ добродѣтели. Твой народъ возлюбитъ Тебя, чужыя страны прославятъ, потомство будетъ Тебѣ благодарно, и Богъ, по долговременной жизни Твоей, приметъ Тебя въ свои объятія. Государь! Всякой, кто скажетъ Тебѣ не сходное съ симъ, скажетъ ложь, не преданъ Тебѣ, не любитъ Тебя.

ПИСЬМО КЪ КІЕВСКОМУ МИТРОПОЛИТУ [1]).

Высокопреосвѣщеннѣйшій Владыко, Милостивый Государь!

Зная, что вы на нѣкоторое время призываетесь сюда, я сердечно тому порадовался. Можетъ быть вы и неохотно разстанетесь съ мѣстомъ вашей паствы; но я увѣренъ, что важность предстоящаго вамъ дѣла воспламенитъ ваше усердіе и не остановитъ васъ идти на подвигъ, для сана и сердца вашего священный. Куда зоветъ насъ и Богъ, и Государь, и отечество, туда по-

---

[1]) Евгенію Болховитинову (См. выше, стр. 223).

спѣшать должно. Я думаю, дошелъ уже до вашего свѣденія Высочайше данный мнѣ указъ, которой однакожъ на всякой случай здѣсь прилагаю. Изъ онаго ваше высокопреосвященство усмотрите, что намъ предлежитъ общій и весьма тяжелый трудъ и борьба; но Богъ поможетъ намъ! Онъ подкрѣпитъ наши силы и не допуститъ мерзости и запустѣнію стать на мѣстѣ святѣ. Я ожидаю съ нетерпѣніемъ вашего прибытія, и не имѣю ни малѣйшаго сомнѣнія какъ въ усердіи вашемъ къ общему благу, такъ и въ особенномъ ко мнѣ благорасположеніи. Съ сею пріятною для меня надеждою испрашиваю архипастырскаго вашего благословенія, и съ совершеннымъ почитаніемъ и преданностію имѣю честь быть

вашего высокопреосвяшенства покорнѣйшій слуга,

А. Ш.

16 декабря 1824 года.

Его Высокопреосв. Кіевскому митрополиту Евгенію.

ОТВѢТЪ.

(полученный мною въ исходѣ генваря.)

Милост. Гос. А. С.,

Почтеннѣйшее письмо вашего высокопревосх., отъ 16 декабря, имѣлъ я честь получить 30 того же мѣсяца. Чувствительнѣйшую приношу благодарность за предувѣдомленіе меня о вызовѣ на трудный подвигъ. Указъ о семъ получилъ я уже 4 генваря. Буду собираться сколько возможно скорѣе; но нужно сдѣлать распоряженіе по многимъ дѣламъ, на время отсутствія моего. Чрезъ двѣ недѣли, могу собраться, хотя къ трудному дѣлу труденъ и путь по нынѣшнему времени. Самая почта въ 15 только дней до насъ доходитъ. Впрочемъ, повинуясь святой волѣ Монаршей, готовъ претерпѣть все и поспѣшить явиться къ вашему высокопревосходительству, съ изъявленіемъ совершеннѣйшей преданности и высокопочитанія, съ коими навсегда имѣю честь быть, и проч..

(на подлинномъ подписано:) Евгеній, митрополитъ Кіевскій.

Кіевъ. 7 генваря 1825 г..

ЗАПИСКА,

поданная отъ меня Государю Императору, въ началѣ 1825 года.

Книга, подъ названіемъ: *О должностяхъ человѣка и гражданина,* издана была въ 1783-мъ году и назначена по Высочай-

шему повелѣнію Императрицы Екатерины Второй для чтенія въ народныхъ училищахъ Россійской Имперіи. Съ того времени издано оной было одиннадцать тисненій, — послѣднее въ 1817-мъ году, — и дабы всякой могъ удобнѣе имѣть ее, положено за нее самая малая цѣна, а имянно 25 копѣекъ. Такимъ образомъ книга сія, не токмо подъ особеннымъ надзоромъ императрицы напечатанная, но, судя по слогу и нравоученію въ ней заключающемуся, едва ли не самой ею сочиненная, около сорока лѣтъ почиталась полезною и существовала въ народныхъ училищахъ. Но въ 1819 году членъ главнаго правленія училищъ, преосвященный Филаретъ [1]), предложилъ сему правленію, что: *„не нужно дѣтямъ читать о должностяхъ человѣка и гражданина, изложенныхъ по философскимъ началамъ, всегда слабымъ“* *). Въ слѣдствіе сего предложенія, по приказанію министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, всѣ экземпляры сей книги изъ училищъ были отобраны, и чрезъ бывшаго директора Попова велѣно ихъ продать, съ заплатою по 50 копѣекъ за пудъ, бумажному фабриканту, съ тѣмъ чтобъ никому оныхъ не раздавать, а употреблять единственно на бумажную мельницу. Симъ образомъ книга, содержащая въ себѣ самыя чистыя нравоученія, основанныя на выписанныхъ изъ Евангелія и тутъ же приложенныхъ текстахъ, книга, наставляющая юношей въ правилахъ обуздывать свои страсти, воздерживаться отъ всякихъ пороковъ, быть добрымъ въ общежитіи человѣкомъ, вѣрнымъ подданнымъ государю, и полезнымъ отечеству гражданиномъ, книга, начертанная сердцемъ и рукою Великой Екатерины, предана истребленію на бумажную мельницу! Сказанное о ней, яко бы оная *изложена по философскимъ началамъ*, есть столько же неопредѣлительное, сколько и несправедливое изрѣченіе; ибо естьли наставленія, на правилахъ вѣры и добродѣтельной жизни основанныя, названы обвинительно философскими, то какія же на мѣсто ихъ могутъ преподаваемы быть другія? Трудно повѣрить, чтобъ съ намѣреніемъ истреблять подобныя книги соединялось намѣреніе вводить безвѣріе и развратъ; но когда мы видимъ, что въ мѣстѣ съ истребленіемъ сихъ книгъ печатались и выпускались богохульныя, отвергающія вѣру и нравственность книги, когда знаемъ, что сей революціонной

*) На мѣсто сихъ слабыхъ положены въ распущенныхъ книгахъ сильныя начала къ истребленію всего благочестиваго, добраго и нравственнаго. О времена! о нравы!

[1]) Впослѣдствіи митрополитъ московскій.

духъ масонства и карбонарства во всѣхъ государствахъ обнаружился и къ намъ проникъ, то что иное заключать можемъ? И не должно ли, послѣдуя прочимъ державамъ, брать противъ него дѣятельныя мѣры?

Я прошу дозволенія вышеозначенную книгу, яко весьма для юношества полезную, вновь принять и ввести въ народныя училища.

При семъ прилагаю письмо, полученное мною отъ здѣшняго митрополита, съ приложеніемъ сдѣланнаго двумя избранными отъ него духовными особами и подтвержденнаго имъ самимъ разсмотрѣнія книги подъ названіемъ: *Воззваніе къ человѣкамъ о послѣдованіи внутреннему влеченію духа Христова.* Выписки изъ сей книги показываютъ явное возстаніе противъ вѣры и правительствъ, гласное проповѣдываніе революціи, съ угрозами страшныхъ истязаній всякому, кто останется христіяниномъ и вѣрноподданнымъ. Книга сія, равно какъ и многія другія, тѣмъ же духомъ наполненныя, не токмо въ великомъ количествѣ и многими тисненіями напечатана, но и съ похвалою, какъ изъ дѣлъ явствуетъ, повсюду разсылаема была.

Всемилостивѣйшій Государь! сіи донесенія мои Вашему Императорскому Величеству разглашаются за нѣкія будто бы личныя недоброжелательства мои къ прежнему министерству народнаго просвѣщенія. Естьли бы таковые толки относились единственно къ сужденію о моей нравственности, то бы не счелъ я за нужное опровергать ихъ иными доказательствами, кромѣ безпорочности долговременной моей жизни; но какъ толки сіи нападаютъ на долгъ моего званія, стараясь подъ симъ видомъ ослабить или уничтожить во мнѣ оный, то и осмѣливаюсь я заключить оправданіе мое въ нижеслѣдующемъ: 1-е. Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества указомъ повелѣно мнѣ: „*войти въ строгое наблюденіе, дабы какъ въ изданныхъ, такъ и впредь издаваемыхъ сочиненіяхъ и переводахъ, ничего колеблющаго вѣру и благонравіе не укрывалось.*“ Слѣдовательно, не личность, не клевета, но долгъ вѣрноподданнаго и правда обязываютъ меня къ тому. 2-е. По чувству христіянской любви, конечно, не долженъ я никого осуждать, и еще меньше желать кому какого-либо зла; но когда дѣло идетъ о революціонномъ духѣ, явно распространяемомъ и стремящемся къ ниспроверженію вѣры, правительства и всякаго общественнаго спокойствія, то закрывать оный, не доводить дѣяній его до свѣденія Вашего Величества, не смѣть гласно и громко изобличать зловреднаго ихъ намѣренія, и чрезъ то давать

духу сему расти и усиливаться, было бы съ моей стороны величайшее преступленіе предъ Вами, Государь, предъ отечествомъ, и что всего болѣе — предъ самимъ Богомъ, котораго страшному и праведному суду, по моимъ лѣтамъ и болѣзнямъ, вскорѣ я предстать долженъ. Доколѣ было сіе постороннимъ для меня дѣломъ, до тѣхъ поръ за молчаніе мое не отвѣтствовалъ я никому; но нынѣ, Государь, когда угодно было Вамъ возложить на меня обязанность наблюдать за нравственностію и воспитаніемъ, то могу ли я, съ нарушеніемъ присяги и вопреки правды и совѣсти, для какихъ бы то ни было вооружающихся противъ меня силъ и толковъ, отступить отъ моего долга, толь для меня священнаго? — Не могу, Государь! и естьли бы даже суждено мнѣ было отъ сего погибнуть, то погибель въ здѣшнемъ свѣтѣ была бы мнѣ утѣшительною надеждою не погибнуть въ будущей жизни. Впрочемъ, Государь, какъ ни мало полагаюсь я на мою сметливость и проницаніе, но мнѣ кажется: естьли тайныя общества и масонскія ложи строго запрещены и почитаются опасными, то не опаснѣе ли ихъ тотъ же самый духъ распространяющія книги? Тѣ покрайней мѣрѣ тайно дѣйствовали и не смѣли внѣ своихъ собраній мысли свои обнаруживать, а сіи дѣйствуютъ явно и въ слухъ всего народа. Оставить ихъ на прежнемъ основаніи, не открывать ихъ дѣяній, не смѣть обнаруживать ихъ лжеученій, изъ опасенія, чтобъ не огласить тѣхъ намѣреній, которыя сами они явно оглашаютъ, не будетъ ли казаться нѣкоторою боязнію, признающею сей духъ безвѣрія и безначалія уже такъ усилившимся, что къ обузданію его теряется надежда? Не ободритъ ли сіе преданныхъ сему духу? не умножитъ ли и число ихъ и дерзость? не отниметъ ли, напротивъ, всякое усердіе и ревность у тѣхъ, которые хотятъ пребыть вѣрными сынами церкви и престолу? Въ подобномъ случаѣ, что останется дѣлать симъ послѣднимъ, какъ не удалиться и съ безмолвіемъ и сокрушеннымъ сердцемъ ожидать, какіе изъ того произрастутъ плоды? Вотъ, Всемилостивѣйшій Государь, мои чувства, мои мысли, мои опасенія. Я подвергаю ихъ суду Твоему, ибо сердце Твое въ руцѣ Божіей*).

*) За нѣсколько времени прежде и послѣ сего письма, началъ я примѣчать нѣкоторую холодность и молчаливость въ довольно рѣдкихъ свиданіяхъ со мною государя императора, почему и я пересталъ докучать ему моими съ нимъ откровенными объясненіями, желая изъ того увидѣть и узнать его къ онымъ расположенія. Три или четыре раза былъ я потомъ у него съ докладами, не вопрошая ничего о слѣдствіяхъ по моимъ письмамъ. Онъ также молчалъ и, казалось, не хотѣлъ возобновлять о томъ разговоровъ. Причиною

ПИСЬМО КЪ ГР. АРАКЧЕЕВУ.

Милостивый Государь, графъ Алексѣй Андреевичъ!

На сихъ дняхъ получилъ я бумаги (съ которыхъ при семъ препровождаю къ Вашему Сіятельству копіи): одну — отъ московскаго попечителя [1]), содержащую въ себѣ отношеніе къ нему углицкаго и архангельскаго сотоварищества библейскихъ обществъ, о написаніи отчетовъ ихъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ; другую — отъ комитета правленія императорской академіи наукъ, о напечатаніи списка членовъ здѣшняго (санктпетербургскаго) библейскаго общества; третью — отъ митрополита Серафима. Сія послѣдняя содержитъ въ себѣ писанное къ нему о тѣхъ же обществахъ письмо отъ Павла, слободско-украинскаго и харьковскаго епископа. Изъ всѣхъ оныхъ бумагъ Ваше Сіятельство усмотрѣть изволите, что не взирая на явное зло, библейскими обществами распространенное, ниже на то, что дѣйствія ихъ нѣкоторымъ образомъ пріостановлены, онѣ продолжаютъ свои работы и къ цѣли своей идутъ смѣлыми шагами, согласно со всѣми иностранными проповѣдниками и миссіонерами. Изъ одного письма слободско-украинскаго епископа можно видѣть, какое колебаніе умовъ происходитъ отъ неизвѣстности чему слѣдовать и чего держаться. Онъ спрашиваетъ разрѣшенія: *какъ поступать, и дѣйствовать ли по прежнему?* По видимому, зараженный самъ, не знаю ложными ли понятіями, или инымъ какимъ побужденіемъ, выхваляя сіи общества, признается однакожъ, что *всѣ сословія свѣтскаго состоянія терпѣть ихъ не могутъ,* и что *сборъ денегъ и продажа книгъ производится во всей епархіи, по его распоряженію, посредствомъ одного духовенства, и то по принужденію.* Изъ сихъ краткихъ словъ его довольно уже явствуетъ, какимъ образомъ дѣлается и какую пользу приноситъ такъ называемое ими *распространеніе*

сему полагалъ я различныя внушенія противной стороны, имѣвшей весьма великія связи, и тѣмъ больше усиливавшейся, что, не взирая на перемѣну министерства и на всѣ мои противъ прежнихъ дѣйствій вопіянія, видѣла ихъ еще торжествующими, и голосъ мой, весьма многими заглушаемый, и почти никѣмъ не поддерживаемый, отчасу болѣе исчезающимъ и тщетнымъ. Обстоятельство сіе, соединявшееся съ удрученностію лѣтъ моихъ и съ домашними моими прискорбностями, крайне меня озабочивало, печалило и приводило въ уныніе. Въ послѣдній докладъ мой, государь, при отъѣздѣ своемъ въ Варшаву, прощаясь со мною сказалъ мнѣ: „поступай, какъ ты началъ.“ Слова сіи съ одной стороны ободряли меня, а съ другой — великость противуборствующей силы не допускала меня ни радоваться, ни надѣяться.

[1]) Кн. Андрея Петровича Оболенскаго.

слова Божія: — благое названіе, данное злому дѣянію, а потому и водворяющее, вмѣсто согласія и страха Господня, раздоры и суемудріе. Какое можетъ быть благочестіе тамъ, гдѣ, оставляя церковь, собираются въ частномъ домѣ и архіереи, и священники, и офицеры, и купцы, и даже иновѣрцы, не въ видѣ священнослужителей и молящихся слушателей, какъ обыкновенно бываетъ въ храмахъ Божіихъ, но въ видѣ сотоварищества, гдѣ и стихи поютъ, и ученики читаютъ свои сочиненія, и архирей говоритъ рѣчь похвальную переводу священныхъ писаній съ высокаго, церковнаго языка на простой, театральной, и пасторъ лютеранскаго исповѣданія провозглашаетъ свои ученія, и словомъ — всякой вмѣстѣ и духовная и свѣтская особа, и грекъ и католикъ *)? Можетъ ли въ такомъ смѣшеніи умовъ и страстей быть какое либо благоговѣніе? Сверхъ сего насильственною продажею книгъ собираютъ деньги и, производя въ народѣ неудовольствіе и ропотъ, безстыднымъ образомъ лгутъ въ газетахъ, что всякой у нихъ съ радостію покупаетъ. Между тѣмъ миссіонеры и распущенныя въ множествѣ, противныя и вѣрѣ, и всякой нравственности книги смущаютъ простолюдиновъ и, толкуя имъ превратно Библію, вселяютъ въ нихъ мысли, что не должно уважать ни церковь, ни правительство. Видя это изъ многихъ и ясныхъ доказательствъ, могу ли и долженъ ли я молчать? Но съ другой стороны что мнѣ дѣлать? Я подъ рукою далъ знать, чтобъ ничего, касающагося до библейскихъ обществъ, безъ разрѣшенія на то, въ Вѣдомостяхъ не печатали; но этова мало: надобно, чтобъ перестали дѣйствовать и питать тотъ духъ, которымъ надѣются потрясти и разрушить всякую связь обществъ и всякую власть и законы. Сей духъ оказывается не одними расколами, и не въ одномъ низкомъ состояніи людей, но и повсюду. На сихъ дняхъ былъ въ сенатѣ судъ по Госнеровскому дѣлу. Извольте прочитать рѣчь сенатора Муравьева [1]). Изъ ней одной видно, какъ и что говорить смѣютъ. Не токмо законы, но и здравой разсудокъ попираютъ ногами. — Въ одной изъ приложенныхъ здѣсь бумагъ усмотрите вы, что здѣшняя Академія Наукъ спрашиваетъ у меня разрѣшенія о напечатаніи въ адресъ-календарѣ, на сей 1825 годъ,

*) Все сіе въ упоминаемыхъ бумагахъ, называемыхъ „Отчетами," и присланныхъ для напечатанія, ясно было изложено, и сказано, кто что дѣлалъ, и что говорилъ.

[1]) Мнѣніе Муравьева-Апостола напечатано въ „Чтеніяхъ" 1859 г., кн. 4, Смѣсь, стр. 37—41.

списка членовъ санктпетербургскаго библейскаго общества. Я очень знаю, что этимъ самымъ оно утверждается, и всѣмъ вообще даетъ поводъ думать, что перемѣна министерства просвѣщенія ничего не значила, и что всѣ вещи остаются въ прежнемъ положеніи, — но отвратить этова не могу. Все, что оставалось мнѣ придумать къ лучшему, состоитъ только въ томъ, что я велѣлъ, излагая сей списокъ, припечатать къ нему прошедшій 1824-й а не нынѣшній годъ, дабы сколько нибудь дать почувствовать, что есть нѣкоторое помышленіе о принятіи мѣръ къ остановленію прежняго буйственнаго духа; но подобныя не довольно твердыя мѣры мало его останавливаютъ. Я счелъ за нужное довесть о семъ до свѣденія Вашего Сіятельства, и сказать при томъ откровенно, что съ моею преданностію вѣрѣ, государю и отечеству, и съ моимъ образомъ мыслей, тяжело мнѣ быть въ моемъ званіи, въ которомъ молчать и допускать рости сему глубоко-укореняющемуся *новомыслію* запрещаетъ мнѣ долгъ и совѣсть, а противуборствовать ему нѣтъ силъ. Съ истиннымъ и совершеннымъ почитаніемъ имѣю честь быть,

Вашего Сіятельства покорнѣйшій слуга,

16 мая 1825 года. А. Ш.

СПИСОКЪ

съ отвѣта гр. Аракчеева.

Милост. Гос. Алексан. Сем.,

Истинно благодарю Вашего Высокопревосходительства за письмо ваше писанное 16 маія, и я совершенно съ вами согласенъ. Мое мнѣніе: Оболенскому не дѣлать никакова отвѣта, и тѣмъ самымъ отмѣнится печатаніе въ московскихъ вѣдомостяхъ объ отчетахъ Углицкомъ и Архангельскомъ. Архирею Павлу не должно также дѣлать отвѣта на его письмо, а тѣмъ самымъ онъ долженъ будетъ понять что ему слѣдуетъ дѣлать. О напечатаніи въ адресъ-календарѣ списка, я совершенно съ вами согласенъ, чтобъ напечатать *списокъ 1824 года.* Прошу васъ сдѣлать мнѣ по дружбѣ вашей одолженіе доставить мнѣ копію съ рѣчи сенат. Муравьева, которую я весьма желаю прочитать, отправя оную ко мнѣ въ собственныя руки въ городъ *Старую-Русу*, куда я завтра рано отправлюсь до 1-го іюня. Съ истинною дружбою и истиннымъ же почтеніемъ пребуду,

Вашего Высокопревосходительства покорный слуга

(на подлин. подписано:) Гр. Аракчеевъ.

С. Грузино. 20 маія 1825 года.

МОЙ НА ПИСЬМО ЕГО ОТВѢТЪ.

Милостивый Государь, Графъ Алексѣй Андреевичъ.

Находясь въ Царскомъ Селѣ, я имѣлъ честь получить письмо ваше отъ 20 мая. Возвратясь въ Петербургъ, спѣшу исполнить приказаніе ваше присылкою къ вамъ сенатской бумаги, гдѣ помѣщенъ и голосъ сенатора Муравьева, къ которому многіе пристали, въ защиту дѣла преступнаго и по обстоятельствамъ весьма важнаго. Нѣкоторые, какъ слышу, съ чрезвычайнымъ жаромъ кричатъ о достоинствѣ голоса сего, уничижая напротивъ голосъ сенатора Сумарокова, весьма благонамѣренный и справедливый[1]. Я не могу понять сей ревности оправдывать то, чего, безъ противурѣчія законамъ и явной потачки худымъ замысламъ, никоимъ образомъ оправдывать не можно. Кто не знаетъ (развѣ только тотъ, кто совсѣмъ не вѣдаетъ обстоятельствъ, или подлинно хочетъ зла), что здѣсь дѣло идетъ не о томъ, чтобъ наказать человѣка (кому нужно наказанъ ли онъ будетъ, или какъ заблуждающій(ся) фанатикъ — прощенъ?), но о томъ, что въ оправданіи его оправдывается самое злѣйшее покушеніе на церковь, престолъ и отечество. Госнеровское дѣло связано съ обстоятельствами, изъ которыхъ покушеніе сіе доказывается не подлежащими никакому сомнѣнію актами. Каковъ же будетъ примѣръ и ободреніе *новозатевальщикамъ*, когда самъ правительствующій сенатъ покажетъ себя на ихъ сторонѣ? Я смѣю увѣрить Ваше Сіятельство, что зло сіе уже и такъ не мало, отчасу больше растетъ, и что пора обратить на него всевозможное вниманіе и принять рѣшительныя и дѣятельныя къ обузданію онаго мѣры. Люди, которымъ оно нравится, говорятъ о тѣхъ, кои противуборствуютъ имъ, какъ о людяхъ странныхъ и вредныхъ, заводящихъ инквизиціи; но это не новое, что они благонамѣренію даютъ худыя, а злонамѣренію хорошія имена. Не на слова ихъ, а на дѣла надобно взглянуть, и сличить ихъ съ дѣлами тѣхъ, которыхъ они, для закрытія себя, очернить стараются: тогда окажется чья правда, и чья неправда. Что значитъ слово ихъ — *инквизиція?* Оно собственно значитъ розыскъ, но какой? — не казни, не мученія; ибо сихъ никто не требуетъ; но просто розысканіе или изслѣдованіе актовъ, изъ коихъ бы можно было увидѣть, какое въ нихъ скрывается намѣреніе, — худое или доброе. Вотъ что называютъ они инквизиціею! Но естьли сіе изслѣдованіе, которому даютъ они толь ненавист-

[1] Мнѣніе сенатора Сумарокова см. тамъ же, въ „Чтеніяхъ,“ стр. 42—48.

ное имя, кажется имъ такъ страшнымъ, то стало быть дѣла ихъ не чисты; и естьли не хотятъ, чтобъ открыты были тайныя ихъ пружины, то стало быть хотятъ, чтобъ оныя не прежде были примѣчены, какъ тогда, когда уже всѣ предпринимаемыя противъ нихъ мѣры будутъ позды и безуспѣшны. Я читалъ разныя о семъ донесенія и бумаги (по сіе время праздно лежащія), изъ которыхъ, соображая ихъ съ печатными книгами и дѣйствіями изъ нихъ почерпнутыми, ясно открывается и начало, и ходъ, и успѣхи сихъ пагубныхъ покушеній, заразившихъ уже многое число людей. Тутъ не догадки, а документы, самые ясные и очевидные; нужно только на нихъ взглянуть, дабы удостовѣриться, и тогда должно будетъ рѣшиться на одно что нибудь: или съ твердостію тому воспротивиться, или не обращеніемъ на то вниманія дать время духу сему созрѣть, и ожидать съ трепетомъ неминуемо долженствующихъ выдти изъ того послѣдствій. — Къ голосу сенатора Муравьева прилагаю я здѣсь, для любопытства вашего, нѣкоторыя краткія мои замѣчанія. Естьли дѣло поступитъ въ государственный совѣтъ, то поневолѣ долженъ я буду пространнѣе о томъ объясниться; ибо я никогда не вступаюсь за себя (брани меня кто хочетъ!); но гдѣ идетъ дѣло о вредѣ общему благу, тамъ я не могу молчать. Я прилагаю при семъ и голосъ сенатора Сумарокова, также и указъ святѣйшаго синода. Я отправляюсь въ Дерптъ, надѣюсь возвратиться черезъ недѣлю и лично съ вами переговорить. Пріятно мнѣ видѣть благорасположеніе ко мнѣ Вашего Сіятельства, но опять повторю съ откровенностію, что трудно мнѣ слабому, при моей старости и тупѣющемъ зрѣніи, также и при многихъ другихъ обстоятельствахъ, стоять крѣпко на стражѣ и нести на плечахъ своихъ толь тяжелое бремя: чувствую, что я упаду подъ нимъ. Одно только утѣшаетъ меня — совѣсть, которая говоритъ мнѣ, что недостатокъ силъ не есть недостатокъ усердія. Съ истиннымъ почитаніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть

Вашего Сіятельства покорнѣйшій слуга,

А. Ш.

27 мая 1825 года.

ВЫПИСКИ ИЗЪ ФРАНЦУЗСКИХЪ КНИГЪ, ИЗДАННЫХЪ ВЪ ПАРИЖѢ.

Изъ первой:

Справедливое сужденіе *о взаимномъ обученіи*, съ разсмотрѣніемъ его природы, его начала и его дѣйствій. Книжка сія издана

съ слѣдующею надписью: *„берегитесь да не будете прельщены баснями, и да не соблазнитъ васъ суетная и обманчивая философія.“* (Св. Павелъ къ Колос. гл. 2.)

Изъ второй,

названной „Желаніями на 1825 годъ“:

Мы желаемъ Россіи, чтобъ она почувствовала, что разлитіе рѣкъ ея не есть самое большое бѣдствіе, котораго она страшиться долженствуетъ; что ученія, разрушающія всѣ общественныя связи, влекутъ за собою несравненно величайшую пагубу, и что прежде помышленія о спасеніи себя отъ морскихъ опустошеній, нужно ей ополчиться противъ хищной руки гордой философіи, о которой Богъ сказалъ: *ты не пойдешь далѣе.* Сперва пусть ей поставитъ оплотъ, и потомъ примется за удержаніе въ предѣлахъ Невы.

(Обѣ выписки сіи читаны мною государю императору.)

ПИСЬМО КО МНѢ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА.

Александръ Семеновичъ! Съ живѣйшимъ прискорбіемъ узналъ я о кончинѣ супруги вашей [1]), и искренно раздѣляю съ вами горесть вашу, желая чтобы вы, съ покорностію къ святой волѣ Всемогущаго, перенесли оную, и обрѣли утѣшеніе въ упованіи на благость Его. Пребываю впрочемъ всегда къ вамъ благосклоннымъ.

(На подлинномъ подписано:) Александръ.

Въ Таганрогѣ. Сентября 25 дня 1825 года.

* *
*

МОЙ ОТВѢТЪ.

Всемилостивѣйшій Государь!

Великодушное и милостивое о нещастіи моемъ сожалѣніе, которое угодно было Вашему Величеству изъявить мнѣ, наполнило душу мою неизреченною благодарностію. Долговременное страданіе и наконецъ смерть жены моей, съ которою провелъ я болѣе тридцати лѣтъ, не могли не изнурить и безъ того изнуренныхъ уже старостію силъ моихъ. Горесть моя велика, но утѣшеніе мое — Богъ, и отрада остатка дней моихъ — Вы, Государь! Подкрѣпляемый сими надеждами, живу и дышу.

Вашего Императорскаго Величества

вѣрноподданный

Александръ Шишковъ.

С. Петербургъ. 8 октября 1825 года.

---

[1]) Дарьи Алексѣевны, рожденной Шельтингъ, первой жены Шишкова.

НѢКОТОРЫЯ НУЖНЫЯ ДЛЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ СВЯЗИ ОБЪЯСНЕНІЯ НА ПОМѢЩЕННЫЯ ВЪ СИХЪ ЗАПИСКАХЪ БУМАГИ.

1-е. На мое письмо къ государю императору, отъ 22 Мая 1824 года (см. стран. 164).

Назначеніе меня, на мѣсто предмѣстника моего князя Голицына, министромъ народнаго просвѣщенія произошло по слѣдующимъ обстоятельствамъ: Нѣкто монахъ Фотій (или Фокій), человѣкъ еще не старый, пылкій защитникъ правовѣрія, долгое время (то есть около двухъ лѣтъ или болѣе) былъ въ связи и частомъ сношеніи съ княземъ Голицынымъ, въ намѣреніи, какъ сказываютъ, отвратить его отъ покровительства тѣмъ ересямъ и зловреднымъ книгамъ, какія чрезъ внушеніе иностранныхъ миссіонеровъ, по ходатайству его, выпускалися къ поколебанію нашей вѣры; но, не получа въ томъ успѣха, рѣшился, не взирая на сильную его довѣренность у государя императора, употребить надъ нимъ духовную строгость. Съ симъ намѣреніемъ пригласилъ онъ его въ домъ графини Орловой [1]), гдѣ, поставя налой и положа на немъ евангеліе и крестъ, приготовился его встрѣтить. Когда князь вошелъ въ комнату и хотѣлъ по обыкновенію принять отъ него благословеніе, то онъ остановилъ его и сказалъ, что прежде не дастъ ему благословенія, покуда онъ не отречется отъ богоотступныхъ дѣлъ своихъ, покровительствуя иностраннымъ лжеучителямъ, возстающимъ противъ церкви и престола. Князь сперва отвѣчалъ ему хладнокровно, что онъ дѣйствовалъ по волѣ государя, и что теперь, зайдя такъ далеко, поздо уже возвращаться назадъ; но когда Фокій грознымъ гласомъ возразилъ ему: „поди къ царю, стань передъ нимъ на колѣни и скажи, что ты виноватъ, самъ дѣлалъ худо, и его вводилъ въ заблужденіе,“ — тогда князь разсердился и спросилъ у него: какое право имѣетъ онъ говорить ему такимъ повелительнымъ голосомъ? — „Право служителя олтаря Божія,“ отвѣчалъ ему Фокій, „могущаго, въ случаѣ упорнаго пребыванія твоего въ злочестіи, предать тебя проклятію!“ — Князь, послѣ словъ сихъ, вспыхнулъ гнѣвомъ и сказавъ ему: „увидимъ кто изъ насъ кого преодолѣетъ,“ съ великимъ смущеніемъ побѣжалъ изъ горницы. Фокій въ слѣдъ ему кричалъ громко: „анаѳема! да будешь ты проклятъ!“ и тотчасъ послѣ сего происшествія въ точности описавъ, какъ свой поступокъ, такъ и отвѣты князевы, запечаталъ письмо свое и послалъ съ надписью: въ собственныя его величества руки. Вскорѣ государь позвалъ его къ себѣ, и хотя сначала выговаривалъ ему съ гнѣ-

[1]) Анны Алексѣевны Орловой-Чесменской.

вомъ за такой его поступокъ, находя оный не токмо не приличнымъ, но даже и не сообразнымъ съ христіянскою кротостію, однакожъ, по долгомъ съ нимъ бесѣдованіи, отпустилъ его безъ гнѣва. Въ тожъ время подоспѣло Госнеровское дѣло. Сіи два обстоятельства были главною причиною перемѣны министерства просвѣщенія, къ которому присоединены были еще двѣ части, а имянно: управленіе иностранныхъ вѣроисповѣданій и наши духовныя дѣла; но сія послѣдняя часть, при сей перемѣнѣ, была отдѣлена; князь же Голицынъ остался главноначальствующимъ надъ почтовымъ департаментомъ.

2-е. (Объясненіе) на бумагу мою, іюня отъ 7 дня (1824 года), оставленную мною у государя императора (см. стр. 169), и также на письмо къ графу Аракчееву отъ 11 числа тогожъ мѣсяца (см. стран. 172). — NB. Мнѣ извѣстно было, что графъ Аракчеевъ всегда письма мои къ нему показывалъ его величеству.

Дѣло въ это время шло о Поповѣ, ревностномъ старателѣ промѣнять церковь нашу на протестанскую, гернгутерскую, или какую либо иную, и который въ библейскихъ обществахъ представлялъ, послѣ министра своего, лице первенствующей въ синодѣ свѣтско-духовной особы. Онъ, подъ видомъ болѣзни, ѣздилъ въ Англію, для совѣщанія съ тамошними методистами*), отколѣ воз-

*) Можно объ успѣхахъ сихъ совѣщаній заключить изъ слѣдующаго сихъ господъ обнародованнаго объ насъ отзыва (Extrait de la feuille publiée chez Fiffling et Hugues, imprimeurs. Growenor Row. Chelsea. Mai 1817):

Le Mecredi, 7 Mai 1817, s'est tenu à l'hôtel (des) Francs-Maçons à Londres, le 13-me anniversaire de la Société Biblique Britannique et Etrangère. Apres différentes lectures et quelques discours sur les progrés et l'utilité de la Societé Biblique, le révérend Richard Watson, Ministre de la secte Méthodiste, a pris la parole:

„Mylords, le Rapport et les adresses que nous venons d'entendre ont tourné „notre attention sur l'Empire Russe. Ah! combien sont consolantes et les vues „qui nous sont présentées, et les espérances qu'elles permettent de concevoir! „désormais nous pouvons être assurés, que bientôt dans ce vaste pays la religion „sera rétabli dans toute sa pureté; et cela par le seul effet de la circu-„lation des Saintes Ecritures traduites dans les différens idiomes, „qui se parlent dans cet immense Empire.

„Chez les payens nous sômmes encore obligés d'envoyer des missionnaires, „comme explicateurs de la Bible, mais partout où le christianisme existe, fut-il „même dénaturé, la simple lecture des livres saints peut et doit suffir pour „redresser la foi. La circulation de la Bible peut seule rétablir l'Eglise Grecque „et la relever de la décadence actuelle. Les voûtes du temple subsistent, — „la Bible saura bientôt rallumer le feu des autels.

„Il existe dans ce pays, plus qu'on ne le pense, des Ministres saints, „qui, quoique morts en apparence aujourd'hui, semblables aux témoins de l'Apoca-

вратясь изобличенъ былъ поправленіемъ своей рукою перевода Госнеровой книги, и хотя, по толь явному обнаруженію злочестивыхъ намѣреній своихъ, не могъ не отданъ быть подъ судъ, однакожъ переведенъ изъ министерства просвѣщенія въ почтовой департаментъ со всѣми прежними выгодами, и даже съ тайными нѣкоторымъ лицамъ внушеніями, чтобъ на судѣ старались его оправдать. Толь явное покровительство человѣку, участвовавшему въ дѣлѣ оглашенномъ и признанномъ отъ самаго правительства злонамѣреннымъ, давало несомнѣнный видъ, что хотя министерство просвѣщенія и перемѣнено, однакожъ прежнія дѣйствія и духъ его защищаются. Сей видъ разрушалъ всѣ мои мѣры дѣйствовать противъ вольнодумства и введенія къ намъ новой, пагубной философіи. Я долженъ былъ, при старости лѣтъ моихъ, или, заглушая въ себѣ совѣсть, уступать сей заразѣ, или почти одному, съ весьма немногимъ числомъ сотоварищей, безполезно бороться съ нею; но на первое попуститься никакимъ образомъ я не могъ и не хотѣлъ, а второму воспротивиться не имѣлъ, по расположенію обстоятельствъ, ни силъ, ни возможности.

„lypse, se tiendront sur leurs pieds et prophétiseront aussitôt que l'esprit „de vérité entrera en eux.

„La circulation des Ecritures dans l'Eglise Latine a produit notre glo„rieuse réformation, et nous a donné le protestantisme avec le „bonheur et les bénédictions dont il est la source. Nous pouvons espé„rer aujourd'hui, que bientôt nous verrons l'Eglise Grecque jouir des „mêmes avantages; avec cette différence cependant, que l'opposition, faite par „l'Eglise Latine contre la circulation des Ecritures Saintes, a produit des schismes „terribles, des malheurs sans nombre, et que cette circulation, étant au contraire „encouragée, comme le sont dans l'Empire de Russie toutes les Sociètés Bibliques, „nous pouvons nous flatter que la libre diffusion de la vérité, en éclairant „l'Eglise Grecque sur ses erreurs, ranimera la foi et maintiendra l'union „des fidèles. Cette espérance est bien douce et bien consolante pour les amis „de l'humanité. Notre réformation dans son origine eut mille obstacles à sur„monter et à vaincre; toutes nos Eglises protestantes prirent naissance au milieu „des troubles et des discussions politiques, et leur berceau fut souvent ébranlé par „la tempête. Ce grand et nécessaire changement au contraire va s'opérer en „Russie sans aucune convulsion; cet heureux pays a l'espérance du bien, et n'a „ni inquiétude, ni danger à redouter. La réformation pour cet Empire predestiné „sera semblable au beau soleil levant, qui éclaire d'une lumiére égale et les chau„mières de Sibérie et les Palais des Czars, où le plus sage, comme le plus puis„sant des souverains de la terre médite aujourd'hui cette grande et sainte réforme.“

Вотъ до какой степени доведены были дѣла, что люди, отпадшіе отъ всякой христіянской вѣры, почитали уже Грекороссійскую Церковь нашу навѣрное разрушающеюся, и сія рѣчь ихъ, толь увѣрительно о семъ возвѣщающая, не была вымыслъ и клевета, но надежное заключеніе, основанное на успѣхѣ дѣйствій ихъ и ересей, между нами распространенныхъ!

3-е. (Объясненіе) на бумаги мои, читанныя при докладѣ, въ 9 день ноября.

Видя, что государь уклоняется изъявить волю свою даннымъ мнѣ указомъ, по которому бы могъ я дѣйствовать противу тѣхъ вредныхъ началъ, кои доселѣ, утвержденныя или ободряемыя верховною властію, введены были и остаются еще въ той же силѣ своей, принужденъ я былъ выжидать на то случая. Бумага моя (см. стран. 175), поданная 26 Іюля, въ видѣ проэкта указа о запрещеніи выпускать безъ синодскаго разсмотрѣнія такъ называемыя духовно-нравственныя книги, осталась безъ всякаго вниманія и употребленія. Наконецъ, послѣ всѣхъ вышеписанныхъ донесеній о книгѣ *Бесѣда на гробѣ младенца* (см. стран. 178 и 209) и другихъ моихъ бумагъ, данъ на имя мое испрашиваемый мною указъ (см. на стран. 213 проэктъ рескрипта), въ силу котораго сообщилъ я въ святѣйшій синодъ обо всѣхъ изданныхъ доселѣ противныхъ вѣрѣ нашей книгахъ, съ тѣмъ, чтобъ отъ него приняты были мѣры къ уменьшенію разливаемаго ими безвѣрія, и къ воспрепятствованію, какъ по нашему, такъ и по другимъ вѣроисповѣданіямъ, размножающихся отчасу болѣе расколовъ и ересей. Я думалъ, что съ перемѣною министерства должна возникнуть и перемѣна въ попущеніи вредными сочиненіями заражать незрѣлые умы, и что при толь гласномъ въ данномъ мнѣ указѣ изъявленіи воли монаршей, какъ святѣйшій синодъ, такъ и другія правительственныя мѣста, сильными и убѣдительными представленіями своими государю императору преклонятъ его къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ и распоряженіямъ, изъ которыхъ бы несомнѣнно явствовало, что продолжавшееся доселѣ по министерству просвѣщенія худое направленіе нравственности обратило на себя вниманіе, и что ни наши расколы, ни иностранныя секты, ни миссіонеры ихъ, ни книги ими издаваемыя, ни превратные о вольности народной толки, ни люди, старающіеся къ возмущенію всеобщаго спокойствія разсѣвать пагубныя свои ученія, не ободряются и не покровительствуются болѣе; но къ крайней печали и сожалѣнію моему увидѣлъ, что вмѣсто сильной и необходимо нужной въ томъ себѣ подпоры, вездѣ и повсюду встрѣчалъ я или холодность и равнодушіе, или непреодолимыя преграды и препятствія, чему теперь же достаточный покажемъ образчикъ.

4-е. (Объясненіе) по дѣлу о Госнерѣ и Поповѣ, изъ которыхъ, какъ мы уже видѣли, одинъ былъ высланъ изъ Россіи, а другой отданъ подъ судъ.

Дѣло сіе поступило въ общее собраніе сената, гдѣ два се-

натора, Сумароковъ и Муравьевъ-Апостолъ, подали свои мнѣнія. Первый, входя съ подробностію во всѣ дѣйствія и намѣренія, клонившіяся къ потрясенію вѣры и правительства, обвинялъ Попова, какъ облеченнаго довѣренностію чиновника*), оказавшагося явнымъ въ томъ соучастникомъ; второй старался его оправдать. О мнѣніи перваго многіе говорили съ нѣкоторымъ кощунствомъ, тогда какъ мнѣніе втораго превозносили похвалами, и въ общемъ собраніи большая половина сенаторовъ къ нему пристали. Изъ сего можно уже нѣсколько усмотрѣть до чего простиралось, такъ сказать, *новомысліе* и духъ угожденія сильнѣйшей партіи; но изъ послѣдующаго мы еще яснѣе то увидимъ. Изъ сената дѣло сіе поступаетъ въ государственный совѣтъ. При семъ случаѣ, остаться мнѣ въ молчаніи было бы отъ прежнихъ мнѣній моихъ и донесеній отказаться и признать голосъ сенатора Муравьева справедливымъ. За таковой поступокъ совѣсть моя не перестала бы никогда меня укорять. И такъ, по выслушаніи въ государственномъ совѣтѣ разногласнаго сенатскаго рѣшенія, просилъ я предсѣдателя [1]) и господъ членовъ отложить заключеніе свое до будущаго засѣданія, въ которомъ подамъ я мнѣніе мое письменно. Совѣтъ согласился. Бумага моя, вмѣщавшая въ себѣ весь безъизъятія голосъ Муравьева съ моими на каждую статью онаго объясненіями, была слѣдующаго содержанія:

„Книга Госнерова и согласныя съ нею проповѣдыванія его найдены комитетомъ господъ министровъ зловредными для вѣры и правительства, почему, съ утвержденія Его Императорскаго Величества, книга сія сожжена, а самъ Госнеръ, сочинитель ея, высланъ за границу. Послѣ сего не можетъ быть вопроса: виноватъ ли тотъ кто переводилъ сію книгу на руской языкъ, и тотъ, кто поправлялъ ее; ибо всѣ трое имѣли они одинакое намѣреніе издать ее въ свѣтъ. По здравому разсудку, переводчикъ и поправлятель еще болѣе виноваты, нежели самъ сочинитель, поелику

*) Чиновникъ сей находился подъ особымъ покровительствомъ предмѣстника моего и всѣхъ, державшихся новаго ученія о вѣрѣ и новыхъ мыслей. При первыхъ докладахъ моихъ, государь императоръ говорилъ мнѣ о немъ съ похвалою и, казалось, бралъ въ немъ немалое участіе. Самъ Госнеръ многими при дворѣ защищаемъ былъ, и обличеніе мое книги его поставлялось мнѣ въ нѣкое злорѣчіе и фанатизмъ. При таковомъ расположеніи умовъ неудивительно, что всѣ лица, дѣйствовавшіе въ прежнемъ министерствѣ просвѣщенія, имѣли за себя великую заступу.

[1]) Кн. Петра Васильевича Лопухина.

сей былъ иностранецъ и написалъ книгу на нѣмецкомъ, чуждомъ намъ языкѣ, а они, будучи россійскіе подданные, хотѣли тожъ самое зло сдѣлать вреднѣйшимъ, чрезъ напечатаніе и распространеніе онаго на собственномъ нашемъ языкѣ. Изъ сего слѣдуетъ неоспоримое заключеніе, что въ одномъ и томъ же дѣлѣ меньше-виноватаго осуждать, а больше-виноватаго оправдывать — не сходно ни съ какимъ понятіемъ о законахъ и правосудіи. Переводчикъ умеръ, а поправлятель живъ и отданъ подъ судъ. При подобныхъ обстоятельствахъ, судъ не можетъ состоять въ иномъ, какъ токмо въ изслѣдованіи, точно ли подсудимый поправлялъ книгу. Естьли это достовѣрно, то уже непремѣнно достовѣрно и то, что онъ въ намѣреніяхъ сочинителя и переводчика участвовалъ. Изъ сего непреложнаго заключенія никоимъ образомъ изъять его не можно, а потому и оправдывать нѣтъ возможности, кромѣ развѣ когда позволено будетъ говорить несообразное ни съ обстоятельствами сего дѣла, ни съ законами, ниже съ здравымъ разсудкомъ. Тогда никакія доказательства не нужны; ибо естьли изъ нихъ ложныя съ истинными равно принимаются, то на что онѣ? довольно спросить у каждаго о словѣ — да или нѣтъ *).

„Излагая мнѣніе мое, поневолѣ долженъ я обратиться къ несогласному съ онымъ голосу господина сенатора Муравьева, читанному въ правительствующемъ сенатѣ. Я нахожусь въ необходимости сдѣлать сіе, поелику въ немъ опровергается все то, что отъ насъ (то есть управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и меня) представлено было комитету господъ министровъ [1]). Господинъ сенаторъ въ оправданіе подсудимому приводитъ слѣдующія разсужденія:

„1-е (говоритъ): „Что онъ (г. сенаторъ) рачительно сличалъ „исправленный переводъ съ подлинникомъ и нашелъ: 1-е, что „г. Поповъ въ переводѣ собственно исправлялъ одинъ только „слогъ; 2-е, что онъ смысла подлинника нигдѣ не измѣнялъ;

---

*) Вступленіе сіе, казалось, долженствовало бы обратить на себя вниманіе и возродить хотя нѣкоторое въ совѣсти затрудненіе, не смотря ни на какія доказательства, безмолвно послѣдовать и соглашаться съ несправедливыми и явно пристрастными сужденіями; но мы послѣ увидимъ, что сердце преодолѣвало разумъ, и что по нещастію ложь могла торжествовать надъ правдою.

---

[1]) Разборъ книги Госнера, поданный Шишковымъ въ комитетъ министровъ, 22 мая 1824 г. (см. стр. 188), былъ также подписанъ и В. С. Ланскимъ.

„3-е, что своихъ собственныхъ мыслей вмѣсто авторскихъ нигдѣ „не помѣстилъ; 4-е, что если онъ и цѣлыя страницы на полѣ „перевода написалъ своею рукою, такъ это не отъ того, чтобы онъ „хотѣлъ составлять цѣлыя страницы (онъ своего ничего не со- „ставлялъ), но единственно потому, что иначе возможности не было „исправить дурный, исполненный германизмами слогъ переводчика.“

„Господинъ сенаторъ представляетъ здѣсь подсудимаго въ такомъ видѣ, какъ будто бы ему велѣно было поправлять переводъ; говоритъ, что *иначе не было возможности его исправить.* Но кто принуждалъ его къ тому? какая нужда была исправлять злочестивой нѣмецкой книги худой руской переводъ? Впрочемъ сіи слова господина сенатора служатъ больше къ обвиненію подсудимаго, нежели къ оправданію; ибо когда Госнерова книга найдена зловредною, то сохранять смыслъ ея и поправлять въ слогѣ худой переводъ — есть хотѣть для вящаго вреда украсить его краснорѣчіемъ и ясностію. Скорѣе могло бы служить извиненіемъ подсудимому, когда бы онъ смыслъ ея измѣнилъ, и вмѣсто худыхъ авторскихъ мыслей поставилъ свои хорошія.

„2-е. Господинъ сенаторъ продолжаетъ: „что какъ занятіе „его (Попова) въ поправленіи перевода было, такъ сказать, ме- „ханическое, то и образъ мыслей его принужденно сходствуетъ „съ толкователемъ.“

„Сіи слова господина сенатора конечно могутъ служить нѣкоторымъ извиненіемъ подсудимому, но трудно себѣ представить, чтобъ директоръ департамента народнаго просвѣщенія могъ читать и поправлять книгу *механически*, то есть безъ всякаго содѣйствія ума и воли. Естьли и принять такое оправданіе, то развѣ исключительно на одинъ сей случай; ибо распространять оное на другіе случаи весьма опасно, поелику такимъ образомъ всякое, даже уголовное преступленіе оправдать можно. Напримѣръ, двое изобличаются въ томъ, что они убили человѣка; тогда въ оправданіе обоихъ, или одного изъ нихъ, позволительно будетъ доказывать, что онъ не виноватъ; ибо, смотря на своего товарища, билъ съ нимъ, такъ сказать, механически, направляя руку свою принужденно за его рукою *).

*) Читатель! вотъ до какаго злоупотребленія доведена, не скажу хитрость, но безумная свобода говорить противъ всѣхъ законовъ и здраваго разсудка своевольное, очевидно нелѣпое умствованіе, и гдѣ же? въ общемъ собраніи сената! Кто слыхалъ, чтобъ для извиненія содѣланнаго живымъ человѣкомъ преступленія позволительно было превращать его въ машину, въ мертваго истукана, читающаго и пишущаго механически! Можетъ ли что

„3-е. Г. сенаторъ продолжаетъ: „а не такъ какъ заключаетъ „о немъ господинъ оберъ-полицемейстеръ, сказавшій въ изслѣ„дованіи своемъ, что образъ мыслей его (Попова) *не сходствуетъ* „съ толкователемъ. Напротивъ того, исправленный имъ переводъ „можно назвать *буквальнымъ*, сколько то позволяетъ свойство на„шего языка.“

„Здѣсь повидимому г. сенаторъ увлекся ошибкою переписчика, поставивши въ рѣчи господина оберъ-полицемейстера, вмѣсто глагола *сходствуетъ*, глаголъ *не сходствуетъ*. Но таковая ошибка переписчика, естьлибъ она и находилась въ бумагѣ, читанной господиномъ сенаторомъ, могла по смыслу легко быть примѣчена; ибо признавая сочиненіе пастора Госнера исполненнымъ злочестія, сказать о томъ, кто книгу его поправлялъ, что онъ образомъ мыслей своихъ *не сходствуетъ* съ нимъ, было бы совершенно его оправдывать, поелику *не сходное* съ худымъ не можетъ иначе быть какъ доброе. Настояніе господина сенатора, что поправки точно сходствуютъ съ подлинникомъ, гораздо больше служитъ къ обвиненію подсудимаго, нежели когда бы оныя почитались *несходствующими*, какъ уже и выше о томъ упоминаемо было.

„4-е. Г. сенаторъ продолжаетъ: „Я долженъ еще замѣтить „въ отношеніи къ исправленной рукою г-на Попова тетради: „1-е, что она не была еще въ рукахъ цензора; 2-е, что часть „оной, т. е. исправленная рукою г-на Попова, состоитъ изъ де„вятнадцати полулистовъ, писанныхъ въ половину; и что слѣд„ственно часть сія не составляла бы и одного полнаго печатнаго „листа въ осмушку; 3-е, что исправленное Поповымъ мѣсто едва „ли равняется съ одною 57-й долею всѣхъ отпечатанныхъ листовъ.“

быть страннѣе сего предположенія, и со всѣмъ тѣмъ оно многими пріемлется и одобряется! Но взглянемъ еще на мнимо-хитрыя увертки: оправдатель, сказавъ о подсудимомъ, что онъ смысла подлинника нигдѣ не измѣнилъ, повидимому почувствовалъ самъ, что неизмѣненіе смысла въ переводѣ книги, признанной вредною, не есть оправданіе, и для того, избѣгая отъ одной странности, впадаетъ въ другую, еще худшую, говоря, что какъ онъ поправлялъ механически, то и образъ мыслей его принужденно сходствуетъ съ толкователемъ. Поставлять въ оправданіе Попова сходство смысла, и потомъ сходство сіе называть принужденнымъ, (слѣдственно не такимъ, которое оправдываетъ), произшедшимъ отъ того, что поправлятель былъ не человѣкъ, а машина, — есть нѣчто необыкновенное, неслыханное не только отъ судьи, ниже отъ стряпчаго, которому бы поручено было защищать подсудимаго; думаю, что и тотъ не осмѣлился бы такими несообразными ни съ чѣмъ представленіями обижать своихъ слушателей; ибо за кого въ такомъ случаѣ онъ принимаетъ ихъ?

„Сіе арифметическое исчисленіе долей не можетъ, кажется, служить ни къ какому оправданію г-на Попова; ибо не о томъ спрашивается какую часть книги онъ поправлялъ; но о томъ, зачѣмъ, съ какимъ намѣреніемъ самопроизвольно поправлялъ книгу, наполненную противными нашей вѣрѣ и правительству толкованіями? Вотъ о чемъ идетъ дѣло, а не о томъ, сотая или пятидесятая часть ея, и одинъ или два листа въ осмушку поправлены его рукою. Это не подлежитъ сужденію; ибо часто и одна строка можетъ преступнѣе быть, нежели цѣлая громада листовъ.

„5-е. Г. сенаторъ продолжаетъ: „На второй пунктъ, что „г. Поповъ дерзнулъ упорствовать въ мнѣніи своемъ на щетъ „книги и автора, какъ будто въ охужденіе заключенія о нихъ „правительства, обвиняемый въ оправданіе свое ссылается на „подлинный отвѣтъ свой къ оберъ-полицемейстеру. И дѣйстви-„тельно въ отвѣтѣ семъ, предъ нами лежащемъ, ничего нѣтъ „такого, что бы могло вмѣниться въ дерзость, и того еще меньше „въ *охужденіе*. Его спрашиваютъ: по какому случаю онъ по-„правлялъ переводъ? онъ отвѣчаетъ: потому что пасторъ Госнеръ „былъ извѣстенъ ему за человѣка (сколько онъ могъ видѣть) истинно „христіанскихъ правилъ; а по сему онъ не сомнѣвался, чтобы и „книга его не была писана въ духѣ благочестія.“

„Г. сенаторъ находитъ сей отвѣтъ Попова достаточнымъ къ его оправданію; но какимъ образомъ читать, поправлять книгу, и до такой степени быть не свѣдущу, что не знать, худое ли въ ней или доброе написано? Возможно ли съ подобнымъ отсутствіемъ разсудка приступать къ поправленію слога въ книгѣ? Впрочемъ естьли принять это за оправданіе, то всякой писатель можетъ переводить и печатать всякую развратную и возмутительную книгу, и всякой учитель преподавать по ней уроки, оправдываясь тѣмъ, что онъ сочинителя ея зналъ за благонравнаго человѣка, а потому думалъ, что и книга его благонравна. Кажется г. сенаторъ почувствовалъ самъ необычайность сего извиненія; ибо

„6-е. въ исправленіе себя присовокупляетъ: „но такимъ „образомъ онъ (Поповъ) выражается на щетъ мнѣнія своего о „книгѣ и авторѣ ея не въ *настоящемъ*, а въ *прошедшемъ* времени. „Другаго отвѣта не можно было и ожидать отъ него.“

„Естьли бы подсудимый совсѣмъ не читалъ книги и не зналъ ея содержанія, а только бы оная найдена была у него, то отвѣтъ его, приводимый господиномъ сенаторомъ, могъ бы имѣть нѣко-

торую вѣроятность; но уличаемый своеручнымъ поправленіемъ такой книги, которую комитетъ господъ министровъ единогласно призналъ и Государь Императоръ утвердилъ, что оная *содержитъ въ себѣ разсужденія несогласныя не токмо съ нашею, но и со всякою христіянскою вѣрою, и что заключаетъ въ себѣ умствованія противу правительства и всякой гражданской власти,* — уличаемый, говорю, поправленіемъ слога таковой книги, могъ ли подсудимый, безъ дерзкаго прекословія правительству и даже безъ отрицанія въ самомъ себѣ всякаго разсудка, отвѣтствовать, что *пасторъ Госнеръ былъ извѣстенъ ему за человѣка истинно христіянскихъ правилъ, и что потому онъ не сомнѣвался, чтобъ и книга его не была писана въ духѣ благочестія?* Да развѣ онъ не поправлялъ слогъ этой книги? Развѣ можно поправлять, не читая? А когда читалъ, поправлялъ, и когда уже надъ нею и надъ авторомъ ея произнесенъ былъ судъ правительства, то какимъ образомъ такой отвѣтъ его принять за оправданіе? Поэтому какую бы кто не принесъ ко мнѣ преступную и возмутительную бумагу, я слогъ въ ней поправлю своей рукою, и когда спросятъ меня, зачѣмъ я это дѣлалъ, то я могу отвѣчать: тотъ, кто принесъ ее, казался мнѣ человѣкомъ самымъ честнымъ, а потому хотя я и поправлялъ бумагу, но судя по немъ думалъ, что она хороша; и это примутъ отъ меня въ оправданіе, или въ извиненіе мое скажутъ: да это говоритъ онъ *не въ настоящемъ* а *въ прошедшемъ* времени! Не знаю, въ какомъ правительствѣ покажутъ мнѣ таковыя правила суда.

„7-е. Г. сенаторъ продолжаетъ: „А чтобы изъ даннаго имъ „(Поповымъ) отвѣта выводить послѣдствіе, какъ заключаетъ господинъ оберъ-полицемейстеръ: *что таковымъ изъясненіемъ онъ* „(Поповъ) *рѣшился какъ бы охуждать рѣшеніе высшаго правительства,* то я по совѣсти моей долженъ сказать, что и тѣни „похожаго на это не вижу. Примѣръ: я былъ знакомъ съ человѣ„комъ, которой впалъ въ тяжкое уголовное преступленіе, въ слѣд„ствіе коего онъ осуждается на позорную казнь. Меня спраши„ваютъ: какъ могъ я имѣть сношеніе съ такимъ человѣкомъ? — „потому (отвѣчаю я) что онъ мнѣ казался хорошимъ, и я его „почиталъ таковымъ. Неужели такой отвѣтъ мой вмѣнился бы „мнѣ въ норицаніе судейскаго надъ преступникомъ приговора? „— конечно нѣтъ; ибо я такъ думалъ о немъ тогда, когда не я „одинъ, а все общество, въ коемъ онъ обращался, находило въ „немъ хорошаго человѣка: это не значитъ, что я и *теперь* тоже „о немъ заключаю. Такъ точно и г. Поповъ, говоря о Госнерѣ и

„книгѣ его, въ секретномъ донесеніи своемъ г-ну оберъ-полице-„мейстеру, открываетъ мнѣніе свое о авторѣ и сочиненіи, *бывшее* „до заключенія, а не *настоящее,* по заключеніи о нихъ прави-„тельства.“

„Здѣсь надлежитъ замѣтить, что хотя г. сенаторъ увѣряетъ *по совѣсти своей,* что онъ не видитъ въ заключеніи г-на оберъ-полицемейстера *и тѣни похожаго* на сказанное имъ, но, не касаясь совѣсти, можно и должно сказать о совершенной несправедливости его доказательствъ. Онъ приводитъ въ примѣръ знакомство свое съ человѣкомъ, впадшимъ въ уголовное преступленіе, и доказываетъ невинность свою тѣмъ, что онъ о впаденіи его въ преступленіе не могъ напередъ знать. Но тотъ ли здѣсь случай? Поповъ обвиняется въ поправленіи книги, а о томъ былъ ли онъ знакомъ съ Госнеромъ, или нѣтъ, никто у него не спрашиваетъ. Примѣръ господина сенатора совсѣмъ не тотъ. Подходящій къ сему примѣръ есть слѣдующій: *я зналъ о намѣреніи того, кто впалъ въ уголовное преступленіе, и вмѣстѣ съ нимъ придумывалъ, какъ бы произвесть оное въ дѣйство:* иначе какимъ образомъ, поправляя листки печатающейся книги, не участвовать въ ней и не быть согласну съ намѣреніемъ автора издать ее въ свѣтъ? Таковое чуждое всякаго правдоподобія увѣреніе для слушателя не убѣдительно, и даже самому Попову служитъ больше въ оскорбленіе, нежели въ защиту; ибо онъ, читая книгу, представляется не понимающимъ того, что въ ней написано, и словно какъ бы онъ при поправленіи ея двигалъ руку свою механически, безъ всякаго размышленія. Когда же не полагать его въ семъ машинальномъ состояніи, то какое средство изобрѣсти къ изъятію его отъ участвованія въ ней? Господинъ сенаторъ говоритъ, что *онъ открываетъ мнѣніе свое объ авторѣ и сочиненіи, бывшее до заключенія, а не настоящее, по заключеніи о нихъ правительства.* Но первое, естьли не выставлять его (какъ г. сенаторъ всегда выставляетъ) дѣйствующимъ *механически,* то могъ онъ и прежде заключенія правительства изъ содержанія читаемой и поправляемой имъ книги знать и о ней, и о сочинителѣ ея. Второе, г. Поповъ писалъ отвѣты свои, по высылкѣ уже Госнера и послѣ осужденія книги его: слѣдовательно вопреки сему осужденію. По какому же праву и основанію г. сенаторъ *не видитъ и тѣни похожаго* на то, что заключается въ мнѣніи г-на оберъ-полицемейстера? Впрочемъ предположеніе господина сенатора, что Поповъ могъ Госнера и книгу его почитать *благочестивыми потому, что не одинъ онъ, но все общество, въ коемъ Госнеръ обращался*

находило его хорошимъ человѣкомъ, есть весьма несовмѣстное предположеніе; ибо отзываться съ похвалою о Госнерѣ, изгнанномъ, и о книгѣ его, преданной истребленію, оправдывая себя въ томъ какимъ-то мнимымъ къ нему уваженіемъ какова-то неизвѣстнаго общества, — есть нѣчто весьма необычайное.

„8-е. Г. сенаторъ продолжаетъ: „Въ 3-мъ пунктѣ поставля„ется въ вину г-ну Попову, что ему не слѣдовало поправлять „никакихъ сочиненій, и что участіе его и покровительство автору „ввело въ заблужденіе цензоровъ, которые вѣроятно по сему „вліянію одобрили книгу къ напечатанію. Здѣсь, гдѣ идетъ дѣло „о судьбѣ человѣка, гадательно ничего принимать не должно; а „прежде всего потребно опредѣлить съ ясностію, въ чемъ состо„итъ покровительство Попова Госнеру, или то, что собственно „принадлежитъ къ предмету: могло ли вліяніе его дѣйствовать „на цензоровъ? Скорѣе всего это окажется чрезъ внимательное „соображеніе обстоятельствъ времени и мѣста."

„Г. сенаторъ весьма справедливо разсуждаетъ, что тамъ, гдѣ идетъ дѣло о судьбѣ человѣка, не должно гадательно ничего принимать; но да позволитъ онъ сдѣлать себѣ слѣдующіе вопросы:. 1-е, когда книга признана правительствомъ зловредною, и когда подсудимый въ поправленіи слога ея изобличается собственною своей рукою, и самъ отъ того не отрицается, то чтожъ тутъ гадательное? 2-е, ежели должно помышлять о томъ чтобъ не отяготить судьбу человѣка, то неужъ-то меньше надлежитъ пещися о защитѣ вѣры и отечества отъ наводненія противныхъ благу ихъ сочиненій?

„9-е. Г. сенаторъ продолжаетъ: „Первое представляется мнѣ „то, что г. Поповъ, уволенный въ чужіе краи для поправленія „разстроеннаго здоровья своего, выѣхалъ изъ С. Петербурга 7 „марта 1823 года, больный, и еще за полгода до того никакими „дѣлами, по болѣзни своей, не занимавшійся. Рукопись перевода „Госнеровой книги, о которой г. Поповъ тогда еще и не слыхалъ, „поступила въ цензуру только въ началѣ того года, а пропущена „была къ печатанію[1]) уже въ маіѣ мѣсяцѣ, т. е. во время пре„быванія г. Попова внѣ Россіи. Когда же онъ, того же самаго „года сентября 13, возвратился въ отечество свое, то книги той „было уже отпечатано 50 листовъ, или еще и болѣе. Естьли бы „г. Поповъ поправлялъ первые листы сочиненія, то это могло бы

[1]) Цензоромъ Бируковымъ, тѣмъ же самымъ, который исправлялъ стихотвореніе Ѳ. Н. Глинки „Земная Грусть" (см. стр. 145).

„еще послужить нѣкоторымъ безмолвнымъ одобреніемъ, подав-
„шимъ цензорамъ поводъ къ пропущенію книги въ печать; но
„онъ въ началѣ и не зналъ о книгѣ сей; а естьли въ томъ и не
„давать ему вѣры, то покрайней мѣрѣ можно уже утвердительно
„сказать, что онъ первыхъ листовъ не поправлялъ, что печата-
„ніе первыхъ 50-ти листовъ книги произведено было въ отсут-
„ствіе его, и наконецъ, что поправленная имъ тетрадь и не
„проходила еще чрезъ руки цензора. Какое же вліяніе съ его
„стороны остается еще возможнымъ? — или письменное изъ внѣ,
„или словесное, еше въ Россіи, до отъѣзда его въ чужіе края.
„Ежели есть такое письмо, которымъ можно уличить его, пускай
„оно представится; ежели есть такой человѣкъ, которому Поповъ
„внушалъ одобреніе книги, пускай онъ станетъ противъ него
„свидѣтелемъ: безъ того я не могу признать вліянія его на пе-
„чатаніе книги*), и тѣмъ еще болѣе, что самъ цензоръ, г. Би-
„руковъ, который бы могъ однимъ двусмысленнымъ словомъ об-
„легчить лежащую на себѣ отвѣтственность, предпочелъ однако-
„же святую истину собственной своей безопасности, объявивъ съ
„благороднымъ чистосердечіемъ, что со стороны г-на Попова ни-
„когда не было никакого внушенія, ни въ пользу, ни во вредъ
„разсмотрѣнной имъ помянутой книги."

„Здѣсь 1-е, г. сенаторъ, устраняясь отъ существенныхъ въ дѣлѣ обстоятельствъ, затмѣваетъ ихъ посторонними, не принадлежащими къ дѣлу разсказами, увѣряя, что Поповъ былъ боленъ, что съ полгода не занимался дѣлами, что поѣхалъ изъ Россіи 7 Марта 1823 года, и что будто потому о рукописи, поступившей въ цензуру въ началѣ тогожъ года, не могъ слышать. Но почему не могъ слышать? Почему и прежде отъѣзда своего и болѣзни не могъ о сей рукописи имѣть свѣденія? Почему, не занимаясь дѣлами, не могъ заниматься чтеніемъ ея? Да естьлибъ это и можно было доказать, то къ чему послужило бы такое доказательство, которымъ поправки книги рукою г-на Попова, существенное и главнѣйшее въ семъ дѣлѣ обстоятельство, ни мало

*) Вліяніе на цензоровъ, вліяніе письменное, вліяніе на печатаніе книги! Бѣдный русскій языкъ![1]) и съ тобою не лучше поступаютъ, какъ съ законами и правосудіемъ. О времена! о нравы! — Читатель! прости мнѣ сіи подъ звѣздочками прибавки, присовокупленныя въ запискахъ моихъ уже послѣ, по прочтеніи въ Совѣтѣ бумаги моей. Нѣтъ возможности не скорбѣть, видя языкъ искажаемымъ, и правду попираемою ногами.

[1]) См. стр. 25.

чрезъ то не опровергается? 2-е. Г. сенаторъ требуетъ письма или свидѣтельства, словно какъ бы собственная рука Попова въ поправленіи книги не свидѣтельствовала, что онъ печатаніе ея не только одобрялъ, но и желалъ споспѣшествовать тому. 3-е. Г. сенаторъ доказываетъ еще, что Поповъ поправлялъ послѣдніе, а не первые листы книги. Но что до этова, когда книга, и въ началѣ, и въ срединѣ, и въ концѣ злочестива и вредоносна? Да естьли бы она въ концѣ своемъ и не была таковою, а только въ началѣ или въ срединѣ, то и тогда поправленіе ея не могло бы почесться невиннымъ, поелику нельзя поправлять, не читавши начала и не знавъ содержанія книги. 4-е. Г. сенаторъ доказываетъ невинность Попова тѣмъ, что цензоръ не говоритъ, чтобъ онъ побуждалъ его къ пропуску книги; но это не служитъ ни къ малѣйшему оправданію господина Попова, поелику желаніе его, чтобъ оная была напечатана, неоспоримымъ образомъ явствуетъ изъ его поправленія.

„10-е. Г. сенаторъ продолжаетъ: „Относительно же къ пер„вой части того же 3-го пункта обвиненія, въ коей сказано, что „*ему не слѣдовало поправлять никакого сочиненія,* то я не знаю „закона или предписанія, возбраняющаго директорамъ народнаго „просвѣщенія такое занятіе. Естьли бы такой законъ существо„валъ, то конечно поправленіе книги было бы нарушеніемъ онаго; „но какъ онъ не существуетъ, то нельзя вмѣнять поступокъ г-на „Попова въ преступленіе; ибо во всѣхъ начальныхъ основаніяхъ „уголовнаго правовѣденія принимается за аксіому: *нѣтъ пре„ступленія безъ закона* (nullum crimen sine lege), иначе — *что не „возбраняется, то не осуждается.*“

„Сомнительно, чтобъ безъ какой нибудь недосмотрѣнной при напечатаніи сей статьи ошибки, г. сенаторъ, имѣя предъ собою въ той же самой сенатской бумагѣ выписанные и приложенные на сей случай законы, могъ отвергать существованіе оныхъ; невозможно чтобъ толкуя предъ лицемъ сената латинскими словами начальныя основанія уголовнаго правовѣденія, могъ онъ не знать, что поправлять обыкновенныя сочиненія никому не запрещается, но участвовать въ поправленіи сочиненій противъ вѣры и правительства, сочиненій, клонящихся къ возмущенію народнаго спокойствія, — всегда и вездѣ было и есть преступленіе, осуждаемое и наказуемое Божескими и человѣческими законами. Таковое смѣшеніе и принятіе за одно сочиненій о наукахъ, или краснорѣчіи, съ развратными и возмутительными

сочиненіями, конечно не могло иначе произойти, какъ отъ ошибочнаго выраженія мыслей подлинника*).

„11-е. Г. сенаторъ продолжаетъ: „Таково сужденіе мое о „г-нѣ Поповѣ. Оно основано на одной истинѣ (!!!), по крайней „мѣрѣ на внутреннемъ въ оной убѣжденіи, которое я открываю „здѣсь со всею смѣлостію, внушенною мнѣ сознаніемъ исполне-„нія священнаго долга, возложеннаго на меня званіемъ моимъ."

„Можно весьма согласиться на *внутреннее убѣжденіе* господина сенатора; но что касается до *истины,* внушенной ему смѣлостію исполненія *священнаго долга,* то да позволитъ онъ себѣ сказать, что остается еще сію *истину* его и *священный долгъ* положить на вѣсы правосудія и здраваго разсудка съ *истиною* и *священнымъ долгомъ* тѣхъ, которые противно ему разсуждаютъ: тогда только окажется, чья истина вѣрнѣе, чей долгъ священнѣе и чья смѣлость благонамѣреннѣе.

„12-е. Г. сенаторъ продолжаетъ: „Впрочемъ мнѣ кажется, „если я не ошибаюсь, что и сами гг. министры, просвѣщенные „изслѣдователи Госнеровой книги, указываютъ намъ на ту точку „зрѣнія, съ которой мы должны разсматривать поступокъ г-на „Попова. Въ заключеніи своемъ о цензорѣ они сказали: *во первыхъ цензоръ можетъ не имѣть достаточнаго проницанія..*[1]). „Вмѣсто цензора поставимъ директора и скажемъ ихъ же словами „во первыхъ, директоръ могъ не имѣть достаточнаго проницанія „*во вредъ,* прикрытый въ книгѣ мнимою пользою наставленія въ „вѣрѣ и просвѣщеніи; во вторыхъ, публичное проповѣданіе и „печатаніе книгъ сихъ въ здѣшней столицѣ могли отвлечь ди-„ректора отъ сомнѣнія, и естьлибъ онъ увидѣлъ что-либо сомни-„тельное, то опасался бы изъявить свое сомнѣніе, при явномъ „покровительствѣ и благорасположеніи къ симъ сочинителямъ и „переводчикамъ**). — То, что служитъ къ оправданію цензора

---

*) Дѣйствительно трудно повѣрить, чтобъ въ присутствіи полнаго собранія рускаго сената можно было (не говоря уже о неприличіи ни мало не относящагося къ сему латинскаго текста) нѣчто подобное утверждать; ибо допуская сіе, останется только допустить, что хотя разбойникъ и зарѣзалъ человѣка, но какъ нѣтъ закона, воспрещающаго употребленіе ножа, то онъ не виноватъ. Довольно сказать: nullum crimen sine legé.

**) Благоразумной читатель! обращаюсь къ тебѣ. При какой нравственности можно сенатору говорить сіе предъ лицемъ общаго собранія первенствующихъ судей, и предъ цѣлымъ свѣтомъ? Онъ, первое, поставляетъ ди-

---

[1]) См. стр. 203.

„можетъ безсомнѣнія служить къ тому же и въ отношеніи къ „директору; въ настоящемъ же случаѣ еще и болѣе въ пользу „сего послѣдняго, ибо цензоръ, имѣвъ почти всю книгу въ рукахъ „своихъ, могъ судить о духѣ, въ коемъ она писана, основатель- „нѣе нежели директоръ, видѣвшій изъ нея только одну какую „нибудь 57-ю долю.“

„Господинъ сенаторъ несправедливо и превратно толкуетъ здѣсь мнѣніе господъ министровъ, обращая слова ихъ совсѣмъ не къ тому, къ чему оныя сказаны. Обстоятельство сіе состоитъ въ слѣдующемъ: комитетъ господъ министровъ поручилъ управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и мнѣ разсмотрѣть Госнерову книгу. Исполняя сіе, мы представили наше мнѣніе, основанное на доказательствахъ, сдѣланныхъ противу выписокъ изъ сей книги. Находя ее противною вѣрѣ и нравственности, и присовокупляя къ тому, что многія и другія подобныя книги выпущены, въ противность всѣмъ указамъ, безъ всякаго синодскаго разсмотрѣнія, мы полагали, что, для отвращенія вредныхъ отъ того послѣдствій, надлежитъ на будущее время взять мѣры учрежденіемъ гражданской цензуры на лучшемъ основаніи. Здѣсь, не касаясь болѣе до Госнерова дѣла, но единственно говоря о новой предполагаемой цензурѣ, излагали мы мнѣніе наше объ учрежденіи оной. Прочитавъ всю статью, выписанную на страницѣ 12-й въ сенатской бумагѣ*), можно видѣть о чемъ и къ какому предмету разсужденія наши относились. Г-нъ сенаторъ взялъ изъ сей статьи нѣкоторый отрывокъ, и произвольно обратилъ оный не на общее сужденіе о цензорахъ, но имянно на цензора Бирукова, выводя изъ того несправедливое заключеніе, что будто бы министры указываютъ ему *на ту точку зрѣнія,* съ которой долженъ онъ

ректора народнаго просвѣщенія, засѣдавшаго въ библейскихъ обществахъ, сносившагося съ англинскими методистами, съ Госнерами, и проч. и проч., не разумѣющимъ того, о чемъ въ сихъ книгахъ, отъ министерства просвѣщенія издаваемыхъ и его собственною рукою поправляемыхъ, толь прямо и ясно говорится! Второе, сенаторъ въ оправданіе ему ставитъ то, что онъ, при явномъ къ сочинителямъ и переводчикамъ сихъ книгъ покровительствѣ и благорасположеніи (въ коихъ слѣдственно и самъ онъ соучаствовалъ, поелику былъ директоръ и поправлялъ ихъ своею рукою), опасался изъявить свое сомнѣніе!.... Опасаться не участвовать и не опасаться участвовать въ издаваніи книгъ возмутительныхъ, возстающихъ противъ вѣры, правительства и спокойствія народнаго! прекрасное оправданіе! достойное просвѣщенныхъ нашихъ временъ!

*) Но полнѣе и въ лучшей ясности на стран. 203 и прочихъ въ сихъ Запискахъ.

разсматривать поступокъ г-на Попова. Я, какъ дѣйствующее въ семъ дѣлѣ лицо, не могу согласиться принять на себя, будто я указывалъ ему на сію *точку зрѣнія* *). Сужденіе мое объ этомъ есть слѣдующее: оба въ дѣлѣ толь важномъ виноваты, — директоръ и цензоръ; но никакъ невозможно поставить ихъ наровнѣ одного съ другимъ: первое потому, что цензоръ обязанъ читать всѣ приходящія къ нему книги, которыхъ нынѣ выходитъ несоразмѣрное съ силами одного или двухъ человѣкъ множество, и требуютъ скораго прочитыванія и разрѣшенія; то и легко всякой цензоръ можетъ неумышленно индѣ не досмотрѣть, индѣ не проникнуть настоящаго смысла, а особливо прикрытаго благовидностію. Директоръ, напротивъ, не по обязанности, но по собственной волѣ своей избралъ одну сію книгу, избралъ для своеручнаго поправленія ея въ слогѣ: слѣдовательно съ намѣреніемъ въ лучшемъ видѣ издать ее въ свѣтъ. Цензоръ могъ почитать ее за равную со всѣми другими приходящими къ нему книгами, но директоръ, чрезъ избраніе и поправленіе ея своей рукою, необходимо долженъ былъ обратить на нее особенное свое вниманіе. Сверхъ сего, второе, цензоръ Бируковъ, находясь вмѣстѣ и начальникомъ отдѣленія, состоялъ подъ непосредственнымъ начальствомъ директора, и потому, видя поправленную рукою его книгу, могъ легко увлеченъ быть его примѣромъ. Изъ сего явствуетъ, что я на сіе дѣло смотрю отнюдь не съ той точки зрѣнія, какую мнѣ приписываютъ. Впрочемъ г. сенаторъ, поставя директора на мѣсто цензора, и превознося сего послѣдняго похвалами, въ тожъ время обвиняетъ больше, нежели директора, по ариѳметическому расчисленію, что цензоръ пропустилъ всю книгу, а директоръ поправилъ одну только 57-ю долю ея; но мнѣ кажется здѣсь исчисленіе долей, вмѣсто разсмотрѣнія существа дѣла, ничего не доказываетъ.

„13-е. Напослѣдокъ г-нъ сенаторъ оканчеваетъ: „Такимъ „образомъ, въ заключеніе всего, я мнѣніемъ моимъ полагаю: что „поелику ничто не доказываетъ *ни отступленія отъ подлинника „въ поправленномъ переводѣ, ни порицанія заключенія высшаго „правительства о Госнеровой книгѣ, ни вліянія на цензора вразсужденіи печатанія*, то законъ воспрещаетъ признать въ г-нѣ

*) И какъ здѣсь выставлены собственныя мои слова, то имѣю я право изъявить мои чувства, что желаю лучше ослѣпнуть, нежели когда нибудь смотрѣть на сіе дѣло съ одинакой съ господиномъ сенаторомъ точки зрѣнія. (Слова сіи, впрочемъ справедливыя, выпустилъ я изъ читанной мною въ совѣтѣ бумаги.)

„Попов умышленнаго преступника. Что же касается до поступка „его, т. е. собственно до поправленія имъ перевода Госнеровой „книги, то, не пріемля въ уваженіе господствовавшаго тогда духа „въ нашей литтературѣ, я долженъ *признаться,* что директоръ „народнаго просвѣщенія, занимавшійся поправленіемъ *такого „рода книги,* чрезъ то одно уже обличаетъ себя человѣкомъ со„вершенно неспособнымъ къ тому мѣсту, которое онъ занимаетъ."

„Изъ всего вышеприведеннаго нами явствуетъ, что мнѣніе господина сенатора во всѣхъ частяхъ не содержитъ въ себѣ должнаго, основаннаго на правдѣ и законахъ суда, но есть токмо нѣкая произвольная защита, силящаяся отступленіемъ отъ существа дѣла показать оное въ видѣ противномъ сужденію о немъ комитета господъ министровъ. Изъ сего мнѣнія своего выводитъ онъ подобныя же произвольныя и собственнымъ его словамъ противурѣчащія заключенія, какъ то: 1-е, оправдавъ Попова, наказываетъ, приговаривая его, какъ не способнаго, къ лишенію того мѣста, котораго онъ уже давно лишенъ; 2-е, находя выше сего, что законы не возбраняли ему поправлять книгу, здѣсь находитъ виновнымъ въ поправленіи *такого рода книги;* 3-е, обвиняетъ, не пріемля въ уваженіе *господствовавшаго тогда духа въ нашей литтературѣ.* При сихъ словахъ я долженъ остановиться и сказать, что выраженіе *господствующій духъ въ нашей литтературѣ* не долженствовало бы употребляться въ государственныхъ бумагахъ; ибо когда въ нихъ признаваться будетъ *господство духа,* тогда власть и законы потеряютъ свое *господство;* ибо два господина вмѣстѣ быть не могутъ.

„Я согласенъ въ г-нѣ Поповѣ признать человѣка, бывшаго въ заблужденіи, не видавшаго въ Госнерѣ злоумышленнаго сектатора, и не могшаго въ книгѣ его проникнуть скрытаго злочестія, а потому и поправлявшаго оную въ томъ же самомъ заблужденіи: вотъ все, что къ извиненію его сколько нибудь принято быть можетъ; но оправдывать поступокъ его, выказывать оный непротивнымъ законамъ, и не къ лицу, по уваженію къ слабостямъ и недостаткамъ человѣческимъ, снисходить, но преступному и злонамѣренному дѣйствію давать видъ невинности, — сего я дѣлать не умѣю, не хочу, и не могу."

СОПРОВОЖДАВШІЯ ДѢЛО СІЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА.

Когда въ государственномъ совѣтѣ прочтенъ былъ сей поступившій изъ правительствующаго сената судъ о Поповѣ, тогда просилъ я остановить заключеніе по оному до будущаго засѣда-

нія, въ которомъ намѣренъ я представить мнѣніе мое письменно. Совѣтъ согласился. Я подалъ оное и хотѣлъ самъ прочитать; ибо опасался, чтобъ не прочитали худо и не ясно. Находили въ томъ нѣкоторыя затрудненія; но когда я сказалъ, что въ такомъ случаѣ возьму назадъ мою бумагу, то мнѣ позволено было. Передъ самымъ началомъ чтенія, обратился я къ предсѣдателю и сказалъ ему: — „Я возражаю на каждую статью голоса г-на сенатора Муравьева особенно, и буду при каждой останавливаться: естьли кому изъ господъ членовъ угодно будетъ при какой либо статьѣ остановить меня и возразить противъ моихъ доказательствъ, я охотно его выслушаю и отвѣчать буду.“ — Съ симъ условіемъ началъ я читать. При каждой статьѣ останавливался и ожидалъ возраженій; но никто ни малѣйшаго не сдѣлалъ мнѣ противурѣчія. Казалось всѣ согласны были со мною; но когда послѣ чтенія начали отбирать голоса, тогда оказалось, что многіе члены совѣта, равно какъ и въ сенатѣ, были на сторонѣ сенатора Муравьева. Сіе показываетъ, что противъ правды говорить трудно, и что, зная напередъ силу неправды, хотя и пристаютъ къ ней, но въ тихомолку, стыдясь гласнымъ образомъ защищать ее. — Къ голосу Муравьева пристали: Голицынъ, Несельродъ, Карцовъ, Татищевъ, Болотниковъ, Салтыковъ, Тутолминъ, Сперанской, (и кто бы подумалъ?) Милорадовичъ, Васильчиковъ, Мордвиновъ!

ПИСЬМО МОЕ ПО СЕМУ ПОВОДУ КЪ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ.

Всемилостивѣйшій Государь!

Въ послѣднихъ засѣданіяхъ государственнаго совѣта читана сенатская бумага, содержащая въ себѣ судъ надъ бывшимъ директоромъ департамента народнаго просвѣщенія Поповымъ. Въ бумагѣ сей большая половина сенаторовъ, по голосу сенатора Муравьева-Апостола, его оправдываетъ, и съ сею половиною согласился и департаментъ государственнаго совѣта съ нѣкоторыми другими приставшими къ нему членами. Увѣренный въ противузаконности и вредныхъ послѣдствіяхъ сего оправданія, нашелся я принужденнымъ, по важности сего дѣла и по долгу моему, подать возразительное противъ того мнѣніе мое, которое при семъ прилагаю*). Государь! я не имѣю никакой личности противъ подсудимаго Попова, и совсѣмъ его не знаю; но здѣсь дѣло идетъ не о немъ, не о частномъ человѣкѣ, а о томъ возникшемъ и отчасу больше возрастающемъ духѣ, который угрожаетъ по-

*) См. страницу 250 и проч.

трясти спокойствіе и благоденствіе народное, а съ ними, Государь, и Твою собственную безопасность. Гдѣ не щадится Сынъ Божій, тамъ и царь не пощадится. Мы видѣли тому примѣры. Признаки сего буйнаго духа становятся день отъ дня явнѣе. Долговременно употребляемыя къ тому средства, таковыя какъ разныя по домамъ сборища и чтенія подобныхъ Госнеровой книгъ, въ великомъ количествѣ выпущенныхъ, породили наконецъ и размножили сіи опасные расколы, сіи дышущія ненавистію къ церкви и престолу писанія, какія читаемъ въ бумагахъ есауловъ *) и бѣгающихъ изъ полковъ солдатъ, оставляющихъ увѣщательныя къ сотоварищамъ своимъ посланія, наполненныя фанатическими мечтаніями, но въ которыхъ однакожъ видна одинакая цѣль, одинакое намѣреніе, ясно показывающее, что это не собственное ихъ заблужденіе, но внушаемое имъ тѣми, кому надобно дѣлать ихъ сообщниками своихъ замысловъ. Главный обманъ ихъ состоитъ въ проповѣдованіи какой-то иной вѣры, не той, которая въ Россіи со временъ Владимира исповѣдается, но другой, выдуманной злонамѣренными людьми, дабы чрезъ то ослѣпить народъ и, воспламеня въ немъ подъ именами сей мечтательной вѣры и вольности безвѣріе и своевольство, ополчить его противъ Бога, царей и всякаго порядка. Бѣдственныя отъ сего слѣдствія оказывались во многихъ странахъ Европы и не иначе потухали, какъ погибелію безчисленныхъ жертвъ. Богъ доселѣ хранилъ Россію, но нынѣ кажется рука его тяготѣетъ на насъ. Съ нѣкотораго времени зараза сія водворилась между нами. Она становится столь явною и смѣлою, что кажется не боится уже обнаруживать себя. Плоды распущенныхъ во множествѣ книгъ, въ которыхъ приводимые изъ Библіи тексты толкуются превратно, вездѣ оказываются въ есаульскихъ и солдатскихъ посланіяхъ. Чрезвычайное въ краткое время умноженіе самыхъ опаснѣйшихъ расколовъ есть несомнѣнное отъ сего послѣдствіе. Сему нечестію начинаютъ соотвѣтствовать подобныя же и дѣянія, таковыя, какъ частыя воровства и грабежи, даже нерѣдкія смертоубійства, также слухи распускаемые къ уничиженію священства о попахъ съ козлиными рогами, подающіе сверхъ того поводъ народу по ночамъ скопляться **). Вѣро-

---

*) См. примѣчаніе на стран. 232—234.

**) Извѣстно, что въ это время происходили въ Петербургѣ многія по домамъ покражи, и сверхъ того учинены нѣкоторыя смертоубійства, изъ коихъ иныя по обстоятельствамъ казались такими, что не корысть побудила на оныя, но вѣроятно опасеніе, чтобъ человѣкъ сей не открылъ ввѣренной ему тайны. Также распущенъ былъ слухъ, будто бы какой-то попъ, для содѣланія

ятно есть и другія подобныя происшествія, о которыхъ полиція больше меня свѣдуща. Судъ надъ профессорами, преподававшими въ томъ же духѣ свои ученія, и возникавшія неоднократно такія же мысли въ университетахъ и училищахъ, часто свидѣтельствовали тѣжъ самые замыслы. Во многихъ свѣтскихъ сочиненіяхъ появляются таковые же порывы. Сколь ни трудно для меня имѣть особое и неусыпное за симъ наблюденіе, однакожъ я велѣлъ цензорамъ при малѣйшемъ сомнѣніи относиться ко мнѣ. Многое останавливалъ. Напослѣдокъ, прошедшій разъ цензоръ принесъ ко мнѣ поступившіе къ нему стихи, и спрашиваетъ, велю ли я ихъ пропустить. Стихи сіи присланы подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Посланіе къ артельнымъ друзьямъ.* Годъ поставленъ *1817.* Имя сочинителя означено *Мещевскій*[1]). Слово *артельные друзья* само собою показываетъ, что *посланіе* сіе относится не ко всѣмъ вообще читателямъ, но къ какой-то *артели,* то есть неизвѣстному или тайному обществу. Годъ *1817* есть тотъ самый, съ котораго стали наиболѣе печатать и распускать книги, явнымъ образомъ возмутительныя противъ вѣры и правительства. Въ стихахъ сихъ между прочимъ говорится слѣдующее:

„Друзья! вотъ стонъ души моей,
Скорбящей, одинокой:
Мечта златая раннихъ дней
Еще отъ насъ далеко!
Еще въ туманѣ скрыта цѣль
Возлюбленныхъ желаній!
Ктожъ благотворную артель,
Источникъ всѣхъ мечтаній,
Высокихъ чувствъ и сновъ златыхъ,
Для щастія отчизны,
Кто, въ шумѣ радостей пустыхъ,
Мнѣ замѣнитъ въ сей жизни?

нѣкоего неистовства, нарядился въ козью съ рогами кожу, которая тотчасъ къ нему приросла, и что будто бы въ семъ видѣ повезутъ его ночью на казнь. Нелѣпая сказка сія такъ распространилась, что дня три сряду народъ скоплялся во множествѣ смотрѣть на сего чудеснаго преступника, и что всего страннѣе, сказка сія не въ одномъ здѣшнемъ, но и въ другихъ городахъ разглашена была.

---

[1]) Въ Русскомъ Архивѣ (1868 г., ст. 938 и 939) есть два указанія на имя Мещевскаго: Жуковскій упоминаетъ о немъ, въ письмахъ (1817) къ А. И. Тургеневу (т. ж. 1867 г., ст. 811—818) и требуетъ отъ своихъ друзей дѣятельнаго участія къ судьбѣ Мещевскаго, взывающаго о помощи изъ Сибири. Въ „Избранныхъ Сочиненіяхъ изъ Утренней Зари“ (1809 г., ч. 1, стр. 259—263) напечатано стихотвореніе А. Мещевскаго, „Уединеніе.“

Я съ вами — и въ душѣ горитъ
Добра огонь священный;
Безъ васъ — иной все кажетъ видъ,
Столь низкій, столь презрѣнный!

Но часъ пробьетъ: услышимъ мы
Отечества призванье!
Тогда появится изъ тьмы
Душъ пламенныхъ желанье!
Сплетенные рука съ рукой,
На путь мы ступимъ жизни,
И пылкой полетимъ душой
Ко щастію отчизны.
И кто возможетъ положить
Преграды намъ въ полетѣ?
Кто для отчизны алчетъ жить,
Тотъ выше бѣдствій въ свѣтѣ."

Не явно ли стихи сіи заключаютъ въ себѣ воззваніе къ возмущенію? Ибо что можетъ быть яснѣе сихъ словъ: *друзья, артельщики!* (можетъ быть нарочно не сказано *товарищи,* дабы подъ словомъ *артельщики* разумѣть вмѣстѣ и солдатъ) *цѣль желаній нашихъ скрыта еще въ туманѣ?* Какая цѣль? для чего скрыта? О какомъ *щастіи отчизны* старается какая-то неизвѣстная, тайная *высокихъ чувствъ артель, источникъ всѣхъ мечтаній и сновъ златыхъ?* И что еще! — безъ сей артели все прочее *кажетъ низкій, презрѣнный видъ!* А что между прочимъ затѣваетъ артель сія? Взглянемъ только на безнравственныя сочиненія, на безстыдныя и наглыя лжеумствованія, разсѣваемыя сими артельщиками, почитающими всѣхъ, кромѣ себя, *низкими* и *презрѣнными,* и тогда мы увидимъ, что нѣкоторые изъ нихъ по злобѣ, а другіе, путеводимые хитрѣйшими себя, по слѣпотѣ и безумію, стремятся разрушить всякое общество, истребить всякую вѣру и правительство. Тѣхъ они ненавидятъ и презираютъ, которые сего не хотятъ. Надежда ихъ на единомышленниковъ своихъ такъ велика, что они не только защищаютъ Госнеровъ и ему подобныхъ, не только въ слухъ о томъ твердятъ, но посылаютъ въ печать стихи, въ которыхъ смѣло пророчествуютъ: *но часъ пробьетъ: услышимъ мы отечества призванье! тогда изъ тьмы появится душъ пламенныхъ желанье.* Какое призваніе отечества? — Не отечество, противъ котораго они возстаютъ, призываетъ ихъ, но развратъ, внушенный

имъ врагами человѣчества: *не вѣдятъ бо что творятъ!* и въ семъ незнаніи исполняютъ волю общихъ и своихъ злодѣевъ, и, повинуясь имъ слѣпо и рабски, съ гордостію хвастуютъ *пламеннымъ желаніемъ душъ своихъ,* и угрозами, что въ то время, когда *сіе желанье ихъ появится изъ тьмы, никто не возможетъ положить имъ преграды въ полетѣ,* и что они *выше всѣхъ бѣдствій!* — Вотъ какіе стихи не боятся присылать для напечатанія! Я призвалъ къ себѣ журналиста (Воейкова) [1]) и спросилъ у него: какъ смѣлъ онъ такіе стихи принять съ намѣреніемъ издать въ своемъ журналѣ? Онъ сперва покушался дать имъ благовидный смыслъ; но когда увидѣлъ, что сего невозможно, то въ извиненіе свое отвѣчалъ мнѣ, что не смѣетъ присылаемыхъ къ нему стиховъ не принимать, опасаясь, что его вызовутъ за то на поединокъ. Потомъ, когда я у него спросилъ: кто такой Мещевскій, подписавшійся подъ сими стихами, гдѣ онъ живетъ, и откуду прислалъ ихъ? то онъ мнѣ сказалъ, что этотъ Мещевскій, года три или четыре тому назадъ, умеръ и оставилъ у него свои сочиненія. И такъ, по словамъ его, опасался онъ, что и мертвый вызоветъ ѐго на поединокъ! Цензоръ тоже боится, что естьли онъ не пропуститъ, то его разругаютъ или прибьютъ. Вотъ до чего простирается дерзость таковыхъ писаній и требованій! Въ оправданіе сему только и слышишь, что твердятъ: *да это господствующій духъ времени!* — Всемилостивѣйшій Государь! Вездѣ, въ сенатѣ, въ совѣтѣ, въ комитетѣ гг. министровъ, въ публикѣ, и при самомъ дворѣ, духъ сей находитъ защиту и покровительство. Я очень вѣрю, что не всѣ дѣйствуютъ по злонамѣренію; но когда отъ всеобщаго покровительства произойдетъ всеобщее зло, то меньше ли зло сіе будетъ пагубно отъ того, что иной способствовалъ ему созрѣвать отъ незнанія, иной изъ угожденія, иной отъ равнодушія, иной по какой либо пріязни или связямъ? Чего не дѣлаютъ на свѣтѣ страсти и обманы! Вдаваясь имъ, можно прикрытыхъ личиною враговъ своихъ почитать друзьями. Ухищренія ихъ въ свое время окажутся, но тогда уже будетъ поздно. Истина обнаружится, но торжество обмана чрезъ то не отвратится. Государь! не вѣрь мнѣ, естьли сомнѣваешься въ искренности моихъ словъ, или почитаешь меня излишно предающимся своимъ мечтаніямъ; но не вѣрь и другимъ. Смотри не на слова людей, но на дѣла ихъ.

А. Ш.

---

[1]) Александръ Өедоровичъ Воейковъ, переводчикъ Виргилія и Делиля, сочинитель многихъ образцовыхъ сатиръ и посланій, покинувши каѳедру русской словесности въ дерптскомъ университетѣ, занимался въ это время изданіемъ „Сына Отечества.“

ПРИМѢЧАНІЕ.

Къ чему служило мнѣ рвеніе мое остановить усилившуюся заразу? Съ одной стороны — Богъ, совѣсть и отечество требовали отъ меня, чтобъ я, по долгу званія моего, сопротивлялся, сколько могу, безнравственному и пагубному вольнодумству, или такъ называемому *духу времени;* но съ другой — отчасу болѣе усматривалъ я, что не могу имѣть ни средствъ, ни возможности поставить преграду сему широко разлившемуся и безпрепятственно текущему злу*). Надлежало мнѣ или уступить обстоятельствамъ, или безуспѣшно и со вредомъ себѣ противуборствовать онымъ. Я избралъ послѣднее. Съ начала казалось мнѣ, что обстоятель-

*) Зло сіе, отъ временъ православія неизвѣстное въ благословенномъ рускомъ царствѣ (ибо хотя такъ называемые расколы и прежде существовали у насъ, но они были малочисленны и гораздо меньше зловредны), пришло къ намъ изъ чужихъ земель. Начало онаго было слѣдующее: въ царствованіе великой Екатерины, нѣкто Новиковъ съ товарищами — Тургеневымъ, Лопухинымъ [1]) и нѣкоторыми другими, задумали украдкою сочинять развратныя книги, и проповѣдывать заимствованныя ими у чужеземныхъ лжеучителей злочестивыя правила. Для расширенія связей своихъ и пріобрѣтенія нѣкоторыхъ свѣденій, послали они въ чужіе краи молодаго, тогда еще малоизвѣстнаго писателя Карамзина [2]). Злонамѣреніе ихъ скоро было открыто и разрушено. Глава и предводитель ихъ Новиковъ посаженъ въ Шлиссельбургскую крѣпость. Тургеневу Екатерина повелѣла жить въ деревни, безъ выѣзда, подъ присмотромъ губернатора, къ которому написала: „наблюдайте за нимъ; хотя онъ и раскаялся въ своемъ заблужденіи, но возьмите съ него честное дворянское слово, что онъ впредь ни въ какія связи съ подобными людьми не войдетъ“ [3]). Такимъ образомъ первое покушеніе сіе было уничтожено. Павелъ Первый, по восшествіи своемъ на престолъ, освободилъ Новикова. Въ царствованіе Александра Перваго, чужеземныя внушенія сіи возникли снова, и подъ благовиднымъ именемъ наукъ и просвѣщенія усилились и распространились. Въ знаменитѣйшую войну 1812 года, Россія, низложившая исполинскія силы Наполеона, вознеслась на высокую степень славы; но между тѣмъ, какъ она, окровавленная и побѣдоносная, пошла великодушно освобождать воевавшую противъ ней Европу отъ ига Французовъ, английскіе методисты заводили въ ней библейскія общества, долженствовавшія нѣкогда, подъ видомъ распространенія христіянства, поколебать православную ея вѣру, и внутренними раздорами сокрушить ея могущество.

[1]) Иванъ Петровичъ Тургеневъ и Иванъ Владимировичъ Лопухинъ, ревностные масоны и дѣятельнѣйшіе пособники Новикова въ дѣлахъ „Дружескаго Общества“ и „Типографической Компаніи.“

[2]) Несостоятельность мнѣнія будто Карамзинъ былъ отправленъ за границу на счетъ московскихъ мартинистовъ доказано г-мъ Лонгиновымъ, въ его изслѣдованіи о Новиковѣ. (М. 1867. стр. 298.)

[3]) Указъ, отъ 31 августа 1792 г., на имя симбирскаго губернатора А. Д. Карпова.

ства благопріятствуютъ тому, чтобъ гласъ истины, долгое время не дерзавшій вопіять противу гласа лжи, напослѣдокъ возгремѣлъ противъ ней, и злыя поученія ея изобличилъ и опровергъ; ибо возмущенія, происходившія въ Гишпаніи, въ Неаполѣ, и пребываніе Государя Императора въ Австріи[1]), перемѣнили во многомъ образъ мыслей его. Онъ перестал помышлять о дарованіи вольности народу, о соединеніи всѣхъ вѣръ, о новой философіи, подъ именемъ высокихъ таинствъ, разрушавшей всѣ связи обществъ, и о другихъ подобныхъ сему мечтаніяхъ. Случай, подавшій поводъ къ перемѣнѣ министерства народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, казалось открылъ ему злонамѣренность тѣхъ правилъ, которымъ доселѣ послѣдовалъ онъ съ такою ревностію. Благосклонное вниманіе его ко всѣмъ моимъ представленіямъ, и кроткое выслушиваніе смѣлыхъ моихъ вопіяній противъ учрежденій и книгъ, имъ самымъ вводимыхъ и одобряемыхъ, подавали мнѣ надежду, что поддерживаемый силою гласа и твердостію воли его, могу я благоуспѣшнѣе дѣйствовать, исторгая сѣмена лжеученій и препятствуя возрастать имъ. Но вскорѣ увидѣлъ я, что всѣ мои надежды были тщетны. Привязанность, или какъ бы нѣкая страсть его къ прежнимъ своимъ дѣяніямъ и образу мыслей, не взирая на силу опытовъ и убѣжденій, не могла въ немъ истребиться, такъ что казалось онъ самъ съ собою борясь, увлекался попеременно то тѣми, то другими мыслями. Очевидность доказательствъ и сильныя мои настоянія принуждали его соглашаться на предпріемлемыя мною мѣры, но онъ разрушалъ ихъ тайнымъ образомъ. По дѣлу пастора Госнера, отдавъ Попова подъ судъ, уговаривалъ Милорадовича, чтобъ онъ старался оправдать его. Но еще лучше можно посудить о семъ изъ слѣдующаго обстоятельства: — По вступленіи моемъ въ министерство просвѣщенія, представилъ я ему объ опредѣленіи въ попечители московскаго университета сенатора Муравьева-Апостола. — „Какъ!“ сказалъ онъ мнѣ съ нѣкоторымъ удивленіемъ, „ты представляешь въ попечители Муравьева, Ивана Матвѣевича?“ — „Да, Государь,“ отвѣчалъ я. — „Но коротко ли ты его знаешь?“ спросилъ онъ. — „Коротко, не могу сказать,“ отвѣчалъ я, „но сужу о немъ потому, что онъ кажется человѣкъ съ познаніями и говоритъ на многихъ языкахъ.“ — „Ну, такъ я скажу тебѣ о немъ; я коротко его знаю,“ продолжалъ онъ: „это человѣкъ самой вредной и худой, какой только есть на свѣтѣ.“ — Тутъ разсказалъ онъ мнѣ о его

[1]) Конгрессы въ Лайбахѣ и Веронѣ.

дѣлахъ и поступкахъ въ бытность его посланникомъ въ Гишпаніи, о недоброжелательствѣ къ нему лично, къ отечественнымъ пользамъ, и словомъ описалъ его самыми чорными красками. — „Естьли такъ,“ сказалъ я, выслушавъ сіе, „то простите мнѣ, что я, не знавъ о томъ, осмѣлился его представить; но позвольте мнѣ, Государь, спросить: какимъ же образомъ недавно изволили вы сдѣлать его сенаторомъ?“ — „Я не хотѣлъ мстить и помнить прежняго,“ отвѣчалъ онъ. — „Не угодно ли будетъ вамъ,“ продолжалъ я, „опредѣлить его членомъ въ правленіе училищъ? Тутъ онъ ничего худаго сдѣлать не можетъ, а можетъ быть подастъ иногда такое мнѣніе, котораго полезность общимъ согласіемъ примется и утвердится мною.“ — Государь нѣсколько поморщился, однакожъ напослѣдокъ, какъ бы нехотя, сказалъ: хорошо. Спустя нѣкоторое время послѣ сего (когда сей господинъ Муравьевъ-Апостолъ подалъ въ сенатѣ голосъ свой, и когда принужденъ я былъ написать противъ того мое возраженіе; см. стран. 250 и проч.), былъ я съ докладами у государя. Онъ, по выслушаніи бумагъ моихъ, спросилъ у меня: доволенъ ли я всѣми тѣми членами, которые, по представленію моему, опредѣлены въ правленіе училищъ? На неожидаемый вопросъ сей, не успѣвши въ скорости сообразиться, отвѣчалъ я: доволенъ. — „Какъ?“ продолжалъ онъ, „всѣми безъ изъятія.“ — Тутъ вспомнилъ я о Муравьевѣ, и сказалъ ему: — „Виноватъ, Государь, не всѣми: есть одинъ, которымъ я, узнавъ его короче, весьма недоволенъ.“ — „Ктожъ, ктожъ такой это?“ перервалъ онъ съ торопливостію. — „Муравьевъ-Апостолъ,“ сказалъ я. — „А!“ подхватилъ онъ, „не говорилъ ли я тебѣ? Теперь ты повѣришь, что я не солгалъ.“ — „Государь! я даже и малѣйшаго сомнѣнія въ томъ не имѣлъ,“ отвѣчалъ я. Таковъ былъ разговоръ нашъ тогда, когда ему письменная моя съ симъ сенаторомъ распря была уже извѣстна. Ктожъ послѣ сего повѣритъ, что онъ тихимъ образомъ призывалъ къ себѣ Муравьева и благодарилъ его за поданный имъ въ сенатѣ голосъ? Я бы охотно въ томъ усумнился, но слышалъ это отъ людей достовѣрныхъ, и притомъ какъ изъ предшествовавшихъ, такъ и послѣдовавшихъ обстоятельствъ видны были явные тому признаки. Одинъ изъ сенаторовъ сказывалъ мнѣ, что передъ тѣмъ временемъ, какъ дѣло о Госнерѣ и Поповѣ долженствовало быть судимо въ общемъ собраніи сената, Тургеневъ [1]) (сынъ вышеупо-

---

[1]) Александръ Ивановичъ, одинъ изъ самыхъ близкихъ людей къ кн. А. Н. Голицыну; извѣстенъ также своими близкими отношеніями къ Карамзину, Жуковскому и др..

мянутаго Тургенева) и нѣкоторые другіе, защитники сего, пріѣзжали нарочно къ нему уговаривать его, чтобъ онъ былъ на сторонѣ тѣхъ, которые будутъ оправдывать Попова, и даже въ противномъ случаѣ грозили ему худыми послѣдствіями. Когда дѣло сіе поступило потомъ въ государственный совѣтъ, то многіе изъ членовъ онаго, иные по собственному своему въ томъ участію, а другіе по расчисленію, что выгоднѣе держаться сильнѣйшей стороны, приставали къ оной. И такъ, хотя смѣна министра народнаго просвѣщенія, изгнаніе Госнера, данный на имя мое рескриптъ (см. стран. 213), позволеніе вновь напечатать книгу Станевича, закрытіе библейскихъ обществъ, и проч., съ одной стороны гласно обвиняли дѣйствія прежняго министерства просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, однакожъ съ другой не только защита, но и награды тѣмъ, кои были въ немъ дѣйствующими лицами, столь же гласно показывали одну токмо наружность сихъ мѣръ, безъ всякаго намѣренія и желанія приводить ихъ въ дѣятельное исполненіе. Отселѣ прежняя сторона, видя себя покровительствуемою, не преставала усиливаться и противуборствовать разрушенію положенныхъ ею основаній. Мудрено ли, что при такомъ расположеніи умовъ многіе смотрѣли на меня, какъ на человѣка страннаго, хотящаго ладонью своей руки остановить быстрое теченіе потока?

ПРОДОЛЖЕНІЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ.

Государь Императоръ съ супругою своею, по причинѣ болѣзни ея, отправился въ Таганрокъ. Онъ простился со мною милостиво, обнялъ меня и поцаловалъ. Могъ ли я тогда подумать, что это было мое послѣднее съ нимъ свиданіе? Неожидаемая ни кѣмъ о смерти его вѣсть приходитъ и повергаетъ всѣхъ въ смятеніе. Собираютъ государственный совѣтъ. Графъ Милорадовичъ, военный губернаторъ и членъ совѣта, объявляетъ новаго Императора, великаго князя Константина Павловича (находившагося тогда въ Варшавѣ), и приглашаетъ идти къ присягѣ, сказывая, что великій князь Николай Павловичъ, старшій по немъ братъ, уже присягнулъ. Всѣ мы готовы были встать и идти въ церковь; но князь Лопухинъ и князь Голицынъ предложили, что надобно напередъ прочитать хранящуюся за печатью бумагу, въ которой изображена воля покойнаго Императора. Я возразилъ противъ сего, предлагая, что бумагу можно открыть послѣ; ибо естьли паче чаянія въ ней заключается что нибудь такое, которое можетъ общее мнѣніе привесть въ разногласіе, весьма въ подобныхъ обстоятельствахъ опасное, то лучше прочитать ее по совершеніи

присяги, и тогда рѣшить, нужно ли содержащееся въ ней обнародовать, или не нужно. На сіе князь Голицынъ отвѣчалъ мнѣ, что бумага эта ему извѣстна, писана его рукою, и что она не произведетъ никакого разногласія. Послѣ сего я замолчалъ. Принесли запечатанный ящикъ, бумагу выняли, распечатали и прочитали. Она, къ общему всѣхъ удивленію, содержала въ себѣ отреченіе великаго князя Константина Павловича отъ престола, съ уступленіемъ права своего младшему брату его Николаю Павловичу. По прочтеніи сего, общее мнѣніе раздѣлилось: одни хотѣли присягать одному, другіе другому. Графъ Милорадовичъ представлялъ, что великій князь Николай Павловичъ самъ присягнулъ уже брату своему, и что должно ему въ томъ послѣдовать; однакожъ нѣкоторые тому противурѣчили. Видя несогласіе, Милорадовичъ сказалъ, что онъ пойдетъ доложить о семъ великому князю, который конечно не умедлитъ самъ сюда придти. Тогда всѣ согласились лучше для объясненія пойти къ нему, нежели его призывать въ совѣтъ. Тотчасъ всѣ мы отправились въ его покои. Онъ вышелъ къ намъ и всѣхъ со слезами въ очахъ убѣдительнѣйшимъ образомъ уговаривалъ, чтобъ мы шли присягнуть Константину Павловичу. Мы всѣ молчали. Одинъ князь Голицынъ, держа въ рукахъ вышеупоминаемую бумагу, неотступно просилъ его прочитать оную. Великій князь не хотѣлъ читать, говоря, что онъ о содержаніи ея извѣстенъ; но Голицынъ приступалъ къ нему неотвязно, такъ что онъ напослѣдокъ взялъ ее, прочиталъ поспѣшно въ слухъ и, поцѣловавъ Голицына съ жаромъ въ голову, сказалъ: — „Знаю, Александръ Николаевичъ, знаю все; но прошу всѣхъ васъ со слезами, успокойте меня и матушку: подите къ ней и скажите, что вы присягаете Константину Павловичу.“ — При сихъ словахъ, онъ почти каждаго изъ насъ бралъ за руку, и упрашивалъ сдѣлать сіе непремѣнно. Мы пошли къ императрицѣ. Она въ глубокой печали сидѣла въ черномъ одѣяніи. Всѣ мы со слезами подошли къ ней. Она прерывнымъ голосомъ сказала намъ, что хотя, по волѣ покойнаго императора и ея собственной, сдѣлано завѣщаніе, въ которомъ Константинъ Павловичъ отрицается отъ принятія престола, однакожъ по праву должно ему вступить на оный. По изрѣченіи сего, отпустила насъ, и мы присягнули новому императору. Ожидали скораго прибытія его изъ Варшавы; но оно, безъ всякаго объясненія о причинахъ, продлилось нѣсколько недѣль, такъ что наконецъ стали носиться о семъ разные толки и слухи. Великій князь Михайло Павловичъ поѣхалъ самъ къ нему и нѣсколько

времени былъ отсутственъ. Всѣ почитали его въ Варшавѣ; но начали приходить извѣстія, что онъ остановился и живетъ на дорогѣ. Между тѣмъ въ Вѣдомостяхъ возвѣщено было, что императоръ скоро будетъ. Обстоятельства сіи приводили всѣхъ въ нѣкоторую неизвѣстность и недоумѣніе. Напослѣдокъ, декабря въ 13-й день, сзываютъ государственный совѣтъ, назнача время въ 6 часовъ по полудни. Мы собираемся, не вѣдая тому причины, выключая можетъ быть одного князя Голицына, который, по особой довѣренности, присутствовалъ въ комнатныхъ у императрицы совѣщаніяхъ, при коихъ, какъ сказываютъ, находились также Карамзинъ (исторіографъ), Шторхъ (академикъ), Жуковской (стихотворецъ) и нѣкоторые другіе. Когда мы собрались, то возвѣстили намъ, что оба великіе князя, Николай Павловичъ и Михайло Павловичъ, будутъ въ совѣтъ (послѣдній не возвратился еще изъ своего путешествія; но сказано было, что онъ уже близко и сегожъ вечера пріѣдетъ). Всѣ мы сидимъ въ глубокомъ молчаніи часъ, два, три, и болѣе. Наступаетъ полночь. Позвали насъ ужинать. Отъужинавъ, садимся мы опять по своимъ мѣстамъ. Тутъ вскорѣ приходитъ великій князь Николай Павловичъ, садится между нами, и начинаетъ самъ читать письма Константина Павловича къ нему и къ матери своей, императрицѣ, въ которыхъ онъ отрицается навсегда отъ принятія престола, и говоритъ, что онъ уже присягнулъ брату своему Николаю Павловичу. Въ слѣдствіе сего, новый императоръ Николай Первый подозвалъ къ себѣ министра юстиціи, князя Лобанова Ростовскаго, и сказавъ намъ между прочимъ: — „сегодня я васъ прошу, а завтра буду приказывать,“ — поручилъ ему бумаги сіи тотчасъ напечатать, обнародовать, и поутру привесть всѣхъ къ присягѣ. По окончаніи сего, откланялся намъ, ушелъ, и мы всѣ разъѣхались. На другой день, чувствуя себя не очень здоровымъ, поѣхалъ я однакожъ во дворецъ, присягнулъ, возвратился домой, и хотѣлъ опять ѣхать туда же, но голова у меня такъ разболѣлась, что я принужденъ былъ лечь въ постелю. Едва успѣлъ я раздѣться, какъ вдругъ прибѣжали мнѣ сказать, что войска, собравшись на Исакіевской площади, бунтуютъ, не хотятъ присягать, и что нѣкоторые изъ генераловъ, хотѣвшихъ ихъ унять, изрублены. Встревоженный сею вѣстію, я рѣшился было, не смотря на головную боль мою, черезъ силу ѣхать во дворецъ, но мнѣ сказали, что, по причинѣ великаго стеченія людей, проѣхать будетъ трудно. Черезъ полъ-часа потомъ, услышалъ я, что графъ Милорадовичъ проскакалъ верхомъ мимо нашего дома, шатающійся, блѣдный и безъ шляпы. Я по-

слалъ провѣдать о немъ, и къ крайнему сожалѣнію моему услышалъ, что онъ раненъ. Одинъ изъ бунтующихъ офицеровъ, нѣкто Коховскій, выстрѣлилъ въ него, когда онъ подъѣхалъ уговаривать солдатъ, чтобъ они оставили дерзновенное свое намѣреніе; и рана была такъ смертельна, что онъ на третій день умеръ. Такимъ образомъ храбрый военачальникъ сей, мимо котораго въ разныя многократныя сраженія столько непріятельскихъ пуль и ядеръ пролетѣло, погибъ посреди своей столицы отъ руки своего соотечественника. Между тѣмъ другія, не участвовавшія въ возмущеніи войски, конныя и пѣшія, собрались, привезли пушки; и послѣ нѣсколькихъ безполезныхъ покушеній привести возмутившихся въ послушаніе, по отверженіи ими увѣщаній митрополита, подходившаго къ нимъ со крестомъ въ рукахъ и въ полномъ облаченіи [1]), государь, видя непокорность ихъ, приказалъ палить въ нихъ картечью. Послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ, при наступившихъ уже сумеркахъ, всѣ они, бросивъ ружья, побѣжали и разсѣялись. Пальба прекратилась, но страхъ и безпокойство еще господствовали. Часть изъ войскъ преслѣдовала бѣгущихъ, другая же главная часть расположилась на площади противъ дворца, и ночевала тутъ съ раскладенными огнями. Съ наставшимъ утромъ открылось ужасное зрѣлище: Исакіевская площадь обагрена была кровію; множество тѣлъ лежало на ней; оторванныя руки и ноги валялись по мостовой. Скопившаяся толпа народа пострадала вмѣстѣ съ бунтовщиками. День сей сколь ни былъ злополученъ и для многихъ бѣдственъ, однакожъ онъ послужилъ къ нѣкоторому добру; ибо чрезъ него открылся между многими военнослужащими и гражданскими чиновниками заговоръ, состоявшій въ умыслѣ на жизнь покойнаго императора, на весь царскій домъ, и на перемѣну правительства: — плоды тѣхъ зловредныхъ дѣйствій и книгъ, противъ которыхъ я въ вышеозначенныхъ письмахъ моихъ безполезно вооружался. Впрочемъ въ сіи смутныя сутки къ чести простаго рускаго народа можно замѣтить то, что нигдѣ, ниже въ самыхъ отдаленнѣйшихъ частяхъ города, не произошло никакихъ буйствъ и грабежей.

По водвореніи устройства и тишины, императоръ приступилъ къ исправленію дѣлъ тѣмъ же порядкомъ, какъ и при покойномъ государѣ. Мнѣ, для докладовъ по моему министерству, назначенъ былъ тожъ одинъ день въ недѣлѣ. Когда я первый

---

[1]) Митрополита Серафима сопутствовалъ еще другой архипастырь, знаменитый Евгеній.

разъ пришелъ съ бумагами, его величество, хотя и никогда не имѣлъ я прежде случая бывать у него, или съ нимъ бесѣдовать, принялъ меня весьма милостиво. Ободренный симъ сказалъ я ему: — „Государь! позвольте мнѣ напередъ доложить вамъ о себѣ самомъ: ни я, ни служба моя, ни образъ мыслей моихъ, ни сношенія мои съ покойнымъ императоромъ по дѣламъ весьма немаловажнымъ, вамъ неизвѣстны; а потому и почитаю я за должное вашему величеству, при вступленіи вашемъ на престолъ, обо всемъ ономъ донести, дабы имѣли вы полное о томъ свѣденіе.“ — Онъ позволилъ; и тогда я, разсказавъ ему, какимъ образомъ и въ какія времена взятъ я былъ сперва въ государственные секретари, а потомъ въ министры просвѣщенія, спросилъ у него: извѣстна ли ему причина, по какой въ 1812-мъ году покойный государь, оставя въ окрестностяхъ Дриссы предводительство свое надъ войсками, отправился въ Москву? и когда онъ отвѣтилъ мнѣ, что не знаетъ, тогда подалъ я ему небольшое описаніе о семъ*), которое онъ въ то же время прочиталъ и согласился со мною, что безъ сего событія могли бы произойти совсѣмъ иныя послѣдствія. На многіе еще вопросы мои о приключеніяхъ, происходившихъ отъ опасныхъ и вредныхъ толкованій о вѣрѣ и правительствѣ, отзывался онъ, что не имѣлъ никакихъ о томъ свѣденій. Тогда отдалъ я ему всѣ мои замѣчанія и письма, писанныя мною къ покойному государю императору и къ графу Аракчееву, сказавъ притомъ, что я счелъ за долгъ со всею подробностію увѣдомить его о томъ, что до восшествія его на престолъ по симъ дѣламъ происходило. Онъ обѣщалъ это прочитать, и казалось былъ доволенъ моею съ нимъ откровенностію; приказалъ мнѣ написать новый цензурный уставъ, и отпустилъ меня еще милостивѣе, нежели принялъ.

ПЕРВОЕ
письмо мое къ Государю Императору Николаю Павловичу.
(Генваря 15 дня 1826 года.)

Всемилостивѣйшій Государь!

Скоро представлено будетъ Вашему Величеству дѣло о бывшемъ директорѣ департамента народнаго просвѣщенія Поповѣ.

---

*) Оно находится въ Домашнихъ моихъ Запискахъ, см. 3 книжку 6 [1]).

[1]) Въ нашемъ изданіи, эта книжка не напечатана, по причинѣ уже объясненной (см. прим. 1-ое на стр. 1-й); а упоминаемый разсказъ помѣщенъ въ I Отдѣлѣ Записокъ (т. I, стр. 138—150).

Дѣло сіе, само по себѣ маловажное, весьма важно по раздѣленію о немъ голосовъ и по гласности онаго, обращающей на него отъ всѣхъ великое вниманіе; а потому и почитаю я долгомъ предварить Васъ, Государь, сообщеніемъ полнаго о немъ свѣденія.

Вызванный сюда (равно какъ и многіе другіе подобные ему) иностранецъ Госнеръ долгое время, получая хорошее жалованье, проповѣдывалъ здѣсь, въ особо нанятомъ для него домѣ, тѣ самыя поученія, которыя нынѣшніе якобинцы и сектаторы вездѣ распространить стараются, и въ которыхъ, подъ видомъ толкованія священныхъ писаній, преподаются наставленія противныя всякой христіянской вѣрѣ и всякому благоустроенному правительству. Къ нему собиралось множество слушателей. Напослѣдокъ сочиненную имъ въ семъ духѣ книгу, для большаго еще распространенія сихъ заразительныхъ ученій, перевели на руской языкъ и уже почти всю напечатали; но не знаю какимъ образомъ доведено о семъ было до свѣденія блаженной памяти Государя Императора. Книгу сію, присланную отъ него въ комитетъ господъ министровъ, приказано было министру внутреннихъ дѣлъ и мнѣ разсмотрѣть. Мы сдѣлали изъ ней выписки съ объясненіемъ содержащаго въ нихъ смысла и представили въ комитетъ. Члены комитета, всѣ безъ изъятія, утвердили наше мнѣніе. Въ слѣдствіе сего покойный Императоръ повелѣлъ сочинителя ея, Госнера, выслать за границу, книгу его сжечь, и тѣхъ, которые хотѣли выдать ее на рускомъ языкѣ, отдать подъ судъ. Но какъ переводчикъ ея, Брискорнъ, умеръ, то и преданъ суду вышепомянутый директоръ Поповъ, изобличенный въ поправленіи ея собственною своею рукою. (Поповъ передъ тѣмъ ѣздилъ въ Англію подъ предлогомъ болѣзни, но всѣ знаютъ, что для сношенія съ тамошними методистами.) На вопросъ, сдѣланный Попову, съ какимъ намѣреніемъ поправлялъ столь вредную книгу, отвѣчалъ онъ, что почиталъ Госнера человѣкомъ благочестивымъ и книгу его таковою же. Когда дѣло сіе поступило въ общее собраніе сената, тогда сенаторъ Муравьевъ-Апостолъ подалъ письменный голосъ, въ которомъ оправдывая Попова говоритъ однакожъ, что онъ прежняго мѣста своего заступать неспособенъ. Къ сему голосу его многіе сенаторы пристали. Изъ сената дѣло сіе поступило въ государственный совѣтъ. Обязанный, какъ по участію моему въ разсматриваніи Госнеровой книги, такъ и по долгу справедливости, принужденъ я былъ написать мнѣніе мое противъ голоса Муравьева, тѣмъ паче, что въ немъ, съ нарушеніемъ истины и всѣхъ законовъ, дѣлалось соблазнительное потворство явному злонамѣ-

ренію издать ядовитую книгу. Опровергнувъ всякой пунктъ голоса Муравьева, я прочиталъ въ совѣтѣ доказательства мои, останавливаясь при каждомъ изъ оныхъ, и прося господъ членовъ, не угодно ли кому сдѣлать мнѣ возраженіе, которое я охотно выслушаю, и буду на него отвѣчать. Никто не сказалъ мнѣ ничего вопреки, а потому и думалъ я, что всѣ согласны со мною; но когда по прочтеніи начали отбирать голоса, то многіе оказались на сторонѣ Муравьева. Такимъ образомъ и по сенату и по совѣту мнѣнія раздѣлились половина на половину. Въ семъ видѣ дойдетъ дѣло сіе до Вашего Величества, и какъ отъ рѣшенія онаго произойти могутъ послѣдствія, ободрительныя для той или другой стороны, то и укорилъ бы я себя неусердіемъ къ престолу и отечеству, естьли бы не довелъ до свѣденія Вашего всѣхъ обстоятельствъ, сопровождающихъ дѣло сіе, и которыя состоятъ въ слѣдующемъ:

Госнеръ проповѣданіями своими и книгою, а еще болѣе оказываемымъ ему покровительствомъ, привлекъ на свою сторону многихъ, защищающихъ его и понынѣ, подъ видомъ, будто бы по лютеранскому вѣроисповѣданію своему онъ могъ тому учить, чему училъ. Но такая заступа за него происходитъ или отъ людей, вдавшихся въ его ученія, или отъ непроникшихъ цѣли его, или по одной наслышкѣ о немъ отъ его послѣдователей, или изъ угожденія, видя его въ сильномъ покровительствѣ. Наставленія его, напротивъ, не взирая на всю хитрость прикрыванія ихъ текстами священнаго писанія, противны всякой вѣрѣ, всякой нравственности и всякому правительству. Изъ многихъ мѣстъ книги его, согласно съ подобными же другими книгами, около того же времени во множествѣ выпущенными, очевидно это явствуетъ. Госнеръ сверхъ сего, по изгнаніи его, прислалъ тайнымъ образомъ сюда нѣсколько экземпляровъ пѣсни съ нотами, въ которой вообще всякую христіанскую церковь и всѣхъ вѣрующихъ въ нее имянуетъ *служителями антихриста,* а послѣдователей своихъ называетъ *малымъ осиротѣвшимъ безъ него стадомъ,* увѣщеваетъ ихъ не унывать, быть вѣрными ему, обѣщаетъ скоро возвратиться къ нимъ и увѣряетъ ихъ, что уже тогда *никакая дьявольская сила не посмѣетъ его выгнать.* Пѣсни сей болѣе сорока экземпляровъ перехвачены были оберъ-полицеймейстеромъ и представлены покойному Государю. По изгнаніи Госнера, сектаторы его остались здѣсь и производили тайныя по домамъ сходбищи, которыя открыты, и въ послѣдствіе сего наряжена была коммисія, состоявшая изъ графа Милорадовича, меня, барона Ребин-

дера[1]) и епископа Сигнеуса. При всѣхъ кроткихъ увѣщаніяхъ, человѣкъ до семидесяти остались упорными въ намѣреніяхъ своихъ, не хотѣли даже обѣщать, чтобъ не дѣлать болѣе тайныхъ сборищъ, такъ что, по причинѣ сего ничѣмъ непреодолимаго упорства, принуждены мы были осудить ихъ къ разосланію и заточенію по разнымъ крѣпостямъ. Снося сіе происшествіе съ тетрадями есаула[2]), съ посланіями бѣжавшихъ солдатъ, съ распущенными злочестивыми книгами, съ умножившимися расколами и со всѣми другими обстоятельствами, не ясно ли открывается, что Госнеръ зналъ объ успѣхахъ у насъ безвѣрія и о долженствующихъ вскорѣ послѣдовать изъ того возмущеніяхъ? Могъ ли онъ безъ полнаго свѣденія о силѣ расплодившихся здѣсь всякаго рода сектъ (ибо всѣ онѣ къ одной цѣли, то есть къ низверженію вѣры и престоловъ стремятся), могъ ли увѣрять о скоромъ своемъ возвращеніи сюда, и о томъ, что правительство, которое честитъ онъ *дьявольскою силою,* не въ состояніи будетъ его выгнать? Вотъ что Госнеръ! Вотъ какимъ намѣреніямъ и поученіямъ его оказываемо было покровительство и ободреніе! Самъ директоръ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ поправлялъ своею рукою сочиненія его, и хотѣлъ, чтобъ оныя изданы были на рускомъ языкѣ: чегожъ добраго отъ таковыхъ стараній самаго правительства можно было ожидать? Два бывшія возмущенія[3]) и открытіе стольких больше или меньше участвовавшихъ въ томъ молодыхъ людей и писателей, не явно ли показываютъ до какой степени распространеніемъ подобныхъ сочиненій потрясена была вѣра? ибо всѣ лжеумствованія о такъ называемой *внутренней церкви* (то есть никакой), о народной свободѣ и равенствѣ состояній, о конституціяхъ, объ истребленіи царей, о пролитіи рѣками крови человѣческой, яко бы для будущаго ихъ блага, всѣ сіи адскія мысли суть плоды самолюбія и гордости, пораждаемые безвѣріемъ и отступленіемъ отъ Бога. Когда и нынѣ, послѣ всѣхъ обнаруженныхъ злонамѣреній, содержащихся въ издаваемыхъ съ давняго времени отъ самаго правительства книгахъ, ополчавшихся противъ вѣры и верховной власти, и даже послѣ пагубныхъ изъ того послѣдствій, оказавшихся въ наглыхъ и буйственныхъ возмущеніяхъ, когда, говорю, и нынѣ таковые Госнеры и соучастники его Поповы находятъ защитниковъ и оправдателей, то видно, что

---

[1]) Баронъ Робертъ Ивановичъ, мин истръ-статсъ-секретарь вел. кн-ва Финляндскаго, вскорѣ потомъ возведенный въ графское достоинство.

[2]) Котельникова, см. выше.

[3]) Въ Петербургѣ и на югѣ Россіи.

любимое слово ихъ — *духъ времени* крѣпко распространился. Я весьма далекъ отъ того, чтобъ всѣхъ ихъ подозрѣвать въ какомъ либо злонамѣренномъ участіи, но между тѣмъ нельзя не полагать причиною сему, или недостаточное ихъ о семъ свѣденіе, или наклонность къ угожденію сторонѣ по ихъ мнѣнію многочисленной и могущественной. Не много таковыхъ, которые бы, не увлекаясь расчетами честолюбивыхъ видовъ, хотѣли лучше терпѣть за истину, нежели безъ нея блаженствовать. Равнымъ образомъ я весьма далекъ и отъ того, чтобъ желать Попову, или комубъ то ни было, причинить какой-либо вредъ, но еще несравненно далѣе отъ того, чтобъ для какова нибудь лица, ниже для самаго себя, пожертвовать пользами церкви, престола и отечества.

Всемилостивѣйшій Государь! долгъ вѣрноподданнаго не позволилъ мнѣ умолчать о семъ предстоящемъ рѣшенію Вашего Величества дѣлѣ. Оно важно потому, что оправданіе Попова умножитъ силу и такъ уже весьма усилившейся стороны, отниметъ смѣлость и уменьшитъ число тѣхъ, которые по чистой совѣсти стоятъ за правду, и подастъ поводъ къ подаванію и впредь такихъ отступающихъ отъ всякихъ законовъ и здраваго разсудка голосовъ, каковъ есть голосъ сенатора Муравьева-Апостола. Ища собственныхъ моихъ выгодъ, я умѣлъ бы промолчать о семъ, или не прекословить многимъ другимъ, дабы не вооружить ихъ противъ себя; но Государь! мнѣ уже поздо въ старости помышлять о томъ, о чемъ я и въ молодости никогда не помышлялъ. Притомъ же, когда блаженной памяти Императору дерзалъ я говорить правду, хотя и зналъ, что ему трудно было рѣшиться гласно и громко пойти противъ того, что самъ онъ прежде вводилъ и одобрялъ, — то не обязанъ ли я, по долгу и усердію, Тебѣ, Государь, не участвовавшему въ сихъ попущеніяхъ, чистому дѣлами и душою, говорить тоже? Богъ да направитъ всѣ Твои дѣянія къ собственному Твоему и царства Твоего благоденствію!

Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданный
А. Ш.

NB. — Письмо сіе не имѣло успѣха: Поповъ былъ оправданъ и награжденъ [1]), а Муравьевъ-Апостолъ, по желанію его, отпущенъ милостиво въ чужіе краи.

---

[1]) Судъ по Госнеровскому дѣлу длился до 1828 года и кончился совершеннымъ оправданіемъ подсудимыхъ, для нѣкоторыхъ же награжденіемъ чинами (Зап. Греча, въ Русск. Арх. 1868 г., ст. 1412).

СУДЪ ПОСЛѢ БЫВШАГО ВОЗМУЩЕНІЯ.

Четырнадцатый день декабря (1825 года) открылъ между многими воинскими и гражданскими чиновниками преступный противъ правительства заговоръ, по которому многіе разнаго званія люди, иные здѣсь были взяты, другіе изъ разныхъ мѣстъ привезены и заключены въ крѣпость. По сему случаю наряжена была особая коммисія для личныхъ допросовъ и точныхъ изслѣдованій всѣхъ дѣла сего обстоятельствъ. По окончаніи сего изслѣдованія, продолжавшагося около четырехъ мѣсяцевъ, составленъ былъ изъ четырехъ сословій, то есть изъ комитета министровъ, государственнаго совѣта, правительствующихъ сената и синода, такожъ и другихъ нѣкоторыхъ воинскихъ чиновъ, верховный судъ, который, по разсмотрѣніи дѣйствій и намѣреній каждаго преступника, долженствовалъ по большинству голосовъ опредѣлить ему мѣру наказанія. Изъ числа оныхъ пять человѣкъ осуждены были на смертную казнь, прочіе же всѣ приговорены къ лишенію чиновъ, дворянства, и отсланію въ Сибирь на срочныя времена въ каторжную работу или на поселеніе. Я не присутствовалъ при началѣ отбиранія сихъ голосовъ, потому что сдѣлался боленъ, и не прежде, какъ черезъ два дни, могъ явиться опять въ собраніе. Тутъ, по усмотрѣніи, что исчисленіе большинства голосовъ производилось не такимъ образомъ, какимъ, по моему мнѣнію, было бы оно гораздо справедливѣе, и какъ по симъ двумъ счетамъ выходила не малая разность во времени, на какое осуждались виновные, то и подалъ я противъ сего сдѣланнаго безъ меня счета мое возраженіе, заключавшееся въ нижеслѣдующихъ словахъ:

„Исчисленіе большинства голосовъ сдѣлано было слѣдующимъ образомъ:

Полагая, напримѣръ, что изъ 70 человѣкъ присутствующихъ членовъ,

4 члена осуждаютъ на смерть,
24 „ на политическую смерть, то есть на вѣчное заточеніе,
10 „ на временное 20-тилѣтнее заточеніе,
15 „ на 12-тилѣтнее,
11 „ на 10-тилѣтнее,
6 „ на 8-милѣтнее, —

по симъ голосамъ сочтено за большинство оныхъ число 24, яко превосходнѣйшее противу всѣхъ прочихъ, взятыхъ порознь, и потому рѣшено, что подсудимый приговоренъ къ вѣчному заточенію.

Но сей счетъ не вѣренъ и ошибоченъ. Надлежитъ расчислять слѣдующимъ образомъ:

4 члена осуждаютъ на отнятіе жизни;

66 членовъ присуждаютъ сохранить жизнь.

Слѣдовательно большинство голосовъ состоитъ изъ *шестидесяти шести* противу *четырехъ.* И такъ первый вопросъ рѣшенъ: 4 голоса отвергаются, остается 66, по коимъ подсудимый приговоренъ къ сохраненію жизни.

Изъ сихъ 66-ти голосовъ, остающихся еще судіями,

24 осуждаютъ на вѣчное заточеніе,

42 на временное.

Слѣдовательно большинство голосовъ состоитъ изъ *сорока двухъ* противу *двадцати четырехъ.* И такъ вторый вопросъ рѣшенъ: 24 голоса отвергаются, остается 42, по коимъ подсудимый приговоренъ къ заточенію временному.

Изъ сихъ сорока двухъ голосовъ,

10 осуждаютъ на 20-тилѣтнее заточеніе,

15 на 12-тилѣтнее,

11 на 10-тилѣтнее,

6 на 8-милѣтнее.

Здѣсь изъ сихъ членовъ, оставшихся по отверженіи прочихъ единственными судіями, всѣ они въ главномъ приговорѣ (то есть въ осужденіи на временное заточеніе) согласны, но разнятся только въ опредѣленіи числа лѣтъ. И такъ ежели и здѣсь изъ сихъ четырехъ раздѣленій взять за большинство голосовъ число 15, яко превосходнѣйшее, то и въ этомъ не будетъ точной справедливости; ибо хотя оно превышаетъ всѣ другія числа, но также превышаетъ только каждаго изъ нихъ порознь, а не всѣхъ вмѣстѣ. Между тѣмъ всѣ они совокупно составляютъ число 27, и всѣ вообще говорятъ не то, что утверждаютъ 15 членовъ; а потому большинство голосовъ долженствовало бы быть на ихъ сторонѣ; но какъ и онѣ, то есть всѣ три раздѣленія, не согласны между собою, и каждое изъ нихъ опредѣляетъ разное число лѣтъ, то и оныя не могутъ составлять большинства голосовъ. Въ такомъ случаѣ, для соблюденія точнаго вывода, надлежитъ взять въ разсужденіе голосъ каждаго члена. Сей выводъ достовѣрнѣйшимъ образомъ извлечется слѣдующимъ расчисленіемъ:

Каждый изъ 10 членовъ осуждаетъ на 20 лѣтъ, выходитъ 200.
Каждый изъ 15 членовъ осуждаетъ на 12 лѣтъ, выходитъ 180.
Каждый изъ 11 членовъ осуждаетъ на 10 лѣтъ, выходитъ 110.
Каждый изъ 6 членовъ осуждаетъ на 8 лѣтъ, выходитъ

Такимъ образомъ, слагая сіи числа будетъ 42 и 538, изъ коихъ, раздѣля второе на первое:

42 | 538 | $12^{17}/_{21}$,

выдетъ, что по среднему числу каждый изъ 42 членовъ приговариваетъ подсудимаго къ заточенію на $12^{17}/_{21}$, то есть почти на 13 лѣтъ, а не на вѣчное, какъ выходило по прежнему расчисленію. Толь не малая разность въ приговорахъ, опредѣляющихъ участь человѣческую, не можетъ быть оставлена безъ обращенія на то правосуднаго вниманія.

Примѣчаніе. Справедливость и надобность изложеннаго здѣсь послѣдняго расчисленія еще яснѣе усмотрѣть можно изъ слѣдующаго соображенія. Здѣсь число членовъ пришлось въ каждомъ раздѣленіи не равное, и потому превосходнѣйшее изъ сихъ числъ, то есть 15, могло, хотя и неправильно, быть принято за большинство голосовъ. Но ежели бы въ четырехъ раздѣленіяхъ число членовъ случилось равное, напримѣръ:

10 членовъ осуждали бы на 20 лѣтъ,
10 „ „ „ „ 12 „
10 „ „ „ „ 10 „
10 „ „ „ „ 8 „

то какое бы изъ нихъ принять за большинство голосовъ? — никакое, потому что ни одно изъ нихъ не превышаетъ другаго: и тогда чтобъ узнать къ чему приговаривается подсудимый, непремѣнно надлежало бы прибѣгнуть къ вышепоказанному способу, то есть вывесть уравнивающее голоса ихъ среднее число такимъ, какъ выше показано, образомъ, а имянно:

$$\left.\begin{array}{l} 10 \times 20 = 200 \\ 10 \times 12 = 120 \\ 10 \times 10 = 100 \\ 10 \times 8 = 80 \end{array}\right\} \text{на } 40 \mid 500 \mid 12^{1}/_{2} \text{ лѣтъ.“}$$

А. Ш.

Подано іюля 5 дня 1826 года.

Записка сія прочтена была въ общемъ собраніи верховнаго суда, и хотя многіе изъ членовъ признавали ее справедливою, но предсѣдательствующій въ семъ собраніи князь Куракинъ [1]) объявилъ, что какъ дѣло уже кончено, то и не можетъ онъ до-

[1]) Алексѣй Борисовичъ, бывшій при императорѣ Павлѣ генералъ-прокуророжъ, при Александрѣ Павловичѣ — министромъ внутреннихъ дѣлъ, потомъ предсѣдателемъ гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ въ государственномъ совѣтѣ.

пустить къ возобновленію онаго по новому расчисленію. Не удовольствовавшись однакожъ симъ, я, при письмѣ моемъ, препроводилъ сію записку къ Государю Императору; но на оную не воспослѣдовало никакаго отвѣта.

ВТОРОЕ МОЕ ПИСЬМО КЪ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ.

(Декабря отъ 12 дня 1826 года).*)

Всемилостивѣйшій Государь!

Всѣмъ извѣстно и никакому сомнѣнію не подвержено, что возникшая въ концѣ прошедшаго вѣка французская революція приготовлена была и произошла отъ слабаго смотрѣнія правительства за свободою книгопечатанія. Самые ученѣйшіе, но не благочестивые люди, какъ то Волтеры, Даламберты, Дидероты и множество другихъ, были главною и первоначальною тому виною. Острый умъ ихъ и краснорѣчивое перо, повинуясь внушеніямъ

---

*) Письмо сіе написано по поводу оклеветаній цензурнаго устава, и внушеній Государю Императору, яко бы уставъ сей содержалъ въ себѣ многія неприличныя нынѣшнимъ временамъ строгости, стѣсняющія свободу писателей, и препятствующія распространенію и успѣхамъ просвѣщенія. Между тѣмъ какъ вольнодумство и самолюбіе старались сими толками благонамѣренность устава представить въ превратномъ видѣ, учрежденъ былъ изъ довѣренныхъ лицъ особый комитетъ, которому поручено было составить цензурный уставъ для иностранныхъ книгъ; но комитетъ сей, оставя порученное ему дѣло, принялся разсматривать и опорочивать изданный уже для россійскихъ книгъ цензурный уставъ. Опороченіе сіе сочиняли два человѣка [1]), изъ коихъ одинъ написалъ и напечаталъ нѣкогда рѣчь, наполненную такими противными правительству и всякому благоустройству умствованіями, за которыя надлежало бы его подвергнуть отвѣтственности; а другой также нѣкогда написалъ на одно изъ сочиненій моихъ критику, которой нелѣпость обнаружена была мною. (См. въ Сочиненіяхъ моихъ, часть IV. стран. 91, присовокупленіе къ тремъ статьямъ подъ заглавіемъ: разсужденіе о краснорѣчіи священнаго писанія.) Сей-то послѣдній, съ помощію перваго, сочинилъ отъ лица комитета критику на поднесенный мною и утвержденный Государемъ Императоромъ цензурный уставъ. Критика сія, весьма скудоумная, сочиненная, по видимому, сколько по вольнодумству, столько же по недостаточному о вещахъ свѣденію, а можетъ быть и по злобѣ на меня, опровержена возраженіями предсѣдателя цензурнаго комитета генералъ-маіора Карбонье и моими, въ особой тетради написанными.

(Позднѣйшая приписка:) Я имѣлъ повелѣніе присутствовать въ семъ комитетѣ, но видя въ немъ явное противъ меня возстаніе, или лучше сказать противъ правилъ моихъ, отвергающихъ революціонное французское правило свободнаго книгопечатанія, я отказался отъ того, считая, что въ письмѣ

---

[1]) Одинъ изъ нихъ Дм. Вас. Дашковъ; на основаніи составленнаго имъ устава, цензурное вѣдомство подверглось въ 1828 новому преобразованію.

гордости и самолюбія, посѣяли тѣ сѣмена, которыя, созрѣвъ и расплодя новомысліе и безнравственность, поколебали вѣру и престолъ. По претерпѣніи ужаснѣйшихъ бѣдствій, изнемогшая Франція познала заблужденіе свое и возвратилась опять къ прежнему своему вѣроисповѣданію и правительству. Но нѣкто едва ли не справедливо сказалъ, что французская революція хотя и погасла во Франціи, однако не истребится прежде, покуда не обойдетъ всѣхъ другихъ державъ. Событіе сего пророчества мы уже видѣли въ Гишпаніи, въ Неаполѣ и въ другихъ странахъ. Россія была далека отъ сего, но и въ ней мы начинаемъ видѣть тужъ вкравшуюся заразу. Небывалые никогда прежде произвольные толки о вѣрѣ, о свободѣ, о правительствѣ умножили у насъ секты и расколы, возмутили простой народъ, поселили въ неопытные умы и сердца молодыхъ людей надменность по собственнымъ ихъ мечтаніямъ учреждать образъ правительства. Все сіе не догадками одними, но самыми происшествіями подтверждается. Изъ многихъ дѣлъ и донесеній видимъ мы умноженіе вольнодумства и безвѣрія не только въ свѣтскихъ, но даже и въ духовныхъ лицахъ, до такой степени развратившихся, что нѣкоторые изъ нихъ, при чтеніи въ церквахъ указа, подтверждавшаго о крѣпостной зависимости, ободряли прихожанъ своихъ не повиноваться законной власти, и многія тому подобныя неистовства проповѣдовали. Видимъ, чего прежде не было, частыя возмущенія крестьянъ противъ помѣщиковъ съ упорнымъ требованіемъ вольности, которая по ихъ понятію состоитъ въ тунеядствѣ и необузданности. Видѣли съ ужасомъ прошлогоднее декабря 14 число, въ которое открылось уже не въ простомъ народѣ, но въ чинов-

---

моемъ къ Государю Императору все то сказано, что сказать надлежало, и что послѣ сего тщетно буду я убѣждать людей, раздраженныхъ моими словами, различнаго со мною образа мыслей. и столько же надѣющихся на свое уполномоченіе, сколько не обращающихъ ни малѣйшаго вниманія на представляемыя имъ доказательства. По сей причинѣ просилъ я Государя Императора позволить присутствовать въ комитетѣ вмѣсто меня господину Карбонье, доносятъ при томъ, что я готовъ на всякую статью сочиняемаго ими новаго цензурнаго устава отвѣтствовать: дѣльно ли выкинута старая, и полезна ли или нѣтъ, вводимая ими новая статья. По нѣкоторыхъ о томъ преніяхъ, прошло болѣе полугода въ совершенномъ молчаніи: комитетъ даже не собирался и ничего не дѣлалъ. Казалось это отложено и предано забвенію; но вдругъ вышелъ указъ, по которому на мѣсто стараго цензурнаго устава утвержденъ новый. Скоро послѣ сего и я, по желанію моему, отъ министерства народнаго просвѣщенія уволенъ.

ныхъ князьяхъ и дворянахъ и писателяхъ, называвшихъ себя просвѣщенными и образованными людьми, одаренными остротою ума и свѣтскими пріятностями, — открылось, говорю, такое основанное на заблужденіяхъ и безвѣріи преступное злоумышленіе, какому доселѣ въ семъ классѣ людей не было никогда примѣра; ибо какимъ простымъ невѣждамъ, кромѣ обезумѣвшихъ отъ ложныхъ мечтаній ума, могло придти въ голову истребить весь царскій домъ и самимъ сѣсть на престолъ? Все сіе, какъ во Франціи такъ и у насъ, породилось отъ распространенія и чтенія мистическихъ, безнравственныхъ, и даже возмутительныхъ книгъ и журналовъ, безъ должнаго разсмотрѣнія проходившихъ чрезъ слабую цензуру. Для отвращенія сего, угодно было блаженной памяти Государю Императору сдѣлать меня министромъ народнаго просвѣщенія, съ тѣмъ, чтобъ я сему вкоренившемуся и постепенно отчасу болѣе усиливающемуся злу, подъ именемъ *духа времени* распространяемому, старался поставить преграду. Онъ обязалъ меня къ тому сильнѣйшими словами. Въ указѣ его, данномъ мнѣ, между прочимъ сказано: — „Повелѣваемъ вамъ войти въ строгое „наблюденіе, дабы какъ въ изданныхъ, такъ и впредь издаваемыхъ сочиненіяхъ и переводахъ, особливо же въ преподаваніи „по училищамъ наукъ, ничего колеблющаго вѣру и благонравіе „не укрывалось. Народное благоденствіе много отъ сего пострадать „можетъ, и потому обязаны вы предъ Богомъ и предъ Нами „употребить неусыпный за симъ надзоръ, истребляя и обличая „всякія разсѣянныя въ книгахъ, или иначе внушаемыя лжеученія, „и не допуская ни въ какомъ видѣ существовать и вновь появляться онымъ.“ — Хотя наименованіе меня министромъ просвѣщенія сдѣлано было поздо, когда уже воспитаніе въ безнравственныхъ правилахъ укоренилось, и хотя указъ обо мнѣ подписанъ былъ безъ вѣдома и вопреки воли моей, — ибо я не могъ того желать, зная невозможность, безъ крайняго противъ меня вопіянія и даже клеветъ, дѣйствовать и воспротивиться тому, что столько времени было позволяемо и ободряемо, — однакожъ, чувствуя всю важность изрѣченія: „*народное благоденствіе много отъ сего пострадать можетъ,*“ и даннаго мнѣ строгаго повелѣнія, подвергавшаго меня отвѣтственности предъ Богомъ, Царемъ и отечествомъ, я, не смотря ни на старость мою, ниже на опасеніе вооружить противъ себя многихъ и сильныхъ противуборниковъ, принялся со всею способностію умственныхъ и душевныхъ силъ моихъ за исполненіе возложеннаго на меня толь священнаго долга, представляя покойному Государю Императору съ откровенностію

и чистосердечіемъ обо всемъ томъ, что къ поправленію прежнихъ весьма вредныхъ попущеній необходимо нужно было сдѣлать; и могу смѣло и по справедливости сказать, что въ краткое время моего министерства остановлены многія злоупотребленія, и дано, не только ученію въ университетахъ, но и въ самомъ духовенствѣ нашего и другихъ вѣроисповѣданій, иное съ лучшими правилами и нравственностію согласное направленіе. Это могутъ засвидѣтельствовать и доказать всѣ мои бумаги и предписанія, данныя мною подвѣдомственнымъ мнѣ мѣстамъ. Въ сіе время, Ваше Императорское Величество взошли на прародительскій престолъ. Я счелъ обязанностію поднести Вашему Величеству всѣ мои представленія блаженной памяти Государю Императору. Принявъ ихъ милостиво, Вы, Государь, удостоили меня тою же довѣренностію, поруча мнѣ составить, яко нужнѣйшее и важнѣйшее по вышеозначеннымъ обстоятельствамъ дѣло: уставъ и учрежденіе цензуры. Я, не могши по слабости моего зрѣнія и здоровья заняться самъ великимъ симъ трудомъ, употребилъ на то директора канцеляріи моей князя Шихматова, человѣка благоразумнаго и усерднаго къ пользамъ престола и отечества, приказавъ ему сообразиться со всѣми бывшими досelѣ нашими и другихъ державъ уставами и сочиненіями, извлечь изъ того нужнѣйшія, лучшія, принаровленныя къ обстоятельствамъ времени правила, въ которыхъ бы, не стѣсняя ни малѣйше талантовъ писателей, заграждались пути къ покушеніямъ вводить хитрыя и часто распещренныя цвѣтами злонамѣренныя сочиненія. Князь Шихматовъ совершилъ сей трудъ въ краткое время, съ неутомимою ревностію, прочитывая мнѣ каждую написанную имъ статью. (О ходѣ и производствѣ сего дѣла прилагается особо здѣсь нужное для свѣденія изложеніе.) [1]) Составленный такимъ образомъ проэктъ устава о цензурѣ имѣлъ я щастіе представить Вашему Императорскому Величеству на благоусмотрѣніе, и чрезъ нѣсколько времени получить оный обратно съ Высочайшимъ Вашего Величества утвержденіемъ.

Нынѣ, по поводу повелѣнія министру внутреннихъ дѣлъ о сочиненіи таковагожъ устава для иностранныхъ книгъ, учрежденъ особый комитетъ, которому чрезъ статсъ-секретаря Муравьева [2]) объявлена слѣдующая Вашего Императорскаго Величества воля: *„комитету сему имѣть сужденіе, не стѣсняясь цензурнымъ уста-*

---

[1]) Въ рукописи этой записки нѣтъ.

[2]) Николая Назарьевича.

„вомъ 10 іюня сего 1826 года, и въ тоже время изложить свои „замѣчанія, если нужны будутъ, на сей цензурный уставъ 10 іюня.“ — Таковое предписаніе Вашего Величества основано на совершенной пользѣ и справедливости сего дѣла; ибо дѣйствительно между сими двумя уставами должна быть та разность, что нѣкоторыя статьи, нужныя для цензуры рускихъ книгъ, могутъ быть ненужны для иностранныхъ; а дабы видѣть яснѣе, по какимъ причинамъ сіи статьи ненадобны для чужеязычныхъ книгъ, то и слѣдовало сдѣлать на то нѣкоторыя замѣчанія, *если* (какъ сказано въ предписаніи Вашего Величества) *будутъ нужны.* Но учрежденный комитетъ принялъ сіе совсѣмъ въ иномъ смыслѣ: онъ, вмѣсто чтобъ заняться составленіемъ цензурнаго устава для иностранныхъ книгъ, приступилъ къ пересмотру и критическому разбору утвержденнаго уже Вашимъ Величествомъ устава о рускихъ книгахъ, положа прочитывать оный, статья за статьею, отъ начала до конца. Неизвѣстно мнѣ по какой волѣ Вашего Императорскаго Величества (ибо изъ вышеприведеннаго предписанія оная не явствуетъ), также по какой надобности, по какому приличію, и съ какимъ намѣреніемъ приступлено къ сему пересмотру; но инаго въ семъ намѣреніи быть не можетъ, какъ предположеніе, что поднесенный мною Вашему Величеству уставъ преисполненъ погрѣшностей, и что Вы, Всемилостивѣйшій Государь, по излишней ко мнѣ довѣренности, съ сими самыми погрѣшностями утвердить его благоволили; а потому яко бы настоитъ нужда пересмотрѣть оный и поднести вновь къ утвержденію. Въ такомъ видѣ представляется пересмотръ сей, иной цѣли имѣть не могущій, и таковымъ по всему городу разглашается. Въ сихъ обстоятельствахъ, при всемъ уваженіи моемъ къ господамъ членамъ сего комитета, могъ бы я сказать, что ни долговременная служба, ни опытность, ни усердіе къ пользамъ Государя и отечества, ни свѣденія мои, конечно никому изъ нихъ не уступающія, не заслуживаютъ столь оскорбительнаго для меня предположенія, по которому неизбѣжно почитаюсь я или не разумѣющимъ ничего, или по нерадѣнію о моей должности дерзнувшимъ поднести Вашему Величеству недостойный утвержденія Вашего уставъ. Я бы могъ со всею справедливостію сказать сіе, но о моемъ ничтожномъ имени я не забочусь, и естьли бы толь скорая перемѣна устава не подвергала священнаго имени Вашего Величества нѣкоей неблаговидности, то бы я на обвиненіе меня въ томъ не отвѣтствовалъ ни слова. Сіе одно жестоко и несправедливо взводимое на меня подозрѣніе, будто бы я необдуманнымъ моимъ

представленіемъ осмѣлился не поберечь имени монаршаго, сіе одно принуждаетъ меня принесть мое оправданіе, состоящее въ слѣдующемъ: 1-е. При составленіи сего устава (какъ изъ приложенной при семъ о ходѣ сего дѣла записки усмотрѣть можно), приняты были въ разсужденіе всѣ относящіяся къ сему какъ наши, такъ и чужестранныя сочиненія, съ разборомъ надобности или ненадобности заимствованія изъ оныхъ. 2-е. Никто изъ господъ членовъ учрежденнаго комитета не соучаствовалъ въ семъ трудѣ; а потому и не можетъ съ должнымъ вниманіемъ и подробностію судить о причинахъ, побуждавшихъ ко внесенію въ уставъ нѣкоторыхъ статей, нужныхъ для удержанія неблагонамѣренныхъ писателей отъ покушеній проходить чрезъ цензуру хитрымъ прикрываніемъ вредныхъ своихъ мыслей. 3-е. Въ тожъ время приняты были также къ соображенію и тѣ вышеприведенныя обстоятельства, а имянно: что пришедшая къ намъ изъ Франціи книжная зараза стала и у насъ оказывать свои успѣхи, которые побудили блаженной памяти Императора прибѣгнуть къ отдѣленію духовныхъ дѣлъ отъ министерства просвѣщенія, съ строгимъ сему послѣднему предписаніемъ обратить неусыпное вниманіе на издаваемыя книги, и стараться отвращать всякое внушаемое ими лжеученіе и вольнодумство. На руководствѣ сихъ правилъ составленъ изданный о цензурѣ уставъ, находимый нынѣ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, строгимъ и якобы стѣсняющимъ таланты. 4-е. Изъ обстоятельствъ выше описанныхъ несомнѣнно явствуетъ, что, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, во многихъ изданныхъ книгахъ разсѣяно было множество противныхъ вѣрѣ и правительству умствованій, свободно пропускаемыхъ цензурою (о чемъ легко можно удостовѣриться, когда сдѣлать изъ нихъ хотя нѣсколько выписокъ), и что сіи умствованія произвели уже пагубные плоды, въ умноженіи расколовъ и въ разныхъ возмущеніяхъ оказавшіеся. При таковыхъ временахъ и обстоятельствахъ, не знаю полезна ли слабая цензура, попускающая быть продолженію тогоже что прежде было, и можно ли цензуру, ни мало не препятствующую упражняться въ благонравной словесности, а только поставляющую преграды ухищреніямъ зломыслія, называть строгою и необдуманно поднесенною отъ меня къ Высочайшему утвержденію? Въ прежнемъ цензурномъ уставѣ была статья, предписывавшая, *въ случаѣ двусмыслія, толковать оную въ пользу автора*, то есть позволявшая всякому злонамѣренному писателю, употребляя только нѣкоторую хитрость, сѣять, сколько ему угодно, сѣмена нечестія и разврата. Если и нынѣ въ предполагаемой переправкѣ устава

введены въ него будутъ подобныя статьи, или исключены нужныя предосторожности, то сомнительно чтобъ волненіе умовъ, и такъ уже довольно взволнованныхъ, не поколебало нѣкогда народнаго спокойствія.

Почитая долгомъ вѣрноподданнаго донести о семъ Вашему Императорскому Величеству, я осмѣливаюсь испрашивать одной только слѣдующей милости: когда отъ кого изъ господъ членовъ комитета представлено будетъ какое либо мнѣніе или замѣчаніе на утвержденный уставъ, то да позволено мнѣ будетъ разсмотрѣть оное, дабы могъ я знать, въ чемъ оное состоитъ, какими доказательствами обвиняюсь я, справедливы ли онѣ или нѣтъ. Я готовъ признать мою ошибку, ежели она точно не мечтательными мыслями, но здравымъ разсудкомъ доказана будетъ. Въ противномъ же случаѣ, не моя, но общая польза и справедливость требуетъ, чтобъ разсматривающій меня разсмотренъ былъ мною. Одностороннее мнѣніе можетъ затмѣвать истину, но обоюдное откроетъ ее лучше и яснѣе. Тогда буду я имѣть щастіе предать то и другое на благоусмотрѣніе Вашего Величества, и тогда всякое рѣшеніе Ваше, Всемилостивѣйшій Государь, приму я съ подобающимъ благоговѣніемъ и молчаніемъ.

Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданный

А. Ш.

VI.

СТАТЬИ.

О БИБЛЕЙСКИХЪ ОБЩЕСТВАХЪ [1] *).

Англія, въ которой Протестанство породило тысячу чудовищныхъ вѣроисповѣданій, гдѣ великое разнообразіе такъ называемыхъ вѣръ христіанскихъ произвело совершенное смѣшеніе, и даже упразднило необходимость положительныхъ началъ вѣрованія, — была колыбелію Библейскихъ Обществъ. Въ самомъ началѣ, по видимому, онѣ не имѣли другого намѣренія, кромѣ распространенія книгъ Священнаго Писанія. Однѣ только послѣдствія открыли, что Общества сіи имѣютъ постоянный планъ къ низпроверженію всѣхъ христіанскихъ религій и къ установленію, на развалинахъ ихъ, какой-то доселѣ неизвѣстной всеобщей религіи, подъ приманчивымъ наименованіемъ *внутренняго христіанства;* планъ весьма хитро обдуманный, втайнѣ хранимый главными распорядителями Обществъ, искусно прикрытый во всѣхъ изворотахъ его рвеніемъ къ распространенію вѣдѣнія слова Божія и любовію къ ближнимъ.

Въ самомъ дѣлѣ, разсѣваемыя повсюду въ великомъ множествѣ Библіи и отдѣльныя книги Священнаго Писанія, безъ толкователей, безъ проповѣдниковъ, и, какъ бы нарочно для упраздненія необходимости ихъ, напечатанныя на простонародныхъ нарѣчіяхъ, какое могутъ произвесть дѣйствіе? При семъ необуз-

*) Кромѣ сей статьи, еще довольно говорится о Библейскихъ Обществахъ въ особой книжкѣ, подъ названіемъ „Записки." См. тетр. 2 [2]).

[1]) Три нижеслѣдующія статьи этого Отдѣла находятся въ подлинникѣ въ концѣ Записокъ 1780—1814 г. г.; изо всѣхъ рукописей А. С. Шишкова, вошедшихъ въ составъ настоящаго изданія, только эти статьи и копіи съ писемъ (1840 г.), касающихся его духовнаго завѣщанія (см. въ концѣ слѣдующаго Отдѣла), писаны не собственноручно.

[2]) Т. е. въ нашемъ изданіи — Отдѣлъ V, стран. 205 и слѣд.. — Составленіе этой статьи относится къ 1824 году.

данномъ и, можно сказать, всеобщемъ наводненіи книгами Священнаго Писанія, гдѣ найдутъ мѣсто правила Апостольскія, творенія Святыхъ Отцевъ, дѣянія Святыхъ Соборовъ, преданія, установленія и обычаи Церковные, однимъ словомъ все что доселѣ служило оплотомъ Православію? Все сіе будетъ смято, попрано и ниспровержено. Всякій сдѣлается самъ себѣ толкователемъ Библіи и, образовавъ вѣру свою по собственнымъ понятіямъ и страстямъ, отторгнется отъ союза съ Церковію. Сначала породятся расколы и ереси; а когда они до чрезвычайности размножатся, то мѣсто ихъ заступитъ совершенное равнодушіе ко всему тому, что осмнадцать вѣковъ признавалось священнымъ.

Но что простираться вдаль! Библейскія Общества не замѣняютъ ли Церковь уже нѣкоторымъ образомъ и нынѣ? Что значитъ проповѣдь слова Божія въ ихъ собраніяхъ, молитвенныя воззванія, торжественное пѣніе пѣсней церковныхъ, всенародное объявленіе, что они сходятся во имя Святого Духа, — какъ не святотатственныя покушенія на права, дарованныя Церкви ея Божественнымъ Основателемъ? Трудно ли уразумѣть, что смѣшеніе въ собраніяхъ ихъ всѣхъ вѣроисповѣданій христіанскихъ есть только образецъ того всеобщаго соединенія религій, или, лучше сказать, упраздненія всѣхъ ихъ, которое они затѣваютъ?

Безполезно было бы вопрошать послѣ сего, могутъ ли православные, согласно съ ученіемъ Святой нашей Церкви, сами вступать въ Библейскія Общества, или содѣйствовать ихъ распространенію? *Кое согласіе Христови съ Веліаромъ или кая часть вѣрну съ невѣрными?* *) Правила Святыхъ Апостолъ не щадятъ даже епископа, который только единожды помолится съ еретики: *епископъ, пресвитеръ или діаконъ, аще помолится токмо съ еретики, или въ дому, или въ церкви, да отлучится* **).

Но простремъ, по возможности, взоръ свой за завѣсу, которую простерли ревнители библейскаго дѣла для сокрытія намѣреній ихъ, — или точнѣе сказать: воспользуемся къ обличенію ихъ тѣми мгновеніями, когда они, въ жару восторговъ, сами не могли удержаться, чтобы не вскрыть нѣсколько сію завѣсу; и изъ того, что мы увидимъ, сдѣлаемъ заключеніе, справедливо ли все сказанное о нихъ выше?

Въ тринадцатое годичное собраніе Великобританскаго и Иностраннаго Библейскаго Общества въ Лондонѣ, 7 маія 1817

*) Втор. Посл. къ Коринѳ. VI. 15.

**) Смотри въ Кормчей книгѣ Правила Святыхъ Апостолъ, стран. 8. на оборотѣ.

года, вотъ какъ между прочимъ всенародно и торжественно объяснялся о Россіи глава секты методистовъ, Рихардъ Ватсонъ:

„Мы можемъ быть увѣрены, что скоро въ семъ пространномъ „государствѣ *религія возстановится во всей ея чистотѣ,* и единственно отъ размноженія книгъ Священнаго Писанія, переведенныхъ на разные употребительные тамъ языки.“ И далѣе: „Только „обращеніе во всемъ народѣ Библіи можетъ *возстановить Греческую Церковь и исторгнуть ее изъ состоянія упадка, въ которомъ „она нынѣ находится.*“ Вотъ самая малая часть благотворныхъ намѣреній главныхъ распорядителей Библейскихъ Обществъ относительно къ Россіи!

Ватсонъ продолжаетъ: „Своды храма существуютъ, — Библія „не замедлитъ возжечь огонь на олтаряхъ.“ Кто не увидитъ въ сихъ выраженіяхъ связи библейскаго дѣла съ ложами извѣстныхъ тайныхъ обществъ?

„Въ странѣ сей (т. е. въ Россіи) есть болѣе нежели думаютъ „праведныхъ священнослужителей, которые хотя нынѣ и почитаются мертвыми, подобно свидѣтелямъ Апокалипсиса, но возстанутъ и будутъ пророчествовать, коль скоро вселится въ нихъ „духъ истины.“ Слѣдовательно, по мнѣнію библейскихъ сообщниковъ, даже и праведные священнослужители нашей Церкви не имѣютъ въ себѣ духа истины, и онъ не можетъ вселиться въ нихъ иначе, какъ посредствомъ Библейскихъ Обществъ!

За симъ, упоминая что Протестантство родилось отъ обнародованія книгъ Священнаго Писанія и было источникомъ благоденствія и благословенія, ораторъ Англійскаго Библейскаго Общества присовокупляетъ: „Нынѣ можемъ надѣяться, что скоро „*Греческая Церковь насладится тѣми же выгодами.*“ И далѣе: „Свободное проповѣдываніе истины, *открывая Греческой Церкви „ея собственныя заблужденія,* оживотворитъ вѣру и будетъ соблюдать союзъ вѣрующихъ. Предполагаемая въ Россійской Имперіи реформа уподобится восходящему солнцу.“

И такъ, въ самомъ гнѣздѣ Библейскихъ Обществъ, откуда по всему свѣту разсылаются агенты, предполагается явно реформа для Россіи и, судя по времени, конечно приводится уже въ исполненіе, хотя и непримѣтнымъ образомъ. Легко можно было, при самомъ введеніи къ намъ Библейскихъ Обществъ, обмануться благовидностію намѣреній ихъ; — но нынѣ, когда зловредная цѣль ихъ часъ отъ часу болѣе обнаруживается, ни одинъ Русскій не долженъ быть слѣпымъ орудіемъ козней иноземцевъ, посягаю-

щихъ на святость нашей Православной Вѣры и на спокойствіе любезнаго отечества нашего.

Къ сожалѣнію должно здѣсь сказать, что и въ самой Россіи подъ конецъ уже вовсе не старались прикрывать цѣль Библейскихъ Обществъ, но, по мѣрѣ распространенія ихъ, выставляли ее во всеобщее свѣдѣніе. Изъ множества примѣровъ, которыми бы можно было на сей конецъ воспользоваться, приведемъ только одинъ. Въ прибавленіи къ Отчету Россійскаго Библейскаго Общества за 1818 годъ, стран. 35, вотъ что между прочимъ напечатано: „Небесный союзъ вѣры и любви, учрежденный посред„ствомъ Библейскихъ Обществъ въ великомъ христіанскомъ се„мействѣ, открываетъ прекрасную зарю брачнаго дня христіанъ, „и то время, когда будетъ единъ Пастырь и едино стадо, то „есть, когда будетъ одна Божественная Христіанская Религія во „всѣхъ различно образованныхъ христіанскихъ исповѣданіяхъ, „которыя въ началѣ различествовали между собою въ нестроеніи, „но нынѣ *въ семъ духѣ и могутъ и будутъ оставаться при своихъ „различіяхъ.“* Спрашивается: при какомъ духѣ Греко-Россійская Церковь съ Лютеранскою, напримѣръ, *могутъ,* не говорю уже *будутъ,* оставаться при своихъ различіяхъ единымъ стадомъ и подъ единымъ Пастыремъ? По крайней мѣрѣ достовѣрно поручиться можно, что сей духъ уже не тотъ самый, которымъ одушевлялись Святые Мученики, пострадавшіе за Православіе, и Отцы Церкви, не щадившіе за него живота своего; а если не тотъ, то не можетъ быть инымъ, какъ развѣ духомъ лестчимъ.

Въ заключеніе нельзя не присовокупить:

1-е. Что если бы даже въ Библейскихъ Обществахъ и дѣйствительно не сокрывалось никакой цѣли, кромѣ распространенія Библіи, то и тогда священная книга сія долженствовала бы быть раздаваема паче руками Церкви, которой одной дано спасительное разумѣніе слова Божія. Тогда бы не нужно было ни сношеній съ иностранными Библейскими Обществами, ни содѣйствія ихъ.

2-е. Что Библія переводится агентами Библейскихъ Обществъ на всѣ почти извѣстные языки на скорую руку, и переводы сіи выпускаются безъ достаточнаго разсмотрѣнія; а сіе обстоятельство подаетъ поводъ къ искаженію Священнаго Писанія, и слѣдовательно къ превратнымъ толкованіямъ. Извѣстно, что даже въ Россіи преложеніемъ книгъ Священнаго Писанія занимались язычники, и въ томъ числѣ два бурятскіе зайсана.*) [1]).

*) Введеніе къ Отчету Россійскаго Библейскаго Общества. стр. 1.

[1]) Они производили свой трудъ подъ руководствомъ члена сарептскаго

3-е. Библейскія Общества воззвали въ новое бытіе пораженное знаменитымъ Боссюэтомъ, чудовищное порожденіе такъ называемаго *внутренняго христіанства* и, для удобнѣйшаго уловленія въ свои сѣти сыновъ Православія, распространили повсюду сочиненія Г-жи Гіонъ [1]) и другія имъ подобныя. Со введеніемъ къ намъ Библейскихъ Обществъ и по мѣрѣ распространенія ихъ, въ семъ же духѣ напечатано не мало книгъ. Въ 1814 году издано *Таинство Креста*, въ 1815 — *Побѣдная повѣсть Вѣры Христіанской* [2]), въ 1820 — *Воззваніе къ человѣкамъ* и такъ далѣе [3]).

4-е. Удостовѣрившись въ еретической цѣли Библейскихъ Обществъ, или хотя отчасти проникнувъ въ оную, можетъ ли духовенство наше и въ особенности архіереи, съ покойною совѣстью и безъ соблазна народу, присутствовать въ собраніяхъ библейскихъ, когда они дали Церкви торжественную клятву, *сохраняти стадо свое учительски отъ Латинства и отъ всѣхъ иныхъ ересей?* *).

5-е. Существованіе Библейскихъ Обществъ открываетъ благовидный способъ къ тайнымъ сношеніямъ корреспондентовъ ихъ съ таковыми же другихъ иноземныхъ Обществъ, относительно мѣры къ исполненію общаго плана, вовсе независимо отъ правительства и даже безъ его о томъ вѣдома.

6-е. Быстрое и повсюдное распространеніе Библейскихъ Обществъ, взаимныя ихъ по всему свѣту сношенія, удивительное множество покровителей, агентовъ и членовъ ихъ, въ числѣ коихъ находятся извѣстнѣйшіе люди разныхъ государствъ, не должно ли возбудить вниманіе правительствъ, и понудить ихъ оставить столь страшное при дурномъ направленіи устремленіе, доколѣ еще не сдѣлалось оно непреодолимымъ. По примѣру нашего отечества, гдѣ Библейскія Общества завелись гораздо позже нежели во всѣхъ другихъ государствахъ и существуютъ только съ 1813-го

---

*) См. Чинъ присяги архіерейскія.

братства Шмита, впослѣдствіи академика и извѣстнаго оріенталиста. (Вѣстн. Евр. 1868 г., кн. 8, „Русск. Библ. Общ.“ стр. 685.)

[1]) Мистическое ученіе г-жи Гюьонъ заключалось въ отрицаніи внѣшнихъ формъ религіи и въ стараніи достигнуть совершенства, т. е. „погруженія души въ Бога,“ путемъ крайняго аскетизма. Ея сочиненія были причиной столкновенія двухъ знаменитыхъ ученыхъ и проповѣдниковъ, Фенелона и Боссюэта: споръ кончился осужденіемъ папою Фенелона, защитника г-жи Гюьонъ.

[2]) Сочиненіе Юнга Штиллинга.

[3]) О всѣхъ этихъ книгахъ см. въ „Запискѣ о крамолахъ враговъ Россіи“ (Русск. Арх. 1868 г., ст. 1352—1368).

года, пусть посудятъ, сколько расплодились они въ другихъ странахъ и въ цѣломъ мірѣ. Изъ обозрѣнія дѣйствій Россійскаго Библейскаго Общества, напечатаннаго въ генварѣ сего года, видно, что уже въ 1823 году существовало въ Россіи до 60 главныхъ Обществъ, и до 240 Сотовариществъ, а всего до 300 (и до 200 корреспондентовъ) *). Нельзя съ прискорбіемъ не замѣтить, что въ семъ числѣ заключаются и такъ называемыя Дѣтскія Сотовариществa, какъ въ университетахъ, такъ и въ другихъ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ [1]). Всѣ сіи Общества и Сотоварищества, подобно многочисленнымъ рукамъ однаго и того же тѣла, двигаются одною волею по всему пространству отечества нашего, и вездѣ искореняютъ драгоцѣннѣйшее наслѣдство, оставленное намъ предками: *единомысліе въ Вѣрѣ.*

НѢЧТО О РОССІЙСКОЙ ИМПЕРАТРИЦѢ ЕКАТЕРИНѢ ВТОРОЙ.

Совершеннаго человѣка нѣтъ на свѣтѣ. Единъ Богъ совершенъ. Екатерина, по кротости и мудрости долговременнаго владычества своего надъ обширнымъ царствомъ по-истинѣ великая, имѣла однакожъ сію больше въ слабомъ женскомъ полѣ, нежели въ крѣпкомъ мужскомъ, порицаемую слабость. Такъ! она имѣла ее; но при всемъ своемъ ей повиновеніи, умѣла не повиноваться другимъ внушаемымъ отъ ней порокамъ, и можетъ быть безъ ней, безъ сей сердечной слабости, не имѣя нужды бороться съ нею, была бы она меньше душою. Подобно какъ храбрость и безстрашіе духа оцѣниваются по числу окружающихъ насъ опасностей, такъ и твердость души въ правилахъ добродѣтели измѣряется силою нападающихъ на нее чувствъ и страстей. Когда чувства хладны и молчатъ, тогда разуму не трудно покорять ихъ подъ власть свою; но когда онѣ со всею пылкостью своею вопіютъ и нападаютъ на него, тогда-то трудно ему обороняться отъ нихъ, преодолѣть, отторгнуть ихъ отъ себя. Древо не тогда твердо, когда противится легкимъ вѣтеркамъ, но когда противустоитъ вихрямъ и бурямъ. Екатерина имѣла слабости; такъ! она

---

*) См. Извѣстія о Библейскихъ Обществахъ N. 1. Генв. 1824.

---

[1]) Особенную ревность оказалъ въ этомъ дѣлѣ Магницкій, по казанскому учебному округу; въ 1818 г., образовалось „Дѣтское Библейское Сотоварищество“ при Ришельевскомъ лицеѣ, въ Одессѣ; въ началѣ 1821 года, учредилъ подобное Сотоварищество между учениками и студентами харьковскаго университета попечитель З. Я. Карнѣевъ. (Вѣстн. Евр. 1868, кн. 9, „Русск. Библ. Общ.,“ стр. 267—270.)

имѣла ихъ; но никто изъ смертныхъ не дерзнетъ сказать: „Я въ слабостяхъ моихъ умѣлъ лучше повелѣвать собою нежели Екатерина.“ Нѣтъ! бытописаніе не имѣетъ и не будетъ имѣть такого примѣра величія души, какой оставила намъ Екатерина Вторая. Она въ преклонныхъ уже лѣтахъ своихъ полюбила молодого человѣка: ввѣрилась ему, назвала его своимъ другомъ, возвысила, обогатила, приблизила къ своему престолу. Чрезъ нѣсколько времени, вельможа сей, возведенный ею на степень знатности, влюбляется въ одну изъ придворныхъ ея дѣвицъ: колеблется, борется самъ съ собою. Наконецъ страсть превозмогаетъ. Онъ, заглуша въ себѣ гласъ благодарности, гласъ любочестія и страха, приходитъ къ Екатеринѣ, открываетъ ей состояніе своего сердца и проситъ позволенія сочетаться бракомъ съ избранною имъ невѣстою. Надобно слабѣйшему изъ животныхъ много надѣяться на благость львинаго сердца, дабы приблизиться къ нему съ таковымъ оскорбительнымъ предложеніемъ! Екатерина, выслушавъ слова его, поблѣднѣла, — едва могла устоять на ногахъ. Она воззрѣла на него взоромъ, преисполненнымъ гнѣва, печали и удивленія. Повелѣла ему въ первомъ движеніи своего сердца выдти вонъ. Горесть ея казалась безутѣшною и опасною ея здравію: тотчасъ послано было за врачами, чтобъ ей бросить кровь. Представимъ теперь себѣ Екатерину, и вообразимъ себя на ея мѣстѣ. Она женщина престарѣлая, женщина влюбленная, женщина самодержавная. Сложимъ всѣ сіи состоянія всѣ вмѣстѣ, преогорченныя, вспыхнувшія печалію, гордостію, стыдомъ, гнѣвомъ, и нападающія на раздраженную ея душу. Женщина престарѣлая, оскорбленная говоритъ въ ней: „Ничтожный человѣкъ, неблагодарный рабъ твой, облагодѣтельствованный тобою, неслыханно дерзкій, тебя презираетъ, покрываетъ стыдомъ, называетъ явно при всѣхъ безобразною, старою, недостойною его любви, и лучше хочетъ съ молодою рабынею твоею быть въ ничтожествѣ, нежели съ тобою на высотѣ престола: можешь ли ты снести такое для женщины нестерпимое, колкое, обидное поруганіе?“ Женщина воспаленная любовію говоритъ въ ней: „Ты должна мучиться, терзаться, отстать отъ своихъ утѣхъ, быть на престолѣ несчастною, между тѣмъ какъ достойная всей твоей ненависти и гнѣва неблагодарная чета будетъ, лиша тебя спокойствія, торжествовать и радоваться! Можешь ли ты за причиненную тебѣ толь жестокую скорбь позволить имъ неслыханною своею дерзостію спокойно наслаждаться?“ — Женщина самодержавная, гордая говоритъ въ ней: „Ты обладательница Сѣвера, въ рукахъ твоихъ громъ и

молнія, у ногъ твоихъ лежатъ тьмочисленные народы! И кто же? — непримѣтный, малѣйшій, ничтожный червь передъ тобою, забывъ о величіи твоего сана, о могуществѣ твоей десницы, о нѣжной любви твоей къ нему и о томъ, что ты царица и женщина, дерзаетъ поражать тебя въ самое чувствительнѣйшее мѣсто человѣческаго сердца и самымъ жесточайшимъ оружіемъ: могущество власти, горячность любви и гордость пола раздражаетъ презрѣніемъ! Потерпишь ли ты сіе, ты, которая единымъ словомъ, единымъ дуновеніемъ можешь превратить въ прахъ сего дерзновеннаго раба твоего?“ — Такъ вопіютъ въ Екатеринѣ оскорбленныя страсти: одна несетъ къ ней молнію, другая — стрѣлы мщенія, третья — перуны; и всѣ вмѣстѣ восклицаютъ: рази! карай! Великая душа ея, посреди сихъ обуреваній, стоитъ какъ камень посреди волнъ. Сколь ни сильно колеблютъ ее страсти, но не могутъ подвигнуть на мщеніе, на погубленіе человѣка. Напослѣдокъ разумъ ея, на подобіе окруженнаго непріятелями непобѣдимаго воина, выдирается изъ круга нападающихъ на него страстей; и она съ тяжелымъ вздохомъ тако сама себѣ вѣщаетъ: „Не воображала я, чтобъ на толикой высотѣ величія и славы моей могъ найтиться человѣкъ, который бы имѣлъ дерзновеніе не только приключить мнѣ печаль, но даже обидѣть во мнѣ и власть мою, и полъ мой, и самолюбіе мое, обругать меня, презирать! Я приняла, возвеличила его съ такою горячностью, съ какою неблагодарностью онъ меня отринулъ, уничижилъ. Сердце мое страждетъ; больно мнѣ быть презрѣнною; горько мнѣ, послѣ такого со мною поступка столь неблагодарнаго и такъ много огорчившаго меня человѣка, видѣть его благополучнымъ. Страсть моя противится увѣнчанію его желаній. Гнѣвъ мой нудитъ меня къ мести; и месть ничего не стоитъ мнѣ; даже ни малѣйше не можетъ она помрачить моей славы, потому что почти справедлива. Такой ли малый слѣдъ оставляло по себѣ огорченное самолюбіе царей, раздраженная власть боговъ земныхъ! Грады рушились и области превращались въ пепелъ! Родъ человѣческій несовершенъ. Цари суть люди. Я также человѣкъ, — и еще изъ слабѣйшаго женскаго пола. Все вооружаетъ и все извиняетъ меня.... Такъ! но я царица, просвѣщающая народы; законодательница, возстановляющая права человѣчества, благую, благоугодную свободу. Законы мои — совѣсть. Правила мои — кротость и милосердіе. Возносясь выше всѣхъ умствованіями о благополучіи рода смертныхъ, должно быть выше всѣхъ и твердостію, правдою, законохраненіемъ. За что я буду мстить ему?... Какъ за что? —

Онъ осмѣлился оказать мнѣ презрѣніе и огорчить во мнѣ чувства и гордость женскую!.... Все это правда! но, чтобъ, не огорчить меня, надлежало ему самаго себя огорчить, надлежало для тщеславія попрать любовь, и быть въ самомъ сердцѣ моемъ только до тѣхъ поръ правымъ, доколѣ оно пристрастно и слѣпо. Оскорбленіе моего сердца почитаю я за велико, для того что я царица; а оскорбленіе его сердца почитаю за ничто, для того что онъ подданный! Гордость женскую въ себѣ полагаю, а въ невѣстѣ его не полагаю! Такимъ образомъ забываю, что я человѣкъ, и, будучи смертная, возношусь выше человѣчества не доблестію дѣлъ моихъ, но преимуществомъ сана!... Однакожъ и не чувствовать оскорбленій есть выше силъ человѣческихъ: онъ предпочелъ мнѣ молодость, и чрезъ то жесточайшимъ образомъ напомнилъ, что я уже состарѣлась.... Правда, — нѣтъ ничего больнѣе сего для женщины, которая хочетъ еще нравиться: я это чувствую; но иное дѣло чувствовать оскорбленіе, иное мстить за него! Однѣ только малыя души почитаютъ обѣ сіи вещи неразрывно сопряженными. Развѣ не естественно любить то что краше и моложе? Онъ мнѣ по той же самой причинѣ понравился. Я оправдываю мою слабость, и не позволяю ему быть слабымъ!... Но онъ дерзнулъ презрѣть и оскорбить во мнѣ царицу, обладательницу народовъ; подалъ примѣръ къ неуваженію власти.... Неправда! онъ не царское достоинство пренебрегъ во мнѣ, но только черты лица моего. Какъ легко страсти человѣческія ведутъ насъ къ неправосудію! Вотъ уже чуть не смѣшала я невинности съ преступленіемъ!... Онъ забылъ мои благодѣянія и нарушилъ долгъ благодарности.... Но чего я заблагодѣянія мои отъ него требую? — чтобъ онъ сдѣлался несчастнымъ, отсталъ отъ любви своей, лишился такого блага, которое безъ сомнѣнія почитаетъ онъ выше всѣхъ почестей и сокровищъ, когда для него отказывается отъ нихъ! Какъ? мои благодѣянія будутъ причиною его несчастія и должны въ немъ рождать благодарность! На какой справедливости основываются сіи мои требованія? — на моемъ самолюбіи, а не на равенствѣ человѣческомъ. Вся вина его состоитъ въ томъ, что я сильная властію и слабая душою женщина! Опираясь на сіи права, мечтаю я, что не мнѣ отъ него, но ему отъ меня страдать прилично, и что я въ великости состоянія своего малодушна, а онъ въ малости состоянія своего великодушенъ быть долженъ. Симъ ли путемъ иду я во храмъ славы? Какъ! Я хочу, чтобъ родъ человѣческій былъ справедливъ, великодушенъ, и покажу примѣръ, что душа моя была слабѣе моего сердца! Какъ? Я желаю быть великою, и ко-

леблюсь между минутною сладостью мщенія и безсмертною славою простить моему врагу! Какъ? Я сойду съ престола карать его и унижуся предъ нимъ тогда, когда новыми за оскорбленіе благодѣяніями могу сравнить въ себѣ человѣка съ монархомъ, и оскорбителя моего такъ далеко поставить отъ меня душою, какъ онъ далекъ саномъ! Какъ? Я проповѣдываю кротость, и не имѣю твердости воспротивиться гласу гнѣва? Пишу законы, и сама не умѣю покоряться законамъ разсудка! Да не будетъ сего! Умолкни во мнѣ любовь! Умолкни гнѣвъ! Умолкни оскорбленное самолюбіе царицы и женщины! Тщетно свирѣпствуете вы въ растерзанномъ сердцѣ моемъ; тщетно потрясаете крѣпость души моей; тщетно ополчаете руку мою: вы безсильны разлучить меня съ милосердіемъ. Побѣждайте слабодушныхъ царей! Екатерина, какъ въ правленіи народами, такъ и въ преодолѣніи себя самой, всегда будетъ Екатерина!“

Таковы, или подобны симъ, судя по слѣдствіямъ, долженствовали быть размышленія императрицыны; ибо она призываетъ къ себѣ оскорбителя своего, позволяетъ ему сочетаться бракомъ, и посылаетъ къ невѣстѣ его пребогатый подарокъ. Человѣкъ сей, ободренный толь милосердыми съ нимъ поступками, не довольствуется ими, дерзаетъ еще болѣе: онъ становится на колѣна и говоритъ: — „Всемилостивѣйшая Государыня! Вы ни одной изъ дѣвицъ вашихъ не отпускали въ церковь безъ того, чтобъ не удостоить собственными руками вашими нарядить ихъ къ вѣнцу: не лишите сей милости и моей невѣсты!“ — Монархиня содрагается; кровь ея кипитъ; сердце разрывается въ ней и стонетъ; но она стѣсняетъ всѣ воюющія въ груди ея страсти, и силою разума велитъ имъ молчать: посылаетъ за невѣстою, наряжаетъ ее собственными своими руками и вручаетъ посаженному отцу, для препровожденія въ церковь. Чрезъ нѣсколько времени по совершеніи брака, новобрачные отъѣзжаютъ; приходятъ къ ней откланяться; она поздравляетъ ихъ, желаетъ имъ благополучной жизни; осыпаетъ ихъ новыми благодѣяніями, и съ честію отпускаетъ. Вотъ Екатерина! Пусть сыщутъ другой подобный сему примѣръ въ бытописаніяхъ всѣхъ вѣковъ и народовъ!

Впрочемъ сколь много ни снѣдалась она гнѣвомъ и печалью о семъ случившемся съ нею приключеніи, однакожъ умѣла не только потушать, но даже и скрывать ихъ въ себѣ. На другой же или третій день появилась она въ обыкновенное вечернее собраніе, состоявшее изъ приближенныхъ къ ней знатныхъ особъ. На лицѣ ея, пріятномъ и важномъ, непримѣтно было ничего,

происходившаго въ ея сердцѣ. Она съ такою же, какъ всегда, улыбкою и ласкою разговаривала со всѣми. Вся перемѣна противъ прежняго видна была только въ томъ, что бывшаго любимца ея не было въ семъ собраніи. Онъ жилъ еще во дворцѣ, но притворился больнымъ и оставался въ своихъ комнатахъ. До дня сего приключенія покои его ежедневно наполнены были посѣтителями, или лучше сказать искателями его пріязни; но послѣ того никто къ нему не ходилъ, и въ собраніяхъ никто имени его не произносилъ. Екатерина, замѣтя сіе, подошла въ тотъ же или на другой день къ одному изъ вельможъ, о которомъ знала, что онъ часто у него бывалъ, и, къ удивленію всѣхъ, назвавъ оскорбителя своего по имени и отечеству, спросила: давно ли онъ его видѣлъ? Вельможа смутясь отвѣтствовалъ ей, что онъ не былъ у него, слыша что онъ нездоровъ. Тогда Екатерина съ важностью сказала ему: — „Мнѣ кажется тогда-то и навѣщаютъ своихъ пріятелей, когда они нездоровы!“ — На другой же день комнаты прежняго любимца ея, не взирая на его паденіе, наполнены были снова посѣтителями.

При началѣ рождавшейся въ семъ вельможѣ и невѣстѣ его взаимной склонности, открылись они одной изъ бывшихъ при Екатеринѣ придворныхъ дѣвицъ, которая способствовала тайнымъ ихъ свиданіямъ и перепискамъ. Екатерина, узнавъ о томъ, удалила ее отъ себя, но безъ всякой мести и гнѣва; и даже послѣ никогда, какъ сказываютъ, не говоривала объ ней ни худого ни добраго.

Великодушіе Екатеринино казалось такъ невѣроятно, что долгое время думали, будтобы за симъ ея оскорбителемъ велѣно было тайно присматривать, дабы, придравшись или взведя на него какой нибудь проступокъ, совершить надъ нимъ удержанное мщеніе; но всѣ сіи заключенія и ожиданія оказались ложными. Екатерина никогда о томъ не помышляла. Впрочемъ бракъ сей самъ собою отъ возникшаго между сочетавшимися несогласія былъ, какъ слышно, весьма несчастливъ.

(Приключеніе многимъ извѣстное) [1].

---

[1]) Женитьба гр. Александра Матвѣевича Дмитріева-Мамонова на княж. Дарьѣ Ѳедоровнѣ Щербатовой.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ СТАТЬИ: О БИБЛЕЙСКИХЪ ОБЩЕСТВАХЪ [1].

. . . .
. . . . Библейское Общество съ ними переписывалось; письма ихъ хвалило и печатало, называя благочестивыми крестьянами опаснѣйшихъ Духоборцевъ.

2. Оно дурно перевело Новый Завѣтъ, и съ такою между прочимъ ошибкою, что стихи Псалмовъ, въ Евангеліи приводимые, переведены иначе, какъ тѣже самые стихи въ Псалтирѣ. И сіе неудивительно; ибо переводъ сихъ книгъ священныхъ, который прежде со страхомъ и трепетомъ совершали мужи святые и вдохновенные (Кириллъ и Меѳодій), былъ брошенъ нѣсколькимъ студентамъ Академіи, съ приказаніемъ сдѣлать его какъ можно скорѣе.

3. Когда водители Общества увидѣли, что дозволено имъ священный церковный языкъ, одинъ неоскверпимый общественнымъ употребленіемъ, замѣнить общенароднымъ, тогда и спросили они дозволеніе, отнявъ славянскій текстъ, издать весь Новый Завѣтъ на одномъ русскомъ языкѣ. Сей шагъ былъ великой важности; и именно, что они повѣрить не хотѣли, что сіе дозволено. Важность сія состоитъ въ томъ: 1-е. Тогда уже переводимый священникомъ Павскимъ [2]) Ветхій Завѣтъ съ еврейскаго, который одинъ онъ знаетъ, такъ искаженный, что долженъ былъ непремѣнно показать славянскій текстъ совсѣмъ обезображеннымъ, уронить уваженіе и къ Евангелію, прелагателямъ его и къ Церкви, произвесть вѣроятно новыя раздранія ея расколами и приблизить нашъ переводъ къ лютеранскому.

Примѣчаніе. — Внимательное разсмотрѣніе сихъ переводовъ докажетъ истину моихъ обличеній.

2. Подъ тщетнымъ предлогомъ всеобщаго требованія, котораго не было, издать Пятикнижіе Моисеево на русскомъ языкѣ,

---

[1]) По необходимости печатаемъ этотъ Отрывокъ съ тѣми неисправностями, которыя ввела въ него небрежная рука переписчика.

[2]) Протоіерей Павскій находился одно время законоучителемъ при великомъ князѣ Наслѣдникѣ (Императорѣ Александрѣ Николаевичѣ); но, вслѣдствіе замѣченныхъ неправильностей въ преподаваніи, онъ былъ замѣненъ въ этой должности профессоромъ петербургскаго университета, протоіереемъ В. Б. Бажановымъ. Рѣзкія возраженія Павскаго противъ обвиненій, литографированныя лекціи его въ Духовной Академіи, съ не совсѣмъ точными переложеніями нѣкоторыхъ частей Ветхаго Завѣта, и возбужденное этими лекціями слѣдственное дѣло сдѣлали имя Павскаго популярнымъ въ средѣ учащейся молодежи. Но самъ онъ подъ конецъ сознаяъ свои увлеченія, убѣжденный строгими догматическими доводами московъ. митр. Филарета. („Зап. о жизни Филарета," Н. В. Сушкова, стр. 89—91.)

отдѣльно отъ Пророческихъ книгъ Ветхаго Завѣта, и усилить тѣмъ ересь малакановъ и обращеніе въ Іудейство; ибо простой народъ, видя книгу, заключающую Законъ Божій, и не зная ничего далѣе, легко могъ бы ею прельститься по невѣденію. Иначе какая причина такъ спѣшить изданіемъ сего отрывка Библіи, отпечатать его въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ, кои вѣроятно въ Библейской типографіи уже и готовы.

3-е. Библейская печать служила надежнѣйшимъ покровомъ для пересылки денегъ и переписокъ методистовъ, а разъѣзды членовъ Библейскаго Общества — закрытіемъ для путешествія и личныхъ сношеній ихъ агентовъ во всѣ концы, въ Россіи, въ Константинополь, Германію и Швецію, что также можно видѣть изъ бумагъ Библейской канцеляріи.

Въ персидскомъ переводѣ Евангелія точно сказано (но буди не моими словами!), что Спаситель, вмѣсто названія себя Истиною, говоритъ: *Азъ есмь ложь.* Хуленіе сіе двукратно публично повторено, при 60 человѣкахъ, секретаремъ Общества, съ изъясненіемъ, что переводъ сей распространенъ въ Персіи и поднесенъ шаху англинскимъ посломъ.

5. Бывшій генералъ-губернаторъ Сибири увѣрялъ, что въ японскомъ переводѣ находится хула на Духа Святаго, которой и перо мое не осмѣлится повторить.

Примѣчаніе. Ежели въ сихъ языкахъ могли произойти подобные ужасы, то чего нѣтъ на тѣхъ 30-ти или болѣе дикихъ нарѣчіяхъ, у коихъ нѣтъ ни письменъ, ни выраженій, не только для предметовъ духовныхъ, ниже для самыхъ обыкновенныхъ въ жизни: какъ-то — стулъ, шляпа и проч..

По неимѣнію письменъ на сихъ языкахъ, употреблены рускія, и отъ того переводы сіи вышли столь соблазнительны, что, читая нѣсколько листовъ ихъ въ Библейскомъ Комитетѣ, члены онаго, кромѣ тѣхъ которые готовы были плакать, смѣялись надъ чтеніемъ мордовскихъ и чувашскихъ Евангелій . . . .
. . . .
. . . .

VII.

ПИСЬМА.

(1810—1840.)

ПИСЬМА КО МНѢ ОТЪ РАЗНЫХЪ ЛИЦЪ И МОИ НА НѢКОТОРЫЯ ИЗЪ НИХЪ ОТВѢТЫ [1]).

КЪ Я. І. БАРДОВСКОМУ [2]).

1.

Милостивый государь мой, Яковъ Іевлевичъ.

Покорнѣйше благодарю васъ за присылку ко мнѣ переведеннаго вами Лагарпова сочиненія подъ названіемъ: *Опровержение злоумышленныхъ толковъ, распространенныхъ философами XVIII вѣка противъ Христіанскаго благочестія* [3]). Книга сія, по содержанію своему весьма полезная, такъ хорошо переложена вами на отечественный нашъ языкъ, что, по-истинѣ, всякъ съ услажденіемъ читать ее долженъ. Признаюсь вамъ, что вы превзошли мое чаяніе. Обыкновенно такія книги переводятся страннымъ языкомъ и не рускимъ слогомъ; а потому, приступая къ чтенію, думалъ я и въ васъ найти тоже, или подобное тому; но

---

[1]) Такъ озаглавлены двѣ книги, въ 4-ку, составляющія сборникъ переписки Шишкова, и заключающія всего 121 письмо, которыя всѣ переписаны его рукою; изъ нихъ 41, къ Дарьѣ Алексѣевнѣ Шишковой, вошли во второй Отдѣлъ I тома нашего изданія. Въ настоящемъ Отдѣлѣ помѣщаются всѣ остальныя письма, съ прибавленіемъ къ нимъ нѣкоторыхъ другихъ, частью уже прежде напечатанныхъ, частью печатаемыхъ въ первый разъ. Въ началѣ своего Сборника, Шишковъ дѣлаетъ слѣдующее примѣчаніе: „Въ сихъ письмахъ не наблюдаемъ былъ порядокъ числъ, но списываны были какъ, когда случалось; и многія предъидущія или отвѣтныя утрачены." Для удобства чтенія, мы соединили вмѣстѣ письма однаго и того же лица и на сколько возможно расположили ихъ въ хронологическомъ порядкѣ.

[2]) Яковъ Іевлевичъ Бардовскій, сочинитель нѣсколькихъ стихотвореній и переводчикъ разныхъ сочиненій, направленныхъ противъ безвѣрія философовъ XVIII столѣтія. Письма къ нему Шишкова перепечатываются нами изъ брошюры, изданной въ Петербургѣ, въ 1841 г., подъ заглавіемъ: „Двѣнадцать собственноручныхъ писемъ адмирала Александра Семеновича Шишкова."

[3]) Переводъ изъ Лагарповыхъ Fragments de l'Apologie de la Religion, напечатанный въ Москвѣ, въ 1810 году.

чѣмъ далѣе читалъ, тѣмъ больше радовался, находя первому заключенію моему совсѣмъ противное. Я бы для пользы словесности нашей желалъ, чтобъ вы и всѣ Лагарповы творенія (или по крайней мѣрѣ сегожъ рода) перевели на руской языкъ. Хотя вы въ предувѣдомленіи вашемъ говорите, что *языкъ логики и метафизики не имѣетъ еще у насъ рѣшительныхъ и ясныхъ основаній*, однакожъ вы сію трудность превозмогли, и еще болѣе превозможете, когда упражненіе свое простреете далѣе, доставя намъ удовольствіе читать Лагарпа на своемъ языкѣ. Вы очень хорошо слово *фанатикъ* выразили словомъ *изувѣръ;* но, кажется, въ продолженіи немножко оробѣли употреблять оное вмѣсто чужестраннаго. Не робѣйте: въ подобныхъ вашему переводахъ слова, не имѣющія точнаго опредѣленія, получатъ оное и будутъ знаменательны. Сколько словъ въ звѣздочетствѣ и землемѣріи утвердилось! для чего не утвердиться имъ и въ другихъ наукахъ? Я также сдѣлалъ маленькой переводъ изъ Лагарпа, который при семъ къ вамъ посылаю [1]). Вы въ немъ увидите, что многія въ наукѣ краснорѣчія неопредѣленныя у насъ слова я старался опредѣлить, и думаю, что не за что меня за то бранить. По крайней мѣрѣ не ожидаю я сего отъ людей здраво разсуждающихъ; чтожъ принадлежитъ до прочихъ, то я даже и читателями моими имѣть ихъ не желаю, не только судіями: слѣдовательно ни о хулѣ, ни о похвалѣ ихъ не пекуся. — Примите, прошу васъ, посылаемыя мною книжки въ знакъ того уваженія и почитанія къ вамъ, которыми я преисполненъ, и съ которыми навсегда пребуду, вашъ

милостиваго государя моего покорнѣйшій слуга

Александръ Шишковъ.

С. Петербургъ. Маія 24 дня 1810 г..

2.

Милостивый государь мой, Яковъ Іевлевичъ.

Я передъ вами очень виноватъ. Вы прислали ко мнѣ прекрасные стихи ваши. Потомъ писали поздравительное съ новымъ годомъ письмо: и я на все это вамъ не отвѣчалъ. Чѣмъ оправдаться, кромѣ признаніемъ вины своей? но, ежели бы вы меня покороче знали, я надѣюсь, что простили бы мнѣ. Посылаю къ вамъ

---

[1]) „Переводъ двухъ статей изъ Лагарпа, съ примѣчаніями переводчика: 1. Сравненіе французскаго языка съ древними языками. 2. О краснорѣчіи.“ (Собраніе сочиненій и переводовъ адмирала Шишкова. Ч. III. стр. 247—388.)

свои бредни, подъ названіемъ *Разговоры о словесности*[1]). Сперва бранили меня за то, что защищаю славенской языкъ[2]), а теперь станутъ бранить, что прославляю народной. Пускай бранятъ. *Кто нибудь скажетъ спасибо; а спасибо одного добраго человѣка утѣшаетъ меня больше, нежели досаждаетъ брань ста худыхъ.* Вы писали ко мнѣ о Ликеѣ или о Лицѣѣ (я никогда иностранныхъ словъ порядочно написать не умѣю); нынѣ вышло высочайшее разрѣшеніе на оный: и такъ надѣюсь скоро возъимѣетъ онъ свое начало, только не подъ иностраннымъ названіемъ, но подъ рускимъ: *Бесѣда*[3]). Не ожидайте отъ насъ ничего чрезвычайнаго. Право, чрезвычайныхъ людей на свѣтѣ мало. Но, по крайней мѣрѣ, что до меня принадлежитъ, я стану говорить тоже, что всегда говорилъ. Истина не имѣетъ двухъ лицъ. Ложь одна великая мастерица являться въ разныхъ видахъ. — *Бесѣда* наша проситъ и приглашаетъ всѣхъ присылать въ нее труды свои: она за неудачные не оскорбитъ, а хорошимъ стараться будетъ отдать справедливость. Такъ по крайней мѣрѣ я полагаю, ежели изъ разноголосицы не выдетъ каша. — Отъ искренняго сердца желаю вамъ всѣхъ благъ, пребывая навсегда съ истиннымъ почитаніемъ вашъ

милостиваго государя моего покорный слуга

Александръ Шишковъ.

1811. Февраля 19.

3.

Милостивый государь мой, Яковъ Іевлевичъ.

Много благодарю васъ за присланіе ко мнѣ перевода вашего книжки[4]), за которую и Гаврило Романовичъ[5]) просилъ меня

---

[1]) См. въ Собраніи сочиненій Шишкова, ч. III, стр. 1—166. Въ Вѣстникѣ Европы (1811 г. No. 12, стр. 285, и No. 13, стр. 34) былъ напечатанъ, за подписью К(аченовскаго), подробный критическій разборъ этого сочиненія. Шишковъ отвѣчалъ „Прибавленіемъ къ разговорамъ о словесности, или возраженія противъ возражсній, сдѣланныхъ на сію книгу.“ (Собр. Соч. Шишк., ч. III, стр. 169—244.) Отвѣтъ Каченовскаго на эти возраженія помѣщенъ въ Вѣстн. Евр. 1812 г., No. 6, стр. 117, и No. 7, стр. 195.

[2]) Извѣстная полемика, по поводу Разсужденій Шишкова „о старомъ и новомъ слогѣ“ и „о краснорѣчіи св. Писанія.“ (Собр. соч., ч. II и въ ч. IV, стр. 22—107.).

[3]) Рѣчь конечно идетъ о Бесѣдѣ Любителей Русскаго Слова, ея публичныхъ засѣданіяхъ и объ изданіи Чтеній.

[4]) Переводъ „Краткаго изложенія главныхъ доводовъ о божественности Христіанскаго Откровенія,“ соч. лондонскаго епископа Портьюса.

[5]) Державинъ.

также васъ поблагодарить. Не взыщите, что немножко поздо отвѣчаю, и что не успѣлъ по сіе время доставить вамъ *Чтеніе въ Бесѣдѣ.* Можетъ быть вы оное уже имѣете; однакожъ прошу посылаемое при семъ принять отъ меня въ знакъ моего къ вамъ истиннаго почитанія. Не разсудите ли и вы поработать что нибудь для Бесѣды и ко мнѣ прислать? — Прошу также потрудиться одну изъ прилагаемыхъ при семъ книжекъ доставить издателю Рускаго Вѣстника, Сергѣю Николаевичу Глинкѣ, и меня извинить предъ нимъ, что особо къ нему не пишу. — Также сообщаю вамъ стихи, присланные ко мнѣ отъ неизвѣстнаго, при открытіи Бесѣды. Я бы желалъ, чтобъ они въ Рускомъ Вѣстникѣ были напечатаны, естьли это можно. Хотѣлось бы подолѣе съ вами побесѣдовать; но тотъ, съ кѣмъ письмо сіе посылаю, увѣдомилъ меня, что онъ отправляется севодня, и севодня же спускъ корабля. Для того за хлопотами спѣшу окончить. Пребываю съ истиннымъ почитаніемъ вашъ

милостиваго государя моего покорнѣйшій слуга

Александръ Шишковъ.

P. S. — Въ присланной вами книжкѣ напечатано, что оная издана въ пользу двухъ сиротъ; почему ни вы имѣніемъ ихъ располагать, ни я подарковъ отъ нихъ принимать не долженъ. Для того прилагаю при семъ въ пользу ихъ 25 р..

Мая 20, 1811 г.

4.

Милостивый государь мой, Яковъ Іевлевичъ.

Я получилъ ваше письмо, и спѣшу разрѣшить ваше сомнѣніе о словѣ *имство.* Признаюсь, что я очень люблю толкованіе словъ. Мнѣ кажется, не отыскивая корня ихъ, не можемъ мы знать силу вѣтвей, изъ которыхъ состоитъ языкъ. Наука сія есть самая важная, необходимая для процвѣтанія языка и словесности, но, по нещастію, такъ мало намъ извѣстная, что по сіе время никто о ней не думалъ и не думаетъ. Я вижу, что слово *имство* подало поводъ къ сужденію о немъ по той причинѣ, что я употребилъ оное въ моей рѣчи [1]). Здѣсь тоже самое съ нимъ было. Но какъ я никогда не употребляю словъ безъ того, чтобъ напередъ не сдѣлать имъ опредѣленія, то, какъ скоро сдѣлано было мнѣ возраженіе противъ онаго, въ тожъ время представилъ я въ Бесѣду и доказательство о существованіи его въ языкѣ нашемъ

[1]) При открытіи Бесѣды (Собр. Соч. Шишк., ч. IV, стр. 109).

У меня свой словарь, изъ котораго я вамъ толкованіе о семъ словѣ выпишу [1]); вотъ оно:

Имство. Слово сіе происходитъ столько же отъ глагола *имаю* (въ единократномъ *емлю, беру*), сколько и отъ глагола *имѣю;* потому что сей послѣдній самъ происходитъ отъ перваго и есть слѣдствіе онаго: ибо что я *имаю,* то у меня въ рукахъ, а что у меня въ рукахъ, то я уже конечно *имѣю* *). И такъ, когда оба сіи глагола изображаютъ смежныя между собою понятія, то и вѣтвь, отъ нихъ произшедшая, должна непремѣнно оба сіи понятія сохранять въ себѣ. Отсюду слово *имство*, въ сложныхъ именахъ, получаетъ знаменованіе свое отъ глагола *имаю,* какъ то видѣть можемъ въ словахъ *мздоимство, лихоимство,* означающихъ *иманіе мзды, иманіе лихвы;* но когда оное находится одно, безъ сопряженія съ другими словами, тогда заимствуетъ понятіе свое отъ глагола *имѣю*, равно съ другими отъ негожъ происходящими именами, *имѣніе, имущество,* съ тою разностію, что сіи два слова означаютъ тѣлесныя или осязаемыя вещи, а *имство* напротивъ означаетъ умственную, безтѣлесную, неосязаемую вещь или существо. Такимъ образомъ всѣ сіи три слова: *имѣніе, имущество, имство,* хотя одинъ корень имѣютъ, то есть, происходятъ отъ одного и тогожъ понятія *имѣю*, но въ знаменованіяхъ своихъ различаются. Слово *имѣніе* съ словомъ *имущество,* какъ мы уже сказали, имѣетъ общее то, что оба они означаютъ осязаемыя вещи, но разнятся въ томъ, что *имѣніе* означаетъ болѣе недвижимыя вещи, таковыя какъ деревни, поля, домы и тому подобное; слово же *имущество* не различаетъ недвижимыхъ вещей отъ движимыхъ, но всѣ оныя вообще описываетъ. Посему слово

*) Подобная сему смежность въ звукѣ словъ, соотвѣтствующая смежности понятій, часто примѣчается. Не для всякаго смежнаго понятія выдумывается особое слово, но тожъ самое слово нѣсколько измѣняется. Напримѣръ: слово **прахъ** изображаетъ самыя мелкія тѣла, крупинки, пыль, но тожъ самое слово, измѣненное нѣсколько чрезъ примѣшаніе къ оному другихъ буквъ, означаетъ уже различныя вещи, какъ то: **порохъ** (чѣмъ заряжаютъ пушки и ружья), **порошокъ** (въ лѣкарствахъ), **прошка** (простонародное названіе, подъ которымъ разумѣется табакъ). И такъ отъ малаго токмо измѣненія онаго произошли слова **порохъ, порошокъ, прошка,** которыя хотя означаютъ разныя вещи, однакожъ всѣ сіи вещи суть не иное что, какъ виды того же рода: ибо всѣ оныя слова (порохъ, порошокъ, прошка), изъявляютъ тотъ же **прахъ**, но только не вообще всякой, а каждое особенный. Таковыхъ примѣровъ можно показать множество: **храмъ и хоромы, древо и дрова, отвергаю и отверзаю,** и проч.

[1]) Извѣстія Россійской Академіи, кн. 4-я (1817), стр. 72—78.

имѣніе въ смыслѣ своемъ ограничено, то есть имѣетъ кругъ знаменованія меньшій чѣмъ слово *имущество.* Отсюду, когда кто скажетъ: *я продалъ все свое имѣніе,* то подъ словомъ *имѣніе* не всѣ тѣ вещи разумѣются, какія онъ имѣетъ, но токмо нѣкоторыя; ибо, напримѣръ, деньги хотя есть вещь осязаемая и такая, которую онъ имѣетъ, а потому и могутъ, въ нѣкоторомъ общемъ понятіи, называться его *имѣніемъ,* — однако, поелику оныя суть вещи не продаваемыя, того ради общее понятіе сего слова перемѣняется здѣсь въ частное, не означающее оныхъ. Изъ сего слѣдуетъ, что не свойственно, вмѣсто: *я продалъ все свое имѣніе,* сказать: *я продалъ все свое имущество;* ибо здѣсь слово *имущество* изъявляло бы нѣчто больше того, что мы сказать хотимъ. Напротивъ того, ежели кто, вмѣсто: *я лишился всего своего имущества,* скажетъ: *я лишился всего своего имѣнія,* то онъ недостаточно мысль свою выразитъ; ибо тотъ, кому онъ говоритъ, можетъ, по словамъ его, заключить, что онъ лишился только недвижимаго своего имѣнія, а многія другія вещи у него остались. Слово *имство* не имѣетъ ничего общаго съ словами *имѣніе, имущество,* кромѣ корня. Оно равно съ ними происходитъ отъ понятія, заключающагося въ глаголѣ *имѣю*, но означаетъ, какъ уже сказано, не осязаемыя, а умственныя вещи: деревня, садъ, поле и проч., есть мое *имѣніе;* деньги, платье, книги и проч., есть мое *имущество;* красота или безобразіе, добродѣтель или порокъ (которые я въ себѣ имѣю) есть мое *имство.* — Мы разобрали знаменованіе слова сего, вникая въ корень и составъ онаго; теперь посмотримъ, согласно ли съ симъ опредѣленіемъ толкуется оно въ нѣкоторыхъ словаряхъ. Въ Церковномъ Словарѣ Алексѣева сказано: „*имство,* расположеніе, издавный обычай; по-лат. habitus. „Скриж. 65. Иногда значитъ составъ тѣла, благоключимость, спо„собность. Индѣ значитъ *страствованіе,* по-лат. *affectio.* Дам. 7. — Въ Треязычномъ Словарѣ (напечатанномъ въ лѣто 1704) сказано: „*имство,* habitus, constitutio membrorum, corporis habilitas" — Въ Славенороссійскомъ Словарѣ монастыря Кутеинскаго (напечатанномъ въ лѣто 1653) [1]) сказано: „*имство,* звычай чрезъ долгій

[1]) Словарь іеромонаха Памвы Берынды (родомъ изъ Молдавіи), носившаго званіе „протосинкелла" и „архитипографа россійскія церкви въ Кіевѣ," изданъ былъ въ первый разъ въ 1627 году, подъ заглавіемъ: славенорусскій лексиконъ, или именъ толкованіе. Шишковъ ссылается на второе изданіе и называетъ его словаремъ Кутеинскаго монастыря, потому что онъ былъ умноженъ и исправленъ Іоиломъ Труцевичемъ, игуменомъ этого монастыря.

„часъ, призвычанье (т. е. долговременная привычка), обычай, „взростъ, або прироженье тѣла (т. е. возрастъ или природное „тѣлу), постава, албо пóстать; имство въ души, албо въ тѣлѣ, „любъ доброе, любъ злое; хороба съ природы“ *). — Всѣ сіи толкованія показываютъ то самое, что я объяснялъ выше, то есть, что человѣкъ имѣетъ въ себѣ душевныя и тѣлесныя *имства,* хорошія и худыя. Изъ сего мы ясно видѣть можемъ, что слово наше *имство* выражаетъ то самое понятіе, для выраженія котораго (жалуясь на недостатокъ языка своего) употребляемъ мы иностранное слово *карактеръ* или *характеръ* (ибо въ правописаніи иностранныхъ словъ никогда не можно согласиться), съ тою разностію, что оно знаменованіемъ своимъ гораздо обширнѣе и богатѣе. Иностранное слово *характеръ* означаетъ только душевную склонность, издавна въ насъ вкоренившуюся (хоробу съ природы, какъ сказано въ Кутеинскомъ словарѣ). Напримѣръ, можно сказать: *главный характеръ его есть скупость*, но не можно сказать: *главный характеръ его есть красота;* русское же *имство* можетъ означать и то и другое, ибо какъ скупость такъ и красота есть *имство* того, кто ихъ имѣетъ. — Такимъ образомъ находимъ мы въ языкѣ нашемъ три слова: *качество, свойство, имство*, въ которыхъ понятія, или постиженія, такъ сходны между собою, что мы съ трудностію различать ихъ можемъ. Однако же постараемся опредѣлить существенную ихъ разность. Слово *качество* происходитъ отъ слова *какой* или *какое* (подобно какъ *количество* отъ слова *колико;* во многихъ другихъ языкахъ имѣютъ они подобное же происхожденіе: латинское qualitas отъ qualis, quantitas отъ quantum). Оно означаетъ состояніе, или обстоятельство, или доброту вещи, и потому Нѣмцы называютъ оное *Beschaffenheit.* Сіе состояніе можетъ, 1-е, въ одной и той же вещи перемѣняться. (Напримѣръ, когда масло прогоркнетъ, или вино выдохнется, или съ другою какою вещію подобная тому сдѣлается перемѣна, тогда говорится, что качества сихъ вещей, или вещи сіи въ качествѣ своемъ, повредились.) 2-е, одинакаго роду вещи могутъ, безъ всякой въ нихъ перемѣны, качествомъ одна другой быть лучше. (Напримѣръ, молоко одной коровы можетъ имѣть лучшее качество, нежели другой, потому что качество молока зависитъ отъ корма, какимъ сіе животное питается, или отъ иныхъ обстоятельствъ). — *Свойство* происходитъ отъ мѣстоименія *свой, свое.* Оно означаетъ не-

*) Въ Академическомъ Словарѣ нѣтъ. Все сіе показываетъ, что мы имѣемъ въ словаряхъ только с б о р ъ словъ, а не р а з б о р ъ оныхъ. А по моему, сборъ безъ разбора не принесетъ много пользы ни языку, ни словесности.

разлучную принадлежность вещи, не подверженную перемѣнѣ. Человѣку свойственны страсти, огню жаръ, льду холодъ. Хотя человѣкъ и можетъ сдѣлаться воздержнѣе или распустнѣе, хотя огонь или ледъ и могутъ производить большій или меншій жаръ или холодъ, но сія перемѣна дѣлается только въ степени страсти, жара, или холода, а не въ нихъ самихъ: и потому оные суть *свойства* (а не качества) человѣка, огня, льда. Вино имѣетъ свойство дѣлать пьянымъ того, кто пьетъ оное; оно можетъ въ качествѣ своемъ перемѣниться, то есть, сдѣлаться лучше или хуже; но съ перемѣною качества, свойство его *дѣлать пьянымъ* не перемѣнится, то есть, не сдѣлается инымъ (какъ то сдѣлалось качество), а развѣ только усилится или ослабнетъ. — *Имство*, какъ выше сказано, происходитъ отъ глагола *имѣю*. Оно не есть ни качество, ни свойство; оно до тѣхъ поръ существуетъ въ насъ, покуда мы то, что разумѣемъ подъ онымъ, въ себѣ имѣемъ. Напримѣръ, *скупость* не есть качество, потому что она, какъ мы выше сего объяснили, можетъ только въ степени своей перемѣняться, а не въ составѣ; она не есть также и свойство, ибо не сопряжена неразрывно съ человѣкомъ, но есть случайная только принадлежность ему, или привычка, отъ которой онъ отстать можетъ: слѣдовательно она есть *имство* его, до тѣхъ поръ пребывающее въ немъ, покуда онъ съ нимъ не разлучается. Отсюду явствуетъ, что мы можемъ говорить: *онъ перемѣнилъ свое имство*, подобно какъ говоримъ: *онъ перемѣнилъ свой характеръ*.

Теперь вы можете видѣть, что тѣ, которые производили слово *имство*, одинъ отъ глагола *имѣю*, другой отъ глагола *емлю*, оба правы. Также безсомнѣнія и на то согласитесь, что разбираніе такимъ образомъ словъ принесло бы существенную пользу не только языку нашему и словесности, но и самому разсудку и уму нашему. Когда растолкованіе одного слова открываетъ намъ много понятій и учитъ разсуждать справедливо и здраво, то какой бы разлился свѣтъ отъ разбора такимъ образомъ всѣхъ въ языкѣ нашемъ словъ! Вотъ откуда узнали бы мы языкъ свой и, обогатясь понятіями, обогатили бы потомъ и словесность нашу собственными своими произведеніями, а не подражательными духу чужихъ языковъ, стѣсняющими или потемняющими разсудокъ нашъ, и уклоняющими насъ отъ свойствъ и духа своего языка. Тогда бы сближились мы съ корнемъ онаго, и считали за постыдное дѣло хвастовать, что мы сдѣлали новую эпоху въ языкѣ. Есть чѣмъ хвастовать! Что значитъ сдѣлать новую эпоху въ языкѣ? — уклонить его отъ прежняго; сдѣлать его изъ богатаго и силь-

наго бѣднымъ и слабымъ; произвесть такую въ немъ перемѣну, чтобъ для насъ гораздо понятнѣе и любезнѣе были французскіе романы, нежели сила языка Священныхъ Писаній; не разумѣть и не хотѣть читать *Давида* для того, что онъ не *Доратъ* или не *Флоріанъ:* прекрасное намѣреніе! самое полезное для сохраненія Вѣры и любви къ отечеству! — Господа журналисты и большая часть молодыхъ людей (нынѣшняго образа мыслей) крайне меня не жалуютъ; но признаюсь, что изъявляемая ими ненависть ко мнѣ есть самое то, чѣмъ я горжусь: знакъ, что я различно съ ними думаю, а они такъ худо и вредно думаютъ, что быть съ ними различнаго мнѣнія дѣлаетъ человѣку честь. Посмотрите, сколько опять появилось противъ меня браней. Иной, подъ видомъ похвалы и безпристрастія, хочетъ, не имѣя зубовъ, укусить. Другой пишетъ посланіе на стихахъ. Третій бранитъ славенской языкъ, думая меня тѣмъ побранить. Четвертый, предпріявъ нетрудное дѣло собрать изъ чужихъ сочиненій нѣсколько томовъ, вставилъ въ нихъ одну мою пѣсенку, которую я еще въ ребячествѣ написалъ; зачѣмъ вставилъ? — затѣмъ, чтобъ послѣ сочинить цѣлое предисловіе, доказывая въ немъ, что тотъ еще не писатель, кому удалось написать одну пѣсенку. Какая тонкая хитрость! Но подумалъ ли онъ, что, во первыхъ, я отнюдь не тщеславлюсь именемъ стихотворца. Во вторыхъ, каковы ни есть мои труды, но они состоятъ не въ стишкахъ и пѣсенкахъ. Въ третьихъ, цѣну писателя опредѣляетъ время и потомство. Но онъ по какому праву, взявъ на себя лице *времени и потомства,* изрекаетъ судъ, кто первые у насъ писатели и кто послѣдніе? Не похоже ли это на то, какъ бы мужикъ началъ жаловать другихъ мужиковъ кого въ генералы, кого въ капралы? не сумасшедшее ли бы онъ затѣялъ дѣло? и неужли тѣ, которыхъ онъ пожаловалъ, были бы такъ глупы, что по его великому опредѣленію стали бы считать себя подлинно таковыми? Стихи писать хорошо, но еще лучше быть хорошимъ и здравомысленнымъ человѣкомъ. А у того какой разсудокъ, кто, будучи и малымъ писателемъ и малымъ человѣкомъ, возмечтаетъ о себѣ, что онъ Аполлонъ и Юпитеръ; раздаетъ славу кому хочетъ! Такая, при слабыхъ силахъ, исполинская надменность слишкомъ самолюбива, и потому столькожъ дерзка, сколько и смѣшна. Время обнаружитъ и намѣреніе и достоинство писателя; оно сохранитъ или истребитъ его память; а злость не отниметъ, равно какъ лесть не прибавитъ ему чести. — Однако я заговорился съ вами и письмо мое сдѣлалось очень длинно.

Желаю вамъ всякаго благополучія и остаюсь съ истиннымъ почитаніемъ вашъ

милостиваго государя моего покорный слуга
Александръ Шишковъ.

Іюня 20, 1811 г..

5.

Милостивый государь мой, Яковъ Іевлевичъ.

Я получилъ письмо ваше и спѣшу вамъ на оное отвѣчать, надѣясь, что свадебныя ваши хлопоты не помѣшаютъ вамъ прочитать его. Покорнѣйше благодарю васъ и Сергѣя Николаевича [1]) за намѣреніе помѣстить въ Рускомъ Вѣстникѣ письмо мое къ вамъ о словѣ *имство*. Однако же я сего не желаю по той причинѣ, что истолкованіе одного слова ничего не значитъ. У меня ихъ собрано довольно значущее число, и могутъ составить, естьли не словарь, то, по крайней мѣрѣ, опытъ словаря. Я надѣюсь со временемъ издать оный. Мы еще весьма бѣдны (естьли не совсѣмъ нищи) книгами, разбирающими философически языкъ и слова. Наука сія, столь важная для пользы словесности, такъ мало намъ извѣстна, что мы ниже подозрѣваемъ ее существующею. Отсюду такъ называемая *Естетика* выходитъ у насъ наука вранья [2]), и отсюду же господа писатели наши, даже и хорошіе, когда примутся разсуждать о языкѣ, такъ впадаютъ въ самыя несправедливыя умствованія. — Я прочиталъ сужденія или замѣчанія на мою книгу (Разговоры о словесности) г-на Каченовскаго [3]). Вижу, что они писаны безъ обыкновенной противъ меня желчи, примѣчаемой въ другихъ разсматривателяхъ моихъ сочиненій, — однакожъ не безъ самолюбія, которое, также какъ и досада или гнѣвъ, часто закрываетъ у насъ глаза. Г-нъ примѣчатель думаетъ, что какими вещи при чтеніи ему показались, то уже онѣ точно таковы, и не могутъ быть инаковы. Это немножко самолюбиво. Надлежало бы ему остановиться и самому себѣ сказать: „такъ мнѣ кажется; но во первыхъ, я не *всевѣдущій;* а во вторыхъ тотъ, о комъ я говорить хочу, не такой *мальчикъ,* которой не умѣетъ различить *фигуры съ аллегоріей,* и котораго свѣденія ничто предъ моими.“ Подобныя сему разсужденія воздержали бы его отъ многихъ возраженій, индѣ несправедливыхъ, индѣ весьма

---

1) Глинку.

2) Ср. съ отзывомъ Шишкова о преподаваніи у насъ эстетики (Зап. II. 50.).

3) См. выше на стр. 311 прим. 1-ое.

смѣшныхъ. Греческой языкъ насъ губитъ. Мы думаемъ, что естьли знаемъ оный, то уже все знаемъ. Хорошо знать его, но и съ нимъ можно крайне заблуждаться. — Естьли мнѣ вздумается на возраженія его сдѣлать мое возраженіе, то я напередъ могу увѣрить, что даже и онъ самъ не вездѣ найдетъ себя правымъ. Я почитаю дарованія его въ словесности, равно какъ и нѣкоторыхъ другихъ московскихъ вашихъ писателей; но между тѣмъ вижу, что перо ихъ часто движимо бываетъ или вихремъ времени и пристрастія, или предубѣжденіемъ, или порывами самолюбія. Для того весьма охотно читаю *Руской Вѣстникъ*, которой не твердитъ о словахъ *естетика, образованіе, просвѣщеніе,* и тому подобныхъ, — но говоритъ всегда объ истинной и чистой нравственности, отъ которой въ нынѣшнія времена родъ человѣческій, къ злополучію своему, далѣе и далѣе отпадаетъ. Онъ не смотритъ на то, что таковыя его писанія многимъ, у которыхъ голова вскружена *новыми понятіями,* не нравятся; онъ продолжаетъ, исполняя долгъ свой, и сѣетъ сѣмена общаго и давно проповѣдываемаго благомыслія, не угадывая предбудущаго и не зная, дождь ли ихъ зальетъ, или солнце согрѣетъ. — Не подумайте, чтобъ я, изъявляя мнѣніе о критикѣ Г. Каченовскаго, не терпѣлъ никакихъ себѣ возраженій, или бы почиталъ себя *никогда не погрѣшающимъ;* отнюдь нѣтъ; я весьма далекъ отъ того и отъ другаго. Но признаюсь, что какъ самъ люблю основательно разсуждать, такъ и тѣ только возраженія уважаю, которыя основательны. Но могу ли я имѣть уваженіе къ подобнымъ сему возраженіямъ: „Почему слова *широко, высоко, глубоко,* и проч., значатъ *ширь-око, высь-око, глубь-око?* и не все ли де равно, какъ бы я слово *гордость* произвелъ отъ *гора* и *даю?*“ — При таковыхъ возраженіяхъ, невозможно удержаться отъ смѣха, и еще очень громкаго: между понятіями *ширь-око* и *широко* (подобно какъ между понятіями *благодѣяніе* и *благое дѣяніе*) нѣтъ ни малѣйшей разности: всякъ самымъ явственнѣйшимъ образомъ видитъ, что слова сіи суть однѣ и тѣже, говорятъ одно и тоже, и первыя разнятся отъ вторыхъ только тѣмъ однимъ, что сдвинуты вмѣстѣ. Но слово *гордость* и безсмысленныя слова *гору даю* представляютъ ли понятію нашему одно и тоже? Сверхъ сего, кто изъ окончанія словъ (какъ здѣсь *ость*) выводитъ какой нибудь смыслъ? Поэтому *люблю, любишь, любитъ,* по окончаніямъ своимъ *лю, ишь, итъ,* могутъ пріемлемы быть за слова, происходящія отъ различныхъ корней и понятій? — Въ другомъ мѣстѣ, я, сравнивая азбуку нашу съ азбуками новѣйшихъ языковъ, основываю преимущество

ея на томъ: 1-е, что наша азбука имѣетъ больше звуковъ, и 2-е, что звуки сіи (т. е. буквы) произносятся всегда одинаково, порознь ли стоятъ или вмѣстѣ (чего въ другихъ азбукахъ нѣтъ). Все это я вывожу и показываю. Слѣдовательно, кто хочетъ возражать мнѣ, тотъ долженъ такое же основательное сдѣлать возраженіе, то есть, показать (естьли возможно): 1-е, что въ нашей азбукѣ звуковъ не больше, и 2-е, что у нихъ произношеніе буквъ такое же постоянное, какъ и у насъ, или что сіе постоянство нашихъ буквъ не можетъ почитаться преимуществомъ. При таковомъ возраженіи, по крайней мѣрѣ, могли бы читатели наши и мы сами другъ друга разумѣть. Но чѣмъ же, вмѣсто сего, возражаютъ мнѣ? Говорятъ: не ужъ ли имъ въ словѣ *chambre* труднѣе произносить букву *ш*, чѣмъ намъ? — Да гдѣ я въ книгѣ моей говорилъ о трудности? Я говорю, что у нихъ нѣтъ буквы *ш*, и что, по неимѣнію сей буквы, должны они звукъ этотъ составлять изъ двухъ буквъ *c* и *h* (не имѣющихъ порознь сего звука, и даже и вмѣстѣ въ другихъ словахъ перемѣняющихъ оный); а мнѣ, на мое не отвѣчая, возражаютъ, что въ словѣ *chambre* буквы *ch* также произносятся какъ наше *ш*, и что ихъ не труднѣе произносить! Какоежъ это возраженіе, когда я говорю о Петрѣ, а мнѣ говорятъ о Карпѣ? Ежели возраженія писать для людей, не входящихъ въ разборъ того, о чемъ говорится, такъ что хочешь пиши, — все равно; а ежели уважать читателей, и предполагать ихъ взвѣшивающими доказательства того и другаго, такъ отъ подобныхъ возраженій, не для меня (ибо мнѣ онѣ только пользу, а не вредъ принести могутъ), но для самого себя, надлежало бы воздержаться. Я повторяю, что имѣю великое уваженіе къ достоинствамъ г-на Каченовскаго, ни мало не досадую на его противъ меня возраженія, и не требую, чтобъ онъ во всемъ одинаково со мною мыслилъ; однакожъ, естьли онъ даетъ себѣ волю, не внимая хорошенько въ мои мысли (какъ я это здѣсь разборомъ только двухъ статей доказываю), оговаривать ихъ, то и меня разрѣшаетъ чрезъ то оправдываться и оговаривать, при случаѣ, тѣ мѣста въ немъ, съ которыми я не согласенъ. Я также могу сказать, что *въ качествѣ читателя свидѣтельствую ему мою благодарность,* но въ качествѣ любителя правды долженъ изобличить несправедливость его мнѣній. — Естьли вы съ нимъ знакомы, то можете показать ему мое письмо, ибо я ни о комъ не говорю того заочно, чего бы не сказалъ въ глаза. — Чувствую, что я много распространился, говоря о такомъ дѣлѣ, о которомъ бы довольно было и трехъ словъ сказать. Простите мою болтливость.

Желаю вамъ всякихъ благъ, пребывая съ истиннымъ почитаніемъ вашъ

милостиваго государя моего покорный слуга
Александръ Шишковъ.

С. Петербургъ. Іюля 19 дня 1811 г..

6.

Милостивый государь мой, Яковъ Іевлевичъ.

Я получилъ письмо ваше, и съ великимъ удовольствіемъ сдѣлаю все то, что смогу. Хотя съ А. Д. Б.[1]) я рѣдко видаюсь, и не такъ знакомъ съ нимъ, чтобъ просить могъ, однакоже поищу случая. По крайней мѣрѣ за усердіе мое вамъ отвѣчаю. Сожалѣю, что больной перстъ вашъ мѣшаетъ вамъ дѣлать мнѣ удовольствіе вашими письмами, которыя я всегда съ пріятностію читаю. Сдѣлайте, чтобъ онъ поскорѣе выздоровѣлъ. А я всегда въ недосугахъ: писать надобно много, а времени имѣю только часа три поутру, и то не всякой день. Послѣ обѣда же ни за что приняться не могу и рѣдко бываю дома. Пожалуйста не оставляйте меня увѣдомлять о себѣ и о всѣхъ у васъ произшествіяхъ по словесности. Я очень люблю всякія пренія и разсужденія, только не брани и личности; но по нещастію онѣ только и попадаются, когда что нибудь читаешь. Желалъ бы подолѣе побесѣдовать съ вами, но прерываютъ сіе мое удовольствіе. И такъ до другаго времени. Между тѣмъ съ истиннымъ почитаніемъ пребываю вашъ

милостиваго государя моего покорнѣйшій слуга
Александръ Шишковъ.

Октября 28, 1811 г..

7.

Милостивый государь мой, Яковъ Іевлевичъ.

Я давно къ вамъ не писалъ, и чрезъ то самого себя лишалъ удовольствія. Иногда хворанье, иногда лѣнь, а больше хлопоты и недосуги были тому причиною. Между тѣмъ мнѣ всегда пріятно получать отъ васъ письма. За новое вамъ скажу, что на сихъ дняхъ была у насъ *Бесѣда*, въ которой читалъ я *Разсужденіе о любви къ отечеству:* Собраніе было многочисленное. Болѣе четырехъ сотъ посѣтителей едва вмѣстились въ залу. Духовенство и знатнѣйшія особы обоего пола украшали оную. Признаюсь, что я

[1]) Александромъ Дмитріевичемъ Балашовымъ?

приступалъ къ чтенію съ нѣкоторою робостію; казалось мнѣ, что не всѣ раздѣлятъ со мною мои чувствованія, и можетъ быть многимъ нѣкоторыя истины покажутся слишкомъ смѣлыми; однакожъ я обманулся. Успѣхъ превзошелъ мое чаяніе [1]), и тутъ увидѣлъ я, что какъ бы нравы ни были повреждены, однакожъ правда не престаетъ жить въ сердцахъ человѣческихъ. Кто даже и нейдетъ путемъ ея, тотъ самый, при гласѣ ея, просыпается и отворяетъ ему душу свою, по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время. Сожалѣю, что я не могу въ скорости доставить вамъ сего читаннаго мною *Разсужденія.* Естьли бы могъ, то всего прежде послалъ бы оное къ вамъ и къ Сергѣю Николаевичу Глинкѣ, которому прошу отъ меня поклониться. Вы писали нѣкогда ко мнѣ о *Разсужденіи*, читанномъ мною въ Россійской Академіи, которое давно уже напечатано [2]): я тогда не успѣлъ къ вамъ послать, но думаю, что вы давно уже его имѣете, и за тѣмъ не посылаю. Естьли же, паче чаянія, у васъ онаго нѣтъ, то увѣдомьте только, я тотчасъ пришлю. Оно, какъ сказываютъ, родило противъ меня новыя брани, называемыя *критиками;* но я ихъ не читалъ, не для того, чтобъ не любилъ читать возраженій себѣ,—напротивъ, я ихъ очень люблю,—но для того, что рѣдкое изъ сихъ возраженій могъ дочитать до половины: такъ онѣ не колки, не досадны, а жалки. Онѣ столько ниже всякаго достоинства, что не могутъ никакъ оскорблять самолюбіе, но только представляютъ въ себѣ непріятное напоминаніе о паденіи ума и сердца человѣческаго. Ничего нѣтъ смѣшнѣе, какъ видѣть въ бумагомарателяхъ какой-то скопъ и заговоръ подъ нѣкоторымъ скрывающимся отъ стыда, однако же очевиднымъ предводительствомъ и покровомъ. Сего рода писатели и такъ не пишутъ ничего путнаго; чтожъ когда еще злоба и остальной свѣтъ разсудка ихъ помрачаетъ? Отсюда происходитъ, что иной хочетъ защищать шайку свою, и, вмѣсто защиты, ругаетъ ее немилосердо, говоря: *намъ нужны не слова, намъ нужно просвѣщенье.* Поэтому просвѣщеніе поставляютъ они въ безсловесности? Вотъ какъ они сами себя хвалятъ, и подобный сему бредъ помѣщаютъ въ число избранныхъ сочиненій! Но оставимъ ихъ думать, что они дѣло дѣлаютъ. *Исправить горбатаго могила,* говоритъ русская пословица.

Недавно прочиталъ я въ Вѣстникѣ Европы старинную гра-

---

[1]) См. въ I т. Записокъ стр. 117 и 118.

[2]) Разсужденіе о краснорѣчіи Св. Писанія читано въ годичномъ собраніи Россійской Академіи, 3-го декабря 1810 года.

моту, изданную Шлецеромъ [1]). Въ концѣ ея сказано: *„оже будетъ нечистъ путь въ рѣчкахъ, Князь велитъ своимъ мужемъ проводити сіи гость, и вѣсть имъ подати.“* Сіи слова истолкованы: а ежели путь въ рѣкахъ будетъ не глубокъ, то князь прикажетъ своимъ людямъ проводить сихъ чужестранцевъ и обо всемъ ихъ увѣдомить. — Я сомнѣваюсь въ вѣрности сего истолкованія. *Нечистъ путь* должно здѣсь совсѣмъ не то значить, что *не глубокъ*. Послѣдующія слова явно тому противурѣчатъ: ибо чужестранцу, плывущему по неизвѣстнымъ ему рѣкамъ, всегда надобны проводники; и такъ начто бы предписывать сіе только въ случаѣ неглубокаго пути? и притомъ, о чемъ и зачѣмъ увѣдомлять ихъ (подать вѣсть)? Когда и нынѣ подходятъ къ какому нибудь неизвѣстному или мало извѣстному берегу или проливу, то всегда берутъ провожатыхъ (лоцмановъ). Сіи провожатые на своемъ отчетѣ ведутъ судно, и правительство не имѣетъ никакой надобности предписывать имъ, чтобъ они увѣдомляли корабельщиковъ, гдѣ мелко, и гдѣ глубоко. Напротивъ, это еще скрывать стараются, дабы всегда была надобность въ провожатыхъ. Итакъ надлежитъ думать, что здѣсь *нечистъ путь* значитъ нѣчто иное. Вѣроятно внѣшнія препятствія, какъ то разбойники, или тому подобныя; въ такомъ случаѣ правительству конечно нужно дать особыхъ проводниковъ *гостямъ,* и напередъ увѣдомить ихъ о сихъ угрожающихъ опасностяхъ, дабы они приготовлены къ тому были, и не сочли бы утаеніе отъ нихъ оныхъ какимъ либо злоумышленіемъ самого правительства. — Но я уже наскучилъ вамъ многимъ писаніемъ; пора кончить. — Остаюсь съ искреннимъ почитаніемъ вашъ

покорнѣйшій слуга

А. Шишковъ.

Декабря 27 дня 1811 года.

8.

Милостивый государь мой, Яковъ Іевлевичъ.

Желая, чтобъ случившіяся въ бытность непріятеля въ Москвѣ и въ окрестностяхъ оной многія произшествія собраны и сохранены были, доложилъ я о семъ Государю Императору. Его Величество, соизволяя на то, указалъ мнѣ избрать человѣка

---

[1]) „Изъясненіе двухъ памятниковъ, на славянскомъ языкѣ писанныхъ, касающихся до связи между Новгородомъ и Ганзою,“ возбудившее полемику между Калайдовичемъ, Шлецеромъ и Каченовскимъ.

и препоручить ему оное, съ жалованьемъ по полуторы тысячи въ годъ. Мнѣ казалось, что вы отъ сего не отречетесь и сію возложенную на васъ обязанность исправите съ похвалою. Почему и сообщилъ я о семъ министру полиціи, а онъ отъ себя сообщилъ главнокомандующему въ Москвѣ. Сіе отнюдь не отнимаетъ у васъ того мѣста, которое вы прежде имѣли. Передъ отъѣздомъ моимъ не успѣлъ я васъ о томъ увѣдомить, но думаю, что вы о томъ уже извѣщены. Очень радъ, ежели сіе доставитъ вамъ нѣкоторыя выгоды; въ талантѣ же вашемъ исполнить сіе съ похвалою ни мало не сомнѣваюсь. Пребываю съ истиннымъ почитаніемъ вашъ

милостиваго государя моего покорный слуга

Александръ Шишковъ.

Ликъ. 10 Генваря. 1813 г..

9.

Милостивый государь мой, Яковъ Іевлевичъ.

Получа письмо и объявленіе отъ васъ, напечатанное при Вѣдомостяхъ [1]), я весьма доволенъ былъ первоначальнымъ вашимъ приступомъ, и надѣюсь, что таланты и трудолюбіе ваше произведутъ нѣчто полезное и достойное чтенія благоразумныхъ людей. Вы конечно не огорчитесь моими совѣтами, которые я въ письмѣ семъ подать вамъ намѣренъ; ибо я ихъ не въ видѣ какова либо приказанія или наставленія дѣлаю, но единственно отъ чистосердечнаго вамъ сообщенія моихъ мыслей, помня пословицу: *умъ хорошо, а два лучше,* и желая притомъ, чтобъ трудъ вашъ столько же принесъ вамъ чести, сколько читателямъ пользы. Сочиненіе сіе должно быть такова рода, чтобъ не перо было въ немъ гладенькимъ слогомъ болтливо, но истина изображеніемъ и силою своею убѣдительна и краснорѣчива. Вы очень хорошо сдѣлали, что сперва начали просто собирать извѣстія. Продолжайте и записывайте ихъ со всѣми подробностями, трудясь и любопытствуя освѣдомляться объ нихъ въ Москвѣ и, сколько можно, во всѣхъ окрестностяхъ, по которымъ шатался непріятель. Въ иные города, какъ напримѣръ Смоленскъ и проч., можете сами съѣздить, а въ

---

[1]) Въ объявленіи напечатанномъ при No. 8 Московскихъ Вѣдомостей 1813 г., Бардовскій обращался ко всѣмъ бывшимъ очевидцами несчастія Москвы, съ просьбой сообщать ему письменно или изустно вниманія достойныя извѣстія, и тѣмъ споспѣшествовать предпринятому имъ, по высочайшему повелѣнію, труду „собиранія обстоятельныхъ и вѣрныхъ свѣдѣній о всѣхъ важныхъ и примѣчанія достойныхъ произшествіяхъ и анекдотахъ, случившихся въ Москвѣ и окрестностяхъ оной, во время нашествія непріятеля.“

другихъ отыскать людей, которые бы, по деревнямъ навѣдываясь, васъ о томъ увѣдомляли. Не худо справляться и по именамъ записывать всякой городъ, село и деревню, совсѣмъ или отчасти разоренную, съ описаніемъ какъ непріятельскихъ поступокъ, такъ и нашихъ поселянъ. Безсомнѣнія господа губернаторы и другіе при нихъ чиновники, равнымъ образомъ священники и городскіе головы или купцы, не отрекутся вамъ въ томъ способствовать Изданными понынѣ въ печать разными извѣстіями можете вы также воспользоваться. Впрочемъ весьма нужно поставить себѣ за правило, отличать достовѣрныя свѣденія отъ тѣхъ, которыя по однимъ распущеннымъ слухамъ, безъ всякой повѣрки, сдѣлались извѣстны, и можетъ быть совсѣмъ не такъ пересказываются, какъ было; я почитаю это весьма нужнымъ, потому что сочиненіе ваше должно быть точно историческое и вѣрное. Когда накопите вы достаточное число извѣстій о разныхъ произшествіяхъ, тогда приступите къ составленію изъ нихъ порядочнаго и послѣдственнаго повѣствованія, примѣшивая всегда къ оному нравственныя разсужденія и нравоученіе. Старайтесь иногда подкрѣплять ихъ приличными изъ Священнаго Писанія мѣстами: онѣ бываютъ весьма сильны и убѣдительны, какъ скоро приведены будутъ къ статѣ. Въ семъ нашествіи на насъ враговъ, больше нежели когда нибудь, явенъ перстъ Божій; итакъ не оставляйте въ молчаніи чудесныхъ событій, таковыхъ напримѣръ, какъ слѣдующее: при выносѣ изъ Смоленска Образа Богоматерина читаютъ Евангеліе: *и бысть Марія три мѣсяца въ пути, и возвратися въ домъ свой,* и точно чрезъ такое время образъ сей внесенъ былъ опять въ городъ и поставленъ на свое мѣсто. Дабы совершенно видѣть и познать излившійся на нихъ гнѣвъ Божій, надлежало проѣхать по дорогамъ, гдѣ замерзшіе трупы ихъ лежали. Различные роды смертей, различное положеніе тѣлъ, окостенѣвшихъ съ поднятою къ верху рукою, съ возвышенною головою, съ отверстыми очами, съ написаннымъ живо на лицѣ отчаніемъ и страданіемъ, не успѣвшимъ превратиться въ спокойствіе смерти, — могли бы самаго невѣрнаго увѣрить въ ужасной, посланной на нихъ отъ Бога казни. Цѣль сей книги должна быть слѣдующая: первое, вывести какими злодѣйствами къ собственной своей и другихъ пагубѣ оскверняется народъ, когда отступаетъ отъ Бога и впадаетъ въ безвѣріе. Здѣсь не худо краткимъ и нечувствительнымъ образомъ войти въ историческое разсмотрѣніе нравственности Гальскаго народа, гдѣ откроется широкое поле говорить о ядовитыхъ книгахъ ихъ, о развратныхъ правилахъ, о неистовыхъ дѣлахъ, породившихъ чу-

довищную революцію и тысячи старыхъ и новыхъ Маратовъ и Робеспьеровъ. Не нужно прибѣгать для сего къ выдумкамъ и украшеніямъ: довольно изобразить одну нагую и гласную истину. Въ противуположность сему, безъ всякаго самохвальства, можно отдать справедливость, что въ нашемъ народѣ не было никогда иныхъ книгъ, кромѣ насаждающихъ благонравіе, — иныхъ нравовъ, кромѣ благочестивыхъ, уважающихъ всегда человѣколюбіе, гостепріимство, родство, *цѣломудріе,* кротость и всѣ христіянскія, нужныя для общежитія добродѣтели. Естьли нынѣ во нравахъ нашихъ примѣчается порча, или отступленіе отъ коренныхъ правилъ честности и добродушія, то зараза сія прилипла къ намъ отъ сего обманчиваго народа, котораго нечистая и гнилая внутренность прикрыта блестящею наружностію, уловляющею въ сѣти свои простоту и легкомысліе. Между тѣмъ зараза сія сдѣлалась весьма сильною и общею. Посмотрите на Европу: во всѣхъ державахъ ея весь тотъ кругъ людей, которой отличается отъ простаго народа, сдѣлался, подъ видомъ воспитанія и просвѣщенія, больше или меньше нравственнымъ рабомъ Франціи: какимъ языкомъ говоритъ Парижъ, такимъ и всѣ другихъ державъ дворы и дворянство; какъ остригутся, одѣнутся въ Парижѣ, такъ точно и черезъ короткое время увидишь и другихъ остриженными и одѣтыми. Особливо, по нещастію, мы больше всѣхъ прочихъ народовъ примѣчаемъ въ себѣ страсть къ сему подражанію. Когда мы наружностію своею столько стараемся быть на нихъ похожими, то можетъ ли внутренность наша остаться неповрежденною? Когда ихъ ленточки, косыночки, пряжечки, завязочки такъ много дѣйствуютъ надъ глазами нашими, то что же сдѣлаютъ ихъ языкъ, ихъ книги, ихъ театръ, ихъ учители, ихъ дядьки надъ умами и сердцами молодыхъ людей?!....... Я давно началъ къ вамъ мое письмо, но послѣ никакъ не удалось продолжать, а теперь и подавно нельзя. Между тѣмъ сегодня отправляется отселѣ человѣкъ, съ которымъ надобно оное послать. Итакъ я кончу только тѣмъ, что постарайтесь, съ изображеніемъ претерпѣнныхъ нами золъ изображать и то, что это не послѣднія бѣды, какъ скоро мы не перестанемъ любить языкъ ихъ, сей бичь, убивающій народную нашу гордость, и сей ключь, отверзающій сердца и умы наши къ принятію въ нихъ яда злочестія и худой нравственности. Мы до того доходили, что говорить объ этомъ иначе не смѣли, какъ съ великою скромностію. Я почти первый, въ 1804 году, сталъ о семъ говорить смѣло: и вы помните, какъ господа *Вѣстники* и *Меркуріи* противъ меня воз-

стали [1]. По сочиненіямъ ихъ, я былъ такой преступникъ, котораго надлежало запереть и взять съ меня отвѣтъ: какимъ образомъ дерзнулъ я говорить, что рускому надобно руское воспитаніе? Они упрекали меня, что я хочу ниспровергнуть просвѣщеніе и всѣхъ обратить въ невѣжество, что я иду противъ Петра, Екатерины, Александра и проч.; тогда могли они такъ вопіять, надѣясь на великое число зараженныхъ симъ духомъ, и тогда долженъ я былъ по неволѣ воздерживаться; но теперь я бы ткнулъ ихъ носомъ въ пепелъ Москвы, и громко имъ сказалъ: вотъ чего вы хотѣли! Богъ не наказалъ насъ, но послалъ милость свою къ намъ, ежели сожженные города наши сдѣлаютъ насъ Рускими. — Вотъ къ какой цѣли должна стремиться ваша книга. Я надѣюсь, что вы, по нѣкоторомъ приведеніи ея въ порядокъ, согласитесь, прежде изданія въ свѣтъ, прислать ее ко мнѣ рукописную для прочтенія; я обѣщаю вамъ быть во мнѣніи моемъ совершенно чистосердечнымъ [2]. Пребываю съ истиннымъ почитаніемъ вашъ

милостиваго государя моего покорнѣйшій слуга

А. Ш.

Силезія. Мая 11 дня 1813 года.

10.

Милостивый государь мой, Яковъ Іевлевичъ.

Я получилъ письмо ваше, принесшее мнѣ, какъ и всѣ ваши письма, великое удовольствіе; но весьма сожалѣлъ, что умолчаніемъ моимъ на прежнія ваши писанія подалъ вамъ поводъ думать, будто сіе происходило отъ какова нибудь моего на васъ огорченія. Отнюдь нѣтъ, — но единственно отъ недосуговъ. Вотъ и на послѣднее ваше письмо отвѣчаю поздо. Пожалуйста не смо-

---

[1] Въ Сѣверномъ Вѣстникѣ и Московскомъ Меркуріѣ, критики на „Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ.“

[2] Не знаемъ, появилось-ли когда нибудь это сочиненіе въ печати, но если и появилось, то весьма поздно, потому что въ брошюрѣ „Двѣнадцать собственноручныхъ писемъ,“ напечатанной въ 1841 г., издатель (на оборотѣ заглавнаго листа) „повторяетъ покорнѣйшую просьбу свою всѣмъ любителямъ исторіи и славы отечественной о споспѣшествованіи ему въ этомъ трудѣ его,“ прибавляя, что „все собранное и доселѣ нигдѣ ненапечатанное имъ хранится у него въ завѣтной докладныхъ бумагъ сумкѣ г-на Тріэра (Triaire, aide de camp de S. A. I. le prince vice-roi d'(Italie), подаренной ему, вмѣсто анекдота, однимъ изъ рядовыхъ ратниковъ московскаго ополченія.“ — Въ Каталогѣ Черткова (Всеобщая Библіотека Россіи, ч. I, стр. 27, No. 102) значится небольшая книжка (16 стр. въ 8-ку) „сочиненія будто-бы Шишкова,“ подъ заглавіемъ: О пребываніи Французовъ въ Москвѣ. С. П. Б. 1812.

трите на сіе, будьте увѣрены, что я васъ всегда почитаю, и охотно хочу съ вами бесѣдовать; но такъ занятъ по утрамъ, что никогда не могу собраться написать къ пріятелю письмо, а послѣ обѣда всегда бываю лѣнивъ и рѣдко дома. И такъ прошу васъ, не приписывайте никогда молчаніе мое какому нибудь неудовольствію на васъ, котораго мнѣ имѣть незачто; и не мстите мнѣ за это своимъ молчаніемъ, но будьте великодушны продолжать мнѣ дѣлать удовольствіе вашими письмами, не смотря на меня; а я хоть чуть когда найду время, то вѣрно къ вамъ напишу. Посылаю къ вамъ просимыя вами книжки: мой переводъ и послѣднюю Бесѣду, въ которой читаны были мною выписки изъ сего перевода и еще одно письмо о разсужденіяхъ Пуфа. Также найдете вы въ ней прекрасную идилію госпожи Буниной, и сочиненіе уже извѣстное кн. Шаховскаго[1]). Я дивлюсь, что сіи книжки, давно уже напечатанныя, до рукъ вашихъ не дошли. Еще посылаю къ вамъ новое сочиненіе князя Шихматова. Онъ звалъ меня къ себѣ обѣдать, и вмѣсто билета прислалъ ко мнѣ оное. — Чтожъ вамъ еще сказать? Новаго ничего нѣтъ. Въ вашей московской словесности, также какъ и въ здѣшней, часто встрѣчаю глупое самолюбіе и невѣжество ребятъ, которыхъ бы не худо было, для ихъ же добра, высѣчь розгами. На этихъ дняхъ попался мнѣ журналъ, въ которомъ какой-то студентъ судитъ и бранитъ безъ милости Хераскова. Вотъ нравы, которымъ научаютъ юношей! Вмѣсто чтобъ скромными сочиненіями стараться напередъ снискать себѣ имя, онъ съ такою же дерзостію, съ какимъ и невѣжествомъ, ругаетъ мертваго старика, со всѣхъ сторонъ почтеннаго! хочетъ показать свой умъ и свои знанія, но вмѣсто сего показываетъ свою глупость, невѣжество и худой нравъ. Признаюсь, что я не могу ничего подобнаго прочитать, безъ крайняго сожалѣнія о худомъ воспитаніи молодыхъ нынѣшнихъ людей. Кажется какъ будто всѣ училища превратились въ школы развратовъ, и кто оттуда ни выдетъ, тотчасъ покажетъ, что онъ совращенъ съ истиннаго пути, и голова у него набита пустотою, а сердце самолюбіемъ, первымъ врагомъ благоразумію. — Ну прощайте, перервали мое къ вамъ письмо, а въ другой разъ можетъ быть не скоро удастся за него приняться. И такъ прошу быть довольнымъ, что успѣлось написать. Между тѣмъ не забывайте усерднаго вамъ и покорнѣйшаго слугу

Александра Шишкова.

С. Петербургъ. Іюня 18 дня 1815 г..

---

[1]) „Расхищенныя шубы, ироикомическая поэма.“ (Чтеніе въ Бесѣдѣ люб. руск. сл., кн. 19-ая, 1815 г.).

11.

Милостивый государь мой, Яковъ Іевлевичъ.

Я думаю вы на меня сердиты, и есть за что. На многія ваши письма не отвѣчалъ. Виноватъ. Вы можете меня укорять недосугами, лѣнью, чѣмъ хотите, кромѣ только: не приписывайте это какому нибудь моему недоброму къ вамъ расположенію, ибо это будетъ неправда. Я очень занятъ; дѣла у меня много, а времени мало. *Старость пришибла.* Бывало могъ часовъ по осьми въ сутки сидѣть и писать, а нынѣ едва ли могу два часа, и то не всякой день. Много ли въ два часа надѣлаешь дѣла? Вотъ за этимъ-то часто не успѣваю отвѣчать на письма пріятельскія. Скажите, есть ли у васъ въ Москвѣ *Академическія Извѣстія,* и такъ ли на нихъ смотрятъ, какъ должно, или почитаютъ за пустое и маловажное изслѣдованіе свойствъ и состава языка? Правда, ихъ еще мало и тихо ползутъ; но чтожъ дѣлать, коли у насъ стихи писать — охота смертная: всякой юноша хочетъ быть Виргиліемъ; а до языка нѣтъ никакой нужды: всѣ безъ него лезутъ на Парнасъ. Мнѣ кажется, лучше бы сперва приняться за языкъ, а потомъ уже за стихи; иначе, сколько мы ни станемъ писать журналовъ, сколько ни будемъ кричать, что у насъ много стихотворцевъ, и что словесность наша процвѣтаетъ, — осипнемъ отъ крика, а правды не скажемъ ни на денежку. Прежде не было ни одного *генія,* а всѣ знали языкъ; а нынѣ всѣ стали *геніи,* да никто языка не знаетъ. Воля ихъ, безъ языка будутъ они самозванцы-геніи. — Добро, матерія эта пространна: пустишься въ нее, такъ и конца не найдешь, а свѣтъ не исправишь. Лучше пожелаю вамъ всякаго благополучія, попрошу васъ быть увѣренными въ моемъ къ вамъ искреннемъ почитаніи, и остаюсь навсегда вашъ покорнѣйшій слуга

Александръ Шишковъ.

С. Петербургъ. 21 Августа 1816 г..

12.

Милостивый государь мой, Яковъ Іевлевичъ.

Извините, что я на письма ваши умедлилъ отвѣчать. Право такъ занятъ разными и дѣлами и бездѣльями, что едва нахожу время написать къ вамъ нѣсколько строкъ. Книги ваши отдалъ я Дмитрію Прокофьевичу [1]), и говорилъ объ васъ все, что могъ сказать въ пользу вашу. Прошу всегда во мнѣ быть увѣреннымъ,

---

[1]) Трощинскому.

что я желаю вамъ всякаго добра. Письма ваши я всегда съ удовольствіемъ читаю, и ежели иногда съ подробностію отвѣчать на нихъ не имѣю времени, ради Бога не ставьте мнѣ того въ вину. Поздравляю васъ съ наступающимъ праздникомъ, и желая вамъ всякихъ благъ, съ истиннымъ почитаніемъ навсегда пребываю вашъ

милостиваго государя моего покорнѣйшій слуга
Александръ Шишковъ.

22 Марта 1817 г..

ОТЪ П. А. КИКИНА [1]).

Послѣ отъѣзда вашего изъ арміи, мы ни о чемъ другъ къ другу не писали. Немудрено: оба лѣнивы. Къ тому-же и обстоятельства были таковы, что не до писемъ. Каждый страдалъ душею и, съ сокрушеннымъ сердцемъ, ожидалъ общаго спасенія отъ единаго милосердія Всевышняго. Нужно ли было чувства свои описывать другому, когда всѣ состоянія были въ одномъ положеніи, и никакое отдаленіе никого не спасало; одно, что дѣйствительно усугубляло сильно страданіе наши и убивало, можно сказать, душу каждаго изъ воиновъ, было то, что укоризны цѣлаго государства падали на нихъ, какъ на защитниковъ отечества, долженствовавшихъ оградить ее отъ гибели, или прежде принести себя на жертву. Послѣдствія доказали, что всѣ умствованія человѣческія ничтожны, и что остается только покориться Промыслу. Оборотъ, который приняла война, есть неудобопонятный, и смѣло скажу, что самъ Наполеонъ, съ надменностію, ему единому въ толикой силѣ свойственной, бывъ въ положеніи нашемъ, едва ли бы могъ возмечтать имѣть подобные успѣхи. Увѣрить могу, что надлежало быть очевиднымъ свидѣтелемъ, дабы имѣть достаточное понятіе о всемъ происходившемъ; иначе всякое краснорѣчіе тщетно, и самое пылкое воображеніе не удовлетворительно. Несмѣтная непріятельская сила, по малой мѣрѣ изъ 15-ти народовъ разныхъ соединенная, наводнявшая, такъ сказать, Россію, въ теченіи 8-ми недѣль совершенно исчезла, и гордый завоеватель и повелитель всея Европы, достигшій съ Москвою, казалось, послѣдней цѣли своей, видитъ себя съ однимъ слабымъ прикрытіемъ въ рукахъ нашихъ, помышляя единственно о личномъ спасеніи

---

[1]) Петръ Андреевичъ Кикинъ, дежурный генералъ 1-й арміи, впослѣдствіи статсъ-секретарь у принятія прошеній. — Письмо перепечатывается изъ „Москвитянина“ 1846 г. I. 159—167.

своемъ. Разительный урокъ сей да охранитъ каждаго отъ самонадѣянія, и да согласится всякъ, что нѣсть власти, аще не отъ Бога!

Но время приступить къ цѣли моей, для коей токмо и началъ письмо сіе. Кто изъ насъ не возсылаетъ теплыхъ молитвъ ко Всевышнему? Чье сердце не преисполнено благодарности къ Богу, единственному Спасителю нашему? Кто не чувствуетъ сердечной необходимости ознаменовать признательность свою къ милосердію Его, явно покровительствующему намъ? Конечно всѣ и каждый, — сіе безспорно! Но умы разнообразны, и всякой видитъ по своему; почему мнѣніе мое подвергаю просвѣщенному уму вашему, отдавая должную ему справедливость. Всѣ вообще кричатъ: должно соорудить монументъ! Согласенъ, — и во всѣхъ отношеніяхъ нахожу сіе нужнымъ и даже необходимымъ; но вотъ бѣда: чтобъ согласиться, какой? Иной говоритъ обелискъ, пирамиду другой, а колонну третій, и такъ далѣе, съ разными по ихъ мнѣнію надписями. Я мыслю, что паматникъ соотвѣтствовать долженъ во всемъ цѣли своей и времени, то есть, когда и для чего воздвигнутъ.

Война сія, повидимому долженствовавшая рѣшить судьбу Россіи, потрясти основанія гражданскихъ и политическихъ связей ея, и даже самой Вѣры, не есть обыкновенная; почему и памятникъ долженъ быть таковой же. Провидѣніе Божіе, помощію Вѣры и народнаго духа, спасло насъ. Ему благодарность, — и памятникъ Ему же принадлежитъ. Боже упаси насъ содѣлаться несмысленными обезьянами обезьянъ древнихъ, забывъ (и въ какое притомъ время!), что мы не идолопоклонники. Обелиски, пирамиды и тому подобное, льстятъ надменности и гордости человѣческой, но ни мало не удовлетворяютъ благородному, благодарности преисполненному сердцу христіанина. Итакъ сердце мое и умъ согласно требуютъ воздвигнуть храмъ Спасителю въ Москвѣ, подъ именемъ Спасскаго Собора, который одинъ можетъ удовлетворить во всѣхъ отношеніяхъ ожиданію каждаго.

Я говорю въ Москвѣ; ибо тамъ, въ сердцѣ Россіи, надменный врагъ чаялъ нанести смертный ударъ народу русскому; тамъ дерзнулъ онъ на святотатство; тамъ Провидѣніе положило предѣлъ пагубнымъ замысламъ его на родъ человѣческой; тамъ началась гибель несмѣтныхъ силъ вражескихъ. Воздавъ Божіе Богови, тѣснѣе сопряжемся съ Вѣрою, и потомство навсегда имѣть будетъ предъ глазами памятникъ признательности нашей къ Нему, а не киченію, приписывающему все себѣ: киченіе недостойное,

непростительное и совершенно несправедливое въ сей войнѣ. Конецъ 18-го столѣтія довольно ознаменованъ ложными умствованіями, потрясшими вѣру въ большей части Европы; пожаръ сей распространяясь доходилъ до насъ, но къ счастію нашему однѣ искры успѣли токмо закрасться въ головы мнимо-просвѣщенныхъ. Ужасныя послѣдствія онаго, угрожавшія и намъ самимъ, не должны ли вразумить насъ? Не само ли Провидѣніе доставляетъ намъ удобный случай сей, дабы неоспоримо и разительно убѣдить каждаго въ томъ, что можетъ въ народѣ Вѣра! Испанія и Россія ясно то доказываютъ. Предположивъ даже и самаго невѣрующаго, не думаю, чтобъ могъ не согласиться, по однимъ видамъ такъ называемой политики, что сія есть первая и сильнѣйшая пружина, помощію которой правительство можетъ вести многочисленные народы къ цѣли своей; слѣдственно и въ семъ случаѣ благоразуміе одно заставитъ сдѣлать тоже.

Чувствую, что напрасно распространяюсь о семъ съ вами; кто лучше и болѣе насъ убѣжденъ въ томъ? И такъ изложу токмо вообще что бы мнѣ казалось нужнымъ; дополнить и усовершенствовать — ваше дѣло.

Храмъ Спасителю — на великолѣпной площади (что теперь въ Москвѣ кажется не трудно будетъ); на площади сей, изъ непріятельскихъ пушекъ сдѣлать искусственно ограду, или другое что, какъ-то: врата изъ пирамидъ или колоннъ, предоставя художникамъ на произволъ; внутри храма, помѣстить всѣхъ народовъ съ нами воевавшихъ знамена, штандарты и прочіе трофеи, разумѣется что съ искусствомъ. Въ ономъ храмѣ непремѣнно должно соорудить придѣлъ усопшимъ на полѣ чести, коихъ имена вырѣзать на доскахъ мѣдныхъ: нижнихъ чиновъ — числомъ, съ означеніемъ токмо полковъ, дворянства же всего поименно, ибо утѣшительно матери читать имя сына своего, или сыну — имя отца, положившаго голову свою въ священную минуту защиты оскорбленнаго и гибнувшаго отечества. Надпись на фронтонѣ, по моимъ мыслямъ, придумана лучше быть не можетъ и сообразнѣе цѣли всего памятника, какъ: Не намъ, Господи, не намъ, но имени Твоему даждь славу.

Но я не окончилъ, и испрашиваю снисхожденія и терпѣнія; у кого журналы на столѣ, какъ у васъ, и громада бумагъ, какъ у меня, тому, кажется, терпѣнью не учиться.

И такъ еще желалъ бы (жаль, что не въ моей власти, и голосъ мой незначущъ!), чтобы назначено было трехъ-дневное празднество ежегодно, въ день очищенія границъ нашихъ отъ со-

постата: первый день посвященъ былъ бы Вѣрѣ, и слѣдственно для духовенства со всея Москвы крестный ходъ; молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ и панихида за усопшихъ; войска подъ ружьемъ. Второй день: празднество военное, дабы ежегодно возобновлялась память славы нашего оружія, и чѣмъ каждый изъ воиновъ обязывается передъ отечествомъ. Третій день: празднество народное, передающее въ потомство безсмертную честь, каковою покрылись въ сію войну наши Православные, и вмѣстѣ съ тѣмъ всегдашній страхъ врагамъ земли Русскія.

Могъ бы распространиться разсужденіями, доказательствами, но что истинно хорошо — не имѣетъ въ ономъ нужды; что же худо, — то дѣлается несноснымъ; и для того удержусь, оставя на произволъ рѣшенію вашему, коему покоряюсь, чувствуя ничтожность силъ своихъ. Мысли сіи о памятникѣ рождены были уже давно, и гораздо прежде, нежели я получилъ рисунокъ колонны г. Оленина[1]), въ чемъ ссылаюсь на князя Петра Михайловича Волконскаго; слѣдственно, не имѣя въ виду именно онаго рисунка его, не менѣе, какъ видите, я ожидалъ подобнаго. Прибавлю токмо то, что я остаюсь при мнѣніи своемъ, и замѣчу, что не знавъ точно художника, могъ бы подумать на Томана, Готенбергера[2]) и проч., и отнюдь не хотѣлъ бы съ ними встрѣтиться въ мысляхъ въ подобное время. Я не болѣе поручилъ бы имъ, какъ искусственное устройство пушекъ вокругъ храма: сіе принадлежитъ художникамъ, ибо касается до вкуса и науки; а гдѣ должны входить чувства и сердце, то дѣло не ихъ.

Позабылъ сказать о важнѣйшемъ пожертвованіи, которое я намѣренъ сдѣлать въ семъ случаѣ, и какою ни одна держава сдѣлать не въ состояніи: — Еще за 2500 лѣтъ въ Архипелагѣ, на островѣ Мелосѣ, находился большой обдѣланной камень, которой служилъ жертвенникомъ жителямъ, въ идолопоклонствѣ тогда пребывавшимъ. Съ начала же самаго введенія христіанской православной вѣры, и во время гоненія оной, жертвенникъ сей обращенъ былъ, для принесенія наономъ моленій Господу Богу нашему жителями острова Мелоса и другими, туда отъ гоненія укрывавшимися.

---

[1]) Статсъ-секретарь Алексѣй Николаевичъ Оленинъ, извѣстный покровитель и любитель искуствъ, былъ въ это время директоромъ публичной библіотеки; потомъ онъ долгое время былъ президентомъ академіи художествъ.

[2]) Иностранцы художники, поселившіеся въ Россіи. Французъ Томонъ, архитекторъ, строитель Большаго Театра и Биржи, въ Петербургѣ, Одесскаго госпиталя и Полтавскаго памятника.

Англійскій генералъ г. Вильсонъ, въ путешествіи своемъ, какъ драгоцѣнную рѣдкость, съ большими трудами и пожертвованіями, успѣлъ достать оный, и имѣетъ извѣстіе, что онъ привезенъ уже въ Англію. Его намѣреніе было и прежде отдать его Россіи, яко старшей церкви греческаго исповѣданія; узнавъ же отъ меня о планѣ моемъ, подарилъ его мнѣ, дабы я располагалъ имъ по моему произволу, съ условіемъ, чтобы то было въ Россіи. Я увѣренъ, что древность таковая, освященная чрезъ толикія столѣтія молитвами ко Всевышнему, дѣйствительно драгоцѣнна.

Еще думаю я, что война сія, прославившая Россію, утвердившая и показавшая цѣлому свѣту силу и могущество ея, распростанитъ пользу и на другіе народы; и если Богъ поможетъ намъ, то Испанія, Италія и другія державы одолжены будутъ намъ же спасеніемъ своимъ: въ такомъ случаѣ, конечно онѣ захотятъ участвовать въ созиданіи величественнаго и знаменитаго храма сего: — украшая его, увеличатъ и увѣковѣчатъ вмѣстѣ честь и славу земли Русскія.

Неблагодарно и несправедливо было бы умолчать, сколько мы обязаны твердости Государя нашего. Потеря Москвы намъ была тѣмъ разительнѣе, что мы страшились, и, увѣряю честію васъ, что отъ перваго до послѣдняго всѣ содрогались даже отъ единаго помышленія о мирѣ. Уничиженіе, бремя тяжкое, удручало каждаго! но твердый и навсегда незабвенный отзывъ его полковнику Мишо [1]), неоднократно и въ разное время имъ повторенный, не токмо успокоилъ насъ, но вселилъ новую душу, и съ сея минуты просіяла несомнѣнная надежда возвратить Россію на прежнюю степень ея величія. Кто не знаетъ, что можетъ надъ умами человѣковъ твердость единаго изъ нихъ, а тѣмъ паче Царя своего! Безпристрастный историкъ конечно выведетъ ужасныя послѣдствія, которыя война сія долженствовала имѣть для Россіи, еслибъ твердость Монарха ея не обратила всѣ бѣдствія въ источникъ будущаго ея благосостоянія. Важность войны сей, великія дарованія и могущество противника, совершенное истребленіе всѣхъ силъ его, и спасеніе отечества помѣстило уже предводителя нашего наряду съ первѣйшими полководцами въ мірѣ. Наконецъ мужество арміи и понесенные ею труды, равномѣрно участіе, которое имѣли всѣ сословія гражданъ въ сей незабвенной войнѣ,

---

[1]) Присланному Кутузовымъ съ донесеніемъ о потерѣ Москвы. Разговоръ его съ государемъ см. во II томѣ Исторіи отечественной войны г. Богдановича, стр. 288—290.

должны обратить на себя вниманіе. Итакъ можно бы на четырехъ сторонахъ храма соорудить на сей площади еще четыре обелиска: одинъ императору, другой главноначальствующему, третій войску, четвертый народу. Но здѣсь останавливаетъ меня одна мысль: прилично ли, не надменно ли будетъ, воздвигая храмъ Спасителю, на вѣчную память нашей къ нему признательности, присоединить къ оному памятники, въ честь самимъ намъ сооруженные? Впрочемъ мнѣніе частнаго человѣка не есть рѣшительный приговоръ, и я весьма далекъ отъ подобнаго самолюбія. Предметъ государственный долженъ быть здраво обдуманъ людьми умными и знающими. Написавъ мнѣніе мое, предоставляю вамъ сдѣлать, по усмотрѣнію вашему, какое угодно употребленіе. Все что могу надѣяться состоитъ въ томъ, что не откажите мнѣ изъявленіемъ мыслей вашихъ съ откровенностію на сей щетъ.

Истинно и душевно почитающій и преданный вамъ

Петръ Кикинъ.

Декабря дня 1812 года. Городъ Вильно.

ОТЪ Г. Р. ДЕРЖАВИНА.

М. г. м. А. С.

Подноситель сего письма вашему превосходительству есть самый тотъ, который переводилъ на нѣмецкій языкъ сочиненія вашего Всемилостивѣйшій и славный манифестъ, изданный сего года въ 1-й день генваря [1]). Естьли переводчикъ удачно изобразилъ ваши мысли и предъ прочими переводчиками вразумительнѣе, то и безъ моей просьбы заслужилъ ваше благорасположеніе. Естьлижъ ему въ томъ не пощастливилось, то по усердію его въ семъ трудѣ, а паче по доброму вашему сердцу помогать ближнимъ, сколько гдѣ можно, осмѣливаюсь васъ просить принять его въ ваше покровительство и рекомендовать по знакомству вашему кому либо изъ генеральнаго штаба Государя Императора. Онъ человѣкъ съ нарочитыми способностями, хорошаго поведенія, честный, но бѣдный, такъ что не имѣетъ почти съ женою своею и съ дѣтьми дневнаго пропитанія, будучи на маломъ жалованьѣ въ службѣ военно-сиротскаго дома; не дурно по Руски пишетъ и можетъ быть съ пользою употребленъ на службу. Симъ вы изволите доставить оной способнаго человѣка и заслужить вѣчную себѣ благодарность.

Московскій пріѣзжій авторъ, Николай Михайловичъ Карам-

---

[1]) См. въ I т. Записокъ, стр. 471—479.

зинъ [1]), будетъ ко мнѣ въ наступающій вторникъ обѣдать: не угодно ли и вамъ будетъ ко мнѣ пожаловать и составить пріятную компанію. Мнѣ чрезвычайно хочется познакомить васъ [2]). Пребывая въ прочемъ съ истиннымъ почтеніемъ, и проч..

(на подл. подп.) Гавріилъ Державинъ.

Февраля 12 дня 1816 г.. Суббота.

(Въ низу собственною рукою написано:) *я крайне нездоровъ.*

КЪ ЕЯ ВЫСОЧЕСТВУ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНѢ АННѢ ПАВЛОВНѢ.

Ваше Императорское Высочество, Милостивая Государыня.

Издавъ по Высочайшему повелѣнію книгу подъ названіемъ: Собраніе манифестовъ и другихъ государственныхъ бумагъ, писанныхъ въ теченіе 1812-го и послѣдующихъ годовъ, я почитаю долгомъ препроводить оную къ Вашему Высочеству, яко содержащую въ себѣ произшествія, достойныя сохраненія въ памяти потомства, какъ Россіянъ, такъ и другихъ народовъ. Исполняя сію лестную для меня обязанность, поставляю за особливое въ жизни моей благополучіе, что случай сей подаетъ мнѣ способъ изъявить предъ Вами то глубочайшее почитаніе и совершенную преданность, съ каковыми имѣю щастіе быть

Вашего Императорскаго Высочества всепокорнѣйшій

А. Ш.

КЪ ЕЯ ВЫСОЧЕСТВУ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНѢ МАРІИ ПАВЛОВНѢ.

Ваше Императорское Высочество, Милостивая Государыня.

Поставляю себѣ за особливое щастіе, что имѣю долгъ препроводить къ Вашему Высочеству изданную мною по Высочайшему повелѣнію книгу, подъ названіемъ: Собраніе манифестовъ и другихъ государственныхъ бумагъ, писанныхъ въ теченіе 1812-го и послѣдующихъ годовъ. Книга сія содержитъ въ себѣ тѣ знаменитыя произшествія, которыя достойны сохраниться въ памяти

---

[1]) Пріѣхавшій тогда въ Петербургъ, для представленія государю первые восемь томовъ своей исторіи.

[2]) Въ письмѣ, отъ 14 февр. 1816 г., Карамзинъ писалъ къ женѣ: „Нынѣшній день буду у Державина обѣдать со всѣми моими смѣшными непріятелями, и скажу имъ: есмь единъ посредѣ васъ и не устрашуся!“ — 18 февр.: „славный мой обѣдъ съ непріятелями не былъ для нихъ веселъ: всѣ сидѣли нахмурясь, хотя я и старался забавлять ихъ грамматикою, синтаксисомъ, этимологіею.“ (Неизданныя сочиненія и переписка Карамзина, т. I, стр. 148 и 150.)

не токмо Россіянъ, но и всѣхъ народовъ. Событія сихъ временъ покрываютъ славою Государя Императора и народъ Россійскій. Извѣстно отечеству нашему, сколь слава сія пріятна сердцу Вашего Императорскаго Высочества, и я бы не смѣлъ рѣшить вопроса: что больше — Ваша ли къ Россіи любовь, или благодарность ея къ Вамъ? По собственному опыту моему знаю, что какъ милостей ко мнѣ Вашихъ нѣтъ примѣра, такъ и глубочайшему почитанію и преданности моей къ Вамъ нѣтъ предѣловъ. Съ сими никогда неизгладимыми во мнѣ чувствованіями, имѣю щастіе быть

Вашего Императорскаго Высочества всепокорнѣйшій

А. Ш.

ОТЪ И. НАУМОВА.

Ваше превосх., мил. гос..

Позвольте мнѣ признаться по душѣ предъ в. п., что я принялъ вашу ссуду, сто рублей, истинно за доказательство христіанскаго милосердія вашего. По сему чувствованію благодарности моей къ добродѣтели вашей, ссуда ваша мнѣ употреблена будетъ на Пасху и на удѣленіе изъ оной священникамъ, при прославленіи ими у меня Воскресенія Христова. Самъ Богъ васъ не оставитъ за гробомъ своимъ благоволеніемъ за такое снисхожденіе ко мнѣ. О семъ я въ грѣшномъ сердцѣ моемъ молю Его всесильную святость, въ которой сопрягается, по нашему понятію, правда съ милосердіемъ. Въ душѣ моей отъ искренности цѣлую вашу благодѣющую руку. Коль скоро я сдѣлаюсь здоровѣе отъ перенесенія извѣстія о смерти старшаго брата моего, то явлюсь лично къ вамъ, какъ къ моему благодѣтелю, съ нелицемѣрнымъ поклоненіемъ личности моей предъ особою вашею. Между же тѣмъ осмѣливаюсь представить благоразсужденію в. п. образъ моихъ мыслей съ тою довѣренностію, что вы оный, естьли возможно вамъ употребить его, то конечно дадите ему ходъ, а естьли невозможно, то оставите у себя. Штыкъ имѣетъ свое дѣйствіе, а перо свое. Вы трудомъ вашимъ по перу достигли того, что потомство признаетъ васъ спасителемъ отечества, поелику труды ваши возбудили отечественный духъ къ освобожденію отечества. Но справедливость должна быть удовлетворена: ополченіе не награждено надлежащимъ знакомъ. О семъ предметѣ я представляю ваш. превосх. мои мысли. Манифесты, какіе были издаваемы, по довѣренности къ вамъ Государя, изъ подъ пера вашего, дѣйствительно возбудили народный духъ на пораженіе враговъ.

Сіе я говорю по сердцу и совѣсти. Съ благоговѣніемъ повергаюсь къ стопамъ вашимъ, какъ содѣйствующимъ спасенію отечества.

Вашего превосходительства, и проч..

(на подл. подписано:) Иванъ Наумовъ.

21 Марта 1817 года.

ОТЪ ГР. Ѳ. П. САЛТЫКОВА [1]).

Милост. гос. Ал. Сем.

Общество соревнователей просвѣщенія и благотворенія [2]), уважая въ полной мѣрѣ какъ глубокія познанія ваши въ наукахъ отечественной словесности, такъ и стремленіе къ благотворенію, избрало васъ, на основаніи § 33 устава своего, почетнымъ членомъ и опредѣлило журналомъ своимъ, въ 4-й день сего декабря состоявшимся, о семъ сообщить вашему превосходительству.

Будучи предсѣдателемъ сего Общества, я съ особеннымъ удовольствіемъ поспѣшаю исполнить возложенное на меня порученіе и извѣстить васъ, милостивый государь, что, по Высочайшемъ утвержденіи устава, я буду имѣть честь препроводить къ в. п. печатный экземпляръ онаго, вмѣстѣ съ дипломомъ на званіе почетнаго члена. — Съ истиннымъ почитаніемъ, и проч..

(на подлин. подп.) Графъ Сергій Салтыковъ.

No. 237.

Декабря 13 дня 1817 г..

Его превосх. А. С. Шишкову.

На сіе письмо отвѣтствовано отъ меня обыкновеннымъ благодарнымъ письмомъ.

ПОЛУЧЕННАЯ МНОЮ БУМАГА.

Его превосходительству господину почетному члену Высочайше утвержденнаго Вольнаго Общества любителей россійской словесности и кавалеру Александру Семеновичу Шишкову.

Общество, продолжая изданіе трудовъ своихъ и на 1822-й годъ, подъ тѣмъ же названіемъ: *Соревнователь просвѣщенія и благотворенія*, долгомъ поставляетъ препроводить къ вашему

---

[1]) Сенаторъ гр. Сергѣй Петровичъ, сынъ маіора гр. Петра Владиміровича Салтыкова, дѣтямъ котораго, носившимъ фамилію Каргопольскихъ, императоръ Павелъ предоставилъ право носить фамилію графовъ Салтыковыхъ.

[2]) См. Мнѣніе Шишкова объ уставѣ этого Общества, на стр. 156—159.

превосходительству первую книжку сего журнала; послѣдующія же будутъ въ свое время немедленно доставлены.

(на п. п.) Предсѣдатель Общества Федоръ Глинка.
Секретарь Общества Андрей Никитинъ.
9 Генваря 1822. No. 65.

МОЙ НА ОНОЕ ОТВѢТЪ.

Милостивый государь мой, Федоръ Николаевичъ.

Я имѣлъ честь и удовольствіе, при отношеніи ко мнѣ, получить отъ Вольнаго Общества любителей россійской словесности продолжаемое имъ на сей годъ изданіе, подъ названіемъ: *Соревнователь просвѣщенія и благотворенія.* Пріемля даръ сей съ отличнымъ уваженіемъ, я прошу васъ, милостиваго государя, яко предсѣдателя сего почтеннаго Общества, засвидѣтельствовать предъ нимъ, мою покорнѣйшую благодарность, и какъ мнѣ извѣстно, что оно получаемые съ трудовъ своихъ доходы посвятило употреблять на разныя полезныя дѣла, то, желая по силамъ моимъ соучаствовать въ толь благомъ намѣреніи, я прошу къ доходамъ симъ причислить прилагаемые при семъ сто рублей ассигнаціями. Не число, но усердіе да будетъ въ нихъ уважено.

Съ истиннымъ почитаніемъ и совершенною преданностію честь имѣю быть,

милостивый государь мой,
вашъ покорнѣйшій слуга
А. Ш.

13 генваря 1822 года.
Его высокоблаг. Фед. Никол. Глинкѣ.

ПОЛУЧЕННАЯ МНОЮ БУМАГА.

Его превосходительству господину почетному члену Высочайше утвержденнаго С. Петербургскаго Вольнаго Общества любителей россійской словесности и кавалеру Александру Семеновичу Шишкову.

Общество имѣло честь получить при почтеннѣйшемъ и лестномъ для него отношеніи вашего превосходительства, отъ 13 сего декабря, ассигнаціею сто рублей, которые вамъ угодно было присовокупить къ суммѣ назначенной на благотвореніе. За сей даръ и за благосклонное вниманіе къ цѣли трудовъ его, Общество считаетъ долгомъ принести вашему превосходительству истинную и совершенную благодар-

ность, удостовѣряя притомъ, что оно никогда не измѣнитъ чувствъ отличнаго уваженія къ высокому просвѣщенію и добродѣтелямъ знаменитаго въ отечествѣ нашемъ мужа, котораго вся жизнь есть ничто иное, какъ безпрестанное продолженіе трудовъ, подъемлемыхъ для пользы россійскаго слова и для блага подвизающихся на поприщѣ наукъ и литтературы.

(на п. п.:) Предсѣдатель Общества Федоръ Глинка.
Секретарь Общества Андрей Никитинъ.

16 генваря 1822. No. 108.

ОТЪ ГР. А. А. АРАКЧЕЕВА.

Милостивый государь мой Александръ Семеновичъ!

По приближающемуся разрѣшенію отъ бремени Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Александры Феодоровны, предстоитъ надобность въ изготовленіи приличнаго на сей случай манифеста. Государь Императоръ, поручая заняться симъ вашему превосходительству, Высочайше повелѣть изволилъ, по изготовленіи проэкта оному манифесту, доставить его ко мнѣ на тотъ конецъ, дабы Его Величество могъ имѣть его съ собою во время Высочайшаго путешествія тамъ, гдѣ нужно будетъ его издать; о семъ сообщая вамъ, милостивый государь мой, препровождаю при семъ согласно съ Монаршею волею и копіи съ манифестовъ, которые на подобные случаи въ разныя времена были издаваемы, и которые съ проэктомъ вашимъ прошу также мнѣ возвратить.

Имѣю честь быть, съ отличнымъ почтеніемъ и преданностію
Вашего превосходительства покорный слуга
(на подл. подписано:) Графъ Аракчеевъ.

Москва. 20 февраля 1818 г..
Его пре-ву А. С. Шишкову.

Получено тогожъ мѣсяца 26 дня, и на другой день проэктъ манифеста посланъ съ приложеніемъ къ оному требуемыхъ въ возвратъ бумагъ [1]).

КЪ ОСИПУ ПЕТР. КОЗАДАВЛЕВУ [2]).

Милост. гос. мой Ос. Петр..

Я видѣлъ въ Сѣверной Почтѣ напечатанную Академическую статью, и крайне удивился сдѣланному на нее примѣчанію, гдѣ

---

[1]) 17-го апрѣля 1818 г., въ Москвѣ, родился нынѣ царствующій Государь Императоръ.

[2]) О. П. Козадавлевъ основалъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ газету „Сѣверную Почту.“

при словѣ *упалое* мѣсто сказано, что издатель Сѣверной Почты присланное изъ Академіи помѣщаетъ безъ *малѣйшей перемѣны* [1]). Я никакъ не думаю, чтобъ таковую выноску приказано было сдѣлать отъ васъ, но увѣренъ, что господину издателю газеты самому разсудилось оную поставить. А потому и прошу васъ покорнѣйше приказать лучше не принимать Академическихъ статей, нежели помѣщать ихъ съ такими замѣчаніями, которыя отнюдь не такъ тонки, чтобъ не видно было ихъ намѣренія. Съ какой стати газетчикъ о присланныхъ къ нему для напечатанія моихъ словахъ (при которыхъ имя мое поставлено) говоритъ, что онъ печатаетъ ихъ *безъ малѣйшей перемѣны?* Это всякъ и безъ предувѣдомленія его знаетъ, что я не дамъ ему себя поправлять, и что онъ самъ собою не долженъ и не можетъ сего дѣлать, ибо выставляетъ мои слова, а не свои; слѣдовательно худы ли онѣ, хороши ли, онъ за нихъ не отвѣтствуетъ. Къ чемужъ иному такое замѣчаніе, какъ не къ тому, чтобъ дать почувствовать, что онъ находитъ въ нихъ такія по его мнѣнію худости, о которыхъ онъ даетъ знать, что бы онъ ихъ не сказалъ. Повидимому не понравилось ему слово *упалое* мѣсто. Можетъ быть, по его, надлежало бы сказать *вакантное.* Но не входя въ споры о словахъ, мѣсто ли тутъ учить меня, какъ писать? Пусть, естьли хочетъ, напишетъ о худости сего слова особое разсужденіе, тогда можно будетъ видѣть, правъ ли онъ, или не правъ. Но дѣлать мимоходомъ такія критическія, мнимо-хитрыя замѣчанія, при издаваніи присылаемыхъ изъ Академіи статей, признаюсь, есть нѣчто свыше моего понятія о пристойности вещей. Какая будетъ изъ того польза, естьли я на подобную критическую (ибо нельзя ее назвать иною) выноску сдѣлаю мое критическое примѣчаніе? Съ тѣмъ ли статьи сіи посылаются, чтобъ изъ того возникли такія распри, какія къ смѣху читателей печатаются иногда въ журналахъ? Между тѣмъ и сносить съ молчаніемъ то, что обо мнѣ дается знать въ публику, я не намѣренъ. Повѣрьте мнѣ, что причиною сего письма моего есть истинное мое почтеніе къ вамъ; иначе то, что я здѣсь пишу, я бы напечаталъ, и отнюдь не побоялся бы возраженій. По сей причинѣ я прошу васъ, милостивый государь, объ одномъ изъ двухъ: или приказать не принимать Академическихъ статей (кои я по собственному вашему же-

---

[1]) Выраженіе упалое мѣсто было употреблено Шишковымъ, въ засѣданіи Россійской Академіи, при предложеніи къ выбору въ члены Н. М. Карамзина (10 іюля 1818 г.).

ланію, изъ отличнаго почитанія моего къ вамъ, сталъ предпочтительно посылать въ Сѣверную Почту), или воспрепятствовать господамъ издателямъ оной дѣлать подобныя замѣчанія, на которыя мнѣ и молчать и отвѣчать уничижительно. — Съ совершеннымъ почитаніемъ и преданностію имѣю честь быть

Ваш. превосх. покорнѣйшій слуга

А. Ш.

17 октября 1818 г..

ОТВѢТЪ.

Милост. гос. мой Алексан. Сем..

Еще до полученія письма вашего превосходительства я сдѣлалъ строгое замѣчаніе редактору Сѣверной Почты за сдѣланную имъ выноску при Академической статьѣ. Онъ оправдывается, что сіе сдѣлано имъ безъ всякаго оскорбительнаго умысла, а единственно для того, дабы не подумали, что онъ дѣлаетъ какія либо перемѣны; ибо весьма часто случается, что присылаемыя статьи, по пространству своему не позволяющія помѣстить ихъ отъ слова до слова, сокращаются. Не принимая однакожъ ничего въ оправданіе, я, по полученіи вашего письма, вновь сдѣлалъ ему замѣчаніе и приказалъ, чтобъ впредь никакихъ подобныхъ выносокъ онъ не дѣлалъ. Я весьма и весьма благодаренъ вашему превосходительству за столь откровенное изъясненіе въ письмѣ вашемъ ко мнѣ. Сіе пріемлю я знакомъ тогоже вашего благорасположенія, коимъ я всегда пользовался. Я увѣренъ, что вы по прежнему будете присылать Академическія статьи, а они будутъ печатаны исправно. — Съ совершеннымъ почитаніемъ и преданностію честь имѣю быть

Ваш. пр. покорнѣйшимъ слугою.

(На подлинномъ подписано:) Осипъ Козадавлевъ.

С. Петерб.. 18 октября 1818 г..

Я отвѣтствовалъ на сіе письмо, что я благодарю его превосходительство, и далѣе моихъ требованій не простираю; что впрочемъ г. редакторъ напрасно оправдывается, ибо такое оправданіе его служитъ ему обвиненіемъ въ толь неимовѣрной недогадкѣ, которую всякой бы постыдился себѣ присвоить; и наконецъ прошу еще дать знать ему, что я не позволю никому себя колоть, и самъ гораздо больнѣе уколю, и проч..

ОТЪ ГР. МОДЕНА[1]).

Мил. гос. Ал. Сем.,

По препорученію в. п., я имѣлъ честь докладывать Его Императорскому Высочеству Государю Великому Князю Николаю Павловичу, что вы желаете пріѣхать, для приглашенія Его Высочества въ собраніе здѣшней Императорской Академіи, назначенное 5 числа будущаго мѣсяца, то когда угодно Ему будетъ назначить для сего время. Его Высочество приказать мнѣ соизволилъ благодарить в. п. за сіе ваше намѣреніе, извѣстивъ притомъ, что хотя Онъ и желалъ бы быть въ семъ собраніи, но, по занятію Его дѣлами, не можетъ сего исполнить, и, считая уже себя приглашеннымъ, проситъ в. п. для сего не безпокоиться своимъ пріѣздомъ. — Исполнивъ симъ волю Его Высочества, имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ,

мил. гос., в. п. покорнѣйшій слуга
(на подл. подп.) Гр. Моденъ.

Ноября 30 дня 1818 г.,
Его превосх. А. С. Шишкову.

ОТЪ Н. М. ШАТРОВА[2]).

Мил. гос. Ал. Сем.,

Благосклонный взглядъ, обращенный вами на ничтожное произведеніе моего пера неученаго, поселяетъ въ душѣ моей совершенную благодарность. Удостойте принять ее отъ пѣвца неизвѣстнаго, который поставляетъ себѣ закономъ быть всегда и безусловно вамъ послушнымъ. Предложеніе сдѣланное мнѣ, по приказанію вашего превосходительства, Федоромъ Николаевичемъ Глинкою[3]) я пріемлю, и съ должнымъ уваженіемъ, и съ глубокимъ почтеніемъ къ особѣ вашей. Слабыя пѣсни пѣвца безвѣстнаго въ непродолжительномъ времени предстанутъ суду почтеннаго начальника Россійской Академіи. Да будетъ судъ его растворенъ милостію и правдою! Тотъ, который совершеннымъ знаніемъ отечественной словесности, дарованіемъ истиннаго витійства стоитъ рядомъ съ русскимъ Пиндаромъ, Демосѳеномъ, безсмертнымъ Ломоносовымъ, тотъ силенъ обезсмертить и пѣвца ничтожнаго, ко-

---

[1]) Гавріила Карловича.

[2]) Николай Михайловичъ Шатровъ авторъ многихъ духовныхъ пѣсенъ и подражаній псалмамъ.

[3]) Ѳ. Н. Глинка упражнялся въ томъ же родѣ поэзіи, какъ и Шатровъ, и пріобрѣлъ своими духовными стихотвореніями большую извѣстность.

торый поетъ единственно во славу истины по одному чувству души своей и, съ сердечной довѣренностію посвящая свои простыя пѣсни знаменитому, ставитъ за безпредѣльную честь пребывать и называться всегда

ваш. превосх., мил. гос., покор. слуга
(На подл. подп.) Николай Шатровъ.

Москва. Декабря 24 дня 1818 года.

ОТЪ И. И. ЛЕВАНДЫ.

Мил. гос. Ал. Сем..

Получа по праву наслѣдства слабую часть спасенныхъ отъ пожара рукописей покойнаго родителя моего Кіево-Софѣйскаго собора протоіерея и разныхъ орденовъ кавалера Іоанна Леванды [1]), состоящихъ въ 91-й проповѣди, и 102-хъ рѣчахъ, поистинѣ интересующихъ словесность россійскаго языка, но по скудости моей не будучи въ состояніи издать оныхъ въ свѣтъ собственнымъ иждивеніемъ, — съ надеждою прибѣгаю къ в. п., яко природному покровителю всѣхъ произведеній служащихъ примѣромъ красоты и краснорѣчія россійскаго языка, каковыми слывутъ въ публикѣ тѣ, о коихъ рѣчь настоитъ; и всепокорнѣйше прошу, на основаніи устава Императорской Россійской Академіи, принявъ оныя въ особое ваше покровительство, милостиво исходатайствовать отъ щедротъ Всемилостивѣйшаго Государя Императора, дабы реченныя творенія покойнаго родителя моего, кои въ подлинникѣ при семъ честь имѣю препроводить, изданы были въ свѣтъ казеннымъ иждивеніемъ, въ пользу старшаго сына сочинителя, коему въ наслѣдство ничего кромѣ сихъ рукописей не досталось. — Съ глубочайшимъ почитаніемъ, и проч..

(На подлинномъ подписано:) Иванъ Леванда.

С. Петербургъ. Декабря 30 дня 1818 г..

Его пр. А. С. Шишкову, Императорской Академіи Г-ну Президенту

На сіе письмо отвѣтствовано отъ меня, чтобъ отнесся съ сими сочиненіями къ министру духовныхъ дѣлъ и просвѣщенія князю Голицыну, и что когда отъ него не получитъ удовлетворенія, тогда обратился бы съ просьбою къ Академіи, которая оную разсмотритъ, и естьли можно будетъ, то окажетъ ему свое пособіе [2]).

---

[1]) Умеръ 25 іюня 1814 г..

[2]) Три части твореній Леванды были изданы въ Петербургѣ, въ 1821 году.

ПЕРЕПИСКА СЪ И. И. ДМИТРІЕВЫМЪ.

1.

ПИСЬМО КО МНѢ.

Мил. гос. А. С.,

Неисправное изданіе моихъ стихотвореній [1]) удостовѣрило меня въ справедливости нашей пословицы: нѣтъ худа безъ добра. По крайней мѣрѣ оно доставило мнѣ удовольствіе получить благосклонное ваше писаніе, за которое приношу вашему превосходительству чувствительную мою признательность. Не только повинуясь лестному для меня вашему приглашенію, но и по долгу члена уважаемаго мною сословія и по собственному моему честолюбію, охотно бы я сообщалъ въ Академію мои произведенія; но совершенная отвычка, въ продолженіи осмилѣтней моей гражданской службы, отъ авторскихъ занятій, а притомъ и постигшая меня старость — причиною, что я уже не смѣю приниматься за лиру. Сожалѣю теперь, что въ молодости не довольно навыкалъ къ прозѣ; однакожъ, по окончаніи возложенной на меня коммисіи [2]), постараюсь испытать силы мои въ послѣднемъ родѣ. Естьли удастся написать что либо, чѣмъ я самъ буду доволенъ, тогда не преминую предать мои мысли проницательному суду вашего превосходительства.

Не преминую между тѣмъ сообщить здѣшнимъ словесникамъ о благодѣтельномъ расположеніи Академіи содѣйствовать къ освобожденію ихъ отъ ига полуграмотныхъ книгопродавцевъ-издателей [3]). Говоря о словесникахъ, я имѣю въ виду больше сочинителей учебныхъ книгъ и переводчиковъ, которые въ бездѣйствіи своемъ или въ маловажныхъ занятіяхъ обыкновенно извиняются тѣмъ, что сами они не въ состояніи печатать классическихъ произведеній, а книгопродавцы берутъ отъ нихъ только переводы однихъ романовъ, да и то въ *новѣйшемъ вкусѣ*. Это любимое

---

[1]) Въ 1818 г. вышло пятое изданіе сочиненій Дмитріева.

[2]) Въ 1816 году, Дмитріевъ былъ назначенъ предсѣдателемъ вновь учрежденной коммиссіи для пособія разореннымъ въ Москвѣ отъ пожара и непріятеля, занятія которой продолжались до половины 1819 года: разсмотрѣно было 20.959 прошеній; по 15.330 изъ нихъ, назначено было въ пособіе 1.391.280 рублей. (Записки Дмитріева, ч. III, стр. 241—244.)

[3]) Въ засѣданіи 21 декабря 1818 г., Шишковъ предложилъ учредить особый комитетъ, для разсматриванія сочиненій и переводовъ тѣхъ писателей, которые обращаются въ Академію съ просьбами о вспомоществованіи, и оказанія имъ пособія въ изданіи одобренныхъ комитетомъ рукописей.

слово въ ихъ объявленіяхъ. — Впрочемъ съ соверш. почт. и предан. имѣю честь быть,

мил. гос., ваш. превосх. покорн. слуга
(на подлинномъ подписано:) Иванъ Дмитріевъ.
Москва. 1818. Декабря 23-го.

2.
ОТВѢТЪ.

Мил. гос. Ив. Иван..

Я имѣлъ удовольствіе получить пріятное ваше письмо и еще пріятнѣйшее обѣщаніе присылать сочиненія ваши въ Академію. Да не охладится никогда мысль ваша къ совершенію сего обѣта! Вы изъявляете сожалѣніе свое, что *въ молодости не довольно навыкали къ прозѣ;* позвольте мнѣ сказать вамъ на это два возраженія: первое, кто хорошо думаетъ, тотъ и безъ навыку хорошо напишетъ; а потому вы не имѣете нужды сожалѣть о непривычкѣ. Второе, хотя должность Академіи разсуждать о языкѣ, но она и въ стихахъ столько же любитъ видѣть его исправнымъ и цвѣтущимъ, какъ и въ прозѣ. Чтожъ принадлежитъ до отговорки вашей старостію, то мнѣ кажется, что естьли старость съ одной стороны (и то сомнительно) теряетъ живость чувствъ и пылкость воображенія, то съ другой пріобрѣтаетъ больше опытности, здравыхъ мыслей и разсудка; знаетъ болѣе изгибы сердца человѣческаго и природу. А я сомнѣваюсь, чтобъ и въ стихахъ пылкость ума, смѣшанная съ высокопарными полетами и погрѣшностями, могла болѣе нравиться, нежели умѣренность, вездѣ сопровождаемая истиною и здравомысліемъ. Итакъ, по всѣмъ симъ разсужденіямъ, не остается вамъ никакой отговорки, кромѣ одной воли, которую не принуждаютъ, но воспламеняютъ. Я желаю и надѣюсь, что сія *воля* ваша, къ удовольствію не одной Академіи, но многихъ, ежели не всегда, то по крайней мѣрѣ иногда, по временамъ, возгараться будетъ; ибо начто ей къ явной потери всѣхъ безвременно погасать? я говорю *всѣхъ*, не исключая и васъ самихъ; ибо вы конечно любите приносить другимъ удовольствіе. Что касается до словесниковъ, притѣсняемыхъ, какъ вы пишете, книгопродавцами-издателями, то я уже давно думалъ, какъ бы избавить ихъ отъ сего притѣсненія, и недавно предложилъ Академіи нѣкоторыя соразмѣрныя силамъ ея къ тому средства и пособія. Академія предложеніе мое утвердила, и вскорѣ будетъ оное въ Вѣдомостяхъ обнародовано. На семъ основаніи, кажется мнѣ, всякъ можетъ заняться сочиненіями и переводами не однихъ

романовъ и не *въ новѣйшемъ вкусѣ*, но всякихъ книгъ, не въ *старомъ* и не въ *новомъ* вкусѣ (ибо и тотъ и другой можетъ быть худъ), но въ томъ единственномъ и всегдашнемъ, которой одобряется разумомъ и здравымъ разсудкомъ; ибо кто бы какъ ни разсуждалъ о *вкусѣ*, но я не могу признавать его изящнымъ, а особливо въ словесности, безъ участія въ немъ ума и знанія. Мнѣ кажется, когда умъ не перемѣняется, то и вкусъ тоже; а ежели умъ перемѣняется, то уже онъ не судія вѣчноправедный, но модный щоголь, котораго достоинство состоитъ въ непостоянствѣ, рождающемся отъ вѣтренности и безмыслія. Однако я могу наскучить вамъ моими бреднями, и для того прекращаю ихъ. — Поздравляю васъ съ наступившимъ новымъ годомъ; усердно желаю, чтобъ въ теченіе онаго здоровье и благополучіе ваше, содержа духъ вашъ въ веселомъ расположеніи, доставило вамъ болѣе часовъ для пріятныхъ упражненій. Думаю, что вы видаетесь съ Елисаветою Ивановною Ланскою [1]: прошу передать ей мое всегдашнее къ ней почтеніе. Я увѣренъ, что она въ побужденіяхъ моихъ васъ къ пѣснопѣнію будетъ со мною согласна. — Съ истин. почит. и совер. преданностію, имѣю честь быть вашъ,

мил. гос., покорнѣйшій слуга

А. Ш.

С. Петербургъ. 6 Генваря 1819 г.

3.

ПИСЬМО КО МНѢ.

Милостивый государь, Александръ Семеновичъ.

Я не позабылъ порученія, которымъ ваше превосходительство изволили почтить меня чрезъ письмо ваше въ минувшемъ годѣ: молчалъ же до сего времени потому только, что дожидался окончанія перевода Виргиліевыхъ Георгикъ. Мнѣ хотѣлось, чтобъ первое мое предстательство было за трудъ не весьма обыкновенный въ нашей словесности, и достойный даже по однимъ усиліямъ вниманія любословововъ. Наконецъ переводъ сей совершенъ, напечатанъ, посвященъ Императорской Россійской Академіи, и я, по желанію переводчика, имѣю честь при семъ пре-

---

[1]) Е. И. Ланская, дочь нѣмецкаго поэта І. Г. Виллаиова и сестра статсъ-секретаря Г. И. Виллаиова, наслѣдовавшая отъ отца любовь къ литературѣ, была наставницей велик. княж. Александры Павловны, пользовалась пріязнью лучшихъ русскихъ писателей своего времени и сама занималась авторствомъ. (Соч. Держ. т. III, стр. 517.)

проводить къ вамъ, милостивый государь, онаго два экземпляра: одинъ на имя Императорской Академіи, другой же для собственной библіотеки вашего превосходительства.

Можетъ быть угодно будетъ вамъ, милостивый государь, получить нѣкоторое свѣденіе о состояніи переводившаго: Семенъ Егоровичъ Раичъ служитъ кандидатомъ при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, и скоро надѣется поступить на степень магистра. Онъ прежде обучался въ орловской семинаріи, подъ руководствомъ роднаго своего брата преосвященнаго Филарета, бывшаго въ оной ректоромъ, а нынѣ управляющаго калужскою епархіей. Пріятно мнѣ присовокупить къ тому, что сей молодой человѣкъ соединяетъ въ себѣ всѣ качества, которыя способны питать и усиливать дарованія прямаго автора, и не суетенъ въ образѣ жизни: при основательномъ просвѣщеніи своемъ, отлично скроменъ, доволенъ малымъ; — и главныя занятія его досуговъ состоятъ въ постоянномъ изученіи классическихъ поэтовъ римскихъ и италіянскихъ, которыхъ языкъ знаетъ онъ совершенно, и въ преподованіи дѣтямъ благородныхъ семействъ уроковъ въ русской словесности[1]). Что же касается до самаго перевода, я не дозволяю себѣ сказать объ немъ ни слова. Онъ будетъ самъ говорить за себя и съ почтительнымъ покорствомъ ожидать отъ просвѣщеннаго судилища своего приговора.

Между тѣмъ, съ совершеннымъ моимъ почитаніемъ и преданностію имѣю честь быть,

мил. гос., в. п. покорнѣйшій слуга
(на подлинномъ подписано:) Иванъ Дмитріевъ.

Москва. 1821 года. Маія 22 дня.

4.
МОЙ ОТВѢТЪ.

Милостивый государь, Иванъ Ивановичъ.

Я имѣлъ удовольствіе получить пріятное ваше письмо и присланную при немъ книгу, подъ названіемъ: *Виргиліевы Георгики, переводъ С. Р.*. Покорнѣйше васъ благодарю, какъ за напамятованіе обо мнѣ, такъ и за доставленіе свѣденія о молодомъ человѣкѣ, оказавшемъ толь великій успѣхъ въ переводѣ стихами

---

[1]) Впослѣдствіи Раичъ издавалъ журналъ „Галатею."

краснорѣчивѣйшаго изъ стихотворцевъ, и еще писавшаго о такомъ предметѣ, о которомъ у насъ и въ прозѣ мало писано. Не зная латинскаго языка, я не могу судить о вѣрности сего перевода, но по слогу и красотѣ выраженій отдаю полную справедливость господину Раичу, толь достойному вашего предстательства. Отзывъ вашъ о немъ увѣряетъ Академію о его похвальной нравственности, а переводъ его Виргиліевыхъ Георгикъ показываетъ въ немъ соединенный со многими знаніями даръ стихотворства. Я скажу не обинуясь, что нахожу переводъ его не токмо, по скромному выраженію вашему, *не весьма обыкновенным в нашей словесности*, но отличнымъ и превосходнымъ. Между тѣмъ однакожъ, при отдаваніи совершенной справедливости, не могу умолчать о погрѣшностяхъ, по нещастію общихъ, но не меньше того важныхъ и прекрасный нашъ языкъ сильно искажающихъ, отъ которыхъ по видимому господинъ Раичъ при всѣхъ своихъ достоинствахъ не могъ избѣгнуть. Жаль, что подражаніе худымъ примѣрамъ, похваляемымъ только несмысленными журналистами, нечувствительно увлекло его иногда желаніемъ блистать новыми выраженіями, придавать несвойственныя вещамъ прилагательныя имена, таковыя какъ *безбрежная тѣнь* и тому подобныя, гоняться болѣе за наборомъ словъ, нежели за ясностію и чистотою мыслей, особливо же искажать величавый нашъ языкъ простонародною, не бывалою никогда въ книгахъ нашихъ буквою *іо* или ё, которою нынѣ стихотворцы наши, хвастающіе вкусомъ, пылкіе воображеніемъ, но худо знающіе языкъ свой, вводятъ въ употребленіе. Можетъ быть, когда удосужусь переводъ его еще разъ прочитать со вниманіемъ, я пришлю къ вамъ выписку симъ погрѣшностямъ. Да проститъ молодой человѣкъ сіе чистосердечіе старику, не умѣющему такъ писать, какъ онъ, но и не зараженному нововведеніями, не только языку но и здравому разсудку противными. Еще повторяю: жаль, что сіи погрѣшности находятся въ толь прекрасномъ твореніи, которое, за исключеніемъ ихъ, достойно всякаго уваженія и дѣлаетъ честь нашей словесности. Я не успѣлъ еще книги господина Раича представить Академіи. Надѣюсь, что она приметъ ее съ удовольствіемъ, и хотя не одобритъ нѣкоторыхъ стиховъ, однакожъ вообще отдастъ ей должную справедливость. Съ моей же стороны я особенно благодарю васъ, милостивый государь, за присылку и увѣдомленіе меня, какъ о семъ переводѣ, такъ и о господинѣ переводчикѣ, съ которымъ бы я весьма желалъ лично быть знакомъ. Прошу продолжить ваше ко мнѣ благорасположеніе, и принять увѣреніе,

что я. съ истиннымъ и совершеннымъ почитаніемъ и преданностію имѣю честь быть

вашего превосходительства покорнѣйшій слуга

А. Ш.

16 іюня 1821 года.

5.

ОТВѢТЪ И. И. ДМИТРІЕВА НА МОЕ ПИСЬМО.

Мил. гос. А. С..

Я не обманулся въ моей надеждѣ. Ваше превосходительство отдали всю справедливость таланту г. Раича, и не упустили замѣтить его погрѣшности. Весьма справедливо ваше негодованіе на новизны, вводимыя новѣйшими нашими поэтами [1]). Я и самъ не могу спокойно встрѣчать въ ихъ (исключая одного Батюшкова)[2]) даже высокой поэзіи такія слова, которыя мы въ дѣтствѣ слыхали отъ старухъ или сказывальщиковъ. *Вотъ, чу, пріютъ, теплится, юркнулъ,* и проч., стали любимыми словами нашихъ словесниковъ. Поэты-геніи заразили даже смиренныхъ прозаистовъ: даже и самый Вѣстникъ Европы безъ предлога *вотъ* не можетъ дать ни живости, ни силы, ни пріятности своему слогу.

Съ нетерпѣніемъ буду ожидать отъ в. п. дальнѣйшихъ замѣчаній на переводъ Георгикъ, и не преминую сообщить ихъ переводчику, дабы онъ, при второмъ изданіи, могъ ими воспользоваться къ усовершенію своего перевода. Между тѣмъ съ искреннимъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть, и проч..

(на подл. подписано:) Иванъ Дмитріевъ.

Москва. 26 іюля 1821.

6.

КЪ И. И. ДМИТРІЕВУ [3]).

Милостивый государь, Иванъ Ивановичъ.

Я имѣлъ удовольствіе получить письмо вашего превосходительства отъ 26-го іюня, въ которомъ вы желаете, чтобъ я сообщилъ вамъ дальнѣйшія замѣчанія мои на переводъ г. Раича. Я

---

[1]) Мнѣніе Дмитріева объ этихъ новизнахъ см. въ примѣчаніи VI къ первой части его Записокъ (стр. 98—100).

[2]) 1821 годъ былъ послѣднимъ для поэтическаго творчества Батюшкова; въ слѣдующемъ году онъ впалъ въ умопомѣшательство, отъ котораго пробудился на самое короткое время, передъ самою смертью (1855).

[3]) Перепечатывается изъ Русскаго Архива (1866 г., ст. 1616—1627), съ обязательнаго дозволенія г-на издателя Архива.

не смѣю вамъ отказать, и посылаю ихъ не въ видѣ критики, но какъ чистосердечное мнѣніе мое о переводѣ, которой самъ весьма уважаю, и естьли бы не уважалъ, то и не сталъ бы дѣлать никакихъ замѣчаній. Я отнюдь судъ свой не выдаю за *непогрѣшительный,* однакожъ можетъ быть онъ не вездѣ и не совсѣмъ не правъ. Сожалѣю, что время не позволяетъ мнѣ говорить, какъ только о тѣхъ мѣстахъ, которыя я нахожу нехорошими; иначе, разсуждая о прочихъ, я бы несравненно больше сказалъ хорошаго о хорошихъ, нежели худаго о худыхъ. По сей причинѣ, прошу изъявленныя мною хулы считать за совершенную малость предъ тѣми похвалами, о коихъ умалчиваю. Я бы счелъ сіи малыя погрѣшности за ничто въ сравненіи съ добротою перевода, но онѣ потому должны привлекать вниманіе, что становятся общими, даже почитаются за красоты, и къ порчѣ языка и вкуса вводятся въ употребленіе. Онѣ тѣмъ опаснѣе и вреднѣе, что смѣшаны бываютъ съ истинно-изящнымъ, и потому увлекаютъ имъ послѣдовать и подражать. Вотъ мои замѣчанія:

Стр. 6. — Алтарь твой окропитъ слезою умиленья.

Зачѣмъ *слезою?* для чего не *слезами?* Здѣсь единственное число больше новомодная привычка, нежели красота.

Стр. 11. — Въ дни зрѣлости её къ землѣ не преклонила.

Зачѣмъ *её?* для чего не ее, какъ вездѣ въ другихъ мѣстахъ?

Стр. 12. — Но счастье оцвѣло съ младенчествомъ природы.

Глаголъ *оцвѣсть* или *оцвѣтать* почти никогда, или очень мало употребительный, по свойству предлога *о* долженъ значить *окруженіе чего-нибудь цвѣтомъ,* напримѣръ: *этотъ кустъ весь оцвѣлъ,* т. е. кругомъ разцвѣлъ, покрылся вокругъ цвѣтами. Чтожъ значитъ здѣсь: *счастье оцвѣло съ младенчествомъ природы?* Естьли и употребить сей глаголъ, то развѣ по вопросу *чѣмъ,* а не *съ чѣмъ.* Можетъ быть это опечатка вмѣсто *отцвѣсть.*

Самъ Дивъ съ печальныхъ древъ янтарный мёдъ отрясъ.

Зачѣмъ *мёдъ?* для чего не *медъ?* Сверхъ сего *отрясть медъ съ деревъ* есть какое-то неестественное выраженіе. Обыкновенно пчелы собираютъ медъ съ цвѣтовъ, а не съ деревъ, и хотя нѣкоторыя деревья цвѣтутъ, однакожъ по густотѣ и липкости меда несвойственно его отрясать съ нихъ, какъ бы росу, или что иное, удобно отъ трясенія падающее.

Стр. 13. — Исчислимъ сонмы звѣздъ, измѣримъ эмпирей.
Разставлены силки для жителей эѳирныхъ.

Вводить и пріучать къ такимъ словамъ, какъ *эмпирей, эѳирныхъ,*

развѣ для того только нужно, чтобъ удобнѣе находить риѳму къ словамъ *морей* и *мирныхъ,* а больше я не вижу надобности.

На чуткихъ воротахъ затворы зазвенѣли.

Не знаю почему ворота можно назвать *чуткими.* Скорѣе затворы ихъ *чутки*, потому что звенятъ. Тогда и все то *чутко* что стучитъ.

Тамъ чужду влагу пьётъ завистливый овесъ.

Для чего *пьётъ,* а не *пьетъ?* Хорошо, что выше стоитъ *лѣсъ,* такъ сказано *овесъ;* а ежелибъ выше стояло *носъ*, такъ бы въ риѳму пришлось сказать: *пьiôтъ, овiôсъ.* Прекрасенъ будетъ языкъ нашъ съ такими нововведеніями!

Стр. 14. — То съ граблями знакомъ родительскій удѣлъ.

Родительскій удѣлъ знакомить съ граблями! Такъ прежде у насъ не писывали. Ломоносовъ никого не знакомилъ ни съ граблями, ни съ капустою, ни съ грибами.

Къ орудіямъ селянъ, — къ доспѣхамъ полевымъ.

Слово *доспѣхъ* произведено отъ слова *доспѣшникъ*, означавшаго воина. Слѣдовательно доспѣхъ значитъ особенно воинскую одежду и орудіе; а потому, кажется мнѣ, и не можно полевыя орудія, какъ то соху, борону, грабли, и проч. называть *доспѣхами,* развѣ токмо въ нѣкоторомъ ироническомъ смыслѣ, какъ напримѣръ: Вотъ ихъ доспѣхи! т. е. воинскія орудія.

Грохочущій лотокъ изъ липы изсѣки,
Изъ дуба изведи скрыпучіе возки,
Щебещущи цѣпы и грабли говорливы.

Стихи сіи, конечно, весьма звучны для уха; но разумъ захочетъ знать, почему липовой лотокъ названъ *грохочущимъ?* Онъ не больше *грохочущъ,* какъ и дубовой, или иной какой; и притомъ не иначе *грохочетъ,* какъ развѣ отъ катающихся по немъ подобныхъ сухому гороху вещей. *Щебечутъ* говорится о птицахъ мелкихъ и слабый голосъ имѣющихъ, а цѣпы напротивъ стучатъ. *Скрипучіе* возки, — хорошо. *Говорливыя* грабли — по моему хорошо, потому что онѣ во время дѣйствія дрожатъ и дѣйствительно какъ бы *говорятъ.* Впрочемъ я, можетъ быть, слишкомъ строго замѣчаю; но какъ я уже напередъ сказалъ, что сіи погрѣшности не отъемлютъ достоинства у перевода, то и хочу лучше быть излишенъ, нежели недостаточенъ въ моемъ чистосердечіи.

Стр. 16. — Но ветьли тучный листъ кругомъ ее облёкъ.

Какъ? и такія важныя слова, какъ *облекаю, облекъ,* можно для риѳмы превращать въ простонародныя облiôкъ, подобно низкимъ словамъ, таковымъ какъ клiôкъ, кулiôкъ, и проч.? Нѣтъ! этого

въ рускомъ языкѣ не было, покуда новые писатели не стали облачать его въ нѣмецкой или французской слогъ, не разсуждая даже и о томъ, что ежели нѣмецъ ставитъ двѣ точки и пишетъ *Händchen*, *Gürtel*, то уже никогда тѣхъ же словъ не напишетъ *Handchen*, *Gurtel*; а у насъ коли риема *токъ*, такъ *облёкъ*; а коли *рекъ*, такъ *облекъ*; и вездѣ всякой, какъ кому хочется, пишетъ и *ее*, и *её*, и *медъ* и *мёдъ*, и *гнѣзда* и *гнёзда*. Какъ можно такому безобразію языка подражать и вводить это въ употребленіе!

Ст. 17. — Еще надежда съ нимъ, и берегъ недалёкъ.

Можно ли не сожалѣть, встрѣчая такъ часто сіе *іо*, толь несовмѣстное съ важностію и чистотою нашего языка?

И чада вкругъ нее младыхъ снѣговъ бѣлѣя.

Грамматика не позволяетъ вмѣсто уравнительнаго *бѣлѣе*, писать дѣепричастіе *бѣлѣя*. Сумароковъ писалъ нѣкогда *бѣляе*, но и то нехорошо и неправильно.

Оратай! подстрекай недремлющей рукой.

Можно сказать *недремлющее* око, *недремлющій* умъ (поелику уму придаютъ очи); но кажется прилагательное сіе ни къ рукѣ, ни къ ногѣ идти не можетъ.

Стр. 18 и 19. — Разсыпь по ней дождемъ ячмень и лёнъ янтарный.
Тогда безъ трепета браздамъ её ввѣряй.
Горѣ искривленной вращается стезёй.

Вездѣ *іо!* Одно что нибудь: или по книжному писать, или по разговорному. Въ первомъ случаѣ, давно извѣстное *іо*, но всегда изгоняемое изъ чистоты языка, нигдѣ не писалось; во второмъ, какъ бы вновь выдуманное и премудрымъ изобрѣтеніемъ превращенное въ *ё*, вводится въ употребленіе. Но зачѣмъ же оставляется старое произношеніе? для чего одно и тоже слово пишется двояко *ленъ* и *лёнъ*, *слезы* и *слёзы?* или одно *лёнъ*, а другое *дождемъ*, а не *дождёмъ?* Коли употреблять *іо*, такъ уже вездѣ употреблять, и вмѣсто *спасенъ*, *превознесенъ*, *именъ*, *надменъ*, писать *спасіонъ*, *превознесіонъ*, *иміонъ*, *надміонъ*, и проч.. Судя по множеству сихъ *ё*, вездѣ встрѣчающихся въ концѣ и срединѣ стиховъ, мнѣ право кажется, что это уже не сочинитель, а наборщики ставятъ, гдѣ какъ попало; но за наборщиками сочинитель долженъ смотрѣть: иначе мы и грамматики станемъ писать по произволу наборщиковъ. Въ послѣднемъ стихѣ съ важными словами *горѣ*, *вращается*, простонародное произношеніе *стезёй*, такъ мнѣ кажется не хорошо, какъ бы кто въ бархатномъ кафтанѣ былъ въ лаптяхъ.

Стр. 20. — Тамъ — гласъ твердитъ молвы — на югѣ — бездыханна
И безразсвѣтна нощь, надъ ней безбрежна тѣнь;
Иль Фебъ отъ насъ туда оцвѣтшій сводитъ день.

Черточки (тире) есть также новое изобрѣтеніе, показующее больше упадокъ, нежели возвышеніе ума. Онѣ, сколько ихъ не наставь, не прибавляютъ ничего къ ясности смысла и силѣ выраженія. Никто изъ великихъ писателей не употреблялъ ихъ: ни Гомеры, ни Виргиліи, ни Аріосты, ни Расины, ни Мильтоны, ни Ломоносовы, словомъ никто. Итакъ повидимому онѣ изобрѣтены не тѣми великими умами, которыхъ мысли текутъ на подобіе величавой рѣки, но тѣми, которыхъ сила воображенія или связь мыслей ежеминутно прерывается, подобно ручейку, часто изсякающему, или отъ малѣйшей препоны совращающемуся въ сторону. Комужъ изъ нихъ должно подражать? Въ самомъ дѣлѣ, я бы желалъ знать, почему слѣдующимъ образомъ прочитать стихи:

Тамъ — (*остановись*) гласъ твердитъ молвы — (*остановись*) на югѣ — (*остановись*) бездыханна и безразсвѣтна нощь; почему, говорю, сіи остановки нужны? для чего не прочитать:

Тамъ, гласъ твердитъ молвы, на югѣ бездыханна
И безразсвѣтна нощь?

Перьое, прочитать такимъ образомъ гораздо лучше, и второе, здѣсь ясно, что *бездыханна нощь* относится къ слову на *югѣ;* а ежели станемъ читать по прежнему:

Тамъ — гласъ твердитъ молвы — на югѣ, то выдетъ двусмысліе; ибо съ сими черточками можно и такъ понять: *тамъ, на югѣ, гласъ твердитъ молвы*, и тогда въ остальномъ не будетъ смысла. На чтожъ изъ ясности дѣлать неясность и затруднять читателя? Я думаю, съ сими черточками надлежитъ поступать весьма осторожно, и не иначе ихъ ставить, какъ рѣдко, и гдѣ необходимо нужно. Впрочемъ я не могу одобрить выраженія: *гласъ твердитъ молвы,* также и прилагательнаго: *бездыханна* нощь. О словѣ *оцвѣтшій* сказано было выше. Кажется, г. Раичъ беретъ глаголъ *оцвѣтать* за одно и тоже съ глаголомъ *отцвѣтать;* но сила предлоговъ *о* и *отъ* весьма различна, и потому глаголы сіи не могутъ одно и тоже значить. Сверхъ сего *день* есть не иное что, какъ солнечный свѣтъ, которому свойственно *сіять,* а не *цвѣсти.*

Стр. 21. — Не тратя ясныхъ дней на сельскіе доспѣхи.

Мы уже выше сего сказали, что слово *доспѣхъ* не можетъ въ семъ смыслѣ быть употребляемо. Можно сказать сельскіе орудія, снаряды, но не доспѣхи и не утварь.

То конии ёмкія клететъ изъ гибкихъ ивъ.

Хотя слово *ёмкія* есть простонародное и потому произносится больше *іомкія,* однакожъ лучше пусть читатель произнесетъ самъ какъ хочетъ, нежели принуждать или пріучать его такъ произносить, вводя оное въ книги, и подавая чрезъ то поводъ отъ низкихъ словъ распространять сіе и на самыя важныя.

Стр. 25. — Вращаютъ сонмы бурь, чреватыхъ ливнемъ чёрнымъ.

Замѣтимъ здѣсь первое, что ливень (т. е. дождь) не бываетъ черный, но прозрачный. И второе: можно ли, позволяетъ ли благородство и чистота языка не только написать, даже произнесть *чёрнымъ?* Обыкновенно въ высокомъ слогѣ говорится *черный*, а въ простомъ *чорный*; но *чіорный* ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ, невозможно ни написать, ни произнести. Не ужъ ли же мы когда нибудь достигнемъ до того, что, перенимая у Французовъ, станемъ вмѣсто *сенаторъ* писать *сенатёръ,* а перенимая у простолюдиновъ, вмѣсто *онъ* писать *іонъ?* Откуду къ совершенной порчѣ языка такое правило, ни на какомъ разсудкѣ не основанное, взято?

Стр. 26. — Онъ молнію на высь Родопа и Атоса
Послетъ — ихъ гордость — въ прахъ — и дождь густой съ небесъ,
И воютъ берега, и стонетъ дальній лѣсъ.

Замѣтимъ первое, что вмѣсто *высоты* сказать *высь* сомнѣваюсь хорошо-ли; но положимъ, что сіе сокращеніе терпимо, поелику смыслъ ясенъ. Станемъ говорить о второмъ: наука краснорѣчія и стихотворства конечно толкуетъ намъ о образахъ рѣченій, называемыхъ *опущеніями;* но въ нихъ также надлежитъ знать мѣру и употреблять ихъ съ разсужденіемъ, не дѣлая изъ нихъ загадокъ, и не нарушая для нихъ всѣхъ грамматическихъ связей. Стихотворство, ссорясь съ языкомъ и грамматикою, теряетъ свое достоинство. Ясенъ ли сей стихъ:

Послетъ — ихъ гордость — въ прахъ — и дождь густой съ небесъ?

Это также одно изъ нововведеній, неизвѣстно откуду почерпнутое. Нигдѣ въ знаменитыхъ стихотворцахъ мы не найдемъ онаго. Я уже сказалъ, что *черточки* не дадутъ ни силы, ни смысла. Стихъ сей совершенная загадка: какъ бы я его ни толковалъ, вездѣ будетъ чего-то недоставать. Напримѣръ скажу: *послетъ молнію,* тогда послѣдующая рѣчь: *ихъ гордость въ прахъ* не будетъ имѣть глагола, равно какъ и вторая за нею: *и дождь густой съ небесъ,* тожъ не будетъ имѣть глагола; такимъ образомъ читатель принуждается угадывать сіи глаголы, но какъ бы ни во-

рочалъ, не угадаетъ. *Ихъ гордость — въ прахъ;* но что же въ прахъ? падетъ, падаетъ, пала, легла, низринулась, или что такое? Возьмемъ глаголъ *падетъ;* но тогда во второмъ стихѣ уже не будетъ *и воютъ берега,* а надобно сказать *и взвоютъ берега.* Возьмемъ глаголъ *пала;* но тогда во второмъ стихѣ надобно сказать *и взвыли берега.* Итакъ, чтобъ согласить глаголъ *воютъ* съ выраженіемъ *ихъ гордость — въ прахъ,* надлежитъ принять глаголъ *падаетъ;* но опять не хорошо: *послетъ — ихъ гордость — въ прахъ* (падаетъ). Здѣсь глаголъ *падаетъ* не согласишь съ глаголомъ *послетъ.* Вездѣ не клеится. Во второмъ полустишіи: *и дождь густой съ небесъ,* читатель также долженъ приложить глаголъ, какой хочетъ, напримѣръ льется, шумитъ, пошелъ, полился, хлынулъ, и проч.. Прочитаемъ сіи стихи у Виргилія, найдемъ ли въ нихъ что-нибудь запутанное или похожее на загадку:

. . . . ; ille flagranti
Aut Athon, aut Rhodopen, aut alta Ceraunia telo
Dejicit, ingeminant austri et densissimus imber;
Nunc nemora ingenti vento, nunc litora plangunt.

Безъ черточекъ, а ясно, и читателю нечего угадывать.

Стр. 28. — И вздрогнувши листы въ дубравахъ шепчутъ чёрныхъ.
На быстромъ кораблѣ пловца погибель ждётъ.

Я не хотѣлъ больше выписывать сихъ *іô,* но слѣдующіе стихи нельзя не выписать:

Стр. 30. — Далеко отъ подругъ — мрачна — уединённа,
Расхаживаетъ вдоль по берегу ворона.

Вотъ какъ увлекаютъ насъ худые примѣры! Мы такъ привыкаемъ къ нимъ, что не чувствуемъ величайшихъ худостей. Какъ? изломать прилагательное уединенна въ *уединіôнна,* чтобъ сказать въ риему: *расхаживаетъ по берегу ворона!* Гдѣ найдемъ мы это до премудрыхъ нынѣшнихъ нововведеній?

Стр. 32. — Оттолѣ тигра ревъ и вой волкà,
И врана чернаго торжественные крики.

Вотъ чистые стихи, которые такъ и читать должно, а не произносить *ріôвъ,* вмѣсто *ревъ,* или *чіôрнаго* вмѣсто *чернаго.* Ежели здѣсь стихи сіи не обезображены буквою *іô,* то зачѣмъ же подобные имъ въ другихъ мѣстахъ обезображены?

Стр. 34. — Горитъ ли чистый свѣтъ съ денницей молодой,
Иль въ часъ, какъ блескъ его мерцаетъ за горой,
И утру ясному уступятъ мраки нощи,
И свѣтлый Аквилонъ жемчуги свѣетъ съ рощи.

Мнѣ кажется, когда мы переводимъ Виргилія (или ему подобнаго),

то первое наше стараніе должно быть учиться у него, а не его учить, то есть стараться такъ переложить его на свой языкъ, какъ бы онъ самъ то самое сказалъ на немъ, что на латинскомъ говоритъ, не прибавляя ничего отъ себя, или покрайней мѣрѣ очень рѣдко, и отнюдь не украшая его тамъ, гдѣ онъ говоритъ просто, безъ украшенія. Иначе мы Виргилія испортимъ, и сами научимся говорить и думать не такъ какъ онъ. Да позволено мнѣ будетъ замѣтить здѣсь нѣчто въ подтвержденіе моимъ словамъ. Вышесказанные стихи у Виргилія суть слѣдующіе:

At si, cum referetque diem condetque relatum,
Lucidus orbis erit, frustra terrebere nimbis,
Et claro silvas cernes Aquilone moveri.

Всякъ видитъ, что они весьма различны съ переводомъ; въ нихъ просто сказано (выключая оборотовъ свойственныхъ языку), что когда солнце *при захожденіи и восхожденіи бываетъ ясно, то облаки* (или тучи) *не страшны, свѣжій сѣверный вѣтръ разгонитъ ихъ.* Въ переводѣ напротивъ простыя мысли сіи переиначены, и прибавлены къ нимъ многія украшенія, какъ то: *горитъ чистый свѣтъ съ десницей молодой, блескъ его мерцаетъ за горой,* вѣтръ *жемчуги свѣваетъ съ рощи.* Въ подлинникѣ ничего подобнаго нѣтъ. Все это прибавки, украшенія. Теперь разсмотримъ, Виргилій ли чрезъ то выигралъ, или переводчикъ проигралъ. Возьмемъ первый стихъ:

Горитъ ли чистый свѣтъ съ денницей молодой,

(Въ переводѣ сказано съ *десницей,* но я почитаю это опечаткою; ибо тогда не будетъ въ немъ никакого смысла.) Стихъ сей, кудряво сказанный, долженъ означать утро. За нимъ слѣдуютъ два стиха:

Иль въ часъ, какъ блескъ его мерцаетъ за горой,
И утру ясному уступятъ мраки нощи.

Въ сихъ двухъ стихахъ, не смотря на слово *иль* (возвѣщающее какую либо другую пору времени) опять описывается утро. Слѣдовательно въ нихъ безъ нужды повторяется то, что сказано уже въ первомъ стихѣ. При томъ замѣтимъ здѣсь, что когда *при уступающихъ утру мракахъ блескъ мерцаетъ за горой,* то глаголъ *мерцаетъ* долженъ значить *сіяетъ, свѣтится;* но откуду вопреки языку дано ему сіе значеніе? *меркну, мерцаю, померкаю, померцаю, смеркаюсь,* суть слова происходящія отъ *мракъ,* и значащія *помраченіе, потуханіе* свѣта, а не *сіяніе.* Какимъ же образомъ по утру блескъ *молодой денницы,* т. е. восходящаго солнца, *мерцаетъ,* когда глаголъ сей по разуму языка значитъ *меркнетъ,* потухаетъ

становится мракомъ? Для избѣжанія отъ подобныхъ погрѣшностей надлежитъ крѣпко не довѣрять нынѣшнимъ писателямъ, а особливо такъ называемымъ геніямъ-стихотворцамъ, которые, кажется, приняли за правило писать стихи не учась языку, и рисовать картины не соображаясь съ природою. Наконецъ послѣдній стихъ:

И свѣтлый Аквилонъ жемчуги свѣетъ съ рощи —

есть украшеніе простыхъ Виргиліевыхъ мыслей, *развѣетъ облака, разгонитъ висящія надъ лѣсами тучи.* Украшенія бываютъ хороши, но надобно, чтобъ онѣ были у мѣста и соотвѣтствовали тому, о чемъ идетъ дѣло. Виргилію показалось нужнѣе, чтобъ вѣтръ *разогналъ тучи,* нежели бы *свѣялъ жемчуги съ рощи,* и онъ правъ. Въ рускомъ стихѣ нахожу я слѣдующее подходящимъ подъ справедливыя возраженія: 1-е, хотя въ латинскомъ и сказано *claro Aquilone,* но мы о вѣтрѣ не говоримъ *свѣтлый вѣтръ.* 2-е, *жемчуги* не могутъ иначе значить, какъ росу; но здѣсь дѣло идетъ не о томъ, чтобъ свѣять росу, а о томъ, чтобъ прогнать тучи, разчистить воздухъ. 3-е, *роща* есть имя особенной, отдѣленной части лѣса, итакъ *свѣять жемчуги съ рощи* естественно побуждаетъ спросить: съ какой рощи? ибо выраженіе сіе далеко не значитъ: очистить лѣсъ (а не какую-нибудь рощу) отъ покрывающихъ его тучъ, мрака. Трудно украшать Виргилія и прибавлять къ мыслямъ его свои!

Примѣчаній сихъ за недосугами не могъ я продолжить, и начатое письмо оставлю безъ окончанія. А потому и хотѣлъ я его изодрать; но вручитель сего, Степанъ Ефимовичъ Лошаковъ, выпросилъ его у меня, сказавъ, что онъ знакомъ и пріятель съ г. Раичемъ. Вы ему покровительствуете, а онъ его пріятель: вотъ почему и рѣшился я отдать ему съ тѣмъ, чтобъ онъ доставилъ вамъ на прочтеніе и раздраніе. Послѣднее приписываю спѣша, потому что онъ зашелъ ко мнѣ на минуточку. Прошу принять увѣреніе въ истинномъ и совершенномъ почитаніи и преданности, съ которыми навсегда имѣю честь быть

вашего превосходительства покорнѣйшій слуга

Александръ Шишковъ.

13 сентября 1821 года.

7.

ПИСЬМО КО МНѢ.

Милостивый государь, Александръ Семеновичъ.

Долговременное отсутствіе Семена Егоровича Раича и прекращеніе моихъ съ нимъ сношеній были единственною причиною,

что я толь поздно отвѣтствую на благосклонное вашего превосходительства ко мнѣ писаніе. На дняхъ онъ возвратился, и я спѣшу изъявить вамъ, милостивый государь, чувствительную благодарность за доставленную вами книжку: Извѣстія Академическія, и въ особѣ вашей всю Академію за лестную почесть, которою благоволила почтить меня, избраніемъ въ члены попечительнаго комитета. Счастливымъ себя почту, естьли случай допуститъ меня оправдать ваше избраніе.

Имѣю честь препроводить при семъ къ вашему превосходительству письмо отъ г. Раича [1]). Могу васъ увѣрить, что онъ съ великою признательностью принялъ весьма справедливыя замѣчанія ваши, и обѣщаетъ, воспользуясь ими, всѣми силами стараться довести переводъ свой до возможнаго совершенства.

Неисправности его важны въ отношеніи къ чистотѣ языка, но судя по его силамъ, кажется, исправленіе оныхъ не затруднитъ его, а потому я осмѣливаюсь думать, что переводъ его, даже и при настоящихъ недостаткахъ, не незаслуживаетъ со стороны Академіи какого либо гласнаго поощренія.

Впрочемъ съ чувствами совершеннаго почтенія и преданности имѣю честь быть, милостивый государь,

вашего превосходительства покорнѣйшій слуга

(на п. п.) Иванъ Дмитріевъ.

Москва. 1821 г. Ноября 24.

8.

МОЙ ОТВѢТЪ.

Милостивый государь, Иванъ Ивановичъ.

Я имѣлъ удовольствіе получить письмо ваше, ноября отъ 24-го, въ которомъ вы упоминаете о г. Раичѣ, что переводъ его *не незаслуживаетъ со стороны Академіи какого либо гласнаго поощренія.* Я совершенно съ вами согласенъ, но порядокъ требовалъ, чтобъ переводъ сей (какъ и всѣ другіе) отданъ былъ въ комитетъ, которой бы, по разсмотрѣніи онаго, сказалъ объ немъ свое мнѣніе. Что я и сдѣлалъ. Между тѣмъ признаться должно, что комитетъ сей мало къ общему дѣлу усердствуетъ. Вотъ уже болѣе года, какъ онъ учрежденъ, но еще ни одной строки отъ него въ Академію не поступило. Даже и на сей отданный ему на разсмотрѣніе переводъ не было ни какаго отвѣта. Многіе изъ

---

[1]) См. ниже.

членовъ, составляющихъ оный, никогда не ѣздятъ въ Академію. А какъ я положилъ себѣ за правило однимъ моимъ лицемъ безъ общаго согласія ничего не дѣлать, то и идетъ у насъ медленно. Нынѣ, видя безпечность сего комитета, я поручилъ прочитать переводъ сей другому разсматривательному комитету, и надѣюсь, что сей скорѣе отзовется. Тогда я предложу Академіи о наградѣ за оный. Прошу покорнѣйше приложенное при семъ письмо вручить г. Раичу. Я не знаю лично сего молодаго человѣка, но, по видимымъ въ переводѣ Виргилія дарованіямъ его и по вашимъ о немъ отзывамъ (не смотря на мои критическія замѣчанія), много его уважаю, и готовъ всею силою голоса моего одобрять его во всякомъ случаѣ. — Сей часъ получилъ я изъ Вѣны нѣсколько книжекъ, въ числѣ коихъ нашелъ двѣ и на ваше имя надписанныя; почему и прилагаю здѣсь оныя*). — Я не имѣю нужды васъ, милостиваго государя, увѣрять, что переписка съ вами весьма мнѣ пріятна, а потому и желалъ бы чаще ею пользоваться. Между тѣмъ прошу быть увѣренными въ совершенной моей преданности и почитаніи; съ которыми навсегда имѣю честь быть

вашего превосходительства покорнѣйшій слуга

А. Ш.

23 декабря 1821 года.
Его превосх. Ив. Ив. Дмитріеву.

9.

ПИСЬМО КО МНѢ.

Мил. гос. Ал. Сем..

Спѣшу изъявить в. п. чувствительную благодарность мою за почтенное ваше письмо и участіе, пріемлемое вами, по случаю присужденной мнѣ медали отъ Императорской Россійской Академіи [1]). Сколько вы ни скромны, но отъ меня не скрылось, что вы изволили брать еще большее въ томъ участіе: еще въ минувшемъ году доходили къ удовольствію моему слухи о вашихъ лестныхъ для меня отзывахъ, по поводу ходатайства нѣкоторыхъ о наградѣ большею медалью одного изъ сочленовъ. Подвигъ сей тѣмъ болѣе оказываетъ ваше безпристрастіе, что съ моей стороны не было ни малѣйшаго исканія, и тѣмъ болѣе обязываетъ меня чувствовать всю его цѣну.

---

*) См. ниже сего, письмо ко мнѣ отъ Лазаря Миллетича.

---

[1]) 14 янв. 1823 г.; въ тотъ же день была поднесена такая же медаль и Крылову.

Примите, м. г., равномѣрно покорнѣйшую мою просьбу о продолженіи вашего ко мнѣ благорасположенія, во многихъ отношеніяхъ весьма для меня лестнаго, и искреннее увѣреніе въ душевномъ почтеніи и преданности, съ которыми имѣю честь къ вамъ пребыть

м. г., в. п. п. с.
(на п. п.) Иванъ Дмитріевъ.

Москва. 1823 г. Января 30-го.

ПЕРЕПИСКА СЪ С. Б. ЛИНДЕ [1]).

1.

ПИСЬМО КЪ С. Б. ЛИНДЕ.

Милостивый государь мой.

Въ прошедшее засѣданіе Россійской Императорской Академіи (сего декабря 21 дня), имѣлъ я удовольствіе предложить васъ къ избранію въ почетные члены ея. Академія, уважая таланты ваши и труды, единогласно предложеніе мое утвердила. Она, признавая усердіе и трудолюбіе ваше къ распространенію пользъ обширнаго славенскаго языка, отдала вамъ должную справедливость, и надѣется въ особѣ вашей пріобрѣсть благополезнаго себѣ сочлена. Я съ особливымъ удовольствіемъ спѣшу васъ о томъ извѣстить, прилагая при семъ и то предложеніе, по которому вы избраны*). Я пишу къ вамъ по руски въ полной увѣренности, что языкъ сей не можетъ вамъ быть непріятенъ. Академія не посылаетъ къ вамъ диплома на званіе почетнаго члена, потому что оный вновь дѣлается и еще не готовъ; но не замедлитъ прислать оный. Между тѣмъ я радуюсь, что имѣю случай изъявить вамъ то совершенное почитаніе, съ которымъ навсегда пребываю вашъ

милостиваго государя моего покорный слуга
А. Ш.

С. Петербургъ. Декабря 26 дня 1818 г..

---

*) Предложеніе сіе напечатано въ Вѣдомостяхъ.

---

[1]) Самуилъ Богумилъ Линде, польскій филологъ (1771—1847), шведъ по происхожденію, библіотекарь недавно основаннаго тогда университета въ Варшавѣ.

2.

ОТВѢТЪ ОТЪ М. БОГУМИЛА ЛИНДЕ.

Милостивый государь, Александръ Семеновичъ.

Чѣмъ большая есть честь принадлежать къ обществу столь достопочтенному какъ Россійская Императорская Академія, тѣмъ больше нахожу удовольствіе въ благосклонномъ извѣщеніи вашего превосходительства о избраніи меня въ оное. Очень пріятно было для меня получить оное отъ того, котораго образцовому предложенію я единственно обязанъ избраніемъ столь для меня почетнымъ. Въ помянутомъ предложеніи нашелъ я пользы ожидаемыя отъ моего словаря [1]), но представленныя совсѣмъ въ новомъ видѣ, что для меня тѣмъ лестнѣе и ободрительнѣе.

Естьли бы столь благоволительная обо мнѣ надежда Императорской Академіи, которая чаетъ пріобрѣсть во мнѣ благополезнаго себѣ сотрудника и сочлена, покрайней мѣрѣ въ части могла исполниться! Нынѣшнія мои занятія суть многочисленны и очень разнообразны и совсемъ другаго рода; притомъ здоровье мое по большой части повреждено, какъ и ослабленное зрѣніе лишаютъ меня удовольствія столько упражняться славенскою литтературою, сколько я чувствую въ себѣ влеченія къ оной.

Ваше превосходительство не ошибаетеся въ своей увѣренности, что Россійскій языкъ не можетъ для меня быть непріятенъ. О естьли бы я столько зналъ его и находился въ состояніи писать на ономъ, съ какимъ удовольствіемъ я имъ занимаюсь!

Не знаю, извѣстно ли вашему превосходительству мое разсужденіе о россійской церковной литтературѣ, которое я написалъ по причинѣ изданнаго г. Сопиковымъ сочиненія [2]), въ видѣ рецензіи на оное, и напечаталъ въ Варшавскомъ памятникѣ [3]). Переводъ сего разсужденія находится въ Вѣстникѣ Европы въ 22, 23 и 24, 1816 года.

Изъявляя при семъ вашему превосходителвству мою покорнѣйшую благодарность за столь благосклонное предложеніе, равно какъ и за благоувѣтливое извѣщеніе меня о успѣхѣ того предложенія, имѣю честь объявить, что за полученіемъ диплома непремѣнно особеннымъ письмомъ засвидѣтельствую мою признательность Императорской Академіи; нынѣ жъ пользуюсь пріят-

---

[1]) Słownik języka polskiego. W. 1807—1814. 6 т.. 2-е изд. умноженное печатано во Львовѣ 1854—61, подъ редакціею А. Бѣловскаго.

[2]) „Опытъ Россійской Библіографіи" (С. П. Б. 1813).

[3]) 1815 г., 2 т., стр. 411 и слѣд..

нѣйшимъ случаемъ засвидѣтельствовать вамъ чувствованія того отличнаго почитанія, съ коимъ былъ и пребуду навсегда,

милостивый государь,

вашего превосходительства покорнѣйшій слуга

Самуилъ Богумилъ Линде,

Кавалеръ ордена С. Стан II класса, совѣтникъ Верховной Коммисіи народ. просв., генеральный директоръ Публ. Библіотеки, ректоръ Варшавск. Лицея и проч. и проч..

Городъ Варшава. Февраля мѣсяца 19 дня 1819 года.

3.

КЪ БОГУМИЛУ ЛИНДЕ.

Мил. гос. мой Богумилъ Ивановичъ.

Я получилъ письмо ваше и присланныя при ономъ книги, въ томъ числѣ *Правду Рускую* сочиненія г. Раковецкаго [1]. По одобренію вашему о семъ молодомъ писателѣ, я представилъ книгу его на разсмотрѣніе. Членъ Академіи, его преосвященство митрополитъ римской церкви Сестренцевичъ, отозвался о ней съ похвалою. Почему, какъ по письму вашему, такъ и по сему отзыву, предложилъ я Академіи поощрить г. Раковецкаго къ дальнѣйшимъ въ семъ родѣ упражненіямъ. Академія, согласясь на сіе, назначила дать ему золотую третіей степени медаль, которую я при семъ для врученія ему къ вамъ препровождаю, пребывая впрочемъ съ истиннымъ почитаніемъ вашъ, и проч.

А. Ш.

18 марта 1820 года.

4.

ПИСЬМО КО МНѢ.

Милостивый государь Александръ Семеновичъ.

Давно уже почтенная Императорская Россійская Академія не получала отъ меня никакихъ доказательствъ моихъ упражненій; ибо я столь занятъ дѣлами по своему званію, что на упражненія въ словесности едва имѣю нѣсколько досугу. Но какъ сего свободнаго времени недостаточно къ тому, чтобы заняться какимъ либо подлиннымъ сочиненіемъ, то я посвятилъ оное на переводъ польскихъ сочиненій о древнѣйшихъ нашихъ дѣеписателяхъ, на языкъ, всѣмъ извѣстный, то есть: на нѣмецкій. Я издаю на семъ языкѣ цѣлое собраніе сочиненій составляющихъ опытъ начала не

---

[1] „Prawda Ruska" (собраніе древнихъ русскихъ договоровъ). w Warszawie. 1820—1822.

только исторіографіи, но и исторіи нашей и единоплеменныхъ, либо другими отношеніями соединенныхъ съ нами народовъ. Главнѣйшее между сими сочиненіями естъ: жизнеописаніе Кадлубка, изданное графомъ Іосифомъ Оссолинскимъ во второмъ томѣ его очень важнаго сочиненія: *„Историческія критическія извѣстія,“* которое въ предисловіи моего перевода обстоятельно описываю [1]). Въ семъ же предисловіи обращаю я вниманіе иностранцевъ на то, что хотя наша словесность, въ сравненіи ея съ словесностію первыхъ въ семъ отношеніи народовъ Европы, очень бѣдна, однакожъ она имѣетъ сочиненія, достойныя быть извѣстными далѣе тѣсныхъ предѣловъ польскаго языка. Въ началѣ посвященія позволилъ я себѣ поставить почитаемое въ цѣлой Европѣ имя его сіятельства г-на канцлера Румянцева, дабы симъ равно какъ и всѣми моими трудами доказать стремленіе къ той цѣли, чтобы для взаимнаго познанія и для взаимнаго уваженія сближить словесности именно тѣхъ народовъ, которые въ столь многихъ другихъ отношеніяхъ провидѣніемъ между собою сближены.

Вотъ какимъ образомъ я взираю на сей предметъ, вотъ мое стремленіе, котораго прошу ваше превосходительство быть истолкователемъ въ семъ почтеннѣйшемъ Обществѣ, въ которомъ находиться почитаю для себя высочайшею честью. Пользуясь симъ случаемъ, пріобщаю удостовѣреніе въ глубочайшей преданности, съ которою имѣю честь быть

вашего превосходительства покорнѣйшій слуга

(н. п. п.) Самуилъ Богумилъ Линде.

Городъ Варшава. Ноября 8 дня 1821 года.

P. S. — Знаю всѣ трудности, какія предстоятъ въ избраніи въ члены Императорской Россійской Академіи; однакожъ кажется мнѣ, что столь почтенный старикъ, каковъ графъ Іосифъ Оссолинскій, живущій въ Вѣнѣ, который посвятилъ цѣлую жизнь свою исключительно на изслѣдованіе славенской словесности, и сверхъ того сдѣлалъ себя безсмертнымъ чрезъ учрежденіе публичной библіотеки во Львовѣ, заслуживаетъ того, чтобы Императорская Россійская Академія, предъ концемъ его жизни, утѣшила его своимъ дипломомъ и такимъ образомъ труды его вознаградила.

---

[1]) Vincenz Kadlubek, ein historisch-kritischer Beitrag zur slavischen Literatur, aus dem Polnischen des Gr. J. M. Ossolinski, von S. G. Linde, nebst den hieher gehörigen Schriften des Prażmowski, Czacki, Kownacki und Lelewel, in sechs Anhängen. Warschau. 1822.

5.

МОЙ ОТВѢТЪ.

Милостивый государь мой, Богумилъ Ивановичъ.

Я имѣлъ удовольствіе получить письмо ваше и присланную при немъ книгу, за которую приношу вамъ мою благодарность, прося, чтобъ вы и впредь трудами своими Академію нашу обогащали. Извините, что не могъ въ скорости на оное отвѣтствовать. Вы между прочимъ пишете о графѣ Оссолинскомъ, желая чтобъ онъ избранъ былъ въ почетные члены Академіи. Я признаю достоинство сего почтеннаго мужа и равномѣрно уважаю вашу просьбу, а потому, имѣя двѣ толь сильныя причины, конечно употреблю все мое стараніе преклонить на то Академію и ежели въ томъ успѣю, то не оставлю васъ увѣдомить. Но желалъ бы, чтобъ графъ Оссолинской какою нибудь присылкою трудовъ своихъ въ Россійскую Академію подалъ къ тому поводъ; тѣмъ паче, надлежало бы ему сіе сдѣлать, что Академія чрезъ г. Дубровскаго [1]) труды свои ему сообщила. Скажу вамъ откровенно, что Академія по нѣкоторому случаю затрудняется въ сихъ избраніяхъ: она избрала господина Негедли, богемскаго профессора [2]), въ почетные свои члены и послала къ нему дипломъ, но не имѣла отъ него даже и отвѣта на сію оказанную ему честь. Съ тѣхъ поръ, удивляясь сему поступку, она положила быть осторожнѣе въ своихъ выборахъ. Приложенный при семъ, надписанный на имя г. Раковецкаго пакетъ, прошу покорно ему доставить. Впрочемъ почитая всегда сношеніе ваше съ Академіею и со мною весьма пріятнымъ, съ истиннымъ почитаніемъ и преданностію навсегда пребываю вашъ

милостиваго государя моего покорнѣйшій слуга

А. Ш.

10 генваря 1821 года.

Господину Линде, въ Варшавѣ.

ПИСЬМО КЪ Л. В. ВАСИЛЬЧИКОВУ [3]).

Мил. гос. мой Лар. Вас..

Отставной за ранами морской офицеръ Броневскій, описавшій бывшую въ Средиземномъ морѣ подъ начальствомъ вице-

---

[1]) Т. е. знаменитаго отца славянской науки Іосифа Добровскаго (1753—1829).

[2]) Jan Nejedlý (1776—1835), профессоръ чешскаго языка и литературы въ Пражскомъ университетѣ.

[3]) Илларіонъ Васильевичъ Васильчиковъ, возведенный императоромъ Николаемъ Павловичемъ сначала въ достоинство графа, а потомъ князя, — въ концѣ

адмирала Сенявина достопамятную пятилѣтнюю кампанію [1]), проситъ васъ о исходатайствованіи ему помощи. Дѣйствительно онъ того заслуживаетъ. Хотя книгу его Адмиралтейскій Департаментъ и Россійская Академія, по представленію моему, и взяли подъ свое покровительство, сдѣлавъ ему для изданія оной значительное пособіе, однакожъ съ условіемъ возвращенія въ нихъ за выданное число денегъ книгами. А потому, за всѣми издержками для напечатанія и съ возвращеніемъ книгъ за сдѣланное ему пособіе, онъ за труды свои довольно немаловажные получитъ малую весьма награду. По симъ обстоятельствамъ, уважая службу его, хорошее поведеніе и сей полезный трудъ, а притомъ и недостаточное состояніе, пріемлю по всей справедливости смѣлость поручить его вашему милостивому о немъ ходатайству. Имѣю честь быть, и проч..

А. Шишковъ.

Генваря 17 дня 1819 года.

ПИСЬМО КЪ ФЕДОРУ ВАСИЛЬЕВИЧУ ФОНЪ МОЛЛЕРУ, ГЛАВНОМУ НАЧАЛЬНИКУ ВЪ КРОНШТАДѢ.

Милост. гос. мой Федоръ Васильевичъ.

Въ одномъ изъ здѣшнихъ журналовъ напечатано слѣдующее: „Бѣдная и больная вдова флота капитана 1-го ранга и кавалера „Георгія 4 класса И. Д. Ш. находится теперь въ самомъ горест„номъ положеніи. Единственное ея утѣшеніе составляли два сына „ея, которые недавно выпущены изъ морскаго корпуса во флотъ. „Сія нещастная и почтенная женщина терпѣливо переносила съ „ними бѣдность, въ надеждѣ что со временемъ будутъ они ей „подпорою и успокоятъ ея старость; но нынѣ смерть похитила „одного изъ нихъ, и бѣдная мать припуждена была войти въ но„вые долги на погребеніе своего сына.“

Прочитавъ сіе, я справлялся кто такая вышеозначенная вдова, и мнѣ сказали, что это госпожа Ирина Дмитріевна Шелгунова, которой въ пенсіи отказано потому что мужъ ея умеръ прежде 1812 года. Вспомнивъ, что покойный мужъ ея былъ вмѣстѣ со мною кадетомъ, я счелъ за должное оказать ей нѣкоторое вспоможеніе. Многіе изъ моихъ знакомыхъ и пріятелей, по велико-

---

царствованія императора Александра, командовалъ гвардейскимъ корпусомъ и былъ членомъ государственнаго совѣта.

[1]) Трудъ Владиміра Богдановича Броневскаго изданъ въ 4-хъ томахъ подъ заглавіемъ: „Записки морскаго офицера, въ продолженіе кампаніи на Средиземномъ морѣ, подъ начальствомъ вице-адмирала Сенявина, съ 1805 по 1810 г..“

душію своему, мнѣ въ томъ споспѣшествовали. Такимъ образомъ собралъ я для ней *тысячу рублей*, которые при семъ къ вамъ препровождаю, прося васъ покорнѣйше вручить ей оныя лично и меня о томъ увѣдомить. Я увѣренъ, что вы по добротѣ вашей сію просьбу мою охотно исполните.

Съ истиннымъ и совершеннымъ почитаніемъ имѣю честь быть
вашего превосходительства покорнѣйшій слуга
А. Шишковъ.

Августа 10 дня 1819 года.

ПИСЬМО КЪ ГРЕЧУ [1]).

(Въ отвѣтъ на его письмо, при которомъ прислалъ онъ ко мнѣ рукописную тетрадь, содержащую въ себѣ критику на переводъ мой Тассовой поэмы Освобожденный Іерусалимъ [2]), объясняясь, что съ одной стороны онъ обязанъ печатать въ журналѣ своемъ присылаемыя къ нему отъ неизвѣстныхъ лицъ сочиненія, а съ другой, что онъ опасается моего за то негодованія и преслѣдованія.)

Милостивый государь мой Николай Ивановичъ.

Препровождаю обратно къ вамъ присланную отъ васъ ко мнѣ тетрадь. Благодарю за присылку, и прежде буду отвѣчать на ваше письмо съ тѣмъ чистосердечіемъ, какое мнѣ природно, а потомъ уже разрѣшу и вопросъ вашъ. Будьте сами поступкамъ своимъ судія. Въ журналѣ вашемъ время отъ времени появлялись нѣкоторыя противъ меня возстанія, изъ которыхъ хотя и ясно видѣлъ я ваше неблагорасположеніе ко мнѣ, однакожъ смотрѣлъ на то спокойно, безъ всякой досады, вѣдая, что *насильно милымъ не бываютъ*. Наконецъ появилась критика (или лучше сказать нѣчто бранное) на грамматику, двадцать лѣтъ назадъ тому изданную; но цѣль этой критики очевиднымъ образомъ обращалась не на грамматику, а на Академію, то есть на цѣлое общество, о которомъ вы такъ неприлично говорили, какъ и объ одномъ самомъ послѣднемъ человѣкѣ публично говорить не надлежало бы. Здѣсь уже не до меня лично касалось, и потому я долженъ былъ представить это Академіи, которая положила отнестись о томъ къ правительству. Въ слѣдствіе сего сдѣланъ былъ вамъ выговоръ, и Академія съ своей стороны опредѣлила не давать вамъ никогда

---

[1]) Николаю Ивановичу, издателю Сына Отечества.

[2]) Напечатанъ, въ 2-хъ частяхъ, въ С. Петербургѣ, въ 1818 году.

билета для входа въ ея торжественныя собранія. Но сіе ни малѣйше не послужило къ унятію и обузданію вашихъ непозволительныхъ поступокъ; ибо тотчасъ послѣ сего напечатали вы опять нѣчто подобное же, или еще худшее, а имянно: переводъ Шамфортовой рѣчи [1]). Что такое рѣчь Шамфортова? — собраніе лжей, невѣжествъ, клеветъ, злобы, противъ французской и всякой другой Академіи, — рѣчь, писанная во времена разврата, ясно въ чернотѣ намѣренія своего изобличенная Мореллетомъ, котораго стоитъ только прочитать, дабы почувствовать къ ней омерзеніе. Полезно ли такія вещи переводить и печатать? — я отдаю вамъ самимъ на судъ. Но и этова показалось вамъ мало. Противъ шестой книжки Академическихъ Извѣстій напечатана въ журналѣ вашемъ критика, но какая? истинно жалко ее читать. Напрасно мы смѣемся надъ тѣми временами, когда астрономія почиталась еретичествомъ и чернокнижіемъ. Не доказываетъ ли подобная критика, что и въ наше время тожъ дѣлается? Впрочемъ какъ это касается собственно до меня, то я ни слова о томъ не говорю; а сожалѣю только и удивляюсь, отъ чего такая ненависть къ трудамъ, которыхъ пользу, естьли не теперь, то со временемъ конечно узнаютъ и почувствуютъ? (Здѣсь я разумѣю вышеупомянутую нелѣпую критику на *Извѣстія Академическія* въ вашемъ же журналѣ напечатанную.) Неужъ ли всѣхъ читателей почитаютъ ничего не знающими? неужъ ли думаютъ, что довольно знанія одной азбуки и желанія злословить, чтобъ очернить всѣ мои на пользу словесности понесенные труды и опровергнуть долго обдумываемыя доказательства? Ненависть слѣпа но безпристрастіе не слѣпо: оно хочетъ своими глазами видѣть, а не чужими; оно усмотритъ намѣреніе и различитъ ложь отъ истины и клевету отъ правоты. Вотъ вамъ чистосердечная моя исповѣдь; но со всѣмъ этимъ я увѣряю васъ искренно, что не имѣю ни малѣйшаго на васъ негодованія, почитаю ваши таланты, и готовъ, ежели бы могъ, оказать вамъ всякое доброхотство. Впрочемъ противъ расположенія вашего не обращаю васъ къ моимъ пользамъ, и предоставляю вамъ на волю быть ко мнѣ благосклоннымъ или неблагосклоннымъ, какъ вамъ угодно.

Теперь скажу о присланной вами тетради. Я прочиталъ ее, и напередъ зналъ, чему въ ней быть должно. Сочиненія сіи не удивляютъ меня своимъ содержаніемъ, ибо я привыкъ ихъ видѣть таковыми, но удивляютъ своимъ намѣреніемъ. Опять, видя про-

---

[1]) См. выше „Приключеніе, относящееся къ Россійской Академіи,“ стр. 102—109

тивъ себя такія вооруженія, повторю, что не могу надивиться, за что нынѣшніе писатели обнаруживаютъ ко мнѣ такую несправедливую ненависть, которая больше чернитъ ихъ самихъ, нежели меня? — Ни я гонитель дарованій, ни я зложелатель кому нибудь! Совѣсть моя со всѣхъ сторонъ чиста и спокойна. Никогда не могу я себя упрекнуть ни личностію, ни строгостію въ моихъ сужденіяхъ; но всегда наблюдалъ одну только справедливость.

Намѣреніе сочинителя присланной къ вамъ тетради состоитъ въ томъ, чтобъ подъ видомъ невѣденія о моемъ имени (хотя всѣмъ извѣстно, что я перевелъ Тассову поэму Освобожденный Іерусалимъ) обругать меня площадными словами. Кто этотъ ругатель? — какой-то мальчикъ недавно вышедшій изъ школы. Кого онъ ругаетъ? — сѣдова старика, служившаго отечеству и отечественной словесности съ усердіемъ и честію. Подлинно похвальное намѣреніе! самое скромное и благонравное! Ему хочется пожаловать меня въ невѣжды: желаю ему щастливаго успѣха увѣрить въ томъ себѣ подобныхъ. Слѣпая ненависть не позволила ему примѣтить, что онъ сіе намѣреніе свое худо скрываетъ. Я очень увѣренъ, что въ переводѣ моемъ можно найти погрѣшности, но не такимъ образомъ какъ онъ ихъ ищетъ. При многихъ, означающихъ совершенное невѣжество замѣчаніяхъ его не нашелъ я ни однаго справедливаго; а между тѣмъ ежелибъ онѣ были и всѣ справедливы, то и тогда маловажность ихъ въ переводѣ цѣлой поэмы не могла бы въ очахъ здравомыслящихъ людей почесться достаточнымъ доказательствомъ о худости перевода всей поэмы. Слѣдовательно ясно открывается, что замѣчатель побуждаемъ былъ къ тому не пользою и любовію къ словесности, но единственнымъ желаніемъ насказать мнѣ какъ можно больше грубостей, ни мало мною незаслуженныхъ. Я отнюдь не тщеславлюсь именемъ писателя, и съ этой стороны весьма равнодушенъ къ похваламъ и хуламъ, но стражду за общій вредъ, могущій происходить отъ буйства и наглости, скрывающей себя подъ видомъ полезныхъ сужденій о словесности. Вы въ концѣ письма своего кажется опасаетесь, чтобъ я изъ присланной вами рукописи не сдѣлалъ *дальнѣйшаго употребленія,* и чтобъ *сочинитель* (какъ вы пишете), *впрочемъ вамъ неизвѣстный, не подвергся отвѣту.* Я могу васъ увѣрить о моемъ образѣ мыслей, что жалобы и преслѣдованія за подобныя вещи почитаю я себя недостойными. По моему понятію, имя человѣческое есть не то что жизнь: жизнь можетъ у него жаломъ своимъ отнять змѣя, скорпіонъ и всякой

гадъ; но доброе имя никто, кромѣ его самого, отнять у него не можетъ; иначе былъ бы человѣкъ самое бѣднѣйшее созданіе. И такъ, что принадлежитъ собственно до меня, я никакихъ *пасквилей* (ибо иначе сей вашей или присланной къ вамъ критики назвать не можно) ни малѣйше не опасаюсь и умѣю ихъ презирать; но я не виноватъ, естьли безъ всякихъ моихъ домогательствъ, правительство обратитъ на то свое вниманіе; ибо оно больше нежели частное лице имѣетъ причину не терпѣть подобныхъ дерзостей. А потому я къ напечатанію того въ вашемъ журналѣ ни поощрять, ни отвращать васъ не могу. Это ваше дѣло поступить какъ вамъ угодно. Вы обыкновенно говорите, что присланнаго къ вамъ не можете не печатать. Ежели это въ правилахъ вашихъ, то слѣдуйте имъ. Я не отвлекаю васъ отъ нихъ, но признаюсь, что естьли бы мнѣ на такомъ условіи надлежало издавать журналъ, то бы я ни для какихъ на свѣтѣ сокровищъ не взялъ на себя обязанности быть трубою всякаго злоязычника и невѣжды. Простите мнѣ естьли я излишно съ вами откровененъ. Я отнюдь не желаю не только оскорбить васъ, ниже малѣйшій подать къ тому поводъ, и думаю, что чистосердечное изліяніе чувствъ значитъ уваженіе и никогда не бываетъ оскорбительно. Впрочемъ повѣрьте, что я во всякомъ случаѣ сохраню къ вамъ искреннее мое почитаніе, съ которымъ навсегда пребуду вашъ

милостиваго государя моего покорнѣйшій слуга

А. Ш.

11 генваря 1820 года.

ПЕРЕПИСКА СЪ І. ДОБРОВСКИМЪ[1]).

1.

ПИСЬМО КЪ ДОБРОВСКОМУ.

Милостивый государь мой, господинъ профессоръ Добровскій.

Я пишу къ вамъ по руски, первое потому, что худо умѣю по нѣмецки, другое, увѣренъ, что вы, такъ хорошо зная славен-

---

[1]) Письма 2-ое и 3-е печатаются изъ Шишковскаго сборника, а 1-ое и 4-ое — съ подлинниковъ, хранящихся въ Чешскомъ Народномъ Музеѣ, въ Прагѣ. Обширная переписка Добровскаго составляетъ три большихъ переплетенныхъ тома, въ 4-ку, и заключаетъ обильный матеріалъ для исторіи славистики. Въ числѣ русскихъ кореспондентовъ Добровскаго были канцлеръ гр. Румянцевъ и академикъ Кеппенъ; но нельзя не подивиться совершенному отсутствію писемъ нашего знаменитаго Востокова: что таковыя были, и при томъ весьма важныя по своему содержанію, въ томъ свидѣтельствуютъ слѣдующія два мѣста изъ писемъ Румянцева къ До-

скія нарѣчія, письмо мое безъ труда прочитаете. Я получилъ пріятное ваше писаніе и весьма вамъ за оное благодаренъ. Отвѣчаю немножко поздо для того, что уѣзжалъ на время изъ Петербурга въ деревню. Вугъ Стефановичъ былъ у меня и подарилъ мнѣ свой словарь [1]). Любопытную книгу, подъ названіемъ *Rukopis kralodworský* [2]), я также чрезъ графа Румянцова получилъ. Благодарю васъ за обѣщаніе прислать ко мнѣ оную. Весьма мнѣ пріятно видѣть, что вы меня помните. Прошу и съ моей стороны быть увѣренными, что знакомство съ вами, во время краткаго пребыванія моего въ Прагѣ [3]), навсегда осталось въ моей памяти. Россійская Академія, для пользы языка своего, старается издать словари всѣхъ славенскихъ нарѣчій. Она сдѣлала господина Линде своимъ почетнымъ членомъ. Вы также по сей части не мало трудились, а потому надѣюсь, что и васъ почтитъ она тѣмъ же званіемъ. Я бы желалъ только, чтобъ вы съ вашей стороны почтили ее вашими письмами, или присылкою къ ней какихъ либо касающихся до сего книгъ или рукописныхъ вашихъ примѣчаній: тогда она, принявъ ихъ съ благодарностію, не оставитъ изъявить вамъ оную. Рѣчь, говоренную на нѣмецкомъ языкѣ господиномъ профессоромъ *Негедли*, при вступленіи его въ богемское училище,

---

бровскому: „Замѣтивъ изъ письма вашего, что вы, милостивый государь мой, соболѣзновали, что не имѣете нѣкоторыхъ подробныхъ свѣденій объ Остромировой Евангеліи, я поручилъ извѣстному вамъ г. Востокову снять съ тѣхъ мѣстъ, о которыхъ особенно любопытствали точныя fac-simile и полной дать вамъ отчетъ о его собственныхъ замѣчаніяхъ на счетъ сей древней рукописи. Г. Востоковъ, какъ искренной вашъ почитатель, препорученіе мое исполнилъ. Вы здѣсь, м. г. мой, найдете трудъ его и длинное отъ него письмо. Я счастливымъ себя почту, коли все сіе будетъ вамъ благоугодно.“ (28 апр. 1823 г.). — Черезъ годъ (19 мая 1824) Румянцевъ пишетъ: „Il y a très longtemps, monsieur, que j'ai eu l'honneur de vous envoyer les fac-simile que vous désiriez avoir et que m-r de Vostokoff a recueillis et a accompagnés d'une trés longue lettre qui n'est pas sans intéret. Quoique vous ne m'avez pas fait l'honneur de m'accuser la réception de cet envoi, — je sais, monsieur, qu'il vous est parvenu.“

[1]) Вукъ Стефановичъ Караджичъ (1787—1864) извѣстный своимъ Сербскимъ Словаремъ (Српски ріечник), въ особенности же изданіемъ сборниковъ сербскихъ пѣсенъ (Народне Српске піесме), пословицъ, сказокъ и проч.. Благодаря ходатайству Шишкова, неоднократно оказывавшаго ему помощь, Вукъ, съ 1826 г., получалъ изъ Россіи ежегодную пенсію во 100 червонцевъ. (См. интересную статью И. И. Срезневскаго, въ „Московскомъ Сборникѣ“ 1846 г., стр. 339—369: Вукъ Стефановичъ Караджичъ, очеркъ біографическій и библіографическій.) Вукъ посѣтилъ Россію во второй разъ въ 1833 г..

[2]) Открыта Ганкой 16 сентября 1817 года.

[3]) Въ сентябрѣ и октябрѣ 1813 г. (см. въ I томѣ Записокъ, стр. 220 и 360).

перевелъ я на руской языкъ и напечаталъ въ Академическихъ Извѣстіяхъ [1]). Изъ сего вы можете видѣть, что Россійская Академія охотно пріемлетъ труды и сочиненія на другихъ славенскихъ нарѣчіяхъ, и почитаетъ ихъ какъ бы своими. Естьли бы я зналъ тѣхъ, кои въ сихъ училищахъ начальствуютъ, и притомъ увѣренъ былъ, что они столько же и наши книги имѣть желаютъ, сколько мы ихъ, то прислалъ бы къ нимъ издаваемыя Россійскою Академіею такъ называемыя *Академическія Извѣстія,* въ которыхъ о всѣхъ славенскаго языка корняхъ и нарѣчіяхъ разсуждается, и которыя не только богемскому нарѣчію, но можетъ быть и нѣмецкому языку могли бы быть полезны. По сіе время сихъ *Извѣстій* вышло 7 книжекъ. Естьли вы снесетесь о семъ съ господами учеными Богемцами и увѣдомите меня о томъ, что они имѣть ихъ желаютъ, то я не умедлю ихъ прислать. Вугъ Стефановичъ получилъ отъ меня одинъ экземпляръ. Прошу васъ удостоивать меня вашею перепискою и давать мнѣ знать о произведеніяхъ такихъ, какъ *Rukopis kralodworský*, или тому подобныхъ. Вы меня крайне тѣмъ одолжите. Впрочемъ желаю вамъ отъ всего сердца всякаго благополучія, и съ искреннимъ почитаніемъ навсегда пребываю вашъ

милостиваго государя моего покорный слуга

Александръ Шишковъ.

С. Петербургъ. 21 іюля 1819 года.

P. S. — Ich bitte um Vergebung, dass ich russisch geschrieben habe; ich bin versichert, dass sie keine Mühe werden haben es zu lesen.

2.

ПИСЬМО КО МНѢ ДОБРОВСКАГО.

(Переводъ съ нѣмецкаго.)

Ваше превосходительство.

Прежде всего приношу мое извиненіе, что на столь драгоцѣнное для меня письмо ваше, отъ 21 числа іюля минувшаго (1819), отвѣчаю въ февралѣ текущаго (1820) года. Я ѣздилъ въ Вѣну, дабы тамъ отдать въ печать мою славенскую грамматику [2]); Высочайшее позволеніе посвятить оную Императору получилъ я не

---

[1]) Кн. 3-я, 1817 г..

[2]) Знаменитый трудъ Добровскаго, переведенный на русскій языкъ, сначала (1825) въ сокращенномъ видѣ Ивановъ Пенинскимъ, а потомъ въ полномъ объемѣ С. П. Шевыревымъ и М. П. Погодинымъ.

прежде, какъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ. Дѣла заставили меня опять пріѣхать на нѣсколько времени въ Прагу, гдѣ я теперь нахожуся. Имѣю честь еще до обратнаго отъѣзда моего въ Вѣну увѣдомить, что я, по милостивому приглашенію вашему, пришлю изъ Вѣны всѣ мои сочиненія, относящіяся къ славенской филологіи, въ Императорскую Россійскую Академію, или прямо къ ея достойному президенту. Отъ сужденія вашего зависѣть будетъ, сдѣлаютъ ли оныя сочинителя своего достойнымъ принятія его въ число членовъ знаменитой Академіи, которая, какъ усматриваю изъ *Извѣстій*, ежедневно пріобрѣтаетъ бóльшій блескъ. Съ удовольствіемъ читалъ я сіи *Извѣстія* о успѣхахъ ея и предпріятіяхъ. На критическія статьи въ оныхъ предоставляю себѣ впредь написать нѣкоторыя замѣчанія, дабы по крайней мѣрѣ подать поводъ къ строжайшему разобранію нѣкоторыхъ пунктовъ. Прагскій профессоръ *Негедли* вмѣняетъ себѣ за великую честь, что рѣчь, говоренная имъ при вступленіи въ Академію, переведена на россійской языкъ и помѣщена въ сихъ достохвальныхъ *Извѣстіяхъ*. Съ *Вугомъ**) я много разъ говаривалъ въ Вѣнѣ, и у него видѣлъ и читалъ *Извѣстія* съ другими журналами. Поелику ваше превосходительство благоволили прислать нѣсколько оныхъ къ намъ въ Богемію, то я осмѣливаюсь просить, чтобы не забыты были въ Вѣнѣ Императорская Библіотека, префектъ оной графъ *Оссолинскій* [1]), скрипторъ *Копитаръ* [2]), находящійся при оной же Библіотекѣ. Для Праги довольно четырехъ экземпляровъ: одинъ для Публичной Библіотеки и три для частныхъ особъ, а имянно: г. профессору *Негедли*, профессору *Юнгману* [3]), коего труды по словесности пришлю вмѣстѣ съ моими сочиненіями, и наконецъ для меня. Мы принимаемъ дѣятельное участіе въ успѣхахъ россійской словесности, и гордимся тѣмъ, что и наши произведенія, по крайней мѣрѣ древнѣйшія, уважаются россійскими учеными. На новаго

---

*) Вугъ Стефановичъ, сочинитель Сербскаго словаря, бывшій здѣсь и получившій отъ меня нѣсколько руских книгъ.

---

[1]) Польскій Меценатъ, издатель многихъ важныхъ историческихъ памятниковъ.

[2]) Варѳоломей Копитаръ (1780—1844), ученый славистъ, впослѣдствіи старшій хранитель императорской вѣнской библіотеки. Главнѣйшія его сочиненія: „Grammatik der slawischen Sprache in Krain, Kärnthen und Steyermark“ (Laibach. 1808) и „Glagolita Glosianus“ (Wien. 1836).

[3]) Іосифъ Юнгманъ (1773—1847), извѣстный своимъ Чешско-нѣмецкимъ словникомъ (5 т. 1835—1839), который доселѣ считается лучшимъ славянскимъ словаремъ, и своей Исторіей Чешской литературы (1825 и 1849).

переводчика *Слова о полку Игоревѣ*[4]) я имѣю причину жаловаться за то, что онъ о Миллеровомъ нѣмецкомъ переводѣ[5]), который конечно имѣетъ свое достоинство, отзывается съ презрѣніемъ. Я могу показать ему мѣста, которыя Миллеръ, еще прежде его трудившійся надъ переводомъ помянутаго Слова, подъ моимъ руководствомъ, также перевелъ и понялъ. *Истягну умъ* представляетъ совершенно другое понятіе, нежели *препоясалъ умъ*, и доказательство его неудачно; онъ худо принялъ *стягну* за *истягну*. — *Спала похоти* осталось для него также непонятно, какъ и для всѣхъ другихъ. Должно думать, что въ древнемъ спискѣ находится ошибка. — *На канину* онъ старается объяснить польскимъ словомъ *kania przędza*, и думаетъ, что *кускута* (такъ называемое растеніе) означаетъ здѣсь настоящій шелкъ. Какъ смѣшно! *Kania* означаетъ вездѣ и всегда коршуна (Geier) и естьли *кускута* (cuscuta) называется *коршунова пряжа* (Flachsseide, нѣм.) то и посему *kania* не есть еще настоящій шелкъ. — *Нѣгуютъ мя* изъ польскаго *niegują* (лат. negare, фр. nier) также объясняется неправдоподобно. Сему толкователю *Слова о полку Игоревѣ* едва ли извѣстно было польское слово *niegowac* или латинское *negare*. *Нѣгуютъ* происходитъ отъ слова нѣга. — Хорошо ли доказано слово *кощей*, которое приводится на стран. 68? — *Соколъ въ мытехъ* конечно должно быть что нибудь другое, нежели какъ думаетъ г. Пожарскій. — *Стрикусы* пусть будетъ то, что онъ думаетъ; но богемское слово *кусе* приведено весьма не кстатѣ. — На стран. 79 стоитъ: „*рози* есть творительный падежъ отъ *рогъ*;" совсѣмъ не справедливо: *rozi* есть именительный падежъ множественнаго числа, а *rohy* (рогами) есть творительный, въ чемъ можно легко удостовѣриться изъ всякой хорошей славенской грамматики. — *Хоботы* точно ли означаютъ то, что утверждается на стран. 87?*) — *Куръ*, пѣтухъ. Миллеръ слово сіе объясняетъ

*) Всѣ сіи статьи оговорены уже въ возраженіи, напечатанномъ въ Инвалидѣ. Впрочемъ сіе сочиненіе Якова Пожарскаго и не стоило бы никакихъ возраженій, естьлибъ не издано было подъ покровительствомъ графа Румянцова, которой, желая истолкованіемъ Слова о полку Игоревѣ принести пользу словесности, поручилъ сдѣлать оное не тому, кому надобно, и смотрѣлъ только на исполненіе своего намѣренія, а не на то, какъ оное исполнено. (Прим. переводчика).

[4]) Якова Пожарскаго. При первомъ изданіи (1800), надъ переводомъ и объясненіемъ текста трудились гр. А. И. Мусинъ-Пушкинъ, А. Ѳ. Малиновскій и Н. Н. Бантышъ-Каменскій; второе изданіе (1805) съ замѣчаніями и новымъ переводомъ А. С. Шишкова помѣщено въ I части Соч. и пер., издав. Росс. Акад..

[5]) Heldengesang vom Zuge gegen die Polowzer des Fürsten vom Sewerischen Nowgorod Igor Swaetslawitsch. Prag. 1811.

также: слѣдовательно ему принадлежитъ честь сего открытія, такъ какъ и другихъ словъ*). — *Папорзи* конечно есть не иное что, какъ польское *poprag*, богемское *poprieg*. — *Долго*, Миллеръ уже соединилъ со слѣдующимъ рѣченіемъ *ночь меркнетъ***). — *Тропа* будто означаетъ на богемскомъ и кроатскомъ языкѣ *воинство*; но въ богемскомъ я не нахожу сего слова, а въ кроатскій взято оно изъ италіянскаго; такъ какъ и *trupp* не есть слово нѣмецкое. — *Туръ*, Миллеръ слово сіе уже объяснилъ, а здѣсь оно снова подтверждается***). — *Убуди* Миллеръ принялъ въ томъ же смыслѣ, каковое придается сему рѣченію на стран. 51†). — Что *зегзица* значитъ *кукушка*, сіе также нашелъ Миллеръ въ польскомъ и богемскомъ языкѣ, и здѣсь только снова тоже подтверждается††). Въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ г. Пожарскій не лучше понялъ, какъ и мы здѣсь въ Прагѣ. Я весьма много обязанъ великому покровителю наукъ Румянцову за *прекрасный* подарокъ, сдѣланный мнѣ присылкою новаго изданія *Слова о полку Игоревѣ*†††). — Я

---

*) Догадка Миллера въ семъ мѣстѣ дѣйствительно основательна, но впрочемъ онъ ничего новаго не открылъ, и во многихъ мѣстахъ также ошибался. (Пр. переводч.).

**) Худо соединилъ. Разстанавливая выходитъ тоже, но разстановка сія дѣлаетъ красоту. (Примѣч. переводч.).

***) Не Миллеръ объяснилъ, а оно объяснено было и въ самомъ первомъ переводѣ. Могло ли слово сіе быть неизвѣстно, когда во всѣхъ руских сказкахъ говорится: выпиваетъ турій рогъ меду сладкаго? (Примѣч. переводч.).

†) Нѣмцамъ, Миллеру и Добровскому простительно не знать, что убуди столько же можетъ происходить отъ убудить (т. е. пробудить, разбудить) сколько и отъ убыть (т. е. уменьшиться); но Рускому непростительно сего не знать, а знавши еще непростительнѣе не умѣть вывести изъ того ясный, чистый смыслъ, вмѣсто явнаго противорѣчія, какое выходитъ въ разумѣ всей рѣчи, когда убуди (а не убуди) взять за разбудить. См. толкованіе о семъ въ Академическихъ Сочиненіяхъ[1] (Примѣч. переводч.).

††) Нашелъ, да не лучше какъ и Пожарской. Нѣкоторое въ названіи сходство есть еще весьма недостаточное доказательство, а особливо когда смыслъ рѣчи съ названіемъ слова совсѣмъ несогласенъ. Ярославна говоритъ: полечу зегзицею (а не жегулицею) по Дунаю, омочу бебрянъ рукавъ, и проч.. Когда же кукушки летаютъ по рѣкамъ и обмакиваются въ воду? (Прим. перев.).

†††) Это походитъ нѣсколько на иронію. Послѣ того. что сказано о семъ сочиненіи выше, прилагательное прекрасный кажется не въ настоящемъ смыслѣ здѣсь употреблено. (Прим. перев.).

---

[1]) Томъ I, 1805 г..

не могу не объявить вашему превосходительству и также Россійской Академіи, ревностно пекущейся о распространеніи россійскаго языка, что россійской грамматики, сочиненной Антономъ Пухмайеромъ [1]), уже печатается листъ N. Она посвящается Императрицѣ, матери сѣвернаго Александра, на что Ея Величество изъявила свое соизволеніе во время пребыванія своего въ Прагѣ. Въ разсужденіи методы она расположена по образцу моей богемской грамматики [2]). Я постараюсь, чтобы Академія Россійская, по окончаніи печатанія, немедленно получила экземпляръ; ибо сочинитель самъ ничего столько не желаетъ, какъ видѣть, чтобы трудъ его былъ разобранъ и подвергнутъ сужденію столь просвѣщеннаго общества, дабы со временемъ можно было согласиться въ образцѣ, по коему должны быть расположены всѣ грамматики прочихъ славенскихъ нарѣчій. Да сохранитъ Богъ ваше превосходительство еще на многіе годы, ко благу россійской словесности, всегда здравымъ и добрымъ, и проч..

(на подл. подписано:) Іосифъ Добровскій.

Прага. 11 февраля 1820 г..

3.

ПИСЬМО КЪ ДОБРОВСКОМУ.

Милостивый государь мой.

Получа письмо ваше весьма поздо, я съ начала думалъ, что мое письмо до васъ не дошло, но послѣ былъ радъ, видя изъ отвѣта вашего, что вы оное получили. Россійская Императорская Академія, на сихъ дняхъ, въ собраніи своемъ, избрала васъ и господина профессора Негедли въ почетные свои члены. При семъ, чрезъ непремѣннаго секретаря г. Соколова, посылаются къ вамъ дипломы на сіе званіе. Академія, признавая дарованія ваши и труды къ обогащенію славенскаго языка, надѣется пріобрѣсти въ васъ полезныхъ себѣ сотоварищей и сотрудниковъ. Знаніе славенскаго языка нужно для ученыхъ людей всѣхъ народовъ. Они найдутъ въ немъ многіе корни и начала своихъ языковъ. По желанію вашему я посылаю къ вамъ *Академическія Извѣстія*. По сіе время вышло ихъ семь книжекъ. Прошу васъ каждому доставить ихъ по нижеслѣдующему росписанію:

---

[1]) Lehrgebäude der Russischen Sprache, nach dem Lehrgebäude der Böhmischen Sprache des Herrn Abbé Dobrowsky. Prag. 1820.

[2]) Lehrgebäude der böhmischen Sprache. Prag. 1809. 1819.

	экземпляръ
Въ Императорскую Библіотеку въ Вѣнѣ . . .	1
Префекту ея графу Оссолинскому	1
Г. скриптору Копитару	1
Въ публичную Библіотеку въ Прагѣ	1
Профессору Негедли	1
Профессору Юнгману	1
Аббату Добровскому	1
и того 7 экземпл., всего 49 книжекъ.	

Осмая книжка печатается, но еще не готова. Въ ней помѣщена будетъ изданная г. Ганкою въ Прагѣ *Кралодворская рукопись*. Когда напечатается, то и оную пришлю. Съ симъ письмомъ получите вы три связки: въ первой, подъ No. 49 А, находятся два диплома для васъ и для г. Негедли, со вложеніемъ книжки подъ названіемъ: *деревья словъ* [1]); во второй, подъ No. 49 В, три экземпляра, или 21 книжка, *Академическихъ Извѣстій;* въ третьей, подъ No. 49 С, тѣхъ же *Извѣстій* четыре экземпляра, или 28 книжекъ. Посылка сія для того на три связки раздѣлена, что можетъ быть вдругъ послать неудобно, и потому послана будетъ съ разными курьерами, ежели для одного везти тяжело.

Въ письмѣ вашемъ оговариваете вы присланное къ вамъ отъ графа Румянцова сочиненіе *Пожарскаго,* въ которомъ толкуетъ онъ *Слово о полку Игоревѣ.* Сочиненіе сіе, преисполненное погрѣшностями и худымъ толкованіемъ, никогда не было принято и одобрено Академіею.

Вы обѣщаете прислать замѣчанія ваши на корни словъ, объясняемые въ *Академическихъ Извѣстіяхъ.* Я прошу васъ о томъ, и приму это съ величайшимъ удовольствіемъ; даже хотѣлъ бы, чтобъ и другіе господа Богемцы, знающіе славенскія нарѣчія, потрудились надъ симъ достойнымъ вниманія предметомъ. Дѣло сіе сколько ново и трудно, столько же и полезно. Я говорю *ново,* потому что нигдѣ не случалось мнѣ видѣть и читать о томъ. Всѣ извѣстныхъ языковъ словопроизводные словари по сіе время довольствуются токмо тѣмъ, что берутъ за корень полное слово, имѣющее значеніе, и отъ него производятъ вѣтви. Напримѣръ отъ *graben* = begraben, gräber, grabstich, grabeisen, &. — Отъ *greifen* = begreifen, begreiflich, begriff, &. Такимъ образомъ *graben*

[1]) Полное ея заглавіе: „Деревья словъ, или корни языка съ извлеченными изъ нихъ колѣнами и вѣтвями.“ — Изслѣдованіе нѣкоторыхъ корней см. въ Акад. Изв. кн. V, VI и IX.

и *greifen* почитаютъ первообразными, но онѣ отнюдь не первообразныя, а тоже одно отъ другаго происходятъ; всѣ имѣютъ одинъ и тотъ же корень, измѣняющійся въ *grab*, *grav*, *grif*, *greif* &.; и поелику одинъ корень имѣютъ, то всѣ и понятіе одинаковое изъявляютъ; ибо *graben* въ коренномъ понятіи есть тоже, что *greifen* (французское *graver* сюда же принадлежитъ). Итакъ главное дѣло состоитъ въ томъ, чтобъ изъ собранія вѣтвей, какъ на своемъ, такъ и на другихъ языкахъ, замѣчать значеніе корня при всѣхъ его измѣненіяхъ; ибо всѣ языки составляются одинакимъ образомъ, и слѣды происхожденія понятій отъ одного корня удобно могутъ быть видимы. Возьмемъ нѣмецкой и руской языкъ:

ухо — — — — — —	ohr
слухъ — — — — —	gehör
слушать — — — — —	hören
подслушивать — — — —	horchen
послушный — — — —	gehorsam.

Всѣ сіи слова, рускія и нѣмецкія, имѣютъ одно начало или корень въ буквахъ *ух* или *oh*, къ которымъ привязано понятіе *слушанія;* но въ рускомъ корень *ух*, измѣняющійся въ *уш* (ибо говорится *ухо* и *уши*), во всѣхъ вышеозначенныхъ пяти словахъ ясно виденъ, и переходъ понятій отъ одного слова къ другому ощутителенъ; въ нѣмецкомъ же сіе не такъ ясно: не скоро свяжешь понятіе *ohr* съ понятіемъ *gehorsam*. Надлежитъ прибѣгнуть къ толкованію, что чрезъ переставку буквъ (вездѣ примѣчаемую) изъ *ohr* сдѣлался *hör* (въ hören, gehör, &.) и *hor* (въ horchen, gehorchen, gehorsam, &.). — Вотъ, по моему мнѣнію, на какихъ разсужденіяхъ долженъ основываться словопроизводный или *этимологическій* словарь; тогда онъ не только для своего языка, но и для всѣхъ языковъ вообще будетъ полезенъ. Малый образчикъ сихъ моихъ показаній конечно не можетъ быть достаточно убѣдителенъ, однакожъ можно изъ него хотя нѣсколько усмотрѣть, сколь нужно желать, чтобъ всѣ философическія о словахъ разсужденія и примѣчанія были собираемы, дабы больше имѣть свѣтильниковъ для освѣщенія сего пространнаго и мрачнаго храма. Впрочемъ я помѣщаю сіе въ краткомъ письмѣ моемъ для того только, чтобъ имѣть удовольствіе съ вами побесѣдовать.

Я посылаю къ вамъ еще опытъ словопроизводнаго словаря, подъ названіемъ: *Деревья словъ или корни языка съ извлеченными изъ нихъ колѣнами и вѣтвами.* Въ семъ сочиненіи разсмотрѣно только три корня, изъ которыхъ послѣдній *кр* произвелъ 132 колѣна и 2363 вѣтви. Сія книжка напечатана единственно для

опыта, и такъ сказать собственно для Академіи. Она въ публикѣ неизвѣстна, но мнѣ хотѣлось, чтобъ она извѣстна была вамъ. Вы изъ объясненій, приложенныхъ при концѣ каждаго дерева, прочитавъ притомъ шестую книжку *Академическихъ Извѣстій*, легко можете изъ нихъ увидѣть и намѣреніе расположить симъ образомъ словарь, и связь всѣхъ колѣнъ (въ деревѣ) одного съ другимъ. Первое безъ прекословія нужно и полезно. Второе конечно можетъ быть подвержено нѣкоторымъ погрѣшностямъ; но для сего — то и нужно дѣлать частыя надъ языкомъ наблюденія, дабы со временемъ исправить погрѣшности, легко при началѣ могущія вкрасться. Я бы очень желалъ, чтобъ господа ученые Богемцы и Нѣмцы вошли въ разсмотрѣніе сего предлагаемаго мною плана словаря, нужнаго для всѣхъ языковъ, и удостоили меня своими замѣчаніями, которыя принялъ бы я съ благодарностію. Между тѣмъ, желая вамъ всякихъ благъ, съ истиннымъ почитаніемъ навсегда пребываю,

вашъ покорный слуга
А. Ш.

С. Петербургъ. 18 марта 1820 года.

Господину Аббату Добровскому.

P. S. — Прошу васъ засвидѣтельствовать мое почтеніе г. Негедли. Помнится мнѣ онъ переводилъ на богемскій языкъ Гомерову Иліяду. Естьли сей переводъ окончанъ, или сколько нибудь онаго издано въ свѣтъ, то попросите его, чтобъ онъ прислалъ къ намъ въ Академію [1]).

Письмо сіе и при немъ дипломы и книги отправлены въ Вѣну, при письмѣ къ находящемуся тамъ посланнику нашему графу Головкину [2]), съ просьбою, что естьли и г. Добровскій захочетъ что переслать въ Россійскую Академію, то бы отъ него принять.

4.

ПИСЬМО КЪ І. ДОБРОВСКОМУ [3]).

Милостивый государь мой.

Я получилъ сперва посланныя отъ васъ сочиненія вашего книги, а потомъ письмо ваше, на которое, по причинѣ разныхъ

---

[1]) Издана была только первая пѣснь, въ 1802 году.

[2]) Юрію Александровичу, бывшему прежде посломъ въ Китаѣ.

[3]) Съ подлинника, находящагося въ Чешскомъ Музеѣ, въ Прагѣ.

обстоятельствъ, не могъ скоро отвѣчать. Благодарю васъ какъ за то, такъ и за другое. Отъ господина Негедли не получила Академія никакаго отвѣта. За примѣчанія ваши на нѣкоторыя слова въ Академическихъ Извѣстіяхъ я также вамъ благодаренъ, хотя во многомъ различно съ вами думаю. Въ словопроизводствѣ не такъ легко доискиваться до истины, и потому-то мнѣнія не могутъ быть одинаковы. Въ осмой книжкѣ Академическихъ Извѣстій помѣщенъ переводъ *Кралодворской рукописи*, изданной господиномъ *Ганкою*. Онъ писалъ ко мнѣ письмо и желалъ, чтобъ переводъ сей былъ къ нему присланъ. Я сожалѣю, что не могъ исполнить сего такъ скоро, какъ ему хотѣлось; но теперь посылаю. Не знаю гдѣ вы находитесь, въ Вѣнѣ или въ Прагѣ. Препровождаю письма мои въ Вѣну, къ Вугу Стефановичу, которой надѣюсь вамъ ихъ доставить. Прошу продолжить ваше ко мнѣ благое расположеніе. Впрочемъ съ истиннымъ почитаніемъ навсегда пребываю,

вашъ покорнѣйшій слуга
Александръ Шишковъ.

9 октября 1820 года.
Его Высокопреподобію господину аббату Добровскому.

КЪ ГР. Ю. А. ГОЛОВКИНУ.

Милост. гос. мой, Юрій Александровичъ.

Увѣренный въ благосклонности ко мнѣ вашего сіятельства, я беру смѣлость послать на имя ваше посылку, состоящую въ трехъ связкахъ, означенныхъ буквами А, В, С, подъ No. 49. Прошу васъ покорнѣйше всѣ три доставить аббату Добровскому, котораго я считаю находящимся въ Вѣнѣ. Естьли же случится, что онъ, при полученіи сего письма, будетъ находиться въ Прагѣ, въ такомъ случаѣ ласкаю себя надеждою, что вы не отречетесь взять на себя трудъ переслать письмо и посылки къ нему въ Прагу. Изъ посланныхъ связокъ въ одной, подъ No. 49 А, вложены дипломы для г. Добровскаго и г. профессора Негедли, которыхъ Россійская Академія избрала въ свои почетные члены; въ двухъ же другихъ связкахъ, подъ No. 49 В и 49 С, 7 экземпляровъ книги, издаваемой Россійскою Академіею, подъ названіемъ *Академическихъ Извѣстій*. Экземпляры сіи (по 7 книжекъ въ каждомъ) назначены слѣдующимъ мѣстамъ и особамъ: въ Императорскую Вѣнскую Вибліотеку 1, префекту ея графу Оссолинскому 1, г. скриптору Копитару 1, въ Публичную Прагскую Библіотеку 1, профессорамъ Добровскому, Юнгману и Негедли 3. Графъ Нес-

сельродъ обѣщалъ мнѣ посылки сіи отправить, естьли не возможно будетъ вдругъ съ однимъ курьеромъ, то съ двумя одинъ послѣ другаго. Равнымъ образомъ и вашего сіятельства прошу постараться доставить ихъ г. Добровскому. Смѣю также присовокупить и еще просьбу, чтобъ и имъ, то есть г. г. Добровскому, Негедли и Вугу Стефановичу, дать знать, что естьли они пожелаютъ какія либо книги послать въ Россійскую Императорскую Академію, то вы примете на себя трудъ переслать оныя. За таковое ваше одолженіе Россійская Академія останется вамъ весьма благодарною. Примите увѣреніе въ искреннемъ почитаніи и совершенной преданности, съ которыми имѣю честь быть, и проч.

А. Ш.

С. Петербургъ. 18 марта 1820 года.

ПИСЬМО КО МНѢ Е. Г. ЭРСТРЁМА.

(Переводъ съ нѣмецкаго.)

Высокоблагородный господинъ адмиралъ, президентъ россійской императорской академіи, и многихъ россійскихъ орденовъ кавалеръ!

За нѣсколько мѣсяцовъ предъ симъ, я имѣлъ честь, чрезъ г. пастора Гиппинга, получить отъ вашего превосходительства въ даръ три первыя части *Словаря Академіи Россійской* новаго изданія. И такъ ужѐ давно бы надлежало мнѣ принести в. п. мою чувствительнѣйшую благодарность за сей даръ, а особливо потому, что сіе для составляемаго нынѣ мною Россійско-Шведскаго Словаря толь важное сочиненіе въ продажу еще не вступило, но по особенной милости в. п. было мнѣ сообщено. — Я надѣялся, при письмѣ моемъ, препроводить вамъ экземпляръ Россійской Христоматіи, въ пользу Финляндскаго юношества составленной, которая уже болѣе двухъ лѣтъ тому назадъ отдана была въ печать, но тисненіе оной, по причинѣ удивительной медленности въ типографіи, еще и понынѣ не кончано. Слѣдовательно, при семъ непріятномъ медленіи изданія, мнѣ остается токмо испросить у в. п. позволеніе доставить вамъ экземпляръ сей христоматіи, какъ скоро онъ выдетъ въ свѣтъ.

Новое изданіе сего достохвальнаго труда Россійской Академіи есть весьма пріятное появленіе для всякаго знатока и любителя россійской словесности. Мнѣ кажется, что сочиненіе сіе весьма много превосходитъ первое изданіе по двумъ отношеніямъ: во первыхъ тѣмъ, что число словъ нарочито умножено, также

значенія многихъ рѣченій объяснены полнѣе и по мѣстамъ обогащены примѣрами и оборотами. Во вторыхъ, что въ семъ словарѣ поставлены глаголы въ неокончательномъ наклоненіи, а не въ первомъ лицѣ настоящаго времени, какъ то прежде было во всѣхъ прежнихъ россійскихъ словаряхъ; ибо неопредѣленное, поелику означаетъ какое либо понятіе — (напротивъ того настоящее, будущее, а особенно прошедшее предпологаетъ уже нѣкоторое разсужденіе) — естественно должно быть прежде; слѣдовательно правильнѣе и гораздо облегчаетъ пріискиваніе прочихъ окончаній. Впрочемъ расположеніе временъ учинено по системѣ грамматики Россійской Академіи, и въ ней показано нужное руководство къ оному. Однакожъ обозрѣніе временъ глаголовъ для иностранцевъ было бы гораздо легче, когда бы неопредѣленныя и совершенныя времена отдѣлены были одно отъ другаго такъ, чтобъ напримѣръ вмѣсто *взглядывать, взглянуть, взглядываю, взглядываешь, взглянулъ, взглянешь,* поставлено было: *взглядывать, взглядываю, взглядываешь; взглянуть, взгляну, взглянешь.* Кажется таковое расположеніе болѣе сходно съ свойствомъ россійскихъ глаголовъ; ибо прошедшее совершенное время всегда ставится прежде будущаго (т. е. между неокончательнымъ и будущимъ). Сіе по многимъ причинамъ и при наибольшей части глаголовъ весьма выгодно; желательнобъ было, чтобъ и настоящее неопредѣленное всегда слѣдовало послѣ прошедшаго времени, или обратно; можно бы было сперва ставить неокончательное, потомъ послѣ неопредѣленнаго неокончательнаго настоящее, и послѣ неопредѣленнаго совершеннаго (или простаго) будущее: впрочемъ настоящее и будущее столь великое имѣютъ между собою соотношеніе, что то и другое или прежде или послѣ прошедшаго поставлены быть могутъ, поелику въ самомъ дѣлѣ будущее есть не иное что, какъ измѣненіе настоящаго (что въ рускомъ языкѣ показываютъ даже и самыя окончанія глаголовъ). Послѣдній порядокъ (1, неокончательное; 2, настоящее или будущее; 3, прошедшее) былъ бы въ семъ отношеніи самый естественный; ибо почти во всѣхъ рускихъ глаголахъ, прошедшее есть самое старшее время, потомъ настоящее, и наконецъ неокончательное, которое въ словарѣ наилучше стоитъ сперва, какъ самое младшее. — Сей предметъ конечно требовалъ бы пространнѣйшаго изложенія. Ваше превосходительство, какъ глубокій знатокъ россійскаго языка, конечно будете судить о сихъ ненастоятельныхъ примѣчаніяхъ, содержащихъ токмо краткія изложенія для дальнѣйшаго изслѣдованія сего обильнаго предмета, съ обыкновенною отличному изслѣдователю языка милостію и снисходительностію.

Хотя пріискиваніе словъ въ семъ словарѣ, посредствомъ азбучнаго порядка, принятаго въ семъ новомъ изданіи, гораздо облегчено, — но получена ли общая выгода при сей перемѣнѣ, можно судить токмо по цѣли и назначенію сего сочиненія. Естьли цѣль сего словаря есть доставить полное собраніе всѣхъ словъ, какъ въ нынѣшнемъ языкѣ, такъ и въ нѣкоторыхъ старыхъ книгахъ встрѣчающихся, съ ихъ значеніями, тогда конечно азбучный порядокъ есть самый выгоднѣйшій. Но если же словарь имѣетъ цѣлію представить расположеніе всѣхъ въ россійскомъ языкѣ находящихся словъ ученымъ и филологическимъ образомъ, если оный назначенъ не токмо для начинающихъ, но также и особенно, какъ я думаю, для желающихъ пріобрѣсти основательное, полное и ученое свѣденіе въ семъ богатомъ и благозвучномъ языкѣ, то я опасаюсь, что многіе свѣдущіе въ языкѣ будутъ сожалѣть о прежней этимологической формѣ. Еще болѣе желательнобъ было, чтобы къ производнымъ словамъ нынѣшняго россійскаго языка прилагаемо было также краткое историческо-филологическое замѣчаніе, какъ объ образованіи производныхъ и составныхъ словъ, такъ и о происхожденіи и многоразличномъ распространеніи значеній. Если бы съ начертаннымъ и утвержденнымъ отъ Академіи для сего сочиненія планомъ соединено было въ тѣхъ случаяхъ, кои требуютъ совершеннѣйшаго объясненія значеній словъ, также и сравненіе съ сходственными нарѣчіями или діалектами, то словарь сей чрезъ таковое сравненіе и употребленія сего вспомогательнаго средства еще гораздо болѣе получилъ бы достоинства и цѣнности. Всѣ почитатели древней руской словесности и археологіи россійскаго языка примутъ съ особенною благодарностію богатую, изъ Библіи и прочихъ церковныхъ книгъ собранную фразеологію. Справедливыя права на признательность еще болѣе бы умножились, ежели бы въ словарѣ помѣщены были въ бо́льшемъ количествѣ слова, выраженія и рѣченія, изъ самыхъ древнихъ лѣтописей, стихотвореній и повѣстей почерпнутыя. Ваше превосходительство сами яснѣйшимъ образомъ доказали, какъ должно пользоваться всѣми источниками къ обогащенію языка, и что не должно почитать вѣтви одного дерева за два дерева, но за одно дерево. Вы доказали намъ и тѣмъ, что при описаніи и изображеніи дерева не должно пропускать никакихъ вѣтвей, но должно всѣ въ точности разсматривать, дабы все дерево представить совершенно яснымъ и полнымъ. Отъ г. пастора Гиппинга узналъ я, что в. п. вознамѣрились издать этимологическую таблицу. Сія таблица без-

сомнѣнія принесетъ важное пособіе къ познанію россійскаго языка.

Ваше превосходительство, какъ я смѣю надѣяться, снисходительно простите мнѣ то, что, ревностный почитатель россійскаго языка и словесности, дерзнулъ я обратить вниманіе ваше на прочтеніе сихъ, можетъ быть, весьма маловажныхъ примѣчаній. Я прошу, чтобъ ваше превосходительство приняли сіе за доказательство искренняго усердія, съ коимъ я занимаюсь однимъ изъ прекраснѣйшихъ языковъ въ Европѣ.

Я принялъ смѣлость послать в. п. экземпляръ изданной мною вмѣстѣ съ г. Оттелиномъ Россійской грамматики. Она издана еще въ 1815 году, и напечатано оной, противъ воли моей, двѣ тысячи экземпляровъ. Въ сей малонаселенной странѣ, изъ числа учебныхъ книгъ можетъ продаваться въ годъ не болѣе 150 или 200 экземпляровъ, и по сему нельзя еще сказать навѣрное, что мы можемъ ее напечатать вновь въ 1825 году, — чего однакожъ мы весьма желали бы. Мы начинали еще учиться россійскому языку, когда первое изданіе нашей грамматики вышло въ свѣтъ. Теперь, надѣюсь я, могли бы мы издать ее нѣсколько совершеннѣе и полнѣе.

Отъ г. пастора Гиппинга узналъ я также, что в. п. угодно было позволить мнѣ, въ такихъ случаяхъ, гдѣ мнѣ, при моемъ лексикографическомъ трудѣ, повстрѣчается что либо сомнительное, совѣтоваться съ Россійскою Академіею. Примите, в. п., за сію отличную милость и снисходительность, увѣреніе въ моей глубочайшей и почтительнѣйшей признательности. Какъ скоро манускриптъ будетъ готовъ, то я постараюсь пріѣхать самъ въ Петербургъ, дабы въ полной мѣрѣ воспользоваться совѣтами Академіи. Ничто столько не можетъ споспѣшествовать исправности и усовершенію столь обширнаго труда, каковаго требуетъ сочиненіе словаря, особенно же такова языка, каковъ Россійскій, который въ богатствѣ и многоразличіи содержанія и формы, также въ усовершенствованіи своемъ почти ежедневно и примѣтно возрастаетъ, какъ то, ежели опытъ онаго будетъ подверженъ строгому разсмотрѣнію многихъ теоретически и практически просвѣщенныхъ изслѣдователей языка. Сіе чувствую я весьма хорошо; но думаю, что я не въ полной мѣрѣ достигну цѣли своей, когда трудъ мой буду пересылать по частямъ, и когда оный разсматриваемъ будетъ безъ моего присутствія. Разсужденія бываютъ гораздо полнѣе и притомъ удобнѣе, когда онѣ производятся словесно, а не письменно. Сверхъ того разсужденія принесутъ

мнѣ гораздо меньшую пользу въ мое отсутствіе, нежели каковую бы я могъ получить, находясь лично приономъ; причемъ я имѣлъ бы случай иное пространнѣе изложить и объяснить нежели какъ можно то учинить письменно.

Примите, ваше превосходительство, чувствованія глубокаго почтенія, безпредѣльнаго высокопочитанія и истинной благодарности, съ каковыми я пребуду

вашего превосходительства

всепокорнѣйшій и послушнѣйшій слуга

(подписано:) Er. Gust. Ehrström.

Абовъ. Мая 5 дня 1820 года.

ОТВѢТЪ.

Милостивый государь мой.

Я получилъ письмо ваше, писанное изъ Абова, маія отъ 5 дня, и прочиталъ оное съ великимъ удовольствіемъ. Въ изложенныхъ вами мнѣніяхъ о словарѣ и нѣкоторыхъ грамматическихъ правилахъ я нахожу неоспоримую истину и совершенно съ вами согласенъ. Словарь, издаваемый вновь Академіею по азбучному порядку, можетъ нѣкоторымъ образомъ быть полезенъ для справокъ о словахъ; но словарь для ученыхъ людей, для философическаго познанія языка, долженъ быть словопроизводной (étimologique). Прежній Академическій Словарь, въ семъ намѣреніи составленный, дѣлаетъ великую честь нашей Академіи. Но онъ былъ первою ея работою, и потому нельзя отъ него требовать совершенства, котораго и нигдѣ нѣтъ. Изъ столькихъ, можно сказать, тысячъ инностранныхъ словарей, частными людьми и обществами сочиненныхъ, я нахожу всѣ оные, больше или меньше, подобно нашему словарю недостаточными. Словарь, въ которомъ изо ста тысячъ словъ тридцать или сорокъ тысячъ первообразныхъ (selbstständige), не можетъ назваться *словопроизводнымъ;* ибо полагать въ немъ такое число *коренныхъ* словъ столь же неестественно, какъ бы въ родѣ человѣческомъ полагать нѣсколько тысячъ *Адамовъ.* Мы потому въ семъ случаѣ заблуждаемся и ходимъ далеко отъ прямаго пути, что разсуждаемъ о цѣлыхъ словахъ, не разсматривая началъ ихъ, то есть корней. Отсюду происходитъ, что ежели бы кто сказалъ *дерево* и *трава* есть одно и тоже, то изо ста человѣкъ девяносто девять возопіяли бы противъ него: какъ это можетъ статься? какъ можно утверждать такую явную небылицу? словомъ, они бы скорѣе сочли его по-

врежденнымъ въ умѣ, нежели вѣроятія достойнымъ. При таковомъ предубѣжденіи людей, трудно ихъ увѣрить. Но не меньше того сказанное мною есть справедливо. Всѣ слова языка показываютъ, что человѣкъ, при называніи вещей, данное имъ названіе одной изъ нихъ съ малою перемѣною относилъ всегда къ другой, ей подобной. Такъ и здѣсь: не замѣчая разности между травою и деревомъ, когда онѣ равны высотою, онъ сперва и то и другое разумѣлъ подъ коренными буквами *дрв*, но когда дерево вознеслось высоко надъ травою, и разность ихъ сдѣлалась для него явною, тогда онъ не перемѣнилъ имъ названій, а только для различенія сталъ одно передъ другимъ мягче произносить, измѣня букву *д* въ *т*; послѣ того смѣшеніемъ съ гласными буквами и нѣкоторою отмѣною въ окончаніи увеличилъ еще болѣе сіе различіе, сдѣлавъ изъ того же *дрв* для одного предмета *дерево* или *древо*, а для другаго *трава*. Такимъ образомъ сіи названія почитаемъ мы теперь двумя словами, и каждое изъ нихъ называемъ кореннымъ, особымъ, первообразнымъ; но въ самомъ дѣлѣ оныя не иное что суть, какъ одно и тоже слово. Не обращая вниманія на корни языка, трудно сему повѣрить, но обращая и находя многіе тому примѣры, трудно усумниться.

На подобныхъ опытахъ и сужденіяхъ основалъ я планъ свой для составленія вновь словопроизводнаго словаря. Сей планъ конечно обширенъ, труденъ, требуетъ великихъ упражненій, строгихъ изслѣдованій и доказательствъ; но за то, по моему мнѣнію, онъ есть единственный, который вѣрно и безошибочно ведетъ къ исполненію намѣренія; единственный, который можетъ положить твердое основаніе языку толь обширному, каковъ славенскій или рускій языкъ. (Я ихъ не раздѣляю, какъ то многіе другіе дѣлаютъ; да и о томъ, кто раздѣляетъ ихъ, думаю, что онъ утверждаетъ нѣчто подобное, какъ бы утверждалъ, что французское *soleil* и руское *солнце* различны между собою. Такъ! слова двухъ языковъ различны, но предметъ, изъявляемый ими, есть одинъ и тотъ же.)

Какъ вы, господинъ профессоръ, опытами вашихъ трудовъ, любовію къ рускому языку и усердіемъ къ словесности показываете желаніе ваше далѣе въ томъ упражняться, и относитесь къ Академіи Россійской, то я съ великимъ удовольствіемъ готовъ дѣлать вамъ всякое къ сему пособіе. Для сего поручилъ я непремѣнному секретарю Академіи, г. Соколову, послать къ вамъ 8 книжекъ Академическихъ Извѣстій, по сіе время изданныхъ, также и таблицу подъ названіемъ *деревья словъ*, съ начальными лист-

ками объясненія вѣтвей. Академическія Извѣстія покажуть вамъ предварительныя разсужденія о корняхъ словъ, о предлогахъ и окончаніяхъ, равнымъ образомъ о сродствѣ и одинакомъ составѣ всѣхъ языковъ. Таблица покажетъ вамъ связь колѣнъ и составъ изъ нихъ цѣльнаго, неразрывнаго дерева. Вы увидите въ ней (подъ корнемъ *кр*) 132 колѣна и болѣе 2000 вѣтвей, подведенныхъ подъ одно начало, тогда, какъ онѣ въ прежнемъ словарѣ составляли 132 начала, или первообразныхъ словъ, и по сему можете судить, приведется ли симъ образомъ языкъ въ лучшее обозрѣніе ума, составлявшаго оный, и получитъ ли правильность употребленія словъ, толь необходимо нужная для наукъ, законовъ и словесности, какую отъ того пользу. Въ приложенныхъ притомъ листкахъ найдете вы начало (ибо Академія только что приступила къ оному) объясненія вѣтвей, изъ коихъ по предположенію не должна ни единая остаться безъ приведеннаго изъ книгъ, или сочиненнаго къ ней примѣра. Все сіе дѣлается для одного токмо первоначальнаго опыта, дабы по оному расположить далѣе продолженіе труда, и между тѣмъ исправлять могущіе вкрадываться ошибки, или дополнять забытое. Словомъ, сей далеко еще несовершенный трудъ, не имѣющій ни начала ни конца, я для того единственно къ вамъ препровождаю, дабы вы усмотрѣли изъ него не исполненіе, но одно токмо намѣреніе Академіи. Естьли вы пожелаете соучаствовать въ томъ какими либо вашими примѣчаніями, будьте увѣрены, что оныя приняты будутъ съ благодарностію.

Я имѣю вашу грамматику (Ryskspråklära). Не отнимая ни мало у ней достоинства, позвольте мнѣ съ чистосердечіемъ замѣтить въ ней хотя и мелочь, но которая по нещастію сдѣлалась довольно важною въ новѣйшей нашей словесности. Вы въ томъ не виноваты, ибо увлеклись примѣрами нашихъ писателей. Многія слова напечатаны въ ней съ двумя точками надъ буквою *е*, какъ то *живёшъ, лжёшъ, льёшъ, пьёшъ, поёшъ*, и проч. Хотя и дѣйствительно всѣ такъ говорятъ, то есть произносятъ букву *е* какъ *іô* или *ё*, но сіе произношеніе есть простонародное, никогда правописанію и чистотѣ языка несвойственное. Выдумка сія, чтобъ ставить надъ буквою *е* двѣ точки, вошла въ новѣйшія времена къ совершенной порчѣ языка. Она до того распространилась, что пишутъ даже *звёзды, гнёзды, лжёшъ*, и проч., когда иначе не пишется и даже говорящими чисто не говорится, какъ *гнѣзда, звѣзда, лжешъ*, или въ просторѣчіи *лжошъ*, но никогда *лжёшъ*, чего и произнести невозможно. Я для того спѣшу въ томъ васъ

предостеречь, чтобъ при напечатаніи вновь вашей грамматики, или иныхъ какихъ сочиненій, вы отъ того избѣгнуть могли. Чистой и высокой нашъ языкъ состоитъ въ священныхъ книгахъ, а не въ журналахъ нынѣшнихъ, которые часто пишутся людьми, не читавшими ничего важнаго по руски, кромѣ переводныхъ съ французскаго языка газетъ и романовъ, располагающими слогъ свой по ихъ слогу, и почитающими себя знатоками въ языкѣ, научаясь оному изъ однихъ простонародныхъ разговоровъ. Нигдѣ въ рускихъ книгахъ (кромѣ нѣкоторыхъ нынѣшнихъ), ни въ какомъ писателѣ прежнемъ, не найдемъ мы сего новопроявившагося *ё*.

Извините сіе мое замѣчаніе; безъ уваженія къ трудамъ вашимъ я бы его не сдѣлалъ. Естьли вы будете въ Петербургѣ, какъ намѣрены, я почту за особливое удовольствіе лично съ вами познакомиться. До того же времени препоручая себя въ ваше благорасположеніе, съ истиннымъ почитаніемъ пребываю,

милостивый государь мой,

вашъ покорнѣйшій слуга

А. Ш.

Іюня 25 дня 1820 года.

ПИСЬМО КО МНѢ ОТЪ БОГЕМСКАГО ПРОФЕССОРА В. ГАНКИ*).

Ваше Высоко Превосходительство!

Прочитавъ я письма ваши, сообщенныя мнѣ Его Высоко-Преподобіемъ г. Добровскимъ, довѣдался объ томъ, что моя такъ называемая Кральодворская Рукопись въ Извѣстіяхъ Имп. Росс. Академіи вмѣщенна будетъ: вѣсть та наполнила духа моего радостію и восхищеніемъ, особливо когда помню**), что Славянскіе Народы начинаютъ уже языки свои между собою уважать. Имѣю же крѣпкое довѣреніе, что упомянутая Рукопись щастливѣе понята и истолкована будетъ, нежели оныхъ немножко мѣстъ, ко-

*) Письмо сіе писано по руски, а потому и списывается здѣсь точно противъ подлинника[1]).

**) Хотя въ подлинникѣ не поставлено никакаго ударенія, однакожъ по смыслу надлежитъ слово сіе читать не по́мню, но помню́, т. е. подумаю.

[1]) Вячеславъ Ганка (1791—1861), трудолюбивый библіотекарь Народнаго Чешскаго Музея, особенно памятный русскимъ ученымъ, посѣщавшимъ Прагу.

торыя г. Пожарскимъ въ его изданіи Слову о полку Игоревѣ наведены были. Не понимаю какъ ему на умъ спасть могло, чтобъ росс. буквами староческія слова писать, не зная ихъ настоящаго изговора. У насъ, въ томъ случаѣ, старыя рукописи читать, далеко труднѣе Россіянъ, потому что наши древнѣйшіи писатели, незнаючи божественнаго Кірvллова изобрѣтенія, довольствовалися латинскими письменами какъ имъ возможно было. Но когда бы былъ г. Пожарскій на мое противустоящее возобновленіе свои глаза обратилъ, никакбы возможно не было тако погрѣшить. Точно и я ныня издаваю Слово о полку Игоревѣ для Славянъ употребляющихъ латинскаго письма, по истинѣ достойна пѣсь та, чтобъ ю всѣ Славяне въ подлинникѣ читать [1]; и я надѣюсь, что и Россіане съ моимъ толкованіемъ и примѣчаніями согласны будутъ. Нашихъ древнихъ стихотвореній издано уже мною четыре томиковъ [2] кромѣ Кральодворской Рукописи, и ежели бы я смѣлъ дерзнуть ихъ съ нѣкоторыми моими сочиненіями въ поклонъ Имп. Росс. Академіи прислать, почиталбы я это за великую честь себѣ.

Скажите прошу Ваше Высоко Превосходительство, чего ради насъ Богемцами называете? Мы сами зовемся Чехи, и тымже именемъ зовутъ насъ всѣ Славянскіе народы, какоже и вашъ старый Лѣтописецъ Несторъ; Богемцы или Бои совсемъ другаго, Германскаго роду бывали.

Конечно всѣпокорнѣе упрашамъ, потому что у насъ посредствомъ книгопродавцевъ ничего Рускаго получить невозможно, ежели что нибудь г. Добровскому пришлете, извольте приложить одинъ экзем. оныя въ Извѣстіяхъ напечатаной Кр. Рукоп.; я при счетѣ г. Добр. съ благодарностію заплачу; только бы я радъ скоро еще предъ вторымъ изданіемъ, которое пріуготовляю.

Вашего Высоко Превосходительства
всепокорнѣйшій
(на п. п.) Вящеславъ В. Ганка,
интерим. Библіотекеръ народнаго Музеумъ
въ Прагѣ. 8 (20) Мая 1820 года.

---

[1] Igor Svatoslavič. Hrdinský zpěv o tažení proti Polovcům. V Praze 1821.

[2] Starobylá skladanie. 5 т. Прага. 1820—1824.

ПИСЬМО КО МНѢ В. ГАНКИ.

Ваше Превосходительство, Милостивый Государь!

Къ великому моему удовольствію увѣдомился я, что графъ Лубенскій на сихъ дняхъ въ Варшаву поѣдетъ: пользуюсь тою удобностію прислать въ сіятельную Импер. Росс. Академію мною издаваемыя книжки въ слабый знакъ благодарности моей, которыя прошу Ваше Высокопревосходительство многоважнымъ своимъ ходатайствомъ сопровождать и препоручать въ Академическую Библіотеку, ежели ихъ той чести удостоить изволите. Я приложилъ также одинъ вытискъ мною открытыя греческія грамматики [1]) для Московскаго Университета, зная хорошо, что восточной церкви тотъ прекрасный Греческій языкъ нуженъ, какъ западной Латинскій; чего ради упрашаю случай таковую въ Москву переслать. Въ прошедшіе дни прочиталъ я 6 томовъ сочиненій и переводовъ Россійской Академіи, и читая засѣданія, на умъ мнѣ пало, чтобъ не токмо весьма пристойно, но и несравненно полезно было, когда бъ въ засѣданіяхъ оныхъ тоже одинъ искусный національный членъ изъ каждаго нарѣчія присутствовалъ, особливо когда Академія словари всѣхъ Славенскихъ нарѣчій издавать намѣревается; ибо таковое преславное дѣлониктоже во всѣмъ мірѣ кромѣ Академіи Россійской способствовать*) не можетъ. — Успѣетъ ли во Віенѣ**) профессура славенскаго языка и словесности, которую тамъ учредить хотятъ, то трудиться буду всѣми силами о томъ, чтобъ и въ Прагѣ такая кафедра завелася, гдѣ же бы особливо великую пользу приносила [2]). Того ради задержалося немношко сдѣланное мною преложеніе о Славянахъ изъ Карамзина и другихъ новѣйшихъ историковъ отъ набору, потому что мнѣ опредѣлено сдѣлать сокращеніе изъ грамматики словянскія Г. Добров-

*) Вѣроятно слово сіе употреблено вмѣсто совершить.

**) т. е. въ Вѣнѣ.

[1]) Manuelis Moschopuli Cretensis opuscula grammatica etc. E codice nuper in Bohemia reperto edidit..... F. N. Titze. Lipsiae et Pragae. 1822. — Ганка отыскалъ эту греческую рукопись въ Краловѣ Градцѣ въ 1820 г., и уступилъ ее пражскому профессору Тицу.

[2]) Учрежденіе славянскихъ кафедръ въ русскихъ университетахъ было тоже одною изъ завѣтныхъ мыслей Шишкова. Кеппенъ писалъ Добровскому (Sympheropol. 17 (29) Juni 1821 г.): ... „Schischkow hat nun seinen Posten als Minister der Volksaufklärung niedergelegt, ohne dass es ihm gelungen sei Slawische Catheder in den Russ. Universitäten zu errichten. Wer weiss, ob nun jemals etwas aus diesem Plane wird“ .....

скаго, бо сочиненіе его очень великое для преподованія въ училищахъ, которое каждую недѣлю трижды по часу годомѣ совершить треба. Дай Боже успѣха добрымъ вещамъ. Г. Добровскій, который здоровъ изъ Віены возвратился, и Г. Юнгманъ, который самъ пачку съ листочкомъ *) прилагаетъ, сдѣлаютъ свои уклоны **), кои имѣю честь явить

Вашему Высокопревосходительству
всепокорнѣйшій слуга
(на п. п.) Вячеславъ Ганка.
Библіотекарь народнаго Музея

въ Прагѣ. 3 Мая 1822 года.

P. S. — Открылъ я опять рукопись наистаршихъ правъ (правды Чехской) [1]), которые, какъ напечатаны будутъ, пришлю.

МОЙ ОТВѢТЪ.

Милостивый Государь мой.

Много и много благодарю васъ за присылку книгъ въ Россійскую Академію и за честь приписанія мнѣ книги подъ названіемъ *Starobilá skladanie.* Простите мнѣ, что я умедлилъ отвѣчать вамъ на ваше письмо. Надавно Академія наша издала новый словарь въ шести частяхъ, которой я со временемъ постараюсь къ вамъ прислать; а теперь посылаю девятую и десятую часть Академическихъ Извѣстій. Думаю, что всѣ предшествовавшія части вы имѣете. Въ девятой книжкѣ найдете вы маленькую рѣчь мою о нашемъ общемъ (славенскомъ) языкѣ, древнюю извѣстную вамъ рукопись о *судѣ Любушиномъ,* и продолженіе изслѣдованія корней. Сія послѣдняя статья, содержащая въ себѣ малый токмо опытъ надъ нѣкоторыми корнями, долженствовала бы обратить на себя вниманіе ученыхъ, разсуждающихъ о славенскомъ языкѣ. Многіе твердятъ о *словопроизводствѣ,* какъ о первѣйшей части грамматики, но никто не вникалъ въ оное до той глубины, до которой опуститься должно, когда хотимъ узнать составъ языка и его нарѣчій, близкихъ и отдаленныхъ. Не трудно добраться, что *руковица, рукоятка, рукоплесканіе,* и проч. проис-

---

*) т. е. пакетъ съ письмомъ.

**) т. е. кланяются, свидѣтельствуютъ чрезъ меня свое почтеніе.

---

[1]) Kniha starého pána z Rosenberga. Právo zemské české. Рукопись находится въ Чешскомъ Музеѣ.

ходятъ отъ слова *рука*; но этова мало; надобно дойти до первоначальной мысли, какую умъ человѣческій привязалъ къ корню, и отъ ней, какъ отъ источника, переходя послѣдственно изъ одного понятія въ другое, смежное съ нимъ, сталъ извлекать, составлять и плодить слова. Вы увидите, когда возьмете трудъ прочитать сію статью, что отъ услышаннаго имъ въ природѣ звука *гр*, пошелъ онъ отъ сего корня производить и *громъ*, и *гора*, и *городъ*, и *грызу*, и *грущу*, и *гребу*, и проч. и проч. Понятія совершенно между собою различныя, но не меньше того имѣющія началомъ своимъ одинъ и тотъ же корень, одну и ту же мысль, которая всѣхъ ихъ породила. Вотъ истинное словопроизводство, показующее составъ языка, и можетъ быть въ одномъ токмо славенскомъ языкѣ цѣпь сія сохраняется столь неразрывною, что по ней отъ послѣдняго до первоначальнаго звѣна ея доходить можно. А ежели м: всякое изъ вышеозначенныхъ словъ (громъ, гора, городъ, грызу, грущу, гребу) сочтемъ за первобытное, неизвѣстно откуду произшедшее, то всѣ наши умствованія объ языкѣ, всѣ словари и грамматики будутъ, какъ домы или зданія построенные на пескѣ, косы, кривы и не тверды. — Десятая книжка, надѣюсь, должна показаться вамъ еще любопытнѣе. Въ ней увидите вы изслѣдованіе, въ чемъ всѣ языки разнятся и въ чемъ сходствуютъ между собою. Какимъ образомъ каждый изъ нихъ измѣнялся, отходилъ отъ первобытнаго, и, сдѣлавшись совсѣмъ инымъ, сохраняетъ однакожъ въ себѣ признаки своего происхожденія. Славенскій языкъ является въ нихъ древнѣйшимъ и первѣйшимъ. Въ этомъ я увѣренъ не потому, что я Славенинъ или Руской, но потому, что мой разумъ въ томъ меня убѣждаетъ, и что сіе убѣжденіе основано на многихъ опытахъ и доказательствахъ. Безсомнѣнія Нѣмцы и другіе иностранцы возопіютъ противъ меня, какъ смѣю я утверждать, что многія слова ихъ суть вѣтви славенскихъ словъ! Но ежелибъ они, отложа всякое пристрастіе къ языку своему, съ холоднымъ и здравымъ разумомъ вникли въ началы состава языковъ, то конечно согласились бы со мною, и каждый изъ нихъ увидѣлъ бы въ томъ пользу собственнаго языка своего. Но по нещастію не многіе иностранцы знаютъ славенскій языкъ, и потому не могутъ ни прочитать меня, ни почувствовать силы моихъ доводовъ. — Прошу отъ меня поклониться господину Добровскому и Юнгману. Первому изъ нихъ долженъ бы я былъ отвѣчать на почтенное его ко мнѣ письмо, но пожалуйте извините меня предъ нимъ, что я особаго письма, по скорости отправленія сего, къ нему не пишу, а въ вашемъ

приписываю, что я грамматику его представилъ Россійской Академіи, которая приняла ее съ особливымъ удовольствіемъ и поручила мнѣ засвидѣтельствовать ему свою благодарность. Надѣюсь, что со временемъ оная переведена будетъ на россійскій языкъ. — Впрочемъ, желая вамъ всякихъ благъ и прося о продолженіи пріятной вашей съ нами переписки, съ истиннымъ почитаніемъ навсегда пребываю, вашъ

милостиваго государя моего покорный слуга

А. Ш.

С. Петербургъ. Апрѣля 28 дня 1823 года.

Господину Вячеславу Ганкѣ, Библіотекарю Чехскаго Народнаго Музеума, въ Прагѣ *).

ПЕРЕПИСКА СЪ І. Б. РАКОВЕЦКИМЪ.

1.

ПЕРЕВОДЪ

письма г. Раковецкаго, писаннаго на польскомъ языкѣ, изъ Варшавы отъ 1 (13) Іюля 1820 года.

Превосходительнѣйшій господинъ!

Угодно было в. п. почтить меня благосклоннымъ вниманіемъ вашимъ и сверхъ чаянія моего дать весьма значительную цѣну предпріятію моему въ изданіи Руской Правды на польскомъ языкѣ. Достойно возблагодарить за сіе я не въ силахъ. По крайней мѣрѣ удостойте, в. п., принять какъ дань должной признательности сочиненіе мое, котораго первый томъ и дополненіе къ посланной чрезъ г. Линде части при семъ препровождаю. Томъ вторый скоро выдетъ изъ печати. Въ ономъ заключаться будутъ трактаты: Олега, Игоря, Князя Мстислава Давыдовича и Руская Правда. Рускій текстъ съ польскимъ переводомъ будутъ сравниваемы съ остатками разныхъ древнихъ славянскихъ законовъ; за симъ послѣдуютъ разсужденія о началѣ и нынѣшнемъ состояніи польскаго языка; въ концѣ пріобщится Россійско-Польскій словарь мало вразумительныхъ рускихъ словъ, находящихся въ семъ сочиненіи. Обратить вниманіе на славенскую древность, а особливо на средства къ обогащенію и усовершенствованію отечественнаго языка помощію древнихъ славенскихъ нарѣчій, есть цѣль сего сочиненія. Естьли старанія мои хотя нѣсколько будутъ соот-

---

*) Письмо сіе послано съ княземъ Волконскимъ.

вѣтствовать толь великому предпріятію, и трудъ мой читатели признаютъ полезнымъ, то симъ щастіемъ моимъ я буду обязанъ извѣстнымъ въ кругу всѣхъ славенскихъ народовъ сочиненіямъ вашего превосходительства, проложившимъ мнѣ путь къ сему предпріятію.

Ваше превосходительство пріобрѣли глубокія свѣденія во всѣхъ славенскихъ нарѣчіяхъ. Онѣ дороже и пріятнѣе вамъ нарѣчій чуждыхъ народовъ. По сему-то я и осмѣлился писать къ в. п. на отечественномъ языкѣ, на которомъ вообще удобнѣе, нежели на иностранномъ, изъяснять свои мысли. — Съ глубочайшимъ почтеніемъ имѣю честь быть

(на подлинномъ подписано:) J. B. Rakowiecki.

2.

ОТВѢТЪ.

Милостивый государь мой.

Я имѣлъ удовольствіе получить письмо ваше и присланную приономъ сочиненія вашего книгу подъ названіемъ *Руская Правда.* Благодарю васъ, какъ за то, такъ и за другое. Труды ваши дѣлаютъ вамъ честь, и я увѣренъ, что они полезны будутъ для исторіи, для языка и словесности. Всѣ славенскія нарѣчія суть одного отца дѣти. Прошу о продолженіи сообщенія ихъ въ Россійскую Академію. Будьте увѣрены, что знакомство съ вами, хотя и заочное, приноситъ мнѣ великое удовольствіе. При семъ въ знакъ искренняго почитанія моего посылаю къ вамъ вновь вышедшую изъ печати *осмую часть Академическихъ Извѣстій.* Въ ней помѣщенъ переводъ изданной въ Прагѣ на чехскомъ языкѣ Кралодворской рукописи, о которой и вы въ сочиненіи своемъ упоминаете. Таковыя древнія рукописи почитаю я весьма полезными, какъ для нѣкоторыхъ историческихъ открытій, такъ равно и для замѣчанія коренныхъ въ языкѣ словъ и свойственныхъ оному рѣченій. Помѣщенная вами статья, присланная отъ г. Юнгмана къ гос. Линде (которому прошу засвидѣтельствовать мое почтеніе) о собранномъ чехскою королевою совѣтѣ, также весьма любопытна [1]). Прося о продолженіи вашего ко мнѣ

---

[1]) Извѣстная древнѣйшая чешская рукопись: Любушинъ судъ, или такъ называемая Зеленогорская рукопись, открытая въ 1818 г..

благорасположенія съ и тиннымъ почитаніемъ навсегда пребываю, вашъ

милостиваго государя моего покорнѣйшій слуга

А. Ш.

С. Петербургъ. 3 августа 1820 года.

Господину Раковецкому, издателю Руской Правды.

3.

ПИСЬМО КО МНѢ.

Jaśnie Wielmożny Panie!

Położenie moje i częste oddalanie się z Warszawy nie dozwoliło mi ukończyć zaczętego druku Prawdy Ruskiéj, i co było powodem, iż listami nie smiałem trudnić J. W. Pana. Teraz przy nadchodzącym nowym roku poczytuję sobie za najmilszy obowiązek niniejszym się zgłosić i przy najgłębszém uszanowaniu oświadczyć J. W. Panu szczére i czułe życzenia wszelkiéj pomyślności, a nadewszystko długich lat i czerstwego zdrowia. Przytém mam honor przesłać część tomu II-go Prawdy Ruskiéj, tyle ile dotąd jest wydrukowano. W dalszym ciągu nastąpi jeszcze *krótka historya języka słowiańskiego na dwie części podzielona*. Część I zrobioną jest na wzór P. Rivarol (Sur l'universalité de la langue française), w któréj mówi się o dawnym dyalekcie cerkiewnym, Rossyjskim, Serbskim, Czeskim, Polskim. W części téj będzie powtórzona *powieść o sejmie królowéj Lubuszy*, wedle kopii poprawnéj stosownie do originału, udzielonéj mi przez P. Hankę wydawcę Rękopismu Królodworskiego, którą tu załączam. Część II-go zrobioną jest na wzór P. de Brosse (Traité de la formation mécanique des langues) w któréj się mówi o początku i tworzeniu się języka Słowianskiego i różnych jego dyalektów, o wewnętrzném wyrazów znaczeniu i t. p. — Wiele korzystałem z przysłanéj mi łaskawie przez J. W. Pana *księgi VIII Wiadomości Akad. Ross.* Znajduję tam na karcie 19 wiadomość o wydanych przez Akademią Tablicach Etymologicznych, których tu dostać nie podobna, a z których mogłbym wiele korzystać, przeto osmielam się o takowe pokornie J. W. Pana upraszać. Przebacz J. W. Pan, że go tém pismem zatrudniam, łaskawe względy, któremi nad moje zasługi zaszczycony zostałem, i którym się nazawsze oddaię, do tego mnie ośmieliły [1]).

---

[1]) Переводъ: Положеніе мое и частыя отлучки изъ Варшавы помѣшали мнѣ окончить начатое печатаніе Русской Правды, и это было причиной, что письмами я не смѣлъ безпокоить Васъ. Теперь, съ приближеніемъ новаго года, считаю

Łącząc wyraz najgłębszego uszanowania mam honor wyznać iż jestem

Jaśnie Wielmożnego Pana

najniższym sługą
Rakowiecki.

Warszawa. — d. 12 (24) Gr. 1821.

МОЙ ОТВѢТЪ.

Милостивый государь мой.

Я имѣлъ удовольствіе получить письмо ваше съ приложенными къ нему трудовъ вашихъ книгами. Приношу вамъ мою искреннюю благодарность за то и за другое. Я почитаю труды ваши весьма полезными, какъ для языка, такъ и для исторіи. Продолжайте ихъ, они принесутъ вамъ честь и славу. Вы пишете, что не имѣете таблицъ (или деревъ), о которыхъ упомянуто въ Академическихъ Извѣстіяхъ. Я посылаю къ вамъ девятую часть сихъ Извѣстій (полагая что прежде изданныя 8 къ вамъ доставлены), гдѣ напечатанъ переводъ одного изъ вашихъ разсужденій [1]), и гдѣ найдете вы также и упоминаемыя таблицы. Онѣ для опыта напечатаны особо въ видѣ деревьевъ съ колѣнами и вѣтвями, которыхъ хотя очень мало напечатано, однакожъ я и сіи къ вамъ посылаю. Изъ нихъ усмотрите вы намѣреніе мое, состоящее въ

пріятнѣйшимъ долгомъ обратиться къ вамъ съ настоящимъ письмомъ и вмѣстѣ съ глубочайшимъ почтеніемъ выразить вамъ искреннія и сердечныя пожеланія всякаго счастія, а больше всего долголѣтія и крѣпкаго здоровья. При этомъ честь имѣю переслать часть 2-го тома Русской Правды, столько, сколько до сихъ поръ напечатано. Дальше будетъ еще слѣдовать краткая исторія славянскаго языка, раздѣленная на двѣ части. Часть 1-я составлена по образцу Ривароля: „Sur l'universalité de la langue française.“ Въ ней говорится о древнемъ нарѣчіи церковномъ, русскомъ, сербскомъ, чешскомъ, польскомъ. Въ этой части будетъ повторенъ разсказъ о сеймѣ королевы Любуши, на основаніи исправленной по оригиналу копіи, сообщенной мнѣ г. Ганкою, издателемъ Краледворской рукописи. Копію эту у сего прилагаю. Часть 2-я составлена по образцу де-Бросса: „Traité sur la formation mécanique des langues.“ Въ ней говорится о началѣ и образованіи языка славянскаго и разныхъ его нарѣчій, о внутреннемъ значеніи словъ и т. п. Я много пользовался присланною вами VIII книжкой Извѣстій Россійской Академіи. На стр. 19 я нашелъ тамъ извѣстіе объ изданныхъ Академіей этимологическихъ таблицахъ, которыхъ здѣсь нельзя достать, а онѣ могли бы мнѣ быть весьма полезны. Поэтому осмѣливаюсь покорнѣйше просить васъ прислать мнѣ эти таблицы. Извините, что безпокою васъ этимъ письмомъ. Милостивое вниманіе, которымъ вы меня почтили превыше моихъ заслугъ, и которому я поручаю себя навсегда, придало мнѣ смѣлости, и проч..

[1]) Выписка изъ книги: „Правда Руская.“

слѣдующемъ: доселѣ всѣ словопроизводные словари, на всѣхъ языкахъ, издавались такъ, что вѣтви производились только отъ колѣнъ, а колѣна не почитались вѣтвями, но принимались, вопреки языку, за первообразныя слова. Такъ напримѣръ:

пепелъ или *пепль*, пепельный, пепелище, изпепелить, и проч.
пылаю, пылкій, пылкость, пылко, пылъ и проч.

Въ разрозниваніи такимъ образомъ словъ *пепелъ* и *пылаю*, предполагается, что каждое изъ нихъ есть первообразное, то есть не произведенное ни откуда, а само собою составляющее корень; но это не правда: *пепелъ* происходитъ отъ *пылаю*, поелику означаетъ вещество *по пылѣ* (т. е. послѣ пыла или полома или пыланія) остающееся. Имя сіе очевидно составлено изъ предлога *по* и имени *пылъ* (т. е. зной, жаръ, огонь). Польское *popiół*, или богемское *popel*, еще яснѣе то свидѣтельствуютъ. — Ежели весь словарь такимъ образомъ будетъ составленъ, то можетъ ли онъ назваться *словопроизводнымъ*, когда о производствѣ словъ ни мало не разсуждаетъ и вѣтви принимаетъ за корень? Сію-то важную въ сочиненіи словарей погрѣшность покушаюсь я исправить, сперва производствомъ изъ корня первыхъ вѣтвей (называемыхъ мною *колѣнами*), а потомъ уже производствомъ отъ каждаго колѣна принадлежащихъ ему вѣтвей. Я надѣюсь найти васъ согласными со мною, что трудъ сей требуетъ конечно многихъ изслѣдованій, справокъ, разсужденій и доказательствъ, прежде нежели можетъ быть совершенъ; но и того отрицать нельзя, что, не говорю уже словари, но и самая грамматика и логика, едва ли безъ строгаго розысканія началъ языка, могутъ быть чужды многихъ погрѣшностей и заблужденій. Предоставляя дальнѣйшія о семъ объясненія собственному суду вашему, и пріемля съ удовольствіемъ всѣ ваши ко мнѣ отношенія, съ истиннымъ и совершеннымъ почитаніемъ навсегда пребываю, вашъ

милостиваго государя моего покорнѣйшій слуга
А. Ш.

Генваря 9 дня 1822 года.
Г-ну Раковецкому, въ Варшавѣ.

5.

ПИСЬМО КО МНѢ.

(Переводъ съ польскаго.)

Ваше превосходительство, милостивый государь!

Честь имѣю препроводить къ в. п. два пакета, надписанные на имя ваше [1]), которые доставлены ко мнѣ изъ Праги при письмѣ г-на Ганки. Въ письмѣ семъ г-нъ Ганка сообщаетъ мнѣ, что за нѣсколько недѣль предъ отправленіемъ онаго открылъ онъ неизвѣстную донынѣ рукопись богемскихъ правъ XIV столѣтія, по древности языка и другимъ отношеніямъ довольно важную и любопытную. Рукопись сію намѣревается онъ отдать въ печать, ежели мѣстная цензура сіе дозволитъ. Я съ моей стороны хочу предложить ему, чтобъ при изданіи сей рукописи напечаталъ онъ текстъ устава Стефана короля сербскаго, находящійся въ Сербской Исторіи, сочиненной Раичемъ. Таковое изданіе сей рукописи содѣлалось бы весьма важнымъ въ отношеніи къ общей словесности славенской и исторіи законодательства.

Разныя обстоятельства не дозволили мнѣ до сихъ поръ окончить печатаніе втораго тома Руской Правды; однакожъ надѣюсь въ непродолжительномъ времени привесть дѣло сіе къ концу, и тогда поставлю за долгъ доставить оное вашему превосходительству. Между тѣмъ приношу вамъ увѣреніе въ глубочайшемъ почитаніи и усерднѣйшей преданности. Имѣю честь быть вашимъ,

милостивый государь, всепокорнѣйшимъ слугою

(на п. п.:) Венедиктъ Раковецкій.

14 (26) Іюня 1822 г.

ПИСЬМО КО МНѢ В. БРОНЕВСКАГО [2]).

Милостивый государь, Александръ Семеновичъ.

Разборъ моихъ Записокъ открылъ мнѣ всю мѣру моей къ вамъ благодарности. Похвалы, г. критикомъ [3]) мнѣ приписанныя, я себѣ не присвоиваю. Вамъ записки мои обязаны своимъ существованіемъ; вашему покровительству и руководству обязанъ я, что труды мои награждены лестнымъ отзывомъ многихъ любителей отечественной словесности. Замѣчанія ваши о моихъ ошиб-

---

[1]) Письма Юнгмана (отъ 2 мая) и Ганки (отъ 3 мая).

[2]) См. выше письмо Шишкова къ И. В. Васильчикову (17 янв. 1819 г.).

[3]) А. Ѳ. Воейковымъ, въ Сынѣ Отечества или Русскомъ Инвалидѣ.

какъ, писанныя на ласкуткахъ бумаги и на оригиналѣ, сохраню я какъ памятникъ особаго ко мнѣ благоволенія, какъ знакъ снисхожденія вашего, къ наученію и исправленію моему клонившагося. Со всею откровенностію признаюсь, что моя книга, безъ мудраго вашего надзора, наполнена была бы непростительными ошибками, и естьли похвалы г. Воейкова въ нѣкоторомъ отношеніи справедливы, то я всѣмъ симъ обязанъ единственно вамъ. Ваше превосходительство, какъ Меценатъ всѣхъ упражняющихся въ Рускомъ словѣ, конечно уже привыкли къ изъявленіямъ благодарности многихъ писателей; но я по предпочтенію имѣю право безпокоить васъ моей чувствительнѣйшею и искреннею признательностію за особенное вниманіе къ трудамъ моимъ.

Поздравляя ваше превосходительство съ новымъ годомъ, желаю вамъ всѣхъ благъ и счастія, и съ истиннымъ высокопочитаніемъ и совершенною преданностію честь имѣю быть

вашего превосходительства,
милостиваго государя, покорнѣйшій слуга
(на подл. подпис.) В. Броневскій.

1. генваря 1821. Тула.

СПИСОКЪ СЪ ПИСЬМА КО МНѢ ОТЪ ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ.

Александръ Семеновичъ. Съ согласія Императора, любезнѣйшаго моего сына, избрала я васъ въ члены совѣтовъ, учрежденныхъ при Обществѣ благородныхъ дѣвицъ и Училищѣ ордена Св. Екатерины. Я надѣюсь, что вы въ семъ выборѣ увидите доказательство особливой моей къ вамъ довѣренности и благорасположенія, а я находить буду пріятные случаи изъявлять вамъ чаще истинное уваженіе и доброжелательство, съ каковыми я пребываю вамъ благосклонною.

(На подлинномъ подписано:) Марія.

Въ Павловскѣ. Іюня 22 дня 1821.

ОТВѢТЪ МОЙ.

Всемилостивѣйшая Государыня.

Обращенное на меня вниманіе Вашего Императорскаго Величества избраніемъ меня въ члены совѣтовъ, учрежденныхъ при Обществѣ благородныхъ дѣвицъ и Училищѣ ордена св. Екатерины, пріемлю я съ тѣмъ живѣйшимъ чувствованіемъ благодарности и благоговѣнія, какимъ всегда преисполненъ былъ къ священной особѣ Вашей. Руководствоваться Вашими наставленіями, и быть

ближайшимъ свидѣтелемъ изливаемыхъ Вами на человѣческій родъ благотвореній, будетъ сладкою для души моей пищею. Съ восхищеннымъ сердцемъ, повергая себя къ стопамъ всемилостивѣйшей моей Государыни, щастіе имѣю быть

Вашего Императорскаго Величества

всеподданѣйшій

А. Ш.

Іюня 23.

ОТВѢТЪ

министру дух. дѣлъ и просвѣщенія, кн. Голицыну,

на письмо, которымъ предлагалъ онъ, чтобъ 1500 экземпляровъ представленнаго ему Словаря напечатать отъ Академіи, въ пользу сочинителя.

Милостивый государь мой, Александръ Николаевичъ.

Въ слѣдствіе письма вашего сіятельства о напечатаніи 1500 экземпляровъ Словаря на четырехъ языкахъ, — рускомъ, молдавскомъ, греческомъ и французскомъ, въ пользу сочинителя онаго г. Марцеллы, имѣю честь донести, что Академія находитъ въ томъ великія затрудненія: 1-е, потому что она не имѣетъ греческихъ литеръ и нѣкоторыхъ молдавскихъ, въ нашей азбукѣ не находящихся. 2-е, что естьли велѣть нарочно для сего отлить сіи литеры, то напечатаніе сего Словаря, съ бумагою и другими типографическими расходами, возрастетъ конечно до суммы болѣе десяти тысячъ рублей. 3-е, печатаніе сего Словаря, неоконченнаго еще и не приведеннаго въ должную исправность и порядокъ, можетъ продолжиться нѣсколько лѣтъ. 4-е, Академія въ Словарѣ семъ не имѣетъ иной надобности, какъ развѣ только ту, чтобъ имѣть у себя одинъ или два экземпляра онаго, и то для одного молдавскаго языка; ибо прочихъ языковъ словари она имѣетъ. 5-е, Академія понесла бы великой убытокъ не только отъ напечатанія 1500 экземпляровъ въ пользу сочинителя, но даже и тогда, когда половину отдала бы ему, а другую удержала у себя для продажи и выручки употребленныхъ на то денегъ; ибо весьма не надежно, чтобъ она хотя малую часть экземпляровъ продать могла. 6-е, что Академическая типографія занята печатаніемъ своего словаря и другихъ многихъ сочиненій. Наконецъ 7-е, сочинитель и самъ согласенъ, что Академіи не сходно словарь его на щетъ свой напечатать, и что онъ о томъ и просить не можетъ. А естьли сочинителю нужна будетъ какая либо иная зависящая

отъ Академіи помощь, то она охотно ему оную подастъ. По всѣмъ симъ причинамъ, ваше сіятельство усмотрите, что Академіи никакимъ образомъ къ напечатанію сего словаря приступить неудобно. Донеся о семъ, съ истиннымъ почитаніемъ и преданностію имѣю честь быть,

вашего сіятельства покорнѣйшій слуга
А. Ш.

Августа дня 1821 года.

ПИСЬМО КЪ Я. И. СМИРНОВУ.
(священнику при посольствѣ нашемъ въ Лондонѣ.)

Милостивый государь мой, Яковъ Ивановичъ.

Россійская Академія посылаетъ съ графомъ Христофоромъ Андреевичемъ Ливенымъ [1]) произведенія свои въ Лондонское Общество Royal Society и въ Эдинбургской Университетъ. При семъ случаѣ прошу васъ, милостивый государь мой, не можно ли съ вашей стороны дать имъ знать, что ежели они пожелаютъ о какой либо статьѣ въ сихъ книгахъ имѣть свѣденіе, то вы примите на себя трудъ переводомъ или объясненіемъ оной удовлетворить ихъ любопытству. Таковымъ содѣйствіемъ вашимъ вы весьма много обяжете Россійскую Академію и меня. Я бы желалъ, чтобъ вы содѣлались нѣкоторымъ посредникомъ между нашею Академіею и англинскими учеными обществами, естьли сіе съ нашей стороны первое къ нимъ отношеніе примутъ они за знакъ нашего къ нимъ уваженія и захотятъ намъ тѣмъ же образомъ платить. Безсомнѣнія въ посланныхъ къ нимъ *Извѣстіяхъ Академическихъ* могли бы они найти много достойнаго любопытства и дальнѣйшихъ о томъ разсужденій, ежелибъ языкъ нашъ былъ имъ извѣстнѣе; ибо въ нихъ не объ одномъ славенскомъ, но и обо всѣхъ вообще языкахъ разсуждается, и самая польза англинскаго языка требовала бы, чтобъ они не поверхностно на сіе взглянули, но вошли бы въ основаніе и связь доказательствъ. Мнѣ здѣсь наговорили, что оба сіи общества, Royal Society и Эдинбургской Университетъ, не занимаются словопроизводствомъ, то есть изслѣдованіемъ началъ всѣхъ языковъ; но естьлибъ сіе и не было главнымъ ихъ занятіемъ, то невозможно, чтобъ они предметъ сей, единственный, ведущій къ познанію человѣческаго слова, почитали ненужнымъ

---

[1]) Посолъ нашъ въ Лондонѣ, былъ сынъ княгини Шарлоты Карловны, воспитательницы великихъ княженъ, дочерей императора Павла; Христофоръ Андреевичъ состоялъ при немъ генералъ-адъютантомъ; съ 1834 года до своей смерти (1838) находился при особѣ великаго князя Наслѣдника.

или недостойнымъ вниманія. — Сверхъ сего вы можете со многихъ сторонъ одолжать нашу Академію и быть ей полезнымъ. Напримѣръ: она предполагаетъ издать вновь сравнительный словарь на двухъ стахъ языкахъ, изданный Палласомъ, и въ составленіи котораго сама Императрица Екатерина Великая трудилась. Въ семъ словарѣ на многихъ языкахъ недостаетъ названій, которыя надлежало бы пополнить. На англинскомъ языкѣ есть много морскихъ путешествій, изъ коихъ вѣроятно въ нѣкоторыхъ находить можно хотя и немногочисленныя собранія словъ разныхъ народовъ, а особливо, сказываютъ, печется о томъ Калькутское ихъ Общество. Ежели бы вы подобными словарями, или выписками изъ путешествій, могли снабжать нашу Академію, то бы вы ее крайне обязали. — Словомъ, я надѣюсь, что вы, по любви вашей къ наукамъ и отечеству, не отречетесь одолжать ее присылкою всего, что найдете для свѣденія ея любопытнымъ или нужнымъ. Вы много также меня обяжете, когда, узнавъ мнѣніе ученыхъ Англичанъ о трудахъ нашей Академіи, или покрайней мѣрѣ о томъ, какъ они отношеніе наше къ нимъ примутъ, меня о томъ чистосердечно увѣдомите. Во всемъ ономъ съ полною довѣренностію на васъ полагаясь, при изъявленіи совершеннаго моего къ вамъ почитанія и преданности, навсегда пребываю,

милостивый государь мой,

вашъ покорный слуга

А. Ш.

2 сентября 1821 года.

ПИСЬМО КЪ ГРАФУ ЛИВЕНУ.

(послу нашему при Англинскомъ дворѣ).

Милостивый государь мой, Христофоръ Андреевичъ.

При семъ прилагаю къ вашему сіятельству два письма, одно въ Лондонское Общество Royal Society, а другое въ Эдинбургской Университетъ, оба на рускомъ языкѣ. Я прилагаю при семъ и переводъ ихъ на англинской языкъ; но сего перевода не одобряютъ. А потому я и предоставляю на волю вашего сіятельства сдѣлать изъ него такое употребленіе, какое вы заблагоразсудите Можетъ быть они сами найдутъ кого нибудь, которой лучше переведетъ. Также прилагаю письмо къ находящемуся при васъ священнику, господину Смирному, прося ему оное вручить. Впрочемъ Россійская Академія препоручаетъ вамъ свои пользы, какъ почтеннѣйшему своему сочлену, будучи увѣрена, что вы не про-

пустите ничего, могущаго служить къ распространенію доброй ея славы, и также къ снабденію ее полезными книгами. Она по Монаршей щедротѣ въ такомъ теперь состояніи, что можетъ употреблять нѣкоторую сумму на составленіе своей библіотеки, почему и проситъ васъ покорнѣйше увѣдомлять ее о такихъ на англинскомъ языкѣ произведеніяхъ, хотя бы и довольно дорогихъ, которыя тамъ отыскиваться могутъ, или вновь появятся, и вы сочтете ихъ для насъ нужными. Я же съ моей стороны, особенно прося о продолженіи вашего ко мнѣ благорасположенія, съ истиннымъ и совершеннымъ почитаніемъ и преданностію честь имѣю быть

вашего сіятельства покорнѣйшій слуга

А. Ш.

2 сентября 1821 года.

Отъ Россійской Императорской Академіи въ Лондонское Ученое Общество, называемое **Royal Society.**

Россійская Императорская Академія имѣла всегда великое уваженіе къ англинскому языку, сколько по знаменитости народа, употребляющаго оный, столько же и по многимъ изданнымъ на немъ превосходнымъ произведеніямъ. По той же причинѣ, и тожъ самое уваженіе имѣетъ она къ достопочтенному англинскому сословію Royal Society, пекущемуся на томъ же основаніи, какъ и Россійская Академія, о пользѣ языка своего и словесности. Хотя языки наши различны, а потому и предметы нашихъ обществъ кажутся быть различными, поелику каждое изъ нихъ раскрываетъ и объясняетъ свой языкъ, — однакожъ, вникая глубже въ человѣческое слово, находимъ, что всѣ, даже и самые отдаленнѣйшіе языки суть нарѣчія, или лучше сказать дѣти первобытнаго и общаго всѣмъ имъ прародителя, и потому, при всей своей кажущейся разности, имѣютъ, хотя и потаенную, но удобопроницаемую разумомъ взаимную связь и одинакія начала. Слѣдовательно открованіе оныхъ и приведеніе въ нѣкую достаточную для разума ясность не только сближаетъ сродство всѣхъ вообще языковъ, но можетъ послужить и къ особенной каждаго изъ нихъ пользѣ. На семъ-то основаніи, Россійская Императорская Академія желаетъ войти въ сношеніе съ Англинскимъ Королевскимъ Обществомъ, препровождая къ нему опыты своихъ разсужденій, подъ названіемъ *Извѣстій* (изданныхъ по сіе время въ девяти книжкахъ), и надѣясь, что Королевское Общество приметъ ихъ благосклонно. Россійская Академія сочтетъ за знакъ пріятной для нея соотвѣтственности, когда и Королевское Общество заблагоразсудитъ при-

слать къ ней подобныя о языкахъ изслѣдованія, или иныя какія произведенія. Сообщеніе сіе утвердитъ связь между двумя сословіями, имѣющими въ нѣкоторомъ смыслѣ одинакую цѣль, и умножитъ еще болѣе то почтеніе и уваженіе, какими Россійская Академія къ английскому народному просвѣщенію и слѣдственно къ пекущемуся о томъ Королевскому ихъ сословію преисполнена.

Александръ Шишковъ,
Президентъ Россійской Академіи.

1 сентября 1821 года.

Отъ Россійской Императорской Академіи въ Эдинбургской Университетъ.

Россійская Императорская Академія, въ знакъ особеннаго уваженія своего къ знаменитому Эдинбургскому Университету, препровождаетъ въ оный нѣкоторые опыты трудовъ своихъ въ изслѣдованіи корней словъ, открывающемъ какъ начало, такъ и сближеніе всѣхъ вообще языковъ. Хотя славенскій языкъ не столь извѣстенъ въ кругу ученыхъ мужей, какъ греческій и латинскій, однакоже Россійская Академія надѣется, что почтенное Эдинбургское Общество приметъ труды ея съ благосклонностію и не отвергнетъ таковыми же съ нею сношеніями доставлять ей величайшее удовольствіе. Хотя языки наши различны, но какъ всѣ народы текутъ изъ единаго источника, не преставая нести съ собою языкъ отцевъ своихъ, то кажется не можетъ быть сомнѣнія, чтобы и въ языкахъ ихъ, сколь ни сдѣлавшихся различными, не были примѣтны слѣды постепеннаго ихъ измѣненія. Трудолюбивыя изысканія могутъ открыть сіи слѣды и каждый языкъ почерпнетъ изъ того свою пользу. Таковые Россійской Академіи опыты, хотя и относятся болѣе къ славенскому языку, однако не могутъ быть чужды Эдинбургскому ученому обществу, поелику въ нихъ вообще обо всѣхъ языкахъ разсуждается. По сей-то причинѣ Россійская Академія, руководствуемая двоякимъ побужденіемъ: вопервыхъ уваженіемъ своимъ къ Эдинбургскому Университету, и вовторыхъ желаніемъ чрезъ взаимное сообщеніе удобнѣе разсѣять мракъ, доселѣ еще слово человѣческое покрывающій, препровождаетъ въ Университетъ опыты своихъ изслѣдованій, конечно несовершенныхъ еще и недостаточныхъ къ снятію завѣсы толь обширной и тяжелой; но для того-то и нужны общія силы и трудолюбіе. Россійская Академія проситъ принять увѣреніе, что она

не престанетъ никогда имѣть достодолжное уваженіе и почитаніе къ знаменитому Эдинбургскому Университету.

Александръ Шишковъ,
Президентъ Россійской Академіи.

2. сент. 1821 года.

ПИСЬМО КО МНѢ МИТРОПОЛИТА ВАРЛААМА.

Ваше высокопревосх. мил. гос.

Въ знакъ моего искренняго уваженія къ вамъ, мил. гос. мой, имѣю честь представить вашему высокопревосходительству два экземпляра изданныхъ мною толкованій и бесѣдъ на праздничныя Евангелія, одинъ для Императорской Россійской Академіи, а другой для причисленія къ библіотекѣ вашего высокопревосходительства.

Пріимите таковое мое малое, но усердное приношеніе, съ свойственнымъ вамъ благорасположеніемъ, чѣмъ самымъ много обяжете

вашего превосходительства,
милостиваго государя, покорнѣйшаго слугу
(на подлин. подпис.) Ворлаама Митрополита,

Сентября 13 числа 1821 года.

МОЙ ОТВѢТЪ НА ОНОЕ.

Ваше высокопреосвященство, милостивый государь.

Я имѣлъ честь получить присланную отъ вашего высокопреосвященства ко мнѣ и въ Россійскую Академію сочиненія вашего книгу, подъ названіемъ *толкованіе Евангелій съ нравоучительными бесѣдами.* Принявъ даръ сей съ величайшимъ удовольствіемъ, я, какъ отъ себя собственно, такъ и отъ лица всей Академіи приношу вашему высокопреосвященству покорнѣйшую благодарность. Академія сохранитъ оный, а я потщусь почерпнуть душевную пользу отъ заключающихся въ ономъ благочестивыхъ наставленій.

Съ истиннымъ почитаніемъ и преданностію, прося вашего архипастырскаго благословенія, имѣю честь быть

вашего высокопреосвященства покорнѣйшій слуга
А. Ш.

Тогожъ года и мѣсяца, 15 дня.

ПИСЬМО КО МНѢ Л. МИЛЕТИЧА.

Ваше высокопревосходительство, милостивый государь!

По благосовѣтію сербскаго дворянина Вука Стефановича и прочихъ любящихъ и прославляющихъ ваше высокопревосходительство, дерзаю книжицъ мою под' титломъ: примѣръ ѿпѵстнаго слова архіерейскаго, чистымъ славенскимъ языкомъ написанъ[1]), и дрѵгѵю под титломъ: слово ω вѣчномъ блаженствѵ, простымъ сербскимъ языкомъ изложенно, вашему высокопревосходительствѵ покорнѣйше принести, еже прошлаго м-ц-а по кѵріерѵ ѿ посольства Россійскаго въ двѣю завясцѣ ѿсюду ѿправихъ въ семъ благонамѣреніи вашемѵ высокопревосходительствѵ и посредствіемъ высокопочитаемымъ всѣмъ сіятельнѣйшимъ и превосходительнѣйшимъ лицамъ глѵбочайшее поклоненіе мое со всякимъ высокопочитаніемъ ωсвидѣтельствовати, вѣдый іако у вашего высокопревосходительства славенское книжество имать рачителя великаго и Мецената своего ненакнадимаго, съ нимъ же и россійское дворянство величается.

Прощайте ми дерзновеніе и истинное израженіе сердца моего, покорнѣйше прошѵ ваше высокопревосходительство! удостойте оное вашего милостиваго воззрѣнія и благоволите ѿ малаго трѵдолюбія моего ѿправленный маловажный дарекъ, іако знакъ глѵбочайшаго страхопочитанія, благоѵгодно пріяти и ωдобрити, съ коимъ высокой милости и благопріятьствѵ вашего высокопревосходительства, и всѣхъ великоименитыхъ посредствіемъ высопочитаемымъ покорнѣйше себе врѵчая, есмь и пребываю,

милостивый государь,

вашего высоко-превосходительства нижайшій слуга

(на п. п.) Лазарь Милетичь.

Въ Бечѣ. 16-го Ноемврія 1821.

МОЙ ОТВѢТЪ.

Государь мой, господинъ Лазарь Милетичь.

Я истинно не знаю какъ оправдать себя передъ вами. Надѣюсь на одно ваше великодушіе, что вы мнѣ простите толь долгое умолчаніе на письмо ваше и присланную ко мнѣ книгу подъ заглавіемъ: *отпустнаго слова архіерейскаго примѣръ*. Впрочемъ я исполнилъ ваше порученіе: представилъ сію сочиненную вами книгу въ Императорскую Россійскую Академію, которая

[1]) Вѣна. 1821 г..

приняла ее съ удовольствіемъ и благодарностію; роздалъ тѣмъ лицамъ, коихъ имена означены были на экземплярахъ. Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ тогда же писалъ ко мнѣ, чтобъ я поблагодарилъ васъ за присылку къ нему оной. Но я виноватъ: ожидая случая писать къ Вуку Стефановичу, и препоручить ему переслать письмо мое къ вамъ, день отъ дня отлагалъ, и разными случившимися препятствіями вовлеченъ былъ въ долгое молчаніе. Но лучше поздо, нежели никогда. Итакъ принося вамъ теперь мою покорнѣйшую благодарность, прошу васъ и впредь имѣть сношеніе со мною и присылать труды ваши въ Россійскую Академію, которая, сохраняя ихъ въ своей книгохранительницѣ, не престанетъ воспоминать объ васъ съ должнымъ уваженіемъ, съ какимъ и я навсегда пребываю, вашъ

государя моего покорный слуга А. Ш.

5 мая 1823 года.

Государю моему, господину Лазарю Милетичу, правдослову въ кралевствѣ Мацарскомъ [1]) и Загребскаго комитата засѣдателю.

ПИСЬМО КЪ ГРАФУ ПОТОЦКОМУ.

Милостивый государь мой, Ярославъ Феликсовичъ.

Вы просили меня о книгѣ подъ названіемъ: *Собраніе Высочайшихъ манифестовъ, грамотъ, указовъ и проч., послѣдовавшихъ въ теченіи 1812, 13, 14, 15 и 16 годовъ*, и желали, чтобъ я доставилъ вамъ оную при своеручномъ моемъ письмѣ. Сохраняя въ душѣ моей искренное къ вамъ почитаніе, я охотно сіе исполняю. Безсомнѣнія толь важныя и великія приключенія, какія происходили въ 1812, 13 и 14 годахъ, не истребятся никогда изъ памяти людей и лѣтописей потомства. Слѣдственно и Высочайшія бывшія тогда повелѣнія, приказы, извѣщенія и проч. останутся также навсегда незабвенны. Сія книга содержитъ ихъ въ себѣ, но ежели которая либо изъ сихъ бумагъ можетъ наиболѣе обращать на себя вниманія, то оная, по мнѣнію моему, есть статья XXVI, подъ названіемъ: *во всенародное извѣстіе, по Высочайшему повелѣнію* [2]). Бумага сія написана въ то время, когда получено извѣстіе о взятіи Москвы. Признаться должно, что вторженіе въ

---

[1]) Т. е. юристъ въ королевствѣ Венгерскомъ.

[2]) См. въ Запискахъ, т. I, стран. 157—159.

Россію толь сильнаго, изъ столькихъ народовъ во едино тѣло составленнаго непріятеля, успѣхи его оружія, быстрое отъ Нѣмена до Москвы пришествіе, многихъ городовъ покореніе и наконецъ взятіе и сожженіе главнѣйшей россійской столицы, въ глубинѣ царства лежащей, — все сіе не могло быть иначе, какъ печальнымъ, всякую бодрость и надежду отъемлющимъ предвѣстіемъ. Но при всѣхъ сихъ мрачныхъ и тяжкихъ обстоятельствахъ, при которыхъ бумага сія писана, читая ее, почувствуетъ ли кто въ ней духъ безнадежности и унынія? — напротивъ: среди окружающихъ тучъ и отчаянія, она предвозвѣщаетъ ясность неба и несомнѣнную надежду. — Позвольте мнѣ повторить здѣсь сказанное между прочимъ въ ней: „*Сколь ни болѣзненно всякому Рускому слышать, что первопрестольный градъ Москва вмѣщаетъ въ себѣ враговъ отечества своего, но она вмѣщаетъ ихъ въ себѣ пустая, обнаженная отъ всѣхъ сокровищъ и жителей. Гордый завоеватель надѣялся, вошедъ въ нее, содѣлаться повелителемъ всего Россійскаго Царства и предписать ему такой миръ, какой заблагоразсудитъ; но онъ обманется въ надеждѣ своей и не найдетъ въ столицѣ сей не только способовъ господствовать, ниже способовъ существовать. Собранныя и отчасу больше скопляющіяся силы наши окрестъ Москвы не престанутъ преграждать ему всѣ пути, и посылаемые отъ него для продовольствія отряды ежедневно истреблять, доколѣ не увидитъ онъ, что надежда его на пораженіе умовъ взятіемъ Москвы была тщетная, и что по неволѣ долженъ онъ будетъ отворять себѣ путь изъ ней силою оружія.*“ Я вопрошаю: не точно ли то въ послѣдствіи происходило, что здѣсь заранѣе предсказано? Далѣе бумага сія говоритъ: „*Безсомнѣнія смѣлое или лучше сказать дерзкое стремленіе его въ самую грудь Россіи и въ самую древнѣйшую столицу удовлетворяетъ его честолюбію и подаетъ ему поводъ тщеславиться и величаться; но конецъ вѣнчаетъ дѣло. Не въ ту страну зашелъ онъ, гдѣ одинъ смѣлый шагъ поражаетъ всѣхъ ужасомъ и преклоняетъ къ стопамъ его и войски и народъ. Россія не привыкла покорствовать, не потерпитъ порабощенія, не предастъ законовъ своихъ, вѣры, свободы, имущества. Она съ послѣднею въ груди каплею крови станетъ защищать ихъ. Всеобщее повсюду видимое усердіе и ревность въ охотномъ и добровольномъ противъ врага ополченіи свидѣтельствуетъ ясно, сколь крѣпко и непоколебимо отечество наше, ограждаемое добрымъ духомъ вѣрныхъ своихъ сыновъ. Итакъ да не унываетъ никто! и въ такое ли время унывать можно, когда всѣ состоянія государственныя дышатъ мужествомъ и твердостію? когда непріятель съ остаткомъ*

отчасу болѣе исчезающихъ войскъ своихъ, удаленный отъ земли своей, находится посреди многочисленнаго народа, окруженъ арміями нашими, изъ которыхъ одна стоитъ противъ него, а другія три стараются пресѣкать ему возвратный путь и не допускать къ нему никакихъ новыхъ силъ? когда Гишпанія не только свергла съ себя иго его, но и угрожаетъ ему впаденіемъ въ его земли? когда большая часть изнуренной и расхищенной отъ него Европы, служа по неволѣ ему, смотритъ и ожидаетъ съ нетерпѣніемъ минуты, въ которую бы могла вырваться изъ подъ власти его тяжкой и нестерпимой? когда собственная земля его не видитъ конца проливаемой ею для славолюбія своей и чужой крови? — При толь бѣдственномъ состояніи всего рода человѣческаго, не прославится ли тотъ народъ, который, перенеся всѣ неизбѣжныя съ войною разоренія, наконецъ терпѣливостію и мужествомъ своимъ достигнетъ до того, что не токмо пріобрѣтетъ самъ себѣ прочное и ненарушимое спокойствіе, но и другимъ державамъ доставитъ оное, и даже тѣмъ самымъ, которыя противъ воли своей съ нимъ воюютъ?" — Я опять вопрошаю: не точно ли такъ все это сбылось? и можно ли было въ то время, когда казалось все вокругъ насъ падаетъ, помышлять о семъ высокомъ возстаніи? Далѣе сказано: *„Пріятно и свойственно доброму народу за зло воздавать добромъ."* — Не исполнилось ли и сего при снисходительномъ вшествіи побѣдоносныхъ войскъ нашихъ въ Парижъ? — Конечно бумага сія не была пророчество, ибо человѣкъ будущаго не знаетъ; однакожъ нельзя отрицать, чтобъ сильное въ сердцѣ человѣческомъ вопіяніе противъ лютой неправды не исторгло иногда изъ устъ его предчувствій, похожихъ на предсказаніе, особливо когда оскорбленный обращается къ Богу, мстителю за него. Бумага сія окончевается слѣдующею молитвою: *„Боже всемогущій! обрати милосердыя очи Твои на молящуюся Тебѣ съ колѣнопреклоненіемъ Россійскую Церковь. Даруй побораюшему по правдѣ вѣрному народу Твоему бодрость духа и терпѣніе. Сими да восторжествуетъ онъ надъ врагомъ своимъ, да преодолѣетъ его и, спасая себя, спасетъ свободу и независимость Царей и Царствъ."* — Событіе показало, что молитва сія дошла до престола Всевышняго. Россія изъ нѣдръ зла вознеслась на высоту благополучія, спасла себя, воздала добромъ за зло, освободила Царей и Царства. Итакъ, благодаря Правителя міровъ и судебъ, бумага сія, отнюдь не пророческая, по благости Божіей, содѣлалась таковою. — Препровождая къ вамъ сіе письмо и книгу, я чувствую величайшее удовольствіе, что имѣю случай хотя малою услугою изъявить

вамъ то почтеніе и преданность, съ которыми навсегда имѣю честь быть

вашего превосходительства покорнѣйшій слуга

А. Ш.

18 ноября 1821 года.

ПИСЬМО КО МНѢ С. Е. РАИЧА.

Ваше превосходительство, милостивый государь
Александръ Семеновичъ.

Священною обязанностію поставляю для себя воздать благодарность вашему превосходительству за тѣ замѣчанія, которыя вы благоволили сдѣлать на первый и слѣдовательно несовершенный трудъ мой. Я принялъ ихъ тѣмъ съ бóльшею признательностію, что онѣ слились съ пера, если смѣю такъ выразиться, истиннаго патріота нашей словесности, обогатившаго ее неподражаемыми образцами краснорѣчія и давшаго ей благотворные законы. На нѣкоторыя изъ замѣчаній вашего превосходительства я осмѣлился бы сдѣлать возраженія, но опасаясь пристрастія къ самому себѣ и зная тонкость вкуса вашего превосходительства, рѣшился лучше воспользоваться ими при второмъ изданіи моего перевода. Съ глубочайшимъ почтеніемъ, честь имѣю быть

вашего превосходительства покорный слуга

(на п. п.) Семенъ Раичъ.

Москва.
1821, ноября 20.

МОЙ ОТВѢТЪ.

Милостивый государь мой, Семенъ Егоровичъ.

Я имѣлъ удовольствіе получить письмо ваше отъ 20 ноября. Благодарю васъ за оное. Вы между прочимъ пишете, что могли бы на нѣкоторыя замѣчанія мои сдѣлать возраженіе, но опасаетесь пристрастія къ самому себѣ. Учтивость и скромность ваши дѣлаютъ вамъ честь; но и обо мнѣ сдѣлали бы вы несправедливое заключеніе, естьлибъ подумали, что я замѣчанія мои почитаю непогрѣшимыми и не люблю никакихъ возраженій. Повѣрьте мнѣ, что естьли я иногда не воздерживаюсь дѣлать ихъ, то это отнюдь не по дѣйствію самолюбія, но по единственной и чистой любви къ отечественному языку и словесности. Мнѣ жаль, когда,

думая украшать, безобразять и портять его по образцамъ чужихъ языковъ. Вотъ вся моя вина. Конечно, сила употребленія и навыка можетъ меня сдѣлать неправымъ: нѣкогда порочилъ я входящія въ языкъ нашъ выраженія, таковыя какъ *вліяніе на* и тому подобныя, но теперь онѣ у всѣхъ на языкѣ. Ктожъ пощадитъ меня насмѣшкою? Но между тѣмъ я и нынѣ, уступая силѣ навыка, не перестаю думать, что чѣмъ больше станемъ мы рускія мысли и обороты изъ языка своего выгонять, а чужеземныя на мѣсто ихъ вставлять, тѣмъ больше будетъ онъ на себя не похожъ. Трудно оградить словесность отъ подобныхъ выраженій, когда уже онѣ и въ судебныя бумаги входятъ. Бывало когда кто на кого доноситъ, что онъ участвовалъ въ какомъ либо преступленіи, то долженъ былъ сказать, что обвиняемый имъ или подговорилъ или подкупилъ преступника, и ежели сего не докажетъ, то самъ подвергался наказанію; а нынѣ, благодаря нововведенію выраженій, доносчикъ сей не опасается вопросовъ, ибо, вмѣсто подговорилъ или подкупилъ, скажетъ: *онъ имѣлъ на него вліяніе*. Судья толкуй, какъ хочетъ, сіи слова, но не изобличитъ его въ клеветѣ. — Я не спорю, что о нѣкоторыхъ иносказаніяхъ, иноименіяхъ, оборотахъ, выраженіяхъ и тому подобномъ можно быть различнаго мнѣнія, особливо въ стихотворствѣ: мы видимъ самыхъ славнѣйшихъ писателей въ томъ иногда не согласующихся; но что касается до нововведеній въ языкъ, то оныя должны быть строго разсмотрѣны: не потрясаютъ ли его? не искажаютъ ли? не отъемлютъ ли у него силы и важности? Послѣдовать имъ слѣпо, безъ основанія, потому только, что нѣкоторые писатели, щеголяющіе новизнами, начали употреблять ихъ, не можетъ никакимъ образомъ быть оправдано. Я говорю о введеніи въ чистый и благородный языкъ простонароднаго произношенія *іо* или *ё*. Откуду оно взялося? Возмемъ весь письменный языкъ нашъ, отъ самаго начала его, найдемъ ли гдѣ оное? Находится ли оно въ священныхъ писаніяхъ, образцахъ краснорѣчія, силы и важности слога? Находится ли въ лѣтописяхъ, писанныхъ языкомъ простѣйшимъ или болѣе народнымъ? Найдемъ ли оное даже въ Елесѣ, шутливой поэмѣ Майкова?[1]) Не говоря уже о другихъ прозаикахъ и стихотворцахъ нашихъ, Ломоносовъ, Сумароковъ, Кантемиръ, Херасковъ, Петровъ, Богдановичъ, Княжнинъ, Хемницеръ, и проч. и проч., вводилиль когда нечистоту сію въ языкъ нашъ? Откуду

---

[1]) „Елисей или раздраженный Вакхъ", поэма въ пяти пѣсняхъ Василія Ивановича Майкова.

же она появилась? Можно ли последовать въ томъ примѣру нѣкоторыхъ неопытныхъ писателей, начавшихъ употреблять оную по незнанію свойствъ языка своего, или по самолюбивому, весьма неосновательному мнѣнію, что будто для отличенія себя въ словесности довольно, когда я стану придумывать что нибудь небывалое, напримѣръ писать безъ еровъ, раздѣлять слитную букву *щ* на двѣ неслитныя *сч*, вмѣсто *е* ставить *іо*, и тому подобное? Языкъ нашъ больше, нежели всякой другой, отличается важнымъ слогомъ отъ простаго. Въ немъ почти всякое слово пишется двояко: *прахъ* и *порохъ, нравъ* и *норовъ, крава* и *корова, млеко* и *молоко, прейти* и *перейти*, и проч.. Употребленіе тѣхъ и другихъ словъ прилично слогу — есть въ немъ совершенное искуство. Хотѣть писать одинакими словами и выраженіями какъ важную, такъ и простую рѣчь, есть не знать и унижать достоинство языка. Тожъ можно сказать и о простонародномъ произношеніи *іо*. Письменнный, чистый и благородный языкъ не можетъ вмѣщать въ себѣ онаго. Оно терпимо только въ разговорномъ языкѣ, и то въ самыхъ низкихъ словахъ, таковыхъ какъ *шліопнуться, кліокъ*, сердце *іокнуло*, и тому подобныхъ. Позволительно сказать простолюдину: у нашева барина много этакихъ *сіолъ;* но написать Ломоносову:

Желѣзо браней да не знаетъ,
Служа въ трудѣ безмолвныхъ *сіолъ*, —

было бы совершенное невниканіе въ важность и силу языка. — Простите моему чистосердечію. Отдавая полную справедливость вашему переводу, я не могу не сожалѣть, что вы, къ совершенной порчѣ прекраснѣйшаго языка нашего, увлеклись сими примѣрами, и, послѣдуя нѣкоторымъ новѣйшимъ писателямъ, вмѣстѣ съ ними многовѣчную и почтенную древность его хотите наряжать въ новую несвойственную ему одежду. Господа нынѣшніе писатели крѣпко гнѣваются на меня за мои мнѣнія, но пусть какъ хочетъ умъ и свѣтъ вертится, я увѣренъ, что истина всегда оставаться будетъ истиною. Ясность смысла, соблюденіе грамматическихъ правилъ и выборъ словъ по приличію слога почитаю я нужными во всѣ времена и вѣки, ибо навыкъ старѣется, а разумъ всегда юнъ. — Я надѣюсь, что вы не подосадуете на меня за сію мою откровенность, и не примите оную за критику или наставленіе вамъ. Я весьма отъ того далекъ, чтобъ хотѣть учить кого нибудь, но люблю открывать мысли мои тѣмъ, которые дарованіями своими произвели во мнѣ должное къ нимъ уваженіе. Съ сими

чувствованіями и совершеннымъ почитаніемъ, навсегда къ вамъ пребуду, вашъ

милостиваго государя моего
покорный слуга А. Ш.

23 декабря 1821 году.
Господину Раичу.

ПИСЬМА КО МНѢ Г. ВИЛЛАМОВА [1]).

1.

Милостивый государь Александръ Семеновичъ.

Государыня Императрица Высочайше повелѣть изволила увѣдомить ваше превосходительство, что, согласно съ совѣтомъ вашимъ, Ея Величество предпочла отмѣченное вами для музыки сочиненіе, вставивъ въ оное только два куплета изъ другаго, которые Ея Величеству понравились, вмѣсто исключенныхъ двухъ же, какъ усмотрѣть изволите изъ приложенной здѣсь точной копіи, снятой въ томъ видѣ, какъ сочиненіе теперь отдано Кавосу для сочиненія музыки.

Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію, имѣю честь быть,
милостивый государь,
вашего превосходительства покорнѣйшій слуга
(на п. п.) Григорій Вилламовъ.

Ноября 30. 1821.

NB. — Въ семъ году было въ Смольномъ Монастырѣ два праздества: первое, данное отъ членовъ совѣта сего Общества, ноября въ 12-й день, въ которой совершилось 25-ти лѣтнее начальство Государыни Императрицы Маріи Феодоровны надъ Обществомъ благородныхъ дѣвицъ. (См. о семъ празднествѣ въ Отечественныхъ Запискахъ г. Свиньина, статью подъ названіемъ: Достопамятный юбилей.) Второе, данное Императрицею, декабря въ 10-й день, по случаю прибытія великой княгини Маріи Павловны. Въ сіе второе празднество, Императрица поручила мнѣ по заданной программѣ сочинить стихи для пѣнія дѣвицамъ. Я отнесся о семъ къ нѣкоторымъ стихотворцамъ, изъ коихъ князь Шаховской и Востоковъ сочинили точно по программѣ, а прочіе токмо отчасти по оной исполнили. Я отослалъ всѣ сіи стихи къ Ея Величеству, отдавъ преимущество стихамъ князя Шаховскаго; но въ тоже

---

[1]) Григорій Ивановичъ Вилламовъ, статсъ-секретарь императрицы Маріи Ѳедоровны.

время ходатайствовалъ о наградѣ Востокова, какъ человѣка имѣющаго болѣе нужды въ одобреніи. Вышепомѣщенное и послѣдующія письма были слѣдствіемъ сего произшествія.

2.

Милостивый государь, Александръ Семеновичъ.

Я имѣлъ щастіе докладывать Государынѣ Императрицѣ по письму вашего превосходительства и представлять корректурный листъ стихамъ, сочиненнымъ для празднества 10-го числа. Ея Императорское Величество Высочайше повелѣть изволила просить ваше превосходительство, чтобы благоволили приказать напечатать только тѣ стихи, которые будутъ пѣты, и съ которыхъ я имѣлъ честь сообщить вамъ копію.

Ея Императорское Величество со всемилостивѣйшимъ благоволеніемъ принять изволила сочиненія г. Востокова, и предоставляетъ себѣ изъявить ему Высочайшую признательность*), о чемъ ваше превосходительство увѣдомляя, покорнѣйше благодарю за присланный мнѣ экземпляръ, и съ истиннымъ почитаніемъ и преданностію имѣю честь быть,

милостивый государь,
вашего превосходительства покорнѣйшій слуга
(на п. п.) Григорій Вилламовъ.

Декабря 6-го дня 1821.

ПИСЬМО КО МНѢ Н. НОВОСИЛЬЦОВА.

Милостивый государь, Александръ Семеновичъ.

Государыня Императрица, въ знакъ Высочайшаго благоволенія къ г. дѣйствительному члену Императорской Россійской Академіи Востокову за сочиненные имъ стихи, по случаю происходившаго въ 10-й день сего декабря въ Воспитательномъ Обществѣ благородныхъ дѣвицъ торжества, всемилостивѣйше пожаловать ему соизволила бриліянтовой перстень, который Высочайше и повелѣть изволила препроводить къ вашему превосходительству и просить васъ, милостивый государь, г-ну Востокову оный вручить.

---

*) Здѣсь говорится о двухъ томахъ сочиненій его [1]), отосланныхъ отъ меня для поднесенія Императрицѣ.

---

[1]) Въ 1821 г., Александръ Христофоровичъ Востоковъ собралъ и издалъ свои стихотворныя произведенія, подъ заглавіемъ: „Стихотворенія А. Востокова.“

Исполняя симъ монаршую волю и покорнѣйше прося ваше превосходительство о полученіи означеннаго перстня почтить меня вашимъ увѣдомленіемъ, имѣю честь быть съ непремѣннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію,

милостивый государь,

вашего превосходительства всепокорнѣйшимъ слугою,

(на п. п.) Николай Новосильцовъ.

Декабря 16-го дня 1821.

Его Прев. А. С. Шишкову.

ПИСЬМО ОТЪ МЕНЯ ВЪ ТЕАТРАЛЬНУЮ ДИРЕКЦІЮ.

Милостивый государь мой, Аполлонъ Александровичъ [1]).

Сынъ недавно скончавшагося, извѣстнаго талантами своими мужа, Ивана Афонасьевича Дмитревскаго, относясь къ Россійской Императорской Академіи, объясняется слѣдующими словами:

„Я желалъ бы, какъ благодарный сынъ, отцу моему, члену Россійской Академіи, воздвигнуть надгробный памятникъ на томъ мѣстѣ, гдѣ погребенъ прахъ сего осмидесяти-девяти-лѣтняго старца, котораго вся жизнь посвящена была на пользу отечественной драмматической словесности, и который былъ, можно сказать, основателемъ и образователемъ россійскаго театра, занимая на ономъ, въ теченіи многихъ лѣтъ, съ величайшею похвалою самыя труднѣйшія роли, доставивъ оному многія своего сочиненія и перевода отличныя піэсы, и образовавъ многіе молодые таланты, кои украшали и нынѣ украшаютъ нашу сцену; но имѣя недостаточное состояніе и семейство, состоящее изъ жены и трехъ дочерей, кои требуютъ содержанія и воспитанія, и притомъ задолжавъ довольно значительную сумму, какъ на лѣченіе болѣзненнаго и престарѣлаго моего родителя, въ послѣдніе годы жизни его, такъ и на приличное погребеніе, я не въ силахъ теперь самъ почтить прахъ его и самымъ малѣйшимъ надгробіемъ, и проч.“

Объясняясь симъ образомъ, проситъ онъ Россійскую Академію и Вольное Экономическое Общество (гдѣ отецъ его также былъ членомъ) сдѣлать ему въ томъ пособіе.

Россійская Академія находитъ сіе желаніе сына воздвигнуть

---

[1]) Майковъ, поэтъ, служилъ прежде въ гвардіи, потомъ управлялъ театральной дирекціей.

надгробный памятникъ толь почтенному отцу весьма справедливымъ; ибо россійскій театръ дѣйствительно обязанъ былъ ему не токмо началомъ существованія своего, но вмѣстѣ и славою. Онъ въ молодости своей посланъ былъ въ чужіе краи. Славнѣйшіе тогда въ Англіи и Франціи актеры, Гаррикъ и Лекень, почтили его своею дружбою и отдавали справедливость искуству его игры. Возвратясь оттуда, онъ долгое время былъ душою театра, утѣшеніемъ зрителей и полезнымъ наставникомъ молодыхъ людей въ трудной театральной наукѣ. Знаменитый Сумароковъ, творецъ первыхъ трагедій нашихъ, неоднократно обращался къ нему въ стихотвореніяхъ своихъ, и восхищенный дарованіями его справедливо взывалъ къ нему: *„Дмитревскій! тебя потомство не забудетъ."* Сверхъ славы пріобрѣтенной имъ на поприщѣ Мельпомены и Таліи, онъ, какъ по нравственности, такъ и по словесности, былъ отличныхъ достоинствъ, доставившихъ ему пріязнь и уваженіе отъ всѣхъ лучшихъ людей. Всѣ ученые, особливо же трудившіеся надъ драмматическими сочиненіями, бесѣдовали съ нимъ и пользовались его совѣтами. Онъ искусенъ былъ въ руском языкѣ, и по достоинству нѣкоторыхъ сочиненій своихъ былъ принятъ въ члены Россійской Академіи. Отдыхая на лаврахъ въ послѣднія времена жизни своей, достигъ онъ до глубокой старости, и хотя долгое время не являлся на сценѣ, однакожъ въ славнѣйшій для Россіи 1812 годъ, воспламененный любовію къ отечеству, дряхлый, трясущійся, вышелъ на оную, и произвелъ въ благодарныхъ зрителяхъ неумолкное рукоплесканіе.

Толь исполненную заслугами долголѣтнюю жизнь старца Россійская Академія, долженствующая, по силѣ повелѣнія и щедротъ Монаршихъ, ободрять таланты, не можетъ и не должна оставлять безъ вниманія. Но какъ главная покойнаго Дмитревскаго слава и заслуги относятся болѣе къ театру, то напередъ и ожидаетъ она отъ театральной дирекціи подвига, состоящаго въ томъ чтобъ дать ему бенефисъ. Тогда Академія съ своей стороны не оставитъ съ признательностію публики соединить и свою признательность къ праху сего отличнаго Россіянина.

Сообщая вамъ, милостивый государь, отъ лица Академіи о сихъ ея расположеніяхъ, и прося сдѣлать ихъ гласными, съ истиннымъ почитаніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть

вашего превосходительства
покорнѣйшій слуга А. Ш.

Декабря 5 дня 1821 года.

Его Превосх. Апол. Алексан. Майкову, Управляющему Театральною Дирекціею.

О томъ же
къ С. Петербургскому военному губернатору.

Милостивый государь, Михайло Андреевичъ.

Отнесясь отъ лица Академіи къ театральной дирекціи о назначеніи бенефиса покойному члену Академіи Дмитревскому, оказавшему при необыкновенныхъ дарованіяхъ немалыя заслуги, достойныя того, чтобъ въ ободреніе талантовъ воздвигнуть ему надгробный памятникъ, я о томъ же самомъ, и отъ лица той же Академіи, отношусь и къ вашему сіятельству, прося употребить ваше въ томъ содѣйствіе. Кому приличнѣе поддерживать славу талантовъ, какъ не тому, кто увѣнчанъ славою на поляхъ брани?

Съ истиннымъ почитаніемъ и совершенною преданностію, имѣю честь быть

вашего сіятельства
покорнѣйшій слуга А. Ш.

Декабря 5 дня 1821 года.

Его Сіятельству Графу Мих. Андр. Милорадовичу.

ОТВѢТЪ.

Милостивый государь, Александръ Семеновичъ.

Получа почтеннѣйшее письмо вашего превосходительства, отъ 5 сего декабря, о дачѣ на здѣшнемъ театрѣ бенефиса покойному члену Академіи Дмитревскому, я имѣлъ щастіе всеподданнѣйше докладывать Государю Императору, и Его Величество на сіе соизволяетъ.

Сообщивъ о сей Высокомонаршей волѣ г. управляющему театральною дирекціею для надлежащаго исполненія, имѣю честь объ томъ и васъ, милостивый государь, увѣдомить.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію, есмь

вашего превосходительства
всепокорнѣйшій

(на подлин. подписано:) Г. Милорадовичъ.

No. 7246.

13 декабря 1821.

Его Превосх. А. С. Шишкову.

ПИСЬМО КО МНѢ К. Ф. КАЛАЙДОВИЧА.

Ваше превосходительство, милостивый государь!

Простите смѣлости, съ какою человѣкъ вамъ неизвѣстный утруждаетъ ваше превосходительство покорнѣйшею прозьбою о благосклонномъ принятіи въ вашу библіотеку препровождаемаго экземпляра Памятниковъ Россійской словесности XII вѣка. Это слабый знакъ того глубочайшаго уваженія къ трудамъ вельможи, распространителя отечественнаго слова, къ трудамъ, которые часто служили мнѣ руководствомъ.

Если угодно будетъ вашему превосходительству почтить меня увѣдомленіемъ о полученіи книги, благоволите надписать, по мѣсту моей службы, въ коммисію печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ, при московскомъ архивѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и истинною преданностію къ особѣ вашей, честь имѣю пребыть вашего превосходительства

милостиваго государя

покорнѣйшимъ слугою

(и. п. п.) Константинъ Калайдовичъ.

Москва.

20 декабря 1821 года.

МОЙ ОТВѢТЪ.

Милостивый государь мой, Константинъ Федоровичъ.

Я имѣлъ удовольствіе получить письмо ваше и присланную при немъ книгу: *Памятники Россійской словесности XII вѣка.* Съ каковою благодарностію пріемлю я даръ сей, съ таковою же радостію вижу похвальные ваши труды. Естьлибъ мы во всѣ времена заботились о сохраненіи достойныхъ чтенія сочиненій, то можетъ быть имѣли бы множество такихъ памятниковъ; но кажется нигдѣ столько не поглащала ихъ рѣка забвенія, какъ въ нашемъ отечествѣ. Даже и въ недавныя времена половина твореній Феофана Прокоповича, нашего Цицерона и Демосфена, до насъ не дошла. Между тѣмъ, въ двѣнадцатомъ вѣкѣ, во всей Европѣ не найдемъ и тѣни того краснорѣчія, какое вы представляете намъ въ рѣчахъ Туровскаго. Желательно, чтобъ вы, отыскивая таковыя сокровенности, принесли великую пользу нашему нынѣшнему языку и словесности удержаніемъ ихъ въ духѣ прямо рускомъ. Почти всѣ мы думаемъ, что словесность наша началась

со временъ Петра Великаго; но я мнѣніе сіе только съ одной стороны нахожу справедливымъ, а именно, что мы не знали нѣкоторыхъ родовъ сочиненій, какъ то трагедій, комедій, сатиръ, сонетовъ, епиграмъ и проч.; однакожъ не были чужды краснорѣчія и познаній въ красотахъ словесности. Сіе свидѣтельствуютъ всѣ наши духовныя писанія, въ которыхъ видимъ отличную силу и возвышенность языка. Слѣдовательно не было только примѣровъ, или обыкновенія упражняться въ свѣтскихъ сочиненіяхъ, но языкъ нашъ издревле былъ способенъ къ выраженію самыхъ глубочайшихъ мыслей и сильныхъ чувствованій, могущихъ во всякомъ родѣ твореній двигать сердце и восхищать душу. Свѣтскія сочиненія наши предоставлены были народу; но и тотъ въ сказкахъ и пѣсняхъ своихъ искаженныхъ и не могшихъ чрезъ изустное преданіе сохраниться въ цѣлости, являетъ еще искры ума и вкуса въ изображеніяхъ страстей и природы. Достойную снискали бы мы себѣ похвалу и умно бы сдѣлали, когдабъ, воспользовавшись чужеземными примѣрами или образцами, не увлеклись соблазнительною, но злемудрою легкостію списывать ихъ рабственно тѣми красками, какія въ подлинникѣ употреблены; ибо хотя умъ, и красота вездѣ красота, однакожъ свойство языковъ различно, и однѣ и тѣже слова въ одномъ языкѣ не имѣютъ той силы въ другомъ. Не читая книгъ своихъ, мы невольно отвыкаемъ отъ природныхъ языку нашему свойствъ, начинаемъ хладѣть къ нимъ и даже презирать. Уже подобныя симъ красоты, въ двѣнадцатомъ вѣкѣ чувствуемыя: *„изліемъ, яко миро, на главу его вѣру и любовь нашу; изыдемъ любовію, яко и народы, во срѣтеніе ему; сломимъ гнѣводержаніе, яко и вѣтви; постелемъ ему, яко и ризы, добродѣтели; воскликнемъ молитвами и незлобіемъ, яко младенцы; предвидемъ милостынями къ нищимъ,"* и проч. — уже, говорю, нынѣ, въ девятнадцатомъ столѣтіи, къ паденію языка и словесности, перестаютъ быть чувствуемы. Такимъ образомъ, отчасу болѣе удаляясь отъ первыхъ, мы строимъ нѣчто новое на старомъ, но уже едва извѣстномъ намъ основаніи, пріемля чужія и переиначивая смыслъ многихъ словъ своихъ и выраженій. Такъ, напримѣръ, прежде говаривали: *рѣка образуетъ жизнь человѣческую,* то есть течетъ, впадаетъ въ море и тѣмъ представляетъ образъ или подобіе человѣческой жизни, а нынѣ, по переводу французскаго глагола *former*, или нѣмецкаго *bilden*, стали писать: *воспитаніе образуетъ нравъ, рѣка образуетъ островъ.* Ктожъ, привыкнувъ къ сему новому смыслу, пойметъ руския слова: *иже херувими тайно обра-*

вующа? Не знаю что напослѣдокъ сдѣлается изъ языка нашего, естьли мы такимъ образомъ станемъ его переиначивать и все то изъ него истреблять, что не похоже въ немъ на языкъ француской, съ которымъ онъ составомъ своимъ такъ различенъ, какъ нельзя больше. Удержите, естьли можно, вашими трудами сію заразу. Отыщите побольше такихъ древнихъ сочиненій, которыя, хотя не скоро, но со временемъ показали бы намъ, что мы не отъ бѣдности языка пишемъ: *натура, порфира, философія,* или играя въ карты говоримъ: *пасъ, офраншировать* масть, дать *сюркупъ*, и тому подобное, но отъ навыка, и что не возможно статься, чтобъ мы сказать сего не умѣли, когда бы хотѣли. Между тѣмъ сіи мелочи, скопившись во множествѣ, вредятъ словесности, и что еще хуже, со всѣмъ нашимъ умомъ и просвѣщеніемъ, увѣряютъ насъ въ скудости того языка, отъ котораго примѣтнымъ образомъ всѣ другіе происходятъ. Простите невоздержность мою, что я обременилъ васъ сими моими разсужденіями. Мнѣ всегда жаль, когда кто трудится надъ полезнымъ, и нѣтъ надежды, чтобъ, при усиливающемся къ древнему языку нашему неуваженіи, трудъ сей могъ принесть желаемые успѣхи. Съ истиннымъ почитаніемъ имѣю, честь быть вашъ

милостиваго государю моего
покорный слуга А. Ш.

9 генваря 1822 года.
Г. Калайдовичу.

МОЕ ПИСЬМО Д. П. ТАТИЩЕВУ [1]).

Милостивый государь, Дмитрій Павловичъ.

Въ прошедшихъ засѣданіяхъ Россійской Академіи разсуждаемо было о памятникѣ, воздвигнутомъ надъ гробомъ Ломоносова, что оный уже покривился, преклоняется къ паденію и требуетъ поправленія. Академія обратила бы вниманіе свое на сохраненіе знака памяти надъ толь знаменитымъ мужемъ, но какъ памятникъ сей воздвигнутъ графомъ Воронцовымъ, то Академія воздерживается приступить къ тому безъ согласія на то графовъ Воронцовыхъ, и какъ ей извѣстно, что вы состоите въ близкомъ родствѣ съ симъ домомъ, то и проситъ васъ, какъ члена своего, принять на себя трудъ снестись съ кѣмъ слѣдуетъ изъ господъ Воронцовыхъ: угодно ли будетъ имъ самимъ памятникъ сей возобновить, или предоставить сіе Россійской Академіи. О чемъ

---

[1]) Оберъ-камергеръ Д. П. Татищевъ, долгое время бывшій посломъ въ Вѣнѣ.

покорнѣйше прошу васъ, милостиваго государя, меня увѣдомить, дабы могъ я отвѣтъ вашъ представить Академіи.

Съ истиннымъ почитаніемъ и совершенною преданностію, имѣю честь быть

вашего превосходительства
покорнѣйшій слуга А. Ш.

17 генваря 1822 года.
Его Превосх. Дм. Павл. Татищеву.

ПЕРЕВОДЪ ПИСЬМА КО МНѢ І. ЮНГМАНА.
(писаннаго въ подлинникѣ на латинскомъ языкѣ.)

Ваше превосходительство!

На благосклоннѣйшее письмо вашего превосходительства, отъ 22-го апрѣля 1821 года, отвѣчаю весьма поздно потому, что я со дня на день ожидалъ изданія втораго тома словаря Полковича[1]). Нынѣ оный томъ, также 2-й и 3-й томы книжки подъ заглавіемъ *Krok*[2]), при семъ письмѣ препровождаю. Книгу *о повивальномъ искуствѣ* братъ мой принялъ съ изъявленіемъ величайшей радости и благодарности, сожалѣя только во первыхъ о томъ, что весьма много утрудилъ ваше превосходительство отъискиваніемъ столь рѣдкой книги, и во вторыхъ о томъ, что онъ не знаетъ ея цѣны; посему и чувствуетъ себя весьма обязаннымъ вашему превосходительству. Въ книжкѣ *Krok* (3-мъ томѣ) братъ мой[3]) помѣстилъ отрывокъ *о судѣ Любушинѣ*, съ сохраненіемъ правописанія рукописи; а я присовокупилъ новѣйшій богемскій переводъ и нѣкоторыя примѣчанія. То что ваше превосходительство изволили замѣтить о употребленіи и пользѣ словопроизводства показываетъ, что вы какъ бы угадали мои мысли. Желалъ бы я, чтобы всѣ наши соотечественники убѣдились въ сей истинѣ. У насъ нынѣ между нѣкоторыми Богемцами существуетъ разномысліе о правописаніи, слогоудареніи и заимствованіи техническихъ словъ изъ другихъ славенскихъ нарѣчій. Правописаніе исправилъ Добровскій и пишетъ послѣ *ц* всегда *а*, послѣ *с*, *з*, гдѣ требуетъ того аналогія, — мягкое *и* вмѣсто твердаго *ы*. Книжка *Krok* написана по новѣйшему, а сло-

---

[1]) Böhmisch-deutsch-lateinisches Wörterbuch von Georg Palkowitsch. 2 т. (1820 и 1821).

[2]) Чешскій учено-литературный журналъ; издавалъ его Янъ Святополкъ Пресль; съ 1821 по 1840 г. вышли томы I—IV (ч. 1-ая).

[3]) Антонъ Юнгманъ, профессоръ пражской акушерской клиники.

варь Полковича по старому правописанію. Слогоударение у насъ трoякое: а) *древнее*, въ которомъ удареніе ставится только по числу слоговъ, какъ то въ Краледворской рукописи; b) *среднее* и нынѣ вновь введенное, а имянно: количественное, каково есть латинское и греческое; такъ писаны стихи въ книжкѣ *Krok* (часть II, стран. 33 и слѣдующія); наконецъ с) *новѣйшее* (или лучше сказать среднее), которое, по мнѣнію Добровскаго, походитъ на германское. Онымъ написаны стихи Негедлія (см. Извѣстія Россійской Академіи, книжка III, стран. 42 и проч.). — Гекзаметры, которые на рускомъ языкѣ употреблены *Гнѣдичемъ* (естьли не ошибаюсь помѣщенные въ книгѣ: Чтеніе въ Бесѣдѣ) кажутся мнѣ подобными германскимъ, а отнюдь не греческимъ. Весьма бы полезно было изслѣдовать: „можно ли сочинять на россійскомъ нарѣчіи стихи по законамъ количественнаго слогоударенія, такъ какъ въ нарѣчіи богемскомъ, которое въ семъ случаѣ, по моему мнѣнію, можетъ спорить съ языками греческимъ и санскритскимъ?“ — Употребленіе словъ изъ славянскаго источника съ небольшимъ измѣненіемъ (Horat. ad Pison.) одни охуждаютъ (во первыхъ *Негедли, Полковичъ,* и проч.), а другіе, согласно со мною, одобряютъ (*Пресль, Марекъ* [1]), и проч.). Однакожъ мы ни мало не заслуживаемъ, чтобъ они за сіе гнали насъ и приводили въ презрѣніе у правительства. Но это война комаровъ. *Есть причина исполину смѣяться нащетъ карлика.* (Извѣст. Росс. Акад. Кн. III, стран. 58. примѣчан.). — Словарь Полковича лучше и полнѣе всѣхъ книгъ до нынѣ у насъ изданныхъ въ семъ родѣ. Жаль однакожъ, что не послушалъ онъ моего совѣта издать оный вмѣстѣ со мною и съ нѣкоторыми другими. Въ IV томѣ нашего *Крока* достоинство и недостатки сего словаря показаны чистосердечно.

Вашего превосходительства покорнѣйшій слуга

(на п. п.:) Іосифъ Юнгманъ,

философіи и другихъ наукъ докторъ, професоръ поэзіи и риторики.

2 мая 1822 года.

ПИСЬМО КО МНѢ П. КЕППЕНА.

Милостивый государь, Александръ Семеновичъ.

Ласкaя себя надеждою, что напечатанной въ Москвѣ списокъ собраннымъ мною памятникамъ [2]) въ свое время доставленъ къ в. п. и принятъ вами, м. г., со свойственною вамъ снисходи-

---

[1]) Антонинъ Марекъ, деканъ въ Лабунѣ (въ Богеміи).

[2]) Списокъ Русскимъ Памятникамъ (изд. въ Москвѣ, въ 1822 г.).

тельностію, я осмѣливаюсь препроводить при семъ изданную мною здѣсь въ Вѣнѣ статью о руских древностяхъ [1]), которая написана для того только, чтобъ познакомить иноземцевъ съ отечественными предметами. Имѣя съ собою однѣ только свои записки, я не могу надѣяться, чтобы сіе небольшое сочиненіе было удовлетворительно для Рускаго; что же касается до иностранцевъ, то я смѣю думать, что они найдутъ въ ономъ нѣкоторыя дополненія къ извѣстіямъ, сообщеннымъ имъ разными писателями.

Другой прилагаемой у сего экземпляръ сей же статьи покорнѣйше прошу представить Императорской Россійской Академіи, чѣмъ премного обязать изволите имѣющаго честь быть, и проч.

(на п. п.:) Петръ Кеппенъ.

Вѣна 18 (30) Ноября 1822 г.

ПЕРЕПИСКА СЪ В. М. ГОЛОВНИНЫМЪ [2]).

1.

ПИСЬМО КО МНѢ.

Ваше превосходительство, милостивый государь, Александръ Семеновичъ!

Съ крайнимъ прискорбіемъ узналъ я, что нѣкоторые изъ господъ морскихъ генераловъ и старшихъ капитановъ негодуютъ на меня за примѣчанія, приложенныя въ разныхъ мѣстахъ моего перевода *Описанія достопримѣчательныхъ кораблекрушеній*, считая оныя для себя обидными, и особенно оскорбляются примѣчаніями, помѣщенными во второй части, на страницахъ 149, 233 и 371. По званію вашему перваго члена государственнаго адмиралтейскаго департамента, по одобренію и подъ надзоромъ коего переводъ мой напечатанъ, я поставилъ себѣ въ обязанность въ оправданіе мое представить вашему превосходительству списки съ двухъ писемъ, полученныхъ мною отъ господъ вице-адмирала Грейга и контръ-адмирала Быченскаго. Сіи извѣстные наши адмиралы иначе отзываются о трудахъ моихъ: они не только что не находятъ въ нихъ ничего поноснаго для россійскихъ мореплавателей, но напротивъ того считаютъ оные весьма для нихъ полезными. Я не имѣю никакой надобности прибѣгать къ до-

---

[1]) Ueber Alterthum und Kunst in Russland.

[2]) Василій Михайловичъ Головнинъ, авторъ „Записокъ о плѣнѣ у Японцевъ“ и проч.

казательствамъ въ опровержение мнѣнія господъ, оскорбляющихся моими замѣчаніями; переводъ мой имѣлъ я честь вашему превосходительству представить, и если вы примите трудъ прочитать примѣчанія, въ немъ находящіяся, то сами изволите увидѣть, что онѣ не содержатъ ничего обиднаго для морскихъ нашихъ офицеровъ. Если же кто захочетъ общія замѣчанія принаравливать и приписывать себѣ, то для таковыхъ всякое убѣжденіе будетъ тщетно.

Съ истиннымъ и глубочайшимъ высокопочитаніемъ и совершенною преданностію, имѣю честь быть,

милостивый государь, вашего превосходительства
покорнѣйшій слуга.
(на п. п.:) Василій Головнинъ.

Генваря 26 дня 1823 года.
С. Петербургъ.
No. 4.

2.
МОЙ ОТВѢТЪ НА ОНОЕ.

Милостивый государь мой, Василій Михайловичъ.

Я имѣлъ удовольствіе получить ваше письмо, въ которомъ вы увѣдомляете меня, что съ крайнимъ прискорбіемъ узнали о томъ, что нѣкоторые изъ господъ морскихъ генераловъ и старшихъ капитановъ негодуютъ на васъ за примѣчанія, приложенныя въ разныхъ мѣстахъ вашего перевода *о кораблекрушеніяхъ*. Я самъ отъ многихъ слышалъ, что они сіи примѣчанія и нѣкоторыя другія бумаги ваши находятъ неблагонамѣренными и оскорбительными для флота. Я весьма сожалѣю о сихъ случившихся съ вами непріятностяхъ, ибо доброе имя и хорошее объ насъ мнѣніе людей всегда для насъ дороги. Вы при письмѣ вашемъ ко мнѣ приложили два письма къ вамъ отъ г. г. вице-адмирала Грейга и контръ-адмирала Быченскаго, отзывающихся съ похвалою о вашихъ трудахъ: я весьма согласенъ съ ними и готовъ отдать вамъ справедливость, что переводъ англинскихъ кораблерушеній, и подобное же сочиненіе о претерпѣніи таковыхъ же нещастій разными россійскими судами, есть любопытства достойный трудъ, съ успѣхомъ вами совершенный. Но что принадлежитъ до примѣчаній вашихъ и другихъ бумагъ, подавшихъ поводъ къ неудовольствію на васъ, то хотя вы въ письмѣ своемъ ко мнѣ и пишете, что будто бы, по званію моему перваго члена

государственнаго адмиралтейскаго департамента, переводъ вашъ и примѣчанія, *по одобренію моему и подъ надзоромъ моимъ*, напечатаны, однакожъ это совершенно несправедливо. Я ссылаюсь на самихъ васъ, что я не прежде книги ваши увидѣлъ, и узналъ объ нихъ, какъ уже по напечатаніи оныхъ, когда вы сдѣлали мнѣ честь принесли ихъ ко мнѣ, а послѣднюю прислали. Ежелибъ вы показали мнѣ ваши примѣчанія прежде напечатанія оныхъ, то я, по усердію моему къ вамъ, не отрекся бы сказать вамъ чистосердечное мое мнѣніе; но какъ я ничего объ нихъ не зналъ, и не прежде увидѣлъ ихъ, какъ уже напечатанными, то теперь изъявлять мнѣ мое объ оныхъ мнѣніе и поздно и безполезно. А дабы подобными слухами и заключеніями не прослыть мнѣ участникомъ въ томъ, то я нахожу себя принужденнымъ гласно отъ того отречься. Вы и сами, я надѣюсь, не захотите, чтобъ я всклепалъ на себя *надзоръ* и *одобреніе* такихъ примѣчаній, которыхъ я до напечатанія оныхъ въ глаза не видалъ, и которыя навлекли на себя, естьли не общее, то по крайней мѣрѣ неудовольствіе многихъ.

Съ особливымъ почитаніемъ и преданностію, имѣю честь быть
вашего превосходительства покорнѣйшій слуга
А. Ш.

Генваря 29 д. 1823 г.

3.

ВТОРИЧНОЕ КО МНѢ ПИСЬМО О ТОМЪ ЖЕ.

Ваше превосходительство, милостивый государь,
Александръ Семеновичъ!

Въ отвѣтъ на почтеннѣйшее письмо, коимъ меня удостоить изволили, имѣю честь вашему превосходительству донести, что въ письмѣ моемъ отъ 26 Генваря сего года было сказано: „по званію вашему перваго члена государственнаго адмиралтейскаго департамента, по одобренію и подъ надзоромъ *коего* переводъ мой напечатанъ.“ Слѣдовательно *коего* я относилъ не къ лицу вашего превосходительства, а къ департаменту, котораго, какъ и всѣхъ прочихъ присутственныхъ мѣстъ, три члена въ собраніи, за неприбытіемъ другихъ, по законамъ, составляютъ присутствіе и подписываютъ журналы и опредѣленія.

Съ истиннымъ и глубочайшимъ высокопочитаніемъ и неограниченною преданностію, имѣю честь быть

милостивый государь, вашего превосходительства
покорнѣйшій слуга
(на п. п.:) Василій Головнинъ.

Генв. 31 дня 1823 г.
С. Петербургъ.

4.

МОЙ ОТВѢТЪ НА ОНОЕ.

Милостивый государь мой, Василій Михайловичъ.

На почтеннѣйшее письмо вашего превосходительства, генваря отъ 31, имѣю честь отвѣтствовать. Я очень знаю, что въ прежнемъ письмѣ вашемъ ко мнѣ, генваря отъ 26, написано было: „по званію вашему перваго члена государственнаго адмиралтейскаго департамента, по одобренію и подъ надзоромъ *коего* переводъ мой напечатанъ,“ и проч.. Знаю также, и еще кадетомъ будучи зналъ, что въ сей рѣчи мѣстоименіе *коего* относится къ департаменту; но въ словѣ *департаментъ* заключается и мое лице, поелику я членъ онаго: слѣдовательно во всякомъ надзорѣ и одобреніи подразумѣвается и мое одобреніе. Равнымъ образомъ не безъизвѣстно мнѣ, что трое могутъ составлять присутствіе, какъ вы въ томъ же письмѣ вашемъ мнѣ объясняете; но здѣсь совсѣмъ не то обстоятельство. Рѣшеніе, подписанное тремя членами, другіе отсутствовавшіе могутъ не подписать, и тогда дѣло или останавливается, или передѣлывается и остается на отвѣтственности только тѣхъ, которые подписали. Но книга, напечатанная по рѣшенію троихъ, безъ вѣдома другихъ, не можетъ быть ни оставлена, ни передѣлана; а между тѣмъ разглашается, что оная издана подъ надзоромъ и одобреніемъ департамента: слѣдовательно включаются и тѣ, которые можетъ быть на иныя мѣста и не дали бы своего одобренія, естьлибъ напередъ были о томъ извѣстны. Сами вы пишете, что нѣкоторые изъ морскихъ генераловъ и старшихъ капитановъ негодуютъ на замѣчанія, въ книгѣ вашей напечатанныя. А я знаю, что не токмо *нѣкоторые*, но и весьма многіе, и не одни морскіе. Зачтожъ тѣмъ членамъ, которые ничего о томъ не вѣдали, раздѣлять ропотъ на нихъ публики вмѣстѣ съ сочинителемъ и тѣми, кои его одобрили? Публика видитъ не трехъ членовъ, но сочинителя и департаментъ, его одобрявшій. Ктожъ захочетъ быть обвиняемъ за чужое сочиненіе,

не имѣвъ ни малѣйшаго въ немъ участія? я говорю сочиненія; ибо дѣло идетъ не о переводѣ книги, но о примѣчаніяхъ въ ней помѣщенныхъ, въ которыхъ, съ позволенія вашего сказать, дѣйствительно есть много сатирическаго на очетъ флотскихъ чиновъ и службы. Всякъ, прочитавъ ихъ, это почувствуетъ, и въ этомъ вы никого не переувѣрите, даже, я думаю, и самого себя. Подобныя сатиры не научаютъ, но только оскорбляютъ. Таковыя вещи не долженствовали бы печататься по согласію троихъ присутствовавшихъ (какъ вы пишете) и выдаваться въ свѣтъ, безъ вѣдома другихъ, отъ лица департамента. Всякъ своимъ именемъ дорожитъ. Естьли по сіе время это было, то для будущихъ случаевъ надлежитъ взять мѣры, чтобъ не смѣшивать такимъ образомъ правыхъ съ неправыми; ибо каждый долженъ отвѣчать за собственныя свои дѣйствія, а не за дѣйствія другихъ. Въ семъ разумѣ (а не отъ непонятія вашихъ словъ и незнанія, куда отнести мѣстоименіе) отвѣчалъ я вамъ на первое ваше письмо, и въ томъ разумѣ отвѣчаю на второе. Впрочемъ съ отличнымъ почтеніемъ и преданностію, имѣю честь быть

вашего превосходительства покорный слуга

А. Ш.

Февраля 2 дня 1823 г.

NB. — Для объясненія сихъ писемъ нужно знать, что прежде нежели переводъ г. Головнина англинской книги о *кораблекрушеніяхъ* вышелъ въ свѣтъ, предложилъ я Россійской Академіи дать ему за сочиненное имъ путешествіе его въ Японію золотую третьей степени медаль; но когда узналъ о нѣкоторыхъ представленныхъ имъ морскому министру бумагахъ и собственныхъ его примѣчаніяхъ, въ помянутомъ переводѣ помѣщенныхъ и подавшихъ поводъ къ общему всѣхъ флотскихъ офицеровъ неудовольствію, то отозвался въ Академіи, что я по симъ причинамъ отъ предложенія моего дать ему медаль отрицаюсь. Тожъ самое сдѣлали и другіе члены, такъ что число подписавшихъ сіе предложеніе, бывшее еще неполнымъ, чрезъ отступленіе отъ сей подписи многихъ, стало совсѣмъ недостаточно, и медаль была остановлена. Сіе подало поводъ г-ну Головнину къ вышеозначенной перепискѣ со мною. Между тѣмъ, дабы имѣть понятіе о неудовольствіи, какое произвелъ онъ своими бумагами во флотскихъ офицерахъ, довольно расказать о слѣдующемъ, бывшемъ въ Кронштадѣ, приключеніи: — Нѣкто капитанъ, сверстникъ ему

по службѣ, былъ съ нимъ друженъ. Портретъ Головнина висѣлъ въ его комнатѣ. Когда сей капитанъ узналъ о его бумагахъ, то сдѣлалъ обѣдъ, на который пригласилъ многихъ генераловъ, капитановъ и офицеровъ. Гости собралися. Хозяинъ сказалъ имъ: „прежде всего прошу васъ быть свидѣтелями нѣкоторой приготовленной мною торжественной церемоніи.“ По окончаніи сихъ словъ отворяются двери и два человѣка несутъ маленькой гробъ. Хозяинъ снимаетъ со стѣны портретъ Головнина, кладетъ его въ сей гробъ, закрываетъ оный и велитъ нести вонъ, произнеся слѣдующія слова: „по сіе время были мы друзья, но отнынѣ онъ въ сердцѣ моемъ умеръ, положенъ во гробъ и погребенъ навсегда.“ Всѣ съ рукоплесканіемъ одобрили сію выдумку, и за столомъ пили за здоровье хозяина, поступившаго столь честно и справедливо.

ПИСЬМО КО МНѢ ВУКА СТЕФАНОВИЧА КАРАДЖИЧА.

Ваше высокопревосходительство, милостивый государь!

Послѣднее письмо ваше я имѣлъ честь получить, отъ 18-го октября 820 года; потомъ я писалъ вамъ 18-го августа и 2-го сентября 821 года, и 14-го февраля, и 23-го марта, и 21-го априля 822 года. Всѣ сіи посылки я отдавалъ въ здѣшнюю канцелярію Россійскаго посольства, но не знаю получили ли вы ихъ.

Знаменитый сербскій славянинъ, Свято-Георгіевскаго (въ Банатѣ Темесварскомъ сущаго) монастыря архимандритъ, господинъ Павелъ Кенгелацъ, отдалъ мнѣ въ Темесварѣ у сего прилагаемыя двѣ свои книги (Естествословіе и Бытіясловіе[1]), для присланія въ Императорскую Россійскую Академію, которыя теперь, вмѣстѣ съ Бесѣдовникомъ Иллирико-Италіянскимъ честь имѣю къ вамъ препроводить. Особенножъ честію и награжденіемъ послужитъ мнѣ извѣстіе, что вы всѣ мои посылки вѣрно получили.

Поручая себя милости и благосклонности вашего высокопревосходительства, съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ, честь имѣю быть

вашего высокопревосходительства нижайшимъ слугою,

(на п. п.:) Вукъ Стефановичъ.

Въ Вѣнѣ.
26 февраля 823.

---

[1]) Изданы въ Будѣ, въ 1811 г.

МОЙ ОТВѢТЪ.

Государь мой Вукъ Стефановичъ.

Я очень виноватъ передъ вами: на многія письма ваши и присылки разныхъ книгъ не отвѣчалъ. Но тѣмъ не меньше вамъ за оное благодаренъ. Послѣднее письмо получилъ я отъ васъ, вмѣстѣ съ присланными отъ архимандрита Павла Кенгелаца книгами сочиненія его, подъ названіемъ *Естествословіе* и *Всемирнаго сбытіясловія* первая часть. Я прилагаю при семъ письмо къ нему и прошу васъ оное ему доставить. Также естьли отъ него что въ отвѣтъ получите, то пожалуйте перешлите къ намъ. Вѣроятно, ежели не издана еще имъ вторая часть *Всемирнаго сбытіясловія* (ибо я получилъ только первую), то будетъ издана, и въ такомъ случаѣ попросите его, чтобъ и оную къ намъ прислалъ. Вы нѣкогда присылали въ Академію листочки сербскихъ вѣдомостей [1]). Не худо, когда бы вы всѣ, сколько ихъ понынѣ издано, собрали въ одну или двѣ переплетенныя книги, и къ намъ прислали; ибо въ присыланіи по листочкамъ они теряются. Больше всего почитаю я себя виноватымъ передъ господиномъ *Милетичемъ*, къ которому прилагаю при семъ письмо, и прошу васъ ему оное доставить *). Не поставьте мнѣ въ вину прошедшее мое молчаніе и продолжайте попрежнему писать и присылать что заблагоразсудите. Академія будетъ вамъ за то весьма благодарна, и я также. Я говорилъ объ васъ князю Голицыну, и онъ увѣрялъ меня, что вы за переводъ Библіи на сербской языкъ удовлетворены по условію съ вами [2]). Естьли обстоятельства не позволятъ вамъ оставаться въ Вѣнѣ, и естьли вы желаете имѣть какое нибудь званіе при нашемъ посольствѣ, то увѣдомьте меня: я постараюсь похлопотать объ васъ, можетъ быть и удастся мнѣ доставить вамъ какое нибудь мѣсто, могущее приносить вамъ нѣкоторое пособіе. Съ истиннымъ почитаніемъ, пребываю навсегда вашъ

государя моего покорный слуга

А. Ш.

С. Петербургъ.
5 мая 1823 года.

---

*) См. выше стр. 406.

---

[1]) „Србске Новине" издавали въ Вѣнѣ Фрушичь и Давидовичь.

[2]) По предложенію Русскаго Библейскаго Общества, Вукъ перевелъ Новый Завѣтъ; но чисто сербскій слогъ перевода былъ искаженъ исправленіями А. Стойковича. (Статья И. И. Срезневскаго, въ Моск. Сбор. 1846 г., стр. 367.)

МОЕ ПИСЬМО
КЪ АРХИМАНДРИТУ КЕНГЕЛАЦУ.

Высокопреподобный отецъ Архимандритъ.

Я получилъ чрезъ господина Вука Стефановича книги сочиненія вашего подъ названіемъ: *Естествословіе* и *Всемирнаго бытіясловія* первую часть, и представилъ ихъ Императорской Россійской Академіи, которая приняла оныя съ должнымъ къ толь полезному труду уваженіемъ, и поручила мнѣ принесть вамъ свою благодарность. Она помѣститъ ихъ въ свое книгохранилище, и проситъ васъ и впредь удостоивать ее присыланіемъ вашихъ произведеній и перепискою съ нею. Напрасно недоброжелатели ваши (какъ вы въ предисловіи своемъ объясняете) разглашаютъ, *яко бы вы оное изъ Россіи украли, и подъ своимъ именемъ напечатали.* Это совершенная неправда. Сіи сочиненія ваши, какъ по содержанію своему, такъ по добротѣ мыслей и слогу весьма достопочтенныя, вамъ собственно принадлежатъ и дѣлаютъ вамъ честь. Академія съ удовольствіемъ это свидѣтельствуетъ и буде бы нашлись какія либо затрудненія въ напечатаніи тѣхъ вашихъ твореній, какія впредь вами приготовлены будутъ, то она съ охотою ихъ напечатаетъ, или окажетъ вамъ нѣкоторое пособіе къ изданію оныхъ, естьли вы того пожелаете и къ ней отнесетесь. Съ истиннымъ почитаніемъ и преданностію навсегда пребываю,

вашего высокопреподобія покорный слуга

А. Ш.

(Президентъ Россійской Академіи, вице-адмиралъ, государственнаго совѣта и многихъ ученыхъ обществъ членъ.)

ОТВѢТЪ МОЙ НА ПИСЬМО КО МНѢ А. М. КЛОНГЕВИЧА.

Милостивый государь мой.

Я имѣлъ удовольствіе получить почтеннѣйшее письмо ваше и при немъ дипломъ, доставившій мнѣ званіе почетнаго члена, которымъ Императорскому Виленскому Университету угодно было меня почтить. Съ величайшею признательностію пріемля сію сдѣланную мнѣ честь, прошу васъ, милостиваго государя моего, изъявить предъ всѣмъ университетомъ мою покорнѣйшую благодарность. Естьли могу въ чемъ-либо быть полезенъ оному, то прошу располагать мною, какъ человѣкомъ, желающимъ все-

усердно приносить ему свои посильныя услуги. Съ истиннымъ и совершеннымъ почитаніемъ и преданностію, имѣю честь быть

вашего высокопреподобія покорнѣйшій слуга

А. Ш.

Его Высокопреподобію, милостивому государю моему, ксёнзу Андрею Михайловичу Клонгевичу, въ Вильнѣ.

ПИСЬМО

къ дѣвицѣ Аннѣ Алексѣевнѣ Волковой.

Еще въ прошломъ году поднесъ я Государю Императору сочиненные вами стихи, которые Его Величество изволилъ принять благосклонно, безъ всякаго однакожъ назначенія вамъ какой либо милости; но когда я представилъ ему, что васъ двѣ дочери у престарѣлой и бѣдной матери, живущей у меня въ домѣ, то Государь, по сему объясненію моему, приказалъ пожаловать не лично вамъ, но вообще семейству вашему, подарокъ, которой нынѣ только присланъ мнѣ изъ кабинета; а потому препровождая къ вамъ оный, прошу, по продажѣ или по оцѣнкѣ онаго, половину вырученныхъ за него денегъ отдать сестрицѣ вашей, Вѣрѣ Алексѣевнѣ, какъ исходатайствованный на общее ваше имя, и слѣдовательно сколько вамъ, столько же и ей принадлежащій. Съ искреннимъ почитаніемъ, имѣю честь быть, и проч. А. Ш.

ПИСЬМО

къ дѣвицѣ Вѣрѣ Алексѣевнѣ Волковой.

Милостивая государыня, Вѣра Алексѣевна.

Прилагаю при семъ списокъ съ письма моего къ сестрицѣ вашей, Аннѣ Алексѣевнѣ, изъ котораго вы усмотрите, что пожалованный въ прошедшемъ году Государемъ Императоромъ подарокъ, состоящій въ бриліантовомъ фермуарѣ, принадлежитъ вамъ обѣимъ, а потому и должны вы получить половину той цѣны, чего онъ стоитъ. Увѣдомляя васъ о семъ, съ искреннимъ почитаніемъ имѣю честь быть, и проч. А. Ш. (Іюня 8 дня 1827 года).

ОТВѢТЪ.

Милостивый государь, Александръ Семеновичъ.

Съ сердечною чувствительностію приношу вамъ покорнѣйшую мою благодарность за ваше милостивое стараніе, и хотя признаюсь вамъ чистосердечно я ласкалась надеждою по вашему предстательству получить одна пожалованной Государемъ Императоромъ подарокъ, такъ какъ сочинительница поднесенныхъ Ему стиховъ, однакожъ радуюсь тому, что Богъ употребляетъ перо мое для вспоможенія моему семейству; я же съ должнымъ вамъ почитаніемъ и безпредѣльною признательностію, имѣю честь быть, и проч.

на подлин. подписано: Анна Волкова.

Іюня 11 дня 1827 г.

ПИСЬМО
къ Алексѣю Петр. Ермолову.

Мил. гос. мой, Ал. Петр.

Простите мнѣ великодушно, если я письмами и просьбами моими вамъ докучаю. Священный долгъ пещися о родныхъ и надежда на ваше ко мнѣ благорасположеніе извинятъ меня предъ вами. Племянникъ мой Ш......, котораго препоручилъ я отеческому вашему попеченію, пишетъ ко мнѣ, что онъ уже довольно долгое время ведетъ жизнь и службу тяжкую, что по сей причинѣ желалъ бы хотя на нѣкоторое время отпроситься въ отпускъ и хотя нѣсколько отдохнуть, но не смѣетъ безъ моего на то позволенія, о чемъ и проситъ меня усильно. Между тѣмъ, хотя не имѣю я объ немъ подробныхъ свѣденій, и не слышу ни хорошаго, ни худаго, однакожъ по обстоятельствамъ, что онъ удаленъ отъ лица вашего, и при многихъ происходившихъ дѣйствіяхъ не упоминается нигдѣ въ числѣ отличившихся заслугами, заключаю изъ того, что онъ продолжаетъ быть таковымъ же, каковъ къ вамъ посланъ. На увѣренія его о перемѣнѣ своего нрава и своихъ поступокъ я не могу полагаться. Опытъ осудить его на строгую жизнь, между грубыми народами, подвергнуть труду и опасностямъ, казался мнѣ послѣднимъ средствомъ къ его исправленію. Благопріятный случай препоручить его начальнику, толь всѣми чтимому, и котораго благосклонностію я ласкаюсь, обнадеживалъ меня въ успѣхѣ. Я рѣшился на то, исполняя долгъ единокровнаго родства, возложенный на меня смертію отца его и матери.

Но ежели ни строгость опыта, ни ваше начальство и благорасположеніе ко мнѣ (въ которомъ я никогда не усумнюсь), не могли послужить ему въ пользу, то уже я не знаю ничего болѣе придумать. Онъ офицеръ; ему болѣе двадцати лѣтъ отроду. Когда послѣ такова испытанія онъ еще не образумился и не можетъ владѣть собою, то попеченіе мое о немъ превращается въ нѣкое прискорбное отчаяніе о его исправленіи, тѣмъ больше, что онъ не глупъ, и могъ бы хорошее предпочесть худому, ежелибъ упрямымъ образомъ не предавался влеченію страстей. Въ семъ расположеніи мыслей моихъ, пишу я къ нему, что онъ уже въ такомъ чинѣ и возрастѣ, въ которыхъ человѣкъ долженъ самъ собою управлять; а потому я не могу снимать съ него воли, и предоставляю ему распоряжать собою, какъ онъ хочетъ, напоминая только, что онъ будущей судьбѣ своей самъ будетъ виновникомъ, и отъ него зависитъ быть самому себѣ другомъ или врагомъ. Но отдавая ему на волю располагать собою, еще прибѣгаю къ вамъ: умоляю васъ, обратите на него ваше вниманіе и употребите все, что можно, къ его спасенію и благополучію. Молодость его и проходящая съ лѣтами пылкость по даютъ еще нѣкоторую къ тому надежду. Какіябъ вы ни употребили на то средства, я вамъ буду обязанъ величайшею благодарностію. Ежели онъ станетъ проситься въ отпускъ сюда, то уволите ли вы его или нѣтъ, я и то и другое сочту за дѣйствіе участія вашего въ немъ и за великое мнѣ одолженіе. Не смѣю просить, не смѣю обременять васъ; но ежелибъ приближеніе къ вашей особѣ, съ строгимъ взысканіемъ при худомъ, и съ нѣкоторою ласкою при хорошемъ поведеніи его, могло нѣсколько времени продлиться, то можетъ быть вашъ примѣръ, вашъ образъ мыслей, вашъ иногда гнѣвъ, иногда ласка — подѣйствовали бы надъ умомъ молодаго человѣка, которому бы вы дали больше нежели жизнь. Простите мнѣ сіе мое желаніе, если оно по какимъ либо причинамъ съ вашими мыслями несогласно. Я совершенно полагаюсь на васъ. Предаю его вамъ. Всякій вашъ съ нимъ поступокъ не иначе буду видѣть, какъ истиннымъ вашимъ къ нему и ко мнѣ доброжелательствомъ; ибо еслибъ я и могъ усумниться въ благорасположеніи вашемъ ко мнѣ, то не усумнился бы въ сродномъ вамъ великодушіи избавлять людей отъ несчастія и подавать имъ руку помощи, когда есть хотя малѣйшая къ тому возможность. Нѣтъ надобности изображать предъ вами чувства сего сладость; вы ее больше меня знаете.

Съ истиннымъ почитаніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть, и проч. А. Ш.

Письмо къ Алексан. Ард. Шиш..

Другъ мой А. А.! Я получилъ твое письмо, и хочу тебѣ на него отвѣчать. Ты съ нѣкоторымъ огорченіемъ пѣняешь мнѣ, для чего я часто напоминаю тебѣ о должностяхъ ко Всевышнему Существу. Вопрошаешь: *неужели вѣтреннымъ и часто дурнымъ поведеніемъ своимъ подалъ ты случай думать, что вмѣстѣ съ слабостями, вкравшимися въ твое сердце, исторглось изъ него все, чѣмъ только долженъ человѣкъ отличаться отъ безразсуднаго животнаго? Ужели* (говоришь) *могъ я дойти до такой степени уничижительнаго разврата, чтобъ въ бурныхъ волнахъ свѣта, отдаленный отъ всего для меня драгоцѣннаго, не захотѣлъ имѣть и послѣдняго утѣшенія въ горестяхъ, надежды на Провидѣніе?* Наконецъ заключаешь: *нѣтъ этого быть не можетъ! съ пылкимъ моимъ нравомъ, еслибъ не вкоренена была въ моемъ сердцѣ теплая вѣра къ пекущемуся всегда о насъ Промыслу Божію, то отчаяніе давно ужè довело бы меня до крайняго степени нещастій.* — Вотъ твои слова. Я бы порадовался имъ, еслибъ могъ точно быть увѣренъ, что говоритъ ихъ твоя душа, а не языкъ. Не подумай, чтобъ я вподлинну считалъ тебя до такой степени развратнымъ, что ты не знаешь Бога. Нѣтъ! тогда бы и рука моя не поднялась къ тебѣ писать. Но послушай, мой другъ: ты молодъ и заблуждаешься. Говоришь о *надеждѣ своей на Бога, о теплой вѣрѣ,* и въ тожъ время показываешь, что онѣ у тебя только на языкѣ, а не въ душѣ и не въ чувствахъ; ибо вопрошаешь: *неужели вмѣстѣ съ слабостями, вкравшимися въ твое сердце, исторглось изъ него все, чѣмъ только долженъ человѣкъ отличаться отъ безразсуднаго животнаго?* — Да, конечно! кто продолжаетъ вести себя худо, не воздерживается отъ пороковъ, не исправляется, и называетъ это *слабостями, вкравшимися въ его сердце,* тотъ прилѣпленъ къ страстямъ своимъ, извиняетъ, питаетъ ихъ въ себѣ, — и слѣдовательно Богъ и вѣра у него только на языкѣ, а въ сердцѣ страсти. Двумъ господамъ служить нельзя; одинъ кто нибудь изъ нихъ поработитъ подъ власть свою, и тогда не дивись: *вкравшаяся въ сердце слабость* поведетъ тебя изъ одной въ другую, изъ порока въ порокъ, изъ преступленія въ преступленіе, и хотя восклицаешь ты: *нѣтъ, этого быть не можетъ.* однако будетъ. Тутъ нѣтъ средины. Или надобно твердо предпринять *вкравшіяся слабости* искоренить, почувствовавъ ихъ

опасность, отстать отъ нихъ, и дѣлать что велитъ Богъ и вѣра; или дать себя увлекать симъ слабостямъ; и тогда уже нѣтъ сомнѣнія, что онѣ возьмутъ верхъ, усилятся, и заведутъ въ состояніе гораздо худшее, чѣмъ состояніе *безразсуднаго животнаго.* — Изображенныя въ письмѣ твоемъ мысли хороши; но надобно, чтобъ ты дѣйствительно такъ чувствовалъ; а ежели не чувствуешь и говоришь, то ты идешь по весьма опасному пути. Испытай себя, и повѣрь дѣла свои съ сими твоими словами: ежели дѣла твои несогласны съ ними, то не думай, чтобъ ты когда либо могъ быть щастливъ и спокоенъ. Ты просишь извиненія, что пишешь ко мнѣ чистосердечно; я люблю чистосердечіе, и самъ такимъ же образомъ хочу говорить съ тобою. Послушай: дѣла твои здѣсь были очень дурны, ты самъ это знаешь. Поведеніемъ своимъ довелъ ты себя до того, что здѣсь нельзя было тебѣ оставаться; надлежало или постыднымъ образомъ выдти въ отставку и закоснѣть навсегда, или удалиться отселѣ. Благопріятный случай льстилъ мнѣ, что ты замаранное здѣсь имя свое поправишь въ иномъ мѣстѣ, что узнаешь нужду и настоящую службу, почувствуешь надобность быть хорошимъ офицеромъ и человѣкомъ, и перемѣнишь нравъ свой и свои поступки. Подвергнувъ тебя, для твоего же благополучія, сему опыту, сдѣлавшемуся необходимымъ, я просилъ о тебѣ начальника твоего, человѣка заслуженаго, всѣми почитаемаго, и ко мнѣ благосклоннаго. Ты являешься къ нему съ дерзкимъ проступкомъ, и на первый самый разъ заслуживаешь отъ него выговоръ, подтверждаешь въ немъ худыя о тебѣ мысли. Однакожъ, не смотря на то, онъ обращаетъ на тебя свое вниманіе, хочетъ приблизить тебя къ себѣ, открываетъ тебѣ путь и прошедшее поправить, и навыкнуть при немъ къ дѣламъ и службѣ. Малѣйшее твое исканіе въ немъ, показаніе себя съ хорошей стороны, привязало бы его къ тебѣ, и ты нашелъ бы тутъ и къ поправленію и къ обученію себя и къ почестямъ дорогу. Но чтожъ? — проходитъ нѣсколько времени, и я уже слышу, что ты отъ него удаленъ, служишь въ полку, на ряду съ другими, и между отличающимися имя твое не упоминается. Ктожъ виноватъ? можно ли быть сему безъ причины? самъ ты говоришь объ немъ, что это такой генералъ, который *съ величайшимъ тщаніемъ изыскиваетъ въ каждомъ офицерѣ наградить малѣйшую тѣнь заслуги.* Какимъ же образомъ и почему будетъ онъ противъ тебя одного несправедливъ? Ты опасаешься, что такое его хладнокровіе и невниманіе къ тебѣ *одному* подастъ мнѣ поводъ счесть тебя *трусомъ, подлымъ;* но

что ты въ противномъ тому ссылаешься на всѣхъ своихъ начальниковъ и подчиненныхъ, бывшихъ съ тобою въ сраженіяхъ. Служивому человѣку конечно не хорошо быть трусомъ. Я полагаю, что ты храбръ; но развѣ офицеру только и нужна одна храбрость? развѣ при храбрости не надобно уже имѣть никакихъ другихъ достоинствъ? Представимъ себѣ офицера, который пьянствуетъ, забіячитъ, проигрывается, всякому грубитъ, ни съ кѣмъ не уживается, ищетъ всегда быть съ подобными себѣ шалунами, удаляется отъ учтивыхъ, кроткихъ, благонравныхъ людей, не бережетъ ни въ чемъ своей чести, мотаетъ, задалживаетъ, не платитъ, лжетъ, хвастаетъ, обманываетъ, и словомъ — исполненъ всякими пороками: можетъ ли все это замѣнять одна храбрость? какой генералъ захочетъ его отличать, или держать при себѣ? какой порядочный человѣкъ пожелаетъ съ нимъ быть знакомъ? какое имя наживетъ онъ себѣ? — Я не для того говорю это, чтобъ полагалъ въ тебѣ всѣ сіи гнусные пороки, безчестящіе человѣчество, — сохрани тебя Боже отъ нихъ! — но ежели ты и нѣкоторую часть ихъ въ себѣ имѣешь, то долженъ самого себя винить, а не другихъ. Никто не будетъ тебя уважать и любить съ ними, никто о тебѣ не пожалѣетъ, и тщетно будешь ты самого себя обманывать, что это однѣ только *слабости, пылкость нрава,* но что въ сердцѣ твоемъ вкоренены *Богъ, вѣра* и *добродѣтель.* Не правда! человѣкъ, чистосердечно желающій обратиться на благій путь, иначе не можетъ сего сдѣлать, какъ возгнушаться прежними своими дѣяніями, увидѣть предъ собою бездну погибели, ужаснуться и положить твердо, не повиноваться болѣе своимъ страстямъ, и пріучить себя любить доброе. Когда онъ это непреложно предприметъ и обратится къ Богу и къ вѣрѣ, тогда сыщетъ и въ Богѣ милость, и въ людяхъ дружбу и почтеніе. Но проводники къ сему — смиреніе и кротость, а не буйство и наглость. Страсти не укрощаются потачкою имъ; для обузданія ихъ потребно противъ нихъ вооружиться, ополчиться строго, и для подкрѣпленія силъ своихъ искать и просить помощи: возьми Евангеліе и читай не отъ скуки, но со вниманіемъ, съ размышленіемъ, — ты почувствуешь свое достоинство, возненавидишь пороки, полюбишь честь, великодушіе, кротость, милосердіе, воздержаніе, отечество, ближняго, себя самого, и повѣрь мнѣ, оно сдѣлаетъ тебя честнымъ, справедливымъ и благонравнымъ человѣкомъ, который вездѣ, всегда и одинъ прямо щастливъ, потому что имѣетъ спокойную совѣсть. Я вѣрю и знаю, что ты ведешь скучную и тяжкую жизнь; но чтожъ дѣлать? чѣмъ пособить?

Ежели строгій этотъ опытъ необходимо нуженъ былъ для собственной твоей пользы, то нельзя же въ короткое время изгладить прежніе свои поступки: чорныя пятна не скоро смываются; ты же ихъ худо моешь. А ежели онъ не послужилъ тебѣ въ пользу, и естьли паче чаянія ты тѣжъ свои дурныя привычки и по нынѣ сохраняешь, то къ чорному ты прибавляешь еще болѣе черноты: какъ же хочешь, чтобъ тебя считали бѣлымъ? Умоляю тебя откинь самолюбіе, взгляни на себя съ должною строгостію, не заглушай въ себѣ гласа совѣсти и дай ей волю укорять тебя: она одна можетъ своими укоризнами возвратить тебѣ и покой и щастіе и почтеніе отъ людей. Ты хочешь проситься въ отпускъ и требуешь отъ меня позволенія. Я радъ тебя увидѣть, но не призываю и не возбраняю. Ты уже въ такомъ чинѣ и лѣтахъ, что самъ собою располагать долженъ. Подумай: исправился ли ты? загладилъ ли тѣ проступки, которыми здѣсь себя помрачилъ? Ежели нѣтъ, то зачѣмъ сюда пріѣдешь? буде съ тѣмъ, чтобъ ѣхать опять назадъ, такъ это не стоитъ труда, и отниметъ у тебя время исполнить скорѣе то, зачѣмъ ты отселѣ поѣхалъ; буде же съ тѣмъ, чтобъ остаться здѣсь, то какъ остаться? въ службѣ? но есть ли надежда, чтобъ здѣсь — наживши себѣ худое имя, тамъ — не поправя его, и возвратясь таковымъ же, какъ и поѣхалъ, могъ получить какую либо для себя выгоду? Съ прежними твоими привычками, и съ тѣмъ именемъ, какое ты нажилъ и не загладилъ, ты не прослужишь здѣсь года, какъ можешь быть посрамленъ и сдѣлаешься нещастливъ; ибо здѣсь всякій твой поступокъ будетъ явенъ и слышанъ. Буде же пріѣдешь съ тѣмъ, чтобъ идти въ отставку, то какая участь ожидаетъ тебя? — смѣшаться съ ничтожными людьми, влачить жизнь презрительную, закоснѣть въ грубости; ибо во всякомъ состояніи надобно быть извѣстну, обращаться съ извѣстными людьми, имѣть достоинство и доброе имя; безъ того человѣкъ ничтоженъ, низокъ; онъ долженъ будетъ знаться съ подобными себѣ негодяями, и отчасу болѣе утопать будетъ въ грязи своего состоянія. Тѣмъ еще опаснѣе, что по самолюбію своему онъ станетъ мечтать себя нѣчто значущимъ, а по нажитому имъ худому имени и по дѣламъ всякъ будетъ его презирать. Отсюду родится въ немъ или умножится сварливость; онъ станетъ безпрестанно чувствовать досаду, со всѣми огрызаться, ссориться, и впадать въ пущее презрѣніе. Повѣрь мнѣ, мой другъ, гдѣбъ ты ни былъ, ежели ты самъ къ себѣ не будешь чувствовать почтенія, ежели въ собственныхъ своихъ глазахъ не бу-

дешь правъ, то и другіе никто почитать и любить тебя не будутъ. Мой долгъ былъ сказать тебѣ правду. Тѣнь покойной матери твоей и отца, моего брата, и моя къ тебѣ родственная любовь налагаютъ на меня сей долгъ. Впрочемъ, ежели чистосердечіе словъ моихъ не коснется твоего сердца, то тебѣ же хуже. Прощай. Будь здоровъ. Молю и заклинаю тебя, утѣшь меня и тетку свою, столько къ тебѣ привязанную, будущимъ своимъ поведеніемъ. Остаюсь любящій тебя, вѣрный твой дядя

А. Ш.

ПИСЬМО
къ Г. Н. Городчанинову [1]).

Милостивый государь Г. Н.,

Я получилъ ваше письмо, въ которомъ, по прежнимъ нашимъ сужденіямъ о словесности, сообщаете мнѣ сомнѣніе свое о стихѣ Державина: „*Я царь, я рабъ, я червь, я Богъ*“, вопрошая, не слишкомъ ли велико для человѣка назвать себя Богомъ? И не опасно ли будетъ для юношей, преподавать имъ стихъ сей за образецъ высокихъ мыслей и краснорѣчія? Вы правы: стихъ сей превосходенъ, или скажемъ — превыспренъ, дабы дать больше возвышенности и лучше выразить иностранное слово sublime; однакожъ, въ сужденіи о красотахъ словесности, можно и о семъ стихѣ потолковать.

Я нахожу въ немъ первое: что онъ при всемъ своемъ превосходствѣ, имѣлъ бы больше правильности и постепенности, когда бы начальныя два слова: *Я царь, я рабъ* переставя сказать: Я рабъ, я царь, я червь, я Богъ. Второе: что принадлежитъ до слова Богъ, то вы справедливо усумнились, можно ли разсуждать о немъ съ юношами, опасаясь, что они настоящаго смысла, даже и для зрѣлыхъ лѣтъ труднаго къ растолкованію, не поймутъ. Вы сами, еслибы не нашли въ св. Писаніи и въ Акафистѣ открывающуюся вамъ силу сего слова, остались бы въ сомнѣніи. Найденный вами текстъ дѣйствительно объясняетъ оное. Но я попытаюсь тоже самое еще инымъ образомъ подтвердить, а именно вотъ какимъ: если выраженіе: *я Богъ*, вложить въ уста невѣрующаго во всемогущество Божіе, то оно будетъ дерзкая непростительная гордость: ибо тогда прилично ему только названіе: *я червь*; но когда онъ истинно вѣруетъ въ воплощеніе единороднаго Сына Божія, тогда изрѣченіе его о себѣ: *я Богъ*,

---

[1]) Перепечатывается изъ „Маяка“ 1842 г., кн. 3, Смѣсь: Поясненіе на 7-й стихъ въ 9-й строфѣ гимна „Богъ“. — Г. Н. Городчаниновъ былъ профессоромъ въ казанскомъ университетѣ.

не есть уже дерзкая и безразсудная гордость, но благоговѣйное восхищеніе и радость: ибо до сего времени человѣкъ могъ о себѣ сказать только: *я червь*; но по силѣ воплощенія Божія, содѣлываясь не только чадомъ Божіимъ, но и причастникомъ Божескаго естества, восторгъ его: *я Богъ* — содѣлался не хвастовствомъ *червя*, но благоговѣніемъ человѣка, величающаго въ себѣ дѣйствіе благодатнаго милосердія Божія, возведшаго его изъ *червя* въ Бога. Можно сдѣлать сему противуположное уподобленіе: Богъ Слово (Іоанн. 1—8), для спасенія человѣка, по неизреченному милосердію Своему, *стало плотію*, потому и называетъ Себя: *Сыномъ человѣческимъ.* Нѣкоторые, острые, но непросвѣщенные внушаемымъ вѣрою, чистымъ о Божествѣ понятіемъ, хотятъ иногда ложнымъ остроуміемъ своимъ плѣнять худо разсуждающихъ читателей своихъ. „*Si Dieu n'existoit pas, il faudroit l'inventer*", т. е. еслибъ Богъ не существовалъ, то надлежало бы Его изобрѣсть. Да ктожъ могъ бы Его изобрѣсть, когда бы Онъ не существовалъ? ибо тогда и созданные Имъ всѣ люди и твари не существовали бы.

Простите мнѣ, что поздо вамъ отвѣчаю: слѣпота глазъ моихъ и ослабѣвшія отъ болѣзней силы не позволяютъ ни читать, ни писать, ни сказывать мои мысли, какъ строкъ по пяти, и то не во всякія сутки.

Съ отличнымъ почитаніемъ и преданностію, пребываю вашъ, милостиваго государя моего покорный слуга,

А. Шишковъ.

Августа 26 дня 1838 года.

ПИСЬМО МОЕ [1].

къ тайному совѣтнику князю Платону Александровичу Ширинскому Шихматову [2].

Милостивый государь,
князь Платонъ Александровичъ.

Чувствуя неминуемый для всѣхъ смертныхъ и для меня уже близкій переходъ изъ сей временной жизни въ вѣчную, я желаю исполнить, прежде наступленія послѣдняго часа, нѣкоторыя озабочивающія меня обязанности Христіанина, мужа и родственника,

---

[1]) Какъ это письмо такъ и всѣ послѣдующія переписаны посторонней рукой. Шишковъ въ это время уже потерялъ зрѣніе.

[2]) Родной братъ инока Аникиты; былъ министромъ народнаго просвѣщенія.

чтобы сколько возможно болѣе успокоить и себя, и оставляемыхъ мною въ сиротствѣ ближнихъ моихъ. По сему я разсудилъ сдѣлать на случай моей смерти слѣдующія распоряженія и, для вѣрнѣйшаго ихъ исполненія, покорнѣйше просить ваше сіятельство

Во первыхъ: какъ Христіанина и моего добраго пріятеля, соединить со всѣми уповающими на безконечныя заслуги нашего Искупителя и Воскресителя усердныя молитвы ваши къ Богу объ очищеніи и упокоеніи души моей, которую я съ вѣрою и надеждою предаю въ руки Небеснаго Отца.

Во вторыхъ: по болѣзненному состоянію жены моей Юліи Осиповны, требующему особеннаго попеченія объ ея здоровьѣ, равно и потому, что она, будучи католическаго вѣроисповѣданія [1]), не знаетъ уставовъ нашей церкви, — принять ближайшее участіе въ распоряженіяхъ о погребеніи моего тѣла и избраніи для этого кладбища и мѣста, по благоусмотрѣнію вашего сіятельства и другихъ извѣстныхъ мнѣ постояннымъ пріятельскимъ ко мнѣ расположеніемъ лицъ, именно г. сенатора генералъ-лейтенанта Ивана Савича Горголи [2]), г. дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Александра Ивановича Рибопьера, г. тайнаго совѣтника Александра Сергѣевича Танѣева [3]), гг. дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ, Александра Ивановича Красовскаго [4]) и Владиміра Ивановича Панаева [5]), и статскаго совѣтника Константина Степановича Сербиновича [6]), которыхъ я объ этомъ также просилъ, равно какъ и моего духовнаго отца, Казанскаго Собора протоіерея Петра Николаевича Мысловскаго. Что касается до денежныхъ издержекъ, нужныхъ на погребеніе тѣла моего и на поминовеніе души моей, то я на оныя назначаю слѣдующія мнѣ въ выдачу жалованье и столовыя, равно и остающіяся въ домѣ моемъ наличныя деньги, которыхъ помянутые распоряднтели погребенія моего, могутъ требовать изъ надлежащихъ мѣстъ и отъ моей жены, какъ главной участницы во владѣніи оставляемымъ мною имѣніемъ.

Въ третьихъ: обще съ означенными шестью лицами приложить попеченіе о сохраненіи согласія и миролюбномъ окончаніи всѣхъ дѣлъ между моею женою и моими родственниками, особливо

---

[1]) Она была польскаго происхожденія.

[2]) Бывшій петербургскій оберъ-полицмейстеръ; умеръ въ 1862 г. 92-хъ лѣтъ отъ роду.

[3]) Статсъ-секретарь императора Николая Павловича

[4]) Бывшій цензоръ.

[5]) Авторъ „Идиллій“ (1820) и Воспоминаній, напечатанныхъ въ Вѣстн. Евр. 1867. т. III. и IV.

[6]) Почетный членъ 2-го Отдѣленія Академіи Наукъ.

остающимися въ моемъ жилищѣ двумя племянницами моими, вдовою Дарьею Александровною [1]) и дѣвицею Настасьею Дмитріевною Шишковыми, въ сиротствующемъ состояніи которыхъ, равно какъ и всей моей родни, я принимаю живѣйшее участіе. Посему я прошу и умоляю ихъ всѣхъ моею къ нимъ любовію, чтобы онѣ, по христіанскому долгу и по чувству взаимной ко мнѣ любви, почтили память мою искреннимъ единодушіемъ и всѣмъ возможнымъ вниманіемъ къ послѣдней воли умирающаго, который всегда желалъ сохранить между ними миръ. Хотя я надѣюсь, что онѣ не отрекутся исполнить мою послѣднюю о томъ прозьбу, но если бы ожиданіе мое, сверхъ всякаго чаянія, осталось въ чемъ либо неисполненнымъ, — то въ семъ случаѣ я покорнѣйше прошу ваше сіятельство, равно какъ и всѣхъ вышеупомянутыхъ пріятелей моихъ, оказать моимъ родственникамъ нужную помощь совѣтами и увѣщаніями; въ могущихъ же возникнуть какихъ либо недоразумѣніяхъ между ними принять на себя полезное для нихъ посредничество, и если бы представилась необходимость, то быть и добрыми примирителями въ ихъ несогласіяхъ, стараясь оканчивать оныя домашнимъ образомъ и безъ огласки.

Обѣщаніемъ возможнаго исполненія изъясненныхъ въ семъ письмѣ послѣднихъ желаній разлучающагося съ вами на вѣки пріятеля вашего, вы умножите чувства истинной къ вамъ любви и благодарности за всѣ опыты вашего добраго ко мнѣ расположенія. Сіи христіанскія чувства не умрутъ въ безсмертной душѣ разрушающагося только тѣломъ человѣка, который сохранялъ всегда искреннее къ вамъ почтеніе, и теперь, можетъ быть уже въ послѣднее засвидѣтельствованіе сихъ чувствъ, подписывается дрожащею рукой,

вашего сіятельства

покорнѣйшимъ слугою

(на подлинномъ подписано:)

А. Шишковъ.

22. Августа 1840.

Письмо сіе одинакаго содержанія отправлено и къ другимъ нѣкоторымъ особамъ, а именно: къ духовному отцу моему, протоіерею Петру Николаевичу Мысловскому, дѣйствительному тайному совѣтнику Александру Ивановичу Рибопьеру [2]), тайному со-

[1]) Рожденною Сычевскою.

[2]) Оберъ-камергеру.

вѣтнику статсъ-секретарю Александру Сергѣевичу Танѣеву, сенатору генералъ-лейтенанту Ивану Савичу Горголи, дѣйствительному статскому совѣтнику Александру Ивановичу Красовскому, дѣйствительному статскому совѣтнику Владиміру Ивановичу Панаеву и статскому совѣтнику Константину Степановичу Сербиновичу, отъ коихъ получены слѣдующіе отвѣты:

Отъ князя Платона Александровича Ширинскаго Шихматова:

Милостивый государь,
Александръ Семеновичъ.

Съ сокрушеннымъ сердцемъ прочиталъ я письмо ко мнѣ вашего высокопревосходительства, которымъ вамъ угодно было исполнителемъ послѣдней воли своей назначить между прочими и меня. Поспѣшаю отвѣтствовать, что воля ваша для меня священна. Молю Господа, чтобъ Онъ продлилъ драгоцѣнную для отечества и всѣхъ знакомыхъ вашихъ жизнь вашу. Но еслибъ святыми и праведными судьбами Своими Онъ благоволилъ призвать васъ къ Себѣ прежде меня, въ такомъ случаѣ, какъ о благодѣтелѣ моемъ и покойнаго брата моего, я не престану, по чувству глубочайшей признательности и всегдашняго моего уваженія, усердно молиться ко Господу нашему Іисусу Христу и призывать на васъ милосердіе Божіе, точно такъ, какъ исполняю сіе въ отношеніи къ моимъ родителямъ. Ближайшее участіе въ отданіи вамъ послѣдняго долга принадлежитъ мнѣ какъ по причинѣ многихъ полученныхъ мною отъ васъ благодѣяній, такъ, смѣю сказать, и по моей неизмѣнной къ вамъ преданности, которая не ограничивается предѣлами гроба.

Наконецъ я готовъ содѣйствовать къ сохраненію мира между родственниками вашими, сколько только сіе отъ меня зависѣть можетъ.

Съ отличнымъ почтеніемъ и сыновнею покорностію имѣю честь быть

вашего высокопревосходительства покорнѣйшимъ слугою
(на подлинномъ подписано:)
Князь Ширинскій Шихматовъ.

26. Августа 1840.

Отъ протоіерея П. Н. Мысловскаго.

Казанскаго собора протоіерей Петръ Мысловскій съ сердечнымъ умиленіемъ имѣлъ честь прочитать проэктъ письма его вы-

сокопревосходительства Александра Семеновича Шишкова, и, найдя оный вполнѣ христіаннѣйшимъ и благоразумнѣйшимъ, не видитъ, что бы можно было прибавить къ сему проэкту или убавить. Протоіерей Мысловскій изъявляетъ душевную свою готовность, всѣми мѣрами вспомоществовать священной волѣ великаго мужа, когда Господу угодно будетъ воззвать его въ вѣчность. Онъ же, Мысловскій, и по духу общенія во Христѣ и по всегдашней личной привязанности къ особѣ его высокопревосходительства, обязуется воздѣвать грѣшныя руки свои въ часъ жертвоприношенія за упокоеніе души его, да побѣдившій смерть Своею смертію дастъ ему животъ вѣчный въ ликѣ Праведныхъ.

Августа 21 дня. 1840 года.

Отъ г. статсъ-секретаря А. С. Танѣева.

Милост. госуд. Алек. Семен.

Съ скорбнымъ чувствомъ прочиталъ я письмо вашего высокопревосходительства отъ 22сего августа; но тутъ же почерпнулъ я новый примѣръ достойный подражанія, сколь свойственно каждому христіанину быть готовымъ къ оставленію земнаго поприща, хотя и неизвѣстенъ намъ часъ воли Божіей. Неизгладимо будетъ въ потомствѣ имя ваше, украшенное благочестіемъ, заслугами отечеству и доблестями; но для меня въ особенности незабвенны будутъ пріязнь и довѣренность великаго мужа, и я, преисполненный глубокимъ къ вамъ чувствомъ уваженія и благодарности, вмѣню себѣ въ обязанность исполнить возлагаемое на меня порученіе ваше по силѣ моего разумѣнія и возможности.

Имѣю честь быть съ глубочайшимъ почтеніемъ и преданностію, милостивый государь,

вашего высокопревосходительства покорнѣйшій слуга

(на подлин. подписано:) Александръ Танѣевъ.

25 Августа 1840.

Отъ сенатора генералъ-лейтенанта И. С. Горголи.

Мил. госуд. Алекс. Семен.

Лестное порученіе вашего высокопревосходительства, изъясненное въ почтеннѣйшемъ вашемъ письмѣ отъ 22 августа, принимаю съ благоговѣніемъ, и смѣю васъ увѣрить что христіанскія ваши распоряженія въ отношеніи почтеннѣйшаго вашего семейства и родственниковъ вашихъ, возлагаемыя на меня и другихъ

поименованныхъ особъ, будутъ по всѣмъ предметамъ со всею точностію исполнены, какъ залогъ тѣхъ непоколебимыхъ чувствъ, коими исполненъ былъ къ особѣ вашей, и кои сохранятся въ душѣ за предѣлы гроба. Но желаю душевно и молю Искупителя и Спасителя нашего Іисуса Христа, — Ему же вся возможна суть, — чтобы благостію Своею, елико возможно, продлилъ еще драгоцѣнные дни ваши, толико полезные для соотечественниковъ вашихъ, и какъ вы есть образъ неизреченныя Его славы, то, когда воззоветъ васъ къ Себѣ, чтобы принялъ въ руцѣ Свои безсмертную душу вашу, и вселилъ бы идѣже пресѣщаетъ свѣтъ лица Его, и идѣже нѣтъ ни болѣзнь, ни печаль; и тогда, какъ и теперь, просимъ васъ не забыть о чтущихъ васъ.

Съ отличнымъ почтеніемъ и совершенною преданностію, честь имѣю быть и пребуду на всегда

вашего высокопревосходительства всепокорнѣйшій слуга

(на подлин. подписано:) Иванъ Горголи.

Августа 25 дня 1840.

Отъ А. И. Красовскаго.

Мил. госуд. Алек. Семен.

Почтеннѣйшее письмо вашего высокопревосходительства отъ 25-го августа я прочиталъ нѣсколько разъ, и размышлялъ о немъ съ умиленною душею. Сердцу человѣческому дано предчувствовать, уму — постигать всю важность послѣдняго часа въ здѣшней жизни: Божественное Откровеніе научаетъ насъ, что въ ней однимъ мгновеніемъ невозвратно опредѣляется участь наша въ цѣлой вѣчности. И такъ если христіанское приготовленіе къ сокрытому отъ насъ, но тѣмъ не менѣе вѣрному концу дней нашихъ должно быть всегда первою изъ нашихъ заботъ, то содѣйствовать возможному здѣсь успокоенію Христіанина, способствовать къ мирному напутствію его изъ настоящей краткой жизни къ нескончаемой будущей — есть неотрицаемый и священный долгъ всякаго, кто только носитъ на себѣ имя послѣдователя Іисусъ Христова. Одинъ такой взглядъ на главный предметъ достопочтеннаго письма вашего составляетъ для меня уже достаточное побужденіе въ свое время принять охотное участіе въ исполненіи изъясненной въ ономъ послѣдней воли вашей, христіанской, отеческой, достойной хвалы и подражанія многихъ Христіанъ, многихъ отцевъ и родственниковъ; уже по сему одному невозможно мнѣ отречься отъ призванія и чести быть въ числѣ лицъ,

избранныхъ для этого дѣла вашею довѣренностію. Но сіи убѣжденія дѣлаются еще сильнѣе и еще возвышеннѣе, съ одной стороны, отъ чувствъ раздѣляемыхъ мною съ Россіянами и просвѣщенными иностранцами, чувствъ отличнаго уваженія къ безсмертнымъ заслугамъ нашего отечественнаго писателя и вмѣстѣ государственнаго мужа, а съ другой, отъ живѣйшей душевной благодарности за всѣ полученныя мною отъ васъ наставленія и благодѣянія. Изъяснивъ сіи сердечныя чувства просто на языкѣ, который вамъ и мнѣ милѣе всѣхъ языковъ въ мірѣ, и которому продолжительные и незабвенные труды ваши принесли отличную честь и пользу, я надѣюсь, что ваше высокопревосходительство удостоите принять отъ меня прежде всего искреннія желанія, чтобы Творецъ и Хранитель бытія нашего еще подкрѣпилъ ваше здоровье и продлилъ драгоцѣнные для многихъ дни ваши; и послѣ сихъ желаній позвольте повторить вамъ обѣщаніе сыновняго послушанія и готовности моей къ исполненію христіанской воли вашей, когда ударитъ, и когда мы, съ вѣрою и назиданіемъ душъ, услышимъ великій часъ, предопредѣленный судьбами Премудраго и Всеблагаго. Между тѣмъ, да будетъ отвѣтъ сей на ваше призваніе новымъ вѣрнымъ свидѣтельствомъ глубокаго высокопочитанія, сыновней преданности и чистой благодарности, живыя чувства которыхъ питать въ душѣ моей я всегда поставлялъ себѣ за особенную честь, и съ оными до конца жизни моей пребуду

вашего высокопревосходительства всепокорнѣйшимъ слугою,

(на подл. подп.:) Александръ Красовскій.

28 Августа 1840.

Отъ В. И. Панаева.

Милос. госуд. Алекс. Семен.

Вашему высокопревосходительству угодно было присоединить меня къ числу исполнителей послѣдней воли вашей, изъясненной въ письмѣ ко мнѣ отъ 22-го Августа. Повинуюсь вамъ съ горестію, уваженіемъ и признательностію.... Но да продлитъ еще Господь Богъ драгоцѣнные дни полезной, славной и добродѣтельной вашей жизни, и да отдалитъ отъ всѣхъ насъ печальную необходимость исполненія!

Съ неизмѣннымъ во вѣки глубочайшимъ почтеніемъ и душевною преданностію, имѣю честь быть вашего высокопревосходительства покорнѣйшимъ слугою,

(на подлинномъ подписано:) В. Панаевъ.

30 Августа 1840.

Отъ А. И. Рибопьера.

Милос. госуд. Алекс. Семен.

Я не могъ безъ слезъ прочитать письма, которымъ ваше высокопревосходительство почтить меня изволили. Принимая съ чувствомъ глубокой благодарности новый сей опытъ дружбы и довѣренности вашей ко мнѣ, столь для меня лестной, я обѣщаюсь свято выполнить возлагаемое вами на меня, и молю Бога отъ искренняго сердца, да продлитъ Онъ дни достохвальной, во всѣхъ отношеніяхъ примѣрной и полезной жизни вашей. Съ совершеннымъ высокопочитаніемъ и преданностію, имѣю честь быть,

милостивый государь,

вашего высокопревосходительства покорнѣйшимъ слугою

(на под. подпис:) А. Рибопьеръ.

3 Сентября 1840.

Отъ К. С. Сербиновича.

Мил. госуд. Алекс. Семен.

Письмо, коимъ ваше высокопревосходительство изволили возложить на меня обязанность участія въ исполненіи послѣдней воли вашей, столь глубоко тронуло меня, что и теперь еще не нахожу словъ для выраженія чувствъ моихъ. Живо помню всѣ незабвенныя ваши ко мнѣ благодѣянія, все покровительство, оказанное мнѣ вами въ юности моей, и, за счастіе себѣ считая, что бы вы располагали мною для услугъ своихъ, вмѣню себѣ въ священный долгъ вѣрно и точно исполнить волю вашу по мѣрѣ силъ и средствъ моихъ. Съ сею искреннею, живѣйшею привязанностію къ вамъ, пламенно молю Всемогущаго Бога, да сохранитъ драгоцѣнную жизнь вашу безболѣзненно еще на многія лѣта, и да утѣшится добродѣтельная душа ваша еще и въ здѣшнемъ мірѣ, чрезъ совершеніе всѣхъ вашихъ благихъ желаній, а послѣ странствія земнаго, въ награду христіанскихъ подвиговъ, да внидетъ въ радость Господа.

Примите изъясненіе глубочайшаго почитанія и усерднѣйшей преданности, съ коими честь имѣю пребыть,

милостивый государь, вашего высокопревосходительства

всепокорнѣйшимъ слугою

(на подлинномъ подписано:) К. Сербиновичъ.

Сентября 1840.

VIII.

УКАЗАТЕЛЬ.

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ обоихъ томахъ.

*

*

*

ОПЕЧАТКИ

во второмъ томѣ.

Стран.	Строк.	Напечатано	Должно быть.
3.	37.	управлеиія	управленія
4.	17.	чтобъ	чтобъ,
5.	15	разсудка.	разсудка,
21.	23.	м жетъ	можетъ
—	25.	од омъ	одномъ
27.	3.	какь	какъ
—	39	Переписка эта была напечетана	напечатано
50.	8.	Воспаленные нѣмецкіе	Воспаленныя нѣмецкія
55.	34.	рочиталъ	прочиталъ
63.	9.	праговорѣ	приговорѣ
65.	31.	е о	его
80.	22.	значать	значатъ
89.	27.	потеряхъ."	потеряхъ
94.	40.	па	на
112.	21.	крестьянство. Съ	крестьянство, съ
141.	22.	словесности.	словесности,
154.	5.	оное	оное,
198.	25.	ему	Ему
232.	35.	Евламній	Евлампій
233	17.	дородной	дородной,
269.	42.	доказано	доказана
282.	41.	выходитъ	выходитъ 48
290.	15.	разсмотренъ	разсмотрѣнъ
301.	6.	почятаю	почитаю
323.	19.	иное.	иное:
—	20	Вѣроятно	вѣроятно
330.	18.	страданіе	страданія
336.	30.	первые	первыхъ
—	31.	восемь	восьми

Стран.	Строк.	Напечатано.	Должно быть.
359.	8.	допустить	допуститъ
362	6.	больше	большее
365.	10.	уважаю.	уважаю
369.	39.	почию	почитаю
371.	24.	любопытствали	любопытствовали,
374.	38.	[4])	[1])
—	42.	[5])	[2])
375.	31.	убуди (а не убуди)	убу́ди (а не убуди́)
379.	9.	сего—то	сего-то
387.	19.	вшибки	ошибки
—	20.	несооршенный	несовершенный
395.	1.	и тиннымъ	истиннымъ
420.	10.	не возможно	невозможно
421.	34	новѣшему	новѣйшему
424.	31.	отзывающихся,	отзывающихся
433.	19.	по даютъ	подаютъ
434.	16.	сврдцѣ	сердцѣ
438.	38.	кн. 3	ч. 3
440.	32.	оначенными	означенными
—	42.	Почетпый	Почетный

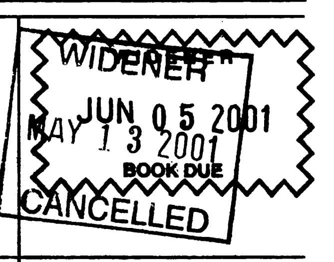
ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЯ ПРИМѢЧАНІЯ

ко второму тому.

---

1. — Стр. 145. — Стихотвореніе „Земная грусть“ написано Ѳ. Н. Глинкой и посвящено В. К. Кюхелбекеру. Напечатано въ 1821 г., въ 12-й книжкѣ Соревнователя просвѣщенія и благотворенія (ч. XVI), на стр. 348—353 Цензуровалъ Бируковъ.
2. — Стр. 218. — Въ разсказѣ Дютуа-Мамбрини не идетъ ли рѣчь о княгинѣ Орловой, женѣ кн. Григорія Григоріевича, умершей въ Лозаннѣ и похороненной въ тамошнемъ соборѣ?
3 — Стр. 334. — Генералъ Вильсонъ находился, во время отечественной войны, при нашей главной квартирѣ, въ качествѣ агента англійскаго правительства.

3 2044 011 400 116

WIDENER
JUN 0 5 2001
MAY 1 3 2001
BOOK DUE
CANCELLED

